

Т.Н. ПОПОВА

**ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ
БИЦИЛЛИ**

*портрет в манере
«СФУМАТО»*

Т.Н. ПОПОВА

**ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ
БИЦИЛЛИ**

*ПОРТРЕТИ В МАНЕРЕ
«СФУМАТТО»*

**Одесса
2021**

УДК 930.2(477)«18»

П 58

Рецензенты

С.В. Кульчицкий – доктор исторических наук, профессор
(Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины)

И.И. Колесник – доктор исторических наук, профессор
(Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины)

А.В. Ясь – доктор исторических наук, профессор
(Институт истории Украины Национальной Академии наук Украины)

Попова Татьяна Николаевна

П 58 Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато» / Т.Н. Попова. – Одесса: Бондаренко М.А., 2021. – 560 с.

ISBN 978-617-8005-16-0

Новая книга Т.Н. Поповой посвящена Петру Михайловичу Бицилли (1879-1953), профессору Новороссийского (Одесса) и Софийского университетов, выдающемуся историку с широчайшим диапазоном гуманитарного знания, на судьбу которого трагически повлияла геополитическая катастрофа начала XX века. Автор предлагает собственную версию персональной истории ученого и его наследия с акцентом на проблемы источниковой базы, стереотипы в трактовке ряда вопросов и ошибки фактографии в современной литературе. Основное внимание уделено четырем блокам проблем: генеалогия и семейная история; наставники и школа; эволюция структуры научных исследований; теоретико-методологическое кредо. Фокус авторской интерпретации – историографический.

УДК 930.2(477)«18»

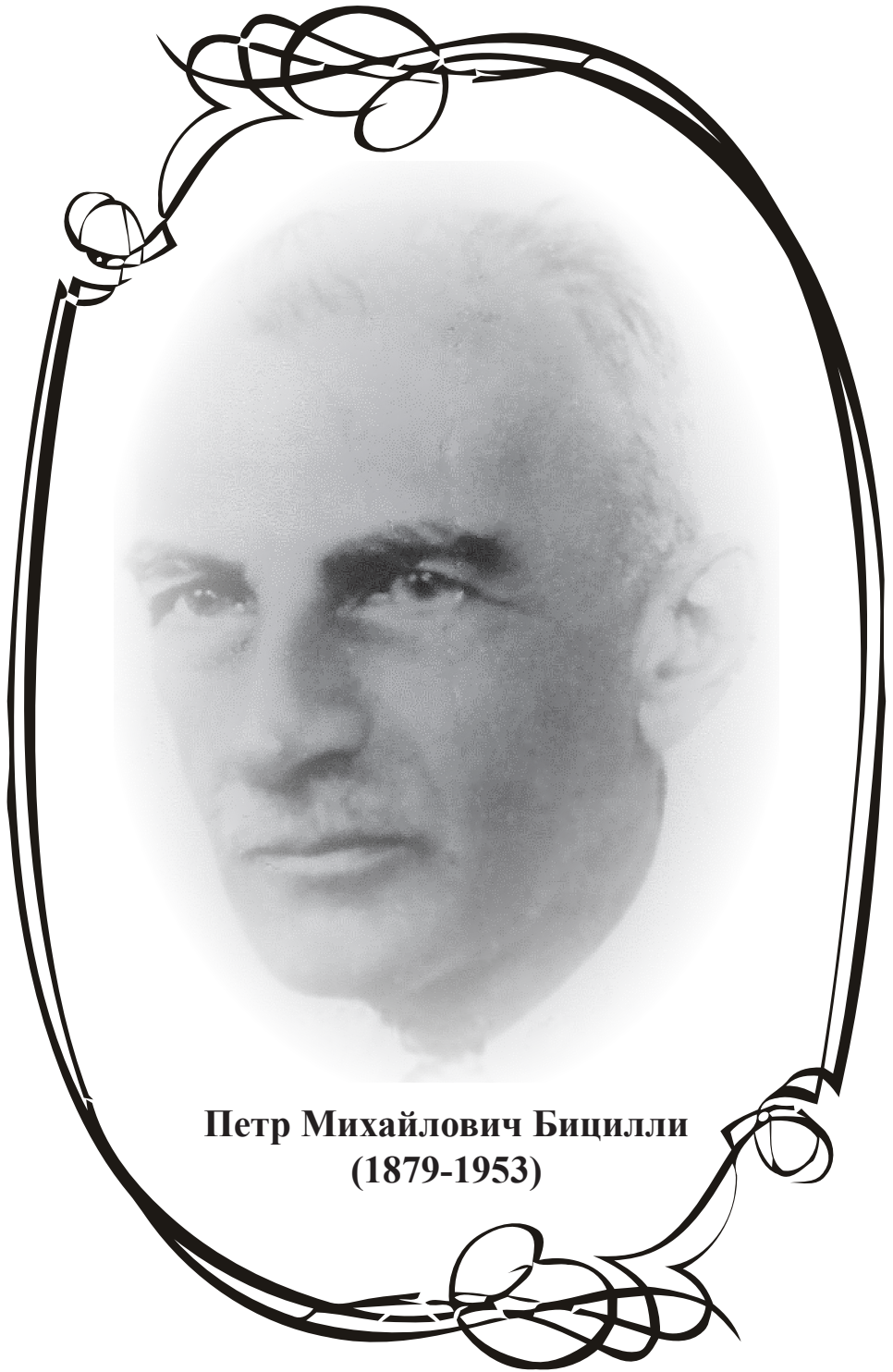
Книга рассчитана в первую очередь на бициллиеведов и специалистов-историографов, а также на всех, кто интересуется жизнью и творчеством Петра Михайловича Бицилли (1879-1953), вопросами истории и теории исторической науки, эмигрантоведения, биографистики и историей Одесского (Новороссийского) университета имени И.И. Мечникова.

ISBN 978-617-8005-16-0

© Т.Н. Попова, 2021

*Памяти моего мужа –
Сергея Владимировича Попова*

**Петр Михайлович Бицилли
(1879-1953)**

Оглавление

- I. Слово предваряющее (6)*
- II. Бициллиеведение: Имена и смыслы (16)*
- III. Бициллиана: Историкографический контур (50)*
- IV. Фрагменты персональной истории (108)*

- Семейный круг (113)*
- Из одесского периода (174)*
 - Поиск пути (174)*
 - Академическая карьера (186)*
 - Надежды и реалии (221)*
- «Исход» (256)*
- «Хождение по мукам» (265)*
 - Из югославского периода (265)*
 - Из болгарского периода (299)*

- V. Наследие: грани (336)*
- VI. Слово завершающее (520)*
- VII. Приложения (523)*

- Генеалогия Бицилли (523)*
- Генеалогия Вейнбергов (526)*
- Избранная библиография (529)*
- Авторская Бициллиана (547)*
- Литература об авторе (554)*

I. Слово предваряющее

*...мысль целиком жива для нас
только вместе с человеком,
который ее мыслил.*

Карл Ясперс¹

Петр Михайлович Бицилли (1879-1953), десятилетия пребывавший в полосе академического забвения, ныне – всемирно известный ученый, один из провозвестников научных направлений, развертывание которых приобретает свое ускорение в наши дни.

Судьба П.М. Бицилли первые сорок лет его жизни была неразрывно связана с южной Украиной и Новороссийским (Одесским) университетом, а последние тридцать – с Болгарией и Софийским университетом. Ученый широчайшего творческого диапазона, представитель научной эмиграции, он по праву занял почетное место в болгарской историографии, привнеся в нее лучшие традиции общероссийской университетской науки. Однако, высказав блистательные научные идеи, П.М. Бицилли в силу обстоятельств не вошел в историографическую классику – его имя дважды было предано забвению: Советская Украина вычеркнула его из своей официальной науки как эмигранта, а социалистическая Болгария заклеимила как «буржуазного ученого». Трагический модус биографии П.М. Бицилли обусловил длительный период «умолчания». И только с 1990-х гг. Бицилли не просто «вошел» – он «ворвался» в международное интеллектуальное пространство.

Интерес к научному наследию П.М. Бицилли сформировал самостоятельный поисковый ландшафт: его труды – крупнейший массив произведений по разным проблемам истории и социологии, лингвистики и литературоведения, философии и культурологии, опубликованные и рукописные, представленные в формате т.н. Интернет-ресурса, активно изучаются исследователями из разных стран, представителями многообразных дисциплинарных миров.

В наследие, оставленное нам, входит не только необозримый массив опубликованных и рукописных трудов Петра Михайловича,

¹ *Ясперс Карл*. Всемирная история философии. Введение / Перевод с немецкого К.В. Лоцевский. Санкт-Петербург: «Наука» РАН, 2000. С. 159.

в это наследие входит и сам Образ Ученого с его глубокой интеллигентностью, энциклопедической образованностью, невероятной скромностью и бесребренностью, бескомпромиссной преданностью Науке.

Возвращение Петра Михайловича Бицилли – величайший дар Истории, которой он посвятил свою жизнь. Главным содержанием его жизни было – изучать и преподавать историю, ибо, в первую очередь, он был блистательным историком. За какую бы тему не брался П.М. Бицилли, именно «исторический / историографический стержень» позволял ему решать сложнейшие философские, литературоведческие, культурологические и политические проблемы.

Исследовательский диапазон П.М. Бицилли как историка – от античности до новейшей истории, от западноевропейской до русской и украинской; история и теория исторической науки, история философии, история культуры, история литературы и проч. – во всех этих областях П.М. Бицилли оставил свой оригинальный, неповторимый след.

Сегодня с полной уверенностью можно сделать вывод: Петр Михайлович Бицилли принадлежит к тем ученым, масштабность наследия которых возрастает по мере приближения к ним.

* * *

В свое время Ю.М. Лотман ввел понятие «сфумато» как исполненную глубоким смыслом метафору¹.

Метафорический контекст «сфумато» позволил ученому придти к выводу о том, что *метафорическое мышление* как такое «может дать поэту или художнику новые образы, а изобретателю [читай: ученому. – Т.П.] – новые идеи».

«Сфумато» – (дословно: итал. «fumo» – «дым»; sfumato – задушёванный) – исчезающий, растворившийся, как дым. Для Леонардо да Винчи, фактического родоначальника художественной теории sfumato, это – «манера» живописания, обозначающая воздушное взаимопроникновение света и тени, светящаяся тьма и затемненный свет.

¹ См.: Лотман Ю.М. Биография – живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С. 228-236.

Для Лотмана-биографа¹ образ сфумато – «...изображение земного трехмерного пространства как тончайшего и радостного сфумато...» – проецируется в задачу автора, которая заключается в том, чтобы раскрыть «секрет психологического правдоподобия... взаимную необходимость разных жизней. Найти психологическую структуру личности. Одно просвечивает сквозь другое, вдохновение – сквозь глыбы жизненных обстоятельств, свет – сквозь дым. Портрет в манере *сфумато*...».

Подзаголовок в названии этой книги – «*Портрет в манере “сфумато”*» – означает исходную идею ее автора: «сфумато» – «исчезающий, как дым», метафора, смысл которой – неуловимость, непостижимость, неисчерпаемость биографического проникновения в тайны личности.

«Человек не равен своей биографии»: непосредственно воспринимаемый исследователем мир исторического бытия, как сказал когда-то П.М. Бицилли, – «хаотичен и бессвязен», и жизнь человека наполнена мелкими событиями – «хаосом быта», который в конечном счете определяет судьбоносные «силовые линии», детерминирующие и пронизывающие творческий процесс. Относительное преодоление этой «хаотичности» – в проникновении в многообразие взаимоотношений ученого с окружающим его миром людей, миром идей и миром вещей.

Разумеется, воссоздать жизнь человека, давно ушедшего, его личность, неисчерпаемость сюжетов и перипетий «хаоса быта» – практически невозможно, тем более что исследователь «связан» наличием источников, которых всегда недостаточно для полноценной картины, и собственной стратегией исследования – личностным ракурсом. При этом – дисциплинарность мышления (что бы мы не говорили о «междисциплинарности» сознания современного профессионала) всегда накладывает существенный отпечаток на создаваемый образ «героя». Филолог, философ, культуролог, политолог, историк и др. видят в своем «герое» и его наследии прежде всего близкие им дисциплинарно ориентированные черты и дисциплинарную тематику, даже если тезис о «синтетичности» его наследия будет исходным постулатом.

¹ Статья Ю.М. Лотмана посвящена проблемам психологического анализа, новым психологическим приемам в изображении личности в жизнеописаниях – художественных и научно-исследовательских.

Мы в состоянии лишь сконструировать *образ* нашего «героя» и его жизни – со всем искренним стремлением к воплощению максимально приближенного к оригиналу варианту, – но этот образ будет лишь одним из многих в бесконечных переливах сфумато, когда вдохновение просвечивает сквозь глыбы жизненных обстоятельств, «свет – сквозь дым»...

Данный пассаж отнюдь не агностичен, напротив, он ориентирует на множественность подходов даже при всей ограниченности единой биограммы¹, создание которой еще находится в поисковой стадии.

* * *

Современный биографический мир, как и мир вокруг него, видоизменяется: в столкновениях, переплетениях и взаимопроникновениях различных исследовательских линий – традиционных и революционно-новаторских – радикально обновляются подходы и методы постижения *истории Личности*.

«Биографический поворот» («Ренессанс» биографизма – научного биоисториописания) привел к тому, что биографистика / биографика / биографоведение за последние годы пополнились новыми «именами» – самоназваниями исследовательских направлений («персональная история» с ее модуляциями, «интеллектуальная биография» со множеством интерпретаций, «биографический мир» со сложной структуризацией и т.п.), в сонмище которых подчас теряются рядовые исследователи, хотя поиск и стремление к дифференциации биографических категорий – закономерность движения по пути расширения биографоведческого пространства, что включает и реактуализацию и ресемантизацию «старых понятий».

Среди аналитических структур биографизма – «История историков», или *биоисториография* («старое» название одной из обновляющихся ветвей современного био-письма), которая предстает сегодня в форме институционального таксона – проблемного поля / направления историографических исследований, относительно автономного раздела дисциплины историографии (истории истори-

¹ В нашем контексте *биограмма* – максимально полная и репрезентативная фактуальная база биографических сведений, которая в свою очередь является основой для построения различных типов жизнеописаний «героя».

ческой науки); ее контуры не имеют жесткой демаркации и тесно соприкасаются с историей науки и исторической биографией, биографистикой в целом и иными гуманитарными областями.

Единицей биоисториографического исследования выступает конкретный тип (модель) биоисториографического анализа (по аналогии с биографическим анализом); различия между отдельными типами / моделями – в специфике исследовательских задач, методологических ориентиров и в целом – предметной направленности, которая и определяет их своеобразие и жанровое разнообразие¹.

История историков – это и интеллектуальная биография, поскольку ее объект – представитель интеллектуальной сферы деятельности, и персональная история, нацеленная на историю жизни личности во всем ее многообразии и многосюжетности, и биографический мир (историк в многоцветье сетей-связей мира людей и мира вещей), и тезаурусная конструкция в персональных моделях, и «история историографии в человеческом измерении», объект которой – профессиональный автобиографизм, и многие иные направления современного био-письма². «Мультиперспективный подход» (Л.П. Репина) к «истории одной жизни» открывает широкие возможности для биографического эксперимента.

Подход автора к изучению жизни и творчества Петра Михайловича Бицилли – *биоисториографический*, это, прежде всего, – *история об историке*, получившем профессиональное университетское историческое образование и сохранившем «Чувство Истории» вне зависимости от того, какая сфера гуманитаристики его привлекала в тот или иной период жизни и творчества.

¹ См. вариант модели биоисториографического анализа: *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 41-49. [Часть первая. «Биоисториописание в контексте интеллектуальных стратегий»].

² См. подробнее: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 287-324 [Глава 7. «Персональная история: биография как средство исторического познания»]; *Попова Т.Н.* Биоисториописание в контексте научных традиций: концепты и модели // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Выпуск 53. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 30-53; *Она же.* В поисках азимута, или новые траектории «старого» биографизма // ПРОФЕССИЯ – ИСТОРИК (к юбилею Л.П. Репиной) / Отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 46-68; *Она же.* Биоисториография в структуре современного биографизма // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2017. Випуск 16. С. 192-207; *Она же.* Дисциплінарний образ науки: підходи і поняття. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. С. 254-265. [Раздел IV. «Вариации на тему. Биографистика»] и др.

Данное биоисториографическое исследование терминологически покрывается понятием *персональная история*.

Персональная история – это «... жизнь отдельного человека от момента рождения до момента смерти»¹, это «история одной жизни» во всей ее уникальности и в достижимой полноте². Несмотря на различные методологические стратегии, характерные для современной историографической практики персональной истории, главным смысловым стержнем выступает «неповторимость судьбы» изучаемого персонажа.

Персональная история ученого-историка состоит из двух взаимосвязанных биографических линий: биографии личности и биографии профессиональной. Реконструкция этих линий в обязательном порядке предполагает обращение к социокультурному контексту, а также историографический, библиографический и наукометрический анализ научного наследия.

Эти требования, учитывая незавершенность разработки практически ни одного из обозначенных структурных разделов персональной истории, отодвигают создание академически полноценного историко-персоналистического исследования, посвященного П.М. Бицилли.

* * *

Бициллиана – обширнейший пласт гуманитаристики. Определение стратегии бициллиеведческих исследований детерминирует фокус ретроспективного анализа, рефлексия относительно параметров когнитивной и социальной институционализации нового направления и узловых проблем изучения персональной истории Петра Михайловича.

Этот тематический круг составил основное содержание данной книги, которая не претендует ни на статус интеллектуальной биографии ученого, ни на завершенность бициллиеведческой аналитики, ни на исчерпывающую систематизацию всей фрагментар-

¹ Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. С. 46; 19.

² Ретина Л. Историческая биография и интеллектуальная история // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. Випуск 4. С. 441, 444.

ной фактографии, вошедшей в исследовательский фонд.

Данная книга – авторская попытка осмыслить некоторые теоретические и историографические вопросы нового научного поля и акцентировать внимание на мозаичном персонологическом материале с целью определения источниковых лакун.

В связи с этим архитектура текста представлена не в виде последовательно хронологической биографической канвы, воплощающей обычно традиционный подход – «жизнь и творчество»¹, – а в проблемно-фрагментарных разделах, не равноценных ни по объему, ни по фактуальным и источниковым² основаниям.

Биография, воссозданная в виде фрагментов, во многом следствие:

- ограниченности информационного поля,
- отсутствия на сегодняшний день достаточно полной и достоверной исследовательской базы,
- сомнений в эвристической ценности уже известных источников,
- дискуссионности целого ряда сформулированных в литературе концептуальных положений,
- консервации известного пакета штампов, кочующих из публикации в публикацию.

Мозаично-фрагментарный био-подход предполагает рассматривать каждый из фрагментов как определенную грань, в той или иной степени освещающую неисчерпаемый многогранник личности П.М. Бицилли, его жизни и его наследия.

Проблемный ракурс представляемого материала акцентуализирует спорные фактажные моменты и ориентирует на принципиально значимые поисковые поля.

¹ Раздел IV «Фрагменты персональной истории» построен с соблюдением *Curriculum Vitae* («бега жизни»), но не в линейной текстуре.

² Идея триединства исторического факта (уровня – по М.А. Баргу): факт-событие (а *ргіоті*) – факт-источник – факт-знание (научный факт, полученный в результате источниковедческих операций – «концептуализированный факт») не меняется в современных исследованиях, меняется лишь трактовка каждой из составляющих, их взаимосвязи и подчас – наименований. Исходя из «идеи триединства», понятия *источниковая база* и *фактуальная база* стоит разграничивать: *источниковая база* – блок различных по виду-типовой характеристике источников конкретного исследования; *фактуальная база* – блок научных фактов («факт-знание»), полученных в результате критического анализа источников, процедуры «обработки» фактов из источникового массива («факт-источник») с помощью репертуара источниковедческих методик, либо корпус фактов, составляющих генофонд определенного направления / проблемного поля исследований (а также – дисциплинарный генофонд), конвенционально признаваемый научным сообществом (на данном этапе освоения тематического пространства) в качестве «истинного знания».

Большинство материалов, вошедших в текст книги, были подготовлены и опубликованы мною ранее, начиная с рубежа 1980-1990-х гг.¹, при этом многие из источников – архивных, документальных, нарративных и прочих² – были введены впервые. Это касается преимущественно одесского периода жизни ученого и первых годов эмиграции.

К сожалению, личные обстоятельства не позволили мне продолжить архивные поиски³, поэтому новые данные черпались из оцифрованных материалов («Новороссийский календарь», «Памятная книжка для Херсонской губернии», «Вся Одесса. Адресная и справочная книга» и др.), из ряда публикаций на Интернет-сайтах, которые я сочла возможным использовать и проч. Ссылки на архивные документы, выявленные лично мною и чаще всего уже введенные в научный оборот в предыдущих публикациях, представлены в соответствии с нормативами; сведения, выявленные из архивных материалов другими исследователями, даются с указанием на архивы (для информации) и работы, в которых были опубликованы эти материалы.

Многие линии остались незавершенными, многие источники не обрели поисковый итог, многие факты не были уточнены. По-

¹ Ведущие публикации *Т.Н. Поповой*, в которых впервые был введен новый архивный и документальный материал. См.: О преподавании историографии всеобщей истории в Новороссийском университете в начале XX века (Одесса, 1992); Возвращение Бицилли (Одесса, 1999); К биографии П.М. Бицилли: Из истории одесского периода жизни (Воронеж, 2000); Из истории историографии: П.М. Бицилли. К 120-летию со дня рождения (Воронеж, 2000); К анализу научного наследия П.М. Бицилли (Брянск, 2004); П.М. Бицилли: размышления о творчестве (Киев, 2006); Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета (Одесса, 2007). [Раздел 6. «Судьбы ученых. Петр Михайлович Бицилли: “Исход” и возвращение»].; Бициллиеведение: информационно-аналитические комментарии: Круглый стол «Бициллиеведение в международном интеллектуально-пространстве: состояние и перспективы» (Киев, 2008); П.М. Бицилли: проблема наставников и школы (К 130-летию со дня рождения) (Омск, 2009); Бициллиеведение: состояние, проблемы, перспективы (София, 2010); Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика» (Одесса, 2017). [Раздел: «Приближение к Бицилли»]; Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия (Одесса, 2019). [Раздел: «Вариации на тему. Бициллиеведение»]; *Попова Т.Н., Левченко В.В.* П.М. Бицилли: фрагменты семейной истории (Брянск, 2018) и др. [См. Раздел VII: «Авторская Бициллиана»]. Эти материалы с принципиальными уточнениями и дополнениями составили основу данной книги.

² Для простоты изложения я нарушаю традиционную классификацию источников.

³ См.: *Попова Т.Н.* Авто-био-историографические заметки. Одесса: Бондаренко М.А., 2020. С. 53-55.

этому, рассчитывая на последователей, я избрала формат подачи материала как *фокусно-ориентированные тексты*, в которых обозначен спорный фактаж и сделан акцент на отсутствие достоверных сведений по конкретным вопросам и сюжетам, а также приведены данные (из разнообразных источников), представляющие собой «информацию для размышления», и сформулирован блок вопросов, требующих более аргументированных ответов.

Многие вопросы, проблемы, сюжеты имеют определенную повторяемость практически во всех частях книги, но в разных контекстах, с различной фокусировкой и оптикой рассмотрения. Этот прием «кружевного плетения» неизбежен и осознанно применим с целью более глубокого осмысления достаточно сложного тематического пространства. Формат многообразных ремарок и экскурсов (включая кавычки и курсив) позволяет в нелинейной плоскости текстуры соединить несоединимое – мысли, цитаты, информацию, мнения и т.п. из разных источников и разных концептуальных миров, – что сложно сделать в рамках традиционного линейного историописания.

Для меня идеалом научной стилистики всегда были тексты Петра Михайловича Бицилли – с его «кружением» вокруг одной и той же темы, рассмотрением ее в разной плоскости и при разной степени увеличения¹, с его экскурсами, на первый взгляд казалось бы не вписывающимися в общую проблематику исследования, но на деле органично дополняющими сюжетные линии.

Позволю себе сослаться еще на одного великого историка – Фернана Броделя, который признавался в своем знаменитом труде об истории Франции в том, что наличие «неизбежных повторов», возвращение к тому, что уже было сказано в предыдущих главах, объясняется сложностью возложенной задачи, невозможностью «оставаться в заранее очерченных пределах»².

Разумеется, я лишь скромный подмастерье, пытающийся уловить неповторимость почерка Великих Мастеров...

* * *

¹ Этот подход к структуре и архитектонике текста приобрел одну из своих совершенных форм в книгах *Л.Н. Гумилева*: «взгляд из мышиной норы», «взгляд с пригорка», «взгляд с птичьего полета» и т.п.

² См.: *Бродель Ф.* Что такое Франция? / Пер. С.Н. Зенкина, В.А. Мильчиной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. Кн. 1. URL: http://yakov.works/libr_min/02_b/ro/del_02.htm

Мир Петра Михайловича Бицилли – необъятен и, вероятно, неподвластен для одного исследователя. Уверена – в перспективе появятся новые¹ историко-персонологические обобщающие труды представителей разных сфер гуманитаристики и различных разделов исторической науки, которые, взаимодополняя друг друга, создадут монографический синтез жизнеописания этого удивительного человека и блистательного ученого.

* * *

Благодарности:

Спонсорам – людям великодушным и скромным –
за участие в этом проекте.

Друзьям – *Кириченко Елене Ивановне,
Черных Сергею Дмитриевичу
и Валентине Григорьевне,
Гребцовой Ирэне Светозаровне*
– за постоянное внимание, поддержку и теплоту.

Коллегам – *Елене Владимировне Бевзюк,
Инне Владимировне Голубович
и Светлане Андреевне Булатович*
– за плодотворное сотрудничество.

Ученикам и близким –
*Игорю Студенникову, Анечке Руденко
и Леночке Вуйко, Ванечке Коновалову,
Людочке Баран, Валерию Левченко*
– за бескорыстную помощь.

¹ Первые монографические исследования историко-персонологического плана, посвященные П.М. Бицилли, принадлежат М.Н. Велевой (Болгария) и М.А. Бирману (Израиль). См.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. 162 с.; *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.

II. Бициллиеведение: Имена и Смыслы

Ну що б, здавалося, слова...

Т.Г. Шевченко¹.

...наука есть ничто иное, как система понятий...

П.М. Бицилли².

Размах бициллиеведческих изысканий в последние годы, значительная темпоральная длительность «приближения к Бицилли» позволяют констатировать факт институционализации *бициллиеведения*, которое предстает как относительно автономное, полидисциплинарное по структуре и многонациональное по составу репрезентантов научное направление в области гуманитаристики.

Бициллиеведение сегодня характеризуется не только постоянно увеличивающейся фактуальной (эмпирической) базой, но и рефлексией относительно самого исследовательского процесса, категориальным синтезом, итогом которого является формирование понятий и категорий, требующих своей предварительной экспликации.

Институционализация

Термин институционализация с 1960-х годов активно вошел в западную социологию науки и в 1980-е годы утвердился в советском науковедении. В 1990-е – спорадически, а с 2000-х годов этим термином достаточно широко стали пользоваться историки и представители иных социогуманитарных профессий во всем восточноевропейском регионе³.

¹ *Шевченко Тарас*. Кобзар. Київ: Дніпро, 1971. С. 325.

² См.: *Бицилли П.М.* Проблемы современной истории. Вступительная лекция, читанная 10 марта 1924 г. // *Годишник на Софійския университет. Историко-филологически факултет*. 1924. Т. XX. С. 3.

³ Среди первых публикаций в Украине по институционализации историографии см.: *Попова Т.Н.* Об институционализации историографии // *Історична наука на порозі XXI століття: підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції* (м. Харків, 15-17 листопада 1995 р.). Харків: Авеста, 1995. С.77-82; *Она же*. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С. 135-191. [«Экскурс: Об институционализации историографии»].

Традиционно под «*институционализацией науки*» понимали процесс формирования науки как социального института. Длительное существование двух классических типов анализа науки – когнитивного и социального в рамках их альтернативности – обусловило разделение предметных областей при изучении истории науки: как системы знания (стадиально более ранняя традиция) и как социального института. Это в свою очередь привело (в традициях западной науки) к формированию двух дисциплинарных полей: интеллектуальной истории науки и социальной истории науки. При этом институционализацию обычно связывали исключительно с социальными формами организации научного знания. С 1970-х гг. обозначился четкий переход от изучения отдельных параметров развития научного знания к анализу их совокупности.

Интерпретация понятия «институционализация» имеет разные подходы.

Институциональное развитие науки воспринимается как смена / трансформация социальных форм, в которых по определенным правилам осуществляется деятельность учёных по производству, распространению и применению в обществе нового знания, а также по подготовке новых поколений учёных. В эволюции институциональных форм обычно выделяют основные стадии развития институтов науки: любительская наука, академическая, университетская и прикладная наука, связанная с промышленностью и государственными программами.

Процесс институционализации рассматривают как «многомерный», характерный для всех сторон науки – когнитивных, популятивных, коммуникативных и др. Ведущие линии этого процесса:

1/ формирование специализированной автономной организации науки (системы учреждений с комплексом нормативов их деятельности);

2/ складывание «научных сообществ» со своей идеологией, ценностями и нормами, определяющими систему поведения и коммуникации между учеными;

3/ установление взаимопонимания между членами научного сообщества в отношении целей и содержания своей научной деятельности.

Таким образом, институциональный процесс соотносят не только с созданием различных социальных / организационных

форм науки, но и с формированием системы ценностей и норм, регулирующих деятельность ученых, с интеграцией науки в социокультурную систему общества, при этом выделяют две составляющие процесса – внутреннюю логику становления научных областей по предметно-методологическому принципу и административно-организационную.

Когнитивные и социальные аспекты науки соединяются в едином процессе ее формирования как социокогнитивной системы, а институционализация предстает в качестве «системообразующего фактора современной науки»¹.

«Институциональную сеть» рассматривают как базовую подоснову системы любого научного знания, которая обеспечивает его трансляцию и циркулирование как в границах профессиональной корпорации, так и в социуме².

Исходя из признания единства двух аспектов научной деятельности, выделяют два «типа институционализации» – когнитивный и социальный:

- 1) *когнитивная институционализация* предполагает взаимопонимание между учеными на уровне когнитивных параметров науки, способствуя их консолидации на исследовательском уровне;
- 2) *социальная институционализация* определяет степень интегрированности «интеллектуального движения» (научного сообщества, объединенного взаимопониманием содержания и специфики своей научной деятельности) в социальных структурах.

Степень когнитивной институционализации – показатель *когнитивной идентичности*, т.е. способности отличать «свою» область от других и осознание принадлежности именно к данной когнитивной структуре³.

¹ См.: Дисциплинарность и взаимодействие наук. / Отв. ред. Б.М. Кедров и Б.Г. Юдин. М.: Наука, 1986. С. 102-106, 274; *Огурцов А.П.* Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование / Ред. П.П. Гайденко. Москва: Наука, 1988. 256 с.; *Юдин Б.Г.* История советской науки как процесс вторичной институционализации // *Философские исследования*. 1993. № 3. С. 83-106 и др.

² См.: *Ясь О.* «На чолі республіканської науки...». Інститут історії України (1936-1986). Нариси з інституціональної та інтелектуальної історії (До 80-річчя установи) / Вступне слово та наук. ред. Валерія Смоля. Київ: НАН України, Ін-т історії України, 2016. С. 13.

³ См.: *Уитли Р.* Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // *Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов [с англ. и нем.] / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э.М. Мирского, Б.Г. Юдина; [пер.*

Основываясь на «параметрическом образе» науки и «социокогнитивном подходе» к ее исследованию, институциональный процесс целесообразно рассматривать в двух взаимосвязанных плоскостях.

1/ *Когнитивная институционализация* проявляется в формировании когнитивных параметров нового научного направления:

- исследовательская проблематика,
- источниковая и фактуальная базы¹,
- теоретико-методологический аппарат,
- концептуально-парадигмальные основы и т.п.),

отражая процесс установления взаимопонимания между учеными в отношении основных «сегментов» научного знания и способствуя тем самым их объединению на исследовательском уровне.

2/ *Социальная институционализация*:

- складывание научного сообщества, идентифицирующего себя с новой исследовательской областью;
- формирование системы специализированных учреждений, включая «дидактический компонент»;
- появление информационно-коммуникативных форм: специализированных изданий, тематических конференций и т.п., интернет-ресурса и проч.

Когнитивные и социальные аспекты институционализации взаимосвязаны, однако развитие конкретных социальных и когнитивных компонентов институционального процесса чаще всего неравномерно, что определяется не только спецификой имманентного развития нового исследовательского направления, но и зависит во многом от различных социокультурных факторов, механизмов интериоризации и проч.

«Фактор институционализации» (понятие, введенное Ричардом Уитли, Манчестерский университет) означает степень когерентности – «сцепления» – когнитивных и социальных компонентов в процессе формирования нового научного направления.

По мнению большинства исследователей, основные параметры институционализации приобретают свой завершенный образ

с англ., нем.: Л.А. Седова, М.К. Петрова, А.П. Огурцова; науч. ред. Л.В. Блишников]. М.: Прогресс, 1980. С. 220-228.

¹ *Источниковая база* – комплекс выявленных источников «по теме»; *фактуальная база* – фактологический комплекс – суммация фактов, введенных в научных обиход в результате источниковедческого анализа и конвенционально признанных как «истинные».

на *дисциплинарной стадии развития науки*. Институционализацию как тип организации науки традиционно соединяют с понятием «научная дисциплина» как формой или уровнем ее организации, т.к. именно «дисциплинарность науки» характеризует наивысшую степень ее институционализации, а сама научная дисциплина в этом случае рассматривается как «институциональная единица / таксон».

На дисциплинарной стадии своего развития наука приобретает системную определенность: складывается когнитивная система в неразрывном взаимодействии с организационной системностью научной деятельности – инфраструктурой и социокультурной интегрированностью в социуме.

Экскурс: О дисциплине и дисциплинарности

Проблема дисциплины и дисциплинарности в наукознании (= комплекс наук о науке) как предмет исследовательского интереса за последние десятилетия пережила падения и взлеты. Еще недавно дисциплинарное строение науки считали анахронизмом: на первый план выдвигался проблемный образ науки и проблемно ориентированная организация науки, идея междисциплинарности нивелировала идею дисциплинарности.

Однако приблизительно с 2010-х гг. о себе заявил «дисциплинарный поворот»: были «проблематизированы вопросы об основаниях исторической дисциплины»¹ – ученые пришли к выводу о том, что «...дисциплинарная матрица обнаружила способность к восстановлению...»²; в междисциплинарности выявились собственные проблемы, а институциональные структуры, несмотря на лозунг «раздисциплинирования науки», упорно не желали уступить своих дисциплинарных позиций.

Дисциплинарный поворот (один из многочисленных поворотов в эпистемологических поисках ученых) – своеобразный «ренессанс дисциплинарного принципа»³ – спровоцирован целым

¹ Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография / Под общей редакцией З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С. 19.

² Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 550.

³ Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 7-38.

спектром разнообразных факторов:

- *интеллектуально-научных* (кардинальная смена научно-мировоззренческих платформ, трансформация дисциплинарных полей, размах междисциплинарных исследований наряду с обозначившимися проблемами собственно междисциплинарности, углубляющаяся дифференциация научного знания, вступление в «историографический возраст» научной мысли, интенсивные поиски новых эпистемологических идеалов, которые чаще всего происходят на позициях «отрицания» предшествующего опыта, «ветшание» классической академической системы знания, расслоение научных сообществ, теряющих базовые основы профессиональных принципов и т.п.);
- *социокультурных* (наметившийся кризис либеральной идеи и мультикультурализма, толерантность «без берегов», утверждение «общества потребления» с его мозаично-фрагментарным мышлением, с амбициозностью и агрессивностью невежд, с масс-культурой и информационными «фейками», подменой и смещением основополагающих культурных понятий / ценностей, с тенденцией трансформации демократии в охлократию и т.п.);
- *геополитических* («конец знакомого мира» / И. Валлерстайн / ознаменовался перманентными гибридными войнами, разрушением межгосударственной «договорной системы» и игнорированием международных норм во взаимоотношениях стран и народов, практическим санкционированием системы «двойных-тройных- и т.п.» стандартов общения, расцветом политического «закулисья» и т.п.).

В основе этих «тектонических сдвигов» – разрушение (среди прочих) идеи дисциплинарности – цивилизационного феномена, конституционного стержня существования государств, которую пытаются изъять из обихода сообществ, превращая их из собственно со-обществ, т.е. структур, объединенных некой общностью взглядов, норм общежития и правил деятельности, в аморфные, не поддающиеся когнитивной интерпретации, явления.

«Дисциплина» в широком значении этого слова – неотъемлемая форма социального бытия. Пронизывая все сферы социума, устанавливая правила общественных связей и отношений, поддерживая и сохраняя некий «порядок вещей», дисциплина способствует

ет нормальному функционированию и воспроизводству социума.

Институционально-дисциплинарные процессы в науке как компоненте социокультурного организма в целом имеют относительную автономию, но неразрывно связаны с единым «регламентационным» цивилизационным процессом.

«Дисциплинарный поворот» в науке – не возвращение назад к дисциплинарному образу эпохи классической науки, а новое видение организации науки как симбиоза дисциплинарного и проблемно ориентированного пространств единого поля научного познания, это – перемещение фокуса исследовательского интереса от дисциплинарности к междисциплинарности и далее – к восприятию этих форм бытия науки как взаимодополняющих.

Ремарка-мнение. Современная наука имеет проблемно-дисциплинарную структуру и три «фазы» функциональной деятельности с точки зрения «движения» знаний и их институционализации. *Первая фаза* – проблемно ориентированные исследования, т. н. «передний край» науки, осуществляющий «прорыв» в познании чаще всего на «перекрестке» дисциплинарных традиций и таким образом междисциплинарно нацеленный. *Вторая фаза* – научная дисциплина как исследовательская сфера дисциплинарной организации: здесь аккумулируются и апробируются новые идеи часто в борьбе с устоявшимися канонами; «пробивает» себя новое научное направление и происходит (или не происходит) его институционализация. *Третья фаза* – «учебный лик» науки, в рамках которого передаются неопитам новые научные нормативы.

Практика показала, что разнообразные формы «междисциплинарности» вырабатывают собственный механизм регулятивов, создавая таким образом новый «образ дисциплинарности в междисциплинарности».

Каждая научная дисциплина как определенный таксон, или форма институционального процесса, имеет свой «персональный маршрут»: ее возникновение и развитие – процесс многофакторный и далекий от линейности.

Кроме того, в зависимости от культурно-научных традиций одна и та же область знания в конкретных национально-государ-

ственных границах (или шире – в пределах определенных научных ареалов, например, евроатлантического и восточноевропейского) приобретает свой самобытный силуэт. Специфика проявляет себя в дисциплинарном или недисциплинарном статусе, в самонаименовании, в проблемно-предметном поле, в структуре и ментальности научного сообщества и т. п.

Следует учитывать и тот факт, что универсальной модели научной дисциплины не существует, поскольку подходы к ее изучению были всегда детерминированы ее образами — онтологическим, гносеологическим, методологическим, организационно-коммуникативным, деятельностным, когнитивно-мировоззренческим и др.

На сегодняшний день предложен значительный репертуар дисциплинарных моделей, среди которых с большой долей условности можно выделить три типа:

1) *институционально-дисциплинарные модели*, в которых акцент сделан на институциональных процессах;

2) *популярные модели* с акцентом на характеристику дисциплины в качестве сообщества;

3) *комплексно-параметрические модели*, в которых в той или иной степени объединяются разные параметры дисциплинарности: когнитивные, социальные, инфраструктурные, деятельностные, аксиологические, дискурсивно-стилевые, коммуникативные, дидактические и проч.; к этому типу принадлежит большинство моделей¹.

Дисциплинарная модель науки / научной дисциплины может быть представлена в следующих вариантах.

I вариант. В стадильном ракурсе научную дисциплину можно представить как наиболее высокую степень институционализации, уровень, на котором дисциплина предстает как социокогнитивная система, вписанная в определенный социокультурный контекст. Компоненты системы:

1. *Дисциплинарный субъект* (в личностном / ученый / и коллективном / научное сообщество / измерениях), который:

- идентифицирует себя со своей дисциплиной и имеет самоназвание, соответствующее наименованию дисциплины;
- придерживается системы общепризнанных канонов, дисциплинарно-научных образцов и идеалов;

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. С. 238–247, 372–373.

- способен вырабатывать стратегии по поддержанию своего профессионального статуса: утверждать «имя» своей дисциплины и ее «гражданский статус» как самостоятельного профессионального образования в научном сообществе в целом, в социокультурном и политическом пространстве.

Ремарка-уточнение. Как член научного сообщества и одновременно как индивидуальность, обладающая неповторимым набором личностных свойств и психофизиологической структуры, ученый-исследователь, находясь в перманентном состоянии «амбивалентности» (Р. Мертон), всегда вынужден делать выбор, балансируя между дисциплинарными стандартами и личностными пристрастиями; его креативно-творческий потенциал проявляется в том, какое место он займет между этими полюсами.

2. *Когнитивная система* включает:

- исследовательскую проблематику;
- фактуальный блок (дисциплинарный фонд научного знания – «генофонд» дисциплины);
- источниковый блок (дисциплинарный фонд источников – источниковедческая база дисциплины);
- методы, методологии и теории познания;
- категориальный аппарат;
- концептуальный аппарат.

Важнейшим показателем завершения дисциплинаризации является формирование рефлексивного уровня дисциплинарного знания, в который наряду с теоретико-методологическим входит блок историографического знания (комплекс исследовательской литературы) и дисциплинарная история.

3. *Инфраструктура* – система обеспечения когнитивной системы – включает:

- систему специализированных научных учреждений с самоназваниями, соответствующими наименованию дисциплины;
- систему профессионального образования (с соответствующим дисциплинарным «учебным ликом» и его самона-

званием), цель которой – сохранение и передача традиций («дисциплинарной матрицы»), воспроизводство научного сообщества в общепринятых для данного этапа развития науки нормативах;

- систему книго- и архивохранилищ и специализированную информационную систему, включая электронный ресурс;
- систему издательств / издания научной продукции;
- коммуникационную систему – формы научного общения (формальные и неформальные);
- материально-финансовую базу;
- систему вознаграждений и квалификационных нормативов профессиональной деятельности и т. п.

Социокультурная система (социокультурное пространство) – политико-идеологические, социальные, информационные, ментальные структуры, духовная и интеллектуальная культура социума в конкретном регионально-темпоральном режиме; это – условия, в которых происходит возникновение и функционирование научной дисциплины как социокогнитивной системы.

II вариант – в основе «параметрический образ науки» с системой маркеров:

- дисциплинарный субъект – научное сообщество специалистов в данной области знания, идентифицирующих себя со своей дисциплиной, обладающих дисциплинарным стилем мышления и «дисциплинарным видением»;
- система конвенциональных основ в понимании представителями научного сообщества содержания своей научной специализированной деятельности и принятия общепризнанных дисциплинарно-научных исследовательских канонов;
- корпус дисциплинарного знания, имеющий подвижные контуры в связи с перманентным пересмотром т.н. «объективно-истинного знания», откладываемого в «дисциплинарную копилку» – «дисциплинарный генофонд»;
- наличие рефлексивного уровня дисциплинарного знания – истории и теории, дисциплинарной истории самой научной дисциплины;
- наличие т.н. «гражданского статуса»: утверждение «име-

ни» данной научной дисциплины; ее признание как относительно автономного профессионального образования членами научного сообщества, культурными и политико-идеологическими структурами конкретного социума, устанавливающими собственные отношения с данной дисциплиной;

- система специализированных научных учреждений со своей идеологией и этосом;
- система профессионального специализированного образования, в которой закрепляется «учебный лик» данной научной дисциплины, создаются нормативные компендиумы, осуществляется передача традиций в процессе подготовки новых поколений специалистов-профессионалов;
- специализированная информационная система (библиотечные каталоги, информационные издания, для современного периода – тематические сайты в Интернете и др.);
- коммуникативная система – формы научного общения: конференции, съезды, симпозиумы, круглые столы и проч.; специализированные издания, в том числе – научная периодика и др., а также формы неформальных контактов (личные встречи, переписка, «мобильная связь» и т. п.);
- система материально-финансового обеспечения дисциплины;
- способность научного сообщества вырабатывать стратегии по поддержанию своего профессионального статуса.

III вариант – модель триадной системы, вписанной в социокультурное пространство.

I. Дисциплинарное научное сообщество.

II. Дисциплинарная матрица (модель Т. Куна с вариациями).

III. Инфраструктура.

Ремарка. Предложенные модели – как любые иные – рабочий инструмент в исследовательской деятельности. Подчиняясь стратегии поиска, модели будут менять свою конфигурацию, уточняться и корректироваться, отражая в первую очередь авторское – творческое – начало как безусловный атрибут науч-

ного познания вне зависимости от любых дисциплинарных ограничений.

В стадияльном ракурсе научную дисциплину можно представить как наиболее высокую стадию институционализации¹, уровень, на котором дисциплина предстает как социокогнитивная система, вписанная в определенный социокультурный контекст.

Если научная дисциплина – это сложившаяся социокогнитивная система, развитие которой происходит уже в дисциплинарном формате, то стадияльно предшествующие институциональные формы могут иметь вариативное разнообразие:

- «невидимый колледж»,
 - ветвь,
 - область,
 - отрасль,
 - направление,
 - проблемное (исследовательское) поле / пространство и т.п.,
- которые, как и научная дисциплина, предстают в качестве «институциональных единиц / таксонов».

Институциональные процессы, безусловно, имеют свою специфику в зависимости от характера той или иной ветви научного знания, от национально-региональных особенностей научного (как части культуры) развития; при этом важно различать степень и формы когнитивной институционализации на разных уровнях социальной интегрированности.

Институциональный процесс в науке – процесс делящийся, и на каждом темпорально-региональном уровне имеет свой «клик». Многообразие институциональных таксонов фокусирует внимание как на необходимости их картографии, так и на выработке моделей институционального анализа.

Каждая дисциплина имеет свой – «персональный маршрут» и свое «дисциплинарное лицо»². Процесс дисциплинаризации отдельной отрасли научного знания неповторим и зависит от многих

¹ Схема институционализации и модель научной дисциплины во многом совпадают и включают пересекающиеся параметры, что свидетельствует о взаимосвязанности этих процессов.

² При этом стоит отличать НД с междисциплинарным арсеналом от НД как междисциплинарной области знания.

факторов: от специфики конкретного знания («знаниевой специфики»), от особенностей институционального процесса, от социокультурной историко-конкретной неповторимости (меняющихся условий, в которых происходит «движение» данной области знания), от роли лидеров, субъектов, «носителей» / репрезентантов этого знания, от политики внутринаучного социума и внешне-политических реалий и т. п.

Все эти и многие иные явления так или иначе детерминируют формирование институциональных параметров, и сам процесс институционализации может привести к высокой стадии / форме институционализации, которая соотносима с научной дисциплиной как завершенной социокогнитивной системой, и в то же время предстать как определенный институциональный таксон с меньшей степенью интегрированности (на когнитивном и социальном уровнях): проблемное поле, направление, научное движение, «невидимый колледж» и т. п.

Кроме того, дисциплинарная завершенность (конституирование) конкретной области знания происходит в общедисциплинарном (и шире – в общенаучном) пространстве, на пересечении разнообразных когнио-социо-культурно-идеологически-политических и прочих линий, непосредственно / опосредованно влияющих на итоговый статус, который обретает эта ветвь научного знания.

Немаловажная роль принадлежит активной позиции ученых, представителей конкретной области знания: их «подвижность» и «дисциплинарный патриотизм» во многом влияют на «дисциплинарное движение» и его конечную форму. Дисциплинарная история предполагает не только анализ процесса институционализации / дисциплинаризации со всеми его конфигурациями, но и результат этого процесса – итоговую форму, тот статус, который придается данному знанию по общепризнанной шкале в иерархии научных единиц определенного интеллектуально-культурного пространства.

Бициллиеведение

*Когда звезде подыщем мы
Её единственное имя —
Она, с планетами своими,
Шагнёт из немоты и тьмы.*

Александр Аронов

(Из цикла «Неэвклидова лирика»: «Легенда»)¹

Феномен *бициллиеведения* (как и любая система знаний) требует своего инструментария, в первую очередь – категориального аппарата. Появление нового исследовательского поля в гуманитаристике характеризуется постоянно растущей эмпирической базой и категориальным синтезом, итогом которого является образование новых понятий.

Сегодня уже сформировался блок понятий, которым активно оперируют исследователи: *бициллиевед*, *бициллиеведческие труды и публикации*, *бициллиеведение* (впервые вводит М.А. Бирман)², *институционализация бициллиеведения*, *бициллиеведческий процесс*, *историографические ландшафты бициллиеведения*, *параметрический образ бициллиеведения*, *периодизация бициллиеведения*³.

Появление этих понятий, безусловно, связано с началом рефлексивного освоения темы «Бицилли».

Самоназвание – едва ли не главный показатель институционализации науки, маркер самоидентификации исследователей, репрезентантов новой области знания.

Для А.Ф. Лосева – «имя и есть сама вещь»: «Знать имя – зна-

¹ Александр Яковлевич Аронов (1934-2001) – из плеяды поэтов-«шестидесятников».

² См.: *Бирман М.А.* А.П. Мещерский (1915-1992). Несколько страниц к биографии первого «бициллиеведа» // Полотропов. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 800, 803; *Он же.* П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М., 2006. С. 636.

³ См.: *Попова Т.Н.* Бициллиеведение: информационно-аналитические комментарии (Круглый стол «Бициллиеведение в международном интеллектуальном пространстве: состояние и перспективы». X международная научная конференция «Българите в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г.) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Інститут Історії НАН України. Київ, 2008. Випуск 3. С. 389-423; *Она же.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 277-313 и др.

чит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле. Знать имя вещи – значит быть в состоянии общаться и других приводить в общение с вещью»¹. Однако «общение» возможно лишь на условии различения «себя-от-других», в процессе и в результате самоидентификации. Уровень и формы этого «различения», безусловно, имеют социальную градацию.

Тем не менее, самоидентификация любого явления начинается с осознания принадлежности ему его имени, с наделением любого явления *его именем*, что позволяет этому явлению приобрести определенный социальный статус: «...только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления...»². Осознание собственной сущности и наделение этой сущности собственным именем – процесс рефлексивный, результат самоанализа / самопознания.

С введением понятий «бициллиевед» и «бициллиеведение» происходит нечто подобное тому, что в свое время происходило с понятиями «историограф» и «историография». Как считается, в XIV в. во Франции появился термин «историограф»; его распространение и трансформация в европейских странах (от обозначения художника, рисующего миниатюры на исторические темы сначала в рукописных, а позже в печатных трудах по истории / а la иллюстрации/, до официальных писателей «национальных историй» и, наконец, до широкого круга авторов разнообразных исторических сочинений) привели к возникновению и утверждению в XVIII в. понятия «историография» как комплекса работ на историческую тематику, создания исторических сочинений («историописание»), а затем – аналога самой исторической науки.

Схему институционализации бициллиеведения по «именному» параметру можно условно представить по следующей схеме:

I. Поскольку возникновение новой «идеи» (новой проблематики исследований: изучение жизни и творчества П.М. Бицилли) связано с ее «носителем» – субъектом-исследователем, научная деятельность которого приобретает свою тематическую специфику, постольку саморефлексия исследователей наследия П. М. Бицилли требует самоидентификации, выражающейся в первую очередь в «социализации» своего «особого» места в научном поле в форме

¹ Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. С. 185.

² Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. С. 20.

«самонаименования», т.е. в появлении собственного «имени» – **бициллиевед.**

2. Расширение диапазона результатов исследовательской деятельности «бициллиеведов» рождает и новые «названия-имена» для самой научной продукции – **бициллиеведческие труды и публикации.**

3. Возникновение терминов «бициллиевед», «бициллиеведческие труды», «бициллиеведческие публикации» приводит к рождению понятий **бициллиеведение, бициллиеведческий процесс, институционализация бициллиеведения**, когда речь идет уже не только об анализе бициллиеведческой литературы, но о формировании сложной социокогнитивной системы, представляющей собой относительно самостоятельное структурное подразделение гуманитарных исследований.

4. Качественно новый этап – осмысление всего процесса «изучения Бицилли» в регионально-хронологических и меж/дисциплинарных координатах с учетом когнитивных и социальных параметров нового научно-исследовательского явления – детерминирует в свою очередь закрепление его самоназвания: **бициллиеведение.**

Именно в «имени» сконцентрирована социальность нового когнитивного образования, и появление «самоназвания» – принципиальный показатель институционализации нового исследовательского направления.

По традиции подобные персонологические направления историко-биографического плана называют по имени «героя», например: «карамзиноведение»¹, «пушкиноведение», «лермонтоведение», «грушевськознавство», «франкознавство», «костомаровознавство»², «гоголезнавство»³ и т.п.

¹ Определяется как одно из направлений историко-литературной науки в России. См.: «Карамзинские чтения» – 2019 (Ульяновск).

² См.: *Смолий В.А., Пінчук Ю.А., Ясь О.В.* Микола Костомаров. Віхи життя і творчості: Енциклопедичний довідник. Київ, Вища школа, 2005. С. 9; *Дорошенко В.* Радянське франкознавство // Збірник «Української літературної газети». Мюнхен, 1957. С. 29-47; *Ковач В.* Силуэты в романтическом ореоле. Одесса: Оптимум, 2000. С. 226, 228; *Захаров В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова / В.А. Захаров; Российская лермонтовская комиссия; [предисл. В.А. Мануйлова]. изд. 2-е, доп. Москва: Русская панорама, 2003. 703 с. и др.

³ В «Енциклопедії Сучасної України» «гоголезнавство» определено в качестве научной дисциплины, объединяющей исследования разных аспектов жизни и творческого наследия Н. Гоголя. См.: *Енциклопедія Сучасної України*. Т. 6: «Го» – «Гю» / Гол. редкол.: Дзюба І.М., Жуковський А.І., Железняк М.Г. та ін.; Ін-т енциклопедичних досліджень НАН України. Київ, 2006. С. 326.

Ремарка-info. Проблема имени входит в более широкий круг проблем *истории понятий*. В украинской историографии эти проблемы получили глубокое осмысление в работах С.П. Стельмаха¹ и И.И. Колесник. В двух своих монографиях И.И. Колесник представила фундаментальную аналитику историографии истории понятий².

Современное состояние истории понятий, считает И.И. Колесник, связано с процедурами категоризации огромного информационного ресурса – такой подход к истории понятий определяет ее статус как концептуальной истории (*conceptual history*) и методологии исследования любой предметной области, сферы знания или научной дисциплины³.

В связи с этим, в своей новой монографии, посвященной «глобальной истории», автор концентрирует внимание на концептуализации этого понятия. Если «глобальноисторические» исследования имеют уже свою историю, то сам термин «глобальная история» появляется в англосаксонской интеллектуальной традиции 1990-х гг. и до сих пор остается в дискуссионной плоскости. Сущность современной научной ситуации вокруг глобальной истории, считает И.И. Колесник, лежит в поисках ее идентичности: это направление, подход, методология, историческая дисциплина⁴.

Отсутствие саморефлексии в отношении собственного опыта у исследователей глобальной истории, наличие целого семейства «родственных» терминов («общая», «всемирная», «всеобщая», «универсальная», «мировая» история, «культурный трансфер», «имперский меридиан» и т.п.) затрудняет исследовательский процесс и требует концептуализации понятия.

Любая дисциплина или предметная / проблемная об-

¹ *Стельмах С.* Исторична семантика в німецькій традиції соціальної історії // Козеллек Р. *Минуле майбутнє: про семантику історичного часу*. Київ: Дух і літера, 2005. С. 7-14; *Он же.* «Теорія можливих історій» Райнгарта Козеллека: традиція та інновація // Козеллек Р. *Часові пласти: дослідження з теорії історії*. Київ: Дух і літера, 2006. С. 7-18.

² *Колесник Ірина.* Українська історіографія: концептуальна історія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2013. 566 с.; *Она же.* Глобальна історія. Історія понять. Київ: НАН України; Інститут історії України, 2019. 348 с.

³ *Колесник Ірина.* Глобальна історія. Історія понять. Київ: НАН України; Інститут історії України, 2019. С.34.

⁴ *Колесник Ірина.* Глобальна історія. Історія понять. Київ: НАН України; Інститут історії України, 2019. С.19.

ласть – это в первую очередь определенная система понятий. Использование понятий как аналитического средства предполагает «прояснение» понятий, их экспликацию – в результате слово превращается в инструмент познания, коммуникативный маркер в междисциплинарном пространстве, предстает уже не лексической единицей, а определенной моделью организации информации, изучения фактов, событий, явлений и т.п., а «работа со словами» определяет «языковую культуру» ученого.

Язык науки – система открытая, гибкая и динамичная, тесно связанная с социокультурным пространством, расширением исследовательских полей, с креативными поисками ученых, постоянно пополняемая новыми понятиями, требующими концептуального обоснования¹.

Среди них и «глобальная история», означающая в интерпретации И.И. Колесник в широком значении – историческую идеологию эпохи глобализации, приходящую на смену известным парадигмам: позитивизму, методологизму, марксизму, постмодернизму, а в узком – три типа историописания: транснациональную историю, социальную теологию и перекрестную историю².

Если термин «глобальная история» вызывает противоречия в первую очередь из-за своего «глобального» содержания: этому термину придают многовариантную смысловую нагрузку, то термин «бициллиеведение» по своему предметному полю достаточно понятен большинству исследователей «темы Бицилли», поскольку бициллиеведческий процесс насчитывает уже более столетия – с 1913 г. Однако в сообществе исследователей темы

¹ Проблема содержания слов «термин-понятие-категория-концепт» состоит в многочисленных подходах к ее решению, обобщая которые, условно выделим два основных: а/ применение этих слов как синонимов – наиболее распространенный; б/ дифференцированный подход к обоснованию их содержательного наполнения имеет длительную традицию в философии и истории понятий. Логическую взаимосвязь между этими словами можно представить следующим образом: *термин* – словесное определение понятия (категории как понятия высшего уровня); *понятие* – интеллектуальный инструмент, результат научного теоретического обобщения, подлежащий интерпретации; *концепт* – наделение понятия конкретным смыслом (концептуализация понятия). См. подробнее: *Попова Т.Н.* Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. С. 338-368. [Раздел V. Глоссарий].

² *Колесник Ирина.* Глобальна історія. Історія понять. Київ: НАН України; Інститут історії України, 2019. С.8-9.

«Бицилли» нет согласия по поводу необходимости применения данного термина.

Ремарка-мнение. На международной научной конференции «Петр Михайлович Бицилли (1879-1953). Возвращенное наследие», состоявшейся в Софии в августе 2018 г., возникли, по воспоминаниям И.В. Голубович, жаркие споры: некоторые из участников высказались критически по поводу термина «бициллиеведение», т.е. необходимости «специального понятийно-терминологического» определения новой области исследований. И хотя многие, начиная свое выступление, подчеркивали – «я не бициллиевед», почти никто без термина «бициллиеведение» обойтись не мог. В конечном итоге пришли к общему резюме: за время конференции все стали немного «бициллиеведами», поэтому бояться слова «бициллиеведение» не стоит¹.

Среди факторов «неприятия» нового понятия, возможно, и личные пристрастия, и определенный конвенциональный консерватизм и, несмотря на «лозунги междисциплинарности», игнорирование смежных гуманитарных областей (истории и теории науки, философии и социологии науки, науковедения в целом, что способствует тому, что дискуссии среди профессионалов-гуманитариев ведутся подчас без должной специальной подготовки), и отсутствие саморефлексии в отношении собственного исследовательского опыта и проч.

Термин «бициллиеведение», используемый в современной полидисциплинарной литературе, посвященной жизни и творчеству Петра Михайловича Бицилли, «остается спорным», но, тем не менее, «постепенно входит в силу»².

В любом случае слово «бициллиеведение» уже существует, и его консолидирующий потенциал вряд ли стоит недооценивать.

¹ См.: Голубович И.В., Попова Т.Н. Размышления на два голоса. Читаем книгу: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с. // Культура украинских философских сообществ: ситуация трансформации: [коллективная монография] / ред. кол. Л.Н. Богатая, И.В. Голубович, К.В. Райхерт; отв. ред Л.Н. Богатая. Одесса: Печатный дом, 2019. С. 143-158.

² См.: Селунская Н.А. Интеллектуальная биография П.М. Бицилли в интерпретации М.А. Бирмана // Славянский Альманах / Институт всеобщей истории РАН, Россия; глав. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2020. № 1-2. С. 473.

Бициллиеведческий процесс

Это – реальный процесс изучения исследовательского объекта: личности, жизни, творчества и научного наследия П.М. Бицилли. В определенной степени это – аналог категории «историографический процесс», включающий когнитивную систему, инфраструктуру (как систему, обеспечивающую функционирование когнитивных параметров) и социокультурную систему (систему взаимоотношений научного направления / дисциплины с обществом – социокультурным полем)¹. Бициллиеведческий процесс одновременно предстает составляющей единого историографического процесса и его регионально-национальных ветвей.

Истоки «бициллиеведческого процесса» – во втором десятилетии XX века, когда появились первые когнитивные сегменты нового «знания» (первые публикации, посвященные работам П.М. Бицилли), а его последующее развертывание сопровождалось институционализацией на когнитивном и социальном уровнях².

На протяжении 1990-2000-х годов произошла качественная трансформация процесса: *бициллиеведение* «заявило» о себе как об относительно автономном, полидисциплинарном по структуре и многонациональном по составу репрезентантов научном направлении. Формирующееся научное сообщество бициллиеведов представлено специалистами в области самостоятельных разделов гуманитаристики из разных стран, которыми, по сути, уже создана в своих основных чертах когнитивная система бициллиеведения с отчетливым рефлексивным компонентом.

Одновременно идет процесс складывания инфраструктуры нового направления в формах социальных аспектов институционализации:

- формируется круг ученых, идентифицирующих себя с бициллиеведческими исследованиями;
- расширяется система изданий – публикаций трудов П.М. Бицилли и о П.М. Бицилли;

¹ Об «историографическом процессе» см. подробнее: *Попова Т.Н.* Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. С. 312-318.

² *Бициллиеведческий процесс* в широком смысле и как аналог историографического процесса, конечно, включает и публикации П.М. Бицилли (как историографические источники), поэтому его начало можно датировать 1912 годом, но в данном случае акцентируется бициллиеведческая составляющая, или историография бициллиеведения.

- появляются компоненты информационно-коммуникативной системы – библиографии, бициллиеведческие сайты в Интернете;
- проводятся специализированные персоналогические конференции;
- сюжеты о творчестве П.М. Бицилли вводятся в общие и специальные курсы в университетах в границах различных дисциплин – истории, философии, культурологии, филологии и т.п.

Бициллиеведческий процесс занимает значительный хронологический диапазон, в границах которого – на том или ином отрезке «освоения Бицилли» – «фактор институционализации» определяет уровень когерентности когнитивных и социокультурных параметров этого процесса.

Историографические ландшафты бициллиеведения

Это – относительно автономные национально-региональные составляющие единого бициллиеведческого процесса, которые одновременно входят в национальную историографию соответствующих стран (государственных пространств). Сегодня можно отчетливо выделить три таких ландшафта – болгарское, российское и украинское бициллиеведение, которые включают исследователей различной дисциплинарной принадлежности: историков, филологов, философов, культурологов и т.п.

В широком значении *историографические ландшафты* – это полидисциплинарные образования в системе национально-государственных структур, имеющие единый исследовательский объект¹.

В узком смысле – это исследования специалистов-историков / историографов (как историков исторической науки), входящих в национальные сообщества и объединенных одним тематическим полем – «Бицилли».

Эпитет *историографические* совместим с обоими значениями, т.к. многозначность термина «историография» позволяет говорить и о бициллиеведческой литературе / исследованиях, и об истории изучения жизни и творчества П.М. Бицилли, и об изучении истории всего бициллиеведческого процесса.

¹ Безусловно, можно констатировать наличие элементов бициллиеведческого процесса в евроатлантическом регионе: США, Италии, Польше, Германии и др.

Параметрический образ бициллиеведения

Бициллиеведческая литература, появившаяся за последнее тридцатилетие, – объемна, многосюжетна, многожанрова и полидисциплинарна. Анализ бициллиеведческой историографии в качестве относительно компактного блока исследований позволяет с известной долей условности выделить:

1) *по географическому параметру* – принадлежности бициллиеведов к конкретным национальным историографиям – три ведущих структурных раздела («историографические ландшафты»): болгарское, российское и украинское бициллиеведение с различной степенью когерентности; представители иных историографических пространств (среди которых, например М.А. Бирман /Израиль/), в большей мере выступают в рамках «персональных маршрутов»;

2) *по хронологическому параметру*: работы, посвященные творчеству П.М. Бицилли и вышедшие при его жизни; с 1953 по конец 1980-х гг.; с рубежа 1980-1990-х и на протяжении 1990-х гг.; с рубежа 1990-2000-х гг. по наши дни;

3) *по дисциплинарному параметру*: археографическое (выявление и публикация работ ученого, эго-документов и т.п.); библиографическое (создание сводных библиографий); биографическое или биоисториографическое (реконструкция жизни и творчества ученого, анализ трудов и оценка его вклада в науку: историческую и проч.); филологическое – литературоведческие и лингвистические исследования; культурологическое, социологическое, политологическое, философское и проч.;

4) *по видам публикаций* (жанру), специфике информации о П.М. Бицилли: статьи (в том числе в словарно-энциклопедических изданиях), тезисы докладов и сообщений; заметки; комментарии к публикациям трудов П.М. Бицилли; комментарии к публикациям его-источников; преамбулы и послесловия в изданиях работ Петра Михайловича; библиографии; дидактическая литература; газетные публикации; Интернет-сайты; очерки; диссертационные исследования, монографические издания и т.п.;

5) *по проблемно ориентированным направлениям*: в контексте изучения истории научной эмиграции («эмигрантоведения»); в контексте истории исторической науки и университетского исторического образования; в контексте дисциплинарной истории

историографии; истории медиевистики, истории идей (интеллектуальной истории), истории евразийства, истории культуры и литературы и т.д.

Периодизация бициллиеведческого процесса

Первую схему периодизации бициллиеведения предложил М.А. Бирман, выделив три условные стадии:

Первая стадия – «зачаточная или эмбриональная» – охватывает период публикаций о П.М. Бицилли при его жизни, а также после его кончины в 1953 г. и длится до начала 1990-х гг.

Вторая стадия – с рубежа 1980-1990-х гг., когда в России, Болгарии, странах Центральной и Юго-Восточной Европы «произошло падение коммунистических режимов», по конец 1990-х гг. – ознаменована «возвращением Бицилли».

Третья стадия – с наступлением XXI века проявляются новые тенденции «в научно-издательской сфере» вышеназванных стран, совокупность которых позволяет «заявить» о «начале новой фазы – фазы кристаллизации особой междисциплинарной ветви гуманитарных знаний» – бициллиеведения¹.

* * *

Периодизация бициллиеведческого процесса обусловлена в первую очередь спецификой историографической ситуации в глобальном, регионально-национальном и темпоральном измерениях в контексте трансформации геополитического и социокультурного пространства, при этом фактор институционализации выступает как маркер взаимосвязи основных компонентов институционального процесса на всех его стадиях.

Одной из «версий» данного процесса может быть представленная ниже схема:

1. *Первый период* – **1913-1953 гг.** – от выхода первых «откликов» на печатные труды П.М. Бицилли до года кончины ученого и публикации единственного «Некролога» («Исторически пре-

¹ См. подробнее: Бирман М.А. Этапы, вехи и парадоксы бициллиеведения (К постановке вопроса) // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С.402.

глед», 1953). Это – время рецензий (преимущественно) на работы ученого (одесского периода и годов эмиграции), кратких информационных сведений биографического и библиографического характера в научной повременной и периодической печати (Болгарии, «Запада» и СССР), в изданиях Софийского университета и проч.

2. Второй период – 1953 г. - конец 1980-х гг.: в рамках этого периода, стадияльно неоднородного, обращение к личности и творчеству П.М. Бицилли было фрагментарным и характеризовалось значительным изоляционизмом не только в координатах «восток-запад» (символически), но и в границах болгарской и советской науки. Несмотря на это, можно наблюдать постепенное (по десятилетиям) нарастание интереса к П.М. Бицилли и его творчеству.

3. Третий период – конец 1980-х - 1990-е гг. В этот период под воздействием геополитических трансформаций, повлиявших на историографическую ситуацию, ученые стран Восточной Европы, а также представители научных кругов «диаспорных пространств» резко изменили фокус своего исследовательского интереса: фигура П.М. Бицилли оказалась в эпицентре различных историографических мотиваций. Кризис идентичности и поиски социокультурной, политико-идеологической и историографической самоидентификации во многом детерминировали «Ренессанс» бициллиеведческой тематики в первую очередь в болгарском, российском и украинском научном поле. 1990-е годы не только сформировали главный объект анализа (появился массив разнообразных переизданий трудов П.М. Бицилли, были активно включены в исследовательскую работу сохранившиеся в библиотечных фондах разных стран оригинальные издания), но и определили основные направления бициллиеведческих исследований; с этого времени можно говорить о начале саморефлексии среди бициллиеведов, о первых подходах к анализу бициллиеведческой историографии; значительно расширилась география исследователей творчества П.М. Бицилли: Болгария, Европа, Израиль, Россия, США, Украина и др.

4. Четвертый период: 2000-е годы. Новое тысячелетие в развитии бициллиеведения было ознаменовано новыми качественными чертами: выходом обобщающих трудов, посвященных биографии и творчеству П.М. Бицилли, фундаментальных библиографий; расширением диапазона диссертационных исследований и различных публикаций – проблемно-тематических, археографическо-

го и источниковедческого характера; включением трудов П.М. Бицилли в дидактический процесс; организацией персонологических конференций, установлением личных контактов между ведущими бициллиеводами и т.п.

5. Ко концу второго десятилетия нового тысячелетия можно, пожалуй, говорить о переходе к новому – *пятому периоду* в институционализации бициллиеведения: интенсификация и экстенсификация бициллиеведческих изысканий выразилась в издании научной продукции достаточно высокого (по сравнению с предшествующими годами) качества; в создании коммуникативной сети не только на уровне личных контактов, но и в плоскости «взаимознаваемости» бициллиеведов; в появлении (вслед за М.Н. Велевой) нового сводного биографического исследования¹; в организации международных персонологических конференций в трех основных «бициллиеведческих ландшафтах» – Украине, Болгарии, России и проч.

В границах этих периодов целесообразно выделить основные рубежные моменты бициллиеведения в Украине² в едином поле бициллиеведческого процесса с акцентом на конфигурацию т.н. «*сетевых коммуникаций*».

Экскурс: О сетевом подходе

Для Рэндалла Коллинза место интеллектуала определяется его «сетевой позицией» в интеллектуальном сообществе, интенсивностью его интеллектуальных связей и контактов. На первый план в этом случае выходит проблема взаимопроникновения и взаимопересечения разнообразных интеллектуальных влияний с учетом перманентной реорганизации сетевой структуры коммуникаций. «Непосредственное социальное влияние на конструирование идей» оказывает именно сетевая структура отношений между интеллектуалами, реконструируемая на основе биографических данных: «вертикальные» и «горизонтальные» связи – творческое, дружеское общение, соперничество и конфликты, т.е. разнообразные

¹ *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.

² В это понятие включены труды ученых, работавших в Одессе, в Новороссийском университете, в Украине в целом (в том числе – на территории украинских земель в составе иных государственных образований) вне зависимости от места их публикации.

процессы общения «транслируют прежний культурный капитал и превращают его в новую культуру»¹.

Изучение персональной истории П.М. Бицилли с позиций теории «социальных сетей» – это выявление и анализ форм связей ученого:

1/ на уровне научно-корпоративных объединений: университетских кафедр, научных учреждений, научных обществ и т.п., в границах которых происходило складывание определенных сетей взаимодействия П.М. Бицилли и конкретных ученых;

2/ на уровне информационно-коммуникативных структур: редакций газет и журналов и др.;

3/ на уровне неформальных отношений: дружеских, семейных, личностных контактов.

При этом выделяются два вектора:

- «вертикальный» – уровень поколений;
- «горизонтальный» – уровень современников.

Эти связи должны рассматриваться в биографическом контексте в различные периоды жизни ученого – одесский, югославский (сербский, македонский) и болгарский, что поможет сконструировать, исходя из фрагментарных биографических данных, разбросанных в необъятной еще эмпирии бициллиеведения, сетевую схему, которая в свою очередь даст картину многомерного процесса общения П.М. Бицилли с представителями микро- и макро- его окружения с целью осмысления процессов трансформации «прежнего культурного капитала» в новую – *бициллианскую культуру*.

Ремарка-справка. Впервые вопрос о возможности изучения интеллектуальной биографии П.М. Бицилли с позиций «сетевого анализа» поставила И.И. Колесник (Киев). По ее мнению, «сетевые технологии, модели интеллектуальных сетей дают новые возможности, активизируют значительный ресурс, который вписывается в привычные схемы интеллектуальной и культурной историографии. На практике метод коммуникационных сетей коррелируется с техниками микроисторического анализа, сетевые технологии служат определенной альтерна-

¹ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. (Пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм). Новосибирск. Сибирский хронограф. 2002. С. 32-34.

тивной таким неизменным атрибутам традиционного историописания, как процессуальность и линейность»¹.

Новое направление исследования интеллектуальной биографии историков в Украине эпохи модерна, предложенное И.И. Колесник на основе анализа теоретических новаций западной науки, в частности «моделей интеллектуальных сетей», значительно расширяет методологический потенциал биоисториографических исследований, ориентирует на выработку конкретных методик историографического анализа структуры коммуникационных форм представителей интеллектуальных сообществ, поиск нового фактографического материала или новый ракурс переосмысления уже введенного в научный обиход; постановку *иных* вопросов к источникам.

Типология интеллектуальных сетей в Украине (шире – в украинских землях на территории двух империй в начале XX в. – «одесского периода» в жизни П.М. Бицилли) позволяет не только понять сложную структуру взаимосвязей отдельных ученых-историков, их принадлежность к конкретному типу (типам) объединений, их роль в формировании и трансформации этих объединений, но и выявить прямое и опосредованное, «линейное» и «нелинейное» влияние различных факторов на творческий процесс отдельного интеллектуала через систему коммуникаций в многопрофильной конфигурации «сетевых» взаимоотношений.

Анализ сетевой организации науки предполагает три направления исследований:

1) изучение процесса сетеобразования – формирования сети («networking») – анализ создания связей между людьми и организациями благодаря регулярным встречам и новым коммуникационным технологиям;

2) изучение непосредственно сетей («networks»), т.е. характера связей между индивидами и организациями;

3) изучение сетевых структур («networkstructures») – анализ устойчивого взаимодействия между участниками как некоего единого целого².

¹ См. подробнее: [Доклад И.И. Колесник: «Интеллектуальная биография в историографическом дискурсе: ad modum П.М. Бицилли»] // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 3. Київ: Інститут історії України НАН України, 2008. С.410.

² См. подробнее: *Лубский А.В.* Гуманизация исторической науки: становление ког-

Большой интерес к эго-материалам среди широкого круга социогуманитариев в последнее время связан именно с коммуникативно-сетевым подходом к исследованию научных сообществ, с особым вниманием к личностным / неформальным контактам¹.

Проблема «Бицилли в системе интеллектуального сообщества в Украине» (России, Сербии, Македонии, Болгарии, Европе и проч.) еще ждет своей исследовательской постановки, ее источниковая основа представлена лишь отдельными фрагментарными сюжетами, предметно не сфокусированными. Предложенные «сетевые технологии» открывают новые возможности для осмысления истории конкретной интеллектуальной индивидуальности в культурном пространстве.

В то же время в этом контексте актуализируется проблема механизма «социализации» идей и текстов П.М. Бицилли, выявление факторов, способствующих этой социализации.

«Социализация» творчества

Социализация творчества П.М. Бицилли включает две взаимосвязанные стороны.

Первая – это процесс преобразования его идей и концептуальных построений в достояние интеллектуального сообщества в разнообразных формах: публикации его работ, в ссылках на его труды, восприятию его мыслей на уровне общения – эпистолярного, непосредственно личностных контактов, публичных выступлений, дидактической деятельности и проч.

Вторая сторона – это процесс создания эмпирической базы бициллиеведческих исследований и формирования историографии бициллиеведения: постепенного складывания блока многопрофильной и полижанровой литературы о жизни и наследии Петра Михайловича.

Социализация творчества органично связана с *рецепци-*

нитивной субъективности и сетевых структур // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 4. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С. 51-53.

¹ См., например: История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. 368 с.; Дунаева Ю.В. Эго-документы в исторической науке XX-XXI вв. (Сводный реферат). URL: <https://www.academia.edu/34889165/> и др.

*ей творчества*¹: проблема освоения наследия П.М. Бицилли в конкретных интеллектуальных ландшафтах (болгарском, российском, украинском, европейском и проч.) ориентирует на выявление специфики «приближения к Бицилли» как отдельных исследователей, так и конкретных сообществ (дисциплинарных, национальных и др.), на создание компаративистских схем и определение конфигурации всех составляющих единого бициллиеведческого процесса.

P. S. Общий абрис историографии бициллиеведения² предложен с акцентом на сетевую модель контактов П.М. Бицилли, способствующих «социализации» его творчества, а также пунктирную траекторию взаимосвязей на уровне исследователей его творчества. Разумеется, на данном этапе можно говорить скорее о гипотетических построениях, опираясь на фрагменты подчас косвенных доказательств, однако данная (весьма предварительная и далеко не полная) схема, надеюсь, станет стимулом для расширения бициллиеведческой эмпирики и насыщения этой схемы «живым» материалом. Особую роль, на мой взгляд, в получении новых биографических фактов должны играть его-документы, в первую очередь - многочисленное эпистолярное наследие П. М. Бицилли, его «домашняя письменность» [термин П.М. Бицилли. – Т.П.] – блокноты, записи на память, стихотворные посвящения, поздравления, семейные книжки, девизы, шутки на случай – все, что так или иначе отражает жизнь близкого дружеского круга. Сравнительный анализ текстов бициллиеведческой литературы (в том числе – индекса цитирования, включая Интернет-сайты) поможет определить линии взаимосвязей и взаимовлияний на уровне исследователей, а автобиоисториографические эссе ведущих бициллиеведов дополнят и уточнят эту картину.

¹ Впервые проблему *рецепции* творчества П.М. Бицилли поставил М.А. Бирман. См.: [«Этапы, персоналии и центры бициллиеведения»: фрагменты доклада М.А. Бирмана с комментариями] // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 3. Київ: Інститут історії України НАН України, 2008. С. 406.

² См. Раздел 3: «Бициллиана: историографический контур».

Статус бициллиеведения

Сегодня бициллиеведению вряд ли можно придать статус научной дисциплины: социокогнитивные параметры не приобрели системную завершенность, когерентность компонентов дисциплинарности – относительна, инфраструктура не сформирована. Авторы бициллиеведческих работ в своем большинстве не идентифицируют себя как «бициллиеведов»: объективная причина в том, что бициллиеведческие исследования не являются для многих из них доминантными (за исключением, пожалуй, «позднего Бирмана»). И тем не менее, можно выделить ряд показателей, которые свидетельствуют о том, что институциональный процесс набирает темпы.

Во-первых, когнитивная институционализация в своих основных чертах обрела более-менее отчетливый силуэт системности:

- определилось предметное поле новой области знания с четкой тенденцией к расширению;
- сформировался совокупный объект исследований – за 1912-2000-е годы труды П.М. Бицилли, опубликованные ранее, реопубликованные и новые, неизвестные донине, работы стали достоянием исследователей;
- материалы личных / семейных архивов, архивные документы, эго-материалы, мемуаристика и проч. составили значительную источниковую базу персональной истории / интеллектуальной биографии П.М. Бицилли, которая с каждым годом становится все более масштабной;
- подходы к оценке личности, творчества Петра Михайловича, его роли и места в мировой науке в своих принципиальных чертах получили универсальное понимание в обществе «бициллиеведов»;
- сложился полидисциплинарный исследовательский инструментарий в научной деятельности «бициллиеведов» различной дисциплинарной принадлежности и т.п

Во-вторых, социальная институционализация (инфраструктурные компоненты) проявляется по ряду параметров:

- в основных «ландшафтах» бициллиеведения – в Болгарии, России и Украине – более-менее скомпоновались сообщества «почитателей Бицилли», между многими из которых установлены достаточно прочные личные контакты: про-

исходит обмен информацией, мыслями, публикациями и проч., что способствует консолидации «бициллиеведов» не только в государственных границах внутринаучного поля, но и в межгосударственном пространстве;

- неценимая роль в процессе консолидации принадлежит «лидерам» и «инициаторам» институционального процесса; в этом плане нужно отдать должное Михаилу Абрамовичу Бирману (Израиль), который на протяжении многих лет выступал в качестве своеобразного связующего центра между различными регионами бициллиеведения (Болгарией, Россией, Украиной, Европой и др.); в последние годы очень многое в установлении личных творческих контактов между бициллиеведами сделала Таня Галчева (Болгария);
- информационно-коммукационным «сетевым» координатором явился блок библиографических трудов, расширяющийся и уточняющийся с каждым очередным изданием;
- накоплен значительный массив исследовательской литературы – созданы фундаментальные работы в широком проблемно ориентированном диапазоне;
- особую консолидирующую роль среди бициллиеведов играет созданный в 2012 г. болгарской исследовательницей Т.Н. Галчевой и внучкой П.М. Бицилли Н.А. Галь при участии Г. Петковой (Софийский университет) Интернет-сайт «Saved Archives. Документи. Спомени. Публикации. Фото. Контакти».
- один из важнейших среди коммуникативно-информационных маркеров в институционализации – организация и проведение персонологических¹ (преимущественно юбилейных) конференций; рубежными вехами в этом плане стали:
 - 1) *Историографические чтения*, посвященные 120-летию со дня рождения П.М. Бицилли и состоявшиеся в Одессе на базе исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова – первая региональная персонологическая конференция²;

¹ В данном случае обозначены именно *персонологические* конференции, посвященные П.М. Бицилли, что не умаляет роли других конференций в Болгарии, России, Польше, Украине и проч., в которых в том или ином плане фигурировала тема «Бицилли».

² См. об этом: *Зленко Г.* Историографические чтения // Вечерняя Одесса. 1999. 25 декабря; *І. В. Максименко, В. М. Хмарський.* Історіографічні читання // Записки історичного

2) в сентябре 2007 г. в рамках международной украинско-болгарской конференции «Болгары в Северном Причерноморье» был проведен Круглый стол «Бициллиеведение в международном интеллектуальном пространстве: состояние и перспективы», участниками которого стали представители болгарского (М. Велева, Д. Григорова), украинского (Киев, Харьков, Одесса: И.И. Колесник, В.Г. Пикалов, О.Б. Демин, Т.Н. Попова, Д.А. Шумейко, В.В. Левченко) бициллиеведения, а также профессор М.А. Бирман (Израиль)¹;

3) 1-2 октября 2009 г. в Одесском национальном университете имени И.И. Мечникова состоялись международные научные чтения, посвященные 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли. Инициатором чтений стал Научно-исследовательский и образовательный центр имени Г. Флоровского (философский факультет ОНУ). Состав участников приобрел новые географические контуры: Одесса, Киев, Москва, Санкт-Петербург, Казань, Пермь, Ашдод (Израиль), София (Болгария), Кишинев (Молдова) и др.²;

4) следующий этап – международные научно-образовательные семинары «ESCHATOS (организаторы: структуры ОНУ имени Мечникова – кафедры философии, истории древнего мира и средних веков, новой и новейшей истории; Научная библиотека университета, Пермский государственный университет, Одесское отделение Российского Философского Общества; география участников: Украина, Россия, Болгария (Т. Галчева), Израиль³;

5) в 2013 г. в Одесском национальном университете имени И.И. Мечникова состоялся семинар памяти П.М. Бицилли

факультету / Одеській національний університет імені І.І. Мечникова. Одеса, 1999. Випуск 9; Бачинська О. Історіографічні читання // Там же. Одеса, 2000. Випуск 10 и др.

¹ См. об этом: Український історичний журнал. 2008. №1; Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний ред. В. Смолій; відп. ред. І. Колесник. Випуск 3. Частина 1. Київ: Інститут історії України НАН України, 2008; Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бициллизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С.279-344.

² См. об этом: Довгополова О.А. Вступительное слово // CURRICULUM VITAE. Сб. научных трудов. Вып.2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса: ФОП Фридман О.С., 2010. С.3-13.

³ См.: ESCHATOS: Философия истории в предчувствии конца истории / Отв. редактор О.А. Довгополова. Одесса: ФОП Фридман О.С., 2011. 366 с.; ESCHATOS-II: философия истории в контексте идеи «предела»: сб. статей / Отв. редактор О.А. Довгополова. Одесса: ФОП Фридман О.С., 2012. 280 с.

и Г.В. Флоровского, на котором присутствовала внучка П.М. Бицилли – Н.А. Галь (Швейцария), а также бициллиеведы из Болгарии (Т. Галчева) и России (Л.А. Сыченкова);

6) в 2018 г. в Софии по инициативе Т. Галчевой была проведена международная конференция «Петр Михайлович Бицилли (1879-1953). Возвращенное наследие»; участники – исследователи из Ашдода, Брянска, Казани, Минска, Москвы, Одессы, Омска, Перми, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Саратова, Софии, Ташкента, представлявшие Институт болгарской философской культуры, Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Санкт-Петербургский институт истории РАН, РГГУ, Ташкентскую православную духовную семинарию, Петрозаводский государственный университет, Пермский филиал НИУ ВШЭ, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Белорусский государственный университет и Казанский федеральный университет. От Дома русского зарубежья им. А. Солженицына выступила ученый секретарь М.А. Васильева¹;

7) международная конференция «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли» состоялась 18-19 ноября 2019 г. в Москве. Соорганизаторы конференции – Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Библиотека-музей «Дом А.Ф. Лосева», Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. В конференции приняли участие ученые из России, Болгарии, Польши, Италии, Израиля и Украины².

М.А. Бирман определил бициллиеведение как «самостоятельную комплексную и междисциплинарную ветвь гуманитарных знаний»³.

Бициллиеведение сегодня многообразно – это научное пространство можно рассматривать в качестве:

¹ См. об этом: *Васильева М.* Международная конференция «Петр Михайлович Бицилли (1879-1953). Возвращенное наследие» в Софии. URL: http://www.domrz.ru/press/news/250818_mezhdunarodnaya_nauchnaya_konferentsiya_sofia/

² См.: *Анохина Ю.Ю.* Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли. Международная конференция в ИМЛИ РАН // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53). С. 380-387.

³ *Бирман М.А.* Этапы, вехи и парадоксы бициллиеведения (К постановке вопроса) // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бициллизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С.279.

- относительно самостоятельных направлений исследований в границах отдельных дисциплин – истории / историографии¹, философии, филологических наук, социологии, политологии и проч.;
- полидисциплинарного проблемного поля, пересекающего дисциплинарные и государственные демаркации;
- самостоятельного раздела гуманитаристики с междисциплинарным инструментарием и т.п.

* * *

Последующие институционально-дисциплинарные модуляции бициллиеведческого процесса неизбежно конкретизируют формат этого *интеллектуально-научного пространства в современной культуре*.

Однако превратится ли бициллиеведение в «дисциплинарную науку о П.М. Бицилли»², достигнет ли институциональный процесс уровня дисциплинарности, т.е. будет ли сформирована стройная социокогнитивная система, вписанная в международное социокультурное и научное пространство, во многом зависит от активной позиции всех, причастных к «постижению Бицилли», а также от разнообразных факторов – научных и вне-научных.

В любом случае, как бы мы не определяли сегодня статус бициллиеведения и наименование этого нового раздела гуманитаристики, без понятийного аппарата уже обойтись нельзя, и последующий исследовательский маршрут потребует и новых понятий, и более глубокую экспликацию уже существующих.

¹ См., например: *Попова Т. Н.* Бициллиеведение – новый исследовательский ландшафт в историографии Украины (К 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли // *Історіографічні дослідження в Україні / Голова редколегії В.А. Смолій; відп. ред. О.А. Удод.* Київ: Інститут історії України НАН України, 2010. Випуск 20. С. 155-169.

² *Васильева М.* [Рец.:] Анненкова И.В. Незгнанная мысль: Филология П.М. Бицилли / Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 148 с. // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012* / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. С. 594.

III. Бициллиана: историографический контур

...сведения нужны любые,
а поиск связи между ними – дело техники.
Связи существуют всегда,
надо только захотеть их найти.
Умберто Эко¹

Контурно очерченная историография бициллиеведения рассматривается в соответствии с предложенной выше периодизацией бициллиеведческого процесса.

Первый период бициллиеведческого процесса. 1913-1953 гг.

Начало научной деятельности (по формальным признакам) обычно определяют датой первой публикации ученого, *начало историографии его творчества* – первым в печати откликом на его работы.

Первые статьи П.М. Бицилли были опубликованы в 1912 году: «К вопросу об источниках *Atenaion politeia*» и «Тацит и Римский империализм»². Последняя работа вошла в сборник научных трудов, посвященный Э.Р. фон Штерну, почетному члену Одесского общества истории и древностей³.

1913 год можно считать исходным рубежом «бициллиеведческого процесса» – с этого времени творчество П.М. Бицилли получает свои первые рецензии и отклики в печати: в престижных сто-

¹ Эко Умберто. Маятник Фуко / Перев. с итал. Е.А. Костюкович. СПб.: «Симпозиум», 2005. С. 264.

² В наиболее полной к середине 1990-х гг. «Библиографии трудов П.М. Бицилли» (авторы: И.В. Анненкова и В.П. Вомперский) эта работа отнесена к разделу «Издания без года». См.: *Бицилли П.М. Избранные труды по филологии* / Отв. ред. и автор предисл. В.Н. Ярцева; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Вомперского и И.В. Анненковой; вступ. ст. В.П. Вомперского. М.: Наследие, 1996. С. 691.

³ *Бицилли П. Тацит и римский империализм* // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса. 1912. Т. 30. Proreptaria: Сборник статей в честь почетного члена общества Э.Р. фон Штерна. С. 378-388.

личных изданиях выходит рецензия на статью «Тацит и Римский империализм» и аннотация на новую публикацию молодого автора – «*Colonus и conductor в свете новейших исследований*» (1913)¹.

В 1915 г. выходят две рецензии – Н.И. Ефимова² и С.Л. Авалиани – на работу «Западное влияние на Руси и начальная летопись» (1914); в 1917 и 1919 гг. – три рецензии (Л.П. Карсавина и два отзыва В.Н. Забугина³) на монографию, которая в 1917 г. будет защищена как магистерская диссертация в Петроградском (Санкт-Петербургском) университете – «Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века)» (1916); в 1919, 1920 и в 1922 гг. – еще три рецензии (авторы: Н.П. Кондаков, В.Н. Забугин, И.М. Гревс)

¹ *Дусинский И.* [Рец.:] Бицилли П.М. Тацит и Римский империализм. Одесса, 1912 // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). Отдел классической филологии. Новая серия. 1913. № 5. С. 237-239; [Аннотация на статью:] Бицилли П. *Colonus и conductor в свете новейших исследований* в ЖМНП: Новая серия. СПб. Ч. 46. № 8. Отд. классич. филологии. С. 358-379 // Научный исторический журнал. М., 1913. № 1. С.2 (паг. 2-я). В разд.: Новости исторической литературы. В библиографии, составленной А.Н. Горяиновым и М.А. Бирманом, рецензия И.И. Дусинского отсутствует. См.: *Горяинов А.Н., Бирман М.А.* Библиография опубликованных работ П.М. Бицилли и литература о нем, 1912-2003. Труды П.М. Бицилли // *Бицилли П.М.* Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 772. Рецензии И.И. Дусинского также нет в кн.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 411.

² *Ефимов Николай Иванович* (1889-?) – филолог, специалист по русской литературе и летописанию; его первые публикации вышли в Санкт-Петербурге в журнале «Исторический вестник» (ИВ). Это – рецензии на книгу Н.И. Веселовского «Татарское влияние на посольский церемониал в Московский период русской истории» / СПб., 1911 / (ИВ, 1912, № 3, с. 1076-1078) и работу П.М. Бицилли «Западное влияние на Руси и начальная летопись» / Одесса, 1914 / (ИВ, 1915, № 1, с. 286-287). Другие работы Н.И. Ефимова изданы в Казани («Теократическая идеология в древнерусской письменности», 1912), Юрьеве («Памяти Лермонтова / О байронизме поэта» /, 1916), Самаре («Русская литература XIX в. и ее язык», 1923), Смоленске («Социология литературы», 1927; «Формализм в русском литературоведении», 1929). В 1918 г. в Одессе вышла работа Н.И. Ефимова «Своеобразие русской литературы». Был ли Н.И. Ефимов лично знаком с П.М. Бицилли пока неизвестно.

³ *Забугин Владимир Николаевич* (1880-1923), специалист по проблемам итальянского Возрождения XV в., вышедший наряду с В.Э. Крусманом, Г.К. Вебером, А.Г. Вульфусом, А.М. Петрункевичем и другими крупными историками из школы Г.В. Форстена, который ориентировал своих учеников на изучение истории духовной культуры романо-германского Запада; наряду с И.М. Гревсом и А.Н. Веселовским Г.В. Форстена причисляют к создателям «блестящей петербургской школы» (П.М. Бицилли) историков культуры. См. Бицилли П. Памяти В.Э. Крусмана // *Русская мысль*. 1923. Кн. 1/2. С.342; Кан А.С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М.: Наука, 1979. С. 88-90. В.Н. Забугин после окончания Санкт-Петербургского университета (1903) долгое время жил в Италии, преподавал в Римском университете, с июня по октябрь 1917 г. находился в России как представитель итальянского правительства в качестве специального посланника по укреплению межгосударственных связей; после октября 1917 г. вернулся в Италию. Возможно, именно в это время пути П.М. Бицилли (для которого 1917 год – год защиты его диссертации в Петрограде) и В.Н. Забугина пересекались, поскольку первые две рецензии В.Н. Забугина (1919) были именно на работу «Салимбене...».

на монографию «Элементы средневековой культуры» (1919). Таким образом, с первых же публикаций творчество П.М. Бицилли привлекло внимание серьезных специалистов, а его главные труды, созданные в одесский период деятельности ученого, оказались в сфере академического интереса. Из этих десяти публикаций три принадлежат ученому, непосредственно связанному с Одессой и Новороссийским университетом.

Самая первая рецензия на статью «Тацит и Римский империализм» (1912) написана И.И. Дусинским. Фигура *Ивана Ивановича Дусинского* (8.04.1879 – 9 /?/ 05.1919) пока еще достаточно плотно окутана туманом. Известно, что он родился в Харькове в дворянской семье римско-католического вероисповедания (родители: отец – Иван Витальевич Дусинский, ветеринарный врач, мать – Валерия Яковлевна Иваницкая); окончил Каменец-Подольскую гимназию, в 1899 г. поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета, в котором проучился до весны 1903 г. В этот же период студентами историко-филологического факультета были П.М. Бицилли, С.Л. Авалиани (1900-1904), А.В. Флоровский (1903-1908) и др.

После окончания университета И.И. Дусинский был оставлен при кафедре классической филологии для приготовления к профессорскому званию. Профессор А.Н. Деревницкий, один из наставников Дусинского-студента, характеризовал его как человека, имеющего все «...данные для того, чтобы стать серьезным научным деятелем»¹. Будучи стипендиатом, И.И. Дусинский одновременно стал работать помощником библиотекаря в университетской библиотеке². В 1908-1910 гг. он сотрудничал с редакциями ряда одесских газет («Одесский листок», «Русская речь» и др.), в которых публиковался под своим именем или под псевдонима-

¹ См.: Списки студентов и посторонних слушателей ИНУ в осеннем полугодии 1900/1901 учебного года по историко-филологическому факультету. Одесса, 1900. Цит. по: *Березин С.Е.* Антиковед. Библиотекарь. Публицист: новые материалы к биографии И.И. Дусинского (1879-1919) // *Вісник ОНУ / Одеський національний ун-т. Одеса, 2011. Том 16, випуск 1/2 (5/6). Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. С. 247.*

² См.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1904-1908 годы. Одесса, 1909; *Дусинский И.* В ожидании давно назревшей реформы // *Известия Одесского библиографического общества при ИНУ. 1914. Т. 3, вып. 2. С. 65-88; Он же.* В ожидании давно назревшей реформы (К вопросу о материальном и служебном положении личного состава наших университетских библиотек в связи с предстоящим введением новых штатов). Одесса, 1914.

ми «Арктур» и «Черномор»¹; с 1910 по август 1917 г. заведовал иностранным отделом газеты «Одесский листок»; с ноября 1917 по февраль 1918 г. был организатором и редактором независимо-го неперiodического издания «Свободное слово» (вышло 7 номеров). И.И. Дусинский стал инициатором создания «Русского народно-государственного союза» и его фактическим руководителем (первое заседание союза состоялось 25 августа 1917 г.). Политическая платформа союза основывалась на идее «единства России», которую сам И.И. Дусинский считал «великой и незаменимой ценностью для всех сторон... народной жизни»². Предположительно, 9/?? мая 1919 г. И.И. Дусинский был расстрелян большевиками за «контрреволюционную деятельность»; точные обстоятельства его смерти неизвестны³.

И.И. Дусинского отличала широкая научная эрудиция: он стоял у истоков новой дисциплины – геополитики, был сторонником панславистской идеи; интересовался проблемами антиковедения и востоковедения: являлся членом Одесского Общества востоковедов во главе с профессором П.Е. Казанским⁴. Имя И.И. Дусинского уже вошло в региональное библиотековедение⁵, однако эту личность в качестве талантливоего политолога открыл М.Б. Смолин,

¹ Дусинский И.И. Годы назревания и год перелома: 1914 г. в мировой политике // Одесский листок. 1914. № 352; 1915. №1; *Арктур*. Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Одесса: «Русская речь», 1908; Дусинский И. Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Одесса, 1910; *Черномор*. Славянам. Одесса, 1915.

² Одесский мартиролог: Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти. Т.3 / Составители Л.В. Ковальчук, Г.А. Разумов. Историко-мемориальное издание. Одесса, 2005. С. 127. [Из протокола допроса И.И. Дусинского 4 мая 1919 г. в особом отделе III армии].

³ Березин С.Е. Антиковед. Библиотекарь. Публицист: новые материалы к биографии И.И. Дусинского (1879-1919) // Вісник ОНУ / Одеський національний ун-т. Одеса, 2011. Том 16, випуск 1/2 (5/6). С. 249-250; Одесский мартиролог: Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти. Т. 3 / Составители Л.В. Ковальчук, Г.А. Разумов. Историко-мемориальное издание. Одесса, 2005. С. 127. [Из протокола допроса И.И. Дусинского 4 мая 1919 г. в особом отделе III армии]. С. 134

⁴ Дусинский И. О занятиях Сократа поэзией. Одесса, 1905; *Он же*. Союз любителей и друзей античного мира. СПб., 1906 и др.

⁵ См.: Подрезова М.О., Самодурова В.В. Библиотекарі Одеського (Новоросійського) університету – світовій науці // Вісник ОНУ / Одеський національний ун-т. Одеса, 2008. Том 13, випуск 8. Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. С. 11-22; Самодурова В.В. Геополитический изгой. Жизнь и смерть И.И. Дусинского (1879-1919) // Материалы Международной научно-практической конференции «Человек в тоталитарном обществе: рефлексии XXI века» (23-27 июня 2013 г.). URL: <http://liberte.onu.edu.ua/info/kultura>

современный российский публицист, историк русской консервативной мысли. В 2003 г. в издательстве журнала «Москва» в серии «Пути русского имперского сознания» вышла книга И.И. Дусинского «Геополитика России», составление которой, предисловие и примечания принадлежат М.Б. Смолину. По его мнению, наследие И.И. Дусинского – наиболее удачное продолжение в XX столетии политических тем, поднятых Н.Я. Данилевским («Россия и Европа», 1869)¹.

И.И. Дусинский в своей рецензии обращает внимание на глубокий анализ источников, проделанный П.М. Бицилли, что позволило автору придти к верному выводу об имперских позициях Тацита. Рецензия, написанная И.И. Дусинским на работу Петра Михайловича, была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (СПб., 1913); в этом же издании в 1913 г. вышла очередная статья П.М. Бицилли, сразу же проаннотированная в «Новом историческом журнале» (СПб., 1913). Не исключено, что И.И. Дусинский, будучи уже известным к началу второго десятилетия публицистом, сыграл определенную роль в появлении имени П.М. Бицилли на страницах столичной научной печати.

П.М. Бицилли и И.И. Дусинского объединяло негативное отношение к «партийности»: в публицистике, говорил И.И. Дусинский, которая «...у нас всегда отличалась партийным характером, а узкая партийность мне претила <...> я сосредоточился на области, где можно было писать более свободно, не становясь человеком партии: на вопросах внешней и славянской политики России...»² (ср. «Параллели» П.М. Бицилли). Одногодки (1879), они в один год поступили в Новороссийский университет (1899), но молодой Бицилли – на юридический факультет. Проучившись два семестра, он перевелся на историко-филологический факультет (1900). Факторы, повлиявшие на решение П.М. Бицилли, пока не ясны.

Очередная рецензия одессита на статью П.М. Бицилли «Западное влияние на Руси и начальная летопись» (1914) принадлежит *Симону Лукичу Авалиани* (1881 – 1922), одному из блестящих пред-

¹ Дусинский И.И. Геополитика России / Сост. М.Б. Смолин. М.: Москва, 2003. 320 с. (Серия: «Пути русского имперского сознания»); Смолин М.Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли. М.: Импер. традиция, 2005. С. 111.

² Одесский мартиролог: Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти. Т.3 / Составители Л.В. Ковальчук, Г.А. Разумов. Историко-мемориальное издание. Одесса, 2005. С. 126.

ставителей региональной историографии. В основе этой статьи – реферат «Западные источники русской летописи», прочитанный П.М. Бицилли на заседании Историко-филологического общества (ИФО) при Новороссийском университете, членом которого был П.М. Бицилли¹. После критических замечаний, сделанных А.П. Доброклонским², С.Г. Вилинским³ и А.В. Флоровским, П.М. Бицилли переработал текст, и статья, согласно постановлению Правления ИФО, вышла отдельной брошюрой в одесской типографии «Экономическая» в 1914 г. В знак благодарности автор подарил экземпляры этой брошюры А.П. Доброклонскому и С.Г. Вилинскому с дарственными надписями. На экземпляре, предназначенном А.П. Доброклонскому, сверху титульного листа стоит личный автограф П.М. Бицилли – «Би»⁴.

С.Л. Авалиани – выпускник Кутаисской гимназии (1900), студент историко-филологического факультета Новороссийского университета (1900-1904), ученик профессора И.А. Линниченко. После окончания университета преподавал в одесских гимназиях; состоялся как талантливый публицист (на протяжении 1910-х гг. сотрудничал с газетами «Одесские новости», «Одесский листок», «Новая жизнь», «Русские ведомости» и др.), стал одним из организаторов кооперативного движения на юге Украины (был редактором кооперативного журнала Одессы «Южный кооператор»), являлся представителем грузинского землячества в Одессе. Активный деятель либерально-просветительского направления, С.Л. Авалиани, несмотря на поддержку своего научного наставника, так

¹ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1913 академический год. Одесса, 1914. С. 120-121.

² Александр Павлович Доброклонский (1856-1937) – доктор церковной истории, работал в Новороссийском университете (1899-1920) по кафедре церковной истории Историко-филологического факультета, неоднократно исполнял обязанности декана факультета и ректора Новороссийского университета, был редактором «Записок» Новороссийского университета (1908-1916), главой ИФО (с 1907). В январе 1920 г. эмигрировал сначала в Болгарию, затем в Белград. Будучи студентом, П.М. Бицилли слушал лекции А.П. Доброклонского «История христианской церкви», «Церковный строй в России», «Сектанство в России», «Раскол в русской церкви» и др. А.П. Доброклонский и П.М. Бицилли с семьями отбывали из Одессы на одном пароходе «Rio Pardo».

³ Сергей Григорьевич Вилинский (1876-1950), выпускник Новороссийского университета (1900), ординарный профессор кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета, ученый секретарь факультета, проректор университета (1912-1916), председатель ИФО. В эмиграции жил и работал в Болгарии, затем в Чехословакии.

⁴ Бахчиванжи А.П. Книги с автографами П.М. Бицилли в университетской библиотеке // Вісник ОНУ / Одеський національний ун-т. Одеса, 2010. Т. 15, випуск 21. С. 91.

и не смог войти в преподавательский состав Новороссийского университета в первую очередь из-за своей общественной позиции. Однако в 1916-1918 гг. он стал приват-доцентом Петроградского (Санкт-Петербургского) университета. Последние годы жизни был профессором Тбилисского университета и др. Научное наследие С.Л. Авалиани включает более 200 работ на русском и грузинском языках, преимущественно по истории Московского государства XV-XVII вв., Юга Украины, истории Грузии и Кавказа XIX в.¹

С.Л. Авалиани и П.М. Бицилли учились на историко-филологическом факультете в одно время, позже – состояли в одних и тех же научных обществах при Новороссийском университете (Библиографическом, Историко-филологическом и др.); безусловно, их пути неоднократно пересекались. В своей рецензии на работу П.М. Бицилли С.Л. Авалиани поддержал концепцию автора и подчеркнул, что «...будущим исследователям древнего русского летописания придется считаться с выводами этой работы»².

Третья фигура – автор одной из рецензий³ на книгу П.М. Бицилли «Элементы средневековой культуры» (1919) – *Никодим Павлович Кондаков* (1844-1925), ученый с мировым именем, крупнейший византолог, доктор теории и истории искусств, академик Российской Академии наук, один из учредителей монархической организации «Русское собрание» (1901). В Одессе Н.П. Кондаков жил и работал в Новороссийском университете с перерывами: (1870-1887), (апрель 1917 г.), (сентябрь 1918 - начало 1920 гг.). В последний период пребывания в Одессе читал лекции в университете по истории русской иконописи и сотрудничал в 1919-1920 гг. в газете «Южное слово». В начале 1920 г. Н.П. Кондаков эмигрировал в Болгарию, читал лекции в Софийском университете; с апреля 1922 по 1925 год – жил и работал в Праге. Точных данных, когда

¹ См.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М.: Наука, 1965. С. 209; *Маршани Г.Н., Мегрелишвили Г.И.* Симон Авалиани // Авалиани С.Л. Крестьянский вопрос в Закавказье. Т. V. Тбилиси, 1986. С. 4-27; *Музичко О.* Грузини у суспільно-політичному та культурному житті Одеси у другій половині XIX – на початку XX ст. (1860-ті роки – 1920 рік) // Причорноморський регіон у контексті європейської політики. Одеса-Ополе-Вроцлав, 2008. С. 334-350; *Он же.* Грузини в Одесі: історія та сучасність / Генеральне Консульство Грузії в м.Одесі. Одеса, 2010. С. 200-215 и др.

² *Авалиани С.А.* [Рецензия на ст.: Бицилли П.М. Западное влияние на Руси и начальная летопись. Одесса, 1914. 27 с.] // Известия Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете. 1915. Т. IV, вып.2. С. 104-105.

³ Одесский листок. Одесса, 1919. 2 марта, № 56. С. 5.

именно П.М. Бицилли познакомился с Н.П. Кондаковым, нет; можно предположить, что наиболее тесные контакты возникли в 1918-1920 гг., когда оба преподавали в университете.

В советской Украине первая статья, в которой упоминается фамилия Бицилли, была опубликована на страницах «Вестника Одесской комиссии краеведения» (1930)¹. Ее автор, секретарь секции по изучению греческого населения Одесской комиссии краеведения, созданной при Украинской академии наук в 1923 г.², Т.Ю. Теохариди³ в контексте истории греческой колонизации на юге Украины привел данные о представителях рода Бицилли, сыгравших значительную роль в расселении греческого населения на территории Одесщины.

В это же время В.П. Бузескул, профессор Харьковского университета, в своем знаменитом труде «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Материалы» (Л.: Изд. АН СССР, 1931. Ч. 2.) упомянул о «талантливой диссертации П.М. Бицилли»⁴.

Начало следующего десятилетия связано с появлением име-

¹ См.: *Теохариді Т.Ю.* Грецька військова колонізація на півдні України наприкінці XVIII та початку XIX стол. (Поселення під м. Одесою) // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській академії наук. Ч. 4–5 (Секція для вивчення грецької нацменшості, Вип. I. Одеса, 1930. С.9–47.

² См.: *Попова Т.Н., Гребцова И.С.* Одесская Комиссия краеведения: к вопросу о преемственности традиций научных обществ // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. 1839-1989.: Тезисы докладов юбилейной конференции. 27-28 октября 1989 г., г. Одесса. Одесса, 1989. С. 37-39.

³ *Теохарий Георгиевич (Юрьевич) Теохариди* (1889-1938) окончил Одесский институт народного образования (1925), археолог, историк южной Украины, член Одесской комиссии краеведения при Всеукраинской академии наук (ВУАН), секретарь секции по изучению греческого нацменьшинства в Украине (1927), репрессирован. См. подробнее: *Левченко В.* Точки біфуркації у долі історика: фрагменти біографії Теохарія Юрійовича Теохаріді // Грецька громада Ніжина: історія та сучасність. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 360-тій річниці універсалу гетьмана Богдана Хмельницького, наданого ніжинським грекам, 330-тій річниці заснування Ніжинського грецького братства та 200-тій річниці відкриття Ніжинського грецького Олександрівського училища / упор. О.С. Морозов; відп. за вип. Л.О. Зайко. Ніжин: Видавець ПП Лисенко М.М., 2017. С. 104-118.

⁴ *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2008. С. 222. *Владислав Петрович Бузескул* (1858-1931) – антиковед, медиовист, источниковед, историограф, выпускник Харьковского университета (1880), магистр (1889), доктор всеобщей истории (1895), действительный член Российской Академии наук (1922) и ВУАН (1925), вся жизнь которого была связана с Харьковским университетом. Он определил П.М. Бицилли как бывшего приват-доцента в Новороссийском университете, «а теперь в Югославии» (с. 223); вероятно, этот материал был подготовлен, когда П.М. Бицилли начал преподавать в филиале Белградского университета в Скопье (1920-1923).

ни П.М. Бицилли в медиевистической литературе: в 1940 г. Осип Львович Вайнштейн (1894-1980), ученик П.М. Бицилли по Новороссийскому университету, в своем учебнике по историографии средних веков написал о своем учителе как о специалисте по проблемам духовной культуры средневековья с указанием двух работ Петра Михайловича: «..исследование по истории францисканства – «Салимбене», 1916 и более широкий по теме культурно-исторический очерк – «Элементы средневековой культуры», 1918». Материал при этом был дан автором в примечаниях, в конце страницы, при перечислении ряда одиозных для советской цензуры имен: А.Г. Вульфиуса, Л.П. Карсавина, Е.Н. Трубецкого и др., преимущественно, по определению О.Л. Вайнштейна, «белоземigrants», упоминание о которых он тем не менее счел необходимым «в интересах библиографической полноты»¹. Даже эти витиеватые формулировки в угоду цензуре не могут заслонить того факта, что нейтральное обращение к работам «ныне белоэмигрантов» (с. 327) было на рубеже 1930-1940-х гг., бесспорно, актом гражданского мужества. О.Л. Вайнштейн стремился объективно осветить историю медиевистики досоветского периода, сохранить имена ученых «старой школы» (в том числе имя своего учителя) для новых поколений историков. Учебник О.Л. Вайнштейна 1940-го года не только стал первым историографическим обобщающим трудом в СССР, но и во многом продолжил «линию Бицилли».

О.Л. Вайнштейна можно назвать непосредственным учеником П.М. Бицилли. Поступив на историко-филологический факультет в 1915 г., О.Л. Вайштейн работал в семинаре Петра Михайловича: студенты читали и комментировали «Салическую правду» и другие законодательные памятники западноевропейского средневековья; изучали монастырское хозяйство и крестьянство раннего средневековья, рассматривали вопросы о происхождении частной поземельной собственности и образовании крупных земельных владений по материалам «Капитулярия о виллах» и «Полиптиха аббата Ирминона»; анализировали источники по истории крестовых походов и проч. Тексты источников переводили с латыни,

¹ *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л., 1940. С. 327 (дата выхода «Элементов...» – 1918 год – автор указал неверно). Аналогичный материал был приведен О.Л. Вайнштейном в статье «Развитие историографии средних веков в царской России», опубликованной в журнале «Историк-марксист» (1940, № 9, с. 113).

разбирали их содержание. Изучение источников сопровождалось анализом трудов Фюстель де Куланжа, Ж. Флакка, П.Г. Виноградова, Д.М. Петрушевского, И.Д. Удальцова, Ф. Мейтленда, К.Т. Инама-Штернегга и др. и написанием рефератов¹.

На третьем курсе О.Л. Вайнштейн за работу «Начало раскола в францисканском ордене» был удостоен золотой медали и права поступать в «профессорские стипендиаты». Научным руководителем этой работы официально был Е.Н. Щепкин, однако проблемы францисканства – ведущая линия исследований П.М. Бицилли в этот период. Заявление руководству факультета с просьбой оставить О.Л. Вайнштейна для подготовки к научной работе по кафедре всеобщей истории было написано П.М. Бицилли. В своем заявлении Петр Михайлович подчеркивал, что студент написал медальную работу на предложенную им, П.М. Бицилли, тему по истории францисканского ордена, а также пользовался его помощью и советами на протяжении учебы в университете. Характеризуя своего ученика, П.М. Бицилли отмечал глубокие знания О.Л. Вайнштейна в области медиевистики, свободное владение языками, позволявшее ему без особых затруднений работать с латинскими, французскими и итальянскими средневековыми памятниками. «... Ясность мысли, историческое чутье, умение разбираться в сложных научных вопросах, точность и добросовестность в передаче усвоенного...» – такова оценка исследовательских качеств О.Л. Вайнштейна, данная П.М. Бицилли². Заявление Петра Михайловича было поддержано Е.Н. Щепкиным.

О.Л. Вайнштейн, человек отнюдь не простой судьбы, состоялся как крупный медиевист и историк исторической науки. Диапазон его исследовательских интересов был широк: в 1920-1930-е годы (одесский период его научно-педагогической деятельности) – это проблемы средневековой Италии и Франции нового и новейшего времени, в том числе эпоха Французской революции XVIII в. – сферы интересов и Е.Н. Щепкина и молодого Бицилли (вспомним, что 15 декабря 1910 г. Петр Михайлович читал свои пробные лекции «Фридрих II Гогенштауфен» по выбору факульте-

¹ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1915 академический год. Одесса, 1916. С. 138-139; История СССР. 1962. № 6. С.91.

² Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 45. Оп. 4. Д. 2714 (1919 г.). Л. 31. См. также: *Вольфун Л., Галчева Т.* Учитель и ученик. Отзыв П.М. Бицилли на сочинение О.Л. Вайнштейна // Средние века. 2016. Выпуск 77 (3-4). С. 162-175.

та и «Наказы 1789 г. как исторический источник» по собственному выбору). Линия историографии с акцентом на теоретические проблемы исторической науки стала, как и у П.М. Бицилли, ведущим направлением «позднего Вайнштейна»¹.

Хронологический диапазон первого периода – **1913-1953 гг.** – от выхода первых «откликов» на печатные труды П.М. Бицилли до года кончины ученого и публикации единственного «Некролога» («Исторически преглед», 1953). Это – время рецензий (преимущественно) на работы ученого (одесского периода и годов эмиграции), кратких информационных сведений биографического и библиографического характера в научной повременной и периодической печати (Болгарии, «Запада» и СССР), в изданиях Софийского университета² и проч.

Первые месяцы послесталинской эпохи характеризовались постепенным изменением политической ситуации в «странах соцлагеря», что, вероятно, и дало возможность выступить в академической печати с официальным некрологом – от Института истории Болгарской Академии наук. В тексте «Некролога», написанного непосредственным учеником П.М. Бицилли профессором Христо Гандевым, было предпринято осмысление личности ученого и его вклада в болгарскую историческую науку. Несмотря на официальный стиль, «Некролог» содержал первую положительную оценку в социалистической Болгарии научного наследия П.М. Бицилли³.

«Некролог» как вид историографического обобщения завершает первоначальный период и открывает следующий.

Второй период. 1953 г. – конец 1980-х гг.

В рамках этого периода, стадийно неоднородного, обращение к личности и творчеству П.М. Бицилли было фрагментарным

¹ *Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964; *Он же.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX-XX вв. / Под ред. В.И. Рутенбурга. Л., 1979; *Он же.* История советской медиевистики: 1917-1966. Л., 1968.

² П.М. Бицилли // Алманах на Софийския университет «Св. Климент Охридски». София, 1939 и др.

³ Проф. Петър Михайлович Бицилли. Некролог от Института за българска история при БАН и от редакционята колегия на сп. «Исторически преглед» // Исторически преглед. Година 9. София, 1953. Кн. пета (5). С. 560-561.

и характеризовалось значительным изоляционизмом не только в координатах «восток-запад» (символически), но и в границах болгарской и советской науки. Несмотря на это, можно наблюдать постепенное (по десятилетиям) нарастание интереса к П.М. Бицилли и его творчеству.

В 1950-е годы шел латентный процесс «приближения к Бицилли». В Болгарии в 1954 г. князем А.П. Мещерским, зятем П.М. Бицилли, была составлена библиография трудов ученого под названием «Биобиблиография проф. П.М. Бицилли» в форме машинописной рукописи, включившей 299 наименований. Из 4-х экземпляров этой рукописи два экземпляра были подарены любимым ученикам П.М. Бицилли – профессорам Ивану Дуйчеву и Христо Гандеву; третий экземпляр был предоставлен в Болгарский Библиографический Институт в Софии¹. Последующие варианты Библиографии² и их многочисленные копии распространились в научном пространстве Болгарии, СССР, Западной Европы, затем России и Украины, способствуя обращению исследователей к творчеству П.М. Бицилли.

1960-е годы стали первым десятилетием в советской историографии, на протяжении которых на волне «Оттепели» вышли в свет разнообразные по жанру публикации о жизни и трудах П.М. Бицилли.

В 1961 г. в журнале «Русская литература» впервые были опубликованы фрагменты переписки И.А. Бунина с П.М. Бицилли, подготовленные к печати А.П. Мещерским, которого профессор М.А. Бирман по праву назвал «первым бициллиеведом»³.

В начале 1960-х гг. к творчеству П.М. Бицилли обратились филологи: в работах В.В. Виноградова, крупного советского литературоведа и лингвиста, было обращено внимание на лингвисти-

¹ Из «Послесловие към Библиографията». С. 1. Это «Послесловие» на 2-х страницах машинописного текста, подписанное инициалами «А.М.», прилагалось к «Библиография на Трудове на професор П.М. Бицилли» (34 с.), ксерокопия которой любезно была предоставлена профессором М.Н. Велевой аспиранту Т.Н. Поповой – Д.А. Шумейко во время его командировки в Болгарию в декабре 2000 г.

² См. подробнее: *Галчева Т.* Неизвестные свидетельства об А.П.Мещерском. URL: <http://www.savedarchives.net/>

³ См.: *Мещерский А.* Неизвестные письма И. Бунина // Русская литература. Л., 1961. № 4. С.152-158; *Бирман М.А.* А.П. Мещерский (1915 – 1992). Несколько страниц к биографии первого «бициллиеведа» // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 800-805.

ческие исследования П.М. Бицилли¹. Одна из работ В.В. Виноградова в 1963 г. была переведена на украинский язык («Проблеми стилістики російської мови в працях Ломоносова». В кн.: Ломоносівський філологічний збірник. Київ, 1963).

В 1965 г. имя П.М. Бицилли вошло в официальное библиографическое издание по истории исторической науки².

Наиболее значительным бициллиеведческим фактом начала 1960-х гг. стала статья С.С. Дмитриева о Н.Л. Рубинштейне (1964)³. Реконструируя биографию ученого, С.С. Дмитриев привел важные данные о преподавательской деятельности Петра Михайловича, лекции которого слушал Н.Л. Рубинштейн (в частности по лекционной книжке № 19 студента-Рубинштейна). В этой же статье впервые в СССР была опубликована «Краткая био-библиография профессора П.М. Бицилли», составленная профессором Христо Христовым, а также письмо профессора Христо Гандева с биографическими сведениями о П.М. Бицилли, адресованное на кафедру истории южных и западных славян Московского государственного университета (от 17 февраля 1964 г.). Это был ответ на запрос, направленный С.С. Дмитриевым в Софийский университет. Не исключено, что в статье С.С. Дмитриева была опубликована библиография ученого, которая представляла собой фрагмент из экземпляра «Биобиблиографии» А.П. Мещерского, подаренного им Христо Гандеву. В библиографии были приведены сведения о 12 работах П.М. Бицилли, написанных в 1916-1947 гг., из них о трех, созданных в одесский период («Салимбене...», «Падение

¹ *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961; *Он же.* Проблемы стилистики русского языка в трудах М.В. Ломоносова // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1961. Т.5. *Виктор Владимирович Виноградов* (1894-1969), доктор филологических наук, академик АН СССР (1946), член Болгарской Академии наук (1946), почетный доктор Пражского университета. Рецензия П.М. Бицилли на работу В.В. Виноградова «Язык Пушкина (Пушкин и история русского литературного языка)» /М.-Л., 1935/ в «Современных записках» (№ 59, 1935) стала одной из очень немногих объективных оценок работы в то время опального ученого («Дело славистов», 1934).

² История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М.: Наука, 1965. С. 513.

³ *Дмитриев С.С.* К истории советской исторической науки: Историк Н.Л. Рубинштейн (1897-1963) // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Серия историко-филологическая. Т. 1. С. 415-478. *Сергей Сергеевич Дмитриев* (1906-1991), советский историк и историограф, специалист по истории культуры XIX - начала XX вв., аспирант Московского университета (1934), профессор МГУ (1968); официально ученик С.В. Бахрушина и М.В. Нечкиной.

Римской империи...», «Элементы...»)¹.

Двумя годами раньше вышли воспоминания самого Николая Леонидовича Рубинштейна, крупного советского историка-руссиста. Н.Л. Рубинштейн – из блестящего интеллектуального гнезда одесских Рубинштейнов. Глава семьи – Леонид (Лазарь) Николаевич Рубинштейн, известный в Одессе на рубеже XIX-XX вв. адвокат, человек высокообразованный, демократически настроенный, воспитал четырех сыновей, ставших известными учеными: Сергей Леонидович – психолог, член-корреспондент АН СССР, Григорий Леонидович – доктор экономических наук, Дмитрий Леонидович – доктор биологических наук, Николай Леонидович – доктор исторических наук.

Вместе с О.Л. Вайнштейном, поступившим в университет на год раньше (1915), Н.Л. Рубинштейн занимался в одном семинаре у П.М. Бицилли. Это была обычная практика многих дореволюционных университетов, когда в силу малочисленности студентов в одном семинаре объединяли разные группы (руситов и всеобщников) и даже разные курсы (в данном случае первый и второй). Несмотря на то, что Н.Л. Рубинштейн специализировался по русской, а не всеобщей истории, как О.Л. Вайнштейн, особое значение для него – будущего профессионального историка – имели лекции и занятия преподавателей-«всеобщников».

На первом месте в воспоминаниях Н.Л. Рубинштейна – имя П.М. Бицилли, оказавшего на студента «непосредственное влияние». «Вторым историком» по степени влияния Н.Л. Рубинштейн называет Е.Н. Щепкина. Именно в семинаре Петра Михайловича Н.Л. Рубинштейн освоил азы исследовательской работы: анализ текстов средневековых памятников, систематическое изучение монографической литературы по эпохе феодализма и т.п. «Это развернутое изучение раннего феодализма легло потом в основу моих занятий по русскому феодализму периода Киевской Руси», – признавался ученый. Н.Л. Рубинштейн отмечал, что «всеобщники», в первую очередь П.М. Бицилли и В.Э. Крусман, отличались и своим стилем чтения лекций, напоминающим, скорее, научную лабораторию, когда «оформление» лекции происходило прямо в

¹ Дмитриев С.С. К истории советской исторической науки: Историк Н.Л. Рубинштейн (1897-1963) // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Серия историко-филологическая. Т. 1. С.430-432.

аудитории, в результате непосредственного общения со студентами. Этот лекционный стиль стал для Н.Л. Рубинштейна, уже университетского преподавателя, эталонным. Среди курсов, которые слушал Н.Л. Рубинштейн, был спецкурс П.М. Бицилли «История историографии». История исторической науки стала для Николая Леонидовича весомой линией его научных исследований¹.

В этих двух публикациях впервые в советской литературе был представлен достаточно объемный образ П.М. Бицилли – ученого, педагога и человека.

Однако в 1960-е годы оценки творчества П.М. Бицилли были неоднозначны. В юбилейном издании истории Одесского университета (1968) имя П.М. Бицилли появилось в сочетании с именами еще трех профессоров историко-филологического факультета – В.Э. Крусмана, М.Г. Попруженко и В.Н. Мочульского². Критерием объединения этих ученых стала их принадлежность, по мнению авторов книги, к «эпигонам буржуазного позитивизма». Помимо т.н. «методологической», акцент был сделан на вторую инкриминационную «статью» – эмиграцию П.М. Бицилли и М.Г. Попруженко³.

Эти оценки были вполне закономерны для эпохи поднимающегося «Застоя»: в официальном издании – «Очерках истории исторической науки в СССР» (Т.1У, 1966) – П.М. Бицилли был квалифицирован как представитель «реакционно-мистического направления» в историографии, а его книга – «Элементы средневековой культуры» – как «выступление воинствующей реакции». Ученого отнесли к тем историкам, которые «...встретили революцию резко враждебно и, не примирившись с ней, оказались вне Советской России...»⁴.

¹ *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 91-92. См. также: *Дмитриев С.С.* К истории советской исторической науки: Историк Н.Л. Рубинштейн (1897-1963) // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Серия историко-филологическая. Т.1. С. 428. [Из лекционной книжки № 19 студента Н. Рубинштейна]; *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. Курс лекций. М., 1941 и др.

² *Мочульский Василий Николаевич* (1856-1920), историк культуры, литературовед, выпускник Новороссийского университета (1878), с 1889 г. – преподавал на историко-филологическом факультете, умер в Одессе; его сын – *Константин Васильевич Мочульский* преподавал историю литературы в Софийском университете в должности доцента (1.04.1920-1.04.1922).

³ Історія Одеського університету за 100 років / Відп. ред. проф. О.І. Юрженко. Київ, 1968. С. 332.

⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. Т.1У. М., 1966. С. 598, 594.

Следует все-таки отдать должное одесским историкам, которые тем не менее отметили тот факт, что в последние годы жизни П.М. Бицилли «...обратился к прогрессивным силам современности, призвал к укреплению советско-болгарской дружбы и пропагандировал достижения советской науки»¹. Несмотря на некоторое преувеличение «заслуг» ученого перед советской властью, впервые в официальном издании республиканского уровня П.М. Бицилли получил вполне лояльную оценку, данную его преемниками по Одесскому (Новороссийскому) университету.

Возможно, сыграло свою роль появление имени ученого в положительном контексте в ряде болгарских и советских публикаций 1950-1960-х гг.; не исключена также и попытка «шестидесятников» – преподавателей исторического факультета Одесского университета имени И.И. Мечникова – переосмыслить наследие своих предшественников в новой историографической ситуации.

В Научной библиотеке университета сохранилась папка с материалами (правда, весьма скудными) о П.М. Бицилли, которые, вероятно, были подготовлены в последние годы деятельности историко-филологического факультета Новороссийского университета для издания Биографического словаря профессоров университета (известно, что эта работа была начата, но в связи с революционными событиями не получила своего завершения). В библиотеке хранятся также многие прижизненные публикации П.М. Бицилли, дарственные экземпляры с его подписью, книги, которые Петр Михайлович презентовал университетской библиотеке².

Творчество П.М. Бицилли постепенно становилось достоянием студенческой аудитории Одесского университета: доцент И.В. Завьялова в своем курсе по историографии средних веков упоминала о работах ученого в контексте только что изданной монографии А.Я. Гуревича³. Студенты, учившиеся в Одесском университе-

¹ Історія Одеського університету за 100 років / Відп. ред. проф. О.І. Юрженко. Київ, 1968. С. 332.

² *Бахчиванжи А.П.* Книги с автографами П.М. Бицилли в университетской библиотеке // Вісник ОНУ / Одеський національний ун-т. Одеса, 2010. Т. 15, випуск 21.

³ См.: *Демин О.Б.* П.М. Бицилли и одесская медиевистика // CURRICULUM VITAE. Сб. научных трудов. Вып. 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010. С.58. Об И.В. Завьяловой см.: Матеріали міжнародного круглого столу, присвяченого сторіччю з дня народження Ірини Володимирівни Зав'ялової (25 листопада 2011 р.) // *Libra: Збірка наукових праць кафедри історії стародавнього світу та середніх віків / Під ред. І.В. Немченко.* Вип. II. Одеса, 2012. С. 7-79.

те в 1960-1980-е годы, могли пользоваться многими публикациями П.М. Бицилли.

Во второй половине 1960-х гг. имя П.М. Бицилли входит в дидактическую литературу. М.А. Бирман, сотрудник Института славяноведения (1950-1991), один из авторов учебника по историографии новой и новейшей истории, в главе 12 «Болгарская историография (1918-1944)» привел данные о П.М. Бицилли, русском историке-эмигранте, приглашенном в Софийский университет для чтения лекций по всеобщей истории и истории России – историческим дисциплинам, которые не имели прочных традиций в болгарской историографии. В своем новом учебнике по истории медиевистики О.Л. Вайнштейн опять упомянул имя своего университетского учителя¹.

Пробуждению внимания к творчеству П.М. Бицилли в странах Запада содействовали в первую очередь ученые-слависты из кругов российской и украинской эмиграции – В.М. Сечкарев, Д.И. Чижевский, Р.О. Якобсон и др., преподававшие в то время в западных университетах. Издание в 1966 г. в Мюнхене немецкого перевода работы П.М. Бицилли «Творчество Чехова», которое осуществил Винсент Зивекинг, ученик славистов В.М. Сечкарева и Дитриха Герхардта (Гамбург), способствовало росту интереса к ученому, однако его восприятие на Западе было ограничено филологической составляющей наследия П.М. Бицилли².

В конце 1960-х – начале 1980-х гг. в советской науке работы П.М. Бицилли становятся объектом изучения специалистов: историка-медиевиста А.Я. Гуревича (с его именем обычно связывают начало стойкого интереса к П.М. Бицилли среди медиевистов), искусствоведа В.Н. Петрова, философа Э.Ю. Соловьева³ и др.

¹ Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / Под ред. И.С. Галкина (отв. ред.), И.П. Дементьева, А.Д. Колпакова, А.Л. Нарочницкого, О.С. Сороко-Цюпы. М., 1968. С.205; *Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики: 1917-1966. Л., 1968. С. 53, 66.

² См. подробнее: *Бирман М.А.* Этапы, вехи и парадоксы бициллиеведения (К постановке вопроса) // *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали.* Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С.282-284.

³ См.: *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972; *Петров В.Н.* Мир искусства // *История русского искусства: В 10 т.* М., 1968. Т. 10. Кн. 1. С. 474; *Соловьев Э.Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования // *Вопросы философии.* 1981. № 7. С. 115-126; *Он же.* Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С. 19.

Ремарка-мнение. В.Н. Петров, одним из первых осваивавший в советской науке наследие ученого, писал: «Для многих работ П.М. Бицилли характерен исследовательский синтетизм, объединяющий в одном произведении литературоведческие, лингвистические, историко-культурные и историософские методы исследования. Это соединение представляет собой специфическую особенность творчества П.М. Бицилли».

В 1979-1980-е годы начал свои историко-медиевистические исследования Б.С. Каганович. Работая над кандидатской диссертацией «Петербургская школа медиевистики в конце XIX – начале XX века» (защищена в Ленинграде в 1986 г.), Б.С. Каганович пользовался консультациями А.П. Мещерского и М.П. Бицилли (1917-1996), дочери ученого¹.

В болгарской науке первые значительные публикации о П.М. Бицилли появились с рубежа 1970-х - 1980-х гг.: это юбилейные статьи (непосредственного ученика П.М. Бицилли – профессора Христо Гандева)², статьи в словарно-энциклопедических изданиях, в новой истории Софийского университета «Св. Климент Охридски», литературоведческие статьи в прессе, воспоминания и т.п.³.

Значительная роль в профессиональном освоении творческого наследия П.М. Бицилли, в институционализации самого бициллиеведения принадлежит профессору Софийского университета *Марии Николаевне Велевой*, профессиональному историографу⁴. М.Н.

¹ См. *Каганович Б.С.* Петербургская школа медиевистики в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986; *Он же.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С.213.

² См.: *Гандев Хр.* Петър Михайлович Бицилли (По случай 100 години от рождението му) // *Векове.* 1980. № 2; *Он же.* Историкът и историята (Разговор с учения по случай 70-годишнината му) // *Векове.* 1978. № 2; *Он же.* Смомени, записани от *М. Велева.* Машинопис, 1978 // Сб. в чест на проф. д-р Христо Гандев. Изследвания по случай 75-годишнината от рождението му. София, 1985.

³ См.: *История на Софийския Университет «Климент Охридски»* / Под ред. Г. Наумов. София, 1988. С. 88, 90-91, 94, 117, 162; *Энциклопедия «България».* Т. 1. София, 1978. С.295; Бицилли, Петър Михайлович // *Български историци.* Биографично-библиографски справочник. София, 1981. С. 48-49; П.М. Бицилли // *Алманах на Софийския университет «Св. Климент Охридски»*, Фототипно. Т. 1, А-3. 1988. С. 212-213; *Недков Здр.* Бахтин и неговата българска история // *Литературен фронт.* 1979, 7 юни; *Косев Д.* Винаги верен на принципа за търсене и защита на историческата истина // *Юбилеен сборник в чест на академик Димитър Косев.* София, 1985 (о П.М. Бицилли с.18) и др.

⁴ См.: *Дроснева Э.* Тропинки историографии в Болгарии // *Харківський історіографічний збірник.* Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. Вип. 13. С. 60-73.

Велева внесла значительный вклад в становление историографии как академической дисциплины в болгарской исторической науке:

1) с ее именем связана стабильная постановка с 1968 г. лекционного курса по историографии в Софийском университете (этот курс существует и поныне);

2) с 1976 г. по инициативе М.Н. Велевой началась подготовка аспирантов по новой дисциплине;

3) М.Н. Велева стояла у истоков нового направления в историографии – исследования главных идейных течений в Европе нового времени и их рецепции в болгарской исторической науке¹;

4) с середины 1970-х гг. М.Н. Велева взяла интервью у своего учителя профессора Х. Гандева²; результатом публикации этих материалов явилось становление нового жанра в болгарской историографии – интервью историографа с историком, получившего развитие благодаря ее ученикам и их последователям;

5) с 1990-х гг. по инициативе М.Н. Велевой болгарские историки начали писать и издавать свои воспоминания: появилось десять книг и ряд статей по историографической мемуаристике;

6) в начале 1980-х гг. в рамках Болгарского исторического общества была создана Комиссия по Историографии во главе с М.Н. Велевой, которая проводила ежемесячные семинары, национальные и международные конференции по истории и теории исторической науки, а соответствующие материалы публиковались в изданиях Болгарского исторического общества;

7) вслед за В.Н. Златарским, крупнейшим болгарским историком и историографом, М.Н. Велева и ее ученики исследовали процесс исторического познания в Болгарии в тесной связи с достижениями зарубежных историков³;

8) с работ М.Н. Велевой начался новый качественный этап в

¹ Велева М. Как се пише история. Историографски студии. София, 2013. С. 47–158, 199–235, 285–384.

² Велева М. Историкът и историята. (Разговор с проф. Хр. Гандев по случай 70 години от рождението му) // Векове. 1978. № 3. С. 78–82.

³ См.: Велева М. Как се пише история. Историографски студии. София, 2013. 543 с.; Дроснева Э. Санктпетербургские вехи болгаро-российского общения историков XIX–XXI вв. // Клио (СПб). 2013. № 12. С. 132–135; Она же. Срезневски, българите и България през 170 години // Дриновский збірник / Дриновски сборник. Харьков–София, 2013. Т. 6. С. 92–124; Попнеделев Т. Списание «Исторически преглед» (1945–1948). Към марксисткото преустройство на историческата наука в България. София, 2006. 281 с

болгарской историографической персоналистике¹;

9) несомненна роль М.Н. Велевой в формировании болгарского ландшафта бициллиеведения и проч.².

В конце 1980-х гг. появилась первая предметная статья о П.М. Бицилли Б.С. Кагановича³. Однако, опубликованная в Венгрии, она, к сожалению, не стала достоянием широких научных кругов.

В 1950-е – 1980-е годы наметились основные линии в развертывании бициллиеведческого процесса:

- расширились жанры публикаций об ученом: предисловия и комментарии к переизданиям его трудов (в первую очередь на Западе); биографические справки в университетских изданиях, учебниках по историографии и т.п.; библиографические сведения в различного рода библиографических изданиях; юбилейные статьи; публикации мемуарного и эпистолярного характера; первые исследовательские статьи, первые диссертационные исследования и проч.;
- вырос «индекс цитирования» в работах филологов, историков, философов, искусствоведов – определился междисциплинарный интерес к творчеству П.М. Бицилли;
- материалы о П.М. Бицилли вошли в университетские курсы на Западе, в Болгарии и СССР;
- была предпринята попытка изучения творчества П.М. Бицилли в рамках специализированных структур – «Историографической комиссии» (Софийский университет) и др.

Тенденция «настойчивого приближения» к П.М. Бицилли особенно проявила себя на волне «гласности» в годы «перестройки». Тема «Бицилли» была поставлена в болгарской, российской и украинской историографии, к ней обратились исследователи из других стран, и итоги этих первых разведок не заставили себя ждать.

¹ См.: *Велева М.* Димитър Страшимиров. Историографски очерк. София, 1972. 203 с.; *Она же.* Александър Бурмов. София, 1988. 176 с.; *Она же.* Как се пише история. Историографски студии. София, 2013. 543 с. и др.

² См.: *Любенова Лизбет.* Светът на Бицилли // Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.8.

³ *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли как литературовед: (К постановке вопроса) // *Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae.* Budapest. 1988. Т. 34. P. 205-222.

Третий период. Конец 1980-х – 1990-е гг.

В этот период под воздействием геополитических трансформаций, повлиявших на историографическую ситуацию, ученые стран Восточной Европы, а также представители научных кругов «диаспорных пространств» резко изменили фокус своего исследовательского интереса: фигура П.М. Бицилли оказалась в эпицентре различных историографических мотиваций. Кризис идентичности и поиски социокультурной, политико-идеологической и историографической самоидентификации во многом детерминировали «Ренессанс» бициллиеведческой тематики в болгарском, российском и украинском научном поле.

1990-е годы не только сформировали главный объект анализа – появился массив разнообразных переизданий трудов П.М. Бицилли, были активно включены в исследовательскую работу сохранившиеся в библиотечных фондах разных стран оригинальные издания, но и определили основные направления бициллиеведческих исследований: археографическое, биографическое, литературоведческое, лингвистическое, культурологическое, проблемно-историческое и т.п.

Среди особо значимых показателей бициллиеведческого процесса на этом этапе можно выделить следующие. *Во-первых*, активное переиздание работ П.М. Бицилли в Болгарии¹ и России².

¹ *Галчева Т., Манолакев Хр., Петкова Г.* Непубликувани писма на И.А. Бунин до проф. П.М. Бицилли // Век 21. 1991. № 18, 1-7 май; *Галчева Т.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // П.М. Бицилли. Избранное: Историко-культурологические работы: В 2-х т. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София, 1993; *Пантев А.* Завръщането на професор Бицилли // Увод в изучаването на новата и най-новата история (Опит за периодизация). София, 1993. С. V – VIII; *Он же.* Предговор // Бицилли Петър. Основни насоки в историческото развитие на Европа. От началото на християнската ера до наше време. София, 1993. С. VI – VII; *Дочев Д.* Пьотр Михайлович Бицилли // Бицилли П.М. Европейската култура и Ренесансът: Избрани студии. София, 1994. С. 9-46; *Он же.* Приложение (П.М. Бицилли и «Руските формалности») // Бицилли П.М. Класическото изкуство. Стилинови изследвания. София, 1995. С. 311-316; *Казаков Г.* За поредицата «Исторически етюди» // Бицилли П.М. Европейската култура и Ренесансът: Избрани студии. София, 1994. С. 3-7; *Коев М., Делев Д.* *Corpus epistolarum.* Писма на П. Мутафчиев, П.М. Бицилли, В. Златарски до Ив. Дуйчев // Свободна книга. Специален брой за 10-год. На Център «Акад. Ив. Дуйчев». Бр. 1-4, год. VII. София, 1996. С. 10-11 и др.

² *Бицилли П.М.* Статъи: История. Култура. Литература (Вступителна статъя *В.А. Туниманова*) // Русская литература. 1990. № 2. С. 134-138; *Анненкова И.В.* Вступ. ст. к публ.: Бицилли П.М. Нация и язык // Известия Российской АН. Серия: Лит и яз. М., 1992. Т. 51. С. 68-70; Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология / Ред., сост. *Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская.* М., 1993; *Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры /

Труды ученого и эпистолярия выходили в специальных сборниках персонологического и тематического характера, в научной и публицистической периодике, отдельными изданиями и сопровождались предисловиями (послесловиями, комментариями и т.п.), в которых приводились биографические сведения, фрагменты писем, документов личного происхождения и давались историографические оценки.

Во-вторых, приоритетной среди новых направлений исследований на Западе, в Болгарии и России стала история эмиграции (в том числе – научной), в контексте которой рассматривалась роль П.М. Бицилли как представителя российских эмигрантских кругов, в частности в Болгарии¹. Эта проблематика способствовала появлению и специальных библиографических и справочных изданий².

Таким образом, *в-третьих*, в России появились более расширенные библиографии по сравнению с опубликованным С.С. Дмитриевым списком трудов П.М. Бицилли, составленным Хр. Христовым. В аннотированном указателе «Русская эмиграция о русском языке» (1993) Л.М. Грановская привела 17 (преимущественно филологических) работ П.М. Бицилли. В монографии П.Т. Пашуто (1992), пожалуй, первом систематизированном труде об историках-эмигрантах, представлен список из 16 работ П.М. Бицилли по истории за 1923-1940 гг. Наиболее полной к середине 1990-х гг. стала библиография, составленная И.В. Анненковой и В.П. Вом-

Предисл. Б.С. Кагановича, коммент. А.Г. Федорова, Ю.Ю. Гудыменко. СПб., 1995. С. VII–XXVII; Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисл. и коммент. Б.С. Кагановича. СПб., 1996. С. VII—XIII; Бицилли П.М. Избранные труды по филологии / Отв. ред. и автор предисл. В.Н. Ярцева; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Вомперского и И.В. Анненковой; вступ. ст. В.П. Вомперского. М., 1996; П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М.А. Васильевой. М., 2000 и др.

¹ Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; Горяинов А.Н. Из забытых «мелочей» журнала «Славянски глас» (1919-1933) // Славяноведение. 1992. № 4; Он же. Культурно-просветительские организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века) // Славяноведение. 1994. № 4; Манолакев Хр. Из историята на руската емиграция в България (Проф. Петър М. Бицили и Чудомир) // Летописи. София. 1994. № 11–12; Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. М., 1994; Велева М. Руската университетска емиграция и България // Дарителите Евлогий и Христо Георгиеви. София, 1998 и др.

² См.: Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992 [список трудов П.М. Бицилли – с. 119]; Русское зарубежье. 1917-1991: Каталог изданий из фонда библиотеки-архива / Дом Марины Цветаевой. М., 1992; Грановская Л.М. Русская эмиграция о русском языке. Аннотированный библиографический указатель (1918-1992). М., 1993 и др.

перским¹. По мнению Б.С. Кагановича, в ее основе была одна из копий «Биобиблиографии» А.П. Мещерского, хотя авторы приводят иные источники ее составления².

В-четвертых, вышли в свет работы, проблемно охватывающие весь творческий путь ученого (или часть его), в которых предлагалось авторское осмысление научного наследия П.М. Бицилли, формулировались оценки отдельных линий его исследований³. Более фундаментальными стали биографические статьи в справочно-энциклопедических изданиях⁴; увеличилось количество учебной литературы с включением трудов П.М. Бицилли⁵. В российской печати появились публикации болгарских исследователей⁶.

В Украине 1990-е годы также были отмечены публикацией статей болгарских исследователей – Г. Казакова (1995) и М. Веле-

¹ Библиография трудов П.М. Бицилли // *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии / Отв. ред. и автор предисл. *В.Н. Ярцева*; сост. и коммент. *И.В. Анненковой* и *В.П. Вомперского*; вступ. ст. *В.П. Вомперского*. М., 1996. С. 673-692.

² См.: *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С.213.

³ *Галчева Т.* Проф. П.М. Бицилли (Не)забравеният. Век 21. 1991. 10-16 април; *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли как историк средневековой и ренессансной культуры // *Культура Возрождения и средние века*. М., 1993. С. 186-197; *Он же.* П.М. Бицилли как историк культуры // *Одиссей*. Выпуск 1993. Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 256-271; *Он же.* Русские историки западного средневековья и нового времени (конец XIX – первая половина XX в.): Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1995; *Велева М.* П.М. Бицилли и историческата наука // *Бицилли П.* Очерци върху теорията на историческата наука. София, 1994. С.5-22; *Она же.* П.М. Бицилли в Софийския университет // *Минало*. 1995. № 1. С.81-92; *Вомперский В.П.* Взгляды П.М. Бицилли на историю русского литературного языка // *Филологический сборник: (К 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова)*. М., 1995. С. 99-106; *Анненкова И.В.* М.М. Бахтин и П.М. Бицилли: Два взгляда на роман Ф.М. Достоевского. Бахтинские чтения. Орел, 1997. Вып. 2. С. 172-174; *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953) // *Славяноведение*. 1997. № 4. С. 49-63; *Он же.* Бицилли-пушкинист: (Заметки к библиографии учебного) // *После юбилея*. Jerusalem, 2000. С. 5-28; *Герасименко А.А.* Проблемы исторического синтеза в понимании теории исторической науки П.М. Бицилли // *Гуманитарное знание: Ежегодник*. Омск, 1998. Вып. 2. Кн.1. Исторические исследования. С. 13-16.

⁴ *Васильева М.* Бицилли Петр Михайлович // *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь*. М., 1997; *Каганович Б.С.* Бицилли Петр Михайлович (1879 – 1953) // *Культурология. XX век: Энциклопедия*. Т. 1. СПб., 1998. С. 76-77; *Чолов П.* П.М. Бицилли // *Български историци. Биографично – библиографски справочник*. София, 1999; *Алексеев П.В.* Бицилли // *Философы России XIX-XX столетий: Биографии. Идеи. Труды*. М., 1999. С. 105-106 и др.

⁵ *Почепцов Г.Г.* История русской семиотики до и после 1917 года. Учебно-справочное издание. М., 1998 (о П.М. Бицилли – с. 147-157); *Философия истории / Под ред. проф. А.С. Панарина*. М., 1999; *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Русская философия истории: Курс лекций. М., 1999 и др.

⁶ *Галчева Т.* Один из немногих: Памяти проф. П.М. Бицилли // *Рус. рубеж: Спец. выпуск Еженедельника «Литературная Россия»*. М., 1992. № 2 (14). С. 22.

вой (1996)¹. В статье М. Велевой «Из архивного наследство на П.М. Бицилли» (Харьков-София, 1996) впервые был дан историографический обзор бициллиеведческих изданий в Болгарии и частично в России, а также опубликован ряд документов личного происхождения (письма, заявления, прошения, автобиографии).

К этому времени тема «Бицилли» в украинской историографии предметно поставлена не была. Обращение к его личности и трудам происходило в контексте изучения конкретных проблем: изучения дисциплинарной истории историографии²; истории науки в Одессе и истории Одесского (Новороссийского) университета³; истории греческой колонизации и греческой диаспоры в Новороссийском крае; истории международных отношений⁴ и т.п. Пожалуй, первой культурологической публикацией в Украине, посвященной творчеству П.М. Бицилли, была статья В.А. Левченко (Одесса)⁵.

¹ Казаков Г. Петро Біцилі // Київська старовина. 1995. № 1. С. 79-81; Велева М. Из архивного наследство на П.М. Бицилли // Български ежегодник. Т. 2. Харьков-София, 1996. С. 201-221.

² Попова Т.Н. См. «Авторская Бициллиана», издания 1990-х гг.

³ Добролюбский К.П. В Новороссийском университете / Публ. А.О. Добролюбского // Одесский вестник. 1994. 12 февраля. № 22; 19 февраля. № 26; Добролюбский К.П., Добролюбский А.О., Добролюбская Ю.О. Семейный архив. Очерки. Одесса, 2004; Попова Т.Н. Из истории Новороссийского университета: П.М. Бицилли // Одесі – 200. Матеріали Міжнародної науково-теоретичної конференції, присвяченої 200-річчю міста. Частина II. Одеса, 1994; Анпатов С.И., Демин О.Б., Першина З.В. Историческая наука в Одессе за 200 лет // Очерки развития науки в Одессе. Одесса, 1995; Попова Т.Н., Станко В.Н. Исторические исследования в Одесском университете: традиции и современность // Вестник Одесского государственного университета. Вып. 1. Одесса, 1995; Попова Т.Н., Максименко И.В. Биоисториографические этюды. Евгений Николаевич Щепкин. Забытое имя: В.Э. Крусман. Петр Михайлович Бицилли (1879-1953) // Одеський університет. 1995. №№ 6-9, 12 травня; №№ 14-17, 28 червня; Александров А.В., Паньков А.И. Об изучении средневековой культуры в Новороссийском (Одесском) университете // Вісник Одеського державного університету (гуманітарні науки). 1997. № 1; Евгений Николаевич Щепкин (1860-1920): Библиографический указатель / Сост.: И.В. Максименко, В.В. Самодурова; Науч. ред. Т.Н. Попова. Одесса, 1998; Попова Т.Н., Максименко И.В. Профессор Новороссийского университета П.М. Бицилли в украинской и болгарской историографии // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби. Міжнародна конференція, присв. 120-річчю визволення Болгарії від османського іга. 30-31 жовтня 1998 р. Одеса, 1998; Попова Т.Н., Максименко И.В. Судьбы ученых: из истории Новороссийского университета (биоисториографические этюды) // Российские университеты в XVIII - XX веках. Сб. научных статей. Вып. 4. Воронеж, 1999; Історія Одеського університету (1865-2000) / Гол. ред. В.А. Сминтина. Одеса, 2000 и др.

⁴ Сапожников И.В., Белоусова Л.Г. Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века): Монография. Одесса; Ильичевск, 1999; Буковский В.Я. Горькая правда. Исторический очерк села Бицилово и района. Раздельная, 1998; Павленко В.В. Українсько-болгарські взаємини. 1918-1939 р.р. Київ, 1995 и др.

⁵ Левченко В.А. Культура как духовный контекст эпохи в работах П.М. Бицилли //

В 1999 г. на базе исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова были проведены III Историографические Чтения, посвященные 120-летию со дня рождения П.М. Бицилли (председатель Оргкомитета – профессор В.Н. Станко, декан факультета, заместитель председателя Оргкомитета – Т.Н. Попова)¹. Эта была первая региональная бициллиеведческая конференция, в которой приняли участие представители вузов, музеев и других научных и культурно-просветительских учреждений Одессы, краеведы из области (В.Я. Буковский, Раздельная); на конференции присутствовал Сергей Владимирович Бицилли – внук Михаила Михайловича, младшего брата П.М. Бицилли. Несмотря на то, что материалы конференции были опубликованы не специальным изданием, а вышли в различных сборниках статей, эта конференция сыграла определенную роль в популяризации творчества П.М. Бицилли в Украине. К открытию Чтений в одесских газетах вышли юбилейные статьи².

В газетной статье «Возвращение Бицилли» (Т.Н. Попова, «Вестник региона», Одесса. 1999) был предпринят экскурс в историографию бициллиеведения, названы имена исследователей творчества П.М. Бицилли в Болгарии, Израиле, России, США, Украине, представлен очерк одесского периода жизни ученого, основанный на архивных данных, впервые вводимых в научный оборот. В 2000 году эти материалы были опубликованы в двух статьях («К биографии П.М. Бицилли: Из истории одесского периода жизни ученого» и «Из истории историографии: П.М. Бицилли. К 120-летию со дня рождения») в изданиях Воронежского университета³, а новые факты биографии ученого вошли в «Био-

Труды семинара по герменевтике. Одесса, 1999. Вып.1. С. 209-220; *Она же*. Методологическая рефлексия в философии культуры П.М. Бицилли. Отечественная философия: русская, российская, всемирная. Материалы V рос. симпозиума историков рус. философии. Н. Новгород, 1998. С. 169-171.

¹ См. об этом: *Зленко Г.* Историографические чтения // Вечерняя Одесса. 1999. 25 декабря; *Г.В. Максименко, В.М. Хмарський.* Історіографічні читання // Записки історичного факультету / Одеській національний університет імені І.І. Мечникова. Одеса, 1999. Вып. 9; *Бачинська О.* Історіографічні читання // Там же. Одеса, 2000. Вып. 10.

² *Чопт И.* Наш земляк – профессор П.М. Бицилли (К 45-летию со дня смерти) // Юг. 1998. 29 сентября; *Зленко Г.* Начало одной биографии. К 120-летию со времени рождения профессора П.М. Бицилли // Вечерняя Одесса. 1999. 2 ноября и др.

³ *Попова Т.Н.* К биографии П.М. Бицилли: Из истории одесского периода жизни ученого // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 34-45; *Она же.* Из истории историографии: П.М. Бицилли. К 120-летию со дня

графический словарь профессоров Одесского (Новороссийского) университета» (2000)¹.

Таким образом, *в-пятых*, с 1990-х гг. можно говорить о начале саморефлексии среди бициллиеведов, о первых подходах к анализу бициллиеведческой историографии (М. Велева, М.А. Бирман, Б.Г. Каганович, Т.Н. Попова и др.).

В-шестых, в это десятилетие значительно расширилась география исследователей творчества П.М. Бицилли: Болгария, Европа, Израиль, Россия, США, Украина.

Четвертый период: 2000-е годы

Новое тысячелетие в развитии бициллиеведения было ознаменовано новыми качественными чертами, в первую очередь – выходом обобщающих трудов историографов. В 2004 г. была опубликована книга «Българската съдба на проф. П.М. Бицилли» (Изд-во «Гутенберг», София, 2004. 162 с.) как итог творческих исканий профессора М.Н. Велевой. Книга, получившая высокую оценку в российской историографии², структурно включила исследовательские статьи М. Велевой за 1994-2003 гг. Важной новацией явился последний раздел – «Библиография»: впервые наряду с трудами П.М. Бицилли, изданными в Болгарии в 1990-2003 гг., была опубликована бициллиеведческая библиография за 1939-2003 гг. из 33 позиций. В нее вошли работы болгарских авторов, российских / В.А. Туниманова, Б.С. Кагановича, В.П. Вомперского, М. Васильевой/, израильских / М.А. Бирмана /, украинских / Т.Н. Поповой / (с. 159-162).

В 2006 г. появляется фундаментальное издание «П.М. Бицилли. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад» (Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М., 2006. 808 с.).

рождения // Российские университеты в XVIII – XX веках. Сб. научных статей. Вып. 5. Воронеж, 2000. С.200-216. Публикация этих статей была осуществлена благодаря поддержке *Владимира Ивановича Чеснокова* (1939-2000), заведующего кафедрой отечественной истории и историографии, основоположника школы историографов-русистов в Воронежском университете, организатора и главного редактора первого в России специального издания по истории университетов «Российские университеты в XVIII-XX вв.».

¹ Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Том 2. А-І.Одеса, 2000. С. 112-115.

² *Горьянов А.Н.* [Рец.:] М. Велева. Болгарская судьба профессора П.М. Бицилли // Вопросы истории. 2006. № 7. С.171-174.

В это издание наряду с публикацией работ П.М. Бицилли (удачной подборкой из трудов ученого одесского периода и ряда статей периода эмиграции, ориентированных на заявленную в названии сборника проблему) вошел объемный биографический очерк (с. 633-718) «Штрихи к портрету ученого», написанный профессором М.А. Бирманом. Автор, основываясь на значительной источниковой базе (включая материалы личного архива, составленного из документов, писем, воспоминаний и проч. родственников и друзей П.М. Бицилли), представил многогранный образ ученого, показал эволюцию его творчества, дал всестороннюю оценку научному наследию П.М. Бицилли.

Наряду с первой полноценной биографией П.М. Бицилли, охватывающей всю его творческую жизнь, в данное издание вошла наиболее полная на сегодняшний день биобиблиография, составленная А.Н. Горяиновым / Москва / и М.А. Бирманом / Израиль /. Библиография включила разнообразные рубрики, в том числе специальный раздел – «Литература о П.М. Бицилли. Статьи. Материалы к биографии. Предисловия» (хронологический диапазон 1949-2003), а также библиографию библиографии (с. 733-778).

В 2007 году вышла монография профессора Б.С. Кагановича «Русские медиевисты первой половины XX века» (Санкт-Петербург, 2007), в которой П.М. Бицилли был посвящен третий раздел (с.163-230). Объединение трех портретов – И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественской и П.М. Бицилли – в одной книге означало исходную концептуальную идею автора о близости творчества Петра Михайловича к историко-культурологической школе Санкт-петербургских медиевистов. Объектом анализа Б.С. Кагановича стало не только наследие П.М. Бицилли как историка, но и историко-литературные и литературно-критические статьи ученого. Важным в связи с этим представляется вывод Б.С. Кагановича: «В основе литературоведческих работ П.М. Бицилли лежат те же методологические принципы и подходы, которые он применял как историк и которые проистекали из его исторического и философского мировоззрения»¹. Эта книга стала значительным событием в развитии бициллиеведения, оказав влияние на расширение его контуров и способствуя появлению новых исследо-

¹ Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С.197.

вательских граней. В этом же году вышла монография «Историография в лицах, проблемах, дисциплинах»; в разделе «Судьбы ученых» была предложена авторская версия биографической канвы П.М. Бицилли и анализ его научного кредо¹.

Если 1980-е и 1990-е годы были отмечены только диссертациями Б.С. Кагановича, в которых автор обратился к наследию П.М. Бицилли, то в десятые годы в диссертациях Л.А. Сыченковой, А.А. Морозова, М.Н. Рудмана, Н.И. Ашуровой, М.А. Васильевой и др. фигура и творчество П.М. Бицилли стали объектом предметного анализа².

Многочисленные сайты Интернета в 2000-х свидетельствуют о том, что в диссертационных работах обращение к трудам П.М. Бицилли практически становится нормативом. К бициллиеведческой тематике активно приобщается новое поколение исследователей творчества П.М. Бицилли³.

Значительно расширилась источниковая база бициллиеведения. Наряду с публикацией эпистолярного наследия П.М. Бицилли а также анализа бициллиеведческих материалов, хранящихся в Пушкинском Доме⁴ появилось новое, многотомное издание, в ко-

¹ См.: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. [Раздел 6. «Судьбы ученых. Петр Михайлович Бицилли: “Исход” и возвращение». С.327-452]. См. об этом: *Бирман М.А.* Этапы, вехи и парадоксы бициллиеведения (К постановке вопроса) // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С. 289.

² *Сыченкова Л.А.* Культура Западной Европы: российский опыт историографического осмысления (вторая половина XIX - 30-е гг. XX вв.): Дис. ... докт. ист. наук. М., 2001; *Морозов А.А.* Русская медиевистика в эмиграции: Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли, Н.П. Оттокар: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001; *Рудман М.Н.* Концепция исторического синтеза в творчестве Л.П. Карсавина и П.М. Бицилли: Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2002; *Ашурова Н.И.* Культурно-историческая концепция П.М. Бицилли: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004; *Васильева М.А.* Проблематика индивидуальности в трудах П.М. Бицилли: Дис. ... канд. филолог. наук. М., 2009 и др.

³ *Шувалов В.И.* Особенности средневекового восприятия мира в работах П.М. Бицилли // От современности к постмодерну. Сб. статей. Пенза, 2000. С. 77-83; *Бичурина Н.И.* Категория культуры в общесторической концепции П.М. Бицилли // III сибирская школа молодого ученого. Томск, 2001. Т. 4. С. 188-193; *Повилайтис В.И.* Философия истории и культуры П.М. Бицилли // Культурный слой. Вып. 6. Проблемы рус. философии и культуры. Калининград, 2003. С. 43-51; *Рачковский Д.В.* Петр Михайлович Бицилли и его «Очерки теории исторической науки» // Культурный слой. Вып. 4. Философия русского зарубежья (исследования и материалы). Калининград, 2004. С. 31-37; *Батурин А.П.* Проблемы менталитета человека Средневековья в исследованиях Л.П. Карсавина и П.М. Бицилли // Медиевистика XXI в.: проблемы методологии и преподавания. Вып. 1. Кемерово, 2004 и др.

⁴ *Бицилли П.М.* Письма к П.Н. Савицкому / Публ. подгот. текста, примеч. и вступ. ст. Б.С. Кагановича // Диаспора: Новые материалы. Вып. 2. СПб., 2001. С. 291-299; *Бицилли*

тором были систематизированы все работы Петра Михайловича, напечатанные в литературном и общественно-политическом журнале русской эмиграции – «Современные записки» (Париж, 1920-1940), а также его переписка с редакцией. В фундаментальной статье профессора М.А. Бирмана представлена история сотрудничества П.М. Бицилли с редакцией журнала «Современные записки» и дан анализ шести блоков публикаций ученого (по проблемной систематизации, предложенной автором статьи)¹.

Болгарское бициллиеведение в 2000-е годы получило новый импульс: в публикациях историков, культурологов, философов и филологов творческое наследие П.М. Бицилли обрело многогранность восприятия². Болгарское электронное издательство «Литернет» в 2003 г. подготовило специальную электронную страницу «Бицилли». К юбилею ученого (2004) издательство выпустило книгу на электронном носителе с литературоведческими работами П.М. Бицилли. В названии электронного сборника – «Салимбене и Пушкин» – авторы стремились обратить внимание на диапазон исследовательских интересов П.М. Бицилли: романское Средневековье (специализация ученого) и русская литературная традиция, символом которой является А.С. Пушкин³.

П.М. Письма к А.Л. Бему / Публ., подгот. текста, примеч. М. Бубениковой (Прага) и Г. Петковой (София) // Новый журнал. 2002. Кн. 228. С. 122-128; Галчева, Т., Петкова. Г. Писма на проф. П. М. Бицили до акад. Ив. Дуйчев // Годишник на Софийския университет „Св. Климент Охридски“. Център за славяно-византийски проучвания „Иван Дуйчев“. Том 97 (16). София, 2011. С. 337-354 и др.; Герашко Л.В., Кудрявцев Б.В. Фонд профессора Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005-2006 г. СПб., 2009.

¹ *Бирман М.А. Проф. П.М. Бицилли и «Современные записки» // «Современные записки» (Париж, 1920-1940): Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. М., 2012. Т. 2; Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920-1940). Сборник статей и материалов / Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. М., 2010; «Современные записки» (Париж, 1920-1940). Из архива редакции / Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. М., 2011. Т.1. 952 с.*

² *Тончев Ал. Петр Михайлович Бицилли и понятие «исторический синтез» // Бялата емиграция в България. София, 2001; Делчев Кр. Мирогледът на Бицилли // Петър Бицилли. Малки творби. София, 2003; Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София, 2004; Любенова Л. Моите разговори // Доайенът: Юбилеен сборник, посветен на 100 годишната на проф. Николай Михайлович Дилевски. София, 2004; Петкова Г. Болгарская судьба русского ученого Петра Бицилли // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. Автор идеи и сост. С.А. Рожков / Русский Академический Союз в Болгарии. София, 2009. С.56-57; Григорова Д. Петр Бицилли и евразийство // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С.303-308 и др.*

³ См.: *Петкова Г. Металитературный проект П.М. Бицилли: между Салимбене и*

Бициллиеведческую литературу украинских исследователей 2000-х гг. по проблемно-дисциплинарному принципу можно условно разделить на шесть блоков. К первому блоку относятся работы, в которых фигура Бицилли рассматривается в определенном контексте: истории институционализации исторической науки в Украине¹, истории Одесского (Новороссийского) университета²; второй блок – биоисториографические работы³; третий – культурологические исследования⁴; четвертый – работы, посвященные проблемам истории и теории бициллиеведения, первым бициллиеведам⁵; пятый – исследования по схолярной проблематике⁶; ше-

Пушкиным // *Rossica* (Прага), 2007. С. 115-122; Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. Автор идеи и сост. С.А. Рожков / Русский Академический Союз в Болгарии. София, 2009. С.57.

¹ См.: *Потульницький В.А.* Україна і всесвітня історія: Історіософія світової та української історії XVII-XX століть. К., 2002; *Стельмах С.* Історична наука в Україні епохи класичного історизму. XIX – початок XX століття. Київ, 2005.

² *Дьомін О.* Вивчення та викладання всесвітньої історії в Одесі в XIX-XX ст. // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Вип. 15. Серія: Історичні науки. Номер 1. Чернігів, 2002; *Попова Т.Н.* Проблемно-дисциплінарна структура історических досліджень в Новоросійському університеті // Російські університети в XVIII-XX веках: Сб. наукових статей. Вип.7. Воронеж, 2004; *Нємченко І.В.* Проблеми середньовічної культури в дослідженнях науковців Новоросійського університету // Записки історичного факультету / Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. Вип. 16. Одеса, 2005; *Бахчиванжи А.П.* Книги с автографами П.М. Бицилли в університетській бібліотеці // Вісник ОНУ / Одеський національний ун-т. Одеса, 2010. Т. 15, випуск 21 і др.

³ *Шумейко Д.А.* Проблеми періодизації нової і найновішої історії в творчестві П.М. Бицилли // Російські університети в XVIII-XX веках. Сб. наукових статей. Воронеж, 2002. Вип. 6; *Он же.* Публікації П.М. Бицилли на сторінках «Ізвестій Одеського бібліографічного общества» // Записки історичного факультету / Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. Вип. 10. Одеса, 2000; *Он же.* Болгарський період життя та творчості П.М. Біцилли // Там же. Вип. 11. Одеса, 2000; *Он же.* Рецензії як жанр наукової творчості П.М. Біцилли // Там же. Вип. 12. Одеса, 2002; *Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: из истории жизни и творчества // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Зб. наук. праць. Число 10. У двох частинах. Ч. 2. К., 2003; *Она же.* Образ університетського професора: П.М. Бицилли // Харківський історіографічний збірник. Вип. 7. Харків, 2004 і др.

⁴ *Александров А.* П.М. Біцилли – історик та теоретик середньовічної культури // Історико-літературний журнал. 2004. № 10; *Он же.* П.М. Бицилли – культуролог // Аркадія. 2004. № 1; *Найдорф М.И.* К постижению логики Ренессансного кризиса // Сб. научных трудов кафедры культурологии и искусствоведения Одесского национального политехнического университета. Вип. 5. Одесса, 2002; *Он же.* Наблюдения над одной статьей П.М. Бицилли // "МОРИЯ". Альманах. № 11. Одесса, 2010 и др.

⁵ *Шумейко Д.А.* П.М. Бицилли в болгарской историографии // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2002. Вип. 5 *Попова Т.Н.* Фундаторы бициллиеведения: М.Н. Велева, М.А. Бирман // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2008. Вип. 10 и др.

⁶ *Демин О.Б.* Поиски историографических корней: П.М. Бицилли и А.М. Клитин // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009; *Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: проблема наставников и школы

стой – публикации по вопросам микросоциума – окружения П.М. Бицилли¹.

По жанровому принципу – это разделы монографий, статьи в научных сборниках, словарно-энциклопедических изданиях, в периодической печати, материалы конференций, дидактическая литература².

Значительный контингент бициллиеведов – из Одессы. Это неудивительно, т.к. Одесса – родной город ученого, в котором прошли первые сорок лет его жизни; в библиотеках и архивах города сохранились ранние издания работ П.М. Бицилли и биографические материалы. Немаловажен и тот факт, что П.М. Бицилли принадлежит к числу ученых, которыми вправе гордиться Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова.

В сентябре 2007 г. в рамках международной конференции

(К 130-летию со дня рождения) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 5. Омск, 2009.

¹ *Попова Т.М., Немченко И.В.* Крусман Володимир Едуардович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Том 3. К-П. Одеса, 2000; *Шевчук Н.А.* В.Э. Крусман и его научно-педагогическая деятельность // Вопросы германской истории. Сб. научных трудов. Днепропетровск, 2001; *Музичко О.* Інтелектуальне співтовариство одеських істориків на зламі ХІХ-ХХ ст.: лінії суперництва і співпраці // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Випуск 4. Київ, 2009; *Попова Т.Н.* В.Э. Крусман: новое прочтение // Древнее Причерноморье. Выпуск VIII / Под ред. *И.В. Немченко* и др. Одесса, 2008; *Немченко И.В.* Преодолевая стереотипы: П.М. Бицилли и В.Э. Крусман в одесский период творчества // CURRICULUM VITAE. Сб. научных трудов. Вып. 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010 и др.

² *Попова Т.Н., Шумейко Д.А.* Проблемы медиевистики в творчестве П.М. Бицилли одесского периода // Середньовічна Європа: погляд з кінця ХХ ст.: Матеріали Міжнародної наукової конференції. Зб. наукових статей / Чернівецький державний університет ім. Ю. Федьковича; Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича. Чернівці, 2000; *Шумейко Д.А.* Матеріали к біографії П.М. Бицилли в фондах Государственного архива Одесской области // Архів. Документ. Історія. Сучасність: Праці Державного архіву Одеської області. Т.ІV. Одеса, 2001; *Он же.* Е.Н. Щепкин о П.М. Бицилли // Каразінські читання (історичні науки): Матеріали міжнародної наукової конференції 25 квітня 2008 р. Харків, 2008; *Он же.* Творческое наследие П.М. Бицилли: одесский период // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009; *Левченко В.* Концепция реформы высшей школы П.М. Бицилли (На основе статьи «Демократия и школа») // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009; *Бойченко И.В.* Філософія історії: Підручник. Київ, 2000; *Найдорф М.И.* Введение в теорию культуры: Основные понятия культурологии. Одесса, 2005 и др.; *Зленко Г.Д.* Біциллі Петро Михайлович // Енциклопедія Історії України. Т.1. А-В. К., 2003; *Попова Т.Н.* Біциллі Петро Михайлович. 1879-1953 // Одеські історики. Том.1. Енциклопедичне видання. Одеса, 2009; *Гений места / Подбор материала Сарры Песчанской // Мигдаль Times. № 99, 2008/5769. URL: http://www.migdal.ru/times/99/17529/* и др.

«Болгары в Северном Причерноморье» состоялся Круглый стол «Бициллиеведение в международном интеллектуальном пространстве: состояние и перспективы», участниками которого стали представители болгарского (М. Велева, Д. Григорова), украинского (Киев, Харьков, Одесса) бициллиеведения, а также профессор М.А. Бирман (Израиль). Эта встреча бициллиеведов стала новым шагом в расширении бициллиеведческой тематики, постановке теоретических проблем исследования интеллектуальной биографии П.М. Бицилли¹.

1-2 октября 2009 г. в Одесском национальном университете имени И.И. Мечникова состоялись международные научные чтения, посвященные 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли. Инициатором чтений стал Научно-исследовательский и образовательный центр имени Г. Флоровского (философский факультет ОНУ). Состав участников приобрел новые географические контуры: Одесса, Киев, Москва, Санкт-Петербург, Казань, Пермь, Ашдод (Израиль), София (Болгария), Кишинев (Молдова) и др.; расширилось дисциплинарное представительство: среди докладчиков – историки, философы, культурологи. Тематика докладов была сконцентрирована в трех проблемных блоках: «Современное состояние бициллиеведения», «Линии преемственности/разлома традиций медиевистики, связанных с именем П.М. Бицилли», «Традиция и сегодняшний день: «Линия П.М. Бицилли» в современных исследованиях». Чтения отразили новый качественный этап в развитии бициллиеведения в целом и его украинского ландшафта. Главный координатор Чтений – О.А. Довгополова, доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов ОНУ, сформулировала «долгосрочную» концепцию подобных мероприятий².

Через год (30 сентября – 2 октября 2010 г.) в Одессе состоялся

¹ См.: *Попова Т.М., Пригарин О.А.* Міжнародна наукова конференція «Болгари у Північному Причерномор'ї» // Український історичний журнал. 2008. №.1; Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний ред. В. Смолій; відп. ред. І. Колесник. Інститут історії України НАН України. Вип. 3. Част. 1. Київ, 2008; *Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи.* Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С. 279-344.

² *Довгополова О.А.* Вступительное слово // CURRICULUM VITAE. Сб. научных трудов. Вып. 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010. С. 3-13.

международный научно-образовательный семинар «ESCHATOS: Философия истории в предчувствии конца истории». Его организаторами выступили не только структуры ОНУ имени И.И. Мечникова (кафедры: философии, истории древнего мира и средних веков, новой и новейшей истории; Научная библиотека университета), но и Пермский государственный университет, а также Одесское отделение Российского Философского Общества. География участников: Украина (Одесса, Киев), Россия (Санкт-Петербург, Пермь, Ростов-на-Дону), Молдова (Кишинев), Израиль (Иерусалим), Германия. Основные проблемные блоки, представляющие тематику докладов участников: «Историописание как проблема философии истории: линия П.М. Бицилли», «Идея “Предела” и исторического сознания средних веков и раннего нового времени», «Конец Европы: опыт столкновения нарратива и творчества», «Конец... Истории?». Модераторами работы семинара стали представители Одесского и Пермского университетов – О.А. Довгополова и А.А. Каменских¹.

В следующем году (сентябрь-октябрь 2011 г.) в Одессе прошел второй международный научно-образовательный семинар «ESCHATOS: философия истории в контексте идеи предела», посвященный памяти П.М. Бицилли. В его работе приняли участие историки, философы, культурологи Украины, России, Израиля, Франции, Узбекистана. В докладах рассматривались проблемы исследования концепций разрыва времени в поздней античности, в период средневековья и в наше время. В рамках семинара был проведен Круглый стол по проблеме «интеллектуальной контрабанды»².

В 2012 году (5-6 октября) одесситами и коллегами из Перми был организован третий международный научно-образовательный семинар «ESCHATOS: философия истории в контексте идеи предела», объединивший ученых из Украины, России, Болгарии и Израиля. Участницей семинара стала Т. Галчева (София, Болгария) с докладом: «Об одном случае контрабанды книг и поведения –

¹ См.: ESCHATOS: Философия истории в предчувствии конца истории: Международный научно-образовательный семинар. Одесса, 30 сентября – 2 октября 2010. Программа работы. Одесса, 2010; ESCHATOS: Философия истории в предчувствии конца истории / Отв. редактор О.А. Довгополова. Одесса, 2011. 366 с.

² ESCHATOS-II: философия истории в контексте идеи «предела»: сб. статей / Отв. редактор О.А. Довгополова. Одесса, 2012. 280 с.

попытка стилистического анализа (или как Госбезопасность узнала о Бердяеве и Бицилли, но /не/нашла Троцкого»), одна из первых среди болгарских исследователей, кто активно способствовал «возвращению Бицилли».

В 2013 г. в Одесском национальном университете имени И.И. Мечникова состоялся семинар памяти П.М. Бицилли и Г.В. Флоровского, на котором присутствовала внучка П.М. Бицилли – Н.А. Галь (Швейцария), а также бициллиеведы из Болгарии (Т. Галчева выступила с докладом «Дорога в Софию» – о непростом пути П.М. Бицилли в Софийский университет), России (Л.А. Сыченкова), Украины. Н.А. Галь побывала в доме, где жил П.М. Бицилли со своими родителями, познакомилась с родственниками по линии младшего брата Петра Михайловича – Михаила Михайловича.

В 2010-е гг. активно работали два бициллиеведческих центра.

Во-первых, это – Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, на базе которого с 2007 г. проходят международные конференции, посвященные творчеству П.М. Бицилли. Энергичная деятельность с 2009 г. бывших выпускниц исторического факультета, ныне – докторов философских наук О.А. Довгополовой и И.В. Голубович, деятельность Научно-исследовательского и образовательного центра имени Г. Флоровского (философский факультет ОНУ) привела к значительной активизации разработки темы «Бицилли» и расширению бициллиеведческого ареала.

Во-вторых, созданный в 2012 г. болгарской исследовательницей Т.Н. Галчевой и внучкой П.М. Бицилли Н.А. Галь при активном участии Галины Петковой (Софийский университет) Интернет-сайт «Saved Archives. Документи. Спомени. Публикации. Фото. Контакты» за короткий срок предоставил заинтересованному читателю важнейшие бициллиеведческие материалы.

Установление с 2012 г. тесных творческих контактов между этими центрами стало важной вехой в институционализации бициллиеведения. Плодотворным результатом совместной работы двух бициллиеведческих центров стала публикация в соавторстве статей Т.Н. Галчевой (София) и И.В. Голубович (Одесса), весьма ценных для освоения персональной истории П.М. Бицилли¹.

¹ См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. Письма П.М. Бицилли к Н.А. Астрову о В.А. Мякотине // Славяноведение. 2014. № 4. С. 48-56; Голубович И.В. Галчева Т.Н. Забота о себе в опыте русской эмиграции (по материалам эпистолярного наследия П.М. Бицилли) // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культу-

Главным достижением этих глубоких исследовательниц «мира Бицилли» явилось фундаментальное издание: переписка П.М. Бицилли с представителями семьи Флоровских – «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции» (1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. 320 с.: ил.)¹.

Т.Н. Галчева и И.В. Голубович, снабдив книгу высоко профессиональными комментариями, блистательно показали, по словам О.А. Довгополовой, автора вступительной статьи к этой книге, «...веер судеб людей, не давших миру себя сломать и пропустивших через себя боль и трагедию своей эпохи, оставшись при этом “людьми Университета”» в высоком понимании этого слова – как «идеи корпорации профессоров и студентов, творящей мир»,² в котором хотел жить Петр Михайлович Бицилли.

За последнее пятилетие учеными Одессы и Софии были опубликованы новые работы, посвященные П.М. Бицилли и его творчеству³; на международных форумах – «Российская эмиграция и философия истории. П.М. Бицилли и Г.В. Флоровский о евразийстве» (международный научный семинар теологического союза

ры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 1: Постоянство пребывания с собою. М.: Канон+, 2015. С. 83-98.

¹ См.: *Каганович Б.С.* [Рец.:] Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к „независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции / Научн. ред. В.В. Янцен. София: Солнце, 2015. 320 с. // *Средние века*, 2016. №77 (1-2). С. 371-374; *Васильева М.А.* Сопричастность как форма мысли. [Рец.:] Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с. // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына* – 2016. М., 2016. С. 773–780.

² *Довгополова О.А.* «...Мое слишком уж затянувшееся сидение на луне, по ту сторону культуры...» // *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София, 2015. С. 23.

³ *Голубович И.В.* П.М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // *Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.-сост. Ю.П. Зарецкий, В.П. Лихачев, А.Ю. Зарецкая; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики».* М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 62-81; *Галчева Т.* Судьба свидетеля: «Собрать все, что возможно, воедино» (неизвестное об А.П. Мещерском) // *Свидетельство: традиции, формы, имена. Успенские чтения / Сост. К.Б. Сигов.* Київ: Дух і Літера, 2013. С.583-603; *Она же.* Новый текст профессора П.М. Бицилли // *Средние века*, 2013. №74 (1-2). С. 86-92; *Довгополова О.А.* (2014 г.) Екзистенційний жест історика в світі, що руйнується (міркування про долі П.М. Біцилли та Л.П. Карсавіна). // *Libra: збірка наукових праць кафедри історії стародавнього світу та середніх віків.* Вип.Ш. Одеса, 2014. С. 106-114; *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // *Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов.* Брянск, 2014. Вып. 16. С. 148-157 и др.

имени Г.В. Флоровского, Принстонский университет, США, апрель 2014 г.); «Гуманитарная наука в России и перелом 1917 г.: экзистенциальное измерение» (международный научно-образовательный семинар, Пермь, Россия, Высшая школа экономики, август 2015 г.); XV международные богословские Успенские чтения: Правда. Память. Примирение (22-25 сентября 2015 г. Киев) – выступили с докладами представители Одесского национального университета имени И.И. Мечникова¹ и др. В России², Болгарии³, Польше⁴

¹ *И.В. Голубович*: «П.М. Бицилли и Г.В. Флоровский: диалог о формах исторического истолкования»; *Она же*: «Взорвать изнутри философию истории...»: П.М. Бицилли и Г.В. Флоровский в первые годы эмиграции» и др.

² См.: *Янцен В.* Другая философия: переписка Д.И. Чижевского и Г.В. Флоровского (1926-1932, 1948-1973) как источник по истории русской мысли // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2008-2009 год /Под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М.: Регнум, 2012; *Бахтеева Р.Р.* Мир русского зарубежья в рецензиях Петра Бицилли // : Terra Linguae Et Reliquiae. Сборник. Институт международных отношений, истории и востоковедения. Казань, 2014. С. 41-44; *Васильева М.А.* Средневековая Италия и спор о «среднем человеке»: полемика П.М. Бицилли с Л.П. Карсавиным // Россия – Запад – Восток. Литературные и культурные связи, 2014. №2. С. 50-64; *Она же*. Проблема человека в трудах Петра Бицилли о Гоголе // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2015. №4(22). С.10-15; *Клюев А.И., Свешников А.В.* П.М. Бицилли и петербургская школа медиевистики (вместо предисловия) // Средние века, 2014. №75(4). С. 387-394; *Сыченко Л.А.* Преодолеть барьер «эмигрантской периферии»: П.М. Бицилли в европейской медиевистике // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 2016. Т. 158. №3. С. 829-839; *Она же*. Джордано Бруно и переосмысление мифа о «золотом веке» Ренессанса: А. Веселовский, Л. Карсавин, П. Бицилли // Вестник Казанского университета культуры и искусств, 2016. № 2. С. 31-36; *Она же*. «Я пишу не более не менее как всемирную историю»: просветительская миссия Петра Бицилли // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2016. С. 50-56; *Федотова П.И.* Закат античности в работе П.М. Бицилли «Падение Римской империи» // Экономический вектор, 2016. №1(4). С.109-115; *Вольфшун Л.Б., Галчева Т.* Учитель и ученик: Отзыв П.М. Бицилли на сочинение О.Л. Вайнштейна // Средние века. 2016. Вып. 77 (3-4). С. 162-175; *Попова Т.Н., Левченко В.В.* П.М. Бицилли: фрагменты семейной истории // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2018. Вып. 20. С.126-147; *Щедрин И. О.* «Культур безъязычных нет», или Об актуальности методологической стратегии П. М. Бицилли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 3. С. 564–571 и др.

³ См.: *Петкова Г.* «Школьный канон» П.М. Бицилли: взгляд рецензентов. Детские чтения, 2014. №1 (005). С. 72-94; *Она же*. «Краткая история русской литературы» П. Бицилли – учебное пособие, Iarsus, авторский канон? // Филологический клас, 2014. №1(35). С. 69-77; *Она же*. Авторский канон в «школьной форме»: «Краткая история русской литературы» П. Бицилли. // Короб культурных кодов. Сборник в чест на 65-годишнината на проф. д.ф.н. Дечка Чавдарова. Велико Търново, 2016. С.205-215; *Она же*. „Да се даде ръководеща нишка...“. История на руската литература от проф. П. Бицилли в три книги (България, 1931–1934 г.). София: Факел, 2017; *Галчева Т.Н.* К вопросу о рецензентской практике В.Ф. Ходасевича (на примере «диалога» с П.М. Бицилли // Русистика без границ. Международный научный журнал. София. 2017. № 1. С.54-63 и др.

⁴ См.: Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. [Opuscula Slavica Sedlcensia. T. XIV].

и Украине¹ вышли новые интересные работы, значительно расширяющие диапазон освоения Бицилли. М.А. Бирман (Израиль) продолжил поиск неизвестных публикаций П.М. Бицилли².

К концу второго десятилетия XXI века научное сообщество бициллиеведов включило специалистов в области самостоятельных разделов гуманитаристики из разных стран – Болгарии, Германии, Израиля, Италии, России, США, Украины, Польши и др., которыми по сути уже создана в своих основных чертах когнитивная система бициллиеведения с отчетливым рефлексивным компонентом. По национально-региональному признаку можно выделить болгарское, российское и украинское бициллиеведение как наиболее компактные национально-региональные составляющие единого бициллиеведческого процесса. Представители этих бициллиеведческих ландшафтов одновременно входят в национальные научные сообщества соответствующих государственных пространств. По дисциплинарному признаку бициллиеведческое сообщество включает историков, филологов (литературоведов и лингвистов), философов, культурологов, социологов и проч. Среди них – профессионалы и аматоры.

Процесс «постижения Бицилли» имеет непростую конфигурацию развития, значительную географию исследовательских центров, свой ритм движения в целом и в отдельных бициллиеведческих ландшафтах.

Украинское бициллиеведческое пространство, безусловно, составляет сегодня определенный пласт в общей системе бициллиеведческих исследований: можно говорить о складывании нового направления в историографии Украины³, появились серьезные публикации в области филологии, последние годы характеризуют-

¹ См.: Додонов Р.А. Критика П.М. Бицилли философии истории евразийства // Гуманитарний вісник Запорізької державної академії, 2013. №52. С. 218-226; Александров О.В. Література Київської Русі: Між міфопоетикою і християнським символізмом: [Статті. Монографія]. Одеса: Астропринт, 2010. (О П.М. Бицилли и его книге «Элементы средневековой культуры»); Попова Т.Н. К биографии Н.Я. Шведовой: Из семейной истории П.М. Бицилли (К 140-летию со дня рождения) // Воронцовский сборник. Выпуск 9. Сборник научных статей. Одесса: ООО «Удача», 2019. С.65-75 и др.

² См.: Бирман М. Псевдонимы и криптонимы П.М. Бицилли (к поиску невыявленных публикаций ученого) // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под редакцией М. Шрубы и О. Коростылева. М., 2016. С. 125-137.

³ См.: Попова Т.Н. Бициллиеведение – новый исследовательский ландшафт в историографии Украины (К 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли // Історіографічні дослідження в Україні / Голова редколегії В.А. Смолій; відп. ред. О.А. Удод. Київ, 2010. Вип. 20 и др.

ся значительной активизацией философов и культурологов.

Болгарское бициллиеведение представлено такими именами, как: Хр. Гандев, М. Велева, Т. Галчева, Д. Григорова, Д. Делев, Кр. Делчев, Д. Дочев, Г. Казаков, М. Коев, Л. Любенова, Хр. Манолакев, Здр. Недков, А. Пантев, Г. Петкова, Вл. Свинтила, Ал. Тончев, П. Чолов и многие другие ученые. Особое место занимает «первый бициллиевед» – князь А.П. Мещерский, русский эмигрант, зять П.М. Бицилли, сыгравший исключительную роль в сохранении и популяризации наследия ученого.

Российское бициллиеведение представляют: историки – Б.С. Каганович (Санкт-Петербург), А.Н. Горяинов, А.Я. Гуревич, В.Т. Пашуто (Москва), Шувалов В.И. (Пенза) и др.; филологи – В.В. Виноградов, В.П. Вомперский, И.В. Анненкова, М.А. Васильева, В.А. Туниманов, С.Р. Федякин (Москва) и др.; культурологи – Б.Е. Степанов (Москва), Л.А. Сыченкова (Казань), А.А. Морозов (Омск), Н.И. Ашурова (Томск), М.Н. Рудман (Уфа) и другие исследователи, число которых с каждым годом растёт.

Украинское бициллиеведческое сообщество включает историков – О.Б. Демина, И.В. Немченко, Т.Н. Попову, Д.А. Шумейко, В.В. Левченко (Одесса), филологов – А.В. Александрова, Г.Д. Зленко (Одесса), философов и культурологов – И.В. Голубович, О.А. Довгополову, В.Л. Левченко, М.И. Найдорфа (Одесса) и др.

Значительная роль в исследовании жизни и творчества П.М. Бицилли принадлежала профессору М.А. Бирману (1919-2020), который в течение многих лет выступал в качестве своеобразного связующего центра между различными регионами бициллиеведения.

Фундатеры бициллиеведения¹: Экскурс первый

Велева Мария Николаевна (биоинформация) – доктор исторических наук, профессор, профессиональный историограф, выпускница Ленинградского университета, научно-педагогическая

¹ См. первые варианты этого текста: *Попова Т.Н.* Бициллиеведение: информационно-аналитические комментарии (Круглый стол «Бициллиеведение в международном интеллектуально пространстве: состояние и перспективы». X международная научная конференция «Българите в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г.) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Інститут історії України НАН України. Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Вип. 3. Київ, 2008. С.392-406; *Она же.* Фундатори бициллиеведения: М.Н. Велева, М.А. Бирман // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2008. Вып. 10. С. 159-172.

деятельность которой была связана с Софийским университетом. Исследовательница обратилась к фигуре П.М. Бицилли во многом благодаря своему научному наставнику, профессору Христо Гандеву, которого сама Мария Николаевна называет ближайшим учеником профессора П.М. Бицилли, его «наследником в науке». Второй фактор, который обусловил «путь к Бицилли», весьма значимый для университетского преподавателя, – дидактический – разработка лекционного курса «История исторической науки» для студентов Софийского университета (с 1968 г.).

В процессе «приближения» М.Н. Велевой к теме «Бицилли» сыграли роль еще два момента (которые одновременно можно рассматривать и своеобразным результатом этого «приближения»).

Во-первых, в начале 1980-х гг. на Историческом факультете Софийского университета была создана Историографическая комиссия, в которую вошли Мария Велева (руководитель), Петр Тодоров, Лизбет Любенова и Елка Дроснева. Программа работы Комиссии предусматривала изучение научного наследия профессоров-эмигрантов из бывшей Российской империи, в частности монографическое исследование жизни и творчества П.М. Бицилли, П.Б. Струве, М.Г. Попруженко и В.А. Мякотина. По разным причинам большая часть наработанного материала – доклады на конференциях, интервью с наследниками, статьи и даже одна монография – не были опубликованы, однако серьезная работа по исследованию вклада российских ученых-эмигрантов в болгарскую гуманитаристику была начата.

Во-вторых, 24 мая 1989 г. М.Н. Велева выступила перед историками в Софийском университете с докладом «Пьотр Михайлович Бицилли в научния живот на България» (в рамках университетских торжеств). В этом докладе были обобщены первые итоги ее поисков и привлечено внимание научной общественности к фигуре П.М. Бицилли¹.

На протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. М.Н. Велева продолжила разработку темы «Бицилли», и в этот же период были опубликованы в виде статей основные результаты ее многолетних исследований.

¹ Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София, 2004. С. 8, 78, 93, 149-150, 159; Гандев Хр. Спомени, записани от М. Велева. Машинопис, 1978 // Сб. в чест на проф. Д-р Христо Гандев. Изследвания по случай 75-годишнината от рождението му. София, 1985. С. 12.

В 2004 г. в качестве синтетической формы творческих исканий М.Н. Велевой выходит ее книга «Българската съдба на проф. П.М. Бицилли» (Изд-во «Гутенберг», София, 2004. 162 с.), ставшая значительным событием в развитии бициллиеведения¹.

О книге: Книга М.Н. Велевой структурно включает в себя: 1) Предисловие «Светът на Бицилли», написанное Лизбет Любеновой, редактором данного издания; 2) пять статей, опубликованных М. Велевой в различных научных сборниках и журналах на протяжении 1994-2000 гг.; 3) Приложение, в которое входят: статья о В.А. Мякотине, интервью с М.Н. Велевой и Библиография работ П.М. Бицилли, изданных в 1990-2003 гг., а также работ о П.М. Бицилли, вышедших в Болгарии, России и Иерусалиме на протяжении 1939 – 2003 гг.

Столь сложная на первый взгляд и многожанровая по составу текстов книга тем не менее подчинена жесткой логике структурирования и характеризуется стройной архитектуроникой. Статьи, составляющие основное содержание книги, были написаны М.Н. Велевой в разные годы и посвящены достаточно широкому кругу проблем. Однако последовательность их размещения в книге предполагает проблемное разворачивание одной темы – темы, которая выступает в качестве главного стержня исследовательской программы М.Н. Велевой. Это тема – «П.М. Бицилли и Болгария».

Первая статья (и фактически первый раздел) – «Руската университетска емиграция в България» (впервые опубликована в: «Дарителите Евлогий и Христо Георгиеви». София, 1998. С. 235-253) посвящена характеристике российской научной эмиграции в Болгарии в хронологических рамках 1920-1948 гг. Основной акцент сделан на вопросы количественно-качественный анализа профессуры Софийского университета. Автором приведены статистические данные о количестве профессоров-эмигрантов, городах, из которых они прибыли, специальностях, званиях и должностях на факультетах, на которых ученые работали в Софийском университете, времени начала и окончания службы в университете, дате и месте кончины и проч. Все эти сведения, которыми не исчерпывается статистический анализ научной эмиграции (в тексте статьи рассмотрен ряд иных параметров), представлены в концентрированном виде в форме та-

¹ См.: Горяинов А.Н. [Рец.:] М. Велева. Болгарская судьба профессора П.М. Бицилли // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 171-174.

блицы (Приложение № 1. С. 28-31). Кроме этого, М.Н. Велевой дана библиография учебных изданий, вышедших в период 1920-1953 гг., авторами которых являлись русские преподаватели в Софийском университете (Приложение № 2. С. 32-34); приведены сведения о формах их работы в научных учреждениях и проч.

Таким образом, в «первом разделе» книги фигура профессора П.М. Бицилли (с. 13, 14, 16, 19, 23-26) представлена в контексте научного сообщества российской эмиграции в Софии со всей спецификой, свойственной для статуса и научно-педагогической деятельности ученого.

Во второй статье – разделе – «Из архивного наследие на П.М. Бицилли» («Български ежегодник». Т. 2. Харьков-София, 1996. С. 201-221) впервые дан краткий, но глубокий историографический анализ бициллиеведческой литературы (хотя автор не употребляет это понятие), охарактеризованы новые издания трудов П.М. Бицилли 1960-1990-х гг. в европейских странах, постановочно обоснована настоятельная необходимость всестороннего изучения творчества П.М. Бицилли.

«“Връщането” към Бицилли, – пише М.Н. Велева, – към неговото творчество, не е само жест на уважение и почит към големия учен, не е само необходимост от установяване на размера, смисъла и значението му в развитието на българската и руската – макар и емигрантска хуманитаристична наука. Това творчество е толкова актуално и съвременно, че влиза в естествен диалог с нашата действителност – и научна, и обществена – служи за опора, за приближаване и противопоставяне в търсенето на решение на всички човешки проблеми»¹.

Литературу, посвященную жизни и творчеству П.М. Бицилли, автор условно разделяет на группы, преимущественно по жанровой характеристике. В первую группу М.Н. Велева включает рецензии и отзывы на книги Петра Михайловича, опубликованные при его жизни; вторая группа работ – это некрологи, юбилейные статьи и публикации в энциклопедических и справочных изданиях. В этой группе, считает М.Н. Велева, следует выделить статью Хр. Гандева к 100-летию юбилею П.М. Бицилли («Векове». 1980. № 2), в которой автор впервые как историк дал профессиональную оценку научным достижениям своего учителя, а также статью в эн-

¹ Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С.35.

циклопедии «България» (Т. 1. 1978. С. 295), в которой констатировалась принадлежность П.М. Бицилли к Болгарии и болгарской науке: «русский и болгарский историк» – так был квалифицирован ученый в официальном издании.

На границе между второй и третьей группой работ, по мнению М.Н. Велевой, находится исследование зятя П.М. Бицилли, князя А.П. Мещерского, «Библиография трудов профессора П.М. Бицилли. С материалами для его биографии» (София, 1954, рукопись). Третья группа литературы, посвященной П.М. Бицилли, включает публикации, появившиеся в последние годы, в которых в разных аспектах болгарскими и российскими авторами рассматриваются вопросы творческого пути ученого.

Среди первостепенных задач изучения жизни и творчества П.М. Бицилли автор выделяет: установление и издание в полном объеме разбросанного и трудно доступного наследия ученого; розыск архивных и опубликованных источников для написания полной и точной его биографии; поиск и публикация архивных документов (с.41).

В этой статье также впервые дана характеристика архивного наследия П.М. Бицилли в Болгарии; приведена информация о «движении» документов семейного и личного архива П.М. Бицилли; описаны материалы фондов Софийского университета и проч. (с. 41-43). Приложение к данной статье включает 9 документов: это письма П.М. Бицилли Н.П. Кондакову, В.Н. Златарскому, декану историко-филологического факультета Софийского университета в 1920-е гг. (№№ 1-4); автобиографии П.М. Бицилли и М.Т. Бицилли (№№ 5, 6, 9); заявления и прошение П.М. Бицилли, написанные им в связи с решением семьи Бицилли вернуться в конце 1940-х гг. в СССР (№№ 7, 8).

Таким образом, вторая статья-раздел не только представляет собой первый профессиональный обзор источниковедческой и историографической базы нового исследовательского направления, но и дает возможность ученым использовать важнейшие биографические материалы – его-документы – для анализа жизненного пути П.М. Бицилли.

Третий раздел-статья «П.М. Бицилли в Софийския университет» фактически посвящена «болгарскому периоду» («Минало». 1995. № 1. С. 81-92) жизни и творчества Петра Михайловича, и

была написана автором к 70-летию юбилею деятельности ученого как профессора Софийского университета. Подробно, на архивных материалах, которые впервые были введены М.Н. Велевой в научный оборот, автором рассмотрены вопросы процедуры «вхождения» П.М. Бицилли в профессорскую корпорацию Софийского университета; охарактеризована его роль в становлении новой истории в Софийском университете; приведены данные о его лекционных курсах, работе со студентами, взаимоотношениях с коллегами, об участии в общественной жизни и проч.

Для понимания специфики преподавательской деятельности ученого, его образа в качестве университетского преподавателя особо важны многочисленные воспоминания бывших студентов П.М. Бицилли, ставших известными болгарскими учеными. Эти важнейшие источники также впервые получают квалифицированный комментарий автора.

М.Н. Велева обращает внимание на то, что болгарская историческая наука никогда не располагала достаточными кадровыми и финансовыми ресурсами в области исследований общей истории. П.М. Бицилли – русский, получивший образование не в Болгарии и даже не являющийся болгарским подданным, фактически тридцать лет был сопрячен болгарской культуре и духовной жизни Болгарии. Он стал неотделим от болгарской гуманитарной интеллигенции, новые поколения которой продолжают черпать знания, идеи и вдохновение из его научного наследия и «от того света, доброты, толерантности, которые излучает его личность» (с. 90).

Следующая в этой четкой последовательности разделов книги – статья, написанная М.Н. Велевой к 81-й годовщине (январь 1988) со дня рождения профессора Христо Гандева и опубликованная в сборнике «Европа и България» (София, 2000. С. 16-26) под заголовком «Теоретично-методологически проблеми в ранното творчество на проф. Христо Гандев». В книге данный раздел имеет название «П.М. Бицилли и Христо Гандев» и, соответственно, посвящен личности и творчеству Хр. Гандева – непосредственного учителя М.Н. Велевой – через призму преемственности научных традиций, восходящих к П.М. Бицилли.

Хр. Гандев рисует образ своего учителя как человека достаточно общительного, дружелюбного со студентами, умевшего создать в аудитории «великолепную атмосферу», располагающую

к свободному обмену мнениями. Личность П.М. Бицилли оказывала сильное впечатление своей непосредственностью, прямоотой и неповторимой деликатностью в отношениях с другими (с. 78-79).

М.Н. Велева формулирует основные «теоретические уроки Бицилли», которые творчески воспринял его ученик: во-первых, уважение к профессии историка, убежденность в научных возможностях и сущности исторического знания; во-вторых, идея *universum* человеческой жизни и истории, которая способствовала формированию у Хр. Гандева комплексного подхода к познанию истории (с. 95-97). В преемственности научных традиций на примере диалога Бицилли-Гандев есть много интересного и показательного для истории нашей науки, считает М.Н. Велева, и в первую очередь тот факт, что высококультурный философский идеалист сумел создать свой творческий антипод – философского материалиста (с. 102).

Раздел-статья «П.М.Бицилли и историческата наука» впервые была опубликована в качестве предисловия к первому переизданию на болгарском языке программной работы П.М. Бицилли¹. Этот, завершающий раздел, – фундаментальная попытка концептуализации научного мировоззрения П.М. Бицилли на основе анализа текста «Очерков теории исторической науки», который сопровождается анализом «фона» – биографической канвы последних лет жизни П.М. Бицилли в Одессе (его научно-педагогическая деятельность, защита диссертации и проч.) и первых лет эмиграции в Югославии.

М.Н. Велева впервые рассматривает связь основной проблематики «Очерков...» с творчеством ученого одесского периода, с его размышлениями о роли теории в историческом познании. Очерчивая основной круг проблем – «вечных», поднятых Бицилли-медиевистом в своей книге:

- формирование истории как научного знания;
- смысл истории;
- пределы человеческого универсума;
- отношение между историей и искусством;
- объективное и субъективное в методологии исторического исследования;

¹ Велева М. П.М. Бицилли и историческата наука // Бицилли П. Очерци върху теорията на историческата наука. София: Изд. БАН, 1994. С. 5-22.

- соотношение конкретного исследования с возможностями и необходимостью исторического синтеза и т.п. (с. 112),

М.Н. Велева обращает внимание на то, что данный спектр философско-теоретических проблем истории стал объектом анализа многих историков-профессионалов: в Англии – Р. Дж. Коллингвуда, археолога; во Франции – Л. Февра, культуролога, и М. Блока, медиевиста, – создателей школы «Анналов»; в Италии – Б. Кроче, медиевиста и историка Итальянского Возрождения; в Германии – Е. Трельча, историка богословия; в России – Л. Карсавина, медиевиста. Книги некоторых из них еще не были написаны, когда П.М. Бицилли обратился к данным теоретическим проблемам, основываясь, в том числе и на творческих традициях в этой области русской гуманитаристики: П. Милюков, Н. Кареев, И. Гревс и др.

Автор ставит вопрос о принадлежности П.М. Бицилли к конкретному теоретическому направлению, отмечая в то же время, что сам ученый не идентифицировал себя с определенным философским течением. Хотя Хр. Гандев не без оговорок причислял его к неогегельянкам, но, по мнению М.Н. Велевой, П.М. Бицилли опирался на теоретические достижения и Гегеля, и Гердера, Маркса, Кроче, Бергсона, Трельча, Шеллинга, Ранке, Мишле, Ренана, Моммзена и многих других историков и теоретиков истории – просветителей, романтиков, позитивистов, марксистов-материалистов (с. 111-112).

Однако вряд ли будет корректно называть П.М. Бицилли эклектиком: главное не в том, из каких источников он черпал идеи, а в том, как эти идеи были «ассимилированы», в какую систему были приведены, насколько эта система способствовала научному объяснению исторического материала (с. 95). Книга П.М. Бицилли «Очерки теории исторической науки» написана на абсолютно современном научном уровне и основана на исторических и теоретических традициях Востока и Запада, включая самые новейшие исследования по этим вопросам, это – «истинная школа научного мастерства», «торжество исследовательского и человеческого духа», заключает М.Н. Велева (с. 111, 127-128).

Следующий раздел – «Приложения» – состоит из трех блоков. Первый – статья «Профессор Венедикт А. Мякотин в България» («Бялата емиграция в България». София, 2001. С. 159-172), которая представляет ценность не только в качестве самостоятельного

глубокого исследования «болгарской судьбы» одного из блестящих российских ученых и известных политических и общественных деятелей, но и своим содержанием создает «фон» для более объемного восприятия специфики эмигрантского окружения П.М. Бицилли.

Второй содержательный блок – интервью, которое было дано М.Н. Велевой в 2003 году корреспонденту журнала «Историческо бъдеше» Виолине Атанасовой (№ 1-2. 2003. С. 295-300) в связи с 50-летием со времени кончины П.М. Бицилли (1953) и в преддверии 125-летия со дня его рождения (1879).

Содержание этой публикации позволяет лучше понять мотивацию исследовательского интереса М.Н. Велевой к теме «Бицилли», ее оценки роли и специфики научного сообщества российской эмиграции в целом и особенно представителей Украины – Киева и Одессы, Университета Св. Владимира и Новороссийского университета – «южан»; ее восприятие личности профессора-эмигранта и его вклада в развитие болгарской гуманитаристики.

Третий блок – «Библиография» переизданных в последние годы (1990-2003) трудов П.М. Бицилли и публикаций о его жизни и творчестве (1939-2003), составленная М.Н. Велевой, вносит существенный вклад в осмысление бициллиеведческого процесса, его субъектов – представителей национально-региональных историографий, проблемно-жанровой специфики изданий, динамики научного интереса к творчеству П.М. Бицилли.

М.Н. Велева перечисляет работы болгарских исследователей творчества П.М. Бицилли: Хр. Гандева, Т. Галчевой, Хр. Манолакева, Г. Петковой, А. Пантева, Здр. Недкова, Кр. Делчева, Вл. Свинтилы, Д. Дочева, М. Коева, Д. Делева, П. Чолова, Ал. Тончева; российских: В.А. Туниманова, В.П. Нерознака, Б.С. Кагановича, В.П. Вомперского, М. Васильевой; израильских: М.А. Бирмана; украинских: Т.Н. Поповой – историков, филологов, философов. Приведены также сведения о статьях в официальных изданиях Софийского университета, о публикациях А.П. Мещерского и самой М.Н. Велевой (с. 159-162).

При относительной неполноте (в силу ограниченности информационного поля) данный библиографический свод впервые очерчивает основное ядро формирующегося международного сообщества бициллиеведов.

Творческий вклад профессора М.Н. Велевой в становление нового исследовательского направления – бициллиеведения – значителен. Хотя ее основные статьи, посвященные П.М. Бицилли, стали выходить в 1990-е годы, эти публикации, по сути, явились итогом «подступов к Бицилли» – фундаментальных поисковых изысканий и глубокого осмысления широкого спектра бициллиеведческой проблематики – в хронологическом диапазоне от 70-х до 90-х гг. XX в.

Работа М.Н. Велевой «Българската съдба на проф. П.М. Бицилли» – результат глубокого монографического исследования «болгарской судьбы» П.М. Бицилли – стала первой специальной книгой профессионального историка, посвященной ученому. Стремясь раскрыть роль П.М. Бицилли именно как ученого-эмигранта в развитии болгарской гуманитаристики, автор не только поставила, но и в значительной степени решила фундаментальные проблемы бициллиеведения в целом. Фактуальная база, историографический диапазон, биографический контур, оценка личности и научного наследия П.М. Бицилли, его места в европейском историографическом процессе и проч. – все эти сюжеты получили свое глубокое освещение. Одновременно М.Н. Велевой удалось показать на примере одной «эмигрантской судьбы», как шел процесс привнесения научных традиций Новороссийского университета, шире – общероссийской исторической науки – в научное поле стран, которые стали «новой родиной» для тех, кого «изгнала» их настоящая родина.

Ремарка-post: К сожалению, бициллианское наследие *Марии Николаевны Велевой* недостаточно изучено, оценено и востребовано современными авторами как в Болгарии, так и в России и Украине, а ее роль и место в становлении и развитии «науки о Бицилли» не получили еще должного признания. Реактуализация трудов М.Н. Велевой, их активное «вхождение» в исследовательский процесс безусловно будут способствовать интенсификации бициллиеведческих изысканий.

* * *

Бирман Михаил Абрамович (биоинформация) – доктор исторических наук, профессор, специалист-болгаровед; с 1950 по

1991 г. был сотрудником Института славяноведения Академии наук СССР. В середине 1960-х гг., находясь в Болгарии в научной командировке, встретился с профессором Христо Гандевым, учеником П.М. Бицилли. В частной беседе Хр. Гандев рассказал М.А. Бирману о П.М. Бицилли, имя которого в эти годы если и упоминали, то скорее в негативном плане. Заметив интерес М.А. Бирмана к фигуре и творчеству П.М. Бицилли, Хр. Гандев дал «короткую, но емкую и многозначную аттестацию Би» [так Михаил Абрамович называет П.М. Бицилли: *из письма М.А. Бирмана автору от 12 июня 2007 г.* – Т.П.].

«Вскоре, – как пишет М.А. Бирман, – подвернулся случай» – началась работа под редакцией профессора И.С. Галкина над университетским учебником по историографии, и ученый постарался «извлечь имя Би из забвения». В это непростое время – «на волне ресталинизации» – М.А. Бирман «рискнул, балансируя, вполголоса», как он сам оценивал свой шаг, «упомануть и в тексте, и в примечаниях фамилию “белоэмигранта”». По сути, впервые в хрестоматийной советской историографии «прозвучала в положительном тоне фамилия Бицилли» [*из письма М.А. Бирмана автору.* – Т.П.]¹.

М.А. Бирман признается, что в 1960-е гг. его знания о П.М. Бицилли «были приблизительными», т.к. вплотную заняться заинтересовавшими его проблемами российской научной эмиграции в Болгарии, он не мог: работа по планам Института занимала все время, а включить в план тему по научной эмиграции в то время «было невысказано» [*из письма М.А. Бирмана автору от 12 июня 2007 г.* – Т.П.].

В начале 1990-х гг. М.А. Бирман переехал в Израиль и здесь обрел как исследователь «новое дыхание» – он продолжил сотрудничество с коллегами из Института славяноведения, но главным направлением его «персонального маршрута» стало эмигрантоведение: на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. вышел ряд его

¹ Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968. С. 205. В этот же год вышел другой учебник, в котором автор – О.Л. Вайнштейн, непосредственный ученик П.М. Бицилли по Новороссийскому университету, назвал имя своего учителя. См.: История советской медиэвистики (1917-1966). Л., 1968. С. 53, 66. Собственно, О.Л. Вайнштейн впервые упомянул о П.М. Бицилли в статье «Развитие историографии средних веков в царской России», опубликованной в журнале «Историк-марксист» (1940, № 9, с. 113) как о специалисте по проблемам духовной культуры средневековья. В 1960-е гг. в советской историографии вышли две публикации историков, в которых был представлен привлекательный образ П.М. Бицилли: *Рубинштейна Н.Л.* (1962) и *Дмитриева С.С.* (1962).

серьезных публикаций в российских, израильских, европейских и американских изданиях по истории русской эмиграции¹.

Фигура П.М. Бицилли и его научное наследие заняли особое место в творческих исканиях М.А. Бирмана: он вел интенсивную переписку с дочерью П.М. Бицилли – Марией Петровной, внучкой Петра Михайловича – Елизаветой Петровной Ивановой-Аначковой и др.; получил от них много ценных материалов.

Творческий контакт с исследователями творчества П.М. Бицилли из России, Болгарии, Украины и других стран, глубокое знание трудов Петра Михайловича и бициллиеведческих изданий, собранный обширный личный архив уникальных документов позволили М.А. Бирману создать собственную версию образа П.М. Бицилли, его жизненного пути, дать высокопрофессиональную оценку наследия ученого².

В современном бициллиеведении профессор М.А. Бирман занимает особое место. По мнению российского исследователя Б.С. Кагановича, «больше всего для изучения *биографии* [курсив Б.С. Кагановича. – Т.П.] П.М. Бицилли сделал в последние годы... М.А. Бирман...»³.

Итогом двадцатилетних бициллианских исследований М.А. Бирмана явилась его монография «П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество» (М.: Водолей, 2018. 444 с.)⁴.

¹ См.: *Бирман М.* Звездный час Милокова-балканиста // Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992. С. 181-187; *Он же.* В одной редакции (о тех, кто создавал газету «Последние новости» // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 3. Иерусалим, 1994. С. 147-169; *Он же.* Русская эмиграция в Болгарии (в науке, культуре и просвещении) // Новый журнал. Т.218. Нью-Йорк, 2000. С. 167-179; *Он же.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920-1930-х годов // Новая и новейшая история. М., 2002. № 1. С. 173-193 (в соавт.: *А.Н. Горяинов*) и др. Более подробно о биографии М.А. Бирмана см.: *Куманова А., Куманов М.* Записка в олгара. Уникален първи обобщаващ монографичен труд за уникалния Бицилли – дело на уникалния Бирман // Библиотека. София: Националната библиотека «Св. св. Кирилл и Методий», 2019. № 5. С. 100-102 и др.

² См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953) // Славяноведение. М., 1997. № 4. С. 49-63; *Он же.* П.М. Бицилли в югославский период эмиграции (1920-1923) // Славяноведение. 2005. № 4. С. 84-95; *Он же.* П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 633-718 и др.

³ *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. Санкт-Петербург, 2007. С. 214.

⁴ См. рецензии: *Тесля А.* Жизнь русского энциклопедиста в эмиграции и одиночестве. Бицилли. URL - <https://regnum.ru/news/2548571.html> ; *Голубович И.В., Попова Т.Н.* Размышления на два голоса. Читаем книгу: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с. // Культура украинских философских сообществ: ситуация трансформации: [коллективная монография] / ред. кол. Л.Н. Богатая, И.В. Голу-

Ремарка: штрихи к портрету. К сожалению, эта книга оказалась последней в творческой биографии Михаила Абрамовича: 13 октября 2020 г. он ушел из жизни: ученому шел 102-ой год. Еще в январе 2020 г. этот неутомимый энтузиаст-исследователь, поздравил меня с Новым годом. Находясь уже пять лет в Инвалидном доме (г. Ашдод, Израиль), он активно интересовался всем – событиями в мире и в науке, спрашивал о подробностях проведения в Москве конференции, посвященной П.М. Бицилли (осень 2019 г.); его беспокоило «явное снижение активности ученых-бициллиеведов Одессы (о чем можно лишь сожалеть)...»¹.

О себе Михаил Абрамович говорил: «...я <...> остался человеком XX века», т.е. «...совершенно беспомощен в Интернете». Ему помогали в работе дочь Яна Михайловна и внук Габи. Все письма, полученные мной от М. А., включая последнее (от 15 января 2020 г.), написаны им собственноручно. Он надеялся прожить «еще года 3-4», чтобы подготовить второе издание свой монографии...

Болгарские ученые Александра Куманова и Милен Куманов определили научное подвижничество М.А. Бирмана как «подвиг в бициеллизнанието на XX-XXI в.», «образец за гражданско поведение на учен»²,

бович, К.В. Райхерт; отв. ред Л.Н. Богатая. Одесса: Печатный дом, 2019. С. 143-158; *Косик В.И.* [Рец.:] М.А. Бирман. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество // *Славяноведение*. 2019. № 2. С. 111-114; *Васильева М.А.* Летопись жизни и творчества П.М. Бицилли // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*. Москва, 2019. С. 471-476; *Галчева Т.Н.* Об итоге 20-летних эмигрантоведческих училий: рецензия без макияжа [Рец. На кн.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей. 2018. 44 с.] // *Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки*. 2020. Т. 162. Кн. 1. С. 223-235; *Куманова А., Куманов М.* Записка в олгара. Уникален първи обобщаващ монографичен труд за уникалния Бицилли – дело на уникалния Бирман // Библиотека. София: Националната библиотека «Св. св. Кирилл и Мефодий», 2019. № 5. С. 99-113; *Селунская Н.А.* Интеллектуальная биография П.М. Бицилли в интерпретации М.А. Бирмана // *Славянский Альманах / Институт всеобщей истории РАН, Россия*; глав. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2020. № 1-2. С. 472-481; *Голубович И.В.* «Открытая биография». М.А. Бирман о жизни и творчестве П.М. Бицилли // *Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології*. Вип. 2 (34). Одеса, 2020. С. 275-285.

¹ К сожалению, возраст и болезни сыграли свою негативную роль: М.А. Бирман уже был не в состоянии осилить новые материалы, поэтому многое (даже из того, что я ему высылала в формате «ПДФ») им не было освоено и не вошло в книгу.

² *Куманова А., Куманов М.* Записка в олгара. Уникален първи обобщаващ монографичен труд за уникалния Бицилли – дело на уникалния Бирман // Библиотека. София: Националната библиотека «Св. св. Кирилл и Мефодий», 2019. № 5. С. 109.

Монография о жизни и творчестве П.М. Бицилли, созданная Михаилом Абрамовичем, важнейшее рубежное событие в бициллиеведении: это, по определению автора, – «...первый в формате самостоятельной книги опыт сводного обзора жизни и творчества замечательного ученого-гуманитария из созвездия выдающихся талантов русского зарубежья...»¹.

Весьма важным является лапидарный очерк «пути» автора к Бицилли и «к настоящей книге», предложенный во *Вступлении*: детализация исследовательского труда, фактическая хроника эвристических дерзаний установления творческих контактов с другими бициллиеведами, освещение конструирования источниковой базы – все это неоценимые факты авто-био-историографического самоанализа и самооценки, столь необходимые для понимания непростого процесса творческих исканий.

Книга захватывает простотой и легкостью изложения, авторский голос звучит академично и приватно, полемика с коллегами-бициллиеведами – органична и корректна. Цельность и образность биографической палитры – черты, присущие М.А. Бирману как ученому, виртуозно владеющему русским языком, – вызывают восхищение.

Современный ренессансный биографизм с его вариациями персональной истории, интеллектуальной биографии и т.п. практически не коснулся М.А. Бирмана, сохранившего лучшие традиции классики жанра. Для него биография ученого своим фундаментом имеет достоверность источников, оптимальное пространство фактуальной базы, осторожность гипотетических построений, четкость умозаключений, диахроническое (преимущественно) развертывание биографической канвы, глубокие знания историографии вопроса, деликатность в освещении личностной истории «героя», стремление к панорамному синтезу и т.д.

Предельно максимальная фактологичность данной работы обусловлена задачей этого труда – «первый...сводный обзор жизни и творчества» [курсив мой. – Т.П.], – что придает Книге определенную монументальность.

М.А. Бирман прекрасно осветил многогранность научного наследия Петра Михайловича не только «качественно» – через глубокий анализ конкретных работ и проблем, но и «количе-

¹ Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 7.

ственно» – благодаря подсчетам публикаций по тем или иным направлениям исследования в соответствии с определенными временными периодами в творчестве ученого, выделив несколько больших тематических блоков: россиеведение, историософия, историография, всеобщая история, «философия нации» и нациогенеза, история русской литературы XIX и XX вв., а также по проблемам болгаристики и славистики, по теории и истории русского литературного языка и фольклора, по социологии, психологии, искусствознанию, религиоведению, философии, по пушкинистике и культурологии и др.

Каждый блок снабжен скрупулезным статистическим и содержательным анализом и представляет собой незаменимый источник для развертывания последующих исследований в данных областях научных интересов П.М. Бицилли.

Комментарии-post.

Оценка любого труда во многом зависит от критериев подхода. Безусловно, с точки зрения чистого академизма монография М.А. Бирмана, как и любое крупное новаторское исследование, имеет проблемные и источниковые лакуны, суть которых в первую очередь – в достаточно спорных основаниях многих фактажных позиций.

Однако даже если мы не будем учитывать, что автор проводил свои исследования и осуществлял поисковую работу в режиме возрастного диапазона «80-100» (!), что само по себе является уникальным, следует отталкиваться от известной мысли: любая оценка должна быть сориентирована на выяснение того, что *нового* данный автор внес в науку по сравнению со своими предшественниками и современниками.

М.А. Бирману принадлежит приоритет в процессе институционализации бициллиеведения по ряду позиций:

1) ученым впервые были введены основополагающие категории – «бициллиевед», «бициллиеведческие труды», «бициллиеведение»;

2) самая полная на сегодняшний день биобиблиография П.М. Бицилли составлена М.А. Бирманом совместно с А.Н. Горяиновым (2006) и частично дополнена в Книге (2018);

3) М.А. Бирманом впервые поставлена проблема *рецепции* трудов П.М. Бицилли в различных европейских регионах;

4) ученый выступил как непосредственный организатор «института бициллиеведения» (понятие М.А. Бирмана): им много сделано для «выявления» бициллиеведов и установления с ними личных контактов;

5) в работах М.А. Бирмана впервые предпринята попытка синтезированной оценки научного наследия П.М. Бицилли;

6) М.А. Бирманом осмыслена историография бициллиеведения, дана первая периодизация бициллиеведческого процесса и предложена одна из первых версий его анализа с учетом персональных, дисциплинарных и регионально-хронологических изменений¹;

7) исследователю удалось дать реконструкцию всего жизненного пути П.М. Бицилли, основываясь на материалах семейного архива Бицилли, а также на архивных документах и проч., введенных в научный оборот другими бициллиеведами, и создать полноценный биографический синтез;

8) *Заключение* в монографии (2018) представляет собой практически самостоятельный опус, не просто подытоживший текстуру Книги, но во многом по-новому суммировавший размышления автора о творчестве своего «героя» и наметивший, в сущности, стратегию дальнейших бициллиеведческих изысканий.

Ремарка-штрих (тривиальный). Что касается конкретно последней монографии ученого, то объем предложенного в ней материала позволяет бициллиеведам вносить свои коррективы, оспаривать положения автора или выдвигать собственные идеи, развивать то, что не получило завершеного развития (а есть ли «завершенное»?..) именно на основании *представленной работы*, т.к. критиковать можно лишь то, что уже *есть*, идти вперед можно лишь отталкиваясь от того, что уже вошло в генофонд бициллиеведения. Именно в этом – бесконечный исследовательский поиск.

Мысли и идеи Михаила Абрамовича Бирмана стимулируют творческий процесс, заставляют заново осмысливать вопросы,

¹ *Бирман М.* Этапы, вехи и парадоксы бициллиеведения (К постановке вопроса) // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бициллизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С. 279-290 и др.

которые поставил этот фундатор бициллиеведения, искать решения для, казалось бы, уже апробированных подходов, стремиться к тому подвижничеству в науке, которое характеризует весь жизненный путь этого Ученого.

Авто-био-историографические ремарки: *Экскурс второй*

«Путь к Бицилли» для каждого исследователя индивидуален. Вместе с тем можно выделить некоторые общие линии.

1. Для М.Н. Велевой главным фактором было влияние ее научного наставника – профессора Христо Гандева, непосредственного ученика П.М. Бицилли. Встреча с Христо Гандевым еще в 1960-е годы сыграла свою роль в формировании интереса к фигуре Бицилли у М.А. Бирмана. Влияние учителей, в частности доцента Одесского университета И.В. Завьяловой, – точка отсчета в «приближении к Бицилли» О.Б. Демина (Одесса).

2. Второй фактор – «дидактический», учебная работа: подготовка курсов лекций по историографии и медиевистике (для М.Н. Велевой, О.Б. Демина, И.В. Немченко и др.).

3. Третий – исследовательская работа, выход на лично значимую тематику: у М.Н. Велевой и М.А. Бирмана – «эмигрантоведение», хотя и с разными мотивационными векторами: у М.Н. Велевой – роль российской научной эмиграции в развитии болгарской гуманитаристики; у М.А. Бирмана – «эмигрантская судьба» российских ученых, их вклад в мировой историографический процесс); у Б.С. Кагановича – историко-культурологическая школа медиевистов в Санкт-Петербургском университете; у О.Б. Демина и И.В. Немченко (Одесса) – история Новороссийского университета, изучение научно-педагогической деятельности профессоров историко-филологического факультета, имена которых были практически «изъяты» из «большой историографии» в советский период.

Для меня, в частности, фигура П.М. Бицилли «проявилась» в процессе подготовки курса лекций по истории исторической науки (с середины 1980-х г.) – на дидактическом уровне и обращения к дисциплинарной истории историографии – на исследовательском уровне. Факт отсутствия имени П.М. Бицилли, как и имен многих других ученых Новороссийского университета, внесших

значительный вклад в институционализацию истории исторической науки, в исследованиях Р.А. Киреевой, В.И. Чеснокова¹ и др. по вопросам преподавания историографических курсов в российских университетах XIX – начала XX вв. побудил к поисковой работе.

Интерес к личности и творчеству Н.Л. Рубинштейна (на рубеже 80-90-х гг.) способствовал благодаря его воспоминаниям и статье С.С. Дмитриева открытию новых фактов о П.М. Бицилли, выходу на болгарские издания. Подготовка новой версии истории Одесского университета (1991), обращение к архивным материалам в процессе работы над биографиями профессоров Новороссийского университета привели, с одной стороны, к созданию на рубеже 1980-1990-х гг. т.н. «проблемной группы» студентов (аналог научного кружка) по изучению историографии в персональных историях ее представителей («историография в лицах»), с другой – к выходу моих первых публикаций о П.М. Бицилли (1991-1995).

Однако работа над темой «Бицилли» не была ни предметной, ни целенаправленной; дискретность в обращении к ней обусловила тот факт, что бициллиеведческие проблемы стали своеобразным эпифеноменом магистральных исследовательских линий: истории Новороссийского университета и истории историографии (в теоретическом и конкретно-историографическом аспектах)².

В 1990-е годы важным стимулом для более пристального внимания к бициллиеведческой тематике стало знакомство: 1/ с монографией В.Т. Пашуто (1992); 2/ с фундаментальным изданием трудов П.М. Бицилли в Болгарии и вступительной статьей Тани

¹ См.: Алленов С.Г., Матвеева М.С., Чесноков В.И. К вопросу о преподавании историографии в университетах дореволюционной России // Проблемы истории отечественной исторической науки. Воронеж, 1981; Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983.

² Тематика «Новороссийский университет» была распределена между моими учениками: И. Студенников («Теоретические вопросы регионалистики»), И. Максименко («Е.Н. Щепкин»), В. Мирошниченко (И.А. Линниченко), В. Волченко и А. Руденко («А.В. Флоровский»), С. Березин («Всеобщая история в ИНУ»), Д. Шумейко и И. Коновалов («П.М. Бицилли»), В. Левченко («Одесский институт народного образования»; он – единственный из учеников состоялся как университетский ученый). К сожалению, мои талантливые дети в силу разных обстоятельств не завершили диссертационные работы, но свой вклад в Науку все-таки внесли: многие из их публикаций вошли в тематические библиографии и до сих пор имеют вполне приличный индекс цитирования.

Галчевой к этому изданию (1993), в которой были приведены фрагменты эпистолярного наследия П.М. Бицилли первых лет его эмиграции и представлена интересная авторская версия образа ученого¹; 3/ с обстоятельной статьей Марии Велевой, предваряющей ее публикацию работы П.М. Бицилли «Очерки теории исторической науки» на болгарском языке (1994)²; 4/ со статьей Б.С. Кагановича в альманахе «Одиссей» (1994) и выходом под его редакцией работ П.М. Бицилли (1995-1996); 5/ с первой наиболее полной на то время биографической статьей о П.М. Бицилли профессора М.А. Бирмана (1997).

Эти работы, а также многочисленные и полижанровые публикации 90-х побудили заняться в первую очередь реконструкцией одесского периода жизни и творчества П.М. Бицилли.

Практически все авторы приводили биографические данные, основываясь на фактах автобиографии самого П.М. Бицилли. Однако в своих вариантах автобиографии (которые, кстати, до выхода работ М. Велевой³ не были известны в полном объеме) П.М. Бицилли по причинам пока не ясным был недостаточно точен: такие факты, как – поступление на юридический факультет (1899), перевод на историко-филологический факультет (1900), исключения из университета, получение диплома и проч., – либо отсутствовали, либо определялись неверной датой.

Архивные источники (в первую очередь – Государственного архива Одесской области и др.) и ряд документальных изданий позволили уточнить основные вехи биографии ученого 1879-

¹ Работая над этой книгой, я, обратившись в очередной раз к статье Т.Н. Галчевой, убедилась, насколько умно, глубоко и интересно своими концептуальными новациями смогла совсем молодая исследовательница представить значительный комплекс бициллиеведческих проблем. См.: *Галчева Т.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // П.М. Бицилли. Избранное: Историко-культурологические работы: В 2-х т. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 7-40.

² Ксерокопии ряда болгарских изданий привез мне из Болгарии *Александр Ганчев*, мой бывший студент, выпускник исторического факультета, ныне – доктор исторических наук; позже – мой аспирант *Дмитрий Шумейко* во время своей командировки в Болгарию, был тепло встречен *М.Н. Велевой* и *Е.П. Ивановой-Аначковой*, которые передали ценные работы болгарских бициллиеведов и вариант библиографии трудов П.М. Бицилли, составленный кн. А.П. Мещерским.

³ *Велева М.* Из архивного наследство на П.М. Бицилли // *Български ежегодник*. Т. 2. Харьков-София, 1996. С.201-221; *Она же.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София, 2004. С.35-60.

1920 г. Этот материал вошел в мои публикации 1998-2000 гг. и был представлен в докладе на III-х Историографических Чтениях, посвященных 120-летию со дня рождения П.М. Бицилли (Одесса, 1999).

2000-й год стал годом установления контактов с Марией Николаевной Велевой и Елизаветой Петровной Ивановой-Аначковой (внучкой П.М. Бицилли), а также с Михаилом Абрамовичем Бирманом: в Болгарию и Израиль (Ашдод) были направлены мои статьи (Воронеж, 2000). С этого времени постоянный обмен публикациями, письмами, мнениями и просто добрыми словами во многом способствовал тому, что бициллиеведческая проблематика становилась для меня все более значимой.

В монографии «Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета» (Одесса, 2007)¹ специальный раздел был посвящен П.М. Бицилли: «Судьбы ученых. Петр Михайлович Бицилли: “Исход” и возвращение» (с.327-452), в котором получили свое обобщение результаты поисков предшествующих лет. Десять лет спустя вышла моя новая монография «Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика» (Одесса, 2017), в которой была представлена суммация бициллиеведческих исследований за 2007-2017 годы. Через два года в новой монографии «Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия» в контексте проблем дисциплинаризации науки мною была предложена версия бициллиеведения в качестве варианта институционально-дисциплинарного образования².

¹ См. рецензии на книгу: *Олексій Ясь*. Історіографія в контексті дисциплінарних традицій та персональних вимірів (Попова Т.Н. Істориография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. К 75-летию Исторического факультета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.) // Український Археографічний щорічник. Нова серія. Випуск 12. Український археографічний збірник. Том 15. Київ, 2007. С.785-791; *Корзун В.П.* [Рец.] Попова Т.Н. Істориографія в лицах, проблемах, дисциплінах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: Институт всеобщей истории РАН. 2008. С.388-398; *Велева М.* Попова, Т. Істориографія в лицах, проблемах, дисциплінах. Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007, 536 с. // Историческое бъдеще. София: Асоциация КЛИО. Година XII-XIII. Брой 1-2. 2008-2009. С.284-286 и др.

² *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 276-409. [Раздел «Приближение к Бицилли»]; *Она же*. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. С. 322-330. [Раздел: «Бициллиеведение»].

В последнее время две основные проблемные линии составляют исследовательский интерес: персональная история П.М. Бицилли и теоретические проблемы бициллиеведения.

* * *

Пятый период: с конца второго десятилетия 2000-х годов

Можем ли мы говорить о переходе к новому периоду бициллиеведческого процесса? Вступая в третье десятилетие XXI века, стоит констатировать ряд черт, позволяющих сделать такой вывод: новый уровень бициллиеведческих изданий по качественным и количественным параметрам; значительное расширение корпорации и географии исследователей Бицилли; оформление солидной источниковой базы, постоянно расширяющейся; издание нового монографического труда, посвященного жизни и творчеству П.М. Бицилли; проведение более десятка персонологических конференций, среди которых серьезными вехами в бициллиеведческом процессе стали международные форумы в Софии (2018) и Москве (2019) и проч.

P.S. Сегодня историография бициллиеведения – это целая вселенная, объять и постичь которую не может отдельный исследователь. Признаю, сколь мало сделано в попытке хотя бы контурно очертить массив бициллиеведческих изданий. Но если этот опус станет отправной точкой для энтузиастов, стремящихся к «постижению Бицилли», цель автора будет достигнута.

IV. Фрагменты персональной истории

*Всякая творческая индивидуальность многогранна
и не может быть увидена со всех сторон.*

П.М. Бицилли¹

Ремарка предваряющая. Университеты Российской империи, созданные «по образцу» западноевропейских и фактически вошедшие в единую университетскую систему Европы, в силу специфики общероссийской истории отличались все-таки самобытными чертами своего уклада. Этот уклад «породил» особый тип университетских ученых – европейски образованных, но не просто интеллектуалов, а представителей научной *интеллигенции*, людей, для которых жизнь своей страны, судьбы народа всегда были важнейшей составляющей профессорской культуры. Каждый из них по-разному решал эти вопросы, отвечая на «Вызов» времени:

- одни яростно защищали «устои»;
- другие, войдя в пестро-мозаичное сообщество либералов, становились в позицию почти «легальных» борцов с «официозом», не порывая в своем большинстве с привычным образом вполне благополучной жизни;
- третьи, не принимая правил «внешнего мира», замыкались в своем микромире, пытаясь бежать от действительности;
- четвертые – демократы и революционеры – не менее яростно стремились к разрушению «устоев» и созиданию нечто совершенно «нового» и «прекрасного» – нового «эона» (по Бицилли).

Эти блоки – условны, и многие из «героев» того времени плавно переходили из одного лагеря в другой, подчас четко не осознавая этого...

Ретроспективный анализ всегда «отдает» высокомерием всезнайства. Мы «рассаживаем» по «нишам» живых и ищущих, тех, кто своими руками создавал собственную трагедию. Но без-

¹ Бицилли П.М. Несколько замечаний о современной зарубежной литературе // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.462.

удержное стремление понять в первую очередь себя и свое время заставляет нас снова и снова всматриваться в туманный облик ушедших теней, выстраивать из груды обрывочных фактов нечто архитектурно цельное, конструировать образы, вгрызаясь в тексты, оставленные нам, и недоступные своей очевидной доступностью...

* * *

Изучение личностной и профессионально-творческой биографий **Петра Михайловича Бицилли** осложнено рядом моментов:

во-первых, значительным объемом научного наследия ученого (в том числе – рукописного, включая «домашнюю письменность»), далеко не полностью выявленного (особенно в газетных и журнальных изданиях), и отсутствием на сегодняшний день единой полной научной библиографии¹;

во-вторых, внушительным массивом опубликованных и рукописных трудов П.М. Бицилли, написанных на русском, болгарском, сербском, чешском, французском, английском, итальянском и немецком языках, что требует от исследователей исключительной эрудиции;

в-третьих, «точечным» характером подходов многих исследователей, обращающихся к творчеству Петра Михайловича в конкретных аспектах, отсутствием в современной литературе комплексного анализа всего наследия ученого²;

в-четвертых, спецификой этих подходов, обусловленных проблемным и дисциплинарным ракурсом восприятия, «зависимостью» от историографических традиций, теоретико-методологических концептов и проч.;

в-пятых, сложностью с источниковой базой: «разбросанностью» материалов о жизни и творчестве П.М. Бицилли по архиво- и книгохранилищам разных государств, невыявленностью всех

¹ Наиболее полная на сегодняшний день библиография, составленная А.Н. Горяиновым и М.А. Бирманом (2006), дополненная в монографии М.А. Бирмана (2018), требует коррекции и расширения.

² Признавая значимость монографии М.А. Бирмана «П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество» (2018) как первого «сводного» обзора персональной истории ученого, тем не менее следует отметить, что фундаментальная аналитика всего наследия П.М. Бицилли и его судьбы еще ждет своего воплощения в исследованиях специалистов.

его-документов в личных архивных фондах и т.п.;

в-шестых, «разобщенностью» исследователей творчества П.М. Бицилли не только на межгосударственном и дисциплинарном уровнях, но и в пределах отдельных «историографических ландшафтов»;

в-седьмых, ограниченностью информационного поля, отсутствием достаточно стабильных коммуникационных форм и проч.

К *узловым проблемам* изучения персональной истории П.М. Бицилли можно отнести четыре блока проблем дискуссионного характера, противоречивость решения которых в литературе обусловлена, с одной стороны, возможностями источниковой базы, с другой – сложностью интерпретаций и концептуализации.

1.

Генеалогия и семейная история:

- этническое происхождение рода, время и обстоятельства перехода представителей этого рода на службу Российской империи, персонификация основоположников «российских Бицилли»;
- трансформация родового имени – Бицилий (Бицилий)-Бицилли-Бицилли – все варианты присутствуют в источниках, однако Петр Михайлович во всех своих личных документах употреблял только последний вариант написания родовой фамилии;
- проблема этнической самоидентификации, причины, по которым то или иное поколение Бицилли причисляло себя к грекам, албанцам либо итальянцам, остается в сфере научного поиска;
- реконструкция генеалогического древа «Бицилли», структура «одесской ветви» рода; наличие иных «ветвей»;
- «ближняя» семейная история – П.М. Бицилли и его микромир.

Решение этих вопросов предполагает поиск и включение в источниковедческий арсенал новых документальных материалов, а также тщательный анализ уже известных данных.

2.

Наставники и школа – проблемы «схоларной истории»: П.М. Бицилли – принадлежит к тем ученым, которых трудно «уложить» в традиционные историографические схемы; осмысление научной судьбы ученого в контексте «схоларности» даст возможность:

- приблизиться к пониманию проблемы «школы» как таковой;
- выявить непосредственных «наставников» ученого и определить степень и формы их влияния;
- с позиций «сетевого анализа» реконструировать формы коммуникативных воздействий на П.М. Бицилли в различные периоды его жизни;
- осмыслить личность Петра Михайловича как неповторимую творческую индивидуальность, вобравшую в себя и преломившую через себя многообразие интеллектуальных потоков и культурных традиций.

3.

Эволюция структуры научных исследований: творческое «движение» П.М. Бицилли чаще всего в современной литературе определяется в координатах – от медиевистики к культурологии, от истории к филологии, от «минимума» в одесский период к «максимуму» в период эмиграции. При решении этой проблемы следует учитывать ряд моментов:

во-первых, ограничиваясь статистическим методом – подсчетами публикаций с целью выявления проблемно-дисциплинарной направленности работ по формальным признакам, – мы уходим от специфики мышления П.М. Бицилли – интердисциплинарного по своей сущности, которое сформировалось уже в одесский период его творчества и детерминировало структуру его исследований в целом;

во-вторых, бесспорно, что историзм – как стержневая характеристика его профессионального исследовательского подхода – пронизывает практически все работы ученого вне зависимости от их дисциплинарного фокуса;

в-третьих, обращение к филологической проблематике вряд ли можно объяснить исключительно ситуационным фактором –

«вынужденной» переориентацией исследовательской деятельности (от истории к филологии) в силу особых условий научной работы П.М. Бицилли в годы эмиграции; этот вопрос требует расширения спектра фундаментальных объяснений.

4.

Теоретико-методологическое кредо: современные исследователи творчества П.М. Бицилли затрудняются квалифицировать не только его дисциплинарную принадлежность, жанровую типологию его работ, но и соотнести его с известными научными школами, направлениями, четко обозначить его методологическую платформу.

Обозначенные линии не исчерпывают всего комплекса проблем, но в определенной мере отражены в авторской версии их решения.

Семейный круг

Жизненный путь П.М. Бицилли включает, исходя из географии его проживания, три периода. Первый – одесский (1879-1920), второй – югославский (1920-1923)¹, третий – болгарский (1924-1953). Каждый из этих периодов специфичен своим наполнением, но все три связаны единством творческой индивидуальности Петра Михайловича.

Проблема выявления сложного механизма взаимодействия разнообразных факторов, детерминировавших исследовательский процесс П.М. Бицилли на разных этапах его жизни, – еще открыта.

Особая роль в понимании становления Петра Михайловича как личности и профессионала принадлежит первому – одесскому – периоду.

Одессит по рождению, потомственный дворянин по происхождению, фамильные корни которого восходят к первопроходцам Новороссийского края, Петр Михайлович Бицилли сформировался как ученый широчайшего творческого диапазона в микросоциуме своей *alma mater* – в Новороссийском (Одесском) университете и в макросоциуме российской университетской науки.

* * *

Для приближения к пониманию неповторимой индивидуальности Петра Михайловича Бицилли, его характера, гражданских позиций и системы ценностей важно знакомство с историей рода, с семейной историей ученого и его ближним кругом. Однако эта тематика разработана в меньшей степени, нежели многие проблемы его наследия, и находится еще в стадии фрагментарной фактографии.

Причина – в ограниченности информационного поля: факты, набираемые по крупицам в результате трудоемкого «просеивания» материалов архиво- и книгохранилищ, заимствованные из семейных анналов и т.п., требуют тщательного анализа и безусловно в процессе дальнейших исследований будут дополняться и неоднократно уточняться, постепенно расширяя генеалогическую картину.

¹ В данные годы – это Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС). Города, в которых проживал П.М. Бицилли, ныне – г. Вранье / Вране (Сербия) и г. Скопье / Скопле (Македония).

Анализ семейной истории П.М. Бицилли предполагает выделение нескольких поисковых полей.

I.

Генеалогическое древо рода *Бицилли*, история семьи *по линии отца* П.М. Бицилли – первое поисковое поле.

Петр Михайлович – одессит, его предки были из тех, кто осваивал Одесщину, участвовали в русско-турецких войнах второй половины XVIII – начала XIX вв., в Отечественной войне 1812 г.

«Открытой темой» остается вопрос о происхождении рода Бицилли. В литературе на основе известных на сегодняшний день архивных источников и автобиографий самого П.М. Бицилли наличествуют три версии об истоках рода: «греческая», «итальянская» и «албанская», каждая из которых имеет своих приверженцев.

Можно считать достоверным фактом только географию проживания первых поколений родового клана – Албания, область Эпир, провинция Химара (от наименования гор – «громовые»). Известно, что Эпир (у древних греков – материк) называют «колыбелью» греческого народа, ибо расселение эллинов с севера на юг началось именно с этих территорий, которые позже были заселены соседними северными племенами, превратившими это пространство в «котел народов».

Если география проживания предков Бицилли в целом определена, то вопрос об основоположниках рода и их этническом происхождении остается спорным.

1. О родоначальнике. Вопрос об основателях рода Бицилли представлен в современной историографии тремя версиями.

Версия первая

М.А. Бирман, ссылаясь на изыскания Г.Л. Арша, приводит данные из материалов Архива Внешней политики Российской империи (Москва, АВПРИ), согласно которым «благородные албанцы из Эпира», представители видной семьи Химары (Южная Албания), братья *Джика* и *Пано Бицилли*, предки которых служили Венецианской республике, состояли на российской службе в период русско-турецких войн второй половины XVIII века – были командирами двух «албанских» батальонов в числе подразделений балканских

добровольцев, действовавших в составе российского флота на Западных Балканах в поддержку экспедиции графа А.Г. Орлова¹.

Во время второй русско-турецкой войны (1787–1791) на службу России поступил **Константин Бицилли**, который воевал в составе добровольческой флотилии Л. Кациониса². В 1795–1796 гг. К. Бицилли командовал Греческим дивизионом, сформированным в Одессе из албанцев и греков, переселившихся в Россию после войны 1787–1891 гг. В русско-турецкую войну 1806–1812 гг. К. Бицилли собрал 700 добровольцев и участвовал в боях в составе Дунайской армии; был произведен в чин подполковника; умер в Одессе 24 декабря (5 января) 1813 г. Сын его, майор Савва Бицилли, служил в Александровском пехотном полку; был убит в Бородинском сражении³.

Версия вторая

Основатель рода – **Гика Бицилли**, штаб-офицер российской армии, дворянин. У Гики Бицилли было два сына – **Константин** и **Николай**. Именно **Константин Гика Бицилли** (1752 – 24 декабря /5 января/ 1813) стал основоположником той ветви рода Бицилли,

¹ Архив Внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Сношения России с Турцией». Д. 2308. Л. 224–225 (Анкета канцелярии иностранных дел, заполненная Джикой Бицилли 6 /17/ января 1796 г.); Фонд «Внутренние коллежские дела. 1798». Д. 1656. Л. 12–13. (Послужной список Пано Бицилли, составленный им в 1798 г.). См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 637; *Он же.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 18.

² Ламброс Кационис (Кационис / Качиони / Качони) / греч. Λάμπρος Κατσιώνης /1752–1805/, родом из Ливадии, Центральная Греция) – известный греческий корсар, «пиратский адмирал»; греческий патриот, участвовал в числе тысяч греческих добровольцев в войне 1768–1774 гг.; в 1788 г. на деньги греческих общин Триеста и Венеции снарядил судно «Северная Минерва» с командой преимущественно из греков; через год его флотилия господствовала в Эгейском море; «русская эскадра майора Ламбро» действовала под российским военно-морским флагом; был награжден Орденом Св. Георгия IV степени и возведен в дворянское сословие, получив чин полковника; условия заключения Ясского мира (1791) его не удовлетворили, и он стал действовать самостоятельно; после разгрома его флотилии турками, вынужден был бежать, скитаться по Европе; в 1794 г. прибыл в Россию, служил в Херсоне, офицером Греческого полка в Крыму; был принят при Дворе; вместе с родственниками участвовал в расселении греко-албанских беженцев на территории будущей Одесщины. См.: *Пряхин Ю.Д.* Ламброс Кационис: личность, жизнь и деятельность, архивные документы. СПб: Петрополис, 2011. 484 с.; *Сапожников И., Аргатюк С.* Андрей Буга и другие греки Хаджибея – Одессы // Південний захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Випуск 21. Одеса: Друкарський дім, 2016. С. 191–206 и др.

³ АВПРИ. Ф. «Административные дела, II-11, 1825». Д. 25. Л. 1, 4–5. Из донесения С. Попандопуло – российского вице-консула на о. Корфу в Коллегию иностранных дел 16 (28) июня 1825 г. См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 18; *Ари Г.Л.* Этеристское движение в России. М.: Наука, 1970. С. 136.

одним из потомков которого является Петр Михайлович Бицилли. *Николай Гика Бицилли* стал родоначальником другой ветви рода Бицилли. У него родилось двое сыновей – *Гика* и *Дмитрий*; у последнего был сын *Андрей* и три дочери¹.

Версия третья

По данным Государственного архива Одесской области для представителей «одесских» Бицилли основоположник рода – ***Константин Гикин сын Бицилий***.

В прошении *Павла Константиновича Бицилли*, поданном 19 июня 1831 г. в Дворянское депутатское собрание Херсонской губернии от своего имени и от имени своих братьев – *Ивана* и *Михаила*, приводились данные о семье и в первую очередь об отце с целью внесения «законных» потомков основоположника рода Константина Бицилли в дворянскую родословную книгу².

В этом прошении представлены следующие факты: *Константин Гикин сын Бицилий*, по свидетельству его сына *Павла Бицилли*, происходил «из дворян Греческой нации и Закона», «из штаб-офицерских детей», имел крестьян 20 душ; 10 марта 1770 г. поступил на службу в российскую армию в чине прапорщика. В составе Архипелагского флота «на собственном военном судне с 75 людьми» участвовал в русско-турецких войнах второй половины XVIII в. Постепенно поднимался по служебной лестнице: 14 января 1775 г. ему был присвоен чин поручика, 10 июля 1790 г. – капитана, 24 апреля 1795 г. – майора.

Получив в середине 1790-х гг. значительные земельные владения в Тираспольском уезде и в районе Хаджибея, майор Константин Бицилли «по собственному прошению» был уволен со службы в Черноморском флоте (1798/1799) с присвоением ему гражданского чина надворного советника и пенсионом.

Согласно паспорту № 1288 от 10 октября 1799 г. (выданному

¹ См. подробнее: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1343. Оп. 17. Д. 3754. Выписки материалов из фондов РГИА были предоставлены В.В. Левченко, который впервые ввел эти документы в научный оборот, г-ом М.О. Мельциным. См.: *Левченко В.В.* «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь родословной П.М. Бицилли // *Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: материалы международной научной конференции 14 апреля 2019 г.* / Отв. ред. В.Г. Вовина, М.О. Мельцин. Санкт-Петербург, 2019. С. 176–189.

² Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 25-25 об; 30-30 об.

конторой Главного Командира Черноморских флотов) *Константин Гикин сын Бицилий, из штаб-офицерских детей*, поступил на службу в 1770 г. прапорщиком и продолжал службу во Флоте майором «добропорядочно, в штрафах не бывал»¹.

Послужной список надворного советника Конститутина Бицилия свидетельствует о том, что он участвовал в крупнейших сражениях: под Наварином (1770; при этом был ранен в лоб саблей), в Чесменском сражении (1770) и др.

В 1777 г. Конститутин Бицилий был назначен в Греческий полк в крепость Еникале (возле Керчи, которая была сдана османами русской армии в 1771 г.); в составе этого полка участвовал в усмирении крымских татар.

13 апреля 1780 г. по приказу генерал-поручика И.А. Ганнибала (командовавшего десантом из 300 человек под Наварином) направлен в Херсон (под команду *Пано Бицилли*).

С 15 декабря 1783 г. по решению Коллегии Иностранных дел был назначен в порт Цефалония (Фискардо) на Ионийском острове Кефалония «под команду *Гико Бицилли*».

3 марта 1789 г. переведен в Архипелагскую флотилию.

В 1793 прибыл в Россию, получив чин капитана «со старшинством с 1790 г.».

10 июня 1794 г. записан в Черноморский Гребной флот, находившийся под началом И.М. Дерибаса.

24 апреля 1795 г. за храбрость, проявленную в сражениях, «пожалован майором» и по указу И.М. Дерибаса определен «в учрежденную при одесском порту для Греков и Албанцев Комиссию членом»²; затем причислен к одесской флотской береговой команде.

10 октября 1799 г. уволен со службы в Черноморском флоте с присвоением ему гражданского чина надворного советника и пенсионом («Высочайший рескрипт», 1798).

28 марта 1801 г. майор Константин Бицилий стал Кавалером Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV класса³.

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 25-25 об.

² Возможно, это Греко-Албанская комиссия при Одесском городском магистрате, к которой был приписан Греческий дивизион, сформированный по инициативе И.М. Дерибаса и возглавляемый Константином Бицилли. См.: *Сапожников И.В., Белоусова Л.Г.* Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Одесса-Ильичевск: «Элтан-2» - «Гратек», 1999. С.72-73.

³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л.25.

5 мая 1801 г. майор Константин Бицилий подтвержден в дворянское сословие.

29 декабря 1806 г. по решению Херсонского Военного Губернатора Генерал-лейтенанта Дюка де Ришелье формирует и возглавляет (по 2 апреля 1809 г.) Волонтирский Конный полк.

9 марта 1807 г. (в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг.) К. Бицилли с двумя ротами Алексопольского Мушкетерского полка совершил десант на «неприятельскую сторону» Дуная и целый день удерживал значительно превосходящие силы противника.

28 марта 1807 г. Майор Бицилий «за отличное мужество и храбрость, оказанные им в сражении против Турецких войск» 9 марта 1807 г., «пожалован Кавалером Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса»¹.

Константин Бицилли, «Российской службы Штаб-офицер», надворный советник, по свидетельству его сына Павла, – участник многих крупных сражений русско-турецких войн, служил под началом великих людей своего времени: А.Г. Орлова, И.А. Ганнибала, И.М. Дерибаса, Армана де Ришелье; возглавлял Греческий дивизион, участвовал в организации размещения греко-албанских переселенцев на южных территориях; окончил службу в чине подполковника.

«Уроженец Греческой нации» «законно прижил» четырех сыновей:

Иван, военный переводчик², в 1830-е гг. – российский консул в Испании (Малага, Андалусия);

Савва – «Майор и Кавалер» (погиб в Бородинском сражении);

Павел – губернский секретарь, депутат от Одесского уезда в Дворянском собрании Херсонской губернии (1830-е гг.);

Михаил – коллежский секретарь, проживал в Одесском уезде Херсонской губернии в своем имении, оставшемся после отца.

30 декабря 1855 г. копия протокола заседания Дворянского депутатского собрания Херсонской губернии, подтвердившего происхождение рода, была выдана «дворянину Михаилу Бицилли», «сыну Коллежского Секретаря Фомы, внуку дворянина Михаила

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л.25 об. Из текста не ясно: К. Бицилий был дважды награжден Орденом Св. Георгия – в 1801 и в 1807 гг., – или это ошибка в записи, поскольку дата – 28 марта – одна в обоих случаях.

² *Иван Константинович Бицилли*, переводчик, 8 июня 1812 г. получил из Государственной Коллегии иностранных дел билет (№ 2249) для свободного пропуска в Кронштадт с целью сопровождения на военном судне иностранных особ.

и правнуку Подполковника и Кавалера Константина Бицилли»¹.

Михаил Бицилли стал отцом Петра Михайловича, а Константин Бицилли был его прапрадедом.

Ремарка. Список оригиналов документов², представленных 19 июня 1831 г. вместе с прошением *Павла Бицилли* в Дворянское депутатское собрание Херсонской губернии, которые, как свидетельствует источник³, были возвращены владельцам:

- 1/ «Высочайший рескрипт 1801 г. Марта 28 о пожаловании отца их Майора Константина Бицилли Кавалером Ордена Великомученика Георгия Победоносца 4-го класса»;
- 2/ «паспорт 1799 г. Октября 10 [за № 1288] из конторы Главного Командира Черноморских флотов о увольнении одного отца их по его прошению от службы Черноморских Флотов с награждением чина Надворного Советника»;
- 3/ «послужной список о продолженной им службе в Черноморском флоте»;
- 4/ «копию отношения бывшего Херсонского Военного Губернатора Генерал-Лейтенанта Дюка де Ришелье о сформировании оным отцом волонтерского полка»;
- 5/ «копию паспорта 1809 Апреля 2 от Главнокомандовавшего армиею Генерал-Фельдмаршала князя Прозоровского»;
- 6/ «билет, данный 1812 Июня 8 из Государственной военной Комиссии иностранных дел брату просителя переводчику Кавалеру Ивану Бицилли»;
- 7/ «свидетельство от 12 человек штаб-офицеров в том, что они Бицилли действительно законорожденные сыны означенного отца»;
- 8/ «Формулярного списка о службе и достоинстве просителя»⁴.

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 30 об. В 1855 г. Михаилу исполнилось двенадцать лет и в этот год он вместе с братом Спиридоном (которому было шесть лет) получили копии протокола Дворянского депутатского собрания Херсонской губернии, подтверждающего их дворянское происхождение. Данные две копии, вероятно, были вручены их отцу Фоме Михайловичу, и вся процедура имела целью внесение «означенных детей г. Бицилли в дворянский алфавитный список».

² Все названия документов приводятся в соответствии с текстом копии протокола Дворянского депутатского собрания Херсонской губернии.

³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 30: «...подлинные же документы по снятии к делу копий возвратить ему [Павлу Бицилли. – Т. П.] обратно».

⁴ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 25, 30. Звание «Кавалер» свидетельствует о наличии «Ордена Св. Георгия» и дворянском статусе, следовательно, Савва Константинович к 1812 г. уже был, возможно, возведен в личное дворянство.

P.S. Все версии, каждая из которых основана на архивных документах, тем не менее, не имеют достаточной источниковой определенности.

2. Об этническом происхождении. Вопрос об этническом происхождении рода также представлен тремя версиями.

Версия первая – «албанская»

Химара – горный регион Южной Албании, во многом сохранивший в XVIII в. семейно-родовые отношения. Союзы семей (наиболее зажиточных кланов), основанные на экзогамии, были представлены своими главами в генеральном совете Химары. Суровая природа края способствовала тому, что для многих семей источником существования стало ремесло наемных солдат – Испания, Франция, Сицилия, Венеция, Неаполь охотно нанимали химариотов, которых полностью так и не смогла покорить Порта. Привыкшие с детства и юности к оружию и военному делу, химариоты становились капитанами полков в других государствах, но не оставляли надежду на достижение самостоятельности своей земли и искали поддержку у своих нанимателей.

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. вызвала в Албании широкий отклик: страны, где в основном служили выходцы из Химары, во второй половине XVIII в. превращались во второстепенных игроков на политической арене Европы, между тем как Россия становилась «европейской державой первого ранга» и в преддверии войн с Портой особо интресовалась Балканами.

С 1758 г. Черногория стала получать от России ежегодную субсидию, из черногорцев создавались специальные военные подразделения. Эти факты стали известны химариотам, которые решили последовать примеру черногорцев.

Григорий Львович Арш (1925-2017), крупнейший советский и российский историк-балканист, ведущий специалист в СССР по истории Албании, глубокий исследователь истории Греции, сотрудник Института славяноведения Российской Академии наук, приводит ценные сведения о контактах албанцев-химариотов с российскими эмиссарами.

В 1760 г. российский резидент в Константинополе А.М. Об-

ресков сообщал Елизавете Петровне о депутации в феврале этого года представителей химариотов («чимариоты»). Это были архимандрит Анфимий Василюк и капитан *Пано Спирос Бичила*¹, который впервые фигурирует в официальных документах.

Летом 1779 г. состоялась встреча графа А.Г. Орлова, руководителя первой Архипелагской экспедиции российского флота, с *Дж. Бицилли*, членом одной из самых влиятельных семей Химары (братом П. Бицилли, депутатом Химары, который встречался в 1760 г. с А.М. Обресковым).

Дж. Бицилли подал через А.Г. Орлова прошение на имя Екатерины II (от 20/31 июля 1779 г.), в котором выразил стремление химариотов помогать России в борьбе с Турцией².

В 1785 г. *Пано Бицилли* получил консульскую должность с характерным титулом «Генеральный консул России в Албании и Химаре».

Еще более четко звучит национальность *Пано Бицилли* в следующем документе: в инструкции Екатерины II (от 7/18 марта 1788 г.) генерал-поручику И.А. Заборовскому (руководителю военно-политическими операциями, которые должны были подготовить почву для появления у балканского побережья российской эскадры), подписанной лично императрицей, назывались имена агентов, которые должны были непосредственно заниматься вербовкой добровольцев на Балканах, среди них были – *грек майор Л. Сотири* и *албанец подполковник П. Бицилли* [курсив мой. – Т.П.], поступившие на российскую службу во время первой русско-турецкой войны³.

Таким образом, в официальном документе национальность агентов была четко разделена и определена: *Пано Бицилли* – *албанец*.

¹ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/8. 1760 г. Д. 3. Л. 112-113. См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С.483.

² АВПРИ. Ф. «Письма и прошения разных лиц на иностранных языках». Оп.14/1. Д. В-119. Л. 2-3. См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С.484-485.

³ Инструкция генерал-поручику Заборовскому при отправлении его в Средиземное море // Русский архив. М., 1866. С.1379. См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С.452.

Версия вторая – «греческая»

Имена *Константина* и *Николая Бициллия* фигурируют в исследованиях одесских авторов, посвященных *греческой колонизации* края¹.

Т.Ю. Тиохариди (на основании материалов из фонда Новороссийского Генерал-Губернатора по военной части /Д. 1, 1801 г./) приводит сведения о том, что *Константин Бицилли* поступил на службу в Архипелагский флот в 1770 г. с 75-ю волонтерами; участвовал в двух русско-турецких войнах второй половины XVIII в.; был наделен в 1794 и 1795 гг. землей в районе Хаджибея и в Тираспольском уезде; командовал Греческим дивизионом; формировал Молдавский волонтирский козачий полк (210 чел.)².

Сапожников И.В. и Л.Г. Белоусова впервые привели данные о том, что *Константин* (майор) и *Николай* (капитан) *Бицилли* получили земельные участки в селе Александровка (Арнаутовка) под Одессой³.

Константин Бицилли был влиятельным лицом в Одессе: он входил в состав действительных членов специально созданного Магистрата для иностранцев; в январе 1800 г. был приглашен как *греческий офицер* [курсив мой. – Т.П.] на празднование Рождества в городской Магистрат вместе с неаполитанским консулом и другими *греческими офицерами* [курсив мой. – Т.П.]: – Андреем Бугой, Сотири Вальсамаки, капитаном флота Метаксой и др.

В июле 1799 г. капитан Дм. Фотаки обратился с просьбой

¹ См.: *Пятигорский Г.М.* Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1985. С.33-60; *Теохаріді Т.Ю.* Грецька військова колонізація на півдні України наприкінці XVIII та на початку XIX ст. (Поселення під м. Одесою) // Вісник Одеської комісії краєзнавства при ВУАН. Ч. 4-5. Секція для вивчення грецької нацменшости. Випуск 1. Одеса: Видання ОКК при УАН, 1930. С. 9-44; *Сапожников И.В., Белоусова Л.Г.* Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Монография. Одесса-Ильичевск: «Элтан-2» - «Гратек», 1999. 262 с. и др.

² *Теохаріді Т.Ю.* Грецька військова колонізація на півдні України наприкінці XVIII та на початку XIX ст. (Поселення під м. Одесою) // Вісник Одеської комісії краєзнавства при ВУАН. Ч. 4-5. Секція для вивчення грецької нацменшости. Випуск 1. Одеса: Видання ОКК при УАН, 1930. С. 10-11, 24.

³ См.: *Сапожников И.В., Белоусова Л.Г.* Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Одесса-Ильичевск: «Элтан-2» - «Гратек», 1999. С. 184. [«Список чинов Одесского Греческого пехотного батальона, имевших участки в Александровке (Арнаутовке) по проверке 1821 и получивших таковые после 1832 года». См.: ГАОО. Ф.1. Оп. 218 (1797 г.). Д. 1. Ч. 3-а. Л. 29 об. – 32].

к майору К. Бицилли войти с ходатайством в высшие инстанции по вопросу размежевания земель для греков, которые были обещаны еще при Екатерине II (ходатайство было представлено, но вопрос решен Павлом I не был)¹. Эти факты, безусловно, подтверждают достаточно высокое положение Константина Бицилия в греко-албанском сообществе в Одессе.

Некоторые авторы высказывают мысль о том, что роль албанцев в среде многочисленных православных переселенцев с Балкан в Северное Причерноморье в конце XVIII – начале XIX вв. «сильно преувеличена». Именно греческие переселенцы были основной составной частью Греческих пехотных дивизионов в Одессе (1795-1797), батальонов в Александровке (Арнаутовке, 1803-1819) и Балаклавского батальона в Крыму. Названия одесских улиц («Малая и Большая Арнаутская») связано не с албанцами, а с существованием Греческого дивизиона, стоявшего сначала в Одессе, а позже – в Александровке².

Ряд архивных данных свидетельствует о том, что, включая отца П.М. Бицилли – Михаила Фомича, все представители рода причисляли себя к *грекам*, входили в греческую общину Одессы и участвовали в разнообразных греческих обществах³.

Например, сам *Константин Бицилий* завещал значительные суммы Одесскому Греческому благотворительному обществу и Греческому училищу в деревне Дримадес (греческое село в юго-западной Албании, округ Влёра, Химара) «для распространения просвещения между греками, бедствующими еще под турецким игом, и сохранения в народе великой идеи его национальности»⁴. Означает ли этот факт, что данное село являлось «малой родиной» предков Константина Бицилия и его самого?..

¹ Орлов А. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. Одесса, 1885. С. 130-131. См.: Сапожников И.В., Белоусова Л.Г. Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Одесса-Ильичевск: «Элтан-2» - «Гратек», 1999. С.76, 79; Сапожников И., Аргатюк С. Андрей Буга и другие греки Хаджибея – Одессы // Південний захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Випуск 21. Одеса: Друкарський дім, 2016. С. 194.

² См.: Сухов В.В. [Историк, Москва]. Заметки о греках и арнауках в Турции и России // Сапожников И.В., Белоусова Л.Г. Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Одесса-Ильичевск: «Элтан-2» - «Гратек», 1999. С.219-220, 229. (Приложение 2).

³ ГАОО. Ф.361. Оп.1. Д.1. Л.1, 7; Д.4. Л. 21 об - 22.

⁴ ГАОО. Ф.765. Оп.1. Д.4. Л. 1-2, 4.

Версия третья – «итальянская»

Петр Михайлович никогда не соотносил себя с греческой диаспорой Одессы, а в «автобиографии» категорически написал: «...предки – выходцы из Албании, *итальянского происхождения*» [курсив мой. – Т. П.]¹.

Не исключено, что П.М. Бицилли, восхищавшийся Италией, изучавший историю ее культуры, внес свою лепту в создание мифа об итальянских корнях предков.

В то же время М.А. Бирман считает, что эту версию «не следует сбрасывать со счета», т.к. итальянское происхождение Петра Михайловича в далеком прошлом предполагали некоторые его современники, о чем свидетельствует бывшая ученица одесской гимназии, в которой преподавал П.М. Бицилли, – Н.Л. Гурфинкель².

Известно, что возможные предки Петра Михайловича – братья Пано и Джика – бывшие венецианские офицеры³.

В литературе есть мнение, что греки с Ионических островов отличались своими итальянскими фамилиями и даже некоторыми языковыми особенностями, т.к. традиционно элита Ионических островов получала образование и дворянские титулы в Италии⁴.

3. О родовом имени. По этому вопросу можно выделить две версии.

Версия первая – гипотетическая

Возможно, фамилия *Бицилли* происходит от *Бичила* – албанского рода из Химары.

Капитан Пано Спиро Бичила (1730-е /?/ – не ранее конца 1790-х /?/) – старший (возможно) представитель этого рода.

¹ *Бицилли П.М.* Статьи: История, культура, литература. / Вступ. статья В.А. Туниманова // Русская литература. 1990. № 2. С.135; *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 50.

² См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 19.

³ История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С. 486.

⁴ См.: *Сухов В.В.* [Историк, Москва]. Заметки о греках и арнауцах в Турции и России // *Сапожников И.В., Белоусова Л.Г.* Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Одесса-Ильичевск: «Элтан-2» - «Гратек», 1999. С. 227 (Приложение 2).

Ремарка-штрих. Г.М. Пятигорский¹ писал: «К концу 1795 г. в составе трех рот был сформирован Одесский греческий дивизион, командиром которого был назначен майор **К. Бицилли**. Автор ссылается на статьи Теохаріді Т.Ю. и Г.Л. Арша².

Переделанная на русский манер, эта фамилия, вероятно, обозначалась сначала как **Бицилій / Бицилий**, затем как **Бицили** или **Бицилли**.

В документах XVIII – середины XIX веков написание фамилии встречается в нескольких вариантах. Форма «Бицилій» или «Бицилий» в большей мере характерна для документов конца XVIII в. – 1830-х годов. Вместе с тем, в них есть и вариант «Бицилли»³. В документах 1850-х годов – протоколах Дворянского депутатского собрания Херсонской губернии родовая фамилия употребляется только в одном варианте – «Бицилли»⁴.

В отличие от деда – Михаила Константиновича **Бицилия** и отца – Фомы Михайловоча **Бицилия**, их внуки и сыновья Михаил и Спиридон числились в официальных документах уже как **Бицили** или **Бицилли**⁵.

В документах делопроизводства Новороссийского университета за 1902-1905 годы встречаются два варианта написания фамилии: «Бицили»⁶ и «Бицилли»⁷.

С 1906 года в документах Императорского Новороссийского университета встречается только один вариант – «Бицилли» («Диплом» об окончании университета, «Свидетельство» о сдачи маги-

¹ См.: Пятигорский Г.М. Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1985. С. 36.

² См.: Теохаріді Т.Ю. Грецька військова колонізація на півдні України наприкінці XVIII та на початку XIX ст. (Поселення під м. Одесою) // Вісник Одеської комісії краєзнавства при ВУАН. Ч. 4-5. Секція для вивчення грецької нацменшости. Випуск 1. Одеса: Видання ОКК при УАН, 1930. С. 16; Ари Г.Л. Этеристское движение в России: освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М.: Наука, 1970. С. 136-137.

³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 25-25 об., 30.

⁴ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 30 об. Следует учитывать, что это – не оригиналы, но копии с оригинальных документов, в которых при переписке были возможны ошибки.

⁵ См.: ГАОО. Ф. 37 Оп. 3 Д. 807. Запись о венчании № 5 – опубликовано в: Греки Одессы. Именной указатель по метрическим книгам Одесской греческой Свято-Троицкой церкви. Часть II. 1834-1852. / отв. ред. Л.Г. Белоусова. Одесса, 2002. С. 30-31, 92-93. (Данные любезно предоставлены О.М. Луговым)

⁶ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 3, 15.

⁷ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 14, 20, 31.

стерских испытаний и др.)¹.

В копии свидетельства о крещении П.М. Бицилли фамилия отца – Михаила Фомича – написана с двумя буквами «л»². В аттестате зрелости есть важное примечание: аттестат выдан П.М. Бицилли, «по метрическому свидетельству Бицилли»³.

Ошибка, допущенная в метрическом свидетельстве и исправленная в выписке из метрической книги приходской Покровской церкви города Одессы от 29 июля 1880 года, копия которой сохранилась в студенческом деле П.М. Бицилли⁴, дала основание использовать данные двух официальных документов: метрического свидетельства и выписки из него (или ее копии).

Архивные данные позволяют говорить о том, что с середины XVIII века, в течение полутора столетий, из документа в документ, представители *албанского рода из Химары – Бичила* – постепенно меняли орфографию своего родового имени «Бичилли-Бицилий – Бицилий – Бицили – Бицилли»⁵.

Но во всех документах, написанных рукой самого Петра Михайловича, фамилия семьи представлена только в последнем варианте, который соответствует копии протокола Дворянского депутатского собрания Херсонской губернии⁶.

Версия вторая – фантастическая

Нигде в документах, вошедших в научных обиход, это имя не встречается, однако среди известных уроженцев села *Дримадес в Химаре* фигурирует – *Панос Бидзилис (Πάνος Μπιτζίλης)* – «греческий революционер XVIII века». Это греческое село – *Дримадес в Химаре* – патронировал Константин Бицилли.

Возможно ли, что это – *Пано Бичила / Бидзилис / Бицилли?*..

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 36. Д. 108. Л. 1; Оп. 4. Д. 1119. Л. 53.

² ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 23.

³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 2.

⁴ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 23.

⁵ Трудно сказать, насколько осознанно проблема орфографии родового имени стояла перед первыми поколениями семьи Бицилли. В то же время изменения в написании фамилии могли осуществляться в результате делопроизводственной практики – случайно или намеренно.

⁶ См.: ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 23; Оп. 1. Д. 97. Л. 3; Оп. 5. Д. 1254. Л. 17, 30 об.

Ремарка-штрих. Уверена в том, что Петр Михайлович интересовался своей родословной, но, к сожалению, подтверждающий этому мы сегодня не имеем.

4. О возрасте. У некоторых исследователей (например, Д.А. Шумейко¹) вызывал сомнение тот факт, что Константин Бицилий, начавший службу в 1770-м г., смог в 1807 г. проявить недюженную смелость и выносливость в знаменитом десанте 9 марта этого года при сражении за Измаил.

Константин Бицилли (1752-1813) в восемнадцатилетнем возрасте поступил на русскую службу и уже в 1770-м году участвовал в двух крупнейших сражениях – под Наварином (получил серьезное ранение саблей) и в Чесменском сражении. Вышел в отставку в 1799 в возрасте сорока семи лет. В 1806 г. он, по распоряжению Херсонского Военного Губернатора Генерал-лейтенанта Дюка де Ришелье формирует и возглавляет Волонтирский Конный полк. 9 марта 1807 г. К. Бицилли с двумя ротами Алексопольского Мушкетерского полка десантировался на «неприятельскую сторону» Дуная, удерживая в течение дня значительно превосходящие силы противника. Ему было – пятьдесят пять лет.

Возраст для такого сражения, конечно, солидный, но сравним его подвиги с подвигами его земляка и соратника – Андрея Спиридоновича Буги² (1743/1744 – 1829), которого исследователи относят к грекам из Химары (область Влэра), и биография которого очень схожа с биографией Константина Бицилия.

Участник двух русско-турецких войн второй половины XVIII в. (с 1772 г. – прапорщик); был во флотилии Л. Кациониса; служил в Одесском Греческом дивизионе, затем на Гребном флоте; с 1794 г. обосновался в Хаджибее, получив земельные наделы под Хаджибеем и в Александровке; стал действительным членом Магистрата для иностранцев; с 1804 г. служил в Одесском греческом пехотном батальоне; в 1807 был откомандирован в Волонтирский

¹ См.: Попова Т.Н. Бициллиеведение: состояние, проблемы, перспективы // «Погасло дневное светило...»: Руската литературна емиграция в България 1919-1944 / Българска Академия на науките. Институт за литература. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2010. С. 334-348.

² См.: Сапожников И., Аргатюк С. Андрей Буга и другие греки Хаджибея – Одессы // Південний захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Випуск 21. Одеса: Друкарський дім, 2016. С. 191-206.

конно-казачий полк, который формировал К. Бицилли; в январе 1807 г. участвовал в штурме Измаила¹.

Андрею Буге в это время было приблизительно шестьдесят три года. Умер А. С. Буга на 85-м году жизни. Константин Гикин сын Бицилий скончался в шестьдесят один год.

Биографии этих могучих горцев из Химары вызывают восхищение, но это было свойственно исполинам блистательного XVIII столетия!

Комментарии-post

Предлагаю факты (с акцентирующим повтором), вопросы и предположения.

I. О представителях рода Бицилли. В материалах фигурирует ряд лиц, которых можно отнести к роду Бицилли или к его окружению:

1. Капитан Пано Спино Бичила (1730-е /?/ – не ранее конца 1790-х /?/), представитель албанской знати, депутат от химариотов, который в апреле 1760 г. вместе с архимандритом Анфимием Василико обратился к А.М. Обрескову, российскому резиденту в Константинополе с предложением к Российскому престолу (на основании решения первых лиц Химары, 1759) о готовности химариотов набрать «национальные полки», которые ранее служили Сицилии и Венеции, для помощи России в возможной войне с турками².

После высадки русских войск в Мореи (Пелопоннес), граф А.Г. Орлов встретился с делегацией от Химары во главе с *П. Бицилли*.

10 / 21 мая 1770 г. А.Г. Орлов обратился с воззванием к химариотам: призвал *южно-албанских горцев* [курсив мой. – Т.П.], которых венецианцы и неаполитанцы использовали без какой-либо пользы для них самих и их семей, послужить России. *П. Бицилли* сообщил об этом воззвании землякам и привез оружие и военное снаряжение.

После ухода русских сил из Мореи (Пелопоннес) командую-

¹ Блестящий штурм Измаила в 1790 г. окончился возвращением крепости туркам по условиям Ясского договора 1791 г.; в третью русско-турецкую войну 1806-1812 гг. за крепость Измаил с 1807 г. опять началось сражение; в августе 1808 г. крепость капитулировала перед русскими войсками.

² См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С.483.

щий российской эскадрой в Архипегале адмирал Г.А. Спиридонов 12/23 марта 1771 г. обратился с воззванием к христианским народам Балкан начать борьбу с османами. В результате в 1771 г. число добровольцев, воевавших вместе с российским флотом, достигло 4 тысяч; общее число выходцев с Балкан, участвовавших в 1770-1774 гг. в морской войне в Архипелаге насчитывало 6 тысяч 413 человек. Из этих добровольцы было сформировано 11 батальонов по 670 человек каждый, хотя они и назывались «албанскими» («албанским войском»), их состав был многоэтническим.

Поскольку албанцы в эпоху турецкого господства широко практиковали ремесло наемных солдат, термин «албанец», или «арнаут», стал нарицательным для обозначения наемного солдата иррегулярных пехотных войск. Однако коренных албанцев на кораблях русской эскадры в Эгейском море было немало.

Командирами двух «албанских» батальонов (обычно командиры подбирались в соответствии с преобладающим по этническому происхождению составом батальонов) были химариоты – братья *Пано* и *Джика Бицилли*, бывшие венецианские офицеры.

В 1775 г. капитан *Пано Бицилли* был послан А.Г. Орловым в Петербург «в звании депутата от своей нации» [курсив мой. – Т.П.]; цель миссии: попытка заручиться покровительством России – взять под протекторат России Химару.

Химариоты, как правило, владели греческим и итальянским языками – международными языками Балкан и Леванта в XVIII в. – и использовались российским правительством для консульской службы в средиземноморском регионе.

В 1780 г. *Пано Бицилли*, возможно, служил в Херсоне, куда был направлен К. Бицилли.

В 1785 г. *Пано Бицилли* получил консульскую должность с характерным титулом «Генеральный консул России в Албании и Химаре».

К 1788 году – подполковник.

2. Дж. (Джика) Бицилли (1730-е /?/ – не ранее конца 1790-х /?/), член одной из самых влиятельных семей Химары (*брат Пано Бицилли*), в прошении на имя Екатерины II (20/31 июля 1779 г.) сообщал о намерении посвятить себя подготовке антитурецких выступлений, в которых бы участвовала не только Химара, но и прилегающие греческие области [т.е. Джика Бицилли как химари-

от отделял себя от греков. – Т.П.].

Еще в 1764-1768 гг. бывший венецианский офицер, отказавшись ради выполнения этой миссии от звания капитана венецианской службы, хорошего жалования и пенсии для себя и своей семьи, совершил несколько рейдов «по различным местам Греции» для того, чтобы побудить «главных приматов» [наиболее влиятельных глав семейств. – Т.П.] и простых «жителей-христиан сформировать группы в пользу оружия» России. Джика сумел убедить многих молодых людей отправиться в Архипелаг на российский флот и сформировать вооруженные отряды из христиан, которые нападали на турок¹.

Дж. Бицилли совершил также поездку в Черногорию для переговоров с ее правителем Степаном Малым; оттуда прибыл в Пизу, где находился граф А.Г. Орлов, привезя важные письма.

Во время кампании в Архипелаге исполнял по поручению Г.А. Спиридонова должность коменданта острова Санторин (Тира).

В 1783 г. *Джика Бицилли* был назначен генеральным консулом России на о. Кефалония (наибольший из Ионийских островов).

3. Граф Антон Джика из Дермиу (? – не ранее 1780-х /?/), активный помощник русских эмиссаров на Балканах. В 1777 г. получил аттестат от графа А.Г. Орлова, в котором была засвидетельствована его особая роль в борьбе с османами: он успешно занимался вербовкой албанцев на российскую службу.

А. Джика служил в Ливорно в канцелярии А.Г. Орлова, который отмечал у штаб-офицера хорошее знание греческого и других языков и «усердие в выполнении письменных дел».

После отъезда графа А.Г. Орлова из Италии А. Джика находился при генерал-майоре И.А. Ганнибале (который также неоднократно отмечал у подчиненного «знание в делах и усердие в службе»); занимался разбором жалоб различных правительств на действия кораблей под российским флагом в Средиземном море.

Поступив на службу России, А. Джика полностью лишился своего имущества в Албании.

С 1785 г. он – генеральный российский консул в Рагузе (Дубровник), «царский консул, албанец А. Джика (Гика)»².

¹ АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп. 2/6. 1777-1800 гг. Д. 1531. Л.2. См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С.485.

² См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С. 485, 487, 495, 505, 517.

4. **3. Бицилли** (? – ?) – российский консул в Валлоне (Влэра, Южная Албания), посетивший Северную Албанию в 1806 г. по заданию Коллегии иностранных дел¹.

5. Химариот **Гика Кока Челко** (? – ?) оставил службу капитана в Королевском македонском полку в Королевстве обеих Сицилий ради «ревности к славе и чести фамилии и отечества» – так он писал А.А. Безбородко, объясняя свой переход на русскую службу. Но под отечеством понималась не вся Албания, а только ее обособленная область – Химара².

6. **Гика Бицилли** (? – ?), штаб-офицер российской армии, дворянин; его сыновья – *Константин* (1752 – 24 декабря /5 января/ 1813) и *Николай* (? – ?); сыновья Николая – *Гика* (? – ?) и *Дмитрий* (? – ?); сын Дмитрия – *Андрей* (? – ?)³.

7. **Константин Гикин сын Бицилий** (1752-1813) – подполковник, надворный советник, которого его сыновья считали основоположником рода «одесских» Бицилли.

Кроме этих фигур есть упоминание о лицах:

Майоре Пано Сикоре, возглавлявшим Греческий полк в крепости Еникале, куда был назначен 13 января 1777 г. Константин Бицилли;

Майоре Пано Бицилли, под командование которого 13 апреля 1780 г. был направлен в Херсон Константин Бицилли генерал-поручиком И.А. Ганнибалом;

Гико Бицилли, под начало которого 15 декабря 1783 Константин Бицилли по распоряжению Коллегии иностранных дел был направлен в порт Цефалонию (о. Кефалония / Кефалиния)⁴;

Николае Бицилии, капитане Одесского Греческого пехотного батальона, имевшего участок в Александровке (Арнаутовке)⁵;

¹ См.: История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны) / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: КРАСАНД, 2012. С. 131.

² АВПРИ. Ф. «Внутренние коллежские дела». Оп. 2/6. 1777-1800 гг. Д. 5031. Л. 34. См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С. 487.

³ См.: *Левченко В.В.* «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь родословной П.М. Бицилли // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: материалы международной научной конференции 14 апреля 2019 г. / Отв. ред. В.Г. Вовина, М.О. Мельцин. Санкт-Петербург, 2019. С. 176–189.

⁴ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 25-30.

⁵ См.: *Сапожников И.В., Белоусова Л.Г.* Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Одесса-Ильичевск: «Элтан-2»

Бицилли Гике Николаевиче, дворянине ¹.

Вопросы и предположения:

- Вполне вероятно, что Гика Бицилли – это Джика Бицилли, который получил пост российского консула на остров Кефалония в 1783 г.², и в этом же году Константин также получает предписание отправиться в порт Цефалония на этот остров «под команду Гико Бицилли, где и находился по 1789 г.»³.
- Возможно, основатель рода другое лицо – Гика Бицилли (? – ?), штаб-офицер российской армии, дворянин, а его сын – Константин (1752 – 24 декабря /5 января/ 1813) – Гикин сын Бицилий – «из штаб-офицерских детей» – положил начало той ветви рода, к которой и принадлежал П.М. Бицилли.
- Можно допустить, что отцом Константина был граф Антон Джика (Гика) из села Дримадис, Греческому училищу в котором, патронировал Константин Бицилли.

Ремарка-штрих. В то же время, почему в своем прошении Павел Константинович не подчеркнул родство между Константином и *Гико Бицилли*, консулом на о. Кефалония, а также майором Пано Бицилли, если это были родные отец и дядя Константина?

- *З. Бицилли* (? – ?) – российский консул в Валлоне (Влёра, Южная Албания)⁴, возможно, в документах изменили буквы, и *З. Бицилли* – это Гика Бицилли? Или это иной представитель клана Бицилли?
- Можно ли причислять Константина Бицилли к известному балканскому роду албанского происхождения Гиков (Ghyka, Ghica)? Вопрос открыт, однако известно, что за предста-

- «Гратек», 1999. С.184.

¹ См.: Греки Одессы. Именной указатель по метрическим книгам Одесской Греческой Свято-Троицкой церкви. Часть III. 1853-1874 гг. / Авт. и сост.: Л.Г.Белоусова, Т.Е.Волкова, Г.Л.Малинова, В.В.Харковенко // Труды Государственного архива Одесской области. Т. XI. Одесса, 2004. С.22. Возможно, сын Николая Бицилли, но даты в источнике вызывают недоумение: родился 13.10.1868, умер в 76 лет.

² История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С.495.

³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л.25 об.

⁴ АВПРИ. Ф. «Миссия на Ионических островах». 1804-1807. Д. 54. Л. 238-239. См.: История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны) / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: КРАСАНД, 2012. С. 131.

вителями этого рода в Российской империи признавался княжеский титул; многие из этого рода были молдавскими и валашскими господарями. Константин этого титула не имел, но, вероятно, авторитет, происхождение, должности и звания, которыми он обладал уже в России, способствовали особому, уважительному к нему обращению, – Гика, распространенному на Балканах, в румынских и молдавских землях и т.п.

- Одновременно Гика – имя, часто встречающееся среди албанцев-химариотов.
- В то же время он – сын Гики – имя, возможно, подменялось отчеством.

В прошении Павла Константиновича Бицилли имя отца пишется в следующих вариантах:

*Константин Гикин сын Бициллий¹,
Константин Бициллий,
Константин Гика Бициллий,
Константин Бицилли².*

II. Об эллинизации албанцев. Нельзя не учитывать при анализе этнической самоидентификации и такой фактор, как процесс эллинизации албанцев как в Химаре, так и в Северном Причерноморье – на Одессине. Можно выделить два главных обстоятельства, которые, возможно, повлияли на то, что этнически коренные албанцы стали считать себя греками.

1.

Крепость Канина (Влѐра³, Химара) была долгие годы форпостом легендарного албанского вождя Скандербѐга, в которой в апреле 1452 года состоялась его свадьба с Доникой, дочерью

¹ Подобный оборот относится и к детям – «Павел Константинов сын Бициллий», и к внуку – «Фома Михайлов сын Бицилли». См.: ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л.30-30 об.

² Однако следует учитывать, что это – копия с оригинальных документов, составленных в разное время, и нам неизвестно, как в оригинальных документах было написание фамилии *Бицилли*. Эти же соображения относятся и к имени – *Бичила*: Г.Л. Арш не приводит фактов точного написания фамилии Бичила / Бицилли в документах АВПРИ.

³ Город Влѐра был главной морской базой султана Сулеймана Великолепного (XVI в.); много позже этот город стал первой столицей независимой Албании (1912).

Джержи Арианити, одного из влиятельнейших во Влёре представителей рода Арианити, организовавшего борьбу с турецкими захватчиками в 1431-1432 годах.

После смерти Скандербега Влёру захватили турки, крепость Канина была разрушена. Реминисценции «доосманской эпохи», в центре которых стоял идеализированный образ Скандербега, вдохновлял албанцев-химариотов на борьбу за независимость, в которой они с середины XVIII в. стали рассчитывать на Россию.

Население южного региона Албании (Химара), пережившее разные периоды в своей истории – византийцев (в период активного заселения этой области греками) сменили римляне, затем турки; в XV в. Химара попала под контроль Неаполя, что позволило химариотам пойти на военную службу к итальянцам, – конфессио-нально разделялось на православных, католиков и мусульман.

В округе Влёра (Химара) было много греческих сел [в том числе – Дерми / Дермиу, (алб.), или Дримáдес (греч.)]. Служба химариотов османам и в католических странах способствовала исламизации и католизации части населения. Православные греки и «арваниты» – православные албанцы – составляли основу «арнаутских отрядов» Турции, но пытались сохранить свою веру, а с началом проникновения России на Балканы стали ориентироваться на православную державу и со временем вошли в контингент «албанских», или «греческих», войск Российской империи.

Вероятно, в одних и тех же селах проживали и греки, и албанцы:

- граф Антон Джика из села Дермиу (по-албански) был албанцем,
- Константин Бицилий патронировал это же село – Дримáдес (по-гречески),
- Андрей Буга, грек, как настаивают исследователи, – из г. Химара (область Влёра)¹.

Не исключено, что «грек» А.С. Буга был тоже албанцем. Из его послужного списка как военнослужащего Одесского Греческого батальона, составленного в 1806 г., явствует, что в период войны 1768-1774 гг. он прибыл из «отчизны своей Албании города Химара» [курсив мой. – Т.П.] на базу российского флота на о. Порос, до-

¹ См.: Сапожников И., Аргатюк С. Андрей Буга и другие греки Хаджибея – Одессы // Південний захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Випуск 21. Одеса: Друкарський дім, 2016. С. 191-192.

ставив туда набранных и вооруженных им за свой счет 30 «албанцев». Вполне возможно, что А.С. Буга был тоже из села Дермиу.

В отличие от основного албанского ареала, арваниты, переселившиеся в пределы исторической Греции (Аттика, Пелопоннес и др.) ещё в годы Византийской империи, подверглись аккультурации и частичной эллинизации, в связи с чем остались верны православию и после нашествия турок. Арваниты хорошо владели греческим языком, хотя он не был для большинства из них родным.

В эпоху Али-паши Тепеленского (Янинского) – албанца, мусульманина, из семьи наследственных правителей южно-албанского городка Тепелена, который в 1787 г. подчинил своему господству столицу Эпира крупный город Янину, сделав ее центром своего нового пашалыка, лоскутного «княжества» (1787-1822), включившего в себя часть южной Албании (Химара), часть Греции и часть Македонии (в котором все-таки преобладали греки), – гонения на греков одновременно сопровождались усилением их значения в регионе.

Али-паша пытался сохранить определенную «автономию» от Османской империи, даже вел переговоры с российскими эмиссарами о переходе под покровительство России. К 1812 г. ему удалось подчинить себе всю южную Албанию. В эти годы слово «Албания» перестало иметь только географическое значение и вошло как политическое образование в европейский дипломатический лексикон.

Стремясь консолидировать подчиненные ему земли, Али-паша сделал греческий язык фактически официальным языком в административных делах, хотя некоторые распоряжения правителя были написаны по-албански. Население оставалось многоэтническим: например, греческий букварь, изданный в Венеции (1770) содержал трехязычный словарь – греко / влахо¹ / албанский. Размежевание по религиозному признаку продолжалось, при этом особой вражды, как утверждают исследователи, между представителями разных конфессий не было².

С гибелью Али-паши и полным порабощением Химары Османами, по сути – с ликвидацией Албании с его частично православным албанским населением, выросла роль Греции и греков как главных носителей Православия.

¹ Влахи (греч. βλάχοι) – романоязычные жители Центральной Европы и Балкан.

² См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. С. 501-504, 508, 510, 513.

2.

Значительная роль в «эллинизации» албанцев, на мой взгляд, сыграл знаменитый Греческий Проект Екатерины Великой – создание Греческого царства во главе с внуком императрицы Константином, которое должно было контролировать Балканы и средиземноморские проливы. Этот Проект способствовал выдвижению на первый план именно *греков* с их православной миссией.

Указы Екатерины давали большие льготы грекам Одесщины: создание специального воинского подразделения (указ от 19 апреля 1795 г.) – Одесского Греческого дивизиона, размещение военных и гражданских лиц в городе и окрестностях, наделение их 15000 десятинами земли. К осени 1795 г. из Архипелага на Одещину переселилось около ста греческих семей.

С началом правления Павла I (1796) Албанское войско все чаще называли Греческим (Таврическим) полком, а по его указу (30 января 1797 г.) полк был переформирован в Греческий батальон из трех рот (всего – 396 чел.); затем название «Албанское войско» фактически было ликвидировано. Указом от 22 октября 1803 г. уже при Александре I был создан Одесский Греческий батальон, в который принимали греков и албанцев, ранее служивших в разных войсках, и наделяли их землей. Александровка (Арнаутовка) – территория, выделенная для размещения служащих батальона, получила в документах название «Греческое селение»¹. Греком становилось быть «выгодно».

С развертыванием национально-освободительного движения в Греции, с образованием «Филики Этерии» в Одессе (1814) и ее отделений на Балканах, с Греческой революцией 1821-1829 гг. – в Одессе греком становилось быть престижным, почетным («модным»).

Усиление османского ига и привлекательность православной иммиграции в Северное Причерноморье из регионов, подвластных Турции, колонизация Крыма и Одесщины, привели к тому, что

¹ За период 1774-1808 гг. греки Одессы и Одесщины получили множество разнообразных льгот. См.: Сапожников И.В., Белоусова Л.Г. Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Одесса-Ильичевск: «Элтан-2» - «Гратек», 1999. С. 72, 75, 81, 100. [Документы. 1774-1808. С.140-183.]; *Пятигорский Г.М.* Греческие переселенцы в Одессе в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1985. С. 33-60.

«греческий поток» вообрал в себя другие балканские народы: химариоты стали восприниматься в первую очередь как греки¹.

P.S.

1. Думаю, следует прислушаться к выводу одного из первых исследователей истории греческой колонизации на Одессчине – *Т.Ю. Теохариди*, который, проведя тщательный анализ национального состава и регионального происхождения греков Александровки, пришел к заключению о том, что Одесский пехотный греческий батальон (1804-1819), как и село Арнаутовку (Александровку), правильнее называть «*греческо-албанским*» [курсив мой. – Т.П.]².

2. Термин «эллинизация» в данном контексте следует воспринимать двояко:

- с одной стороны, это – естественный процесс ассимиляции части албанцев среди более многочисленного греческого населения, в первую очередь – благодаря брачным союзам³,
- с другой – это осознанный выбор некоторых албанцев («арманитов») в пользу новой «национальности», престижность которой – социальный статус был более весомым.

3. Представляется возможным считать основоположником рода Бицилли – *Джику Бицилли*, брата *Пано Спино Бичила*, – православного этнического албанца, который, оставаясь на российской службе, надеялся на освобождение своей родины, под которой он, как и его брат, понимал конкретную территорию.

Пано Бицилли «в звании депутата от своей нации» в своем прошении к российскому правительству (1775) ограничивал область Албании, которую видел под протекторатом России, только округом Химара: «Капитан Пано Бицилли, депутат, всесильно просит, дабы помянутая провинция всегда под российскою протекциею была»⁴.

¹ Даже болгары «числились» греками: Павел Бицилли определил Христину Иванову, жену брата Михаила, возможную болгарку, как гречанку.

² См.: *Сапожников И., Аргатюк С.* Андрей Буга и другие греки Хаджибея – Одессы // Південний захід. Одесика. Історико-краєзнавчий науковий альманах. Випуск 21. Одеса: Друкарський дім, 2016. С. 204-205.

³ Неизвестно, кто и из каких семей были жены Пано и Джиги Бицилли, Константина и Николая Бицилли, Антона Джиги (Гики) и др. Известные факты свидетельствуют о том, что в первой половине XIX в. представители рода Бицилли брали в супруги преимущественно гречанок.

⁴ АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/8. 1777 г. Д. 126. Л. 6. См.: История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.:

Возможно, Джика (Гика) Бицилли в период своей службы России так и не побывал на будущей родине своих потомков – Одессине и оставался *албанцем из Химары*.

4. Константин Гикин сын Бицилий – основоположник «одесских» Бицилли, вероятно, родился в греко-албанском селе Дермиу / Дримадес (1752), из которого сначала пошел служить – по примеру отца и дяди – итальянцам (до 1770 г.), а затем оказался на службе России.

Ремарка-заметка. В 1770 г. К. Бицилли получил сразу младший офицерский чин прапорщика; этот факт свидетельствует о том, что он уже имел какой-то офицерский чин в венецианских или неаполитанских войсках, т.к. обычно иностранцам, поступавшим на российскую службу, давали чин «с понижением».

Сын Джики / Гики – *Константин Гикин сын Бицилий* в начале XIX в., в условиях социокультурной специфики, считал себя более греком, нежели албанцем. Его завещание с выделением части капитала для Греческого училища в селе Дермиу / Дримадес свидетельствует о том, что это село – «малая родина» Константина, который, возможно, родился здесь в 1752 г., и не забывал о ней, стремясь поддержать греческую православную общину села (в условиях османского ига), поскольку (опять же – возможно) албанских православных жителей села к этому времени становилось все меньше из-за усиливающегося процесса исламизации албанских земель.

Ремарка-справка. Сегодня Дерми (округ Влёра) – село, расположенное на высоте 200 метров от уровня Ионического моря, одно из семи сёл административно принадлежащих муниципалитету города Химара, насчитывает 1800 жителей, национальный состав которых – *греки и албанцы*, язык – греческий, химариотский диалект¹.

5. Сыновья Константина – Павел и Михаил (нам неизвестно, где проживали Иван и Савва /до 1812 г./) – жители Одесщины, органично вошли в греческую общину региона и стали считать своих предков тоже греками.

P.P.S. Предложенная версия, безусловно, требует более весомых подтверждений и может быть опровергнута иными аргументированными предположениями.

¹ Дерми. URL: <http://wiki-org.ru/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8>

О первых двух сыновьях Константина Бицилия на сегодняшний день ничего не известно.

Третий сын – *Павел Константинович* (1786–?) – был на военной службе, затем – губернский секретарь (с 1810 г.), чиновник в Одесском коммерческом суде (с 30 декабря 1807 г. по 8 февраля 1812 г.); депутат Дворянского депутатского собрания Херсонской губернии от Одесского уезда (с 1830 г.); крупный землевладелец (свыше 3 000 десятин земли и более 100 крепостных крестьян); женился на дочери помещика Одесского уезда подпоручика Михаила Гилескула – Анне (24 года); детей (к 1831 г.) не имел.

Наиболее «ветвистой» оказалась линия четвертого, младшего сына Константина Бицилли – Михаила Константиновича.

Михаил Константинович, коллежский секретарь, проживал в Одесском уезде в имении отца, был женат на «греческой уроженке» Христине Ивановой (38 лет)¹, имел двух детей – сына Фому (23 года) и дочь Анну (7 лет /?/) и являлся основоположником той семейной ветви рода Бицилли, к которой принадлежал Петр Михайлович.

Фома Михайлович Бицилли (1808 /?/ – 1861 /?/), дед Петра Михайловича, дворянин, коллежский секретарь, имел шестерых детей. Отец Петра Михайловича – Михаил Фомич (22 декабря 1843 – 1914 /?/), был старшим сыном Фомы Михайловича.

В семье, кроме Михаила Фомича, были: сын Спиридон (р. I.П.1849 г.) и четыре дочери – Олимпиада (р. 5.VII.1839 г.), Христина (р. I.XI.1847 г.), Екатерина (р. 14.X.1851 г.), и Александра (р. 21.IV.1854 г.).

В 1850-е гг. Фома Михайлович проживал с семьей в своем имении. Благоустроенный дом находился возле села Бицилово, которое принадлежало Ф.М. Бицилли с 1851 г., получив свое название по имени владельца; имел 60 душ крестьян мужского пола. Оставил о себе память жестокого помещика. Трагически погиб в 1861 г.: бричка, в которой он ехал, перевернулась. После смерти Ф.М. Бицилли имение перешло в собственность племянника Михаила Фомича, сына его младшего брата Спиридона Фомича – Сусана Спиридоновича Бицилли, коллежского секретаря. В последней трети XIX века

¹ Не исключено, что Христина Иванова была болгаркой.

эти земли перестали быть собственностью семьи Бицилли¹.

Спиридон Фомич Бицилли стал известным человеком в Одессе: он служил брандмейстером Александровской пожарной части одесской городской пожарной команды².

Ремарка-info. 11 февраля 1845 г. в Троицкой церкви (Одесса) прошло венчание помещика села Бицилово Одесского уезда, коллежского регистратора Фомы Михайловича Бицилия с Сусаной Спиридоновной Замария, дочерью Спиридона Павловича Замария, одесского купца (проживавшего ранее в г. Нежин³). Поручителями стали: отец жениха, *помещик Михаил Бицилий*, и отец невесты⁴.

Ремарка-гипотеза. Отец Петра Михайловича – Михаил Фомич родился 22 декабря 1843 г. (по старому стилю) и считался старшим сыном Фомы Михайловича. Поскольку венчание с Сусаной Замария состоялось в 1845 г., то Михаил Фомич, вероятно, был сыном Фомы Михайловича от первого брака, как и его старшая сестра – Олимпиада (р. 5 июля 1839 г.). Кто была их мать и первая супруга Ф.М. Бицилли, пока неизвестно. Поместье (село Бицилово) должно было быть унаследовано старшим сыном, т.е. Михаилом Фомичем, но перешло к Сусану Спиридоновичу, сыну Спиридона Фомича (р. 1 февраля 1849 г.) и внуку Сусаны Спиридоновны Замария, второй

¹ См.: ГАОО. Ф.45. Оп.5. Д. 1254. Л. 30; *Буковский В.Я.* Горькая правда. Исторический очерк села Бицилово и района. Раздельная, 1998. С. 9–21.

² *Спиридон Фомич Бицилли* проживал в Одессе по адресу Судебный пер., 13 (в 1913 г.) *Михаил Фомич Бицилли* в это время проживал по адресу ул. Успенская, 24; его сын – *Петр Михайлович* – на улице Черноморской, 26. Кроме них в адресной книге на 1914 г. числится *Ел. Фоминична* [возможно, это сестра Екатерина], проживавшая на улице Садовой, 7. См.: *Вся Одесса. Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом. Одесский уезд на 1914 год. Год издания четвертый.* Одесса: Издательство «Одесские новости». Типография «Порядок», 1913. С. 39–40.

³ *Нежин* – один из первых «греческих» центров в Украине. См.: Грецька громада Ніжина: історія та сучасність. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 360-тій річниці універсалу гетьмана Богдана Хмельницького, наданого ніжинським грекам, 330-тій річниці заснування Ніжинського грецького братства та 200-тій річниці відкриття Ніжинського грецького Олександрівського училища / упор. О.С. Морозов; відп. за Випуск Л.О. Зайко. Ніжин: Видавець ПП Лисенко М.М., 2017 и др.

⁴ ГАОО. Ф. 37 Оп. 3 Д. 807. Запись о венчании № 5 – опубликовано в: Греки Одессы. Именной указатель по метрическим книгам Одесской Греческой Свято-Троицкой церкви. Часть II. 1834-1852 гг. / Авт. и сост.: Л.Г. Белоусова, Т.Е. Волкова, Г.Л. Малинова, В.В. Харковенко // Труды Государственного архива Одесской области. Т. VIII. Одесса, 2002. С. 30-31 и 92-93. Эти данные были любезно предоставлены автору *О.М. Луговым* (Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова), позже я ознакомилась с источником в Интернете.

жены Ф.М. Бицилли. Кроме Спиридона Сусана родила своему мужу еще трех дочерей. В год смерти отца Спиридону Фомичу было 12 лет, Петру Михайловичу – 18. Вероятно, наследницей стала Сусана Спиридоновна, которая и завещала с. Бицилово своему родному внуку.

P.S.: вопросы. Семейная история Фомы Михайловича требует новых архивных разысканий для ответа на вопросы:

- было ли с. Бицилово наследственным или получено (в 1951 г.) как награда за службу (?) с присвоением селу названия по имени владельца?
- какое поместье принадлежало Михаилу Константиновичу, и кто его унаследовал?
- какова точная дата смерти Фомы Михайловича¹?
- кем была его первая жена?
- какова линия наследования после кончины Ф.М. Бицилли?
- какова линия Спиридона Фомича?
- кем был Сусан Спиридонович? и др.

Ремарка-цитата. В.В. Янцен: «Каждый незначительный исторический факт или источник может совершенно неожиданно приобрести центральное биографическое и историко-философское значение при сопоставлении с другими источниками, фактами и более широкими смысловыми контекстами»².

* * *

Михаил Фомич Бицилли, по свидетельству Петра Михайловича, служил секретарем Одесского Городского Кредитного Общества (ОГКО)³, которое было учреждено 20 апреля 1871 г. и начало

¹ Данные, приведенные в книге В.Я. Буковского, расходятся, хотя и опираются на архивные документы.

² Янцен В. Другая философия: переписка Д.И. Чижевского и Г.В. Флоровского (1926-1932, 1948-1973) как источник по истории русской мысли // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2008-2009 год / Под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М.: Регнум, 2012. С. 471. См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 283.

³ Государственный архив Российской Федерации (Москва) (ГАРФ). Ф. Р7523. Оп. 59. Д. 4330. Л. 5. См.: Левченко В.В., Попова Т.Н. П. М. Бицилли: новые архивные мате-

функционировать 6 июля 1871 г.¹

* * *

Эккурс. Значительную роль в создании ОГКО сыграл Одесский городской голова Н.А. Новосельский². Первым председателем правления стал Перикл Федорович Родоканаки – с 1871 по 1898 г.³.

риалы к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Выпуск. 16. С. 148–157.

¹ Фигура *Михаила Фомича Бицилли* требует широкого источникового обрамления.

² См.: Исторический очерк XXXV-летия Одесского городского кредитного общества. Одесса: Типография Акц. Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1906. С. 5-6. В 1896 г. по случаю 25-летия ОГКО на Общем Собрании было принято решение о том, чтобы поместить портрет Н.А. Новосельцева в зале Общего Собрания и учредить стипендию имени Н.А. Новосельцева при Императорском Новороссийском университете.

³ Отец *Перикла Федоровича – Федор Павлович Родоканаки* (1797 /о. Хиос/ – ?), купец первой гильдии, из древнего (с XII в.) торгового рода Родоканаки, занимал ведущее место среди одесских банкиров. Еще его отец – Павел Родоканаки (умер в 1801 г. в Константинополе), неоднократно бывал в Одессе по торговым делам. Федор Родоканаки вместе с четырьмя братьями впервые приехал в Одессу в 1813 г. для того, чтобы оценить перспективы бизнеса. В 1819 г. братьями была основана торговая фирма «Родоканаки сыновья и К*», занимавшаяся экспортом зерна. Одесский филиал фирмы возглавил младший из братьев – Федор, перебравшийся в Россию в 1819 г. и принявший российское подданство. В 1829 г. он открыл еще банкирскую контору, в 1847 г. стал соучредителем страховой компании «Черное море». В 1848 г. Федор Павлович получил звание коммерции советника и в 1861 г. был награжден за 30-летнюю предпринимательскую деятельность орденом св. Станислава III степени, был гласным Одесской городской думы, почетным гражданином Одессы. К концу 1850-х гг. руководство одесского торгового дома Федор передал своему сыну *Периклу*. Во второй половине XIX в. деятельность торгового дома Родоканаки пошла на убыль, зато банкирская сфера получила значительный рывок: Ф.П. Родоканаки на протяжении 1860–1870-х гг. стал соучредителем Петербургского Международного коммерческого банка и председателем его правления, Русского банка для внешней торговли, Центрального банка русского поземельного кредита, Азовско-Донского коммерческого банка, Киевского, Кишиневского, Ростовского и Одесского акционерных коммерческих банков, старшим членом Одесского отделения Коммерческого Совета при Одесском градоначальнике (Президент – Одесский градоначальник). Г.Ф. Родоканаки и Е.М. Родоканаки были почетными членами Одесского женского благотворительного общества. См.: Одесский вестник. 1863. № 1, 1 января; Памятная книжка для Херсонской губернии, изданная Херсонским губернским статистическим комитетом на 1864 год. Херсон: Тип. Губ. Правления, 1864. С. 190, 194, 256-257; П.Ф. Родоканаки – общественный деятель и крупный негодант // Новороссийский телеграф. 1899. № 9668; События в Отечестве за июнь 1847 г. // Отечественные записки. СПб., 1847. Т. 53. С. 21; *Скальковский А.* Записки о торговых и промышленных силах Одессы. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1865. С. 118; *Плаксин С.* Коммерческо-промышленная Одесса и ее представители в конце девятнадцатого столетия; история развития торговых фирм с приложением адресных сведений. Одесса: Тип. Н. Хрисогелос, 1901. С. 23; Перикл Федорович Родоканаки // *Гулиев Р.* Вино, власть и общество. Киев: Новый друк, 2006. С. 27–29; *Янищи Ф. К.* Греческая диаспора на юге России. Деятельность семей Масаксуди (Керчь) и Родоканаки (Одесса) (XIX – начало XX вв.) // Вестник МГУ. История. 1998. № 4. С. 70; *Мошенский С. З.* Финансовые центры Украины и рынок ценных бумаг индустриальной эпохи. London: Xlibris, 2014. С. 301–303; *Пилипенко О.* Видатні грецькі підприємці в Україні у XIX – на початку XX ст.:

ОГКО получило разрешение Министерства финансов на выпуск собственных облигаций: к 1911 г. суммарный объем эмиссий этих облигаций достигал 100 млн. руб., подлежащих приему под залог по казенным поставкам и подрядам. К началу XX в. ОГКО было не только «одним из старейших в России кредитных установлений этого рода», но и «одним из самых солидных и богатых», занимая одно из первых мест, подчас впереди столичных учреждений подобного рода¹.

ОГКО располагало несколькими отделениями, основная часть которых находилась за чертой городского центра, на Молдаванке (микрорайон Одессы). О солидности фирмы свидетельствует и тот факт, ее центральное отделение на улице Надеждинской (Гоголя, с 1902 г.) являлось абонентом сразу трех телефонных линий. В 1879 г. ОГКО приобрело здание торгового дома у А.И. Зарифи (греческого негоданта, купца 1-й гильдии, члена учетного и ссудного комитета Одесской конторы государственного банка, гласного Одесской городской думы, почетного гражданина Одессы)² на улице Надеждинской, считавшейся одной из наиболее фешенебельных в Одессе в это время. В 1880-1881 гг. на основе старого здания было построено новое по проекту и под наблюдением одесского архитектора Артура Густавовича Люикса (1850-1914), француза по происхождению³. Этот дом считается вершиной творчества А.Г.

бібліогр. нариси // Українська біографістика: зб. наук. пр. / Нац. б-ка України ім. Вернадського. Київ, 2008. С. 181-191.

¹ Сорокалетие кредитного общества // Одесский листок. 1911. 20 апреля. № 90. С. 2. См. также: *Рукавицын И.А.* Финансовые и кредитные учреждения Украины конца XIX – начала XX века в открытках, документах и фотографиях. Т. 2. Киев: Книга-Плюс, 2013. С. 182–184; *Мошенский С.З.* Финансовые центры Украины и рынок ценных бумаг индустриальной эпохи. London: Xlibris, 2014. С. 326–327. ОГКО было ликвидировано в 1919 году согласно декрету СНК РСФСР от 17 мая 1919 г.

² См.: Памятная книжка для Херсонской губернии, изданная Херсонским губернским статистическим комитетом на 1864 год. Херсон: Тип. Губ. Правления, 1864. С. 194, 241, 256. Жена Александра Ивановича Зарифи – Ефросинья Феликсовна Зарифи была почетным членом Одесского женского благотворительного общества.

³ О строительстве и истории Дома см.: Одесские новости. 1911. № 7831. 4 июня; Исторический очерк XXXV-летия Одесского городского кредитного общества. Одесса: Типография Акц. Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1906. С. 186–188; Одесса 1794–1894. Одесса: Издание Городского Общественного Управления; тип. А. Шульце, 1895; *Савченко В.А.* Одесса масонская. Очерки. Одесса: Оптимум, 2007. 151 с.; Каталог улиц отдела «Одессика» (ОННБ). URL: <http://domofoto.ru/house/6801/>; *Страхов Иван.* Дом Городского кредитного общества: восстановленная красота. URL: <http://mayak.org.ua/zuckerbergs/house-urban-credit-society-restored-beauty/>; Архитектура Одессы. Здание Городского кредитного общества. Гоголя, 12. URL: <http://archodessa.com/all/gogolya-12/>

Люикса¹.

После П.Ф. Родоканаки председателем общества был Я.А. Новиков и затем Александр Александрович Швенднер, товарищ городского головы (в эти годы городской голова – статский советник Павел Александрович Зеленый), гласный Одесской городской думы², директорами – инженер Михаил Михайлович Дитерихс³, действительные статские советники Михаил Гаврилович Крапивин⁴ и Митрофан Васильевич Шимановский⁵. В состав наблюда-

¹ Здание, созданное в стиле эклектики с влиянием ренессанса является памятником архитектуры и градостроительства (Решение Одесского Облисполкома № 480 от 15.08.1985 г.; Приказ Министерства Культуры № 983/0/16-07 от 27.08.2007 г.). Знатоки одесского зодчества считают, что архитектура здания примерно на 30 лет превосходила тенденции, развившиеся в Одессе в 1910-е гг. А. Люикс по завершению строительства поместил на фасаде небольшую мраморную табличку со своим именем, сохранившуюся до наших дней. В зале этого здания проводились собрания, представления, концерты, балы, маскарады, вечера и проч. мероприятия. В 1927 г. был составлен проект (10 страниц архивного дела) устройства служебной лестницы Ломбарда на ул. Гоголя, 12. После освобождения Одессы от немецких захватчиков в этом здании до 1962 г. размещался Одесский Главпочтамт, так как здание почтамта на Садовой улице было сильно повреждено и находилось в процессе восстановления. С 1982 г. до второй половины 2000-х гг. в этом здании находился Дом Науки и Техники Одесского областного совета. К 2011 г. здание было отреставрировано и реконструировано, приобретя во многом свой первоначальный вид. Сегодня в этом здании располагается элитный клуб с рестораном «Ministerium». На фасаде здания появились даты «1881» (строительство) и «2011» (реставрация и реконструкция). Парадная дверь имеет остекленные проемы с решетками, в кованую вязь которых по порядку вписаны буквы «О», «Г», «К», «О» (Одесское Городское Кредитное Общество).

² См.: Вся Одесса. 1901 год: иллюстрированная адресная и справочная книга. Справочник недвижимых имуществ всего Одесского градоначальства до границы Одесского уезда включительно. Год издания третий. Одесса, 1901. С. 204, 206; Исторический очерк XXXV-летия Одесского городского кредитного общества. Одесса: Типография Акц. Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1906. С. 7.

³ М.М. Дитерихс – гласный думы (1899). М.М. Дитерихс – сын М.К. Дитерихса, статского советника, доктора медицины, начальника Одесского карантинного округа, одного из учредителей Общества одесских врачей, гласного Одесской городской думы. Его жена – Е.Х. Дитерихс была почетным членом Одесского женского благотворительного общества. См.: Вся Одесса. 1900 год: иллюстрированная адресная и справочная книга. Справочник недвижимых имуществ всего Одесского градоначальства до границы Одесского уезда включительно. Год издания второй. Одесса, 1900. С. 246; Памятная книжка для Херсонской губернии, изданная Херсонским губернским статистическим комитетом на 1864 год. Херсон: Тип. Губ. Правления, 1864. С. 203, 256; *Васильев К.К.* Дитерихсы // Одесский вестник. 1994. 22 января. С. 8 (Спецвыпуск «Одессе – 200»); *Кобзарь Н.* Врачи, инженеры, педагоги, или Одесское древо Детерихсов // Вечерняя Одесса. 2002. 1 августа.

⁴ Сын Гаврилы Матвеевича Крапивина, гласного Одесского городской думы, комиссионера по продаже игральных карт при Одесском женском благотворительном обществе. См.: Памятная книжка для Херсонской губернии, изданная Херсонским губернским статистическим комитетом на 1864 год. Херсон: Тип. Губ. Правления, 1864. С. 194, 257. М.Г. Крапивин – почетный гражданин г. Одессы, директор-представитель Общества выборных купеческого сословия (на 1913 г.), занимался бакалейно-гастрономической торговлей. См.: Вся Одесса. Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом. Одесский уезд на 1914 год. Год издания четвертый. Одесса: Изд-во «Одесские новости». Типография «Порядок», 1913. С. 216–217.

⁵ В 1913 г. М.В. Шимановский был директором ОГКО. См.: Вся Одесса. Адресная и

тельного совета входили Г.П. Кузанов, Г.М. Брейтман, В.П. Ралнер¹. Руководство ОГКО составляли известные в Одессе люди: Г.Г. Гурович, Э.Ю. Вучина, Г.Г. Штанельберг, Н.К. Криона-Папа-Никола, Н. . Хионаки; И.Л. Ефрус, Н.А. Депп, Н. М. Хионаки, И А. Сунди; А.М. Бродский. А. Я. Новиков, Л. Ц. Отон, Н.К. Вейс, А.А. Бобров, М.Ф. Унтилов, Н.М. Хионаки, А.Н. Пашков², И.Я. Далл-Орсло, А.И. Черепенников и др.³.

При возникновении Общества жалование Председателя правления и Директоров – 2 400 рублей в год. С 1902 г. председатель и члены Правления получали (на 1906 г.) жалование в размере 6 000 рублей. Казначей Общества с 1872 г. получал 2 400 рублей, с 1897 г. – 5 000 рублей⁴.

* * *

Михаил Фомич Бицилли был «служащим по назначению» в ОГКО.

Общество внимательно относилось к служащим «по назначению»: размер жалования изменялся в соответствии с потребностями времени, ежегодно сотрудники получали награды, определялся годовой оклад лицам, прослужившим двадцать пять лет, а также выдавались временные пособия и назначались пенсии применительно к существующим правилам, поэтому служащие дорожили своим положением в Обществе⁵.

В 1903 г. М.Ф. Бицилли как секретарь ОГКО получал 3 350 рублей (на 22 ноября 1903 г.); по штатному расписанию на 26 ноября 1906 г. он служил секретарем в Канцелярии ОГКО и имел

справочная книга всей Одессы с отделом. Одесский уезд на 1914 год. Год издания четвертый. Одесса, 1913. С. 460.

¹ Сорокалетие кредитного общества // Одесский листок. 1911. 20 апреля. № 90. С. 2.

² Почетный гражданин Одессы, сословный старшина от мещан в Одесской городской думе. См.: Памятная книжка для Херсонской губернии, изданная Херсонским губернским статистическим комитетом на 1864 год. Херсон: Тип. Губ. Правления, 1864. С. 195.

³ Отчет Одесского городского кредитного общества за 1873 г. Второй год. Одесса: Тип. П. Францова, 1874. С. IV.

⁴ См.: Исторический очерк XXXV-летия Одесского городского кредитного общества. Одесса: Типография Акц. Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1906. С. 27–29.

⁵ См.: Исторический очерк XXXV-летия Одесского городского кредитного общества. Одесса: Типография Акц. Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1906. С. 371.

заработную плату в размере 3 000 рублей. На 1913 г. М.Ф. Бицилли, бывшему секретарю ОГКО, была назначена пенсия в размере 3 000 рублей. Пенсия была в этом году израсходована и назначена в этом же размере на 1914 г.¹

Положение М.Ф. Бицилли считалось весьма почетным в городе, о чем свидетельствует оценка семьи Бицилли, данная директором 2-й одесской гимназии в характеристике на ее выпускника: «Бицилли Петр, 20 лет, из весьма почтенной и образованной семьи служащего из банка. Средствами отец владеет не большими, но достаточными для воспитания детей <...> Пользовался самым лучшим надзором и добрыми советами почтенного и образованного отца...»².

2.

История семьи П.М. Бицилли *по материнской линии* – второе поисковое поле.

Ремарка-заметка. «Выход» на это «поисковое поле» имеет свою историю. Когда я работала над статьей о семейной истории П.М. Бицилли для сборника «Проблемы славяноведения» (Брянск, 2018), в Интернете увидела публикацию *Натальи Николаевны Панасенко*³, известного одесского краеведа, которая меня сразу заинтересовала. Я попросила *В.В. Левченко*, моего ученика, уточнить в архиве данные, которые приводила автор. Архивные поиски *В.В. Левченко* дали много новых ценных сведений о семье Вейнбергов; дальнейшие поиски в Интернете расширили материал о родственных связях между семьями Вейнбергов и Рубинштейнов и др. и помогли создать более полную картину семейного круга П.М. Бицилли.

¹ См.: Исторический очерк XXXV-летия Одесского городского кредитного общества. Одесса: Типография Акц. Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1906. С. 375–376; Отчет Одесского городского кредитного общества за 1913 год. Сорок второй год. Одесса: Тип. Акционерного Южно-Русского Общества Печатного Дела, 1914. С. II. М.А. Бирман приводит дату смерти М.Ф. Бицилли – 1916 год. На мой вопрос об источниках, ответил – по воспоминаниям родственников. Точной даты пока у нас нет.

² ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 2; Оп. 5. Д. 1254. Л. 2, 26.

³ *Панасенко Н.* «Обыкновенная буржуазная семья». Об одесских корнях Георгия Адамовича // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. № 52. 2013. С. 233-237.

Екатерина Адольфовна (Михайловна)¹, мать Петра Михайловича, родилась 7 ноября 1852 г. (Одесса); 7 декабря 1852 г. была крещена в Покровской церкви (Одесса). Крестными (восприемниками) Екатерины Адольфовны стали: купец третьей гильдии *Исай Семенович Вейнберг* и жена присяжного Коммерческого суда Одесского градоначальства, коллежского секретаря Якова Исаевича Вейнберга *Любовь Григорьевна Вейнберг (Рубинштейн)*².

Отцом *Екатерины Адольфовны* – был **Адольф Васильевич Штейнгард**, купец второй гильдии, лютеранского вероисповедания³; в середине 1860-х гг. он состоял купцом-аукционистом при Аукционной камере Одесского городского общественного управления Одесского градоначальства⁴. Во многих документах написание фамилии родителей Екатерины Адольфовны разнится: в конце пишется буква *д* или *т*.

Ремарка-info. Фамилия **Штейнгарт** – немецкого происхождения, при этом перевод допускается двоякий. В одном случае считают, что эта фамилия произошла от немецких слов «**Stein**» («камень») и «**Garten**» («сад»), что означает «каменный сад». Иной подход – рассматривать эту фамилию как производное от слов «**Stein**» – «камень» и «**Hart**» – «храбрый, непреклонный, стойкий». Этот перевод близок к английской транскрипции: **Штейнгард** – от английского «**Stone**» – камень и «**Guard**» – защита, охрана т.е. каменная защита и т.п. В Российской империи фамилия Штейнгарт(д) встречалась в основном в городах и местечках Минской и Витебской губерний и одновременно получила значительное распространение в украинских землях.

¹ Пока неизвестно точно, когда состоялась замена отчества – *Адольфовна* на *Михайловну*, но, вероятнее всего, причина – начавшаяся Первая мировая война и связанные с ней антинемецкие настроения в российском обществе; во всяком случае, к 1914 г. в официальных изданиях Е.А. Штейнгард числилась еще как *Адольфовна*.

² ГАОО. Ф. 37. Оп. 3 а. Д. 8. Л. 110 об. ГАОО. Ф. 37. Оп. 3а. Д. 8. Л. 110 об.

³ В середине 1860-х гг. церковный совет Евангелическо-лютеранской церкви в Одессе возглавлял доктор медицины, статский советник Михаил Карлович Дитерихс. См.: Памятная книжка для Херсонской губернии, изданная Херсонским Губернским Статистическим Комитетом на 1864 год. Херсон: Типография Херсонского Губернского Правления, 1864. С.203.

⁴ См.: Новороссийский календарь на 1865 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: типография Л. Нитче, 1864. С. 6; Новороссийский календарь на 1866 год. Одесса: типография Л. Нитче, 1865. С. 6. В этих изданиях приводятся разные написания фамилии Адольфа Васильевича: в 1864 г. – Штейнгард*т*, в 1865 г. – Штейнгар*т*.

По одной из версий первым евреем, использовавшим эту фамилию был Иосиф Бен-Менахем Штейнхарт (**STEINHART**, иногда пишется так же как Штейнхардт / **STEINHARDT**). Иосиф родился около 1700 г. в деревне Стейнхарт (**STEINHART**) в Баварии и умер в 1776 г. в Фюрте (Бавария). Был раввином Верхнего, затем Нижнего Эльзаса, позже возглавил раввинат Фюрта; считался одним из выдающихся талмудистов своего времени. К нему обращались за советами из Венгрии, Италии, Нидерландов и Швейцарии. Эту фамилию взяли себе его потомки. С определенной долей вероятности можно предположить, что евреи, носящие фамилии Штейнгар**т**, Штейнгар**дт**, Штейнгар**д**, Штейнгар**ц** и Штейнгар**т** (разные транскрипции одного и того же слова) являются его потомками¹.

Во всех вариантах своей автобиографии П.М. Бицилли писал: «Мать из еврейской, перешедшей в православие семьи»; «Мать, урожденная Штейнхарт, из еврейской семьи»; так же написано в оригинале автобиографии 10 января 1948 г.: «Мать, урожденная Штейнгард, – из еврейской семьи». При этом написание фамилии варьируется – с буквами **d** или **t** в конце слова².

Свидетельства Петра Михайловича требуют уточнений: отец *Екатерины Адольфовны – Адольф Васильевич* был лютеранином по вероисповеданию³, а ее мать – *Мария Исаевна Вейнберг* действительно происходила из еврейского рода *Вейнбергов*, перешедших в православие.

Дед Екатерины Адольфовны, ставший позже ее крестным отцом, – *Исай / Исайя Вейнберг (Шая Вольфович, 1794–1865)*, родился в Подольской губернии в местечке Немеривка⁴ Брацлавского уезда в семье купца 3-й гильдии. Отец рано женил Исайю (в 1808 г.): в этом браке родилась дочь Сусана (ок. 1813 г. – ?). В

¹ Иудаизм и евреи. URL: https://toldot.ru/life/lnames/lnames_8447.html

² См.: *Велева Мария*. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Издательство «Гутенберг», 2004. С.50, 53, 56; *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Выпуск 16. С. 148-157.

³ Неизвестно, перешел ли А.В. Штейнгард в православие после женитьбы, и каковы были его истоки, – возможно, еврей немецкого происхождения.

⁴ Сегодня город Немиров, административный центр Немировского района Винницкой области.

1815 г. Исаяя вместе с родителями переехал в Одессу, где вместе с отцом стал заниматься торговлей. В 1818–1822 гг., отделившись от отца, Исаяя стал работать приказчиком у купца 1-й гильдии Бермана Бернштейна, затем обрел самостоятельность в торговых делах и был записан купцом 3-й гильдии. После смерти первой жены Исаяя женился второй раз на дочери уманского купца. В середине 1820-х гг. Исаяя вынужден был объявить себя банкротом и переехать с семьей в г. Николаев. Здесь, в 1830 г. Исаяя (теперь – Исая Семенович) вместе с женой Розой Абрамовной и детьми принял православие и вернулся в Одессу, получив статус одесского мещанина. 14 апреля 1833 г. И.С. Вейнберг вступил в должность публичного нотариуса, в которой пробыл до конца своих дней ¹.

В двух браках у И.С. Вейнберга родилось десять детей – Сулана (1813), Яков (1824), Иосиф (1828), Петр (1831), Мария (18?? – 1881 /?/), близнецы Андриан и Семен (1835), Анна (1837), Павел (1846), Вольф (18??).

И.С. Вейнберг был строг с детьми (не гнушался прибегать к розгам), следил за исполнением семьей всех церковных обрядов, подавая личный пример. Роза Абрамовна сама выучила детей главным молитвам и рассказывала эпизоды из священной истории. По праздникам в дом Вейнбергов приезжали священники и вели с детьми назидательные беседы.

Фигура Исая Семеновича весьма примечательна: не получив университетского образования, он был, тем не менее, человеком эрудированным, остроумным, уважал науку и стремился дать своим детям хорошее образование; сам отличался математическими способностями, любил театр (домашние спектакли были нормой в семье); пользуясь особым расположением дирекции Одесского театра, водил детей за кулисы. В доме бывали такие знаменитости как Михаил Щепкин, Павел Мочалов, известный американский чернокожий актер Айра Олдридж (во время своих гастролей в Одессе) и др. Артистичность, любовь к искусству и литературе

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н., Левченко В.В.* П.М. Бицилли: фрагменты семейной истории // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2018. Выпуск 20. С. 126–147; *Левченко В.В.* «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь родословной П.М. Бицилли // Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: материалы международной научной конференции 14 апреля 2019 г. / Отв. ред. В.Г. Вовина, М.О. Мельцин. Санкт-Петербург, 2019. С. 176–189.

были заложены в детях, безусловно, в отеческом доме¹.

Судьба сыновей и дочерей И.С. Вейнберга сложилась по-разному.

Наибольшую известность среди детей И.С. Вейнберга получили Петр и Павел.

Экскурс. Петр Исаевич Вейнберг: портрет в интерьере

Вопрос об источниках филологических пристрастий и литературоведческого таланта П.М. Бицилли сохраняет свою интригу.

Возможно, помимо семейных традиций – высококультурной обстановки, в которой рос Петр, «особенной любознательности к филологическим предметам», о которой писал директор гимназии, хорошего филологического образования, которое студент Бицилли получил на Историко-филологическом факультете Новороссийского университета, ситуативных обстоятельствах и т.п. – стоит обратить внимание и на такой фактор, как наследственность, что так или иначе обусловила «филологические наклонности» будущего ученого?..

Среди предков П.М. Бицилли – *Петр Исаевич Вейнберг* [16 (28) июня 1831 (Николаев) – 3 (16) июля 1908 (СПб.)].

Петр Исаевич Вейнберг – двоюродный дед Петра Михайловича по материнской линии, – вошедший в анналы российской словесности².

Отец, Исай Семенович, уверовав в талант сына, который уже в пятилетнем возрасте стал заниматься сочинительством, отдал его в один из лучших в Одессе – пансион В.А. Золотова (1804-1882), бывшего преподавателя Ришельевского лицея³. Петр Исаевич считал, что именно Василий Андреевич, превос-

¹ *Бердников Лев* (Лос-Анжелес). Братья антиподы. Петр и Павел Вейнберги // Заметки по европейской истории. 2015. № 7. URL: <https://www.kreschatik.kiev.ua/68/35.htm>

² См.: Русские поэты в биографиях и образцах / Сост. Н.В. Гербель. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. С. 591; Вейнберг Петр Исаевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907; *Тиандер К.Ф.* Петр Исаевич Вейнберг // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии Наук. 1909. Т. XIV. Кн. 4. СПб., 1910. С. 132–151; Русские писатели. 1800 -1917: Биографический словарь. Т. 1. А - Г. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 402-403 и др.

³ О нем см.: *Абрамовский А.П.* Российский педагог-новатор Василий Андреевич Золотов (1804-1882) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 18 (199). История. Выпуск 41. С.150-154.

ходный ритор, декламатор и учитель-новатор, заложил в него «литературную закваску», благодаря которой он состоялся как писатель и преподаватель, переняв педагогические приемы своего наставника¹.

Затем были гимназия, юридический факультет при Ришельевском лицее и, наконец, Харьковский университет. Однако все эти заведения оставили у молодого Вейнберга удручающее впечатление «рутинным формализмом» и «отсутствием живого элемента»². Единственный, кого Петр Исаевич вспоминал с благодарностью, был молодой преподаватель Харьковского университета, филолог Николай Костырь (1818-1853), который вдохновенно читал лекции по эстетике и русскому языку³.

Писательская деятельность П.И. Вейнберга – со студенческих лет: он публикует свои первые переводы (Жорж Санд и Виктор Гюго) в харьковских изданиях (журнал «Пантеон и репертуар», 1851; «Харьковские губернские ведомости», 1852), а в 1854 г. в Одессе выходит первый сборник его переводов (Горация, Шенье, Гюго, Байрона) и собственных сочинений («Стихотворения Петра Вейнберга». Одесса, 1854).

Постуниверситетский период начался с карьеры чиновника по особым поручениям при губернаторе Карле Данзасе (1806-1885) в Тамбове.

Тамбовский период (1854-1858) – «бесцельное существование» – тем не менее был насыщен литературной работой: Петр Исаевич открывает для себя Гейне, редактирует неофициальную часть «Тамбовских губернских ведомостей», публикует в Санкт-Петербургских изданиях первые переводы стихов и входит в литературное сообщество под псевдонимом «Гейне из Тамбова»⁴.

¹ См.: *Вейнберг П.* Из моих школьных воспоминаний // «Русская школа». 1890. № 8; *Вейнберг П.* Автобиография // «Минувшие годы». 1908. № 8. С. 173; *Бердников Лев* (Лос-Анжелес). Братья антиподы. Петр и Павел Вейнберги // Заметки по европейской истории. 2015. № 7. URL: <https://www.kreschatik.kiev.ua/68/35.htm>

² *Вейнберг П.* Автобиография // Минувшие годы. 1908. № 8. С. 171-172.

³ Николай Трофимович Костырь (1818-1853) – доктор славянской филологии, профессор Киевского и Харьковского университетов. В 1851 году Н.Т. Костырь перешел на службу в Императорский Харьковский университет, прочитав там два курса – эстетики и истории русской литературы, которые и прослушал студент Вейнберг.

⁴ *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. / И.Ф. Масанов ; подгот. к печати Ю.И. Масанов. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956-1960. Т. 1. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита. А - И. М., 1956. С. 394.

В это же время появляется и знаменитое стихотворение «Он был титулярный советник...» («Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова», СПб., 1863)¹ навеянное печальным сюжетом: неудачным сватовством к дочери губернатора².

1858-1867 – первый петербургский период жизни П.И. Вейнберга, для которого характерна активная деятельность и творческий энтузиазм. Петр Исаевич входит в круг «великих» – Тургенева, Гончарова, Некрасова и др., работает (ведет разделы) и публикуется в ведущих изданиях: «Библиотека для чтения», «Литературные летописи», «Современник», «Сын Отечества», «Русское слово», «Отечественные записки», «С.-Петербургские Ведомости», «Весельчак», «Будильник», «Искра», герценовский «Колокол»³ и др. Одновременно Петр Исаевич – чиновник Главного интендантского управления (1862-1866).

Середина XIX в. – время необычайного развития переводческого творчества в России. П.И. Вейнберг активно включился в этот процесс: за десять лет (1864-1874) под его редакцией вышли двенадцать томов «Сочинений» Генриха Гейне (в переводе русских писателей)⁴.

В 1859 г. был создан Литературный фонд (Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым)⁵. Вейнберг – среди инициаторов и самых деятельных участников Фонда: он стал «вечным ходатаем» за писательское сословие. «Вейнберговская нежность к литературе», вспоминала З.Н. Гиппиус, не была

¹ Это стихотворение было положено на музыку А. Даргомыжским и получило большую известность после исполнения Федором Шаляпиным

² Другая версия, высказанная правнучкой поэта, Галиной Островской: речь идет о сватовстве к З.И. Михайловой, дочери генерала, будущей жене Петра Исаевича, свадьба с которой состоялась в 1861 г. Данное стихотворение впервые было опубликовано в сатирическом журнале «Искра» (1859, № 2), что позволяет исследователям творчества П.И. Вейнберга сомневаться в реальности этой версии. См. также: *Вейнберг П.И.* «Он был титулярный советник...» // Поэты «Искры» / Ред. и примечания И.Г. Ямпольского; вступ. ст. А.П. Селивановского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С. 378.

³ См.: *Бушканец Е. Г.* О двух стихотворениях в «Колоколе» А.И. Герцена // Известия Академии наук СССР. Отд. литературы и языка. 1959. Т. XVIII. Выпуск 1. С. 61-64.

⁴ См.: *Левин Ю.Д.* П.И. Вейнберг // Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / Отв. ред. А.В. Федоров. М.: Наука, 1985. С. 261-288. URL: http://az.lib.ru/w/wejnberg_p_i/text_0270.shtml

⁵ См.: *Вейнберг П. И.* Литературный фонд за сорок лет его существования. М., 1900; Литературный фонд // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XVII а. СПб., 1896. С.797-799; *Сажин В.Н.* Как создавался Литфонд // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 214-227.

«книжной») – он вечно заседал в каких-то комитетах, принимал и выслушивал «всю мелкую литературную братию», даже графоманов, по мере сил устраивал бедствующим ссуды¹.

1868-1874 – варшавский период: П.И. Вейнберг – и. д. ординарного профессора по кафедре истории русской литературы Императорского Варшавского университета (1869-1872), преобразованного из Варшавской главной школы (1869), где он начинал свою профессорскую деятельность; редактор газеты «Варшавский дневник» (1870-1874). В 1872 г. П.И. Вейнберг издал исследование «Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном»², которое предполагал защитить в качестве докторской диссертации, однако защита не состоялась³. Современники вспоминали о том, что атмосфера в Варшавском университете не отличалась «душевностью», в частности Н.И. Кареев объяснял свой «уход» из университета тем, что «сами там себя едим»⁴.

В 1874-1908 – второй петербургский период, не менее активный, нежели первый. Петр Исаевич – чиновник собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям

¹ См.: *Гиппиус З.Н.* Благоухание седин. О многих // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: В 15 т. М.: Русская книга, 2002. Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. С. 162-192.

² Сегодня книга П.И. Вейнберга – Репринт оригинала: «Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном. 2-е изд. С.-Петербург: Тип. Б.М. Вольфа, 1908. 206 с.» – опубликована в ряде современных издательств и выставлена «на продажу» в Интернет-сети: См.: *Вейнберг Петр.* Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном. 2-е изд. С.-Петербург: Тип. Б.М. Вольфа, 1908. 206 с. [Републикация]. М.: Книга по Требованию, 2011. 211 с. Серия: Книжный Ренессанс; *то же.* М.: Рипол Классик, 2013. 214 с.; *Вейнберг П.И.* Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном. М.: Изд. стереотип. URSS. 2015. 208 с. Серия: Академия фундаментальных исследований. Этнология; *Вейнберг П.И.* Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном. Tbilisi: State University, 2013. 214 с. и др.

³ Причины пока точно не известны; не исключено, что П.А. Лавровский, ректор университета в 1869-1872 гг. – время работы в нем П.И. Вейнберга, – бывший профессор Харьковского университета, с которым у студента Вейнберга не сложились отношения (П.А. Лавровский препятствовал получению диплома кандидата – высший уровень университетского диплома по Уставу 1863 г.) [об этом – см. в статье Льва Бердникова. – Т.П.], каким-то образом повлиял на решение вопроса о защите; возможно, сыграла роль рецензия А.Н. Веселовского (1838-1906), крупнейшего российского ученого второй половины XIX - начала XX столетия, стоявшего у истоков становления фольклористики как науки. См.: *Веселовский А.Н.* Две варшавские диссертации (Вейнберг «Русские народные песни об Иване Грозном», 1872 и Лавестам «Исторический очерк древнескандинавской поэзии скальдов», 1872) // Вестник Европы. СПб., 1872. Т. 4. № 8. С. 902-918. В статье Льва Бердникова автор перепутал двух братьев Николая (1825-1899) и Петра (1827-1886) Лавровских, которые были и профессорами Харьковского, и ректорами Варшавского университетов в разные годы.

⁴ См.: *Н.И. Кареев.* Прожитое и пережито / Подготовка текста, авт. вступ. ст. и комментариев В.П. Золотарев. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. С.175.

императрицы Марии; преподаватель Высших женских педагогических курсов и драматических курсов Театрального училища, издатель журнала «Изящная литература» (1883-1885); директор гимназии и реального училища имени Я.Г. Гуревича (1890-е); инспектор Коломенской женской гимназии; председатель Союза взаимопомощи русских писателей (1897-1901), председатель Литературного фонда (1900-е), неизменный организатор знаменитых «литературных обедов»¹; председатель Союза взаимопомощи русских писателей (1897-1901); устроитель (как глава Литературного фонда) литературно-музыкальные концертов, на которых стремился, по воспоминаниям современников, к объединению «литературной братии» – «старых» и «молодых», и в этом «было главное благо, приносимое его деятельностью»². Петр Исаевич с большим интересом и очень доброжелательно относился ко всему новому, хотя «не мог примкнуть» к литературе Серебряного века, «да и попыток к тому не делал» – слишком был «искренен»³.

Одновременно П.И. Вейнберг вел разделы в «Санкт-Петербургских ведомостях» и других изданиях, продолжал сотрудничать в «Отечественных записках» (1868-1884): за эти годы появилось около семидесяти его публикаций – переводы, стихотворные и прозаические, оригинальные стихотворения, рецензии, обзоры и статьи на литературные темы. Петр Исаевич был довольно тесно связан с редакцией журнала, с самим Н.А. Некрасовым, которого называл «человеком громадного природного ума и крупнейшего лирического дарования»⁴.

Университетская деятельность П.И. Венберга продолжилась: в 1887-1894 гг. он – приват-доцент Императорского Санкт-Петербургского университета по кафедре романо-германской филологии Историко-филологического факультета. За эти годы Петром Исаевичем были прочитаны курсы: «История немецкой литера-

¹ См.: Морозов Ю.П. Литературная жизнь // Исторический вестник. 1908. № 10. С. 155-156. Сапожков С.В. «Пятницы» К.К. Случевского (По новым материалам). Альбом «пятниц» / Публ. С.В. Сапожкова // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 232-376.

² См. об этом: Переписка З.Н. Гиппиус с П.И. Вейнбергом. Вступ. статья и прим. С.В. Сапожкова. Публикация А.В. Сысоевой и С.В. Сапожкова // Литературный факт. 2017. № 3. С.69.

³ См.: Гиппиус З.Н. Благоухание седин. О многих // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: В 15 т. М.: Русская книга, 2002. Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. С. 162-192.

⁴ Вейнберг П. Последние дни Некрасова: (Из моих воспоминаний) // Слово. 1907. 28 декабря, № 340. С. 1.

туры от Лессинга до смерти Гете»; «Жизнь и литературная деятельность Гете и Шиллера», «Байрон, его жизнь и литературная деятельность», «Немецкая поэзия XIX в. от Генриха Гейне до новейшего времени», «История западноевропейской литературы», «История французской литературы XIX в.», «Психологические драмы Шекспира», «Фауст Гете», «История западноевропейских литератур XVIII в.», «История драматической литературы в Европе от средних веков до настоящего времени», «Современный роман во Франции»¹. В качестве приват-доцента Санкт-Петербургского университета он, великолепный лектор, неоднократно выступал с лекциями по истории западноевропейской литературы по приглашению различных университетских центров².

Используя свое общественное положение, П.И. Вейнберг выступал в защиту всех гонимых властью: в 1901 г. решительно поддержал студентов, организовавших демонстрацию протеста на площади у Казанского собора в Санкт-Петербурге против примененных к студентам Киевского университета репрессий³; в феврале 1905 г. он ходатайствовал об освобождении М. Горького, арестованного после событий 9 января⁴; в 1907 г. хлопотал о разрешении Герману Лопатину, высланному в Вильно, возвратиться в Петербург; остро и болезненно переживал еврейские погромы в Одессе в 1905 г.⁵, как и весь период реакции после поражения революции⁶.

В творчестве П.И. Вейнберга присутствовала и еврейская тема, прежде всего в переводах: «Венецианский купец» Шекспира, «Натан Мудрый» Лессинга, «Уриэль Акоста» Гуцкова, «Иуда Маккавей» Лонгфелло, «Бахаракский раввин» и «Иегуда бен-Галеви» Гей-

¹ Биографика СПбГУ. Санкт-Петербургский государственный университет URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/326-veynberg-petr-isayevich.html>

² См.: Венгерова З.А. П.И. Вейнберг (к 50-летию его литературной деятельности) // Образование. 1901. № 12. С. 96.

³ Жаткин Д.Н., Корнаухова Т.В. М. Горький и П.И. Вейнберг // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 256.

⁴ Алексеев И.А. Литературный фонд и Горький // Из истории русских литературных отношений XVIII – XX веков / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. С. В. Касторский. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 420-421

⁵ См.: Бердников Лев. Братья-антиподы: Петр и Павел Вайнберги // Заметки по европейской истории. 2015. № 7. URL: <http://berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer7/Berdnikov1.php>

⁶ Вейнберг П.И. «Ужасно!.. Каждый день повешенья, расстрелы...» // Русское богатство. 1908. № 1. С. 148.

не. Возможно, именно Г. Гейне, его любимый поэт, оказал влияние на интерес к еврейской тематике¹. З.Н. Гиппиус писала: «...в нем была еврейская кровь; не знаю, ибо этот вопрос никого, даже самого Вейнберга, не интересовал <...> в тогдашней литературе “еврейский вопрос” вообще мало существовал... в “старой” литературе [1860-х годов. – Т.П.] он решительно не имел места и значения...»².

Ремарка-цитата. П.М. Бицилли: «“Святое время”, так охарактеризовал шестидесятые годы один из умнейших и благороднейших “восьмидесятников” – Чехов. Здесь – доказательство интуитивной гениальности Чехова, а вместе с тем правоты его оценки “шестидесятих годов”, как “святого времени”. Больная совесть, сознание моральной ответственности каждого сколько-нибудь “привилегированного” человека перед угнетенными, этот нравственный ригоризм, непримиримость с “паллиативами”, стремление к реализации во всей их полноте принципов справедливости, равенства, свободы – вот это объединяло людей шестидесятих годов, хотя, повторяю, сами они не отдавали себе в этом отчета. Этим настроением проникнуто творчество Некрасова, Салтыкова, Глеба Успенского, так же, как и Достоевского, и Толстого, чуждавшихся “нигилистов” и отрицательно оценивавшихся ими»³.

Петр Исаевич высоко ценил А.П. Чехова, но при этом ему был чужд чеховский «подход к жизни»: «уж очень мелочной, хмурой, без положительного... А ведь талант-то какой, тургеневский!». В августе 1904 г. он писал в связи со смертью А.П. Чехова: «Смерть Чехова подействовала на меня очень удручающе, хотя его восторженным поклонником я не был никогда, и посмертные панегирики, назвавшие его “великим” писателем и почти приравнявшие его даже к великому из беллетристов Толстому, – нелепы и лишены всякого такта. Но, тем не менее, его жаль, бесконечно жаль, и как

¹ Эта проблема получила глубокое освещение в статьях: *Бердников Лев*. Братья-антиподы: Петр и Павел Вайнберги // Заметки по европейской истории. 2015. № 7. URL: <http://berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer7/Berdnikov1.php>; *Медовар Лазарь*. «Гейне из Тамбова» // Лехаим. 2004. Ноябрь (Хешван, 5765). № 11 (151). URL: <https://lechain.ru/ARHIV/151/geyne.htm>

² См.: *Гиппиус З.Н.* Благоухание седин. О многих // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: В 15 т. М.: Русская книга, 2002. Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. С. 162-192.

³ *Бицилли П.М.* У истоков русской общественной мысли. Публикация, редакция и комментарий Галины Петковой. URL: <https://liternet.bg/publish6/pbicilli/istokov/content.htm>

человека, и как литератора»¹.

М. Горького П.И. Вейнберг «не терпел», но признавал его талант; в Леониде Андрееве «просто ничего не понимал, и даже не хотел понимать»; об И.А. Бунине сказал: «Этот – хороший писатель, крепкий. А только <...> что он любит? Надо ведь писателю что-нибудь без оглядки любить...»².

Он не был ретроградом, но настороженно относился к новым течениям в науке и литературе начала XX в. – декаденству, нео-религиозным веяниям, был озабочен отходом от «материализма», как его понимали «шестидесятники». По мнению З.Н. Гиппиус он был «романтическим материалистом»: выступая против религии, старался сохранить в целостности «все человеческие чувства».

В 1905 году П.И. Вейнберг получил звание почетного академика: его кандидатуру в 1901 г. выдвинул А.П. Чехов³.

Современники вспоминают внешность Петра Исаевича, которая к началу XX века была весьма примечательна: совершенно лысый, в профиль он походил на библейского пророка, с чудесной, с серым отливом, роскошной бородой, как у Авраама. Внушительная осанка, вдохновенные черные глаза, голова патриарха, приятные манеры, «гибкий и живой дух», неиссякаемые веселость и остроумие, мастерство экспромта и рассказчика с блестящим умом («настоящий кладезь» множества литературных преданий) – все эти качества внушали уважение и почтение. Квартира Петра Исаевича была обставлена «со строгим комфортом», все стены – увешены портретами писателей, большинство – с автографами. Этот «литературный быт» был для П.И. Вейнберга «непременной частью и органическим проявлением» его творческой природы⁴.

3 (16) июля 1908 Петр Исаевич умер, ему было 77 лет. В некрологах звучала общая оценка писателя: «рыцарь духа», «веч-

¹ Цит. по: Переписка З.Н. Гиппиус с П.И. Вейнбергом. Вступ. статья и прим. С.В. Сапожкова. Публикация А.В. Сысоевой и С.В. Сапожкова // Литературный факт. 2017. № 3. С. 101.

² См.: *Гиппиус З.Н.* Благоухание седин. О многих // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: В 15 т. М.: Русская книга, 2002. Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. С. 162-192.

³ См.: *Левин Ю.Д.* П.И. Вейнберг // Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / Отв. ред. А.В.Федоров. М.: Наука, 1985. С. 261-288. URL: http://az.lib.ru/w/wejnberg_p_i/text_0270.shtml

⁴ См. об этом: Переписка З.Н. Гиппиус с П.И. Вейнбергом. Вступ. статья и прим. С.В. Сапожкова. Публикация А.В. Сысоевой и С.В. Сапожкова // Литературный факт: Научный филологический журнал / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук. М., 2017. № 3. С. 67-68.

ный ходатай» за «писательское сословие», «просветитель», открывший российскому обществу шедевры западноевропейской культуры¹.

Зинаида Гиппиус относила П.И. Вейнберга, «либерала», к известным писателям «старой литературы», среди которых – Полонский, Майков, Плещеев и др., время которых в начале XX в. уже, по ее мнению, уходило. Он не был «всемирно признанным» русским поэтом: среди его стихотворений – свыше 130² – широко известны были два: «Он был титулярный советник...» и «Море» («Бесконечной пеленою развернулось предо мною...»), которые сам Петр Исаевич читал с «пафосом» (по стандартам студенчества 1860-х гг. – времени «старой литературы» и «шестидесятников»), и молодежь его обожала³. «Крылатой» до нашего времени стала фраза из его перевода шекспировского «Отелло»: «Она меня за муки полюбила, а я её за состраданье к ним».

Главным призванием П.И. Вейнберга был перевод. Ю.А. Веселовский⁴ отмечал «выдающуюся» по своей разносторонности и художественному вкусу деятельность П.И. Вейнберга как переводчика и популяризатора западноевропейской литературы, что завоевало ему «почетное место в летописях русской словесности и умственной жизни»⁵.

П.И. Вейнберг оставил большое наследие: перечень его публикаций содержит более 500 наименований⁶. Итоги переводческой

¹ См.: Памяти П.И. Вейнберга // Русские ведомости. 1908. 5 июля.; П.И. Вейнберг: [Некролог] // Нива. 1908. № 29. С. 514-516; [Кончина П.И. Вейнберга] // Биржевые ведомости. 1908. 8 июля (№ 10585); [П. И. Вейнберг (некролог)] // Сибирская торговая газета. Тюмень. 1908/ № 154. 13 июля и др.

² *Вейнберг П.* Стихотворения: С добавлением юмористических стихотворений Гейне из Тамбова. СПб., 1902. 276 с.

³ См.: *Гиппиус З.Н.* Благоухание седин. О многих // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: В 15 т. М.: Русская книга, 2002. Т. 6. Живые лица: Воспоминания. Стихотворения. С. 162-192; *Жаткин Д.Н., Корнаухова Т.В.* М. Горький и П.И. Вейнберг // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 255.

⁴ Ю.А. Веселовский (1872-1919) – поэт, переводчик и критик, сын историка литературы Алексея Николаевича Веселовского, брата Александра Николаевича Веселовского (1838-1906).

⁵ *Веселовский Ю.А.* Петр Исаевич Вейнберг (1830-1908) // История русской литературы XIX в.: В 5 т. / Под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского при ближайшем участии А.Е. Грузинского и П.Н. Сакулина. М.: Т-во «Мир», 1911. С. 287-297.

⁶ Библиографический указатель литературных трудов П.И. Вейнберга: (По материалам литературного архива С.А. Венгерова) / Сост. А.Г. Фомин // Минувшие годы. 1908. № 8. С. 175-180.

деятельности П.И. Вейнберга – свыше шестидесяти европейских и американских авторов, среди них: Г. Гервег, К.Ф.Д. Шубарт, Л. Уланд, Ф. Шпильгаген, Г. Зудерман, Р. Бёрнс, Э.Б. Браунинг, А. Мюссе, В. Сарду, О. Барбье, Г. Лонгфелло, Брет Гарт, Андерсен, Г. Ибсен, А. Мицкевич, У. Шекспир (девять пьес), Р.Б. Шеридан¹, а также народные песни (английские, шотландские, немецкие, испанские) и др.

П.И. Вейнберг обращался и к творчеству Т.Г. Шевченко: перевел и опубликовал балладу «Тополя» («Библиотека для чтения» 1860. Книга 3), откликнулся на смерть поэта некрологом².

Как переводчик-профессионал, он мог работать в любых жанрах, но особое место в его переводческом творчестве занимал Г. Гейне³. И.Ф. Анненский считал, что Г. Гейне «имел... привилегированных русских переводчиков, тесно связавших с его поэзией свои имена» – М.Л. Михайлов⁴ и П.И. Вейнберг⁵.

Помимо переводов П.И. Вейнберг писал историко-литературные этюды об У. Шекспире, Л. Берне, Г. Гете и др., критические статьи, обзоры, публицистические фельетоны, статьи о театре; составлял различные сборники, хрестоматии и антологии. Безусловно, П.И. Вейнберг был профессиональным литератором с широким творческим диапазоном.

«Скромный рыцарь старой русской литературы» (З.Н. Гиппиус), он продолжал просветительские традиции демократов-шестидесятников: перевод для него был не только выражением его

¹ *Вейнберг П.И.* Ричард-Бринсли Шеридан (Биографический очерк) // Шеридан Р.Б. Школа злословия: Комедия / Пер. П.И. Вейнберга. СПб.: Типолит. А.Е. Ландау, 1875. С. 157-169. См. об этом: *Жаткин Д.Н., Корнаухова Т.В.* Перевод П.И. Вейнбергом «Школы злословия» Р.Шеридана в контексте традиций осмысления этого произведения в России // Вестник Бурятского гос. ун-та, 2014. № 10. С. 119-125.

² Первая публикация: «Кобзарь». 1840. С. 69 – 82. См.: Шевченківський словник : у 2 т. / Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка Академії Наук УРСР. Київ: Головна редакція УРЕ, 1978; *Вейнберг Петр.* Некролог [«Век», март] // Тарас Шевченко в критиці. Том II. Посмертна критика (1861) / За загальної ред. Григорія Грабовича. Сост.: Боронь Олександр, Назаренко Михайло. Наук. ред. Олесь Федорук. Київ: Критика, 2015. С. 4.

³ Сочинения Гейне в переводе П. Вейнберга. СПб., 1860. 191 с.; *Вейнберг П.* Генрих Гейне: Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1892. 112 с. (Жизнь замечательных людей. Биографическая б-ка Ф. Павленкова); 2-е изд. СПб., 1903. 108 с. и др.

⁴ *Михайлов Михаил Ларионович / Илларионович* (1829-1865) – поэт, переводчик, публицист; одна из важнейших работ Михайлова-переводчика – сборник «Песни Гейне» (1858).

⁵ *Анненский Иннокентий Ф.* Книги отражений. М.: Наука, 1979. Серия «Литературные памятники». С. 398.

творческой индивидуальности, но и средством «пропаганды» западноевропейской культуры.

Нельзя сказать, что в советское время о П.И. Вейнберге «забыли», – его фигура была объектом серьезных исследований¹, вошла в солидные словарно-энциклопедические издания²; публиковались его работы³. В ведущих архивах (Российский государственный Архив литературы и искусства /Ф. 280 /, в Российской государственной библиотеке /Ф. 360, 179/, в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) /Ф. 62, 123, 357/ и др.) был создан его именной фонд и хранятся многие рукописные материалы литератора⁴.

В новом тысячелетии возродился интерес к личности и творчеству П.И. Вейнберга. Появились: эпистолярия⁵, диссертацион-

¹ См.: Федоров А. Русский Гейне // Русская поэзия XIX века: сб. под ред. Б.М. Эйхенбаума и Ю.Н.Тынянова. Л., 1929. С.295-296; Левин Ю.Д. П.И. Вейнберг - переводчик // Россия и Запад: Из истории литературных отношений. Л.: Наука, 1973. С. 220-257; Он же. П.И. Вейнберг // Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / Отв. ред. А.В.Федоров. М.: Наука, 1985. С. 261-288.

² Шевченківський словник: У двох томах / Інститут літератури імені Т.Г. Шевченка Академії наук Української РСР. Київ: Головна редакція Української Радянської Енциклопедії, К., 1976. Т. 1. 416 с. К., 1978. Т. 2. 412 с. [О А.И. Вейнберге: Т.1]; Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т. 1. А - Г / Главный ред. П.А. Николаев М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 402-403 и др.

³ Вейнберг П.И. «Он был титулярный советник...» // Поэты «Искры» / Ред. и примечания И.Г. Ямпольского; вступ. ст. А.П. Селивановского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С. 378; Вейнберг П.И. Стихотворения // Поэты «Искры»: В 2 т. [Вступ. ст. И.Г. Ямпольского]. Л.: «Советский писатель», 1955; Вейнберг П. И. Теория художественного перевода // Русские писатели о переводе: XVIII-XX вв. Под ред. Ю.Д. Левина и А.Ф. Федорова. Л.: «Советский писатель», 1960; Перепевы / П.И. Вейнберг // Муза пламенной сатиры: рус. стихотвор. сатира 1830-1870-х гг. / [сост., авт. вступ. ст. Л.Ф. Ершов]. М.: Современник, 1988. С. 366–367; Русская поэзия XIX в. В 2 т. М.: Художественная литература, 1974. [Стихи П.И. Вейнберга во 2-м т.] и др.

⁴ Малова Н. И., Панченко Н.Т. Обзор историко-литературных архивных материалов XVIII-XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР за 1962-1965 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1970 год / АН СССР; ИРЛИ (ПД). Л.: Наука, 1971 и др. Список переводов П.И. Вейнберга, составленный им самим, хранится в Российской государственной библиотеке (Ф. 360. Оп. 2. Ед. хр. 29).

⁵ См.: Петр Вейнберг. Что нового в Петербурге? (Письма к моим землякам). Письмо V [«Век», март] // Тарас Шевченко в критиці. Том II. Посмертная критика (1861) / За загальної ред. Григорія Грабовича. Составители: Боронь Олександр, Назаренко Михайло. Науков. ред. Олесь Федорук. Київ: Критика, 2015. С. 35; Петр Вейнберг. Что нового в Петербурге? (Письма к моим землякам). Письмо VI [«Век», март] // Там же. С. 79; Петр Вейнберг. Что нового в Петербурге? (Письма к моим землякам). Письмо IX [«Век», март] // Там же. С. 203; Переписка З.Н. Гиппиус с П.И. Вейнбергом. Вступ. статья и прим. С.В. Сапожкова. Публикация А.В. Сыроевой и С.В. Сапожкова // Литературный факт: Научный филологический журнал / Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук. М., 2017. № 3. С. С. 66 -111.

ные исследования¹, статьи², справочная литература³, многочисленные сайты в Интернете⁴, серьезные словарно-энциклопедические издания⁵, которые либо непосредственно посвящены нашему «герою», либо так или иначе затрагивают его личность, творчество и деятельность.

В связи с юбилеем – 190-летием со дня рождения (2021), – внимание к фигуре Петра Исаевича Вейнберга, безусловно, возрастет.

P.S. По аналогии с метафорой, которая уже вошла в историю и историографию – «человек второго ряда», «историк второго плана»⁶ и т.п., – Петра Исаевича Вейнберга можно назвать писателем «второго плана»: он не был в ряду «первых» (Н.А. Некрасов, Я.П.

¹ См.: *Корнаухова Т.В.* Творчество П.И. Вейнберга в контексте русско-английских литературных связей XIX – начала XX века. Дисс. ... канд. филолог. наук. Саратов, 2015. 383 с.

² См.: *Полюдов В.А.* Лирика Гейне в русских переводах (1820–1850-е гг.) // Проблемы метода и поэтики в мировой литературе: Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т; Отв. ред. Н.С. Бочкарева. Пермь, 2005. С. 30-37; *Сажин В.Н.* Как создавался Литфонд // Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 214-227; *Панасенко Н.* «Обыкновенная буржуазная семья». Об одесских корнях Георгия Адамовича // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. № 52. 2013. С. 233-237; *Жаткин Д.Н., Корнаухова Т.В.* Перевод П.И. Вейнбергом «Школы злословия» Р. Шеридана в контексте традиций осмысления этого произведения в России // Вестник Бурятского гос. ун-та, 2014. № 10. С. 119-125; *Жаткин Д.Н., Корнаухова Т.В.* М. Горький и П.И. Вейнберг // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 255-260; *Дмитриев А.Н.* Всеобщая литература в университетах Российской империи: наследие академика Н.П. Дашкевича (1852-1908) // Вестник СПбГУ. История. 2016. Выпуск 3. С. 107-119 и др.

³ Литературные даты-2001: библиографический календарь-справочник. Тамбов, 2000. С. 32-34; *Дорожкина В. Т., Полякова Л. В.* Литературная жизнь Тамбовского края XVII – XXI веков: справочник. Тамбов, 2006. С. 62 и др.

⁴ Интерес к фигуре П.И. Вейнберга возрос буквально на глазах: если в 2017 г., когда я работала над текстом статьи для сборника «Проблемы славяноведения» (Брянск, 2018), электронный ресурс, посвященный братьям Вейнбергам, в основном был заполнен материалами о Павле Исаевиче Вейнберге с его еврейско-одесской тематикой; сайты о Петре Исаевиче были немногочисленны. За три года все изменилось: сегодня Петр Исаевич привлек внимание и специалистов, и любителей поэзии. (См., например, *Вейнберг Петр Исаевич*. Стихотворения. Проект «Собрание классики» (Lib.ru / Классика). URL: http://az.lib.ru/w/wejnberg_p_i/text_0140.shtml и др. Потомки Петра Исаевича – сын Борис Петрович, внук Всеволод Борисович и правнучка Галина Всеволодовна Островская – все профессиональные физики – представлены на многочисленных сайтах электронного ресурса.

⁵ См.: *Шруба Манфред.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890-1917 годов: Словарь / Науч. ред. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 448 с.

⁶ См.: *Мининков Н.А.* Человек второго ряда как исследовательская проблема // Человек второго плана в истории. Выпуск 1. Ростов-на-Дону, 2004; *Лубский А.* Человек второго плана: методологические проблемы «нового биографизма» («игра в бисер» или нарративная стратегия историко-биографического исследования) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В.А. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014/2015. Випуск 8. С. 67-84 и др.

Полонский, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков и др.) в свое время, он не стал и «всепризнанным» русским поэтом позже. Но это был, безусловно, человек талантливейший и неординарный, занявший свое почетное место в истории литературы.

Ремарка-post-info. П.И. Вейнберг был женат на Зинаиде Ивановне Михайловой, дочери генерал-адъютанта, смотрителя статуй Зимнего дворца. В семье было семеро детей. Линия П.И. Вейнберга-литератора была продолжена профессиональными физиками, в первую очередь – сыном Борисом Петровичем, внесшим огромный вклад в развитие многих важных направлений науки (гляциологии, гелеотехники, геофизики, аэродинамики, геомагнитных измерений, метеорологии, демографии, педагогики и др.); как специалист-гляциолог, Б.П. Вейнберг участвовал в создании «Дороги жизни» в осажденный фашистами Ленинград; в честь Б.П. Вейнберга получила его имя гора в Антарктиде. Б.П. Вейнберг был женат на Марии Евгеньевне Груздевой (1878-1949); их дети: Алексей (1901-1919), художник, погиб в экспедиции; Кирилл (1904-1941), геолог, пропал без вести во время Великой Отечественной войны; Всеволод (1907-1981), окончил Ленинградский технологический институт, работал в Ленинградском физико-техническом институте, затем в Государственном оптическом институте, доктор технических наук, профессор, лауреат Сталинской премии (1949) за разработку в области оптических систем¹. Галина Всеволодовна Островская, его дочь, стала не только известным физиком (ведущий научный сотрудник Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе Российской академии наук в Санкт-Петербурге, лауреат Государственной премии СССР /1982/), но и биографом своей семьи.²

P.P.S. Сыграл ли П.И. Вейнберг какую-либо роль в жизни своего внучатого племянника – Петра Михайловича Бицилли? Каковы

¹ См.: *Островская Г.В., Конаева Г.Я., Грилихес В.А.* Пионер отечественной оптотехники: (к 100-летию со дня рождения В.Б. Вейнберга). Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического ун-та, 2007. 155 с. В.Б. Вейнберг продолжил исследования своего отца: из 238 научных работ, 65 посвящены изучению земного магнетизма.

² См.: *Островская Г.В.* Дорога жизни профессора Б. П. Вейнберга. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2010; *Она же.* Хождение Б.П. Вейнберга в политику // Томский вестник. 12 мая 2001; *Она же.* Дорогая жизни профессора Б.П. Вейнберга и его ледяная гора. К 140-летию Б.П. Вейнберга и 70-летию дороги жизни // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т.319. № 2. С. 149-156.

были взаимоотношения между Петром Исаевичем и его одесскими родственниками? Во всяком случае, правнучка Петра Исаевича – Галина Всеволодовна Островская говорит о «многочисленных родственниках и друзьях в Одессе»¹. В июле 1908 году, когда Петр Исаевич умер, Петру Михайловичу было уже 29 лет, с 1907 г. он преподавал в гимназиях. Известно, что П.И. Вейнберг приезжал в Одессу: 20 апреля 1902 г. газета «Одесские новости» сообщила: «Вчера в Литературно-артистическом обществе был прочитан П.И. Вейнбергом реферат о Викторе Гюго. При появлении литератор был встречен громкими аплодисментами. Председатель И.А. Смирнов приветствовал П.И. Вейнберга от имени Литературно-артистического общества. Реферат о В. Гюго был прослушан собравшейся публикой с большим интересом. По окончании чтения группа местной интеллигенции, в состав которой вошли литераторы и др. члены общества, чествовали Петра Исаевича в помещении клуба ужином»².

Ремарка-штрих. Думаю, что анализ одесской прессы по сплошной методике позволит выявить еще не один сюжет из истории пребывания Петра Исаевича в Одессе.

Возможно, брат Екатерины Адольфовны – Петр Адольфович, инженер, титулярный советник, получил свое имя в честь знаменитого дяди, а сам Петр Михайлович был назван в честь двоюродного деда и своего крестного – брата матери.

Младший брат П.М. Бицилли – Михаил Михайлович – после года пребывания на юридическом факультете (1899/1900), куда он поступил «за компанию» с братом, в 1900 г. перешел на физико-математический факультет, вероятно, под влиянием своего двоюродного дяди Бориса Петровича, который в 1899-1906 гг. был приват-доцентом по кафедре физики в Новороссийском университете, учеником Ф.Н. Шведова, женатого на Надежде Яковлевне – двоюродной сестре Бориса Петровича³.

* * *

¹ Бердников Лев. Братья-антиподы: Петр и Павел Вайнберги // Заметки по европейской истории. 2015. № 7. URL: <http://berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer7/Berdnikov1.php>

² См.: Панасенко Н. «Обыкновенная буржуазная семья». Об одесских корнях Георгия Адамовича // Дерibasовская-Ришельевская: Одесский альманах. 2013. № 52. С. 233-237.

³ ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1927 (1906). Л. 18. В Одессе в 1909 году была издана книга Б.П. Вейнберга «Снег, иней, град, лед и ледники», которая стала первой в России монографией по гляциологии.

Павел Исаевич Вейнберг (1846–1904), младший брат Петра Исаевича, учился во 2-й одесской гимназии, позже служил на железной дороге, играл в Одесском русском театре. С конца 1860-х гг. выступал в качестве чтеца и рассказчика сцен из еврейского, русского и армянского быта; выпустил ряд сборников анекдотов и рассказов; в 1880 был принят в труппу Александринского театра; умер в Санкт-Петербурге тяжело больным и всеми забытым¹.

Из двух братьев-близнецов первый – *Анриан Исаевич Вейнберг* (1835 - ?) в 1890-е гг. – управляющий бухгалтерией Одесской городской управы², внуком второго брата – *Семёна Исаевича Вейнберга* (1835 – 1903 /?/), купца третьей гильдии, был известный русский поэт-акмеист, литературный критик и переводчик *Георгий Адамович*³. Сестра, *Анна Исаевна Вейнберг* (1827 - ?), в 1861 году вышла замуж за одесского городского врача *Дмитрия Михайловича Левенсона* (1830-1883), внуком его брата *Соломона* стал поэт *Корней Иванович Чуковский*. Поручителями на венчании были братья *Анны* – *Анриан* и *Яков*⁴.

Старший сын – *Яков Исаевич Вейнберг* (1824-1899) – был довольно известным в Одессе человеком. В 1844 г. он окончил Ришельевский лицей и начал карьеру на государственной службе. Служил в Одесской портовой таможне, получив чин коллежского

¹ Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 401-402. Многочисленные интернет-сайты пестрят сведениями о нем и его творчестве, посвященном юмористическим одесским / еврейским мотивам.

² Еще о Н.А. Новосельском. У А.И. Вейнберга // Одесский листок. 1898. 29 сентября (11 октября), № 226. См.: *Решетов С., Ижик Л.* О доме городского головы Одессы Н.А. Новосельского. К истории переименования улицы Ямской в Новосельского // *Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах*. Одесса, 2013. Кн. 54. С. 68-80.

³ В 1923 году Г. Адамович эмигрировал из советской России в Берлин, затем жил во Франции. См. о нем: *Русские поэты «Серебряного века»*. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. Том второй. Акмеисты; *Тименчик Р.Д.* Адамович Георгий Викторович // *Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь* / П.А. Николаев (гл. ред.). М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1: А - Г. С. 24-25. Таким образом, через свою бабушку Марию Семеновну Вейнберг, которая была родной сестрой Семёна Исаевича Вейнберга, деда Г.В. Адамовича, П.М. Бицилли и Г.В. Адамович были в родстве.

⁴ См.: *Панасенко Н.* «Обыкновенная буржуазная семья». Об одесских корнях Георгия Адамовича // *Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах*. № 52. 2013. С. 233-237. Более подробно о семейном клане Вейнбергов см.: *Попова Т.Н., Левченко В.В.* П.М. Бицилли: фрагменты семейной истории // *Проблемы славяноведения*. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2018. Выпуск 20. С. 126–147; *Левченко В.В.* «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь родословной П.М. Бицилли // *Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: материалы международной научной конференции 14 апреля 2019 г.* / Отв. ред. В.Г. Вовина, М.О. Мельцин. Санкт-Петербург, 2019. С. 176-189 и др.

секретаря; в 1850-е гг. занимался коммерческими делами. На протяжении более тридцати лет являлся гласным Одесской городской Думы, присяжным стряпчим и биржевым нотариусом Одесского коммерческого суда, адвокатом Одесской главной конторы Русско-общества пароходства и торговли¹.

Жена Якова Исаевича Вейнберга, ставшая крестной Екатерины Адольфовны, *Любовь Григорьевна* (1833-1903) происходила из знаменитой музыкальной семьи *Рубинштейнов*. Глава семьи – Григорий Романович (Рувенович) Рубинштейн (1807-1845) родом из Бердичева, занимался вместе со своими братьями арендой земли в бессарабском регионе, затем стал купцом второй гильдии. Его жена – Калерия Христофоровна, урожденная Клара Левинштейн (1807-1891)², музыкант, корнями из прусской Силезии (Бреслау).

В 1835 г. тридцать пять членов семьи Рубинштейн, начиная с деда, купца Рувена Рубинштейна из Житомира, приняли православие в Свято-Николаевской церкви в Бердичеве. На семью Г.Р. Рубинштейна перестали распространяться законы черты оседлости и вскоре семья поселилась в Москве.

Братья Любви Григорьевны – Антон Григорьевич Рубинштейн (1829-1894), знаменитый российский композитор, пианист, дирижер и музыкальный педагог, основоположник профессионального музыкального образования в России, открывший первую русскую консерваторию в Санкт-Петербурге (1862), учитель П.И. Чайковского, и Николай Григорьевич Рубинштейн (1835-1881), пианист-виртуоз и дирижер, основатель и первый директор Московской консерватории.

Первые уроки игры на фортепьяно детям давала мать – Калерия Христофоровна. Все дети, включая дочерей, были чрезвычайно музыкальны. Любовь Григорьевна стала преподавателем фортепьяно музыкальных классов К.Ф. фон Лаглера.

В 1888 г. К.Ф. Лаглер основал в Одессе частные музыкальные

¹ См.: Памятная книжка для Херсонской губернии, изданная Херсонским губернским статистическим комитетом на 1864 год. Херсон: Тип. Губ. Правления, 1864. С. 191, 194; Одесса. 1794-1894. Издание Городского общественного управления. К столетию города. Одесса: Типография А. Шульце, 1895. С. 100; Памятная Книжка Херсонской губернии на 1901 год. Составлена Херсонским Губернским Правлением. Херсон: Тип. Херсонского Губернского Правления, 1901. С. 63.

² Умерла 15 сентября 1891 г. в Одессе. См.: Храм всех святых. Список захороненных людей. Известные люди, захороненные на старом кладбище г. Одесса. URL: <http://hram-vsehsvyatih.od.ua/spisok-zaxoronennyx-lyudej/>

курсы, которыми руководил до своей смерти в 1914 г.¹. Вместе с дочерью в числе преподавателей этих курсов в первые годы их деятельности была и мать Рубинштейнов – Калерия Христофоровна.

Сестра Любови Григорьевны, *София Григорьевна Рубинштейн* (1841 - январь 1919), – камерная певица и музыкальный педагог, имела широкие связи в революционной среде Одессы, в том числе с Г.А. Лопатиным, В.Н. Фигнер, Н.Ф. Мелединым (народником, который еще в начале 1870-х гг. осуществлял доставку революционной литературы из Румынии в Одессу). София Григорьевна – «легальная жительница Одессы и покровительница всех нелегальных»² – предоставляла кров А.И. Желябову и другим революционерам и находилась под надзором полиции³.

Представители семейств Вейнбергов и Рубинштейнов были связаны деловыми и личными отношениями: *Семен Исаевич Вейнберг* организовывал концертное турне *Антон Рубинштейна* по городам России в октябре-декабре 1870 г.; сам *Антон Григорьевич Рубинштейн* стал крестным сына Якова и Любови Вейнбергов – *Якова*⁴.

Екатерина Адольфовна была довольно обеспеченной женщиной: по состоянию на 1901 г. в ее собственность входили два участка земли площадью соответственно 1118 десятин (1218 га) и

¹ Карл Францевич Лаглер (1833–1914), немец по происхождению, был одним из старейших руководителей частных музыкальных курсов в Одессе. Выпускник Пражской консерватории, он в начале 1860-х гг. переехал в Россию, а в 1871 г. поселился в Одессе, где начал заниматься частной преподавательской деятельностью. В 1880 г. получил должность преподавателя в школе Одесского товарищества изящных искусств, где вел многочисленный фортепьянный класс. См.: Одесские немцы: вчера и сегодня. Историко-краеведческий очерк / Автор текста и составитель Э.Г. Плесская. Одесса: Астропринт, 2012. С. 12; Михайличенко О.В. Основы загальної та музичної педагогіки: історія та теорія: Навчальний посібник (двомовний). Суми: Вид-во «Козацький вал», 2009. С. 39; Щепакін В. М. Приватні музичні навчальні заклади Одеси кінця ХІХ – початку ХХ ст.: західноєвропейські традиції та впливи (1 частина) // Музично-театральне мистецтво. Харків, 2012. № 3. С. 156-161.

² Давыдов Ю.В., Ляшенко Л.М. Анатомия террора: [сборник историко-литературных произведений]. Москва: Дрофа, 2007. С.7.

³ См.: *Першина З. В.* Очерки истории революционного движения на Юге Украины (к 100-летию «Южнороссийского союза рабочих»). Киев-Одесса: Издательское объединение «Вища школа», 1975. С.87, 214, 222; *Давыдов Ю.В.* Герман Лопатин, его друзья и враги. М.: Сов. Россия, 1984. 224 с.; *Красовский Ю.А.* Женщина русской революции. Литературные и психологические аспекты архива Веры Фигнер // Встречи с прошлым. М., 1982. Выпуск 4; Суд над царевубийцами. Дело 1-го марта 1881 года. В 2 томах (1-й том – 290 с., 2-й том – 264 с.), ил. / Под редакцией В.В. Разбегаева. СПб: Издательство им. Н.И. Новикова, 2014 и др.

⁴ ГАОО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 41. Л. 17об., 69; Ф. 37. Оп. за. Д. 19а. Л. 8 об. А.Г. Рубинштейн. Литературное наследство в 3-х т. Т. 2. Письма (1850–1871). М.: Музыка, 1984. С. 169, 216. См.: *Панасенко Н.* «Обыкновенная буржуазная семья». Об одесских корнях Георгия Адамовича // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. № 52. 2013. С. 233-237.

600 десятин (654 га) в районе между Малым и Средним Фонтанами¹. В собственноручно заполненном 15 августа 1911 г. формуляре П.М. Бицилли в графе «Родовое имение» указал: «У матери дача в г. Одессе на Мало-Фонтанской дороге»².

Будучи в эмиграции, Петр Михайлович ностальгически вспоминал об Аркадии, о том, что часто ходил на собственной яхте³.

После отъезда 28 января 1920 г. П.М. Бицилли с семьей в эмиграцию Екатерина Адольфовна осталась в Одессе с младшим сыном М.М. Бицилли. В 1925 г. Петру Михайловичу удалось перевезти мать в Болгарию⁴.

3.

Третье поисковое поле связано с женщиной, которая сыграла в жизни П.М. Бицилли особую роль, – **Надеждой Яковлевной Шведовой** (1852-1892): она стала крестной Петра Михайловича, будучи двоюродной сестрой его матери – Екатерины Адольфовны. Родители Надежды Яковлевны – Яков Исаевич Вейнберг и Любовь Григорьевна Рубинштейн.

Надежда Яковлевна Вейнберг (в замужестве – Шведова) родилась 4 марта 1852 г. в Одессе, была крещена 25 мая 1852 г. в Покровской церкви, ее крестными стали дед – Исай Семенович Вейнберг, купец 3-й гильдии, и его дочь по первому браку – Сусана Исаевна (сводная сестра отца Надежды Яковлевны), жена херсон-

¹ См.: Вся Одесса. 1901 год: иллюстрированная адресная и справочная книга. Справочник недвижимых имуществ всего Одесского градоначальства до границы Одесского уезда включительно. Год издания третий. Одесса: М. Михайловский, 1901. С. 134. Перевод единиц измерения площади из десятин в гектары осуществлен В.В. Левченко. Малофонтанская дорога (в 1902 г. переименована во Французский бульвар в честь визита Николая II во Францию) находилась в старой части города и тянулась вдоль береговой линии, застроенной особняками состоятельных горожан: владельца авиазавода А.А. Анатра, городского головы Г.Г. Маразли, крупного землевладельца М.А. Рено, промышленника, судовладельца и банкира Ф.П. Родоканаки и многие другие «отцов города».

² ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 1 об., 6 об. Сведения о «даче» (1911), приведенные Петром Михайловичем, возможно, свидетельствуют об изменении в финансовом положении семьи к этому времени; неизвестно, сохранились ли эти земли в собственности Екатерины Адольфовны к 1917 г.

³ *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 21.

⁴ Екатерина Адольфовна была похоронена на Центральном Софийском кладбище в 1937 г. См.: Русский некрополь в Софии / Авторы составители: Т.К. Пчелинцева, К.Д. Бендерова; составители: В.П. Гаристов, С.А. Рожков. М.: Минувшее, 2011. В списке захоронений указано: урожд. *Штейнград*.

ского купца 3-й гильдии Ивана Мулена¹.

Свою жизнь Надежда Яковлевна посвятила благотворительной деятельности – она была активной участницей Одесского женского благотворительного общества. В течение многих лет Надежда Яковлевна принимала деятельное участие в делах общества Красного Креста (член попечительства Касперовского отдела сестер Красного Креста), занимаясь проблемой подготовки женского санитарного персонала. Она явилась также одной из главных учредительниц основанного по ее почину Общества попечения о больных детях г. Одесса, в котором состояла товарищем председателя².

Одновременно Надежда Яковлевна стала известной писательницей: ее перу принадлежат книги для детского чтения: «Из физической географии, рассказы для детей» (Одесса, 1873), «Природа – мать народа. Для детей ст. возр.» (Одесса. 1879)³.

Н.Я. Шведова была женой Ф.Н. Шведова (1840-1905), крупного ученого – физика, большая часть жизни которого связана с Одессой и Новороссийским университетом. Окончив 2-ю одесскую гимназию и Ришельевский лицей, Ф.Н. Шведов в 1862 г. получил диплом кандидата физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. С 1868 года он – доцент, после защиты в 1870 г. докторской диссертации – экстраординарный, а с августа 1870 г. – ординарный профессор Новороссийского университета. С 1877 по 1880 гг. и с 1889 по 1895 гг. Ф.Н. Шведов занимал пост декана физико-математического факультета, а с 30 декабря 1895 по 1903 гг. – ректора Новороссийского университета. После смерти жены (1892) он отказался (по состоянию здоровья) от должности ректора, но до конца жизни оставался в университете на посту председателя университетской строительной комиссии. Последние годы Ф.Н. Шведов активно занимался благотворительной деятельностью: участвовал в строительстве детской больницы на Старопортофранковской улице, в организации детского санатория на

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 23.

² См.: *Маркевич Алексей И.* Заботы о бедных детях в России: Публич. лекция: (Памяти Надежды Яковлевны Шведовой) / А.И. Маркевич, экстра-ординар. проф. Имп. Новорос. ун-та. Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. окр., 1893. С. 2-26.

³ См.: Шведова, Надежда Яковлевна // *Гуревич П.* Шведова, Надежда Яковлевна. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. Санкт-Петербург: Имп. Рус. ист. о-во, 1896-1913. Т. 22: Чаадаев–Швитков. 1905. С. 636-637; *Всемирная Иллюстрация*, 1892. № 1222. С. 471; *Что читать народу?* Т. I, отд. VI. С. 686 (Разбор книжек Шведовой).

Хаджибеевском лимане и др.¹. Общественная деятельность Ф.Н. Шведова в эти годы во многом – продолжение дела его супруги.

Н.Я. Шведова скончалась 2 июня 1892 г. в Одессе и была погребена 4 июня на Втором Христианском кладбище². Церемония ее похорон свидетельствовала о глубоком уважении одесской общественности к усопшей.

Газета «Одесский вестник» 4 июня дала некрологическое объявление одесского Управления и Попечительства Общества Красного Креста о кончине товарища Попечительницы Касперовского отдела Красного Креста. Панихида состоялась в час дня в четверг 4 июня, а вынос тела и отпевание в церкви Общества Красного Креста в десять часов утра³. В пятницу, 5 июня 1892 г., в «Одесском вестнике» был опубликован развернутый материал о похоронах Н.Я. Шведовой. Отдать последний долг почившей явился весь состав членов местного управления Красного Креста, в числе которых были: старейший из членов – почетный член генерал от инфантерии *А.П. Нагель*; и. д. городского головы *В.Н. Лигин*; члены управы; члены совета Общества попечения о больных детях; весь состав сестер Общества; многие профессора Новороссийского университета; врачи и многочисленное общество. Гроб поместили на колесницу, буквально усыпанную венками. Роскошный, громадных размеров венок с надписью «Общественной деятельнице Н.Я. Шведовой – от городского общественного управления» был первым венком от города с подобной надписью; другой венок – «Своему незабвенному члену – попечительный совет городских женских гимназий»; венки были также от «Общества попечения о больных детях»; «Горячо любимой Н.Я. Шведовой – от всех сестер общества Красного Креста»; «От сестер милосердия Стурдзовской общины»⁴; «Дорогой сотруднице» от *Л.И. Курис*, председателя Общества попечения о больных

¹ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907. Т.77. С.257; *Дьяченко М. Г., Тахтарова Н. С.* Шведов Федір Никифорович // Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник. Том. 1. Ректори. Одеса, 2000. С. 38-42.

² ГАОО. Ф. 37. Оп. 13. Д. 223. Л. 178 об. - 179.

³ Н.Я. Шведова (Некролог) // Одесский вестник. 1892. № 141. 4 (16) июня.

⁴ Стурдзовская община сердобольных сестер Императорского человеколюбивого общества. См.: Вся Одесса. Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом одесский уезд на 1914 г. Год издания 4-й. Издательство «Одесские новости». Типография «Порядок», С. К. Цессарского, Успенская, 40. С. 160.

детях Одессы¹; веночек из белых роз был «От попечительницы общины графини *Е.П. Каннист*, от благодарных детей»².

Многие проблемы, связанные со студенческой жизнью молодого Петра Бицилли, удавалось разрешить не без помощи ректора Новороссийского университета Ф.Н. Шведова, который, бесспорно, покровительствовал племяннику своей горячо любимой жены и племяннику своего сотрудника – приват-доцента по кафедре физики, магистранта, коллежского асессора³ Бориса Петровича Вейнберга.

4.

Четвертое поисковое поле связано с супругой Петра Михайловича, ставшей соратницей и верной спутницей его жизни, с *Марией Тимофеевной (Тадеушевной)* (1878-1959).

Отец Марии Тадеушевы – *Тадеуш-Юзеф (Тимофей Осипович) Полянкевич* (1816 /?/ – 1876 /?/), польский дворянин, надворный советник. Мать – *Мария Александровна Полянкевич* (1816 /?/ – 1876 /?/), в девичестве *Штейнхаузер*, была дочерью *Александра Штейнхаузера* и *Анны Францевны Штейнхаузер*. По линии бабушки – *Анны Францевны Штейнхаузер* – предками Марии Тимофеевы были: знаменитый немецкий художник XVI века Лука Кранах (1472-1553) и великий немецкий поэт *Йоганн Вольфганг Гете* (1749-1832).

Ремарка-info. *Анна Францевна Штейнхаузер* – дочь *Йоганна-Иоста Текстора* (1739, Франкфурт /?/ – 1792, Франкфурт /?/); его родители – *Йоганн Вольфганг Текстор* (1693-1771) и *Анна Маргарита Текстор* (в девичестве Линдхеймер). Дочерью *Йоганна Вольфганга Текстора* и *Анны Маргареты Текстор* и, соответственно, сестрой *Йоганна-Иоста Текстора* была *Катарина-Э*

¹ См.: Вся Одесса. Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом одесский уезд на 1914 г. Год издания 4-й. Издательство «Одесские новости». Типография «Порядок», С.К. Цессарского, Успенская, 40. С. 153. См. о ней: *Музычко А.* Семья Курисов и научная элита Одессы в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Одесского историко-краеведческого музея. 2009. № 7. С. 21-24.

² Местная хроника // Одесский вестник. 1892. № 142. 5 (17) июня. С. 2. См.: подробнее: *Попова Т.Н., Левченко В.В.* П.М. Бицилли: фрагменты семейной истории // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2018. Выпуск 20. С.126-147; *Попова Т.Н.* К биографии Н.Я. Шведовой: Из семейной истории П.М. Бицилли (К 140-летию со дня рождения) // Воронцовский сборник. Выпуск 9. Сборник научных статей. Одесса: ООО «Удача», 2019. С. 65-75.

³ В XIX-начале XX в. написание этого слова было иное – «ассесор».

лизабет Гёте (1731-1808). Катарина-Элизабет Гёте (Текстор) и ее муж – Иоганн Каспар Гете (*Dr. Johann Caspar Goethe*) (1710-1782) стали родителями Йоганна Вольфганга Гете (28 августа 1749 – 22 марта 1832 / Веймар, Германия) – великого немецкого поэта. Таким образом, Йоганн Вольфганг Гете был сыном сестры прадеда Марии Тадеушевы Полянкевич.

В семье Тимофея Осиповича Полянкевича и Марии Александровны Полянкевич (*Штейнхаузер*) кроме Марии была дочь Елизавета и три сына: Иосиф (Юзя) (1851 /?/-1911 /?/), Александр (1851 /?/-1911 /?/), и Михаил (1851 /?/-1911 /?/)¹.

Сестра Марии Тимофеевны – известная русская драматическая актриса Елизавета Тимофеевна Жихарева (1875-1967). Е.Т. Жихарева (по первому мужу²) была ученицей В.И. Немировича-Данченко. С 1917 г. в течение десяти лет она скиталась по Европе: Турция, Югославия, Болгария, Латвия, Эстония (в Таллине выступала в труппе таллинского Русского театра (1922), затем имела свою студию /1923-1924/). В 1927 г. вернулась в СССР, с 1936 по 1956 гг. играла в труппе Ленинградского театра драмы имени А.С. Пушкина (бывший Александринский). Заслуженная артистка РСФСР (1939). Пережила с двумя дочерьми блокаду Ленинграда³. В 1956-м году ушла на пенсию, остаток дней провела в пансионате Дома актера.

¹ В своей автобиографии М.Т. Бицилли сообщает о том, что с ней «...росла и воспитывалась сестра Елизавета, в последствии [так в оригинале. – Т.П.] вышедшая замуж за Жихарева». Никаких сведений о братьях она не приводит. Государственный архив Российской Федерации, г. Москва (ГАРФ). Ф. Р7523. Оп. 59. Д. 4330. Л. 156. См.: Автобиография Марии Тимофеевны Бицилли // *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Выпуск 16. С. 156. [Публикация – В.В. Левченко. Введение и примечания – Т.Н. Попова].

² *Жихаревы* – мелкопоместный русский дворянский род. Степан Данилович Жихарев (1734 – /?/) был генерал-майором и правителем Вятского наместничества (1780). Его внук – известный мемуарист Степан Петрович (1787-1860); сын последнего – Сергей Степанович (1820-1899) – сенатор. У Сергея Степановича Жихарева и его жены Данзас Софьи Карловны (возможно, дочери Тамбовского губернатора Карла Данзаса) были сыновья: Степан (1861-1930), Александр (1864-1919), Сергей (1870-1914), Ипполит (/?/-1918), Николай (1872-1918), а также дочь Ольга (1862-1919; в замужестве Вейсберг). См.: Жихаревы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907. Т.23. С.26. Возможно, первым мужем Е.Т. Жихаревой был кто-то из братьев Жихаревых. М.А. Бирман пишет, что в 1918 г. Е.П. Жихарева задержалась с дочерьми в Одессе у семьи Бицилли, т.к. ожидала «оказии для соединения со своим вторым мужем, адвокатом Страховым», находившимся в это время в Тбилиси. См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 71.

³ См.: Автобиография Марии Тимофеевны Бицилли // *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Выпуск 16. С. 156.

Похоронена на Серафимовском кладбище (Санкт-Петербург)¹. Ее третий муж – *Илларион Николаевич Певцов* (1879 – 25 октября 1934, Ленинград, некрополь мастеров искусств Александро-Невской лавры), известный русский и советский актер, театральный педагог, Народный артист РСФСР (1932)²; с 1925 года и до конца жизни – актер Ленинградского театра драмы имени Пушкина.

Мария Тимофеевна окончила, по собственному свидетельству, одесскую женскую гимназию в 1897 г. и поступила в Музыкальную Академию по классу вокала, совершенствовала голос (камерная певица, меццо-сопрано) в Италии³, по возвращению в Одессу (1898) выступала с концертами⁴, давала уроки пения, работая на музыкальных курсах К. Ф. Лаглера⁵.

Первый муж (вышла замуж в 1898 г.) – Орехов Петр Дмитриевич (1847 ?/ – 1901 ?/ ⁶) служил, по свидетельству Марии Тимофеевны, чиновником по Министерству Юстиции (юрист, статский советник, товарищ окружного прокурора в г. Винница). В своей

¹ Елизавета Тимофеевна, по воспоминаниям современников, была «большой и многогранной русской актрисой», ее называли «второй Ермоловой». Она производила сильное впечатление своим драматическим темпераментом, эффектными внешними приемами игры. См. о ней: Материалы артистической деятельности Е.Т. Жихаревой // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 967. Д. 82. 1881-1977. URL: <http://libinfo.org/index/index.php?id=113610>; *Рацевич С. В.* Гости на нарвской сцене. Е.Т. Жихарева. Мемуары URL: http://lit.lib.ru/r/racewich_a_c/text_0090.shtml

² Певцов Илларион Николаевич // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / под ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969. См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 649. Дочь И.Н. Певцова и Е.Т. Жихаревой – *Татьяна Илларионовна Певцова* (1908 /Кострома/ - 2000 /Таллин/) – известная театральная актриса, одна из первых дикторов Мурманской студии телевидения (1957-1967).

³ См. Автобиография Марии Тимофеевны Бицилли // *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Выпуск 16. С. 156. Учреждений с такими названиями в эти годы в Одессе не было.

⁴ В 1909-1910 гг. М.Т. Орехова-Полянкевич выступала в Херсоне. См.: История русской музыки: В десяти томах. Т. 10 В: 1890-1917. Хронограф. Кн. II / Под общ. науч. ред. Е.М. Левашева. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 408.

⁵ В 1913 г. проживала по адресу – ул. Херсонская, 48; ее мать – *Мария Александровна Полянкевич* в это же время проживала по адресу – ул. Преображенская, 25. См.: Вся Одесса. Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом. Одесский уезд на 1914 год. Год издания четвертый. Одесса: Издательство «Одесские новости». Типография «Порядок», 1913. С. 76-77, 303, 326. На рубеже XIX–XX вв. на этих же курсах работала *Любовь Григорьевна Вейнберг* (Рубинштейн).

⁶ М.А. Бирман приводит дату смерти П.Д. Орехова – 1918 год. См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 294.

автобиографии М.Т. Бицилли пишет: «...скорая смерть мужа, оставившего меня с дочерью Анной без всяких средств к существованию, заставила меня обратиться к старому занятию – урокам музыки <...> Через несколько лет после смерти моего мужа я вторично вышла замуж за профессора по истории Одесского Университета Петра Михайловича Бицилли»¹.

По семейным преданиям, Мария Тимофеевна и Петр Михайлович встретились еще при жизни М.Д. Орехова, который не давал развода, из-за чего первые годы совместной жизни прошли в гражданском браке (с 1910 г.). Молодые люди поженились только в 1918 г.².

В эмиграции, в Болгарии, Мария Тимофеевна давала уроки пения и игры на фортепиано. По воспоминаниям современников, Мария Тимофеевна была очень красивой женщиной, веселым человеком, всегда в хорошем настроении³.

P.S. Выделенные поисковые поля семейной истории П.М. Бицилли – имеют много лакун и являются лишь частью обширного исследовательского пространства, которое еще предстоит освоить.

¹ См.: Автобиография Марии Тимофеевны Бицилли // *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Выпуск 16. С. 156.

² См. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С.297; *Он же.* П.М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С.648-649. Документально эти факты не подтверждены.

³ См.: Русский некрополь в Софии / Авторы составители: Т.К. Пчелинцева, К.Д. Бендерова; составители: В.П. Гаристов, С.А. Рожков. М.: Минувшее, 2011.

Из одесского периода ¹

Поиск пути

Петр Михайлович Бицилли родился 1 (13) октября 1879 года и 25 ноября этого же года был крещен в Покровской церкви Одессы. Его «восприемниками» стали – брат матери Петр Адольфович Штейнгард, инженер, титулярный советник, и жена действительного статского советника Надежда Яковлевна Шведова, дворянская сестра Екатерины Адольфовны, родная тетя Петра². 29 июля 1880 года семье Бицилли было выдано свидетельство (№ 181) о «совершении таинства крещения» Петра Михайловича³.

Первоначальное образование П.М. Бицилли проходило в домашней обстановке: он был способным, но болезненным ребенком. Поступив сразу в IV класс 2-й одесской гимназии⁴, Петр Михайлович окончил ее в 1899 году. В аттестате зрелости (№ 487), данному «...Бицилли (по метрическому свидетельству Бицилли) Петру, православного происхождения, сыну Потомственного дворянина», отмечалось, что за время обучения «... поведение его вообще было отличное (5), исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ вполне удовлетворительная, прилежание хорошее и любознательность особенная к филологическим предметам»⁵.

По результатам итоговых экзаменов, которые прошли 22, 29, 30 апреля и 1, 3, 10, 15, 19, 21, 24, 29 и 31 мая 1899 года, П. Бицилли получил следующие оценки: Закон Божий – «5», русский язык с церковно-славянским и словесность – «5», латынь – «5», греческий язык – «5», математика – «4»⁶, история – «5», немецкий

¹ Многие из материалов данного раздела вошли преимущественно в публикации автора 1999-2007 гг. См. «Авторская бициллиана», №№ 14-31 и были обобщены в монографии «Историография в лицах...» (2007. С. 345-378). Архивные материалы были приведены автором впервые.

² ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 23. См. также: *Попова Т.Н., Левченко В.В.* П.М. Бицилли: фрагменты семейной истории // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2018. Выпуск 20. С. 126-147.

³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 2, 23.

⁴ Во 2-й одесской гимназии учились Петр и Павел Вейнберги и Ф.Н. Шведов.

⁵ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 2.

⁶ Петр Михайлович, видимо, не любил математику, как и его двоюродный дед –

язык – «5». Педагогический Совет гимназии, отмечая отличное поведение и прилежание выпускника, его «успехи в науках», постановил наградить его серебряной медалью¹.

В характеристике директора гимназии, действительного статского советника К.А. Пятницкого отмечались: «выдающиеся способности», особые успехи в «русском и древних языках», «отличное поведение», «благонадежный образ мыслей», «симпатичные качества» характера: Петр «всегда был первым учеником класса <...> Только крайне болезненное состояние здоровья его препятствовало достигнуть еще лучших успехов. Но, конечно, знания у него по отдельным предметам глубже и основательнее, чем это бывает у прилежных и аккуратных учеников, только лишь благодаря способностям и серьезности его» и др. Заключение: «...можно с полной уверенностью полагать, что он [П. Бицилли. – Т.П.]... всегда будет серьезно и сознательно относиться к исполнению долга и обязанности, не увлекаясь пустотой жизни. Если здоровье его поправится [из-за частных болезней Петр Михайлович окончил гимназию только в 20 лет. – Т.П.], то, конечно, и в университете он будет выдающимся студентом по успехам»².

Ремарка-заметка. 2-я одесская мужская гимназия, расположенная с 1887 года на Старопортофранковской улице³, не входила в число особо престижных учебных заведений города: в ее стенах получали образование дети всех сословий и конфессий. Попечителем был состоятельный одесский купец, почетный гражданин Матвей Федорович Маврокордато. Среди учителей – учитель древних языков, надворный советник Сергей Андреевич Селиванов (1864-1908), известный филолог, приват-доцент Новороссийского университета; учитель русского языка и словесности, статский советник В.М. Добровский; учитель латинского языка статский советник В.А. Добротворский, преподаватель Закона Божьего протоиерей Петр Федорович Агапьев, настоятель гимназической церкви Святителя и

Петр Исаевич Вейнберг, в отличие от прадеда – Исаия Семеновича, который, напротив, математику жаловал.

¹ ГАОО.Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 2; Оп. 5. Д. 1254. Л. 2.

² ГАОО.Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 2, 26.

³ Ныне в этом здании располагается корпус Одесского южноукраинского педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

Чудотворца Николая и др. Трудно сказать, кто и каким образом повлиял на увлечения гимназиста Бицилли историей и филологией. Неизвестно также, кто обучал Петра в догимназический период, занимался его домашним образованием.

Экскурс: О достоверности эго-документов¹

Имя П.М. Бицилли теперь хорошо известно в современном интеллектуальном поле. Вместе с тем количественное расширение изданий бициллиеведческой литературы в значительной мере опережает процесс «освоения Бицилли» вглубь. Интернет-сайты сегодня насчитывают сотни повторяющихся материалов, тиражирующих одни и те же ошибки, которые относятся в первую очередь к биографии П.М. Бицилли. Среди них – данные о периоде его обучения в Новороссийском университете, что составляет важную часть одесского этапа его персональной истории.

Главная причина этих ошибок – отсутствие знакомства большинства исследователей с источниками, отражающими этот период, с одной стороны, а с другой – искажение датировки ряда важных событий в жизни П.М. Бицилли самим ученым.

Основным источником, который способствовал появлению этих искажений, были автобиографии П.М. Бицилли – важнейший из видов эго-документов. Данные из официальных *curriculum vitae* начали использовать болгарские ученые. Затем, с 1990-х годов, после публикации отдельных фрагментов из автобиографий или определенных их версий, эти факты стали достоянием широкого круга читателей, интересующихся творчеством П.М. Бицилли².

Испытывая особый пиетет перед ученым, имя которого фактически «открывалось» в 1990-е годы, исследователи его наследия безоговорочно приняли и те факты из эго-документов, которые

¹ Первая публикация - см.: *Попова Т.Н.* Несколько фактов из персональной истории П.М. Бицилли: К вопросу о достоверности эго-документов // Древнее Причерноморье. Выпуск X / Глав. ред. И.В. Немченко. Одесса: ФЛП «А.С.Фридман», 2013. С.514-520.

² См.: *П.М. Бицилли* // Алманах на Софийския университет «Св. Климент Охридски». София, 1939; Проф. Петър Михайлович Бицилли. Некролог от Института за българска история при БАН и от редакцията колегия на сп. «Исторически преглед» // Исторически преглед. Година 9. София, 1953. Кн. пета (5). С. 560-561; Русская литература. 1990. № 2. С.134; *Вомперский В.П.* Петр Михайлович Бицилли. Жизненный и творческий путь // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии / Отв. ред. и автор предисл. В.Н. Ярцева; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Вомперского и И.В. Анненковой; вступ. ст. В.П. Вомперского. М.: Наследие, 1996. С.6 и др.

счел возможным предоставить сам автор.

Профессор Софийского университета М.Н. Велева, ученица одного из непосредственных болгарских учеников П.М. Бицилли профессора Христо Гандева, впервые опубликовала все известные ей автобиографии П.М. Бицилли, написанные им в годы эмиграции¹. Сравнивая тексты этих документов с архивными (в первую очередь) материалами, можно выделить конкретные биографические факты и их отражение в разных источниках.

Факт первый

Абсолютно во всех автобиографиях П.М. Бицилли пишет о том, что получил высшее образование на историко-филологическом факультете Новороссийского университета. Однако ни в одном из вариантов автобиографий ученый не упоминает того, что в июле 1899 г. он поступил сначала на юридический факультет и с 1 сентября был зачислен студентом этого факультета.

Проучившись два семестра и сдав зачеты за первый, П.М. Бицилли 14 августа 1900 г. подал прошение ректору Императорского Новороссийского университета (ИНУ) о переводе его, студента второго семестра юридического факультета, на историко-филологический факультет.

17 августа этого же года, принимая во внимание «отличное» поведение студента (из справки, данной инспектором и прилагаемой к прошению), он был зачислен с 1 октября 1900 г. студентом историко-филологического факультета².

Отсутствие этих данных в его-документах ученого привело к тому, что большинству исследователей этот факт биографии молодого Бицилли неизвестен.

Ремарка-справка. Петр поступил на юридический факультет одновременно со своим младшим братом Михаилом, но через год пути обоих разошлись: Петр «пошел в историки», Михаил – «в физики», перейдя на физико-математический факультете университета. Поступление «в юристы», вероятно, было свя-

¹ Велева М. Из архивного наследство на П.М. Бицилли // Български ежегодник. Т. 2. Харьков-София, 1996. С. 201-221; Она же. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 35-60.

² ГАОО. Ф.45. Оп.5. Д.1254. Л.28-29.

зано с влиянием родственников со стороны Екатерины Адольфовны – юристов. В своей неизданной работе «У истоков общественной мысли», П.М. Бицилли, осмысливая эволюцию «образованного класса» в России, очень точно заметил, что если для «первой половины XIX-го века понятия “образованные люди” и “духовная élite” можно считать почти всецело совпадающими», то во второй половине века «получить университетский диплом значило открыть себе дорогу, чтобы “выйти в люди”, “сделать карьеру”»; если в 1860-е годах «“мыслящим человеком” считался почти исключительно естествоиспытатель, потому что естественные науки признавались единственными “положительными”, т.е. подлинными науками», то позже это «науковерие» было преодолено: «человек мог надеяться войти в ряды “интеллигенции”, выработать свое мировоззрение, и отдаваясь гуманитарным наукам, в первую очередь *юридическим*»¹ [курсив мой. – Т.Н.]. Особо это касалось представителей еврейского населения, перешедших в православие. В Одессе значительный пласт юристов были выходцами из еврейского этнического круга. Выбор собственного пути у молодых братьев Бицилли – тоже, возможно, следствие определенного «влияния» других родственников-Вейнбергов, но – литераторов и физиков – Петра Исаевича Вейнберга (писателя) и его сына Бориса Петровича Вейнберга (физика), приват-доцента Новороссийского университета.

Избрав историю своей будущей специальностью, П.М. Бицилли не вспоминал более о первой пробе своего обучения в университете и полностью обошел этот факт в своих автобиографиях.

Историко-филологический факультет Новороссийского университета на рубеже веков был представлен когортой известных ученых – историков, филологов и философов². По античной истории П.М. Бицилли слушал лекции Э.Р. фон Штерна («Римская история», «Греция Тацита», «Греция Фукидида»), П.М. Ардашева

¹ *Бицилли П.М.* У истоков русской общественной мысли. Публикация, редакция и комментарий Галины Петковой. URL: <https://liternet.bg/publish6/pbicilli/istokov/content.htm>

² См.: *Попова Т.Н., Станко В.Н.* Исторические исследования в Одесском университете: традиции и современность // Вестник Одесского государственного университета. Выпуск 1. Одесса, 1995. С. 37-52; *Одеський національний університет імені І.І. Мечникова (1865–2015): історія та сучасність* / гол. ред. І.М. Коваль; Одеський нац. ун-т ім. І.І. Мечникова. Одеса: ОНУ, 2015. [Раздел «Еволюція історичної науки», автор *О.Б. Дьомін*].

(«История Греции»), работал на практических занятиях по изучению античной литературы у М.И. Мандеса и А.Н. Деревицкого, изучал древние языки у С.А. Селиванова (обучавшего П.М. Бицилли еще в гимназии), ученика профессора Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Соколова. По средневековой и новой истории, по теоретическим дисциплинам Петр Михайлович работал с Е.Н. Щепкиным («История средних и новых веков», «История XVIII в.», «Начало XIX ст.», «Методология истории»), Ф.В. Режабеком («История Западной Европы», «Военное устройство Византии», «История средних веков»¹). Лекции по истории России и славяноведению слушал у А.А. Кочубинского («История северо-западных славян», «История южных славян»), Г.И. Перетятковича («Древняя русская история», «Обзор источников по русской истории»), И.А. Линниченко («Русская история»). Историю русской литературы и историю искусства читали В.М. Истрин («История русской литературы до XVI в.») и А.А. Павловский («История искусства»); курсы по истории церкви – А.П. Доброклонский («История христианской церкви», «Церковный строй в России», «Сектанство в России», «Раскол в русской церкви»), философские дисциплины – Н.Н. Ланге («Введение в философию», «История философии», «Психология») и др.²

Факт второй

1905 год как год окончания Петром Михайловичем Новороссийского университета фигурирует в многочисленных публикациях. Тем не менее сам ученый в автобиографиях приводит несколько дат. В письме-заявлении от 14 мая 1920 г. (Сербия, г. Вранье) на имя профессора В. Златарского, декана историко-филологического факультета Софийского университета, стоит дата – *1906 год*³.

В первом варианте автобиографии, которую П.М. Бицилли, по мнению М. Велевой, написал в 1946-1948 гг., подавая заявле-

¹ К сожалению, нам не известно, какое влияние оказал Ф.В. Режабек на медиевистическую направленность научных исследований П.М. Бицилли.

² ГАОО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-5; Ф. 45. Оп. 5. Д.1254. Л. 10-12, 32-34; Ф. 151. Оп. 1. Д. 99. Л. 3.

³ *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 47.

ние в Советское посольство с просьбой о получении советского гражданства, приведена дата – *1905 год*¹. Именно данный текст с некоторыми сокращениями был опубликован В.А. Тунимановым в 1990 г.². Факты из этого текста получили широкое распространение в российской и украинской литературе, поэтому дата – 1905 год – стала общепринятой.

Во втором варианте автобиографии (написанной в это же время) приводится дата – *1904 год*³. Этот год фигурирует также в черновике заявления в Президиум Верховного совета СССР, написанного, вероятно, после 17 апреля 1947 г., когда П.М. Бицилли дважды получил отказ в получении советского гражданства⁴.

Таким образом, в этих, собственноручно написанных П.М. Бицилли, документах приведены три даты: 1904 – 1905 – 1906 гг.

Архивные материалы свидетельствуют о следующем. Для получения университетского диплома П.М. Бицилли необходимо было сдать экзамены за полный университетский курс (VIII семестров, 4 года).

В марте-апреле 1906 года Петр Михайлович «подвергся испытанию» в комиссии историко-филологического факультета под председательством действительного статского советника профессора Э.Р. фон Штерна. В «испытание» входило: предоставление научной работы на тему «Политические теории в эпоху первой реставрации», в которой анализировались либеральное и реакционное направления французской политической мысли данной эпохи; сдача двух экзаменов в письменной форме (по русской и всеобщей истории) и девяти устных экзаменов (по греческому и латинскому языкам; по русской истории; по древней, средней и новой истории; по истории церкви, истории славянских народов и по истории новой философии).

Е.Н. Щепкин высоко оценил работу П.М. Бицилли и рекомендовал его в «профессорские стипендиаты» [«для подготовки к про-

¹ Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 50.

² Бицилли П.М. Статьи: История. Культура. Литература // Русская литература. 1990. № 2. С. 134-138. [Вступительная статья В.А.Туниманова].

³ Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 54. Когда были написаны эти два варианта автобиографии точно неизвестно.

⁴ Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 56.

фессорскому званию» – аналог современной аспирантуры. – Т.П.]. По итогам экзаменов П.М. Бицилли получил только одну «удовлетворительную» оценку (по истории церкви) [аттестация в университетах Российской империи осуществлялась по трехбалльной системе: «весьма удовлетворительно», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». – Т.П.].

На основании этого П.М. Бицилли был удостоен Диплома I-й степени (№ 1010 от 10 мая 1906 г.), который в соответствии с Уставом российских университетов 1884 года предоставлял его владельцу право на чин X класса по Табели о рангах (коллежский секретарь) и возможность остаться при университете «для приготовления к профессорскому званию»¹.

Таким образом, П.М. Бицилли, поступивший в университет в год своего двадцатилетия (позднее поступление было связано со слабым здоровьем молодого Бицилли, из-за чего он окончил гимназию в 1899 г.), завершил университетское образование только через семь лет после поступления. Что же помешало студенту Бицилли получить диплом, как и полагалось, в 1904 или, в крайнем случае, в 1905 году?

Факт третий

Начало XX века нельзя назвать «спокойным» периодом в биографии города и государства в целом. В Одессе действовали многочисленные легальные и нелегальные организации с различными политическими платформами, в состав которых входили студенты и выпускники Новороссийского университета, представители городской интеллигенции – учителя, журналисты, служащие. Практически все легальные организации выдвигали широкие культурно-просветительские программы, чем и привлекали к себе радикально мыслящих интеллектуалов и в первую очередь студенческую молодежь, остро впитывающую все веяния своего времени. Как и многие его сверстники, П.М. Бицилли не избежал революционного романтизма. Бурные события начала века втянули его в свой водоворот.

11 и 12 февраля 1902 года П.М. Бицилли принимал «деятельное участие в сходках» студенческой молодежи, за что 17 февраля

¹ ГАОО. Ф.42. Оп.36. Д.108. Л.1.

того же года был уволен из университета на основании «Правил для студентов Императорского Новороссийского Университета».

Однако в сентябре 1902 года П.М. Бицилли вновь на студенческой скамье – его восстанавливают в университете. 9 октября 1902 года П.М. Бицилли пишет ректору прошение о выдаче ему свидетельства, подтверждающего его статус студента. Данный документ был необходим П.М. Бицилли для представления на призывной участок № 3736 города Одессы: уволенные из университета студенты должны были отбывать воинскую повинность¹.

17 ноября 1903 года, находясь под «негласным наблюдением» полиции, молодой Бицилли опять был замечен в посещении «незаконной сходки»². Его партнерами в этих событиях были А.В. Флоровский³ и И.М. Бондаренко⁴ – соученики и будущие коллеги.

Вероятно, в этот раз ситуация была более серьезной: 8 дека-

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 28, 29; Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 3, 14-16.

² ГАОО. Ф.45. Оп. 19. Д.685; Ф. 314. Оп.1. Д.210. Л.137, 162-163.

³ См.: *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 254-275. [Раздел: «Антоний Васильевич Флоровский: европеец поневоле»].

⁴ *Иван Михайлович Бондаренко*, выпускник Императорского Новороссийского университета 1904 года, специализировался по всеобщей истории. Еще в 1903 году он получил золотую медаль за работу на тему «Критическая оценка главнейших течений происхождения городской организации на основании данных по истории возникновения городов в Англии», написанную под руководством Е.Н. Щепкина и опубликованную в «Летописи Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете». Однако Диплом 1-й степени и рекомендация факультета «не подействовали» на попечителя Одесского учебного округа, который не разрешил оставить И.М. Бондаренко на факультете в качества «профессорского стипендиата» из-за «революционного прошлого» последнего: И.М. Бондаренко был уволен в свое время из Московского университета «без права на педагогическую деятельность»; в 1902-1903 годы, став, тем не менее, студентом Новороссийского университета, он опять находился «под негласным надзором полиции», участвовал в «незаконных сходках». Исключенный, но в конце 1904 года восстановленный министерством народного просвещения в «права на педагогическую деятельность», И.М. Бондаренко становится дипломированным специалистом-историком. В октябре 1905 года факультет опять дает свое представление попечителю. К этому представлению прилагалась докладная записка и.д. экстраординарного профессора Е.Н. Щепкина – уже депутата Государственной думы («для поддержания представления своим, отныне авторитетным, голосом»). Благодаря этой поддержке И.М. Бондаренко получает должность заведующего историко-филологическим кабинетом при факультете, а с 1907 года (по 1909 г.) становится «профессорским стипендиатом». В январе 1910 года, сдав на «удовлетворительно» магистерские экзамены, Иван Михайлович был утвержден приват-доцентом по кафедре всеобщей истории. И.М. Бондаренко – один из активных участников украинского национального движения в Одессе; был в числе учредителей Общества «Просвіта», вместе с И.А. Линниченко, В.Э. Крусманом и др. – учредителем Одесского Библиографического общества. В 1911 году И.М. Бондаренко трагически погиб. См.: *Отчеты Императорского Новороссийского университета за 1904-1912 годы*; ГАОО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 3, 13, 14; Ф.45. Оп.4. Д.1925 (1905-1908). Л.16 и др.

бря 1904 года Инспекция Новороссийского университета выдала студенту VII семестра историко-филологического факультета П.М. Бицилли свидетельство (№ 76) «на жительство в г. Одессе» сроком на один год. Петру Михайловичу, как и другим студентам, участвовавшим в «беспорядках», грозила армия.

Еще раньше, 7 июля 1904 года, П.М. Бицилли пишет прошение в Инспекцию университета о выдаче ему копии протокола заседания Дворянского собрания для подтверждения его дворянского происхождения. При этом он просит выдать документ его брату, Михаилу (тоже студенту университета), и прилагает доверенность на имя брата. Доверенность, датированная тем же числом, написана на маленьком листке бумаги, небрежно, что свидетельствовало, вероятно, о поспешности решения в связи с обострением обстановки. Копия протокола (№ 938) была получена М.М. Бицилли в тот же день.

Еще один семестр (осень 1904 г.) П.М. Бицилли учится в университете и только 26 июля 1905 года получает Увольнительное свидетельство (№ 4508). Это свидетельство подтверждает тот факт, что восстановленный в университете в сентябре 1902 года П.М. Бицилли прослушал лекции в течение 1902/03 и 1903/04 академического года, осеннего семестра 1904/05 академического года и за IV-VII семестры сдал все зачеты¹. До окончания полного курса в университете П.М. Бицилли оставалось проучиться всего один семестр.

Ремарка-штрих. Директор гимназии был прав, когда писал о «выдающихся способностях» П. Бицилли: ничто не мешало ему выполнять учебную программу. Однако «благонадежный образ мыслей» явно дал трещину: молодой человек не сделал для себя выводов в 1902 году, и звонок прозвенел во второй раз...

В обоих случаях у П. Бицилли нашлись «покровители»: в первый раз он сравнительно быстро был восстановлен в университете, во второй – его «уволнили», но – «по собственному прошению». Тем не менее, на основании выданного П.М. Бицилли Увольнительного свидетельства он лишился прав, которые предоставлялись студентам и дипломированным выпускникам университета в отношении отбывания воинской повинности. П.М. Бицилли пришлось отслужить год в армии. Но и воинскую повинность он от-

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп.5. Д. 1254. Л.3 и др. Ф. 314. Оп. 1. Д. 210. Л. 137; Ф. 45. Оп. 19. Д. 685; Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 3-4, 17-20, 31; Ф.45. Оп. 11. Д. 31. Л.84.

бывал в Одесской инженерной дистанции и вышел в запас в чине унтер-офицера¹.

Ремарк-штрих. Военскую повинность Петр отбывал в Одессе². Потомственное дворянство, положение семьи, родственные связи (крестной матерью П.М. Бицилли была Н.Я. Шведова, жена Ф.Н. Шведова, ректора Новороссийского университета /1895-1903/, его дядей был Б.П. Вейнберг, работавший под руководством Ф.Н. Шведова на кафедре физики), особое отношение к способному студенту со стороны университетских преподавателей и проч. сыграли свою роль.

П.М. Бицилли только в трех случаях упоминает о данных событиях – в черновых вариантах автобиографии, прилагаемой к прошению о предоставлении советского гражданства (1946-1947), и в оригинале автобиографии, прилагаемой к ходатайству его и его жены о приеме в гражданство СССР (10 января 1848 г., София):

1/ «В 1904 году (был временно исключен из университета за участие в студенческих волнениях на политической почве) отбыл военскую повинность в Одесской инженерной дистанции и вышел в запас в чине унтер-офицера»³;

2/ «В годы учения примыкал к левым течениям студенчества...»⁴.

3/ «В годы студенчества примыкал к левым его течениям; впоследствии зачислился в партию социалистов-революционеров. Впрочем, будучи поглощен преподавательской и научной работой, активного участия в партийной жизни не принимал»⁵.

Возможно, включив эти факты из своей жизни в автобиогра-

¹ Русская литература. 1990. № 2. С. 134.

² Одесская инженерная дистанция в начале XX в. находилась практически в центре Одессы – ул. Греческая, 4. Не исключено: определенную роль в том, что Петр отбывал военную службу в относительно комфортных условиях, сыграл его дядя – *Спиридон Фомич Бицилли*, который был достаточно влиятельным человеком в Одессе – брендмейстером Александровской пожарной части Одесской городской пожарной команды.

³ *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С.50.

⁴ Автобиография на П.М. Бицилли. (Втори вариант) // *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 54.

⁵ Государственный архив Российской Федерации /г. Москва/.(ГАРФ) Ф. Р7523. Оп. 59. Д.4330. Л.5-6. См.: Автобиография Петра Михайловича Бицилли // *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Выпуск 16. С.153. [Публикация *В.В. Левченко*. Введение и примечания – *Т.Н. Попова*].

фию, П.М. Бицилли рассчитывал на более лояльное отношение к себе со стороны советской власти.

P.S. Однако жизнь поставила молодого Бицилли перед выбором: Политика или Наука. Эту дилемму пришлось решать многим историкам – В.О. Ключевскому, П.Н. Милюкову, А.И. Маркевичу¹, Е.Н. Щепкину и др.

«Революционное кружение» проходит, и П.М. Бицилли выбирает Науку.

П.М. Бицилли получил диплом 29 сентября 1906 года, однако правом заниматься наукой воспользовался не сразу².

Факт четвертый

Во всех автобиографиях П.М. Бицилли пишет, что после окончания университета (при этом – вне зависимости от того, какую дату окончания он называет) был оставлен в качестве стипендиата для подготовки к магистерскому экзамену по кафедре всеобщей истории³. Однако реальная ситуация была несколько иной. Выпускник университета, он, как и многие, работал сначала в средних учебных заведениях г. Одессы⁴. Только с 24 августа 1908 г. (через два года после окончания университета) П.М. Бицилли стал профессорским стипендиатом⁵. Еще через два года, 29 декабря 1910 г., он получил свидетельство (№ 468), в котором говорилось, что Петр Бицилли 3 мая, 27 сентября, 12 ноября и 1 декабря 1910 г. сдал «испытания» на степень магистра всеобщей истории; 15 декабря того же года прочитал две пробные лекции («Фридрих II Гогенштауфен» по назначению факультета и «Наказы 1789 г. как исторический источник» по собственному выбору) и был удостоен

¹ См. о нем: *Попова Т.Н.* Историография в лицах...» (2007) [Раздел: «Алексей Иванович Маркевич: портрет в интерьере»] и др.

² ГАОО.Ф. 42. Оп. 36. Д. 108. Л.1.

³ *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С.47, 50, 54, 56.

⁴ ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1119. Л. 1-3.

⁵ Отчет ИНУ за 1909 академический год. Одесса, 1910. С.28, 43. Причины этого «перерыва» пока не ясны. В своих ранних публикациях я указывала на сложное материальное положение семьи в связи со смертью отца; новые данные свидетельствуют о том, что в эти годы Михаил Фомич был жив (до 1914 г. приблизительно), но какова была в действительности ситуация в семье – неизвестно.

звания приват-доцента и права преподавать в университете¹.

1910 год как год сдачи им магистерских экзаменов П.М. Бицилли везде приводит точно.

P.S. Причины «искажений» (которыми не ограничиваются указанные здесь факты) могут быть различны: возможно, что некоторые сюжеты из своей жизни П.М. Бицилли не считал столь значимыми, чтобы сообщать о них в официальных документах; в некоторых случаях он не хотел раскрывать детали не очень приятных для себя событий; вероятно, имели место и погрешности памяти, и определенная небрежность, и проч. Дальнейшее исследование персональной истории П.М. Бицилли, расширение бициллиеведческой эмпирики позволят раскрыть механизм данных искажений в его-документах ученого.

Академическая карьера

С августа 1907 года начинается трудовая деятельность П.М. Бицилли в гимназиях Одессы: он «допущен к исполнению обязанностей преподавателя истории» в женской гимназии, учрежденной Г.Р. Березиной (позже О.С. Белен-де-Баллю); с 20 декабря 1908 года получает звание учителя гимназии и прогимназии и с 31 декабря того же года попечителем Одесского учебного округа утверждает-ся в должности учителя истории этой гимназии.

17 августа 1907 года П.М. Бицилли был присвоен чин коллежского асессора (VIII класс; в чине был утвержден 21 мая 1912 г.). В гимназии за 12 уроков он получал жалование в размере 800 рублей в год².

С 24 июля 1908 года П.М. Бицилли по представлению профессора Э.Р. фон-Штерна – «профессорский стипендиат» по кафедре всеобщей истории Новороссийского университета (со стипендией – 600 рублей в год).

3 мая, 27 сентября, 12 ноября и 1 декабря 1910 года он сдает экзамены на степень магистра всеобщей истории. После прочтения двух пробных лекций 15 декабря того же года на темы «Фридрих II Гогенштауфен» (по выбору факультета) и «Наказы 1789 г. как исторический источник» (по собственному выбору) П.М. Бицилли был удо-

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп.4. Д.1119. Л.53.

² ГАОО. Ф.45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 1-3.

стоен права преподавать в университете всеобщую историю в звании приват-доцента, о чем ему 29 декабря 1910 года было выдано свидетельство (№ 468) за подписями декана историко-филологического факультета Новороссийского университета, действительного статского советника А.А. Павловского и секретаря факультета С.Г. Вилинского¹.

С 4 января 1911 года П.М. Бицилли становится приват-доцентом по кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета². Начинается его университетская деятельность – преподавателя и исследователя...

Экскурс: О Новороссийском (Одесском) университете

На протяжении первой половины XIX в. Одесса, будучи официальной столицей Новороссийского края, стремительно утверждала себя в статусе значительного культурного и социально-экономического центра Российской империи³. Своеобразие социокультурной среды сформировало в Одессе круг высокоодаренной интеллигенции с ярко выраженной гуманитарной ориентацией своих интересов. Институциональные формы истории как научной области знания были представлены в это время такими структурами как периодическая печать, дидактические центры, салоны и первые научные центры. Газета «Одесский вестник» (1827), Ришельевский лицей (1817), Одесское общество истории и древностей (ООИД, 1839) не только объединили любителей истории, но и способствовали формированию исследовательской проблематики, накоплению источниковедческого и историографического багажа, становлению первых концептуальных подходов, утверждению

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 6-7, 53.

² ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 2-3; Памятная книжка Одесского учебного округа на 1912/1913 год. Часть I. Одесса, 1913. С. 9.

³ См.: *Апатов С.И., Демин О.Б., Першина З.В.* Историческая наука в Одессе за 200 лет // Очерки развития науки в Одессе. Сборник статей. Одесса: НАНУ, Южный научный центр, 1995. С. 450-491; *Попова Т.Н., Станко В.Н.* Исторические исследования в Одесском университете: традиции и современность // Вестник Одесского государственного университета. Выпуск 1. Одесса, 1995. С. 37-52; *Новоросійський університет у спогадах сучасників: Збірник спогадів / Автор-укладач Ф.О. Самойлов.* Одеса, 1999; *Першина З.В.* Історіографічний підсумок проблеми вивчення історії Одеського державного університету ім. І.І. Мечникова // Записки історичного факультету. Випуск 10. Одеса: ОНУ, 2000. С. 24-30; *Одеский національний університет імені І.І. Мечникова (1965-2015): історія та сучасність / гол. ред. І.М. Коваль.* Одеса: ОНУ, 2015 и др.

престижности исторических занятий в обществе.

Специфика в развитии исторических исследований в Одессе определялась рядом линий:

- этническая полифония, характерная для формирующегося сообщества любителей истории, способствовала складыванию толерантности в менталитете первых историков (только в Одесском обществе истории и древностей были представители 15 национальностей Российской империи и 10 европейских стран)¹;
- высокая культура и европейская образованность корпорации историков обусловили широчайший диапазон исследовательской проблематики: в сфере научных интересов оказались проблемы различных отраслей исторического знания – антиковедение, медиевистика, новистика; история Украины, история России и ее регионов, история европейских стран, история Востока; археология, нумизматика, эпиграфика, этнография, археография, историческая география, генеалогия, источниковедение и историография и др.;
- приоритетным направлением становилась история края в системе культурно-исторических отношений разных народов;
- местные занятия историей осуществлялись в контексте развития исторической науки в России и Европе, устанавливались тесные научные связи с российскими и европейскими научными центрами.

К середине XIX века – ко времени образования Новороссийского университета – в Одессе уже были заложены основы для становления дисциплинарного статуса истории как науки: складывалось научное сообщество историков – И.П. Бларамберг, Ф.К. Брун, Н.Н. Мурзакевич, А.А. Скальковский, М.П. Смирнов, И.А. Стемпковский, и др.; обозначились определенные традиции исторических исследований в учебных и научных центрах (Ришельевский лицей, ООИД и др.); были накоплены публикации исторического характера на страницах одесской периодики, в изданиях Ришельевского лицея («Новороссийский календарь»; «Тождественный акт Ришельевского лицея»), в «Записках Одесского общества истории и древностей» др.; важным компонентом в становлении

¹ См.: 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. 1939-1989.: Тезисы докладов юбилейной конференции. 27-28 октября 1989 г., г. Одесса. Одесса, 1989. С. 4.

инфраструктуры исторической науки в Одессе явилось открытие археологического музея и городской публичной библиотеки¹.

Однако в первой половине XIX в. история в европейском самосознании не превратилась еще в автономную сферу интеллектуальной деятельности. Только со второй половины XIX в. можно говорить о профессионализации исторической науки. Именно в это время складывается т.н. «университетская наука», для которой было характерно то, что занятия научными исследованиями становились во многом эпифеноменом процесса преподавания. Со второй половины XIX в. в рамках европейской культурной традиции университеты превратились в ведущие научные центры.

«Университетская наука» этого времени отличалась интенсивной дифференциацией фундаментальных наук и формированием внутри них специализированных отраслей знания. Специализация научного знания детерминировала процесс дисциплинарности. Появление новых структурных исторических подразделений в университетской системе гуманитарного образования способствовало социокогнитивной определенности самой исторической науки, началу ее оформления как дисциплинарного семейства.

Университеты в Российской империи развивались в контексте европейской культурной традиции и единого историографического процесса. С 1850 г. на основе реорганизации философского факультета в университетах Российской империи возникли историко-филологические факультеты, в рамках которых с 60-х гг. подготовка историков осуществлялась на историческом отделении, а с 80-х гг. постепенно утверждалась система специализаций по кафедральному принципу.

«Молодые» университеты сразу же включались в этот процесс. Курсы по историческим дисциплинам согласно университетскому Уставу 1863 г. обеспечивались четырьмя кафедрами исторического профиля (из 11 на историко-филологическом факультете): всеобщей истории, русской истории, истории церкви и теории и истории искусств. В условиях незавершенности автономизации филологии и истории, в русле сохраняющихся с XVIII в. научных традиций ряд предметов по истории обеспечивались иными кафедрами факультета – кафедрой классической филологии, славянской филоло-

¹ См.: *Бачинський А.Д., Попова Т.М.* З історії організації історико-краєзнавчих досліджень в Одесі // V Всеукраїнська конференція «Розвиток історико-краєзнавчих досліджень в контексті національного і культурного відродження»: Тези доп. і повідомлень. Київ-Кам'янець-Подільський, 1991 и др.

гии и др. В связи с этим в организации научных исследований по истории преобладал персонологический принцип.

Новороссийский (Одесский) университет, возникнув как крупнейший научный центр юга Украины и Российской империи в целом, координировал все научные направления в регионе, устанавливая и осуществляя контакты с иными научными структурами – столичными и других регионов; задавая «тон» в постановке профессионального образования и исследовательской деятельности.

С 1868 г. на историко-филологическом факультете Новороссийского университета были открыты три отделения: классической филологии, славяно-русской филологии и исторических наук. В 900-х гг. на историческом отделении стали постоянно работать четыре группы специализаций: славяно-русская, всеобщей истории, истории искусств и истории философии¹.

Формирование профессорско-преподавательского состава на факультете шло по линиям:

- сохранения основного фонда историков Ришельевского лицея (Ф.К. Брун, М.П. Смирнов и др.);
- приглашения специалистов из других университетов – Московского, Санкт-Петербургского, Университета св. Владимира, Харьковского, Казанского, Дерптского (Юрьевского) и др. (В.И. Григорович, А.Г. Брикнер, Ф.И. Успенский, Г.И. Перетяткович, А.С. Трачевский, Э.Р. фон Штерн, И.А. Линниченко, Е.Н. Щепкин, В.К. Надлер, В.Э. Крусман, Е.П. Трифильев и др.);
- подготовки своих кадров из выпускников Новороссийского университета, большинство из которых прошли через институт «профессорских стипендиатов» (Г.Е. Афанасьев, А.И. Маркевич, П.М. Бицилли, А.В. Флоровский, И.М. Бондаренко, Е.А. Загоровский, М.И. Мандес, К.П. Добролюбский и др.).

Своеобразие процесса формирования кадрового состава факультета сказывалось на научных интересах преподавателей. Подобный кадровый симбиоз, «помноженный» на специфику региона в социокультурном плане, подкрепляемый уже сложившимися к се-

¹ Краткий отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1868-1869 учебный год. Одесса, 1869. С.10; Краткий отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1904-1908 гг. Одесса, 1908. С. 173.

редине XIX в. местными научными традициями, привел к созданию собственных оригинальных научных центров, определил широкий спектр исследовательских направлений, ориентированных на конкретные научные школы (общеευропейского и российского уровня).

Наиболее сильные и генетически самые ранние местные традиции имели «античники». Одесса как центр Северного Причерноморья, фактически расположенная в ареале древнегреческой цивилизации, стала первым регионом в России, аккумулировавшим научные исследования по классической археологии. С конца XVIII до 60-х гг. XIX в. усилиями А.Ф. Панагиодора-Никопулоса, Г.И. Спассого, И.А. Стемповского, В.Г. Теплякова, Н.Н. Надеждина, Н.Н. Мурзакевича, П.В. Беккера и др. – представителями разных национальностей, профессиональной и социальной принадлежности – была создана солидная база в разработке проблем антиковедения.

Органическим продолжением этой работы стали исследования профессоров и преподавателей Новороссийского университета, среди которых с определенной долей условности можно выделить античников-археологов (Ф.К. Брун, В.И. Юргевич, Э.Р. фон Штерн, А.В. Никитский и др.) и специалистов, изучавших историю и культуру античности на основе письменных источников (В.И. Модестов, В.М. Пирогов, Л.Ф. Воеводский, М.И. Мандес, Ф.С. Режабек и др.). Это были представители разных кафедр факультета - всеобщей истории и классической филологии.

Научные традиции в области византиноведения и славяноведения в Новороссийском университете были связаны с первым деканом историко-филологического факультета В.И. Григоровичем (1865-1868), который, возглавив кафедру славянской филологии (1865-1876), заложил тем самым организационные и научные основы для разработки двух близких направлений – славяноведения и византиноведения в научных исследованиях факультета.

С приездом в Одессу Ф.И. Успенского (1874-1894), выпускника Санкт-Петербургского университета, ученика К.Н. Бестужева-Рюмина и В.И. Ламанского, для которого история Византии становится исследовательской доминантой, вокруг него складывается круг единомышленников – историков и филологов, образуя своеобразный научный центр. Будучи ординарным профессором по кафедре всеобщей истории, Ф.И. Успенский сумел объединить представителей разных кафедр. Среди них – Н.П. Кондаков, Н.Ф.

Красносельцев, А.И. Кирпичников, С.Д. Пападимитриу (в 1900 г. возглавил кафедру византийской филологии), А.А. Кочубинский, В.М. Истрин, М.Г. Попруженко и др.

В 1889 г. при университете под председательством Ф.И. Успенского было создано Историко-филологическое общество структурно включившее в себя отделения: византийское (1891, с 1898 года – византийско-славянское) и педагогическое (1898). Это общество объединило профессионалов и любителей не только Одессы, но и различных регионов Украины, России и Европы.

Постоянными научными партнерами ИФО стали Российская академия наук; университеты – Санкт-Петербургский, Варшавский, Дерптский, Казанский; Русское Археологическое общество, Археологическая комиссия при Западно-Сибирском отделении Русского Географического общества; Петровское общество исследователей Астраханского края, Тверское общество любителей истории, Оренбургская, Пермская, Ярославская и др. губернские архивные комиссии; Архив Министерства юстиции в Москве, Восточный институт во Владивостоке, Кавказское отделение Московского Археологического общества и др.

Среди европейских научных центров, установивших творческие контакты с ИФО были: Сербская королевская академия в Белграде, Музей Королевства Чешского в Праге, Упсальская королевская библиотека, Гельсингфорсский университет, научные общества и другие исторические учреждения в Австрии, Болгарии, Париже и Брюсселе. В Украине профессиональные интересы связывали ИФО с аналогичным обществом при Харьковском университете, с Университетом св. Владимира в Киеве, Историко-филологическим институтом кн. Безбородко в Нежине, Церковно-Археологическим обществом при Киевской Духовной Академии, Обществом Нестора-летописца, Научным обществом им.Т.Г. Шевченко во Львове, губернскими учеными комиссиями – Таврической, Полтавской и др.; Киевской археографической комиссией, Екатеринославским научным обществом.

При основании ИФО состояло из 64 членов, к маю 1913г. в Общество входило уже 296 человек. На страницах «Летописи Историко-филологического общества» (1890) преобладали публикации по византийско-славянской проблематике, отдельные выпуски выходили как издания византийской секции. Назначение Ф.И.Успенского директором Русского археологического институ-

та в Константинополе (1895) способствовало расширению заграничных научных связей Новороссийского университета. Тесные научные контакты установились между Русским археологическим институтом и Историко-филологическим обществом¹.

Различные направления славяноведческих изысканий были связаны с именами М.П. Смирнова, ординарного профессора по кафедре русской истории (история Литвы и Польши), А.А. Кочубинского, ординарного профессора по кафедре славянской филологии (история Чехии), его приемника по кафедре – М.Г. Попруженко (история Болгарии), ординарного профессора по кафедре всеобщей истории А.С. Трачевского (история Польши) и др.

На кафедре всеобщей истории большинство преподавателей по своим научным интересам были «новистами». Новая история как научная и учебная дисциплина только приобретала свой статус самостоятельности в эти годы², поэтому разработки одесских историков внесли свой весомый вклад в ее становление. А.Г. Брикнер (1867-1871)³, получивший образование в Гейдельбергском университете, слушавший лекции в Берлинском и Йенском университетах, последователь Й.Г. Дройзена и Л. фон Ранке, заложил традиции «германистики» (в период своего пребывания в Одессе, он работал над историей Германии XVI-XVII вв.), которые поддержал В.К. Надлер, перешедший в Новороссийский университет в 1891г. из Харьковского. Проблемы английского возрождения и гуманизма изучал В.Э. Крусман (1908-1917), выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик Г.В. Форстена и И.М. Гревса. Но большинство преподавателей кафедры занималось историей Франции.

Великая французская революция стала объектом внимания

¹ См.: Исторический вестник. 1899. № 2. С. 753-754; Летопись Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. Одесса, 1890. Т.1. С. 5-8; Т.3. 1894. С. 8-11; Т. 5. 1895. С. 3-9; Отчет о деятельности Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете за 1899/1900 гг. Одесса, 1900. С. 5-7; Отчет о деятельности Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете за 1902/1903 гг. С. 1-3; Отчет о деятельности Историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете за 1913 г. С. 5-8; ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2819. Л. 6, 8.

² См.: Бутенко В. Наука новой истории в России (Историографический обзор) // Анналы. 1922. № 2. С. 131.

³ Об А.Г. Брикнере см. подробнее: Попова Т.Н. Из истории Новороссийского университета: памяти А.Г. Брикнера // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2016. Выпуск 18. С. 70-87; Она же. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. С. 137-156. [Раздел «Александр Густавович Брикнер: у истоков дисциплинарности»].

А.Г. Брикнера и А.С. Трачевского (1877-1890), выпускника Московского университета, ученика С.В. Ешевского / начинавшего свою преподавательскую деятельность в Ришельевском лицее (1853-1855)/. Г.Е. Афанасьев (1885-1889, 1893-1895), ученик А.Г. Брикнера, изучал социально-экономическую историю Франции накануне и в период Французской революции. П.М. Ардашев (1896-1901) и Е.Н. Щепкин (1898-1906, 1917-1920), выпускники Московского университета из школы В.И. Герье, продолжили разработку проблем предреволюционной и революционной Франции. Эта линия стал главной в творчестве К.П. Добролюбовского, фактического ученика Е.Н. Щепкина. Последний оставил многоплановое и до сих пор не востребованное в полной мере научное наследие¹.

Медиевистика в качестве учебной дисциплины была представлена такими учеными как Ф.К. Брун, Ф.И. Успенский, Ф.С. Режабек, Е.Н. Щепкин. Однако проблемы западно-европейского средневековья не стали специальным предметом их научных исследований. Первым профессиональным медиевистом на факультете можно считать В.Э. Крусмана², хотя и он в большей мере тяготел к новистике. Новое поколение медиевистов было подготовлено из выпускников факультета: И.М. Бондаренко и П.М. Бицилли.

Изучение истории Украины³ и России⁴ на факультете характеризовалось преимущественно региональным подходом: в соответствии с официальной концепцией история Украины в целом изучалась как Юго-Западная Россия, Малороссия (И.А. Линни-

¹ См.: Максименко И.В., Попова Т.Н. Евгений Николаевич Щепкин: известные и неизвестные грани личности // Евгений Николаевич Щепкин (1860-1920): Библиографический указатель. Сост.: И.В. Максименко, В.В. Самодурова; Науч. ред. Т.Н. Попова. Одесса, 1998. С. 19-59.

² См.: Немченко И.В. Научные изыскания В.Э. Крусмана в Одессе // Древнее Причерноморье. 1У чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. Одесса, 1998. С. 101-105 и др.

³ См. подробнее: Першина З.В. Історія України в працях одеських дослідників // Український історичний журнал. 1994. № 6. С. 53-58; Попова Т.Н. Історіографічний ретроспект: к вопросу о становлении дисциплинарного статуса истории Украины в Новороссийском университете // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Выпуск 1. Брянск Изд-во БГПУ (Брянского гос. педагогического ун-та. Центр славяноведения), 2000. С. 55-66; Музичко О. Південноукраїнські історики у пошуках наукових та суспільних ідеалів (друга половина ХІХ - початок ХХ ст.): монографія / наук. ред. В. М. Хмарський; Одес. нац. ун-т ім. І.І. Мечникова, Ф-т історії та філософії. Одеса: ОНУ, 2019. 435 с.

⁴ См.: Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. С. 410-430. [Раздел «Дисциплинарное сообщество русистов: кафедральная корпорация (абрис)»].

ченко, А.И. Маркевич, А.В. Флоровский); исследовалась история отдельных регионов России (Г.И. Перетяткович – Поволжье, С.Л. Авалиани – Кавказ и Закавказье) и Украины: Галицкая Русь (М.П. Смирнов, И.А. Линниченко), Волынь (П.А. Иванов), Слобожанщина (Е.П. Трифилев), Южная Украина (А.И. Маркевич¹, А.В. Флоровский, Е.П. Трифилев и др.), Запорожье (М.Е. Слабченко, Е.А. Загоровский и др.).

Регионалистика была характерна для «киевской школы» В.Б. Антоновича, который давал своим ученикам (а среди них в Новороссийском университете работали И.А. Линниченко, П.А. Иванов, А.С. Грушевский, в Харьковском – Д.И. Багалея, студентом которого был Е.П. Трифилев) разработку истории отдельных регионов Украины. История отдельных земель, или областные исследования, в российской историографии последней трети XIX в. иногда рассматриваются как «областническое направление», истоки которого связывают с именем Е. Болховитинова, а зарождение – с народнической историографией 1860-х гг. К этому направлению относят Н.И. Костомарова, Д.И. Иловайского, А.И. Никитского, Д.А. Корсакова, В.С. Борзаковского и др., а также «киевскую школу» В.Б. Антоновича. Для последней характерно изучение именно истории земель, а не княжеств т.е. выделение в древнерусской истории особого «областного» периода, отличного от удельного, а также привлечение историко-географических, этнографических и археологических данных².

По проблематике ведущими направлениями в исследованиях ученых Новороссийского университета были: изучение истории крестьянства, подготовки, проведения и отмены реформы 1861 г. в России, Закавказье, Украине, ее южном регионе (И.А. Линниченко, Ф.И. Леонтович, Е.П. Трифилев, С.Л. Авалиани, А.В. Флоровский и др.); истории права, законодательных памятников Юго-Западной Руси-России XIV-XIX вв. (И.А. Линниченко, Ф.И. Леонтович); истории Земских Соборов, местничества, земства (С.Л. Авалиани, А.И. Маркевич, Е.П. Трифилев) и др.

Проблематика российской истории нашла свое отражение в

¹ См.: *Попова Т.Н.* А.И. Маркевич о Новороссийском крае // *Воронцовский сборник. Выпуск 3. Сборник научных статей.* Одесса: Студия «Негоциант», 2010. С. 121-126.

² См.: *Михальченко С.И.* П.П. Смирнов об исторической школе В.Б. Антоновича // *Региональная история в российской и зарубежной историографии: Тезисы докладов международной научной конференции.* Ч.1. Рязань, 1999. С. 133-136.

творчестве «всеобщников»: А.Г. Брикнера (иностранцы в истории русской культуры и др.), Е.Н. Щепкина (летописание Древней Руси, Лжедмитрий 1 и др.), П.М. Бицилли («Западное влияние на Руси и Начальная летопись», 1914 и др.).

История общественной мысли, искусства и шире – культуры стала предметом изучения специалистов различной дисциплинарной принадлежности. История идей (сен-семонизм, революционеры-демократы и проч.) стала главной линией научных исследований воспитанника Московского университета, ставшего на короткий срок ординарным профессором Новороссийского университета по кафедре всеобщей истории И.И. Иванова (1906-1907); Р.Ю. Виппер в период своего пребывания в Новороссийском университете (1894-1897) завершил исследование о политических теориях во Франции XVI в. (1897); В.Э. Крусман занимался историей общественно-политической мысли в Англии и Италии XIV-XV вв.; Е.П. Трифильев (1911-1925) писал о В.Н. Каразине и Н.И. Новикове. Проблемы истории искусства – предмет научных интересов Н.П. Кондакова (1867-1888), который с 1870 г. возглавил кафедру теории и истории искусства на факультете. Его труды по истории византийского искусства, художественным и архитектурным памятникам Константинополя, Балканских стран, Кавказа, Малой Азии, Италии и Киевской Руси стали достоянием мировой историографии. Его преемниками на факультете были А.А. Павловский (1891-1913), изучавший античную скульптуру и итальянскую средневековую живопись, Б.В. Варнеке, глубокий знаток истории античной культуры (особенно – истории театра), и М.И. Мандес, выпускник факультета (1891), ученый широкого диапазона (история, историография и источниковедение Древней Греции, философия, проблемы теории и истории искусства и проч.).

История культуры «шла» через призму основной сферы исследований ученых: политической истории у Р.Ю. Виппера («Общество, государство, культура в XVI в. на Западе», 1897) и Е.П. Трифильева («Новые культурные течения в Московском государстве в XVII веке», 1912); византиноведения у Ф.И. Успенского («Очерки по истории византийской образованности», 1892), церковной истории у Н.Ф. Красносельцева, профессора кафедры истории церкви, который обратился к истории христианского искусства; медиевистики и истории исторической мысли у П.М. Бицилли («Элементы средневековой культуры», 1919; «Салимбене. Очерки итальянской

жизни XIII века», 1916 и др.).

Ориенталистика получила развитие в трудах Ф.И. Леонтовича (историко-правовая иудаика), Д.Н. Овсяннико-Куликовского (история Древней Индии, религиозных культов Древнего Востока), А.Л. Коцейовского (египтология). Ученик Б.А. Тураева, пришедший на кафедру всеобщей истории в 1915 г. приват-доцентом, А.Л. Коцейовский защитил в 1917 г. в Харьковском университете диссертацию «Тексты пирамид».

Разработка общеисторической проблематики шла параллельно с исследованиями в области специальных и вспомогательных дисциплин: исторической географии (Ф.К. Брун, Л.В. Воеводский); эпиграфики (В.Н. Юргевич, Ф.А. Струве, А.В. Никитский /«Дельфийские эпиграфические этюды», 1896/ и др.); нумизматики (В.И. Юргевич, А.Г. Брикнер); источниковедения и историографии (А.Г. Брикнер, Ф.И. Успенский, В.И. Модестов /«Тацит и его сочинения», 1864/, М.И. Мандес, А.И. Маркевич и др.); этнографии (А.А. Кочубинский /1871-1907/, А.И. Маркевич); агиографии (И.С. Некрасов, А.В. Рыстенко и др.).

Богатый этнографический материал был представлен А.И. Маркевичем (1880-1995) в докладах, сделанных им на археологических съездах в Одессе, Киеве, Вильне, Риге, Харькове («О работе по южнорусской истории», «Одесса в народной поэзии», «К вопросу о народностях, живших в Черноморье» и др.). В многочисленных публичных лекциях, в научно-популярных статьях в прессе А.И. Маркевич поднимал разнообразные темы: «Малорусские песни в Берлине» («Одесский вестник», 1889, № 219), «Одесса и славянство» («Одесские новости», 1894, № 2954), «Одесса в народной поэзии» («Одесские новости», 1894, № 3047), «Песни об Одессе» («Одесские новости», 1894, № 3135), «Южная Россия при Петре Великом» («Одесский вестник», 1891, № 70, 72, 92, 94, 99), «Южная Русь при императрице Екатерине II» («Новороссийский календарь», 1893, т.2) и др.¹

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Алексей Иванович Маркевич (заметки к биоисториографическому этюду) // Алексей Иванович Маркевич (1847-1903). Биобиблиографический указатель. / Сост.: *В.В. Самодурова, И.В. Максименко*; Науч. ред и автор вступ. ст. *Т.Н. Попова*. Одесса: ОГУ, 1997. С. 15-86; *Она же.* Сюжеты украинской истории и историографии в творчестве А.И. Маркевича (К 100-летию со времени кончины ученого) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2002. Выпуск 4. С. 110-121; *Она же.* Алексей Маркевич // *Історіографічні дослідження в Україні* / Відп. ред. *Ю.А. Пінчук*. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. Випуск 12: *Визначні постаті української історіографії XIX-XX ст.* С. 113-151; *Она же.* Личность и творчество: фрагменты персональной истории профессора Новороссийского университе-

Отличительной чертой научного творчества большинства преподавателей факультета был его краеведческий характер. Во многом это определялось уже сложившейся традицией краеведческих исследований южного региона, истоки которого – в деятельности одного из первых в России и Украине научных обществ – Одесского общества истории и древностей (1839)¹. Эта традиция была закреплена Новороссийским университетом, перед которым при его основании прямо выдвигалась задача крупномасштабных краеведческих изысканий. Северное Причерноморье – Одессина – Одесса – этот четко локализованный объект исследования был в центре внимания научных интересов многих ученых – археологов, этнографов, филологов, «всеобщников» и «отечественников».

Л.Ф. Воеводский изучал вопросы исторической географии южной Украины («Карта древних поселений на юге России», 1884); Ф.К. Брун на протяжении тридцати лет исследовал различные проблемы истории Северного Причерноморья («Черноморье», ч.1-2, 1879-1880 и др.); В.К. Надлер с переходом в Новороссийский университет наряду с германистикой «открыл» вторую линию своего научного творчества – история края и Одессы («Одесса в первые эпохи ее существования», 1893; «К изучению истории города Одессы», 1893 и др.); к этой же теме наряду с византиноведением обратился С.Д. Пападимитриу («Древние сведения об острове Березани», 1909; «Еще раз о местоположении древней Одессы», 1915); А.В. Флоровский фундаментально исследовал проблему крепостного права на основе анализа местных материалов («Из материалов по истории прикрепления крестьян в Южной России», 1911; «Освобождение крестьян по проектам губернских комитетов Новороссийского края», 1921); А.А. Павловский рассмотрел особенности становления археологии в регионе («О южнорусской археологии», 1899), А.И. Маркевич и А.А. Кочубинский изучали фольклор, лингвистические особенности населения южноукраинского региона и др.

Многие из профессоров факультета занимались историей международных отношений: Ф.И. Успенский («Русь и Византия в

та А.И. Маркевича // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Выпуск 10. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. Омск, 2015. С. 107-137 и др.

¹ См.: *Хмарський В.М.* Археографічна діяльність Одеського товариства історії і старожитностей: Монографія. Одеса: Астропринт, 2002. 400 с.

Х в.», 1888; «Сношения Рима с Москвой», 1884, 1885; «Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581-1582 гг.», 1887 и др), Н.П. Кондаков (культурные связи Киевской Руси, Византии, Грузии, Балканских стран и стран Малой Азии и др.), А.А. Кочубинский (история взаимоотношений Российского государства со славянскими народами), А.С. Трачевский (отношения России и европейских стран в XVIII в. – Германии, Австрии, Франции), В.К. Надлер (русско-европейские отношения после наполеоновских войн), М.П. Смирнов (польско-литовские отношения в XIV-XVвв.), Е.Н. Щепкин (русско-европейские отношения в XVIII в., русско-скандинавские отношения в древний период и др.).

Спецификой этой линии научных исследований было то, что «история международных отношений» в XIX в. еще не сложилась в самостоятельное научное направление (как и в научную и учебную дисциплину). Вопросы истории международных отношений обычно разрабатывались в русле основной проблематики научных исследований того или иного ученого. Но, тем не менее, эта линия представляла собой довольно сильную струю в творчестве большинства преподавателей историко-филологического факультета Новороссийского университета.

Новым направлением, органично развивавшимся в контексте общих научных исследований профессуры историко-филологического факультета Новороссийского университета, стало изучение теоретико-методологических и историографических вопросов исторической науки. Методологические и историографические проблемы: о предмете и задачах исторической науки, историческом методе, специфике исторического познания, об истории становления отдельных отраслей исторического знания, истории разработки конкретно-исторических сюжетов и др. поднимались в работах А.Г. Брикнера («О главных задачах исторической науки», 1868), А.С. Трачевского («Современные задачи исторической науки», 1879), Н.П. Кондакова («Наука классической археологии и теория искусств», 1872), П.М. Ардашева («Психология в истории», «История как наука», «Прогресс в исторической науке», 1904), Е.Н. Щепкиной («Вопросы методологии истории», 1905), Г.Е. Афанасьева («О образовательном значении истории», 1907), А.А. Павловского («Значение и успехи классической археологии», 1892), А.А. Кочубинского («Начальные годы русского славяноведение»,

за которую автор в 1890 г. был удостоен премии Макария), А.И. Маркевича («Историческая критика в трудах новейших русских историков», 1880) и др.

Ремарка-цитата. *П.М. Бицилли:* «Прояснение самосознания исторической науки идет параллельно с развитием самой науки и служит хорошим показателем этого развития...»¹.

Среди историографических публикаций значительную часть составляли биоисториографические исследования – персоналии ученых-историков. Это были биографические очерки, речи, юбилейные статьи, некрологи, воспоминания (подчас с библиографическими приложениями), в которых давался анализ историографического наследия того или иного ученого, его исторической концепции, вклада в науку².

Особая роль в историографических исследованиях принадлежала первым обобщениям по истории исторической науки в Одессе и Новороссийском университете, истории самого университета. Эта тема стала предметом специальных работ Ф.К. Бруна («30-летие Одесского общества истории и древностей, его записки и архивные собрания», 1872), В.Н. Юргевича («Исторический очерк 50-летия Одесского общества истории и древностей. 1839-1889», 1889), А.И. Маркевича («Двадцатипятилетие Имп. Новороссийского университета», 1890), М.Г. Попруженко («Императорский Новороссийский университет / по поводу 50-летия его существования /», 1915) и др.³.

Научная работа была тесно связана с учебной. Курсы лекций теоретического характера читались на факультете с 1860-х гг. (А.Г. Брикнер «Энциклопедия и методология истории», «Историческая критика», 1867/68). С 1880-х гг. т.н. «предваряющие» курсы («Обзоры», «Ознакомления», «Введения» и проч.), в которых рассматривались вопросы теории и методологии исторической науки в

¹ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Казановича. СПб.: Аxioma, 2012. С.283.

² См.: *Успенский Ф.И.* Ф.К. Брун. Одесса, 1881. 50 с.; *Попруженко М.Г.* Обзор учебной деятельности Ф.И. Успенского и значение ее в истории русской науки: Доклад, сделанный 3.XI.1911 на заседании Историко-филологического общества; *Линниченко И.А.* А.И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов. Одесса, 1904 и др. См подробнее: *Попова Т.М., Мирошниченко В.О.* Біоісторіографія в історико-краєзнавчих дослідженнях // Історія України. Маловідомі імена, події, факти. (Збірник статей). Випуск 6. Київ, 1999. С. 261-264 и др.

³ См.: *Попова Т.Н.* К вопросу о дисциплинарной истории историографии (на материалах Новороссийского университета) // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2010. Выпуск 12. С. 174-187.

целом или конкретной дисциплины, давался анализ источников и литературы стали правилом в преподавательской деятельности Ф.И. Успенского, Г.И. Перетятковича, А.И. Маркевича, А.А. Кочубинского и др.

В начале 900-х гг. складываются самостоятельные курсы по историографии и методологии истории Г.И. Перетятковича («Русская историография», 1907); И.А. Линниченко («Историография русской истории и обзор источников», 1908); Е.Н. Щепкина («Методология истории», 1904); П.М. Бицилли («История историографии», 1918); Е.Н. Трифилева («Русская историография», 1912)¹; В.Э. Крусмана («Главные обобщения новой истории», 1912; «Общий очерк вспомогательных наук истории /Курс методологический/», 1913; «Общая теория истории», 1916); К.П. Добролюбского («Западно-европейская историография», 1920) и др., постепенно превращая Новороссийский университет в «историографический инкубатор»², подаривший науке историографов первой величины – О.Л. Вайнштейна и Н.Л. Рубинштейна, из которых «вышла» вся наука историография советского времени, соединившая дореволюционные и современные традиции историографических исследований.

Монографии и диссертации являлись органическим продолжением читаемых лекций. Курсы лекций выходили не просто в форме компендиума, но представляли собой новаторские, монографического уровня исследования³.

История была в сфере научных интересов профессоров и преподавателей других факультетов и кафедр университета, а также историков, этнографов и археологов, не работающих на штатных университетских должностях, но читавших лекции в качестве

¹ Об Е.П. Трифилеве см.: *Попова Т.Н.* Из истории Новороссийского университета: Е.П. Трифилев. К 140-летию со дня рождения (биоисториографический контур) // Проблемы славяноведения: Сборник научных статей и материалов. Выпуск 9. Брянск: Изд-во БГУ, 2007. С. 42-62; *Она же.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. С. 197-221. [Раздел: «Евгений Парфентьевич Трифилев: рядовой исторической науки»].

² *Корзун В.П.* [Рец.:] Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25 / 2. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 395.

³ См.: *Кондаков Н.П.* История византийского искусства. Одесса, 1880; *Перетяткович Г.И.* Поволжье в начале XVII в. // Записки Новороссийского университета. Т. 32. 1882. С. 1-404; *Маркевич А.И.* О летописях. Из лекций по русской историографии // Записки Новороссийского университета. Т.36. 1883. Часть ученая. С.73-260; *Трачевский А.С.* Русская история. СПб., 1885; *Бицилли П.М.* Падение Римской империи. Одесса, 1918. 104 с. и др.

внештатных преподавателей или сотрудничавших с историко-филологическим факультетом как через личные контакты, так и через участие в научных обществах и испытывавших в том или ином плане влияние профессуры историко-филологического факультета.

На юридическом факультете учились и работали многие ученые, вошедшие в историю отечественной исторической науки – Ф.И. Леонтович¹, М.Е. Слабченко, В.А. Косинский, А.С. Синявский² (ученик В.Б. Антоновича, одним из первых обратившийся к исследованию таких этнических групп региона, как гагаузы и чеченцы). Юристы слушали лекции А.Г. Брикнера, М.П. Смирнова, А.И. Маркевича и др. Историко-правовая проблематика (изучение в различных аспектах актового материала и законодательных памятников) составляла значительный пласт в изысканиях многих исследователей.

С.Л. Авалиани, ученик И.А. Линниченко, выпускник Новороссийского университета, первым в региональной историографии рассмотрел проблему крестьянских восстаний, разрабатывал тему земства («К пятидесятилетию земства», 1914). А.А. Скальковский (1808-1898), чиновник различных ведомств управленческой структуры края, тесно сотрудничавший со многими профессорами историко-филологического факультета – членами ООИД, непрофессиональный ученый, не только стал одним из самых значительных историков Южной Украины и запорожского казачества, но и своей археографической деятельностью способствовал формированию местных архивных фондов, публикации значительного корпуса ценнейших источников по истории Украины и ее южного региона³.

Широкий диапазон научной проблематики, отличавший профессоров и выпускников историко-филологического факультета (для которых было характерно изучение проблем как всеобщей, русской, так и украинской истории; не только специально исторические, но и литературоведческие, искусствоведческие, социоло-

¹ Музичко О. Историк Федір Іванович Леонтович (1833-1910): Життя та наукова діяльність. Одеса: Астропринт, 2005. 208 с.

² См.: Білокін С. Антін Синявський та його доба // Антін Синявський. Вибрані праці. Київ: Наукова думка, 1993. С. 3-32.

³ См.: Хмарський В.М. З історії розвитку археографії на Півдні України: Аполон Скальковський // Записки історичного факультету. Випуск 6. Одеса: ОГУ, 1998. 319 с.; Новікова Л.І. «Історіограф» Аполлон Скальковський: інтелектуальна апологія імперської політики та регіональної історичної самобутності: Монографія. Одеса: Одеський національний університет, 2012. 463 с.

гические, философские изыскания, выработка новых, оригинальных методов исторического исследования), во многом был обусловлен спецификой интер-контактов.

Система подготовки специалистов-историков на факультете (а это было характерно для университетского исторического образования данной эпохи в целом) осуществлялась в условиях относительной дифференциации исторических, филологических (лингвистических, литературоведческих), археологических и отчасти философских исследований.

На становление молодых ученых оказывали свое влияние преподаватели разных кафедр. У многих из них дисциплинарная самоидентификация не проявилась еще в достаточно отчетливых формах. Учителями М.Г. Попруженко были Ф.И. Успенский, возглавлявший кафедру всеобщей истории, и А.А. Кочубинский, профессор славянской филологии, сменивший на этой кафедре В.И. Григоровича. Г.Е. Афанасьев, непосредственный ученик А.Г. Брикнера, признавал, тем не менее, большое влияние, которое оказал на него В.И. Григорович. И.М. Бондаренко (1910-1911) формировался как историк под влиянием Е.Н. Щепкина, но тесно сотрудничал с И.А. Линниченко (кафедра русской истории); К.П. Добролюбский в аспирантуре работал с В.Э. Крусманом, Е.Н. Щепкиным, испытал влияние П.М. Бицилли, но «медальную работу» по историографической тематике выполнил под руководством Е.П. Трифильева и др. Еще больший симбиоз взаимовлияний был характерен для подготовки специалистов по истории Древнего мира, антиковедов.

Выпускники столичных и иных университетов России и Европы с переездом в Одессу, сохраняя особенности своей научной подготовки, приносили в Новороссийский университет традиции тех центров, в которых они получили профессиональное образование. Однако на «местной почве» рождались новые направления и формировались самобытные научные школы.

В.И. Григорович, выпускник Харьковского университета, прошедший стажировку в Дерптском и работавший в Казанском университете, приехал в Одессу уже сложившимся ученым-славистом. Но именно в Новороссийском университете им было создано самобытное направление, объединившее славяноведение и византиноведение. Ф.И. Успенский, безусловно, привнес традиции Санкт-Петербургского университета, но с Новороссийским

университетом связан первый период в формировании его школы – первой российской и отечественной школы византиноведения. От В.И. Григоровича и Ф.И. Успенского пошла линия М.Г. Попруженко, испытавшего также влияние и А.А. Кочубинского (в большей мере филолога, нежели историка), сумевшего укрепить и придать кафедре славянской филологии Новороссийского университета свое лицо, привнести традиции *alma mater* в Софийский университет¹.

Московская школа первого «новиста» В.И. Герье² дала Одессе целую плеяду ученых: Р.Ю. Виппера, И.И. Иванова, П.М. Ардашева, Е.Н. Щепкина. Каждый из них внес свой вклад в развитие науки новой истории в России и Украине. В.К. Надлер сложился как «германист» в Харьковском университете, перенесся из него в Одессу и некоторые традиции славяноведения Харьковского университета (влияние П.А. Лавровского и др.). Э.Р. фон Штерн, воспитанный на традициях Дерптского и Лейпцигского университетов, именно в Одессе создал свою школу археологов-античников, из которой вышли такие ученые как Б.В. Фармаковский, М.Ф. Болтенко, румынский ученый П. Никореску, М.И. Мандес и др.

А.Г. Брикнер, формируя кафедру всеобщей истории на факультете, осуществляя научное руководство своих подопечных – «профессорских стипендиатов», опирался на научные традиции Гейдельбергского, Йенского и Санкт-Петербургского университетов.

И.А. Линниченко, ученик В.Б. Антоновича, выпускник Университета св. Владимира, сформировал свою оригинальную школу, которую составили: С.Л. Авалиани, В.А. Вахевич, А.В. Флоровский, Е.А. Загоровский, М.Е. Слабченко, П.Г. Клепатский, Д.Г. Атлас и др.³ – личности разноплановые, с неоднотипным строем мышления и широкой исследовательской проблематикой.

Е.П. Трифильев, ученик П.Н. Буцинского, привнес в Одессу традиции харьковской школы историков, но сумел обрести свое

¹ См.: Българо-руски научни връзки. XIX-XX век. София, 1968; *Павленко В.В.* Вчені з України в Болгарії. 1917-1941 рр. // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. Випуск 3. Київ, 1993. С. 57-66 и др.

² См.: *Иванова Т. Н.* Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары: изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 382 с

³ См.: *Музичко О.* Книга та слово: історик І.А. Линниченко у культурному та громадському житті України кінця XIX – першої чверті XX ст. / Наук. ред. В.М. Хмарський. Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2016. 426 с.

индивидуальное лицо исследователя, соединив изучение Слобожанщины и Одесщины. Свою лепту в развитие украинистики в Новороссийском университете внес А.С. Грушевский, брат М.С. Грушевского, ученик В.Б. Антоновича и В.С. Иконникова. М.Е. Слабченко¹, испытал влияние И.А. Линниченко, воспитал уже в 1920-е гг. в Одессе новую генерацию историков Украины.

* * *

В начале XX века на историко-филологическом факультете Новороссийского (Одесского) университета курсы по всеобщей истории² читались Е.Н. Щепкиным, Ф.В. Режабеком, И.И. Ивановым, В.Э. Крусманом и др.

Е.Н. Щепкин «являлся одной из наиболее крупных и интересных личностей в общественной, культурной и научной жизни Одессы начала нашего столетия», писал о нем Н.Л. Рубинштейн³. В большей степени Е.Н. Щепкин известен как общественный деятель. Однако не менее, а возможно, более важен его вклад в историю исторической науки и исторического образования. Он был оригинальным, с широким диапазоном исследовательских интересов ученым и новатором в преподавании истории как в высшей, так и в средней школе.

Своей научной школы Е.Н. Щепкин не создал, но оказал огромное влияние на своих фактических учеников – П.М. Бицилли, И.М. Бондаренко, Н.Л. Рубинштейна⁴, О.Л. Вайнштейна, К.П. Добролюбского и др. Ученик профессора Московского университета В.И. Герье, общепризнанного «пионера» в постановке преподавания всеобщей истории в России (он первым ввел систематические семинарии «по германскому образцу»), практические занятия, чтение разнообразных

¹ Заруба В.М. Историк государства и права Украины академик М.Е. Слабченко (1882-1952): Монография. Днепропетровск: ЧП «Лири ЛПД», 2004. 456 с.

² Дьомін О. Вивчення та викладання всесвітньої історії в Одесі в XIX-XX ст. // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Випуск 15. Серія: Історичні науки. Номер 1. Чернігів, 2002 и др.

³ Рубинштейн Н.Л. О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 92.

⁴ Н.Л. Рубинштейн – ученик А.В. Флоровского, признавал, тем не менее, влияние, оказанное на него Е.Н. Щепкиным.

специальных курсов)¹, Е.Н. Щепкин, будучи в 1890-х гг. в научных командировках в ряде стран Европы, ознакомился с системой университетского образования в Берлине и Вене. В своих статьях (о преподавании всеобщей истории в Венском университете, о Л. фон Ранке и др.), опубликованных российской периодикой в эти же годы, Е.Н. Щепкин попытался осмыслить опыт европейских университетов и возможности его использования в университетах Российской империи. С октября 1898 г. он был переведен из Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (в котором проработал, фактически, один семестр)² на должность и. д. экстраординарного профессора (хотя магистерскую диссертацию защитил в Московском университете только в 1903³) на кафедру всеобщей истории Новороссийского университета. Еще при вступлении в должность приват-доцента на кафедру всеобщей истории Московского университета в 1892 г., Е.Н. Щепкин прочитал две обязательные вступительные лекции (по собственной теме – «Иерусалимские ассизы» и по теме, предложенной факультетом, – «Афинская партия в эпоху Македонского завоевания»), содержание которых свидетельствовало о понимании автором структуры университетской лекции – анализ источников и критическое осмысление литературы по рассматриваемым проблемам⁴.

В Новороссийском университете на кафедре всеобщей истории Е.Н. Щепкин работал до апреля 1906 года, затем был уволен и вернулся в университет лишь в мае 1917 года. В это время, наряду с общественной и политической деятельностью, Е.Н. Щепкин преподавал на Одесских высших женских курсах, где с 1914 года был деканом историко-филологического факультета; с 1916 года – в Ново-

¹ См.: *Бутенок В.* Наука новой истории в России (Историографический обзор) // *Анналы.* 1922. № 2. С. 130. См. подробнее: *Максименко Л.В., Попова Т.М.* Щепкин Евгений Николаевич // *Профессори Одесского (Новороссийского) университета. Биографический словарь.* Том 4. Р-Я. Одеса: Астроприн, 2000. С. 396-400; *Попова Т.М.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 180-196. [Раздел «Евгений Николаевич Щепкин: жизнь как тахіма»]; Историк Євген Миколайович Щепкін (1860-1920): постать в контексті доби. Матеріали міжнар. наук. конференції «IV Історіографічні читання», присвяч. 150-й річниці з дня народження професора Є.М. Щепкіна (21-22 травня 2010 р.), м. Одеса / Одеськ. нац. ун-т ім. І.І. Мечникова, істор.ф-т. Відп. ред. *В.М. Хмарський*; науков. ред. *Т.М. Попова.* Одеса, 2012 и др.

² См.: Историко-филологический институт кн. Безбородко в Нежине. 1875-1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900. С.72.

³ См.: Диспут Е.Н. Щепкина // *Исторический вестник.* 1903. № 3. С. 1205-1206; *Московские вести // Русские ведомости.* 1903. 21 января.; *Университетские известия // Московские ведомости.* 1903. 21 января.

⁴ См.: Историческое обозрение. 1892. Т.57. С. 227-231.

российском частном Международном институте, учрежденном Л.П. Вертинским, и проч. Возглавив кафедру всеобщей истории, Е.Н. Щепкин подготовил значительное количество курсов лекций, разнообразных по проблематике и отраслевой специфике. Это – общие и специальные курсы по античной, средневековой и новой истории Европы; истории всеобщей и западно-европейской литературы XVIII века; истории международных отношений, истории культуры, истории философии, методологии истории, источниковедению, социологии, политэкономии, статистике XIX века, исторической хронологии, западно-европейской палеографии, этнографии и др.

Преподавательская работа отвлекала Е.Н. Щепкина от научных изысканий, но в одном из писем к матери он очень точно определил специфику учебной работы университетского преподавателя: «...лекции – не уроки, от них умнеешь, а не тупеешь...»¹.

Особый интерес к истории Французской революции XVIII в. нашел свое отражение в постановке практических занятий: Е.Н. Щепкин разбирал со студентами законодательные памятники эпохи революции и затем читал специальный курс, в котором анализировал сочинения А. Олара, А. Токвиля, А. Сореля и др.

«Персональный маршрут» Щепкина-исследователя характеризовался тем, что он был одним из немногих специалистов, которые в равной мере владели научной базой европейской и российской истории. Его работы – специалиста-«всеобщника» – по сюжетам традиционно российским (история Семилетней войны, Лжедмитрий 1, ряд проблем истории Киевской Руси и проч.) основывались на комплексе источников российского и западно-европейского происхождения, сравнительный анализ которых позволял Евгению Николаевичу предлагать новую трактовку казалось бы хрестоматийных вопросов².

С 1888 г. по 1906 г. курсы по средневековой истории на факультете вел Ф.В. Режабек, чех по национальности, окончивший

¹ См.: Государственный исторический музей (Москва). Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ). Ф. 276. Оп. 1. Д. 109. Л. 27. См.: *Максименко И.В., Попова Т.Н.* Евгений Николаевич Щепкин: известные и неизвестные грани личности // Евгений Николаевич Щепкин (1860 - 1920): Библиографический указатель / Сост.: И.В. Максименко, В.В. Самодурова; Науч. ред. Т.Н. Попова. Одесса, 1998. [Материалы из фондов центральных архивов подготовлены Ириной Максименко (Авериной)].

² См. об этом подробнее: *Ульяновский В.И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий 1. Киев: Либідь, 1993; *Стельмах С.* Исторична наука в Україні епохи класичного історизму: XIX – початок XX століття. Київ: ВПЦ «Київський університет», 2005 и др.

Николаевскую гимназию и в 1884 г. историко-филологический факультет Новороссийского университета. С 1906 г. он перешел на должность и. д. экстраординарного профессора в Институт кн. Безбородко в Нежин. На практических занятиях по истории средних веков Ф.В. Режабек (в то время – приват-доцент, магистрант) стремился дать студентам «наглядное понятие об одном из главных видов средневековой западноевропейской историографии, именно – о всемирных хрониках...»: в данном случае автор анализировал «Историю франков» Григория Турского. Студенты должны были определить типологические черты, специфику этого памятника историографии, причины и цели его создания, основные концептуальные идеи автора, источники его сведений. На занятиях также обсуждался коллективно подготовленный реферат на тему: «Известия Тацита об аграрных порядках германцев и объяснение этих известий новейшими учеными». Студенты сопоставляли взгляды на эту проблему Н.Д. Фюстель-де-Куланжа, М.М. Ковалевского и других историков, разбирали систему их аргументации¹.

С 1907 по 1909 г. кафедра всеобщей истории переживала кризис: был уволен Е.Н. Щепкин, в Нежинский историко-филологический институт князя Безбородко перешли приват-доцент Ф.В. Режабек и ординарный профессор И.И. Иванов².

В течение 1907/08 академического года курсы по всеобщей истории вынужден был вести сам декан факультета, ординарный профессор по кафедре классической филологии Э.Р. фон Штерн³. По его инициативе с сентября 1908 года на кафедру был приглашен в качестве приват-доцента магистрант Санкт-Петербургского университета В.Э. Крусман⁴. Молодой и перспективный ученый, представитель авторитетной научной школы, рекомендованный Э.Р. фон Штерну его

¹ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1904-1908 гг. Одесса, 1909. С.6-7, 177-178.

² И.И. Иванов, ученик В.И. Герье и Н.И. Стороженко, в течение 1906-1907 учебного года вел курсы по средневековой, новой и новейшей истории в Новороссийском университете; в сентябре 1907 г. он был назначен директором Историко-филологического института кн. Безбородко, а с 1913 г. вернулся в Московский университет, в котором и начал свою преподавательскую деятельность еще с 1893 г.

³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 54.

⁴ См.: *Попова Т.Н.* О преподавании историографии всеобщей истории в Новороссийском университете в начале XX века // Актуальные проблемы исследования и преподавания новой истории стран Западной Европы и Америки. Одесса: ОГУ, 1992. С. 37-42. Это первая публикация автора, в которой был в сжатом виде систематизирован материал о П.М. Бицилли, Е.Н. Щепкине, Ф.В. Режабеке, В.Э. Крусмане и др.

учителями – И.М. Гревсом и Г.В. Форстеном, был достаточно привлекательной кандидатурой для восстановления былой репутации «всеобщников» Новороссийского университета. Среди корифеев кафедры всеобщей истории – профессора А.Г. Брикнер, Ф.К. Брун, А.С. Трачевский, Ф.И. Успенский, П.Н. Ардашев, Р.Ю. Виппер и др.¹

П.М. Бицилли и В.Э. Крусман – одноклассники. Однако первый в 1908-1910 годах еще «профессорский стипендиат», а второй в это время – ведущий преподаватель кафедры, воспитанник столичной научной школы. Это с самого начала определило их взаимоотношения: дружеские, но в качестве «наставника» выступал В.Э. Крусман. Молодой дуэт «всеобщников» ориентировался на Е.Н. Щепкина. Лишившись возможности работать в университете из-за политической карьеры, он по-прежнему оставался авторитетной фигурой в научной и общественной жизни города, а его преподавательская деятельность реализовывалась в других высших учебных заведениях Одессы и, в первую очередь, на Одесских высших женских курсах, где укрепилось сообщество «всеобщников».

Э.Р. фон-Штерн еще 18 июля 1908 года ходатайствовал о назначении профессорского стипендиата П.М. Бицилли постоянным преподавателем на Одесские высшие женские курсы. По его настоянию попечителем был сделан специальный запрос в министерство народного просвещения. 20 ноября 1908 года по предложению Е.Н. Щепкина Совет историко-филологического факультета женских курсов принял решение о приглашении П.М. Бицилли в качестве «стороннего преподавателя» (внештатного) для проведения практических занятий по всеобщей истории (результаты баллотировки: 9 голосов – «за», 1 – «против»).

24 января 1909 года попечитель разрешил «временно» утвердить П.М. Бицилли преподавателем Одесских высших женских курсов (ОВЖК). Это был первый прецедент, когда профессорский стипендиат, еще не сдавший магистерские экзамены, стал преподавателем курсов².

¹ См.: *Апатов С.И., Демин О.Б., Першина З.В.* Историческая наука в Одессе за 200 лет // Очерки развития науки в Одессе. Одесса: Сборник статей. Одесса: НАНУ, Южный научный центр, 1995. С. 450-491; Профессоры Одесского (Новороссийского) университета. Біографічний словник. Т. 1-4. Одеса: Астроприн, 2000, 2005 и др.

² ГАОО. Ф. 45. Оп. 35. Д. 479. Л. 50, 52-53, 55; Ф. 45. Оп.19. Д. 50. Л. 26; Ф. 334. Оп. 3 (111ч.). Д. 7529. Л. 67; Ф. 334. Оп. 4. Д. 26. Л. 9-11; Ф. 334. Оп. 3. Д. 7658. Л. 48; Ф. 333 Оп.3 (1 ч.). Д. 7539. Л. 96-97.

С 24 января 1910г. П.М. Бицилли уже в составе членов историко-филологического факультета ОВЖК¹, на которых он проработал до последних месяцев своего пребывания в Одессе. Среди его учениц – Н.Л. Гурфинкель, дочь известного одесского врача Л.М. Гурфинкеля. П.М. Бицилли был преподавателем Н.Л. Гурфинкель еще в гимназии, а затем на женских курсах. Высшее образование она получила уже в Одесском институте народного образования в 1922 году; работала под руководством Б.В. Варнеке. В 1920-е годы Н.Л. Гурфинкель выехала из СССР и большая часть ее жизни прошла в Париже. Она принимала активное участие в общественной жизни российской эмиграции, состоялась как прекрасный литературовед и театровед, участвовала в организации изданий русской классики и работ ученых-эмигрантов. Н.Л. Гурфинкель поддерживала отношения с П.М. Бицилли, называя его своим «духовным наставником», раскрывшим ей «новые горизонты»².

П.М. Бицилли стал приват-доцентом (1911) «по приглашению факультета» и читал так же, как и В.Э. Крусман, «обязательные» курсы. Поэтому его жалование соответствовало жалованию штатного преподавателя – 1600 рублей в год; кроме того, он получал 400 рублей т.н. «квартирных»³ и 400 рублей «столовых». Одновременно он читал лекции в Политехническом институте и продолжал работать в женских гимназиях (О.С. Белен-де-Баллю и с 1913 г. – О.В. Кандыба и др.)⁴.

* * *

В 1912 году намечается первая командировка П.М. Бицилли за границу, однако, из-за болезни (весной 1912 г. он перенес

¹ Памятная книжка Одесского учебного округа на 1912/13 год. Часть 1. Одесса, 1913. С. 30.

² ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 479. Л. 50-55; Ф. 45. Оп. 19. Д. 50. Л. 26; Ф. 334. Оп. 3 (Ш ч.). Д. 7529. Л. 67; Памятная книжка Одесского учебного округа на 1912/1913 год. Часть 1. С. 30; О Н.Л. Гурфинкель см.: *Бирман М.А.* Н.Л. Гурфинкель – переводчик и издатель трудов П.М. Бицилли // Русское еврейство в зарубежье. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Том 5 (10) / Составитель, главный редактор и издатель М. Пархомовский. Иерусалим, 2003. С. 33 – 40; *Он же.* Нина Гурфинкель (1898-1984) – театровед // Русское еврейство в зарубежье. Том 3 (8). Русские евреи во Франции. Кн.1. Иерусалим, 2001. С. 388-396.

³ Этот факт свидетельствует о том, что в это время П.М. Бицилли жил на съемной квартире. Адрес нам пока неизвестен.

⁴ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 15, 44, 69-73.

тиф¹⁾ – откладывается. В 1913-1914 годах он побывал в научных командировках в Западной Европе, работал в архивах и библиотеках Германии, Франции, Италии по программе, обстоятельно составленной для него В.Э. Крусманом²⁾.

В мае 1913 года П.М. Бицилли был «произведен за выслугу лет в чин надворного советника»; 31 октября 1913 года получил светло-бронзовую медаль в память 300-летия Дома Романовых; в июне 1914 года был представлен к награждению орденом Св. Станислава III степени. В Формулярном списке о службе, как и в Curriculum vitae – автобиографии, написанной им 5 октября 1918 года нет никаких упоминаний об участии в студенческих волнениях 1902-1904 годов и исключениях из университета³⁾.

В мае 1917 года П.М. Бицилли защитил в Петроградском университете магистерскую диссертацию (официальными оппонентами были И.М. Гревс и Д.К. Петров, неофициальным – Л.П. Карсавин) и 4 сентября того же года по рекомендации В.Э. Крусмана⁴⁾ был избран штатным доцентом (24 июля 1917 г. Временное правительство восстановило должность штатного доцента, которая была упразднена Уставом 1884 г.), получив за пятилетний стаж работы в университете прибавку к жалованию – 350 рублей⁵⁾.

В апреле 1918 года Советом Саратовского университета П.М. Бицилли был избран на должность ординарного профессора⁶⁾, занять которую ему не пришлось. Годы гражданской войны, частая смена власти в Одессе не только нарушили привычный уклад жизни, разрушая старый мир, но и наложили свой отпечаток на академическую карьеру.

В сентябре 1918 года на основании рекомендации и пространного положительного отзыва уже «красного» профессора Е.Н.

¹⁾ ГАОО. Ф. 45. Оп.5. Д.1254. Л.1.

²⁾ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 62-63; Оп. 5. Д. 1254. Л. 1. М.А. Бирман на основании воспоминаний Е.А. Ивановой-Аначковой сообщает о том, что одна из поездок была семейной – с женой и дочерью (вероятно, приемной – Анной). См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С.45. Вопрос о количестве и сроках поездок / командировок П.М. Бицилли в Европу требует дополнительных документальных подтверждений.

³⁾ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 2, 23.

⁴⁾ ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д. 119. Л. 21-21 а.

⁵⁾ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 44-45.

⁶⁾ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 23-24.

Щепкина было начато «дело» об избрании П.М. Бицилли профессором кафедры всеобщей истории. В краткий период советской власти в этот раз процедура избрания на новую должность не была завершена. С 1 мая 1919 года в связи с реформами высшей школы, которые проводились во второй период установления советской власти в Одессе (весна - лето 1919 г.), прежние должности и звания были упразднены и П.М. Бицилли, как и его коллеги, сначала стал «преподавателем Высшей школы г. Одессы», а 24 мая 1919 года по предложению факультета, утвержденному 30 мая 1919 года комиссаром университета, – профессором Высшей школы⁷.

С приходом в Одессу Белой армии в университете восстанавливаются прежние порядки. По представлению факультета [все тому же представлению, с теми же рекомендациями и пакетом документов! – Т.П.] П.М. Бицилли по приказу № 304 от 11 октября 1919 года Управления народного просвещения, действующего при Особом Совецании при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России был утвержден с 6 сентября 1919 года и. д. экстраординарного профессора [исполняющим должность т.н. «младшего» профессора. – Т.П.] по кафедре всеобщей истории доживающего свои последние месяцы Новороссийского университета. За этим приказом П.М. Бицилли пришлось в октябре 1919 года ехать в город Ростов-на-Дону, где находилась Ставка Главнокомандующего и Управление народного просвещения. 18 октября он подал ректору прошение об отпуске на срок до начала второго академического полугодия 1919/1920 учебного года для поездки в Ростов-на-Дону по вызову Управляющего Народного Просвещения⁸.

Работа в университете «спасла» молодого преподавателя от фронта: 31 мая 1917 г. П.М. Бицилли получил удостоверение университета, в котором говорилось о том, что он читает «обязательные курсы лекций» и на основании 5 п. 98 ст. Устава о воинской повинности (1915 г.) освобождается от призыва в армию. 16 апреля 1919 г. Петр Михайлович опять был освобожден от призыва в действующую армию, теперь уже – Красную⁹.

* * *

⁷ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 10.

⁸ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 10-12, 17; Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.

⁹ ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1119. Л.15-16, 42.

За этой внешней канвой – интенсивная учебная и научная деятельность университетского (в первую очередь!) преподавателя. В 1911-1919 годах П.М. Бицилли разработал и читал разнообразные курсы: пропедевтические – своеобразное введение в изучение исторических дисциплин для студентов университета и слушательниц Одесских высших женских курсов; общие – по истории Востока (1913) и истории Рима (1917-1918), по истории средних веков; специальные курсы: «Введение в изучение средневековой исторической литературы», «Культура романских стран в эпоху крестовых походов», «Романизация и римская культурная традиция в средневековой Европе», «"Божественная Комедия" Данте как источник истории Италии и Папства», «Европейская политика во второй половине XIII в.», «История историографии» (1917 / 1918 г.)¹. На практических занятиях по истории средних веков изучал со студентами источники по истории итальянской Коммуны XIII-XIV вв. (1919) и др.

П.М. Бицилли начал преподавательскую деятельность в то время, когда в российских университетах уже сложилась система разнообразных видов учебной работы: лекции, практические занятия, семинары и проч. В Новороссийском университете был накоплен к началу XX века солидный опыт проведения практических занятий и семинаров в научно-педагогической деятельности А.Г. Брикнера, А.И. Маркевича, Ф.И. Успенского, Е.Н. Щепкина, Ф.В. Режабека и других профессоров и преподавателей факультета.

В 1912/13 учебном году на практических занятиях по истории средних веков П.М. Бицилли изучал со студентами историю французских городских общин. По его плану студенты должны были читать и комментировать тексты французских городских хартий. Однако все, записавшиеся на эти занятия, плохо владели латинским языком: сказалась ситуация на кафедре, отсутствие штатных преподавателей и как следствие этого – несистематическая работа со студентами. Молодому преподавателю пришлось ограничиться только одной формой работы в аудитории: чтением и переводом текстов.

В следующем году Петр Михайлович выдвинул новую тему – «Университетская жизнь в средние века». Эта тема привлекла студентов: на занятия записалось значительно больше человек. Сту-

¹ К сожалению, текст этого курса, как и тексты других (неопубликованных) лекционных курсов П.М. Бицилли, выявить пока не удалось.

денты не только проявили интерес к теме, но и показали более глубокие знания латинского языка. Это позволило П.М. Бицилли усложнить программу занятий, которая предусматривала как работу с источниками, так и написание и обсуждение рефератов. Студенты читали и переводили трактат Роберта Сорбонского «De Conscientia» – важнейший источник по вопросу о постановке экзаменов в Парижском университете. Затем происходила предварительная разработка тем рефератов. «Подбирая темы, – объяснял П.М. Бицилли, – я заботился о том, чтобы все рефераты в совокупности дали по возможности полную картину происхождения и развития университетского строя в средние века. Слушателям, владеющим хорошо латинским языком, были предложены для разработки темы на основании источников; для прочих – подобраны вопросы, могущие быть выясненными при помощи пособий»¹.

Тематика рефератов включала рассмотрение таких вопросов, как «Происхождение высшего преподавания в Париже», «Развитие Парижской университетской организации», «Устройство Оксфордского университета с доминиканцами в 1311 г.», «Парижский университет как корпорация», «Быт немецкого студенчества», «Средневековый университетский строй и гуманисты». Последующие занятия предусматривали изучение истории итальянских университетов.

С 1914 года Петр Михайлович занимался со студентами чтением и комментированием «Салической правды» и других законодательных памятников западноевропейского средневековья. В 1915 году в семинаре П.М. Бицилли работало до пяти студентов, среди них – будущие известные советские историки и историографы Н.Л. Рубинштейн и О.Л. Вайнштейн.

На занятиях изучали монастырское хозяйство и крестьянство раннего средневековья, рассматривали вопросы о происхождении частной поземельной собственности и образовании крупных земельных владений по материалам «Капитулярия о виллах» и «Полиптиха аббата Ирминона». Тексты источников переводили с латыни, разбирали их содержание. Изучение источников сопровождалось анализом трудов Фюстель де Куланжа, Ж. Флакка, П.Г. Виноградова, Д.М. Петрушевского, И.Д. Удальцова, Ф. Мейтленда, К.Т. Инама-Штернегга и др.².

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 555. Л. 21-22.

² Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университе-

Н.Л. Рубинштейн, вспоминая о своих студенческих годах, писал о П.М. Бицилли и В.Э. Крусмане: ««Всеобщники»... имели определенное научное лицо, исследовательскую направленность и тем самым будили научную мысль»¹. Они не читали «общих курсов» в собственном смысле слова, а читали под видом общих – специальные курсы, приучая студентов работать непосредственно с источниками и монографической литературой. В конце года студенты аттестовались по материалам прослушанных лекционных курсов, а собственно «общий курс» сдавался на государственном экзамене.

Н.Л. Рубинштейн отмечал особую методику чтения лекций, которая была характерна для преподавательского стиля «всеобщников»: «...они словно вслух думали, размышляли в аудитории, находясь как бы в поисках непосредственного общения со слушателями, давая возможность прямо воспринимать, видеть и чувствовать живое движение своего научного мышления»².

С каждым годом увеличивалась популярность П.М. Бицилли как лектора и в университете, и на женских курсах. Его практические занятия и просеминарии привлекали студентов, помогая им усвоить профессиональные навыки исследовательской деятельности. В.Э. Крусман считал «ученый характер Бицилли вполне самостоятельным»³.

Одновременно с учебной шла интенсивная научная работа. За 1912-1919 годы П.М. Бицилли издал разнообразные по проблематике и жанровой специфике труды: монографии, курсы лекций, статьи, рецензии. Эти работы, писал позже В.Э. Крусман, обладают ценными научными достоинствами: их автору свойственна «чрезмерная широта интересов» – проблемы древней, средневековой и даже русской истории. Для Бицилли – ученого, считал В.Э. Крус-

та за 1915 год. Одесса, 1916. С. 138-139.

¹ *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 90.

² *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 90-91; *Дмитриев С.С.* К истории советской исторической науки. Историк Н.Л. Рубинштейн // Ученые записки Горьковского университета. 1964. Выпуск 72. Серия Историко-филологическая. Т. 1. С. 431. Эти работы, применительно к теме «Бицилли», впервые были введены в научный оборот Т.Н. Поповой. См.: *Попова Т.Н.* О преподавании историографии всеобщей истории в Новороссийском университете в начале XX века // Актуальные проблемы исследования и преподавания новой истории стран Западной Европы и Америки. Одесса: ОГУ, 1992. С. 37-42 и др.

³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 21-21 а.

ман, характерна научная добросовестность, самостоятельность, нестандартность мышления – «отклонение от обычных для тех или иных научных произведений трафаретов», широкий кругозор, исследовательская глубина¹.

Наибольшим достоинством работ Петра Михайловича, по мнению В.Э. Крусмана, является «...восхождение автора от широкой проблемы, им себе поставленной, в самую глубь первоисточников, и решение проблем там, на источниковом материале, а не отвлеченным рассуждением»².

Вывод В.Э. Крусмана примечателен своим пророчеством: «... широкий исторический кругозор П.М. Бицилли никогда не будет поверхностным»³.

Своеобразие исследовательского почерка П.М. Бицилли признавал и И.М. Гревс – глава культурологической школы российских медиевистов. Книга П.М. Бицилли, писал он в своей рецензии [речь шла о работе «Элементы средневековой культуры», Одесса, 1919. – Т.П.], – «...талантливая, богатая, своеобразно-стройная, захватывающая новыми нитями и сочетаниями, очень хорошо написанная...»⁴. Даже критика И.М. Гревса – книга «страдает отвлеченностью статического построения» – это не принятое им новаторство П.М. Бицилли: новый подход к исследованию проблемы – системный («историческая статика»), с синхроническим анализом объекта – средневекового мировоззрения.

Позже синхронический анализ средневековой ментальности будет признан в числе главных достоинств школы «Анналов». Книга П.М. Бицилли – один из первых блестящих культурологических трудов в российской науке XX века, предвосхитивших ряд выводов современной историографии⁵.

Анализ нарративных источников и проблемы исторического познания, происхождение исторической науки и «изображение» истории в сочинениях историков разных эпох и направлений, фак-

¹ ГАОО.Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 21-21 а.

² ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 21 а.

³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 21 а.

⁴ *Гревс И.М.* Лик и душа средневековья (По поводу вновь вышедших русских трудов) // *Анналы.* 1922. № 1. С. 40.

⁵ *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли как историк культуры // *Одиссей. Человек в истории. Образ «другого» в культуре.* М.: Наука, 1994. С. 260-261.

торы, детерминирующие историческое творчество, и проблема историографических штампов – вот главные линии, сплетающиеся узор научных размышлений П.М. Бицилли в эти годы.

Наиболее выпукло обозначено проблемное поле исследовательских интересов Петра Михайловича в небольшой статье «Общественные движения в изображении средневековых историков»¹, опубликованной в 1917 году в «Журнале министерства народного просвещения», в которой он продолжает развивать идеи своей магистерской диссертации².

Анализируя историографические традиции авторов средневековых хроник, определяя типологию историографических схем, выявляя факторы, влияющие на формирование того или иного нарративного текста, он делает вывод о том, что наличие «общих мест и готовых формул» в средневековой исторической литературе при изображении каких-либо исторических событий, в частности общественных движений, – факт общеизвестный.

Историк обязан учитывать «пагубное влияние» этого явления на достоверность отображаемых событий. Историография позднего средневековья дает многочисленные примеры «схем и шаблонов», которые менее очевидны и поэтому более опасны своей мифологичностью, искажением реальных событий. Известны шаблоны характеристики отдельных личностей, шаблоны в описании битв, чудес, торжеств и проч. Среди них и схемы описания общественных движений.

Примеры схематизации средневековой историографии для П.М. Бицилли – отправной момент для размышления о сущности воспроизведения исторических данных, об «изображении истории». Все многообразие феноменов «исторической жизни», считает П.М. Бицилли, историк в состоянии «обнять лишь бессознательно упрощая воспринимаемое». При этом чаще всего используется метод «узнавания» в «новом» – «старого», т.е. подведение нового материала под уже готовые «рубрики». А это неизбежно влечет за собой

¹ Об идеях П.М. Бицилли, высказанных в этой статье, упоминалось («в латентном плане» уже в моей публикации в «Вестнике региона» (Одесса, 1999); лапидарный анализ был дан впервые в: «П.М. Бицилли. Размышления о творчестве: заметки и ремарки» («Эйдос», Киев, 2006), а затем в монографии (2007). До сих пор, к моему удивлению, эта статья не привлекала внимания бициллиеведов. Только Н.А. Селунская сделала эту статью специальным объектом анализа (««Новое средневековье»...», 2018), правда, несколько в ином ключе.

² *Бицилли П.М.* Общественные движения в изображении средневековых историков // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 69. № 5. 1917. С. 67-88.

подчинение в сознании автора нового материала готовым схемам. Если какой-либо комплекс явлений напоминает автору «революцию», «реформацию», «реакцию» и т.п. – невольно появляется желание отыскать в рассматриваемом явлении черты уже известных ранее «революций» и т.д. В средневековой историографии все это «делалось грубее и наивнее». Но утонченность приемов современной историографии не снимает проблему схематизации прошлого.

По сути, П.М. Бицилли ставит проблемы категориального синтеза, применения «объяснительных схем», понятийного аппарата исторической науки, создания исторического текста. Многие из этих положений получают свое дальнейшее развитие в его фундаментальной работе, написанной уже в эмиграции – «Очерках теории исторической науки» (1925).

«Историографический стержень» – по содержанию ведущих проблемных линий и по форме исполнения (историографические преамбулы, заметки, экскурсы, вставки, рецензии на исторические труды, биоисториографические этюды и проч.) и акцент на теоретические вопросы исторического исследования характерны для всех работ П.М. Бицилли этого времени.

Даже ворвавшуюся извне проблему социализма он решает в данном ключе: его интересует история социалистических идей, структура и условия «исторического понимания», лежащего в основе «социалистической философии истории». И параллель со средневековьем, сопоставление «средневекового мирозерцания с современным социализмом» (не принятая опять же И.М. Гревсом), – не «дань моде», не «поверхностные» штрихи, не стремление по чисто внешним признакам связать «два явления безусловно различной породы»¹, но проникновение вглубь новой, поставленной самому себе широкой проблемы о типах культуры, мышления, мировидения, исторического сознания и понимания, для которых характерен не только исторический ракурс, но и вневременной, связанный с основными классическими подходами к моделированию истории, с психологическими корнями определенных типов мышления (в данном случае – «догматического»), с проблемой

¹ Гревс И.М. Лик и душа средневековья (По поводу вновь вышедших русских трудов) // *Анналы*. 1922. № 1. С. 40. Идея «Нового средневековья» получит свое осмысление в последующие годы у Н.А. Бердяева и значительно позже – в наше время. См.: Селунская Н.А. «Новое средневековье» – русская идея? *Медиевистика Бицилли, средневековые общественные движения и актуализация истории // Диалог со временем* 64. М.: ИВИ, 2018. С. 179-195.

традиций – сохранением «рудиментов», т.е. приемов и навыков мышления, «нажитых» в культурной среде, давно исчезнувшей, которые «...продолжают влечить посмертное бытие и оказывать воздействие на наше миропонимание...»¹.

* * *

В 1911-1919 годах Петр Михайлович активно работал в научных обществах: был действительным членом Историко-филологического общества при Новороссийском университете, прочитал на его заседаниях доклады – «Памяти В.О. Ключевского» (1911), «Западные источники русской летописи» (1913); участвовал в работе Одесского библиографического общества, публиковался в «Известиях ОБО»². Именно здесь он «оттачивал» свои историографические миниатюры – рецензии на новые исторические и историософские труды. Из 24 известных в одесский период работ П.М. Бицилли – 6 рецензий. Рецензии для П.М. Бицилли – особый жанр, которому он будет особенно верен всю свою творческую жизнь (в годы эмиграции им будет написана еще 121 рецензия)³.

Анализ рецензий, написанных П.М. Бицилли в Одессе, позволяет говорить о направленности его интересов, которые четко обозначены переплетением нескольких составляющих: античность, медиэвистика, культурология, философия истории. Труды В.И. Герье, Л.П. Карсавина, Р. Трельс-Лунда, Ф. Польсена, В. Берара, И. Бердье, И.-Р. Лихтенберга, А. Флиша по сути – интердисциплинарны. Именно это направление влечет П.М. Бицилли, тонко чувствующего новую эпоху в историческом познании и стремящегося к идее научного синтеза через рефлексию исторического понимания.

¹ Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. С. 201.

² ГАОО. Ф. 45. Оп. 19. Д. 555. Л. 25; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1911 год. Одесса, 1912. С. 210; Отчет Одесского Библиографического общества при Императорском Новороссийском университете за 1913 год. Одесса, 1913; Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета за 1913 год. Одесса, 1914. С. 121; Известия Одесского Библиографического общества при Императорском Новороссийском университете. – Т.1. 1911-1912 годы. Одесса, 1913. С. 4.

³ См. подробнее: Шумейко Д.А. Публикации П.М. Бицилли на страницах «Известий Одесского библиографического общества» // Записки історичного факультету / Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. Випуск 10. Одеса, 2000. С. 51-59; *Он же*. Рецензії як жанр наукової творчості П.М. Біцилли // Записки історичного факультету / Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. Випуск 12. Одеса, 2002. С. 467-476. М.А. Бирман приводит цифру – «140 рецензий и отзывов» только за «софийский период».

Непосредственным учеником П.М. Бицилли можно назвать О.Л. Вайнштейна, в судьбе которого он принял непосредственное участие. 31 апреля 1919 года Петр Михайлович подает заявление руководству факультета с просьбой оставить О.Л. Вайнштейна для подготовки к научной работе по кафедре всеобщей истории.

Характеризуя своего ученика, Петр Михайлович отмечает глубокие знания О.Л. Вайнштейна в области медиевистики, свободное владение языками, что позволяет ему без особых затруднений работать с латинскими, французскими и итальянскими средневековыми памятниками; «...ясность мысли, историческое чутье, умение разбираться в сложных научных вопросах, точность и добросовестность в передаче усвоенного»¹. Заявление Петра Михайловича было поддержано Е.Н. Щепкиным.

Ремарка-info. Будучи в эмиграции (Скопье), П.М. Бицилли переписывался со своим учеником, получал от него известия о ситуации в Одессе, в университете и проч. В письме к К.В. Флоровской он писал о Вайнштейне: «...он у меня написал превосходную работу о начале Францисканского ордена. Несмотря на свое произношение “пять” и “прамо”, – он совершенно лишен особенностей семитского племени; превосходный, деликатный, скромный и многое способный понимать человек. Живется ему туго, рвется за границу, и в то же время – советует мне вернуться, хотя и оговаривается, что поручиться за сносные условия существования не берется»².

В связи с отъездом В.Э. Крусмана в Пермь³, П.М. Бицилли 31 мая 1919 года ставит вопрос о привлечении еще одного преподавателя на кафедру всеобщей истории: он рекомендует в качестве приват-доцента пригласить преподавателя Одесских высших женских курсов Клавдию Васильевну Флоровскую, сестру А.В. и Г.В. Флоровских⁴.

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2714 (1919 г.). Л. 31.

² Цит. по: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независимым обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 57-58.

³ ГАОО Ф. 45. Оп. 4. Д. 1376. Л. 5, 27.

⁴ ГАОО Ф. 45. Оп. 4. Д. 2714 (1919 г.). Л. 32. На сегодняшний день наиболее полная информация о К.В. Флоровской представлена в работах: Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск,

6 сентября 1919 года К.В. Флоровская была избрана приват-доцентом по кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета Новороссийского университета (результаты голосования: 12 – «за», 3 – «против»). Это была первая женщина – преподаватель, специалист по всеобщей истории, выпускница Санкт-Петербургских высших женских курсов, ученица И.М. Гревса, на историко-филологическом факультете Новороссийского университета. 10 октября того же года докладная об избрании К.В. Флоровской приват-доцентом факультета была передана деканом историко-филологического факультета профессором А.П. Доброклонским ректору¹. В Университете К.В. Флоровская успела, по ее словам, прочесть курс «Общественные и политические движения в Италии в Средние века»². В конце января 1920 года К.В. Флоровская вместе с семьей эмигрировала³ и была «отчислена» из состава преподавателей университета с 7 февраля 1920 года⁴.

Надежды и реалии

П.М. Бицилли, не испытывая в отличие от Е.Н. Щепкина потребности в активной общественной деятельности, тем не менее не стремился уйти от происходящих событий.

Ремарка-info. Практически во всех автобиографиях П.М. Бицилли пишет о том, что состоял в партии социалистов-рево-

2010. С. 128-132; Музичко О. Одеський релігієзнавець К.В. Флоровська // Історія релігій в Україні. Науковий щорічник. Кн. II. 2011. С.77-88; Левченко В.В. Из истории Высшей школы Одессы: первая женщина приват-доцент – Клавдия Васильевна Флоровская (1883-1965) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2012. Выпуск 14. С.161-174; Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к "независящим обстоятельствам"». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции». 1-е изд. София, 2015. С. 32-40.

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1715. Л. 2-4.

² См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к "независящим обстоятельствам"». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 34-35. О чтении этого курса пока нет документальных подтверждений.

³ См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к "независящим обстоятельствам"». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 34-35. Т.Н. Галчева считает, что конец января 1920 г. – дата отъезда семьи Флоровских из Одессы, ссылаясь на свидетельство самой К.В. Флоровской и ее письмо к Г.В. Флоровскому, в котором 11 февраля 1923 г. определяет как 3-я годовщина [курсив мой. – Т.П.] «нашего выезда из Одессы». Когда точно состоялся отъезд – в конце января или 11 февраля? 28 января уехали Бицилли; ничего об отъезде Флоровских практически в это же время Петр Михайлович не знал. Неизвестно также, каким образом осуществлен был сам отъезд.

⁴ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2714 (1919 г.). Л. 31.

люционеров¹. В Протоколе № 21 заседания Историко-филологической секции Одесского народного университета под председательством Н.Н. Ланге от 1 августа 1917 г. сказано: «Собрание [в составе: Н.Н. Ланге, А.В. Флоровский, П.М. Бицилли, Г.В. Флоровский, М.И. Мандес, В.Э. Крусман / в тексте – Круссман /. – Т.П.] единогласно постановило кооптировать П.М. Бицилли, утерявшего право на мандат от партии социалистов-революционеров»². По воспоминаниям С.Я. Борового, старший брат А.В. Флоровского, В.В. Флоровский был по политическим убеждениям эсером, возможно, этот факт в какой-то мере оказал влияние на выбор П.М. Бицилли в пользу партии социалистов-революционеров³.

В 1914 году был создан Комитет преподавателей Новороссийского университета по организации публичных лекций «в пользу жертв войны». С 16 октября по 20 декабря 1914 года в аудиториях университета было прочитано 8 лекций, во время которых члены Комитета собирали пожертвования. Комитет выразил «глубокую признательность» лекторам – П.М. Бицилли, В.Э. Крусману, Е.Н. Щепкину, И.А. Линниченко и Е.П. Трифильеву. В 1917 году Петр Михайлович, будучи еще приват-доцентом, активно участвовал в работе Народного университета: входил в Совет университета вместе с профессорами Н.Н. Ланге и М.И. Мандесом, читал лекции по истории вместе с Е.Н. Щепкиным и А.В. Флоровским, печатался в прессе⁴.

Ученого волновало настоящее и будущее своей страны: «Как и вся окружавшая меня интеллигентская среда, я с радостью принял Февральскую революцию...», – напишет позже П.М. Бицилли⁵.

¹ См.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София, 2004. С. 51, 54, 56 («...накануне второй революции вошел в партию социалистов-революционеров»: «Автобиография», черновик, первый вариант; «...впоследствии зачислился в партию социалистов-революционеров»: «Автобиография», черновик, второй вариант; «Автобиография» – приложение к Заявлению в Верховный Совет СССР, черновик, текст соответствует тексту второго варианта).

² См.: Научное наследие Н.Н. Ланге в университетской библиотеке: монография. Одесса: Астропринт, 2010. С. 90-91.

³ См.: *Боровой С.* Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и библиогр. коммент. В. Кельнера. М.; Иерусалим: Евр. ун-т в Москве, 1993. С. 98.

⁴ ГАОО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 76. Л. 5; Одесские новости. 1917. 17 (30) сентября. № 10519.

⁵ ГАРФ. Ф. Р7523. Оп. 59. Д.4330. Л.5-6. Автобиография Петра Михайловича Бицилли. См. *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск:

Ремарка-штрих. В 1917 г. П.М. Бицилли, проанализировав развитие *идеи социализма* и перспективу ее реализации на практике в российских реалиях, прозорливо вопрошал: «Что если “экспроприация экспроприаторов” выродится в спорадические грабежи и насилия, завершится расхищением общественного достояния и наступлением “сумерек цивилизации”, нового средневековья?»¹. Его риторический, по сути, вопрос приобрел вполне реальные очертания в форме «революционного вандализма», который он принять уже не смог: в Одессе «демон революции вскинулся мелким бесом»².

В статье «Демократия и школа», опубликованной 24 (11) февраля 1918 года в газете «Одесские новости»³, Петр Михайлович, анализируя уже результаты состоявшейся пролетарской революции, поднял ряд глобальных проблем: о законах революции, о синдроме контрреволюции в «революционном мышлении», о роли интеллигенции, о реформах школы и воспитании «нового человека» и др.

Современную ситуацию в стране – так называемый «текущий момент» – П.М. Бицилли определял как «охоту на контрреволюцию», ядовито высмеивая «революционную терминологию». Контрреволюцию «ищут везде», и в этой обстановке, иронизирует он, «...счастлив тот, у кого в кармане имеется *carte de civisme*, гласящая, что у обладателя ее “ничего подозрительного против контрреволюции не обнаружено”»⁴.

Логика так называемого «революционного мышления», считает П.М. Бицилли, наглядно воплощается в дискурсе: оплоты контрреволюции падают один за другим; еще одно последнее усилие, еще несколько жертв, – и вместе с «буржуазной радой», с «Калединым и Дутовым» будет стерта с лица земли контрреволюция, и «все пойдет на лад». Но это – логика «дикаря», убежден Петр Михайлович: «ди-

ООО «Ладомир», 2014. Выпуск 16. С.153.

¹ *Бицилли П.М.* Основы социализма / Издание Комитета Объедин. Социал. Студ. г. Одессы. Одесса: Центральная типография, 1917. С. 45.

² См.: *Бицилли П.* Памяти В.Э. Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С. 342-345.

³ Эту газету со статьей П.М. Бицилли обнаружил в фондах Государственного архива Одесского области *В.А. Мирошниченко*, мой ученик. Материалы статьи были впервые опубликованы: *Попова Т.Н.* Из истории историографии: П.М. Бицилли. К 120-летию со дня рождения // Российские университеты в XVIII – XX веках. Сборник научных статей. Выпуск 5. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. С. 200-216.

⁴ *Бицилли П.* Демократия и школа // Одесские новости. 1918. 24 (11) февраля.

карь» в случае болезни бьет в медный таз, а не ищет лекарство против нее. История же учит, что за революцией всегда идет реакция, и против ее прихода протестовать бесполезно. Это – закон природы. И суть этого процесса в том, что реакция – внутри каждого.

«Многие ли могут поручиться за себя, – задает П.М. Бицилли риторический вопрос, – что с ними не произойдет превращения из Павла в Савла?», т.е. метаморфоза личности, непосредственно осуществляющей революционный процесс. Силы, вовлеченные в революцию, психологически не готовы ее осмыслить, считает П.М. Бицилли. В связи с этим, он видит выход в воспитании «нового, культурного человека», которое и должна осуществлять реформированная Школа.

П.М. Бицилли рассуждает о Школе в целом, о системе образования и воспитания, что для него является нераздельными составляющими. Новая школа для П.М. Бицилли – это не школа «Толстого и Деянов» (наиболее одиозных фигур министерского уровня), которая, по его мнению, приноравливалась к потребностям деспотического государства, воспитывала «послушных и смиренных верноподданных», неких «отвлеченных» граждан и была пронизана бюрократизмом и централизацией. Та государственная форма, в которой воплощалось наше национальное бытие, исчерпала себя, категорически заявляет П.М. Бицилли. Мы не просто «отреклись от старого мира», но и на горьком опыте убедились в том, что слишком мало осталось традиций, за которые можно было бы «ухватиться» для того, чтобы строить новую жизнь. «Мы строим новую Россию в условиях глубочайшего национального унижения», – констатирует он .

Новая школа для П.М. Бицилли – это свободная, демократическая Школа. Строить ее нужно, опираясь на культурные ценности прошлого, спасая и оберегая те идеалы, которым грозит развенчание в слишком трагическом настоящем. Только посредством Школы можно заложить основы для будущего, для возрождения страны и культуры в новых формах, – именно в этом видит П.М. Бицилли важнейшую из обязанностей, налагаемых «текущим моментом».

Для этой работы, считает он, имеется «немало культурных сил» и осуществлять реформу нужно именно «своими силами». При этом Петр Михайлович категорически против жесткой централизации, «кто бы не регулировал», – «Кассо или Луначарский». Не следует ждать указов из центра, – нужно создавать план рефор-

мы на местах. В частности, необходим «план реформы для нашего края: одесская интеллигенция сможет это сделать», уверенно заключает он. Пока же, с горечью пишет П.М. Бицилли, в «самой демократической стране в мире» не произошло никаких существенных изменений: реформа ограничилась внешними, не имеющими принципиального характера, псевдодемократическими мерами (частично изменили орфографию, во главе учебных округов посадили молодых «реформаторов» без образования и проч.).

В новой Школе, по мнению П.М. Бицилли, на первом плане должно быть не обучение, а воспитание, или «воспитание через обучение». Школа должна воспитывать таких людей, которые бы выходили из нее не просто «окончившими курс», но культурными людьми. «Культурный человек» для Петра Михайловича – это человек, воспитанный в «...духе равенства и общественной солидарности, чувстве самоуважения и уважения к достоинству себе подобных, смелости в проявлении личного почина и готовности не отступить перед личной ответственностью». Для новой России, считал он, Школа должна готовить духовно свободных людей, с сознанием, «...открытым для всякой благородной мысли, не исполнителем предначертаний начальства, социалистического или буржуазного, это безразлично, но творцом жизни»¹.

Ремарка-заметка. Идея «воспитывающего обучения» была популярна в научном сообществе начала XX века. В этом контексте уместно вспомнить имя А.Ф. Музыченко, которого Антоний Васильевич Флоровский (ближайший друг П.М. Бицилли вместе со своим братом Георгием и сестрой Клавдией) называл совершенно определенно – «учитель и друг», т.е. близкий человек, повлиявший на «круг чтения», а значит – на формирование мировоззрения, социальной позиции, что позже, в университете, преломилось уже в исследовательских интересах будущего ученого.

Александр Федорович Музыченко (1875-1940) – из семьи педагогов, выпускник Нежинского Историко-филологического института, с 1900 г. был назначен учителем русского языка и словесности в одесскую IV гимназию, в которой в 1894-1903 гг. учился А.В. Флоровский. Будучи еще студентом института (1896-1900), А.Ф.Музыченко, обратился к изучению истории и этнографии болгарских поселений в Крыму: его первые пу-

¹ Одесские новости. 1918. 24 (11) февраля.

бликации были отмечены М.С. Дриновым, пригласившим молодого ученого принять участие в XII Археологическом съезде в Харькове (1902)¹. Небольшое историко-этнографическое наследие А.Ф. Музыченко в области изучения крымских болгар получило высокую оценку в современной историографии².

Возможно, работа в гимназии способствовала переориентации научных интересов А.Ф. Музыченко на проблемы педагогики. С 1904 г. он приступает к освоению новой области при непосредственном участии профессора Новороссийского университета Н.Н. Ланге, а затем при поддержке профессоров А.Н. Деревницкого (начинавшего свою научно-педагогическую деятельность в Харьковском университете, а в 1903-1905 гг. ставшего ректором Новороссийского университета) и М.И. Мандеса (выпускника и преподавателя Новороссийского университета в 1901-1907 гг., затем профессора Нежинского Историко-филологического института). Позже будет стажировка в Германии, с 1908 г. – преподавательская работа в Нежине, с 1910 г. – в Киевских учебных заведениях.

А.Ф. Музыченко был во многом последователем теории «воспитывающего обучения» И.Ф. Гербарта (1776-1841). В своей работе «Общая педагогика, выведенная из цели воспитания» (1806) И.Ф.Гербарт рассматривал «добродетель» как высшую «цель воспитания» – непрерывного «восхождение человека к человечеству», в результате которого происходит целенаправленное воспитание личности, ориентированное на идеалы нравственного совершенства для индивидуума и социального прогресса для общества (человечества). «Воспитывающее обучение» нацелено на развитие многогранной «духовной самостоятельности» воспитуемого через процесс формирования его «круга мыслей» и одновременно нравственности, детерминирующей его волевые действия. А.Ф. Музыченко, сторонник «прогрессивной», «реформаторской»

¹ См.: *Музыченко А.Ф.* Быт болгар-поселенцев Феодосийского уезда // Этнографическое обозрение. М., 1899. № 4; *Он же.* Наблюдения над народным творчеством крымских болгар // Труды двенадцатого Археологического съезда в Харькове, 1902. М., 1905. Т.2-3; *Дринов М.С.* Этнографические наблюдения А.Ф.Музыченко над болгарскими колонистами Феодосийского уезда // Записки Императорского Харьковского университета. Харьков, 1902.

² См.: *Носкова И.А.* Крымские болгары в XIX – начале XX в.: история и культура. Симферополь, 2002. С. 12-13; *Непомнящий А.А.* Подвижники крымоведения. Симферополь, 2006. С. 272-280 (Малоизвестный исследователь крымских болгар: Александр Музыченко) и др.

педагогике, стремился к поиску средств и методов для воспитания новой, гармонической личности¹.

Не исключено, что молодой Петр был знаком с учителем своего друга и в какой-то мере испытал его влияние. Во всяком случае, идеи, которые высказывал Петр Михайлович, осмысливая революционные события и их последствия для образования и культуры, созвучны идеям и И.Ф. Гербарта (работы которого, возможно, читал), и А.Ф. Музыченко.

Все лекции и статьи П.М. Бицилли 1917-1919 годов, ориентированные на широкую общественность, были пронизаны этими идеями.

В июне 1919 года Совет комиссаров высших учебных заведений Одессы в целях привлечения трудящихся масс в высшую школу постановил организовать цикл «общедоступных лекций на жизненно-интересные темы» и обратился с этим предложением к профессорам университета. П.М. Бицилли дал заявку на лекции, сформулировав темы, которые особо волновали его в это бурное переходное время: «Историческая наука, как предмет университетского преподавания (XIX-XX вв.) – эпоха необычайного подъема интереса к истории» и «Прошлое и настоящее высшей школы (происхождение современной университетской организации)»².

Позже в своих воспоминаниях К.П. Добролюбский напишет с высоты прожитого (и, учитывая специфику эпохи, в которой писал свои мемуары) о «политической наивности» Петра Михайловича, прогрессивно настроенного и симпатизировавшего «левым» партиям³.

Сам П.М. Бицилли признавался, что в общественно-политической деятельности принимал «слабое участие», а по своим «... политическим убеждениям колебался между конституционно-демократическим и социал-революционным (умеренного крыла) на-

¹ См.: *Музыченко А. Ф.* Иоганн Фридрих Гербарт и его школа // *Очерки по истории педагогических учений.* М., 1911; *Каптерев П. Ф., Музыченко А. Ф.* Современные педагогические течения. М., 1913 и др.

² ГАОО. Ф. Р. – 1359 (СКВУЗ). Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 19; *Финн С. О.* Сущность социализма (Лекция пр. – доц. Бицилли) // *Сын народа.* 1917. № 28. 20 апреля (3 мая) и др.

³ *Добролюбский К. П.* Воспоминания о прошлом и встречи. Мой пройденный путь (1885-1944). С. 65 // *Личный архив К. П. Добролюбского (копия, машинопись).* Материалы были любезно предоставлены автору профессором А. О. Добролюбским, внуком К. П. Добролюбского. См. также: *Добролюбский К. П., Добролюбский А. О., Добролюбская Ю. О.* Семейный архив. Очерки. Одесса: Optimum, 2004. 228 с.

правлениями...»¹. Трудно сказать, был ли вполне осознан выбор П.М. Бицилли в пользу партии социалистов-революционеров?..

Очень скоро П.М. Бицилли осознал, что в том обществе, которое трудно рождалось из пучины насилия, ему места не было. В своей автобиографии (конец 1940-х годов) П.М. Бицилли записал: «Хотя в бурные 1917-1920 годы я был далек от активной политики, не участвуя непосредственно в гражданской войне и не разделяя ее идеологических обоснований, но по своей установке, по связям, которые поддерживал, находился в лагере враждебном Октябрьской революции и, когда наступил неизбежный конец контр-революции, вместе с людьми, меня окружавшими, покинул Родину...»².

В начале 1920 года Петр Михайлович, по-видимому, под влиянием Н.П. Кондакова и И.А. Бунина принял решение об отъезде, тем более что представилась неожиданная возможность: 28 января 1920 года из Одессы уходил один из последних – пароход «Рио Пардо», направлявшийся в Салоники. П.М. Бицилли с женой и двумя дочерьми покинул Одессу³.

После установления советской власти в Одессе приказом Одесского губернского отдела народного образования № 52 от 9 мая 1920 года, подписанного его заведующим Я.Н. Ряппо и заведующим подотделом Высшей Школы Е.Н. Щепкиным, профессора и преподаватели Новороссийского университета, покинувшие город «в период вступления Советской власти» с 7 февраля этого же года были «отчислены» из университета.

Среди 76-ти имен под № 7 было и имя Петра Михайловича Бицилли⁴.

* * *

Младший брат П.М. Бицилли – Михаил Михайлович (17.03.1881 – 17.09.1951), окончивший в 1904 году физико-матема-

¹ [Из автобиографии П.М.Бицилли]. [Публ. В.А. Туниманова] // Русская литература. 1990. № 2. С. 134.

² ГАРФ. Ф. Р7523. Оп. 59. Д.4330. Л.5-6. Автобиография Петра Михайловича Бицилли. См. *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Выпуск 16. С. 154.

³ См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953) // Славяноведение. 1997. № 4. С.52.

⁴ ГАОО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 об., 72; Ф. Р-5432. Оп. 1. Д. 1. Л. 117-118.

тический факультет Новороссийского университета, выбрал иной путь: он с семьей остался на родине. М.М. Бицилли был женат на Т.В. Пашенко (7.07.1880 – 30.10.1960), дочери помещика из Винницкой области; их сын – Владимир Михайлович (11.05.1909 – 17.08.1959), кандидат географических наук, защитивший 29 июня 1954 года на заседании Совета геолого-географического факультета Одесского государственного университета диссертацию на тему «Методы расчета годового стока малых рек юга Украины»¹, работал позже проректором Одесского гидрометеорологического института². Семья В.М. Бицилли проживает в Одессе в доме своих предков³.

Экскурс: П.М. Бицилли в контексте схолярности⁴

...к «влияниям» человека на человека
сводится вся историческая жизнь.

П.М. Бицилли⁵

Среди стержневых проблем творческой биографии ученого – проблема «схолярности», интеллектуальных «влияний», способствовавших формированию его габитуса, творческого по-

¹ ГАОО. Ф. 1438. Оп. 12. Д. 84. Л. 126; Ф. 45. Оп. 5. Д. 1254. Л. 19.

² Научные исследования В.М. Бицилли и сегодня привлекают внимание ученых. См.: *Медведев О.Ю.* Гидрохимический мониторинг на водных объектах НПП [Национальный природный парк] «Тузловские лиманы» // Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції «Лимани північно-західного Причорномор'я: сучасний гідро екологічний стан, проблеми водного та екологічного менеджменту та шляхи їх вирішення». 1-3 жовтня 2014 р., Україна, м. Одеса. Одеса: ОДЕКУ, 2014. С.123 [*Бицилли В.М.* Сток рек юга Украины Автореф. дис....канд. географ. наук. Одесса, 1954. 22 с.]; Актуальные проблемы лиманов северо-западного Причерноморья: Коллективная монография / под ред. Ю.С. Тучковенко, Е.Д. Гопченко. Одесский государственный экологический университет. Одесса: ТЭС, 2012. С. 149 [В.М. Бицилли – в списке ученых, которые занимались исследованием водного баланса Куяльницкого лимана].

³ Автор приносит свою благодарность *Сергею Владимировичу Бицилли*, внуку М.М. Бицилли (брату Петра Михайловича), любезно предоставившему ряд сведений о семье (впервые были опубликованы в книге «Историография в лицах...», 2007).

⁴ Материалы этого раздела вошли в предшествующие работы автора: «Историография в лицах...» (Одесса, 2007); «П.М. Бицилли: проблема наставников и школы...» (Омск, 2009); «П.М. Бицилли в контексте схолярной истории» (Одесса, 2011) и др. См.: «Авторская Бициллиана».

⁵ *Бицилли П.М.* Параллели // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 211.

тенциала, концептуальной платформы и научного кредо в целом. Эта проблема может решаться в контексте проблемы его «наставников» и «школы», шире – в контексте проблемы «сетевых коммуникаций» в диахроническом и синхроническом вариантах, в структурных конфигурациях организации научного труда и передачи определенной научной культуры, в многообразных взаимоотношениях ученого с окружающим его миром людей и миром идей.

Био-силуэт: resume

Сорокалетие одесского периода в жизни П.М. Бицилли не было благополучным восхождением к вершинам академической карьеры. Он поздно «состоялся» как ученый-исследователь: первые его публикации относятся к 1912 г., когда Петру Михайловичу было уже тридцать три года. Окончив в двадцать лет гимназию (1899), молодой Бицилли не сразу нашел свой путь в жизни: историческое образование он выбрал с 1900 – после года обучения (с 1899) на юридическом факультете Новороссийского университета. Дважды исключался из университета (1902, 1905), окунувшись в бурную жизнь «революционного» студенчества; из-за этого же год «потерял» в армии (1905/1906), лишившись привилегий студенческого статуса. Только в двадцать семь лет (1906) П.М. Бицилли получил диплом специалиста-историка, в науку пришел еще через два года (1908), став «профессорским стипендиатом» по кафедре всеобщей истории, приват-доцентом которой был утвержден только в январе 1911 года.

Слабое здоровье в детском и юношеском возрасте, «революционное кружение» в студенческие годы, сложности семейной и личной жизни – все это, безусловно, задержало становление Петра Михайловича как ученого. Его жизнь как преподавателя была заполнена значительным количеством учебных занятий – в университете, в Политехническом институте, на Одесских высших женских курсах, в гимназиях и проч. – это отвлекало от научных исследований.

Защита магистерской диссертации П.М. Бицилли состоялась только в 1917 году. В сентябре этого же года он стал штатным доцентом Новороссийского университета, в апреле 1918 года был из-

бран на должность ординарного профессора Саратовского университета, занять которую ему не пришлось¹.

Ремарка-факт. П.М. Бицилли в своей автобиографии (от 10 января 1948 г.) пишет: «В 1918 г. был приглашен занять, в качестве ординарного профессора кафедру всеобщей истории в Саратовском Университете, но в силу сложившихся обстоятельств, не имел возможности переехать туда»².

В сентябре 1918 и в мае 1919 года (учитывая два кратковременных периода советской власти в Одессе) по инициативе уже «красного» профессора Е.Н. Щепкина Петр Михайлович был избран на должность профессора реорганизованной Высшей школы г. Одессы; с 6 сентября 1919 года был утвержден исполняющим должность экстраординарного профессора (опять «белого») Новороссийского университета.

1917-1919 годы – период личностной и профессиональной зрелости П.М. Бицилли, и именно эти годы радикально изменили его судьбу: Петр Михайлович вынужден был сделать шаг в неизвестность...

* * *

Неординарная фигура П.М. Бицилли привлекает внимание представителей научного сообщества разных стран. Вполне естественно, что многие исследователи ставят вопрос об интеллектуальных корнях ученого, о его принадлежности к определенной scholarly традиции.

¹ М.А. Васильева приводит следующие данные, предоставленные ей М.В. Ковалевым. В Государственном архиве Саратовской области в списках профессоров и преподавателей Саратовского университета на 1919 год значится: «<...> 52. П.М. Бицилли. Всеобщая история. Адрес неизвестен. К месту службы еще не прибыл» (Ф.332. Оп.1. Д.107. Л.5); «<...> 15 апреля 1919 г. П.М. Бицилли. Курс всеобщей истории. К месту службы не прибыл [Зачеркнуто. Приписка от руки: “Прибыл”]» (Там же. Л. 20 об.). См.: *Васильева М.А.* Средневековая Италия и спор о «среднем человеке»: полемика П. М. Бицилли с Л. П. Карсавиным // *Образы Италии в России – Петербурге – Пушкинском Доме / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома. («Россия – Запад – Восток»: Литературные и культурные связи; выпуск 2).* С. 63.

² ГАРФ (г. Москва). Ф Р7523. Оп.59. Д.4330. Л.5. См.: Автобиография Петра Михайловича Бицилли // *Левченко В.В., Попова Т.Н.* П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // *Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов.* Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Выпуск 16. С. 153.

Mini-экскурс: историографические пролегомены

В бициллиеведческих публикациях уже сложились подходы к пониманию «школьных истоков» П.М. Бицилли: его творчество чаще всего соотносят с культурологической школой петербургских медиевистов во главе с профессором И.М. Гревсом, однако степень этого «соотнесения» в оценке разных авторов не совпадает.

Если обратиться к истокам историографических мнений о «схоларности», то следует вспомнить о том, что Н.П. Кондаков еще в 1919 г. причислил П.М. Бицилли к «школе Л.П. Карсавина».

Н.А. Селунская (Москва) «вводит» П.М. Бицилли в тот круг ученых-медиевистов, «общими “прародителями”» которых были В.И. Герье (1837-1919) и И.М. Гревс (1860-1941), давшие для «научной специализации по медиевистике массу тем»¹.

И.М. Гревс, «один из *наставников Бицилли*» [курсив мой – Т.П.]: именно из его «семинария» вышла плеяда ученых (в т.ч. представители интеллектуальной части эмиграции), воспитанных в традициях «петербургской школы и под прямым влиянием одного наставника»². П.М. Бицилли «испытал на себе», «впитал и сохранил на долгие годы влияние исследований и педагогической практики Гревса, а также и его учеников»; он был «буквально захвачен этим круговоротом идей, мнений, вопросов изучения истории и культуры»³.

Несколько иной подход у Б.С. Кагановича (Санкт-Петербург). «Основным учителем и патроном» П.М. Бицилли в студенческие годы Б.С. Каганович называет Е.Н. Щепкина. Однако, замечает ученый, что «в аспирантские годы Бицилли был предоставлен самому себе и в значительной мере сам создал себя как ученый», поскольку в Новороссийском университете в это время не было серьезных специалистов в области медиевистики⁴.

¹ См.: Селунская Н.А. «Своя» и «чужая» история: историки-медиевисты между мировыми войнами и социальными потрясениями // Диалог со временем. 55. М.: ИВИ, 2016. С. 65-66.

² Селунская Н.А. «Своя» и «чужая» история: историки-медиевисты между мировыми войнами и социальными потрясениями // Диалог со временем. 55. М.: ИВИ, 2016. С.78.

³ Селунская Н.А. Интеллектуальная биография П.М. Бицилли в интерпретации М.А. Бирмана // Славянский альманах / Ин-т славяноведения РАН. Глав. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2010. № 1-2. С. 479.

⁴ Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С.163-164.

В русской медиевистике, по мнению Б.С. Кагановича, П.М. Бицилли «был очень близок к кругу идей и интересов петербургской школы историков средневековой культуры – «блестящей», по его же определению¹. Соответственно П.М. Бицилли был близок и к «школе И.М. Гревса, хотя непосредственным учеником Гревса Бицилли не был»².

Ремарка-штрих. Сам И.М. Гревс, автор рецензии на работу П.М. Бицилли³, называет Л.П. Карсавина и О.А. Добиа-ш-Рождественскую своими учениками, но имени Бицилли в этом списке нет.

В глубоком исследовании А.В. Свешникова («Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества». Омск, 2010) автор, уделяя много внимания В.Э. Крусмону, никаких данных об участии П.М. Бицилли в семинариях И.В. Гревса не приводит.

М.А. Бирман (Израиль) называет два имени – Э.Р. фон Штерна и Е.Н. Щепкина, оказавших «значительное влияние» на становление Бицилли как историка-профессионала». Если мой тезис о «наставнической» роли профессоров Э.Р. фон Штерна и Е.Н. Щепкина в судьбе П.М. Бицилли М.А. Бирман принимает «в качестве рабочей гипотезы (как тему для размышления)», то роль В.Э. Крусмана как «наставника» им полностью отвергается. М.А. Бирман считает, что важнейшим критерием «истинного наставничества» является факт *систематического* [курсив мой. – Т.П.] научного руководства; в отношении В.Э. Крусмана факт подобного «наставничества» ни в научной литературе, ни в моих работах, по его мнению, не подтвержден.

М.А. Бирман выдвигает следующую версию: поскольку «даже намеков на постоянное наставничество не выявлено, напрашивается иной вывод»: творческая судьба П.М. Бицилли «была сугубо индивидуальной» и сложилась «без постоянных наставников». Опираясь в студенческие годы на лекционный материал сво-

¹ *Бицилли П.М.* Памяти В.Э. Крусмана // Русская мысль. 1923. № 1-2. С.342.

² Б.С. Каганович считает, что И.Н. Голенищев-Кутузов, утверждая эту мысль «допускает неточность». См.: *Голенищев-Кутузов И.Н.* Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. С. 508; *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С. 176, 219.

³ См.: *Гревс И.М.* Лик и душа средневековья. (По поводу вновь вышедших русских трудов) // *Анналы.* 1921. № 1. С.24, 40.

их преподавателей, а позже, будучи профессорским стипендиатом, изучив «широкий круг трудов ученых Европы и России», молодой Бицилли «определил фактически самостоятельно свой путь исследователя», формируясь как ученый без «постоянных и систематических наставников»¹.

Очертив пунктиром основные позиции ученых по проблеме «наставничества», предлагаю свою схему.

О наставниках

Эволюция исследовательской проблематики П.М. Бицилли в одесский период имеет непростую конфигурацию – от новистики через антиковедение к медиевистике, что во многом было связано с влиянием на него трех основных фигур.

Одна из них – *Эрнст Романович фон Штерн* (1859-1924) – известный ученый, специалист по истории Древней Греции и Рима, истории колонизации Северного Причерноморья, основатель школы археологов в Новороссийском университете, декан историко-филологического факультета ИНУ (1905-1909), лекции которого по римской истории, по произведениям Тацита и др. Петр Михайлович слушал в студенческие годы.

Первые публикации молодого ученого 1912-1913 гг. свидетельствуют об интересе к римской истории, с которой начинал сам Э.Р. фон Штерн². «Тацит и Римский империализм» (1912) – работа П.М. Бицилли, которую часто «обходят» вниманием в существующих библиографиях³, вошла в сборник научных трудов, посвященный Э.Р. фон Штерну как почетному члену Одесского общества истории и древностей⁴.

¹ См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 33-35.

² См.: *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2008. С. 265; Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Том 4. Р-Я. Одеса: Астропринт, 2000, 2005 и др.

³ См.: *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии / Отв. ред. и авт. предисл. В.Н. Ярцева; Сост. и коммент. И.В. Анненковой и В.П. Вомперского; Вступит. ст. В.П. Вомперского. М.: Наследие, 1996. С. 676. [Библиография трудов Бицилли].

⁴ Записки Одесского Общества истории и древностей. 1912. Т. 30. С. 378-388. См. об этом: *Ванчугов В.П.* Одесское общество истории и древностей на рубеже XIX-XX вв. и Э.Р. Штерн // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. 1939-1989: Тезисы докладов юбилейной конференции. 27-28 октября 1989 г., г. Одесса. Одесса, 1989. С. 24-27.

Антиковедческие изыскания наряду с разработкой общего курса по истории Рима (1917/1918) в итоге вылились в малоизвестную и недостаточно еще оцененную работу – «Падение Римской империи» (1919. 104 с.). Отъезд Э.Р. Штерна в Германию в 1911 году, вероятно, сыграл свою роль в том, что Петр Михайлович так и не решился сделать историю античности своей специализацией. Несмотря на малочисленные публикации П.М. Бицилли сразу же зарекомендовал себя глубоким специалистом по многим вопросам антиковедения.

К.А. Кузнецов, доктор философии Гейдельбергского университета, основоположник исторического музыковедения в России, ординарный профессор (1917) кафедры энциклопедии права и истории философии права юридического факультета Новороссийского университета, человек необычайно одаренный во многих областях науки и искусства, с благодарностью признавал, что он «целиком обязан своему коллеге по Новороссийскому университету приват-доценту П.М. Бицилли» в осмыслении идей Платона¹.

В 1913 году появляются первые рецензии П.М. Бицилли по средневековой тематике. В поисках причин перехода к средневековости можно выделить два фактора.

Первый (возможно, не по значимости, но по обстоятельствам) – *дидактический*. В научной судьбе университетского ученого значительную роль всегда играет «дидактический фактор»: «учебная нагрузка», читаемые курсы, углубленное изучение преподаваемого материала и проч. неизбежно заставляют «связывать» учебную и научную деятельность, тем более что в «университетской науке», сформировавшейся в системе т.н. классических университетов Европы XIX в., научные исследования выступали в качестве эпифеномена процесса преподавания². С 1913 года к

¹ Кузнецов К.А. Платон. Введение в анализ «Государства» и «Законов». Одесса, 1916. Цит. по: Березкин А. В. Профессор Восточного института К.А. Кузнецов (1883-1953) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1 (5); Он же. Историк государства и права Англии К.А. Кузнецов // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Выпуск 5. СПб.: Алетейя, 2005. С. 147-156. О К.А. Кузнецове см.: Профессори Одесского (Новороссийского) университета. Биографический словарь. Т.3 Одеса: Астропринт, 2000. С. 155-156; Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2008. С. 206, 635; Савин А.Н. [Рец.] // Исторические известия. 1916. № 1. С. 101-105; Свейников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. С. 142-143; Левашева О.Е. К.А. Кузнецов // Выдающиеся деятели теоретико-композиторского факультета Московской консерватории. М.: Музыка, 1966 и др.

² Дидактический фактор в определении исследовательской стратегии университет-

Бицилли перешли все курсы по истории средних веков: средневековая ориентированность учебной работы детерминировала обращение молодого ученого к средневековой тематике.

Второй фактор (не по значимости!) – персональное влияние *Владимира Эдуардовича Крусмана* (1879 – 1922). Специалист по проблемам западноевропейского Возрождения, прекрасный знаток эпистолярного наследия английских и итальянских гуманистов, В.Э. Крусман, вероятно, заинтересовал П.М. Бицилли историей итальянской культуры. Он – автор подробной программы, по которой П.М. Бицилли работал в архивах и библиотеках Германии, Франции и Италии. Научные командировки П.М. Бицилли в Западную Европу в 1913-1914 годах способствовали определению его научно-исследовательского профиля.

Сближение с Петербургской культурологической школой И.М. Гревса скорее всего также произошло благодаря В.Э. Крусману, который консультировал П.М. Бицилли в период работы последнего над магистерской диссертацией, признавал «близость» их взглядов на «ряд исторических проблем» и принадлежность к одному научному направлению¹. Возможно, к проблематике по истории францисканства П.М. Бицилли привлек именно В.Э. Крусман. Известно, что он, заинтересовавшись этой темой, просил в письме к И.М. Гревсу адрес Л.П. Карсавина, занимавшегося этими вопросами предметно, сообщал Ивану Михайловичу о приобретенных им в Европе книгах по истории францисканства² и несомненно знакомил с ними своего коллегу.

Ремарка-цитата. *И.М. Гревс:* «Книга П.М. Бицилли вышла как плод ученого труда историка - питомца самого отдаленного от петроградского университета. Тем не менее, она стоит в некоторой связи и с научной работой, совершавшейся в недрах нашего факультета. В поисках за темой магистерской диссертации автор, специально интересовавшийся Средневековьем, был наведен на избранный им предмет, по-видимому, проф[ессором] В.Э. Крусманом, по приезде [sic!] его из Петрограда в Одессу <...> В.Э. Крусман особенно увлекался богатым бытовым материалом, заключенным у фра Салим-

сих ученых не утратил (в значительной степени) своей роли и в последующие годы.

¹ ГАОО. Ф.45. Оп. 4. Д. 1119. Л.21.

² См.: *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Омский гос. ун-т, 2010. С. 137, 345.

бене; свой энтузиазм к Италии, еще согретый нашею первою экскурсией туда в 1907 г., он привез в Одессу; заразил им, как кажется, П.М. Бицилли и убедил его посвятить фра Салимбене свое первое ответственное научное исследование. Так сродняется издалека пришедшая к нам книга с нашими и от нас отчасти вынесенными мотивами научной работы. Всегда радостно вскрывать такие нити взаимного единения»¹.

Петр Михайлович оценивал В.Э. Крусмана как одного «из самых сильных и значительных» представителей «блестящей петербургской школы» историков².

Судьба В.Э. Крусмана (1879-1922) – трагична: выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик Г.В. Форстена и И.М. Гревса, он с 1908 по 1917 гг. преподавал в Новороссийском университете; с 1 июля 1917 г. был назначен на должность ординарного профессора Пермского университета, где проработал пять лет. Магистерскую диссертацию В.Э. Крусман защитил только в 1916 г. и оставил небольшое по объему научное наследие, не успев в полной мере реализовать свой исследовательский потенциал³. Последующее «забвение» ученого во многом связано с рецензиями Н.И. Кареева и Е.В. Тарле на основной труд В.Э. Крусмана «На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование» (Одесса, 1915). Отметив «строгую историчность» исследования, эрудицию автора, «надлежащую» работу с источниками и т.п., они не приняли в целом концепцию В.Э. Крусмана⁴. «Изддержки» советской эпохи способствовали тому, что научный

¹ Гревс И.М. Отзыв о книге П.М. Бицилли Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века). Одесса, 1913 г. / Вступ. ст., публ. и коммент. Ключев А.И., Свешников А.В. // Средние века. 2014. Выпуск 75 (3-4). С. 387-405.

² Бицилли П. Памяти В.Э.Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С.342.

³ См.: Гревс И.М. Памяти В.Э. Крусмана (Некролог) // *Анналы*. 1922. № 2; *Кан А. С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени* / Отв. ред. Е.В. Гутнова. М.: Наука, 1979. 158 с.; *Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета*. Одесса: Астропринт, 2007. С. 474-486. [Раздел: «Судьбы ученых. Владимир Эдуардович Крусман: последний романтик»]; *Она же*. В.Э. Крусман: новое прочтение // *Древнее Причерноморье*. Выпуск VIII. Одесса, 2008. С.294-299; *Она же*. Владимир Эдуардович Крусман: фрагменты персональной истории // *Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов*. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2017. Выпуск 19. С.69-91; *Она же*. В.Э. Крусман: эпоха и наука под скальпелем историка // *Стародавние Причерномор'я*. Выпуск XII / Голов. ред. I.B. Немченко. Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. 2018. С. 446-453 и др.

⁴ См.: *Кареев Н.И.* Был ли гуманизм в Англии в XIV в.? (По поводу одной книги) // *Русские записки*. 1916. № 3. С.49-65; *Тарле Е.В.* Новое исследование по культурной истории

поиск не был сфокусирован на трудах ученого вплоть до 1990-х гг.¹

П.М. Бицилли, в противовес высоким авторитетам, считал характерной чертой В.Э. Крусмана-исследователя «грандиозность его научных замыслов и исканий», которые соответствовали «широте его интересов, мощи его духа, высоте его умонастроения»; все это «в сочетании с неутомимой работоспособностью, феноменальной памятью и поистине изумительной начитанностью» создавало неповторимый облик ученого.

П.М. Бицилли высоко ценил своего коллегу и друга и как университетского преподавателя: его лекционные курсы, считал Петр Михайлович, – оригинальные по содержанию, «свежие» по материалу, чаще всего были результатами «собственной лабораторной работы» и тесно «соприкасались» с его главным исследовательским направлением.

Немецких корней, протестантского вероисповедания, В.Э. Крусман, называвший себя в шутку «петербургским чухонцем», был, по мнению П.М. Бицилли, «вполне русским человеком», или «русским европейцем». Созвучие идей и подходов, единство исходных теоретических концептов свойственны обоим исследователям культурной истории Европы позднего средневековья².

Третья фигура (не по значимости!), оказавшая бесспорное влияние на формирование облика П.М. Бицилли-ученого – *Евгений Николаевич Щепкин* (1860-1920), выпускник Московского университета, вышедший из школы В.И. Герье³. Будучи студентом, Петр Михайлович прослушал курсы лекций Е.Н. Щепкина «История средних и новых веков», «История XVIII в.», «Начало XIX ст.», «Методология истории» и др.; под его руководством написал вы-

Англии // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 3-4, отд. 3. С. 139-165; Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2008. С. 201.

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 222-253. [Раздел: «Владимир Эдуардович Крусман: историк “второго плана”»].

² Трагическое «созвучие»: оба ученых умерли в один день – 25 августа.

³ См.: *Евгений Николаевич Щепкин (1860-1920): Библиографический указатель* / Сост.: *И.В. Максименко, В.В. Самодурова*; Научн. ред. *Т.Н. Попова*; Авторы вступ. ст. *И.В. Максименко, Т.Н. Попова*. Одесса: «АСП», 1998. 129 с.; *Историк Євген Миколайович Щепкін (1860-1920): постать в контексті доби. Матеріали міжнар. наук. конференції «IV Історіографічні читання»*, присвяч. 150-й річниці з дня народження професора Є.М. Щепкіна (21-22 травня 2010 р., м. Одеса). Одеса, 2012. 212 с.; *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 180-196. [Раздел: «Евгений Николаевич Щепкин: жизнь как тахіма»].

пусковое сочинение. В 1906 году был рекомендован Е.Н. Щепкиным «для приготовления к профессорскому званию». В 1908 году по инициативе Е.Н. Щепкина и при активной поддержке Э.Р. фон Штерна П.М. Бицилли (еще магистрант) стал преподавателем Одесских высших женских курсов. В 1918 году Е.Н. Щепкин рекомендовал П.М. Бицилли на должность профессора.

Пробные лекции, прочитанные П.М. Бицилли в Новороссийском университете в 1910 г. посвящены тематике, входившей в диапазон исследовательских интересов Е.Н. Щепкина: «Фридрих II Гогенштауфен» и «Наказы 1789 г. как исторический источник».

Петр Михайлович испытывал чувство пиетета к своему наставнику. Статья, написанная им к 30-летию научной деятельности Е.Н. Щепкина (1916), – образец глубокого историографического анализа, осуществленного уже профессионально зрелым ученым, стремящимся сквозь призму «образа другого» определить собственное кредо.

П.М. Бицилли считал, что для исследовательского почерка Е.Н. Щепкина характерны самостоятельность и нестандартность мышления. Это нашло свое выражение в выборе исследовательской проблематики, в независимости от общепринятых нормативов историографической традиции и, наконец, всегда в новом подходе к решению т.н. «старых» тем. Проблематика научных интересов Е.Н. Щепкина, специалиста по всеобщей истории, несмотря на кажущуюся разнородность, подчеркивал П.М. Бицилли, всегда относилась к той области познания, «...где “русская история” граничит со “всеобщей”»¹. Изучение историко-юридических нормативов древней Руси, происхождение Лжедмитрия 1, Семилетняя война – все эти проблемные линии, охватывая различные регионы, одновременно вписывались в общеевропейский контекст и рассматривались Е.Н. Щепкиным на источниковом материале разнообразного национально-государственного происхождения. Специфика его подхода заключалась в том, что и сама тематика, и ее решение всегда были, отмечал П.М. Бицилли, направлены «против течения». Е.Н. Щепкин, глубокий знаток историографических традиций, выступал за пересмотр устоявшихся мнений, предлагая всегда собственное оригинальное видение проблемы и не следуя «методологической моде»: так, в период увлечения российскими историками экономическим материализмом, он обращается к истории русской ди-

¹ *Бицилли П.* Тридцатилетие научной деятельности профессора Е.Н. Щепкина // Одесский листок. 1916. 6 января.

пломатии; в противовес мнению «об абсолютной детерминированности исторического процесса» под влиянием экономического фактора – выдвигает тезис о необходимости учитывать «специальные расчеты личностей», часто несовпадающие с «экономическим расчетом масс».

Новый ракурс, новый подбор источников, новая трактовка фактов и в итоге новое качество решения вопроса – в этом была особенность исследовательского почерка Е.Н. Щепкина. П.М. Бицилли верно раскрыл отличительную черту Е.Н. Щепкина-исследователя: «он прежде всего историк-методолог». Глубокое понимание им методологических новаций и общих тенденций в развитии теоретической мысли в исторической науке нашло отражение в курсах по методологии истории, читаемых Е.Н. Щепкиным в Новороссийском университете и на Одесских высших женских курсах¹.

«Мастерство метода», новый, всегда нестандартный взгляд на «старые» проблемы, тщательный анализ всего комплекса источников, широкий сравнительно-исторический обзор материалов, всегда свой собственный путь – «слишком крутой», для того чтобы нашлось много «охотников» следовать за ним, – все это привлекало Петра Михайловича в Е.Н. Щепкине. П.М. Бицилли восхищался исследовательскими приемами, которые использовал Е.Н. Щепкин, и сам пытался следовать за ним в работах, посвященных сравнительному анализу «русских» и «западных» источников – «Западное влияние на Руси и Начальная летопись» (1914), «Новгородское сказание о IV крестовом походе» (1916) и др.

Е.Н. Щепкин, замечал П.М. Бицилли, предъявлял к собственной работе историка-исследователя высочайшие требования. При таких требованиях невозможно «...писать “легко” и писать много»². Приоритет Метода, широкая источниковедческая основа даже «мелкого» исследовательского вопроса, независимость от устоявшихся историографических традиций – этот подход к науке стал для П.М. Бицилли эталонным.

В 1917 году В.Э. Крусман, характеризуя П.М. Бицилли как ученого, выделил, фактически, те же черты, которые признал для себя значимыми сам Петр Михайлович, анализируя творческую индивидуальность Е.Н. Щепкина. П.М. Бицилли, отмечал В.Э. Крусман, свой-

¹ См.: *Щепкин Е.Н.* Методология. Идея психологии народов (Лекции). Одесса, 1904; *Он же.* Вопросы методологии истории (Краткая обработка курса лекций). Одесса, 1905.

² Одесский листок. 1916. 6 января.

ственна научная добросовестность, самостоятельность, нестандартность мышления («отклонение от обычных для тех или иных научных произведений трафаретов»), широкий кругозор (проблемы западноевропейской и русской истории), исследовательская глубина, скрупулезный анализ источников. Сам Е.Н. Щепкин также признавал за П.М. Бицилли исследовательскую самостоятельность. В отзыве-рекомендации на должность профессора Евгений Николаевич писал о своем ученике: к установившимся в историографии схемам, он «всегда умеет прибавить свою ретушировку, ... несколько новых черточек»¹.

Ремарка-мнение. В последних по времени исследованиях вопрос поставлен еще об одной фигуре возможного «наставника» П.М. Бицилли. Анализ неопубликованного научного наследия профессора кафедры богословия Новороссийского университета *А.М. Клитина*, в сфере интересов которого были вопросы, составившие блок медиевистических поисков П.М. Бицилли (религиозные движения в Италии XI-XIII вв; иоахимизм; фигура и творчество Салимбене и др.), позволили О.Б. Демину (Одесса) выдвинуть гипотезу о роли А.М. Клитина в определении исследовательской программы П.М. Бицилли одесского периода².

Поиск истоков в выборе проблемного поля П.М. Бицилли и роли его университетских «наставников» не исключает признания сложной конфигурации индивидуального маршрута ученого, специфики личностного восприятия идей *Другого*, особенностей его отношения к проблеме «Школы» и проч.

О школе: персональное измерение

П.М. Бицилли не укладывается в привычные историографические и историко-философские схемы. Одна из причин в том, что

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119. Л. 21-21 а. См. подробнее: *Шумейко Д. Е.Н.* Щепкин о П.М.Бицилли // Каразинські читання (історичні науки): Матеріали міжнародної наукової конференції 25 квітня 2008 р. Харків, 2008. С.320-322.

² См.: *Демин О.Б.* П.М. Бицилли и одесская медиевистика // CURRICULUM VITAE. Сб. научных трудов. Выпуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010. С. 58-65; *Попова Т.Н.* Бициллиеведение: информационно-аналитические комментарии (Круглый стол «Бициллиеведение в международного интеллектуально пространство: состояние и перспективы»). X международная научная конференция «Българите в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г. // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 3. Київ: Інститут історії України НАН України. 2008. С. 411-415 [гіпотеза *О.Б. Демина*].

он не приобрел четко ориентированного «научного воспитания». Выбор им доминирующей исследовательской проблематики постоянно изменялся под влиянием в первую очередь «смены» научных наставников.

Увлечение «новистикой» было прервано с «уходом» Е.Н. Щепкина в большую политику. Обращение к римской истории вероятнее всего из-за отъезда Э.Р. фон Штерна в Германию не получило квалификационного завершения – защиты магистерской диссертации по античной тематике. Лишившись перманентного научного руководства со стороны столь авторитетных ученых, Петр Михайлович делает выбор в пользу медиевистики. И здесь, конечно, свою роль сыграл В.Э. Крусман, в большей мере наставник-товарищ, прошедший хорошую школу, который не смог все-таки стать для П.М. Бицилли тем, кем для самого Владимира Эдуардовича были его учителя – Г.В. Форстен и И.М. Гревс. Общая ситуация с учебной нагрузкой на кафедре («дидактический фактор») детерминировала новую научную ориентацию молодого ученого.

Сложная эволюция поисков исследовательской доминанты, «метания» в поисках «темы» – от новистики через антиковедение¹ к медиевистике – не прошли даром. Глубина погружения в материал – черта столь характерная для Бицилли-исследователя (тонко подмеченная В.Э. Крусманом) – способствовала формированию широчайшего научного кругозора. Проблемы античности, средневековья, новой и новейшей истории; европейской, российской, истории Востока и проч. составили специальные предметы его изысканий.

Е.Н. Щепкин, безусловно, оказал значительное влияние на формирование научной культуры П.М. Бицилли: широта проблематики и источниковой базы (синтез европейского и русского регионов; «бросок» в русско-скандинавскую проблематику и проч.); исследовательская самостоятельность, нестандартность подходов, скрупулезность работы с материалом («исследовательская акрибия») и т.п. – все это, безусловно, те черты «влияния», которые органично были восприняты молодым ученым, поскольку соответствовали его личностным качествам.

В.Э. Крусман, а через него – школа И.М. Гревса, возможно, сконцентрировали его внимание на культурологическом ракурсе

¹ Вопрос о «влияниях» Э.Р. фон Штерна на антиковедческие исследования П.М. Бицилли требует специального анализа.

медиевистических изысканий. Общность с воззрениями В.Э. Крусмана: акцент на роль периодизации как приема, «без которого никакой исторический синтез невозможен», при этом – тезис об условности «деления истории»¹; историко-психологические и культурологические методы; проблема сознательного и бессознательного в процессе «интеллектуальных движений»; «итальянский локус» историографического анализа и т.п.

Определенная «оппозиционность» по отношению к Л.П. Карсавину, возникающая в процессе рецензирования его работ и усугубленная затем личностным неприятием способствовала выработке собственного исследовательского маршрута.

Не исключено также, что контакты с А.М. Клитиним в студенческие годы помогли ему позже, в процессе знакомства с новейшими медиевистическими исследованиями, сфокусировать взгляд на конкретных проблемах итальянского средневековья – истории францисканства и др.

И все-таки в современном арсенале бициллиеведов нет его-документов, в которых бы Петр Михайлович четко признавал кого-либо из рассмотренных персон в качестве своих учителей.

Великолепный знаток классического наследия мировой философской и исторической мысли, стремящийся уловить все новейшие тенденции интеллектуального движения, П.М. Бицилли тем не менее не соотносил себя с каким-либо конкретным течением или научной школой. «Независимый и одинокий мыслитель», как заметил Б.С. Каганович, П.М. Бицилли представлял всегда «свою собственную партию»².

П.М. Бицилли формировался как ученый в значительной степени по «историографической традиции», поглощая и классику, и все «новинки», приобретая глубочайшие знания в области философии, истории, социологии, истории культуры в целом и постепенно определяя свой собственный путь в науке. Анализ работ П.М. Бицилли – от рецензий до монографий – позволяет констатировать, что он для него не существовало дисциплинарных барьеров и

¹ См.: Крусман В.Э. Грань между средневековой и новой историей // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918. С. 25; Он же. Введение в изучение новой истории. Курс лекций по систематическому источниковедению. [Машинопись]. С. 7 [Научная Библиотека ОНУ имени И.И. Мечникова].

² Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С. 213.

«авторитетов». Имена поэтов, писателей, художников и музыкантов, философов, мыслителей, историков, филологов и проч., составивших сокровищницу мировой культуры, вошли в страницы произведений П.М. Бицилли.

Одновременно П.М. Бицилли приходит к собственному видению проблемы «школы» и формулирует для себя критерии исследовательской независимости.

Для П.М. Бицилли понятие «школа» – слово, которое он часто пишет с заглавной буквы, – объемного содержания. Он рассуждал о «Школе» как масштабной системе образования, которая, по его мнению, должна сформироваться в результате революционных преобразований 1917 года. Цель этой «Школы», по убеждению П.М. Бицилли, – обучение и воспитание нового «культурного человека»¹. «Школа», обучающая Методу, – основной сюжет его вступительной лекции в Софийском университете².

Категория «школы» в контексте проблемы влияния Вождя – Учителя на своих последователей-учеников – содержание его раздумий в сложной, подчас противоречивой, статье «Параллели», опубликованной в 1932 году в журнале «Современные записки» (Париж). Эта работа во многом вобрала в себя предшествующие мысли П.М. Бицилли о сущности и значении «школы» и одновременно представила новые, отнюдь неоднозначные идеи³.

П.М. Бицилли интересуется вопрос о формах, содержании и последствиях тех отношений, которые складываются между Учителем и Школой. Это, в построениях П.М. Бицилли, – не частная проблема. Поскольку вся «историческая жизнь» по своему содержанию сводится к влиянию человека на человека⁴, считает он, изучение форм влияния Учителя на Школу (Вождя на Массу) должно быть единственной задачей теории исторического процесса. Исследование же «характера» и «значения» подобных влияний долж-

¹ См.: *Бицилли П.* Демократия и школа // Одесские новости. 1918. 24 (11) февраля.

² См.: Профессор П. Бицилли. Проблемы современной истории. Вступительная лекция, читанная 10 марта 1924 г. // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. 1924. Т. XX. С. 1-15.

³ См.: *Бицилли П.М.* Параллели // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 211-216.

⁴ Можно ли считать П.М. Бицилли одним из провозвестников идеи «сетевых анализов» и коммуникативного подхода в исторических исследованиях?..

но составлять «основную задачу истории культуры». При этом, поскольку история «влияний», история смены «школ» и «направлений» представляет бесконечное многообразие форм, постольку необходимо исследовать, по мнению П.М. Бицилли, их типологию.

Любое объединение, считает Петр Михайлович, – научная школа, партия, секта – имеет нечто общее: все они основаны на самоотречении, самоограничении и дисциплине. Сам факт «причастности» к какому-нибудь «изму» (например, марксизму и т.п.) всегда «обязывает», а для ученого это означает ограничение собственного исследовательского поиска, что препятствует творческой активности.

«Школа» в принципе тяготеет к тому, чтобы «сомкнуться» вокруг учителя (руководителя, в которого верят и за которым идут его ученики-последователи), создавшего свою доктрину или идеологию (систему идей, теорию, концепцию). Однако это может привести к тому, что ученики «замкнутся» в учении своего наставника. И чем совершеннее мастерство Учителя, тем более бесплодными могут оказаться его воспитанники. Нередко ближайшие ученики того или иного авторитета, убежден П.М. Бицилли, понимают его значительно хуже, «нежели стоящие поодаль».

Более ценным и плодотворным бывает влияние, воспринятое на уровне интуиции, а не исходящее из того, что «прямо высказано учителем». Полноценна только та школа, считает П.М. Бицилли, в которой живет свободная мысль, в которой растет и развивается доктрина, а адепты соответствующих учителей являются «живой связью между ними и миром».

Если вся работа «Школы» выполняется «единственно для нужд Школы», если она обращена всецело на доктрину, если ученики в состоянии перенять только «грамматику» метода и заниматься «подражанием», – школа бесплодна, а ее представители превращаются в комментаторов, глоссаторов или популяризаторов доктрины своего учителя (даже если его учение оказало благотворное, обогащающее мысль, влияние на современников и потомков). Творческая работа над доктриной напротив должна «исходить от последней», творческое усвоение идеологии (учения – системы идей) должно заключаться в усвоении «духа» метода, что является самым важным и ценным в любом учении.

Стремление к обретению своей, индивидуальной «манеры мастера» на основе интуитивного восприятия «духа» - сущности

(т.е. – метода) разнообразных учений мыслителей, влияние которых может быть значительным, – в этом видел П.М. Бицилли задачу ученого.

О школе: методологическое измерение

Выявление принадлежности ученого к «научной школе» – одна из сложнейших теоретических проблем, которая требует не только экспликации понятий, но и выработки конкретных подходов и методик. Категория «научная школа» получила широкое распространение в современных историографических исследованиях: схолярная проблематика стала одной из ведущих. Однако, несмотря на значительный объем специальной литературы (активное обсуждение проблемы «школы в науке» началось на рубеже 1960-1970-х гг. в советской историографии и в науковедении), генеалогия осмысления этой категории свидетельствует о множестве подходов и трактовок, ни одна из которых практически не стала оптимальным «маркером» в конкретных историко-научных исследованиях.

Среди подходов – выделение «классической» школы как неформального научного коллектива, формирующегося вокруг видного ученого на базе высшего учебного заведения с целью обучения методам научного творчества. Характерными чертами «классических» школ в университетской практике XIX – начала XX вв. были: педагогическое общение и общность методов исследования. Данная трактовка близка к понятию «научно-образовательная (университетская) школа», цель которой – передача традиций научной работы («воспроизводство» новых поколений научного сообщества), а способ функционирования – в координатах «учитель-ученик».

Наряду с этим типом выделяется «научно-исследовательская школа» – объединение ученых вокруг лидера – «основоположника» нового научного направления, последователи которого (не всегда «ученики») вместе с лидером решают определенную научно-исследовательскую программу¹.

К третьему типу относят «школу-направление» («скептическая школа», «государственная школа», «народническая» и т.п.).

¹ См.: Ланге К.А. Организация управления научными исследованиями. Л.: Изд-во «Наука», Ленингр. отд., 1971. 248 с.; Школы в науке: Сборник статей / Отв. ред.: С.Р. Микулинский и др. М.: Наука, 1977. 524 с.

Н.Л. Рубинштейн, в частности, четко не разграничивал понятия «направление» и «школа». Он считал, что «историографическое изучение требует, как правило, выборочного, представительного отбора», т.е. «историк берется как представитель направления или школы, объединяемой *единством методологических принципов и... общностью проблематики* [курсив мой. – Т.П.], отражающей его понимание органической сущности и внутренней структуры исторической действительности»; одновременно «общность направления не снимает индивидуальности историка, она должна из нее вырастать»¹.

Иные позиции – в признании линейной зависимости историографических классов («школа-направление», или «школа-направление-течение», при которой классы различаются по логическому объему), либо в отрицании прямой зависимости между школой и направлением (констатация возможности их параллельного сосуществования)².

Большинство исследователей при изучении научных школ эпохи «университетской науки» XIX - начала XX вв. в качестве критериев «научной школы» выделяют:

- единство исследовательской проблематики;
- единство методологических позиций;
- наличие педагогического фактора, который либо «персонифицируется» («школа Ключевского», «школа Антоновича» и т.п.), либо «топонимизируется» («школа Московского университета», «школа Новороссийского университета» и т.п.); при этом первые могут входить во вторые.

С.И. Михальченко (Брянск) предлагает учитывать «иерархию критериев», размещая их по степени значимости. В соответствии с его схемой, определение «школы» предполагает наличие нескольких «критериальных уровней»:

- 1) педагогический фактор – педагогическое общение;

¹ Рубинштейн Н.Л. О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 103.

² См.: Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М.: Высшая школа, 1974. 400 с. (2-е изд. М.: Высшая школа, 1985. 495 с.); Мяжков Г.П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции / Науч. ред. Б.Г. Могильницкий. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1988. 198 с.; Он же. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. 298 с.; Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (Школа западно-русского права). М.: Прометей; Брянск: Изд-во БГПУ, 1996. 186 с. и др.

2) общие методы и принципы работы с источниками, в чем заключается передача «научной культуры»;

3) методологическая (теоретико-философская) общность;

4) близость исследовательской тематики и конкретно-исторического построения¹.

В реальной исследовательской практике последних лет наблюдается стремление заменить все виды «историографических классов» (направление, течение, школа) – единым: «школа».

Противоположная тенденция заключается в том, что активное включение в научный инструментарий понятия «научное сообщество», шире – «интеллектуальное сообщество», в определении которого подчеркивается коммуникационный маркер, привело к попыткам замещения им старого понятия «школа», либо к установлению субординации этих понятий: школа рассматривается как форма (вид, тип) интеллектуального сообщества².

С позиций «сетевой теории» научную школу / «академическую школу» рассматривают как подвижную, динамичную структуру «поток информации и коммуникаций», пронизанную вертикальными (учитель-ученики) и горизонтальными (партнеры по интересам, представители одной научной генерации) линиями связей. Подобный подход в качестве новой модели изучения истории исторической науки включает «смысловые узлы»:

- культурный капитал (производство идей, теорий, методов);
- институциональный капитал (университеты, кафедры, академические институты, научные общества, журналы, научные степени, ученые звания, должности, чины, ранги);
- пространство межличностных коммуникаций историков, где место каждого определяется его «сетевой позицией» в корпоративном сообществе, т.е. интенсивностью контактов и скоростью оборачивания культурного капитала.

Точками центрации такой сетевой модели школы являются:

- сфера идеологии (язык, коммуникативные коды, методы, средства концептуализации и проблематизации);

¹ См. Михальченко С. Школа в науці (історичній) // Історіографічний словник.: Навч. посіб. для студентів історичних факультетів університетів / С.І. Посохов, С.М. Куделко, Ю.Л. Зайцева та ін.; За ред. С.І. Посохова. Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2004. С. 310-311.

² Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. Материалы научной конференции 20-22 сентября 2007 г. М.: ИВИ РАН, 2007.

- институциональная организация (кафедра, журналы, идеи-проекты);
- межличностные отношения (интеллектуальные, административно-корпоративные, приятельские, семейно-родственные связи между представителями школы).

При этом важным компонентом выступает структурное соперничество (конфликт, конкуренция, борьба за интеллектуальное первенство внутри генерации, группы), а «символическая власть лидера школы» не ограничивается «собственной харизмой», но измеряется в первую очередь способностью «мобилизовать последователей» – превратить их в «сеть агентов» школы. Таким образом, «определяющим фактором школы выступают межличностные отношения»¹.

Одновременно в современной науковедческой литературе подвергнут рефлексии стереотипный тезис о роли научных школ². Школа как таковая представляет собой организм с определенным (чаще всего – краткосрочным) жизненным циклом. Ее реальное бытие детерминировано социокогнитивными факторами: новационностью ее программы (интеллектуальный ресурс), образовательными и коммуникационными ресурсами. Тезис о «длительно существующих школах» следует проецировать не на «реально действующий научный коллектив», а на «длящуюся научную традицию»³.

В этом контексте уместно говорить об *историографической традиции*, выявляя преемственность в границах определенной длительности в изучении конкретно-очерченного проблемного поля, а также приверженность к соответствующему типу *научной культуры*⁴. Последнее понятие включает в себя не просто харак-

¹ См.: Колесник И.И. Научная школа: сетевая модель в украинском контексте // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Выпуск 2. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. С. 256-257. См. также: Кауппи Нишло. Социолог как моралист: «практика теории» у Пьера Бурдьё и французская интеллектуальная традиция // Новое литературное обозрение. 2000. № 5 (45). С. 88–103.

² См.: Мирская Е.З. Научные школы как форма организации науки (социологический анализ проблемы) // Науковедение. 2002. № 3. С. 8-24; Она же. Научные школы: история, проблемы и перспективы // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М.: Изд-во «Логос», 2005. С. 244-265.

³ См.: Оноприенко В.И. Науковедение: поиск системных идей. Киев: ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008. С.199-200.

⁴ См.: Репина Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2008. Выпуск 22.

теристику исследовательской работы ученого – специфику обращения с историческим материалом, источниковедческую методику и проч., но «проявление “школьных образцов” в неявно выраженных правилах и процедурах научной жизнедеятельности»¹.

В то же время благодаря историографической традиции «школа» приобретает свою «реальность»: ее «имя» (название и самоназвание), структура, репутация и т.п. «маркируются»:

- ее представителями (чаще всего «пост фактум»);
- «оппонентами» или «приверженцами»;
- историографами науки.

«Онтологичность» школы как таковой в конечном счете определяется различными мотивационными предпосылками рефлексивного процесса.

Безусловно, логика любых построений должна сопровождаться (подтверждаться, опровергаться) конкретным анализом историографической эмпирики, что позволит с большей четкостью соотнести «школу» с формальными или неформальными объединениями, констатировать ее «реальность» или «инструментарность» и в итоге – получить картину бесконечного многообразия «схоларной истории».

Для понимания рассмотренных вопросов представляется также важным тезис о том, что категории «школьность» и «индивидуализм» следует рассматривать в качестве «базовых классификаторов», соотношение между которыми определяет «траекторию» движения ученого как личности, профессионала и представителя определенной эпохи².

Комментарии-post

Лапидарный экскурс в историографию актуализирует проблему «Бицилли-школа-наставники» и одновременно не позволяет на

С. 5-15.

¹ Мягков Г.П. Научная школа на перекрестке «структуры» и «воли» // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. Материалы научной конференции 20-22 сентября 2007 г. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 97.

² Наиболее полно и глубоко проблемы схоларности в историографическом и методологическом ключе исследованы Г.П. Мягковым. См.: Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. С. 7-156.

данном уровне источниковедческой и методологической оснащенности приближаться к какой-либо категоричности суждений.

Позиция ученого, его самоидентификация в определении собственной сопричастности к схолярной традиции («схолярная идентичность ученого») – маркер его профессионализма и признак саморефлексии, поскольку каждый ученый стремится осознать свою принадлежность к определенной профессиональной субкультуре¹. Однако, воздавая должное своим наставникам², П.М. Бицилли нигде не называет их своими учителями, никогда не говорит о «школе» ни в образовательно-исследовательском плане, ни в теоретико-методологическом. Но – обратим внимание на тот факт, что свою диссертацию П.М. Бицилли посвящает *alma mater*: «Новороссийскому Университету, воспитавшему меня и давшему мне возможность написать настоящую работу приношу здесь мою глубокую благодарность»³.

Не отрицая значения многообразных форм интеллектуальных влияний, но напротив, подчеркивая важность их скрупулезного изучения, может быть следует в данном случае поставить вопрос о специфике «научной школы» как таковой, об индивидуально неповторимом облике «школы» в творческой судьбе отдельного ученого?

В современной схолярной историографии наблюдается возрождение интереса к феноменам «региональных школ», изучение которых имеет весьма давнюю традицию: в конце XIX в. эту проблему в аспекте «опозиционности» (с акцентом на специфику) Московской и Санкт-Петербургской «школ» наиболее четко представил П.Н. Милюков⁴. Этот подход был характерен для Н.И. Кареева, который в области изучения русской истории («национальной истории») выделял «целую школу украинских историков», сложившуюся в Киевском университете (Н. Костомаров, его последователь В. Антонович с многочисленными учениками);

¹ См.: Колесник И.И. Научная школа: сетевая модель в украинском контексте // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Выпуск 2. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. С. 257.

² См.: Бицилли П. Памяти В.Э. Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2; Бицилли П. / Тридцатилетие научной деятельности профессора Е.Н. Щепкина // Одесский листок. 1916. 6 января и т.п.

³ Бицилли П.М. Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века) // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 240.

⁴ См.: Милюков П.Н. Два русских историка: С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер // Современные записки. 1993. № 51; Он же. Воспоминания. М.: Политиздат, 1990 и др.

«целую школу», воспитанную в Московском университете В.О. Ключевским («Московская школа Ключевского»); в Петербургском университете, по его мнению, «...семинары Платонова и Лаппо-Данилевского явились двумя основными школами, оттуда вышли многие историки» и т.п.¹ В советской историографии эту линию продолжили О.Л. Вайнштейн и С.Н. Валк². Однако вскоре «географический» принцип анализа исторических школ был признан «антинаучным», подрывающим единство советской науки, и в официальной историографии возобладал нивелирующий подход к изучению «университетских» («региональных») школ³.

С 1990-х гг. новое геополитическое и социокультурное поле детерминировало интерес как к проблемам регионалистики в целом, так и к схолярной истории «в региональном измерении»: новый импульс получили не только исследования теоретического характера (по вопросам категориального аппарата схолярной истории), но и конкретно-историографические – о школах столичных и региональных университетских центров⁴.

Можно говорить о том, что П.М. Бицилли – представитель «одесской школы историков»⁵ по аналогии с уже утвердившимися в литературе подобными определениями на основе «топонимиза-

¹ Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876-1926) / Публ. В.П. Золотарева // Отечественная история. 1994. № 4. С. 143.

² См.: Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней: Учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. М.; Л.: Соцэкгиз, 1940; Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л.: ЛГУ, 1948. С. 3-79.

³ Алпатов М.А. Исторические взгляды П.Н. Кудрявцева, С.В. Ешевского и М.С. Куторги // Очерки истории исторической науки в СССР. Т.1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 479-480 (прим.) и др.

⁴ См.: Гутнов Д.А. Об исторической школе Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1993. № 3; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. 138 с.; Ягудин Б.М. Н.А.Осокин и становление Казанской школы всеобщей истории. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1998. 226 с.; Колесник І. Дніпропетровська історіографічна школа: спроба саморефлексії // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 2. Частина 1. Київ: Інститут історії України НАН України, 2006. С.381-404; Ростовцев Е.А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России (1884-1917). Дисс....докт. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. 946 с. (в 2-х томах) и др.

⁵ См.: Пичета В.И. Введение в русскую историю (источники и историография). М.: ГИЗ, 1922. С. 201.

ции» педагогического центра. При этом правильнее будет конкретизировать «педагогический центр» – *Новороссийский университет*, который представлял собой вполне самобытное явление в границах своего существования (1865-1920).

Традиции Новороссийского университета как «научно-историографического центра», по определению В.П. Корзун¹, безусловно, нашли свою проекцию в научно-педагогической практике Одесского Института народного образования (1920-1930) и других высших учебных заведений Одессы в период ликвидации университетской системы в Украине, в научной жизни Одесского университета².

Историки-эмигранты, бывшие преподаватели университета, внесли весомый вклад в развитие исторической науки европейских стран. В частности П.М. Бицилли, воспитанник и профессор Новороссийского университета, стал фундатором в постановке преподавания и исследования всеобщей истории в университете «Св. Климента Охридски» (София); основоположником культурологического подхода к изучению исторического процесса; первым обратил внимание на необходимость разработки теоретико-методологических проблем исторической науки; сыграл значительную роль в воспитании новой генерации болгарских историков – оказал огромное влияние на стиль мышления и исследовательские подходы целой плеяды болгарских ученых³.

Особая «интеллектуальная аура Новороссийского университета», его специфика – достаточно «кратковременное» пребывание здесь ученых первой величины, преобладание в педагогическом составе выпускников иных университетских центров – факт,

¹ См.: *Корзун В.П.* [Рец.:] Попова Т.Н. *Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета.* Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25 / 2. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2008. С. 396.

² См.: *Апатов С.И., Демин О.Б., Перишина З.В.* *Историческая наука в Одессе за 200 лет // Очерки развития науки в Одессе. Сборник статей.* Одесса: НАНУ, Южный научный центр, 1995. С. 450-491; *Попова Т.Н., Станко В.Н.* *Исторические исследования в Одесском университете: традиции и современность // Вестник Одесского государственного университета. Выпуск 1.* Одесса, 1995. С.37-52; *Левченко В.В.* *Історія Одеського інституту народної освіти (1920-1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту.* Одеса: ТЕС, 2010. 428 с.; *Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова (1865–2015): история та сучасність / гол. ред. І.М. Коваль; Одеський нац. ун-т ім. І.І. Мечникова.* Одеса: ОНУ, 2015. [Раздел: «Еволюція історичної науки» (*О.Б. Дьомін*)] и др. .

³ П. Бицилли – основоположник на культурологичната мисъл в България. Интервью на *Виолина Атанасова* с проф. Мария Велева // *Историческо бъдеще.* 2003. № 2. С. 295-300; *Велева М.* *Българската съдба на проф. П.М. Бицилли.* София, 2004. С. 155-156.

чаще всего рассматривавшийся в литературе как «негативный», свидетельствующий о провинциальности и «второразрядности» университета, в контексте теории «сетевых коммуникаций» приобретает иное звучание: «...взаимобогащающее пересечение в пространстве университета представителей различных научных школ и традиций»¹.

Все это способствовало воспитанию в его недрах незаурядных ученых – А.И. Маркевича, М.Г. Попруженко, А.В. Флоровского, Г.В. Флоровского, П.М. Бицилли, Н.Л. Рубинштейна, О.Л. Вайштейна, К.П. Добролюбского и многих других, составивших гордость отечественной и мировой науки.

Новороссийский университет для П.М. Бицилли, как и для многих иных выпускников, можно рассматривать как «генетический тип школы»²: в координатах «учитель / учителя - ученик» – в процессе сложного переплетения взаимообщений / взаимовлияний – происходило «привитие» ученику и интереса к конкретной проблематике, и формирование определенного типа научной культуры – стиля мышления и исследовательских методов. Одновременно проблема «интерференции» – пересечения научных школ, «наложение друг на друга» различных типов научной культуры – может стать ключевой для изучения схолярной истории в ее «региональном измерении»³.

Чувство принадлежности к школе как к своей *alma mater* ученые сохраняют надолго, даже будучи рассеянными по другим научным центрам, создавая в них собственные традиции на основе исходных / «школьных». Пересекая границы (внутренние и внешние), представители определенных научных школ не только осуществляют когнитивный трансфер, но расширяют ареал определенной научной культуры.

¹ Корзун В.П. [Рец.:] Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 25 / 2. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 388, 396.

² Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистики в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 3.

³ О школах в исторической науке и их изучении см. подробнее: Корзун В.П., Мяжков Г.П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной): [сборник] / отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 364–409.

Ремарка-post-уточнение. В отличие от профессора М.А. Бирмана, для которого «наставничество» связано с *систематическим*, постоянным научным руководством, мне представляется, что «наставничество» можно рассматривать как категорию *неконстантную*: речь идет о *влияниях* и *созвучиях*, «*родимых пятнах*» – тех понятиях, которые были близки самому П.М. Бицилли и которые имели для него глубокое концептуальное значение. Во всяком случае «дискретность» в «наставничестве» не умалила возможности воспринять *лучшее* у своих наставников, но именно только то, что органично совпадало с индивидуальными качествами – «*мироощущением*» и «*мировосприятием*» – самого Петра Михайловича Бицилли.

«Исход»¹

После Октября 1917 года, писал П.М. Бицилли в конце 1940-х гг., осмысливая прошедшие годы, произошел «распад русской интеллигенции на два лагеря, принявших и не принявших ее по соображениям партийного, общественно-политического характера...»².

1917 - январь 1920-го – последнее трехлетие одесского периода в биографии выдающегося ученого **Петра Михайловича Бицилли**. Это время, когда завершилась вполне благополучная жизнь профессора Новороссийского университета, и Петр Михайлович, остро воспринимавший перемену судьбы, как-то сказал своим близким: «Теперь вся история России кончилась»³.

Бегство

«Исход» – так определил сам Петр Михайлович вынужденную эмиграцию⁴.

* * *

Конец девятнадцатого и начало нового года ознаменовались повальным бегством из города всех, кто не хотел вновь испытать большевистский режим. Зима в Одессе была суровой, смертность – огромная: свирепствовал тиф. Слух о скором захвате города войсками Котовского побудил многих профессоров Новороссийского университета задуматься об эвакуации университета в целом, со всеми его структурами. Но было уже поздно.

¹ Первая публикация см.: *Попова Т.Н.* П.М. Бицилли. Фрагмент биографии // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2015. С.136-145 и др. Этот этюд был задуман в форме, более приближенной к литературным жанрам, потому - стилистически менее «академичен».

² *Бицилли П.М.* У истоков русской общественной мысли. Публикация, редакция и комментарий Галины Петковой. URL: <https://liternet.bg/publish6/pbicilli/istokov/content.htm>

³ См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С.660.

⁴ Письмо П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому от 28 сентября 1922 г. См.: Архив Российской Академии наук (РАН, г. Москва). Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л. 2. Все ссылки на АРАН основаны на работе автора с архивными документами до появления материалов архива А.В. Флоровского в Интернете.

Англичане еще давали визы на свои пароходы. Многим из университетской профессуры бывшей уже страны удалось попасть на военный транспорт «Rio Pardo» (отнятый англичанами у немцев), который одним из последних покидал Одессу. Среди них оказалась и семья Бицилли¹.

Поспешные сборы, минимум вещей² и ключ от квартиры – надежда на скорое возвращение! Петр Михайлович садится за рояль: «Лунная соната» Бетховена звучит почти как «Граурный марш» Шопена. «Ну вот и все. Мы уезжаем»³ – последние слова⁴.

Ночью погрузились. Порт замерз, но ледоколом был пробит узкий проход, по которому и прошел «Rio Pardo», рефлектор с мола освещал путь. Остановившись возле английского крейсера, обстреливавшего Молдаванку, пароход простоял ночь и на рассвете двинулся в путь – мимо знаменитых одесских Фонтанов: пассажиры «Rio Pardo» в последний раз видели родную землю⁵.

¹ М.А. Бирман, опираясь на воспоминания Е.П. Ивановой-Аначковой, внучки П.М. Бицилли, пишет: «Неожиданно возникла возможность получить отдельную крохотную каюту на пароходе «Rio Pardo», направлявшемся в Салоники. Отправление состоялось 28 января 1920 г.». Это все факты, которые были до сих пор известны о бегстве П.М. Бицилли из Одессы; в городе оставались его мать – Екатерина Адольфовна Штейнгард, младший брат – Михаил Михайлович с семьей, близкие друзья и коллеги (А.В. Флоровский, О.Л. Вайнштейн и др.). См.: *Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого.* // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 662.

² В «минимум вещей» вошла, возможно, не вся, но наиболее значимая часть личного архива ученого, включая его публикации и материалы некоторых лекций, среди которых, на мой взгляд, – «История историографии».

³ См.: *Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого.* // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 662.

⁴ Согласно с Т.Н. Галчевой: многие факты, приведенные М.А. Бирманом на основании воспоминаний родственников и друзей П.М. Бицилли, требуют тщательной перепроверки. См.: *Галчева Т.Н. Об итоге 20-летних эмигрантоведческих усилий: рецензия без макияжа* [Рец. На кн.: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей. 2018. 44 с.] // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 1. С. 226-228. Сведения из «семейных преданий» – каюта на пароходе «Rio Pardo», «скалопалительные сборы», «минимум» вещей, взятых с собой семьей Бицилли, наконец, красивый сюжет о «Лунной сонате» и т.п. – нуждаются в дополнительных подтверждениях.

⁵ См.: *Спекторский Е.В. Воспоминания* (Вступит. статья, примечания и комментарии С.И. Михальченко // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2010. Выпуск 12. С. 303-390; *Спекторский Е.В. Начало эмиграции* (отрывок из «Воспоминаний») / Публ. С.И. Михальченко и Е.В. Ткаченко // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Выпуск. 16. С. 158-169. Публикация этих материалов позволила выяснить абсолютно неизвестный доньше фрагмент из жизни П.М. Бицилли.

Экскурс. Последние одесские годы

За три года гражданской войны Одесса неоднократно переходила из рук в руки всех воюющих сторон – бесконечная чехарда властей и режимов! Новороссийский университет «краснел», активно реформируясь в периоды соввласти, «белел», возвращая свою классическую академичность, когда приходили «добровольцы» и «западники», и приобретал иные цвета при установлении новой украинской власти.

Однако эти три года в творческой судьбе П.М. Бицилли – значительны: защита магистерской диссертации (май 1917), избрание на штатную должность доцента (сентябрь 1917), затем – экстраординарного профессора, приглашение на должность ординарного профессора в Саратовский университет (апрель 1918).

Именно в эти годы, несмотря на удручающую обстановку, П.М. Бицилли издал свои наиболее значительные в концептуальном плане работы: «Общественные движения в изображении средневековых историков» (1917), «Элементы средневековой культуры» (1919), «Падение римской империи» (1919).

К этому времени окончательно сложился «индивидуальный почерк» ученого: культурологическая и интердисциплинарная направленность исследований, рецензирование как средство «интеллектуального заряда» для внутреннего диалога и открытия новых концептуально-методологических горизонтов собственного творчества, историографический стержень теоретических обобщений, самобытный стиль изложения мысли и неповторимая «манера» письма.

Этот период отмечен и активным патронатом П.М. Бицилли в отношении талантливой молодежи, необходимость привлечения которой в университет осознавалась ученым как насущная задача, несмотря на все метаморфозы политической жизни. По рекомендации Петра Михайловича О.Л. Вайнштейн становится профессорским стипендиатом, К.В. Флоровская – первой женщиной-преподавателем историко-филологического факультета.

В публицистических работах «Основы социализма» (1917), «Демократия и школа» (1918) П.М. Бицилли пытался осмыслить происходящее, подняв ряд глобальных вопросов: об эволюции и сущности социалистических идей, о законах революции, о синдро-

ме контрреволюции в «революционном мышлении», о роли интеллигенции, о реформах школы и воспитании «нового человека». Не потеряв еще окончательно надежду на возможность возрождения страны, он предлагал свое видение новой Школы. Именно так, с заглавной буквы, П.М. Бицилли обозначал школу будущего, призвание которой, по его убеждению, – готовить духовно свободного человека, с сознанием, «...открытым для всякой благородной мысли, не исполнителем предначертаний начальства... но творцом жизни»¹.

Эти же годы укрепили союз двух прекрасных людей – Петра Михайловича и Марии Тимофеевны. По семейным преданиям их сблизили уроки музыки, которые Мария Тимофеевна, талантливая пианистка, стала давать Петру Михайловичу. Молодые люди полюбили друг друга, но статский советник П.Д. Орехов, муж Марии Тимофеевны, в разводе отказал. Прожив в гражданском браке несколько лет, П.М. Бицилли только в 1918 г., после кончины П.Д. Орехова, смог обвенчаться со своей избранницей и удочерить ее дочь Анну. 1917 год был отмечен семейной радостью: родилась дочь Мария².

Социальные катаклизмы 1917-1920 годов круто изменили судьбу Петра Михайловича именно в тот момент, когда он вошел в период свой творческой зрелости. Он так и не стал доктором наук и «полным» – ординарным профессором, не успел приобрести «всероссийскую известность», что существенным образом повлияло на его эмигрантскую судьбу.

П.М. Бицилли с радостью принял Февраль, однако последующий «революционный вандализм» обусловил радикальное решение. Одессит по рождению, потомственный дворянин по происхождению, фамильные корни которого восходили к первопроходцам Новороссийского края, П.М. Бицилли, сформировавшийся как ученый широчайшего творческого диапазона в микросоциуме своей *alma mater* – Новороссийском университете, вынужден был бежать из родного города...

¹ Одесские новости. 1918. 24 (11) февраля.

² См.: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого. // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 648-649, 655. И в личной жизни П.М. Бицилли не следовал стандартам и игнорировал общепринятые условности.

Морское скитание

Обстановка на пароходе была очень тяжелой: английский военный транспорт не был приспособлен для перевозки пассажиров¹. Профессора с семьями разместились в двух трюмах – для мужчин и для женщин. Теснота, качка (судно попало в бурю, которая длилась несколько дней), болезни, скудная еда, грязь омрачали и без того безрадостное путешествие. Желтый флаг свидетельствовал о том, что на судне – больные. Болгария (Варна) пароход не приняла, Турция (Константинополь) тоже. Следующий порт – Салоники. Якорь был брошен, и началось, по образному выражению Е.В. Спекторского, «Солунское стояние».

Из профессоров Новороссийского университета на пароходе кроме П.М. Бицилли был А.П. Доброклонский² с женой, а также группа профессоров и преподавателей Университета св. Владимира, Киевского политехнического института, Киевской духовной академии: Е.В. Спекторский, П.В. Воронеж, П.Н. Рышков, Г.В. Демченко с семьями; П.Э. Заиончковский, А.И. Косицкий, В.В. Фармаковский, М.Э. Поснов, которым удалось уехать из Киева в Одессу, перед тем как город был взят большевиками. Среди беженцев был и А.И. Щербаков (1858-1944), доктор медицины, профессор Новороссийского университета (1908-1915), попечитель Одесского учебного округа (1911).

¹ См.: *Фармаковский В.В.* А.П. Доброклонский (по личным воспоминаниям) // Записки Русского научного института в Белграде. Выпуск 15. Белград, 1938. С. XXIII-XXV. Владимир Владимирович Фармаковский (1880 /Симбирск/ – 1954 /Белград/) – конструктор и инженер-механик, профессор Киевского политехнического института и Белградского университета, член Сербской академии наук, член Императорского Православного Палестинского Общества, сын В.И. Фармаковского (1842-1922), известного педагога, директора народных училищ в Херсонской губернии (1885–1891), и брат Б.В. Фармаковского (1870–1928), крупного ученого-археолога, чл.-корр. Петербургской академии наук, затем РАН и АН СССР; выпускника Новороссийского университета, ученика Э.Р. фон Штерна, внесшего значительный вклад в археологические изыскания в Ольвии, Киеве, Крыму и т.п.

² *Доброклонский Александр Павлович* (1856-1937) – доктор церковной истории (1916), с 1899 г. – профессор Новороссийского университета (НУ), декан историко-филологического факультета (1910-1919), и.о. ректора (1915-1917), редактор «Записок» НУ (1908-1916), глава Историко-филологического общества при НУ (с 1907), один из лидеров «правой» профессуры; в эмиграции - профессор Белградского университета (1920-1937). П.М. Бицилли, будучи студентом, слушал лекции А.П. Доброклонского: «История христианской церкви», «Церковный строй в России», «Сектанство в России», «Раскол в русской церкви» и др.

Кроме профессуры на пароходе были бывшие землевладельцы, представители Одесского городского управления, военные (среди них – генерал А.Я. Шелль /1862-1929/, с конца 1918 г. – военный руководитель немецкой колониетской самообороны Одесского района) и многие другие – всего 850 человек весьма разношерстной публики.

В течение одиннадцати дней шли переговоры греков с сербами о дальнейшей судьбе пассажиров «Rio Pardo». Это время было наполнено и тягостными сюжетами (профессора вынуждены были чистить судовые уборные, убирать снег во время снежной метели, захватившей транспорт в открытом море и т.п.), и приятными минутами – после обеда мужчины отправлялись в женский трюм и там лакомились сыром и вареньем, которые полагались только дамам.

Наконец Белград согласился принять беженцев. Семнадцатидневное морское скитание завершилось и началось новое – на суше, в незнакомых краях. Всех бывших пассажиров «Rio Pardo» разделили на группы и далее отправляли по железной дороге, в товарном поезде. Простояв ночь в Скопье, поезд прибыл в маленький уездный городок в южной Сербии – Вранье.

Освоение чужбины (кегель 12)

Вранье

Местная администрация предоставила беженцам убогое жилье, денег не было, позже белградское правительство стало выдавать ежемесячные «ссуды». Профессорам предложили читать лекции, но состоялась только одна лекция П.М. Бицилли, посвященная истории мест, по которым прошел пароход.

Отношение к русским эмигрантам было доброжелательным – сербы дорожили православием, и это сближало хозяев и вновь прибывших. Профессора ходили в городскую читальню для того чтобы узнать из сербских газет о положении в России, Европе и балканском регионе. Просматривая газеты, П.М. Бицилли был удручен тем, что романы А. Дюма и В. Гюго печатались в газетах в виде «фельтонов» (фельетонов).

В послеобеденное время П.М. Бицилли ежедневно приходил к Е.В. Спекторскому для «интеллигентного» (по выражению последнего) разговора: общение с известным ученым, человеком высокой культуры и широчайшей эрудиции, остроумным и доброжелательным, поддерживало Петра Михайловича, способствовало сохранению интеллектуального тонуса. Не исключено, что в перспективе он надеялся и на участие Е.В. Спекторского в своей эмигрантской судьбе.

Понимая, что чужбина может стать весьма длительным пристанищем, профессора начали изучать сербский язык. Им предложил бесплатно свои услуги некий Бошко Пешич, который быстро «обрусел» среди своих учеников и вскоре начал путать русские и сербские слова. Для Е.В. Спекторского, хорошо знавшего польский, сербский язык оказался несложным, но «в некоторых отношениях недостаточно гибким»¹. П.М. Бицилли, имея безупречный музыкальный слух и невероятную способность к восприятию иностранных языков, достаточно быстро осваивал новый, но высказался о нем более категорично, нежели его старший коллега – «для целого ряда понятий <...> у сербов нет вовсе никаких обозначений»².

Вскоре Е.В. Спекторский и А.П. Доброклонский уехали, получив должности в Белградском университете. В отличие от них П.М. Бицилли не мог рассчитывать на известность своего имени и был согласен на любую работу – учителя, библиотекаря и т.п.³.

Вранье в биографии П.М. Бицилли можно определить как «место слабости»⁴: 1920 год – единственный год, оказавшийся без

¹ *Спекторский Е.В.* Начало эмиграции (отрывок из «Воспоминаний») / Публ. С.И. Михальченко и Е.В. Ткаченко // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Выпусе 16. С. 169.

² Из письма П.М. Бицилли к К.В. Флоровской от 3 января 1922 г. См.: *Галчева Т.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 23.

³ См.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 45.

⁴ См.: *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. С. 43-49. [Вариант биоисториографической модели].

публикаций в обширной библиографии Петра Михайловича¹. Однако возможность покинуть Вранье скоро представилась.

Скопье

В феврале 1920 года в Скопье (Македония) был открыт филиал философского факультета Белградского университета. П.М. Бицилли предложили занять должность доцента кафедры всеобщей истории. Весной этого же года семья переехала на новое место в надежде на лучшее. Однако организация нового учебного заведения происходила в сложных условиях: полноценной базы университетского уровня не было, денег на кафедру, книги и научные командировки администрация университета не давала. Окружение на работе по своим «душевым качествам» и «по одаренности», по словам Петра Михайловича, оставляло желать лучшего². Семья П.М. Бицилли бедствовала. Жизнь была более чем скудной, жалование, по словам самого Петра Михайловича, – «не настоящее», а «служительское»; жена и старшая дочь Петра Михайловича вынуждены были по целым дням работать – не хватало самого необходимого.

Но в отличие от Вранье работа в Скопье была, и депрессия подавлялась привычным трудом: в университете П.М. Бицилли читал на сербском языке курсы по истории нового времени, истории римской республики; спецкурсы – «Введение в историю», «История историографии»; проводил семинар по эпохе Французской революции ХУШ века и др.³. «Дидактический фактор» стимулировал создание первой книги, написанной П.М. Бицилли в эмиграции – учебника по всеобщей истории⁴. Петр Михайлович, недовольный

¹ «Год без публикаций» не означает «год без работы» – вполне вероятно, что именно в атмосфере «культурного одиночества» началась интенсивная саморефлексия: П.М. Бицилли пересматривает вывезенный из Одессы личный архив, ищет возможные направления исследований и, не исключено, набрасывает тексты будущих работ, в том числе – «Очерков истории исторической науки».

² Из письма П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому от 5 февраля 1923 г. См.: Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л.8-9.

³ *Бирман М.А.* П.М. Бицилли в югославский период эмиграции (1920-1923 годы) // Славяноведение. 2005. № 4. С. 85; *Он же.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С.66-67.

⁴ «Увод у светску историју». Београд: Геце Кон, 1923. 203 с. Работа П.М. Бицилли стала первым учебником по всеобщей истории, изданным на сербском языке. См.: *Сыченкова Л.А.* «Я пишу не более не менее, как всемирную историю»: просветительская миссия

своей работой, объяснял появление этой книги исключительно материальными потребностями – «из любостяжания», а метод написания определял – «исключительно “от ума своего”»¹, т.е. без должной работы с источниками. Несмотря на гипертрофированную самокритику П.М. Бицилли сумел создать вполне профессиональный компендиум, который вобрал в себя авторский опыт чтения курсов по всеобщей истории в университете в Скопье, а также в предыдущий, одесский период. Появление «Очерков теории исторической науки» означало подведение итогов одесского периода и выход на более высокий уровень научной рефлексии - *прорыв на переломе*. Эта Книга стала главной работой, отразившей новый уровень саморефлексии ученого в новом для него социокультурном пространстве.

Петра Бицилли // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, О.В. Сеницын. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 50-56.

¹ Цит. по: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С.57.

«Хождение по мукам»

Из югославского периода (кегель 14)

Югославский период в творчестве П.М. Бицилли можно рассматривать как переходный, критический, период переосмысления, концентрации ума и поиска научных ориентиров. Именно в Скопье, в 1920-1923 годы, происходит определенная «кристаллизация философско-исторического мировоззрения»¹ П.М. Бицилли, его методологических позиций в исследовании исторического и историографического процессов.

В возрасте сорока одного года П.М. Бицилли вынужден был покинуть родину. Начинаясь новый этап в его жизни – эмиграция. Растерянность, страх перед будущим, заставляют его обратиться к знакомым авторитетным ученым: уже 28 марта 1920 г. из маленького города Вранье ученый отправляет профессору Н.П. Кондакову в Софию письмо: «У меня к Вам большпя просьба: оказать мне, если для Вас это возможно, какое либо содействие, чтобы получить в Сербии – или если нельзя в Сербии, – то в Болгарии, то или иное место – университетского преподавателя, *Schuhlmeister*‘а, библиотекаря и т.п.»².

П.М. Бицилли не мыслит себя вне университетской жизни, вне науки: «обидно попасть в страну, где столько интересного для историка» и при этом оказаться в условиях, исключающих «всякую возможность научной работы». При этом Петр Михайлович подчеркивает, что он – «профессор Новороссийского Университета».

Реальность же была такова, что в городе Вранье П.М. Бицилли не мог достать «ни единой книги», а положение «абсолютного безделья» для него было «равносильно отбыванию каторги». П.М. Бицилли готов был учительствовать – преподавать русский, французский или латинский языки, но только в городе, «где имеются библиотеки и книжные магазины». Именитых профессоров из бывшей Российской империи оказалось слишком много для малочисленных южнославянских университетов. К тому же русскими

¹ См.: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953) // Славяноведение. 1997. № 4. С. 54-55; Каганович Б.С. П.М. Бицилли как историк культуры // Одиссей. Человек в истории. 1993. М.: Наука, 1994. С. 266.

² Цит. по: Письмо на П.М. Бицилли до Н.П. Кондаков. Вранье, 28 март 1920 г. // Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 44.

эмигрантами, использующими все средства для получения работы, широко практиковалось «самозванство»¹.

П.М. Бицилли, ставший и.д. экстраординарного профессора Новороссийского университета только осенью 1919 года, не мог рассчитывать на широкую известность своего имени и трудов и поэтому надеялся на помощь и поддержку бывших коллег, которые имели более высокий научный авторитет в европейском университетском сообществе.

Скопье

Переезд в феврале 1920 года в город Скопье² несколько улучшил положение семьи Бицилли. Работа была, но убогий провинциализм, отсутствие библиотечных фондов и профессионалов удручало П.М. Бицилли. О настоящей научной работе можно было только мечтать.

П.М. Бицилли рвется в Прагу, причем, на любых условиях – «на какие угодно роли»³, – в город, где, в основном, весь цвет российской научной эмиграции и где близкие ему люди. В декабре 1921 года в Прагу из Софии переселяется Г.В. Флоровский, который с осени 1922 года начинает читать курс истории русской литературы в Высшем Коммерческом институте, а с начала 1923 года становится ассистентом профессора П.И. Новгородцева в семинаре «Философия закона и государственный закон» на Русском юридическом факультете при Пражском университете. С Г.В. Флоровским – Жоржем (так называет его П.М. Бицилли) и его сестрой Клавдией Васильевной, своей бывшей коллегой по Новороссийскому университету и Одесским ВЖК, П.М. Бицилли ведет активную переписку⁴.

¹ См.: Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 44-45.

² *Скопье*: с I-го в. н. э. (при римлянах) – Скупи; с VI в. – Скопье (название дано южнославянским племенем бряццы / берзиты – верзеты / верзиты); с XIV в. в османский период – Ускюб; с 1912 г. город заняли сербы, дав ему имя – Скопле; в Первую мировую войну город находился под болгарской и австро-венгерской оккупацией, затем вошел в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев; с 1963 года – столица Социалистической Республики Македония в составе СФР Югославии; с 14 февраля 2019 г. столица государства «Республика Северная Македония». П.М. Бицилли в своих письмах обозначает город – *Скопле*.

³ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 9.

⁴ См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд.

Однако в Праге нет вакансий для «всеобщего» историка, как сообщает ему Г.В. Флоровский: требуются исключительно специалисты по русистике. С горьким юмором П.М. Бицилли пишет А.В. Флоровскому: «...мой “face” здесь – в Праге – не нужен...»¹.

В Скопье П.М. Бицилли пишет свою первую в эмиграции книгу, в которую вошли лекции, прочитанные им в 1921-1922 годы в университете на сербском языке. Пожалуй, это – единственный труд П.М. Бицилли, который получил негативную оценку самого автора: «Пишу с отвращением и с величайшими усилиями»². Однако учебник П.М. Бицилли («Увод у светску историју», 203 с.) не был так уж плох, как о нем отзывался автор. Петру Михайловичу, неизменно требовательному к себе, привыкшему к определенной системе работы с тщательно и скрупулезно выверенными источниками, тяжело давалась новая «метода» – писать «от ума», полагаясь только на свою исключительную память и широчайшую эрудицию³. Кроме того, П.М. Бицилли впервые писал большую (во многом, теоретическую) работу на еще только осваиваемом им новом языке, в котором научная терминология не была в достаточной мере разработана («у сербов нет вовсе никаких обозначений»); «новаторства» же, т.е. введение неологизмов в сербский язык – Петр Михайлович не мог себе позволить. Отсюда – «идеи» автора, привыкшего к сложной и изящной форме выражения своих мыслей, с трудом принимали «сербскую форму», а сам он испытывал «отвращение» к своей работе. Тем не менее, первый сербский учебник по всеобщей истории вышел в Белграде в 1923 году, получив положительную «критику»⁴,

София: Изд-во Солнце, 2015. С. 27-192.

¹ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 9.

² Из письма П.М. Бицилли к К.В. Флоровской от 3 января 1922 г. См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспособляюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 57.

³ Думаю, что в пассаже П.М. Бицилли – «от ума» – есть некое кокетство перед Клавдией Васильевной: вряд ли он оставил в Одессе абсолютно весь свой архив, но сам формат учебника (203 с.), конечно, был для него вновь и требовал сложной систематики хоть и знакомого материала, но на чужом языке.

⁴ Этот вопрос еще в поисковой стадии; но важен факт того, что сам П.М. Бицилли (как бы он опять не кокетничал со своей корреспонденткой (письмо от 29 июля 1922 г.) – «эта книга ляжет тяжелым камнем на моей совести...»), был доволен и заработанными деньгами («...благодаря ему, мы могли кое-как прожить это лето»), и «критикой», которая нашла в этой работе «другие достоинства». См.: *Галчева Т.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. /

и представлял собой не просто солидный компендиум, но в значительной мере теоретический труд с историографическим стержнем, вобрав в себя опыт чтения курсов по всеобщей истории в университете в Скопье, а также в предыдущий, новороссийский период.

Гипертрофированная самокритика П.М. Бицилли объяснялась скорее всего чувством неудовлетворенности от сложившейся ситуации и пониманием зыбкости перспектив. «До сих пор я, – с горечью констатирует П.М. Бицилли, – держался старым Запасом, а также теми книгами, которые мы добыли три года тому назад и Запас которых скоро для меня исчезнет»¹.

П.М. Бицилли всегда был слишком скромно в самооценке: он не просто «держался старым Запасом». Одновременно шел поиск возможных новых направлений научных изысканий.

*Первое направление (несостоявшееся)*²: П.М. Бицилли обращается к *эпиграфике*, изучает римские надписи, пытаясь, как ученый, использовать возможности территории (на которой он оказался), богатой памятниками античного периода на Балканах. Он вынужден просить Клавдию Васильевну Флоровскую, обосновавшуюся с семьей в Софии, – «выручить» его: посмотреть в библиотеке Университета необходимые для его работы материалы³.

Второе направление его серьезных раздумий – евразийство.

Эккурс: О «бициллиевом евразийстве»

Сближение П.М. Бицилли с «евразийцами» произошло в первую очередь благодаря Г.В. Флоровскому, который высоко ценил своего старшего друга, был обеспокоен его положением, стремился ввести П.М. Бицилли в новый круг эмигрантских интеллектуа-

Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С.24.

¹ Из письма П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому от 5 февраля 1923 г. См.: АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л.9. Не ясно, где конкретно и какие именно книги приобрел П.М. Бицилли.

² Неизвестно, отражены ли в публикациях П.М. Бицилли его эпиграфические разведки.

³ См.: *Галчева Т.Н.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С.24-25; *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С.96-99.

лов и характеризовал его своим коллегам: «...он очень талантлив и жив мыслью»¹.

Начало эмигрантского периода для П.М. Бицилли – практически полная изоляция: он не имел должной научной репутации в эмигрантском сообществе и в связи с этим – возможности публиковать свои работы в европейских изданиях. Острая потребность в научном общении², которое в начале 1920-х гг. ограничивалось преимущественно перепиской с близкими друзьями, заставляла Петра Михайловича искать любую возможность разорвать этот замкнутый для него круг и заявить о себе как об ученом (он - «профессор Новороссийского Университета», напоминает П.М. Бицилли в письме к Н.П. Кондакову /28 марта 1920 г./).

Ремарка-справка. Современное «евразийствоведение» – обширнейший пласт социогуманитаристики, в котором можно условно выделить основные подходы к решению проблемы «Бицилли и евразийство»: диаметрально-полярные и «промежуточные» с различной нюансировкой.

Сторонники «бициллиевского евразийства», пожалуй, исходят более из формальных признаков: участия П.М. Бицилли в евразийских изданиях и дружеских / приятельских отношений с идеологами этой доктрины³. Стоит учитывать тот факт, что некоторые представители этого направления сами в основном

¹ Из письма Г.В. Флоровского к Н.С. Трубецкому от 16 марта 1922 г. Цит. по: *Каганович Б.С.* К теме: П. М. Бицилли и евразийцы // *Дiaspora. Новые материалы.* СПб.: Феникс, 2001. Выпуск 2. С.293.

² Коммуникативные связи в науке включают формальное общение (авторские публикации и возможность знакомства с научной продукцией коллег, а также личное участие на съездах, конференциях и проч.) и неформальные (переписка, личные встречи и т.п.).

³ См.: *Жданова Г.В.* Бицилли Петр Михайлович // *Русская философия: энциклопедия / науч. ред.-сост.: П.П. Апрышко, А.П. Поляков ; под общ. ред. М.А. Маслина; МГУ им. М.В. Ломоносова, Филос. фак., Каф. истории рус. философии.* М.: Алгоритм, 2007. С. 52; *Мяжкова Е.М.* Бицилли Петр Михайлович // *Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия / редкол.: В.В. Журавлев (отв. ред.) [и др.].* М.: РОССПЭН, 2009. С. 209 – 212 и др.; см. также: *Пащенко В.Я.* Идеология евразийства. М.: Изд-во МГУ, 2000. 446 с.; *Орлова И.Б.* Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М. Норма, 1998. 275с.; *Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю.* Евразийство: ключевые идеи, ценности, приоритеты. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2007. 247 с. *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии / сост., подгот. текстов и коммент.: В.П. Вомперский, И.В. Анненкова ; вступ. ст. В.П. Вомперского. М.: Наследие, 1996. 707, [3] с. Вступ. ст.: Петр Михайлович Бицилли: жизненный и творческий путь / В.П. Вомперский: с. 6–21; *Вахитов В.В.* Genealogia нвразийства: роль старших славянофилов // *Вестник Башкирского ун-та.* 2014. Т. 19. № 4; *Он же.* Евразийское учение об интеллигенции // *Вестник Челябинск. гос. ун-та.* 2009. Выпуск 40. С. 14–23 и др. Позиция этих авторов не однозначна, но их объединяет общий вектор: П.М. Бицилли более евразиец и оценка Евразийства – более позитивна.

стоят на про-евразийских позициях, являясь одновременно и исследователями, и последователями евразийства, что накладывает отпечаток на их трактовку проблемы.

Оппозиционный лагерь – отвергает принятие П.М. Бицилли постулатов евразийства; их мотивация включает тезисы: об особенностях проблематики - историко-культурной - первых статей ученого в евразийских сборниках, далеких по аргументации от взглядов Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и др.; об отношении к П.М. Бицилли самих идеологов евразийства, их оценки его участия в сборниках; о резкой критике ученым евразийства в целом¹.

Третье направление весьма вариативно, в качестве примера выделим три позиции.

1. А.В. Антощенко (Россия) считает, что у П.М. Бицилли «двойственное отношение к евразийцам», что отразилось в статье ученого «Два лика евразийства»². «Ясный лик» – тезис о единстве русской нации и государственности; второй («соблазнительный, но и отвратный»): устремленность к партийности, и в конечном итоге – к диктатуре. Первая позиция приветствовалась ученым, вторая – отвергалась и подвергалась критике.

2. «Полуевразийцем» называет П.М. Бицилли Д. Григорова (Болгария)³. Она выделяет *общие* черты, которые связывают П.М. Бицилли с евразийцами:

- эсхатологические предчувствия русского идеализма начала XX века;
- принятие термина «Евразия» в качестве выразителя России;

¹ См.: Васильева М. Путь интуиции // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.25-26; Каганович Б.С. К теме: П. М. Бицилли и евразийцы // Диаспора. Новые материалы. СПб.: Феникс, 2001. Выпуск 2. С. 291-299; *Он же*. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С.194-197; Бирман М.А. П.М. Бицилли и евразийцы в 1922–1927 гг.: (очерки и фрагменты) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940) : сб. ст. и материалов / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М. : Новое лит. обозрение, 2010. С. 241–253; *Он же*. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчества. М.: Водолей, 2018. С.82-89, 136-145 и др.

² См.: Антощенко А.В. Споры о евразийстве: [вступ. ст.] // О Евразии и евразийцах : библиогр. указ. / сост. А.В. Антощенко [и др.]; Каф. истории дорев. России. Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т, 1997. С. 7-43; *Он же*. «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории. Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т, 2003. 391 с.

³ См.: Григорова Д. Петр Бицилли и евразийство // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С. 303-308.

- определение русской нации как «евразийской» и «российской», но не «великорусской»;
- определение русского культурного возрождения как религиозного возрождения;
- веховское отрицание интеллигенции;
- положительное отношение к революции.

Отличие П.М. Бицилли от евразийцев:

1/ понимание этатизма и сакрализации государства;

2/ отношение к православию.

Для Д. Григоровой П.М. Бицилли – типичный «с тревожным духом» русский интеллигент-энциклопедист конца XIX в., ревностный «хранитель русскости», у которого общих черт с «ранним евразийством» («хотя и с внутренними несоответствиями») значительно больше, чем отличий.

З. Р.А. Додонов (Украина)¹ определяет «схему Бицилли как геософскую»², т.е. проблему «Восток-Запад», решаемую евразийцами в качестве «упрощенной оппозиции» с посреднической ролью России, Петр Михайлович, по мнению автора, предлагает рассматривать, «продолжая в целом двигаться в русле евразийского дискурса», в двух плоскостях: пространственной (центр-периферия) и временной (этапы культурного единства континента и разрыва последнего). Этот подход «выходит за пределы интерпретаций истории, возникших в рамках евразийского движения», и П.М. Бицилли, таким образом, «демонстрирует эвристический потенциал евразийской идеи».

В отношениях П.М. Бицилли с евразийцами и Евразийством можно выделить ряд этапов.

1. Приглашение в новое (хотя и персонально со многими знакомое) сообщество, выдвинувшее принципиально-болеву для всех эмигрантов-соотечественников тему и представляющее собой некую корпорацию идейных сподвижников, хотя и весьма неоднородную. Ответ П.М. Бицилли – рецензия на первый программный сборник «Исход к Востоку: Предчувствия и свершения: Утвержде-

¹ Додонов Р.А. Критика П.М. Бицилли философии истории евразийства // Гуманитарний вісник ЗДА. 2013. № 5. С.218-226.

² Термин «геософически» употреблял Г.В. Флоровский, анализируя предлагаемые «евразийцами» границы Евразии. См.: Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Современные записки». Париж, 1928. Кн. 34. С.312-346. URL: <http://www.vehi.net/florovsky/evraziistvo.html>

ние евразийцев» (София, 1921)¹. Как всегда, рецензия для П.М. Бицилли – платформа для обдумывания своей позиции, осмысление новых идей в качестве исходного толчка для развертывания собственных мыслей. Он приветствует выход сборника как значительного явления, заявившего о стремлении к историко-психологическому анализу русской культуры, как дискуссионную площадку для обсуждения назревших научных проблем. Его интерес к тематике этого сборника бесспорен, поскольку позволяет включиться в спор об извечных – сквозных – для российской истории вопросах: Россия и Европа, Восток и Запад, европеизация и самобытность и проч. Он как рецензент и «включается», четко обозначая свое несогласие с рядом позиций евразийской доктрины, которые разовьет в последующих публикациях.

2. Первые две публикации П.М. Бицилли² сразу же «насторожили» редакторов евразийских сборников и идеологов движения. В своем письме к П.М. Бицилли по поводу первой статьи Н.С. Трубецкой считает необходимым «указать» на ряд «пунктов», которые, по его мнению, в статье автора совершенно не нужны и вредят «общему впечатлению»³. Само письмо было вызвано отказом П.М. Бицилли «вносить» какие-либо изменения в текст, которые были ему предложены в результате «обмена мнений» между редакторами. Н.С. Трубецкой завуалированно (как бы от предполагаемого «среднего читателя») отмечает «легковесность» и «поспешность» обобщений в слишком пространным, по его мнению, фрагменте об истории Старого Света и рекомендует устранить все «фактические неточности или сомнительные гипотезы», среди которых: хронология деятельности Заратустры; тезис о буддийском влиянии на Евангелия («гипотезу об этом влиянии следует признать рискованной и недоказанной»); оценка «туранцев» (обобщенное название кочевых народов); концепция («построения») истории религий Старого Света («против которых я лично возражаю») и проч. В

¹ Русская мысль. 1922. Кн. 1 / 2. С.381-382.

² Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого света // На путях: Утверждение евразийства. Москва; Берлин. 1922. Кн. 2. С. 317-340; *Он же*. Католичество и римская церковь // Россия и латинство: [ст. П.М. Бицилли, Георгия Вернадского, В.Н. Ильина, А.В. Карташева, Петра Савицкого, П.П. Сувчинского, кн. Н.С. Трубецкого и Георгия В. Флоровского]. Берлин, 1923. С. 40–79.

³ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1, Д. 390. Л. 1-5. См.: Никитин О.В. О концепции культуры князя Н.С. Трубецкого в свете его работ евразийского цикла. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/40767.php> К сожалению, дата письма отсутствует.

итоге Н.С. Трубецкой заключает: «Что касается до всего Вашего построения, то оно мне кажется чрезвычайно интересным», а также советует Петру Михайловичу написать учебник истории для русской средней школы с четкой направленностью («тенденциозностью»): против «притязания романо-германцев на всемирное господство и на общечеловечность их культуры».

Ремарка-штрих. Н.С. Трубецкой раздражен и не скрывает этого, характеризуя П.М. Бицилли довольно нелицеприятно: «...он типичный провинциальный интеллигент из эсеров, совершенно не преодолевший своего интеллигентства (фактически, теоретически-то, может быть, и преодолел). В статье его есть лишние вещи, глупости и бестактности, на которых он принципиально настаивает. По-моему его участие – какое-то недоразумение»; Бицилли «не вполне наш»¹.

К сожалению, письма-ответа П.М. Бицилли мы не имеем, и какова была реакция ученого на это послание, неизвестно. Не думаю, что при всей внешней корректности лексических оборотов текста Петр Михайлович не понял весьма снисходительно-поучительный тон письма Н.С. Трубецкого².

В отличие от Н.С. Трубецкого у П.Н. Савицкого иная оценка статьи П.М. Бицилли: он считает, что данная работа «рассматривает историю Старого Света как целостный процесс, она проникнута стремлением установить вселенские горизонты»³. Однако Н.С. Трубецкой – «верховный евразиец»⁴.

3. 1923 год – переломный. После второй статьи в сборник «Католичество и римская церковь» (1923) для П.М. Бицилли разрыв с евразийцами был предreshен. В письмах к П.П. Сувчинскому (28 апреля 1923 г.) и Н.С. Трубецкому (1 мая 1923 г.) Г.В. Флоровский

¹ Из письма Н.С. Трубецкого к П.П. Сувчинскому от 26 февраля 1922 г. См.: *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. История в документах. М.: Новое издательство, 2010; *Климов А., Байсвенгер М.* Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким (1921-1924). Публикация А.Е. Климова и М. Байсвенгера // Записки русской академической группы в США. Том XXXVII. 2012. С.62; *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 258, 287.

² Не считаю возможным комментировать, насколько справедливы были фактологические замечания Н.С. Трубецкого, думаю, что специалисты обратят на этот вопрос внимание.

³ См.: *Горизонтов Л.Е.* Евразийство. 1921-1931: взгляд изнутри // Славяноведение. 1992. № 4. С. 89.

⁴ Цит. по: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчества. М.: Водолей, 2018. С. 87.

сообщал об отказе Петра Михайловича сотрудничать в евразийских изданиях. Этот отказ был воспринят Жоржем как «хандра», «падение»¹, но, скорее всего, это – результат разногласий, которые уже возникли между Петром Михайловичем и лидерами евразийства. С одной стороны, он разочарован в научном и интеллектуальном потенциале евразийцев: «Жоржевы друзья явно выдохлись и сказать им больше нечего», – пишет в декабре 1923 г. Петр Михайлович К.В. Флоровской². С другой – он убедился в том, что свободной дискуссии на евразийской площадке не будет, а «назиданий» и указаний, как должно писать, он при всей своей интеллигентской мягкости не терпел. Кроме того П.М. Бицилли, вероятно, в процессе общения с редакторами первых сборников пронизательно почувствовал ведущую тенденцию этих изданий – ориентацию более на пропагандистский характер идей евразийства, нежели на научное исследование этой обширнейшей тематики.

Н.С. Трубецкой назвал участие П.М. Бицилли в сборнике «На путях» (1922) – «недоразумением»: «...критики он не любит и раз написанное не меняет»³. Уже в феврале 1923 г. он констатирует отсутствие взаимопонимания с П.М. Бицилли, а в конце этого же года приходит к окончательному выводу: «...Бицилли – не приобретение...» [для евразийцев. – Т.П.]⁴.

4. Если предыдущий 1923 год – год «разрыва» с «евразийцами», идеологами движения, и в первую очередь – с Н.С. Трубецким, то в 1924-1927 гг. – уже в болгарский период – П.М. Бицилли

¹ См.: *Климов А., Байсвенгер М.* Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким (1921-1924). Публикация А.Е. Климова и М. Байсвенгера // Записки русской академической группы в США. Том XXXVII. 2012. С.109; *Ермишин О.Т.* Письма Г.В. Флоровского П.П. Сувчинскому (1922-1923). Предисловие, подготовка текста и комментарии О.Т. Ермишина. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 560; *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 122.

² Из письма П.М. Бицилли к К.В. Флоровской от 5 декабря 1923 г. См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София, 2015. С. 138.

³ Из письма Н.С. Трубецкого к П.П. Сувчинскому от 7 апреля 1924 г. См.: *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому: 1921-1928 / Сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Русский путь, 2008. С.86; *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 271.

⁴ См.: *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном. История в документах. М.: Новое издательство, 2010. С.187, 250.

продолжает осмысливать саму доктрину евразийства и вырабатывать свое отношение к ней.

В письме к П.Н. Савицкому в марте 1925 г. П.М. Бицилли деликатно (он отнюдь не порывает личных отношений тем более с явно симпатизировавшим ему «евразийцем»), но достаточно четко обозначил «эволюцию» движения: «...евразийцы <...> затронули темы громадной важности и сложности, поставив их очень остро и очень спорно, а теперь – уже! – ваши мысли и формулы обращаются в догматы, канонизируются и декретируются...»¹. Научных споров нет, хотя разногласий внутри «движения» становилось все больше.

Для П.М. Бицилли гораздо ближе позиция уважаемых им историков – А.А. Кизеветтера и П.Н. Милокова, которые считали евразийство (может быть, не совсем справедливо) «русским расизмом»². Среди критиков евразийства – Н.А. Бердяев и Ф.А. Степун, а с 1928 года и Г.В. Флоровский, который использовал метафору – «Евразийский соблазн»³, довольно точно отражающую период «эйфории по евразийству».

В статье «Народное и человеческое: (По поводу “Евразийского временника”» (1925) П.М. Бицилли заострил внимание на двух главных, по его мнению, отрицательных чертах евразийских текстов: открытая политизация и спорность / ошибочность теоретико-методологических оснований. 1927 год – решающий в оформлении позиции П.М. Бицилли по отношению к евразийству. В этот год выходят основные публикации фундаментально-критического характера: рецензия на «Евразийский временник» (Париж, 1927), «Наследие Империи», «Два лика евразийства»⁴, в которых дана развернутая многоаспектная характеристика евразийства, свидетельствующая, с одной стороны, о понимании автором важности

¹ Из письма П.М. Бицилли к П.Н. Савицкому от 6 марта 1925 г. См.: *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С.195.

² См.: *Милоков П.Н.* Третий максимализм // *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. С. 326-330.; *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн // *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн.* Антология. М.: Ин-т философии РАН, 1993. С.311-348; *Кизеветтер А.А.* Евразийство // Там же. С.349-365; *Бердяев Н.А.* Утопический этатизм евразийцев // Там же. С.394-402; *Степун Ф.А.* Россия между Европой и Азией // Там же. С.403-429.

³ Г.В. Флоровский, возможно, именно у П.М. Бицилли заимствовал термин «соблазн», который в разных модификациях использовался ученым в статье «Два лика евразийства».

⁴ Современные записки. Париж. 1925. Кн. 25; 1927. Кн. 31; 1927. Кн. 32; 1927. Кн. 33.

поставленных евразийцами проблем, с другой – о неприемлемости для него евразийской доктрины¹.

5. В последующие годы П.М. Бицилли в том или ином плане возвращался к так называемой «евразийской тематике» в работах «Новые синтезы русской истории: [рец. на кн. Г.В. Вернадского «Начертание русской истории» (Прага, 1927)]» (1928); «Нация и государство» (1929); «Нация и язык» (1929); «Эволюция нации и революция» (1930); «Трагедия русской культуры» (1933); «Кризис истории» (1935) и др.

Ремарка-штрих. Участие П.М. Бицилли в евразийских сборниках не прошло незамеченным. С 1925 года он становится постоянным автором в одном из наиболее авторитетных эмигрантских изданий – журнале «Современные записки»². Но, возможно, после статьи «Два лика...» (1927) и статьи Г.В. Флоровского «Евразийский соблазн»³ П.М. Бицилли считал научную дискуссию с евразийцами завершённой.

Третье направление – обобщение дидактического материала и преподавательского опыта П.М. Бицилли по всеобщей истории новороссийского и скопьевского периодов, что нашло свое отражение в учебнике «Увод у светску историју» (Београд: Геце Кон, 1923. 203 с).

Четвертое направление во многом – продолжение тематики «одесского периода»: анализ новейших теорий исторического процесса (О. Шпенглер, 1921), концепций истории древнего мира (М.И. Ростовцев, 1925), римской истории (Э. Мейер, 1921 и др.); исследования в области истории католицизма («Католичество и Римская церковь» (1923); «Игнатий Лойола и Дон Кихот», 1925) и др.; биоисториографический этюд «Памяти В.Э. Крусмана» (1923) – П.М. Бицилли откликнулся на смерть своего друга и во многом наставника.

¹ Опускаю подробное изложение взглядов П.М. Бицилли, получивших довольно широкое освещение в современной литературе.

² См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли и евразийцы в 1922–1927 гг.: (очерки и фрагменты) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сборник статей и материалов / Под ред. Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 241–253; *Шруба М.* К истории издательства «Современные записки»; Аннотированный список книг издательства «Современные записки» (Париж, 1928–1940) // Там же. 2010. С. 275–295, 516–522; *Бирман М.А.* Проф. П.М. Бицилли и «Современные записки» // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 480–500.

³ Современные записки. Париж, 1928. Кн. 34 С. 312–346.

Ремарка-штрих К.В. Флоровская в письме к брату Георгию (от 12 марта 1923 г.) сообщала о том, что П.М. Бицилли прислал ей письмо с некрологом, посвященным В.Э. Крусману. П.М. Бицилли просил дополнить текст, однако Клавдия Васильевна, хорошо знавшая В.Э. Крусмана и по Петербургу, и по Одессе, сочла, что дополнять ничего не нужно¹: П.М. Бицилли как всегда писал емко, четко, образно – эмоциональная напряженность трехстраничного текста сочеталась с глубоким аналитическим подходом, биографические факты автор блистательно соединял с концептуальными построениями.

Эти линии вряд ли можно назвать принципиально новыми для творчества П.М. Бицилли. Все они в той или иной мере присутствовали в одесский период. Проблемы анализа историософских систем и исторических концепций², изучение католических структур³, биоисториографические исследования⁴ составляли поле научных изысканий П.М. Бицилли в 1913-1919 годах.

Пятое направление – рецензирование, которое, пожалуй, можно определить как «сквозное» в его творчестве, т.к. этот вид работы, который относят к «микрографии», «малым формам», «исторической микроскопии»⁵, пронизывает всю научную деятельность Петра Михайловича. Всего за 1921-1923 гг. П.М. Бицил-

¹ См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София, 2015. С. 108. Некролог был опубликован в этом же году в журнале «Русская мысль», редактируемым П.Б. Струве и выходившим в это время в Праге (1923. Кн. 1/2. С. 342-345).

² См.: *Бицилли П.* [Рец.:] Р. Трельс-Лунд. Небо и мировоззрение в круговороте времен // *Известия Одесского библиографического общества.* Одесса. 1913. Т.П. Выпуск 1. С. 11-14; *Он же.* [Рец.:] Герье В. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915 // *Известия Одесского библиографического общества.* 1915. Т. IV. Выпуск 3. С. 206-208; *Он же.* Основы социализма / Издание комитета объединенного социалистического студенчества гор. Одессы. Одесса, 1917 и др.

³ См.: *Бицилли П.* [Рец.:] Л. Карсавин. Монашество в Средние века. СПб., 1912 // *Известия Одесского библиографического общества.* Одесса. 1913. Т.П. Выпуск 4. С. 162-170; *Он же.* [Рец.:] Л. Карсавин. Очерки религиозной жизни в Италии XII-XIII веков. СПб., 1912 // *Известия Одесского библиографического общества.* 1913. Т.П. Выпуск 4. С. 162-170; *Он же.* Заметки об иоакимизме // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. 1914. № 53. С. 242-249; *Он же.* Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919 и др.

⁴ *Б.* [ицилли П.] Тридцатилетие научной деятельности профессора Е.Н. Щепкина // *Одесский листок.* 1916. 6 января; Доклад «Памяти В.О. Ключевского» на заседании Одесского библиографического общества и др.

⁵ См.: См.: *Галчева Т., Петкова Г.* Писма на проф. П.М. Бицилли до акад. Ив. Дуйчев // *Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски», Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев».* Том 97 (16). С. 340.

ли опубликовал 17 работ¹ (хотя эту цифру вряд ли можно считать окончательной), из них: 4 статьи, 1 учебник, 1 статья / некролог и 11 рецензий на книги, изданные в границах 1919-1922 гг. в Германии: Берлин, Мюнхен, Гота; Париже, Риме, Софии и Петрограде. Среди авторов рецензированных книг – О. Шпенглер и Э. Мейер, с которыми Петр Михайлович полемизировал на страницах своих «Очерков»².

Ремарка-info. Рецензии на книги по годам издания рецензируемых книг: 1919 г. – 1 книга (возможно, из «одесского архива»); 1920 – 2; 1921 г. – 5; 1922 г. – 3. М.А. Бирман приводит другие цифры: 2 книги («Очерки...» и Учебник), 3 статьи, 1 некролог и 8 рецензий; это данные за 1921-1923 гг. по материалам журнала «Русская мысль»³. Расхождение в цифрах связано с тем, что 4 рецензии были опубликованы в «сводном» очерке⁴; М.А. Бирман определил эти рецензии как одну в соответствии с формой публикации. «Очерки» фактически вышли, на мой взгляд, в конце 1924 г., но официальная дата издания – 1925 год.

Таким образом, «изоляция» не была полной, П.М. Бицилли получал самые «свежие» издания разных европейских центров и очень быстро на них реагировал; вероятно, не последнюю роль играл экономический фактор – гонорар за публикацию рецензий в таком журнале как «Русская мысль» (П.Б. Струве; София, Прага, Берлин) помогал выживать.

Ремарка-мнение. *Тезис:* «Мы не знаем, если бы у П.М. Бицилли снова появилась возможность работать в библиотеках Италии, стал бы он заниматься “исторической микроскопией”, к которой у него было пристрастие, или нет»⁵. *Антитезис:* В «одесский период», когда у П.М. Бицилли были воз-

¹ См.: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 341.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. / Послесловие и прим. Б.С. Казановича. СПб.: Аxioma, 2012. СПб., 2012. С. 420, 426.

³ См.: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 78.

⁴ См.: Русская мысль. Прага; Берлин. Кн.1/2. С. 346-356.

⁵ См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С.91; Галчева Т., Петкова Г. Писма на проф. П.М. Бицилли до акад. Ив. Дуйчев // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски», Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». Том 97 (16). С. 340.

возможности работать в библиотеках (в том числе – в Италии), он не оставлял рецензирования – наиболее яркой для него «малой формы» историографических опусов.

Шестое направление – новая линия исследований П.М. Бицилли: начало пушкинианы и первое приближение к творчеству Н.А. Некрасова. Характерно, что в данном случае интеллектуальным толчком, вероятно, явилось осмысление новых тем в процессе рецензирования книг М.Л. Гофмана о Пушкине и К.И. Чуковского о Некрасове¹. Эта специфика творческого процесса П.М. Бицилли определилась с первых лет его научной деятельности: при переходе от антиковедения к медиевистике на рубеже 1912/1913 годов он начинал с рецензирования работ Р. Трельс-Лунда, Л.П. Карсавина и др.

Петр Михайлович жалуется А.В. Флоровскому: «... мне положительно невыносимо жить в среде людей, к которым чувствуешь только презрение... работать здесь сколько-нибудь толково я не могу, – хотя бы уж потому, что нельзя работать, когда главное внимание приходится употреблять на самооборону от ежедневных мелких пакостей; книг же я добывать не могу потому, что нет денег»². И все-таки он – «особенно сейчас», – в этих тяжких условиях, «усиленно» занимается новой – «в высшей степени филологического свойства работой над Пушкиным», хотя и сомневается, что сможет довести этот труд «до естественного конца, т.е. – до “Книги”».

В 1926 году выходит первое значительное исследование П.М. Бицилли о русской поэзии³. В эту книгу вошли, безусловно, размышления П.М. Бицилли, начатые еще в 1922 году с рецензии на работу М.Л. Гофмана и со статьи «Опыты характеристики пушкинского творчества...».

Седьмое направление – обращение к теоретическим вопросам истории, к анализу ведущих направлений философско-исторической мысли XIX – начала XX вв. в контексте эволюции историзма. Пытаясь понять новые тенденции развития историко-культурного

¹ См.: *Бицилли П.* [Рец.: Гофман М.Л., Пушкин. Петроград, 1922. 156 стр.] // Русская мысль. София. 1922. Кн. 6/7. С. 117-128; *Он же.* Опыты характеристики пушкинского творчества: 1. Некоторые черты стиля Пушкина // Русская мысль. София. 1922. Кн. 4. С. 117-128; *Он же.* [Рец.: Чуковский К.И., Некрасов как художник. Петроград, 1922] // Русская мысль. Прага; Берлин. 1923. Кн. 6/8. С. 437-438.

² АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 7.

³ *Бицилли П.* Этюды о русской поэзии (Эволюция русского стиха. Поэзия Пушкина. Место Лермонтова в истории русской поэзии). Прага: Пламя, 1926. 285 с.

процесса и формулируя собственные методологические принципы анализа, среди которых – важнейший – концепт «над-рефлексивной» позиции исследователя культурно-исторического процесса, П.М. Бицилли ставит и предлагает свое решение кардинальных проблем исторической науки в тот период – философские и методологические основания исторического исследования: позиция и задачи ученого, проблема исторического объекта и исторического синтеза; дихотомия «личность / индивид и коллектив / общество» – проблема части и целого; категория «ценности» как фактор внутреннего «движения исторической жизни» и проч.

«Очерки» – это не простое «изложение» историографических курсов времен Новороссийского университета, это – закономерное осмысление собственных позиций ученого-историка, стремящегося к самоидентификации в условиях меняющихся научных парадигм. «Не имея возможности «писать истории», я написал «об историях», – теоретическую работу...»¹, – опять же не без юмора сообщит Петр Михайлович своему другу.

Экскурс: К истории создания и публикации «Очерков теории исторической науки»

Для П.М. Бицилли работа над этой книгой была особенно важна: он хотел, чтобы эта книга «была напечатана как можно скорее [подчеркнуто П.М. Бицилли. – Т.П.], *за гонорар или без – безразлично* [курсив мой. – Т.П.]². Практически, все это небольшое письмо – предельное беспокойство о рукописи книги. О какой же книге идет речь, что так волнует Петра Михайловича? Скорее всего – это вторая после учебника книга ученого, вышедшая в 1925 году в Праге под названием «Очерки теории исторической науки».

А.П. Мещерский считал, что П.М. Бицилли подготовил рукопись «Очерков» в Скопье на протяжении 1920-1922 годов; в этом же, 1922 году отправил ее в Прагу в издательство «Пламя», где рукопись и находилась до выхода книги в 1925 году³.

¹ Письмо П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому от 5 февраля 1923 г. См.: АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 9.

² АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 4.

³ См.: Бирман М.А. П.М. Бицилли в югославский период эмиграции (1920-1923 годы) // Славяноведение. 2005. № 4. С. 87-88.

М.Н. Велева высказала иное, по ее выражению – «априорное», – предположение: «Очерки» были задуманы еще в Одессе; возможно, какие-то рукописные разделы имели перспективу докторской диссертации. Эти материалы П.М. Бицилли удалось вывезти из Одессы¹, и в Скопье произошло лишь завершение всей работы. Все исследование не могло быть осуществлено в Сербии, считает М.Н. Велева, из-за отсутствия, в первую очередь, библиотечных фондов, необходимых для теоретической работы такого масштаба².

М.А. Бирман не исключает вероятности того, что П.М. Бицилли успел подготовить в Одессе начальный вариант рукописи «Очерков» вместе с набросками научного аппарата. Окончательно же текст был доработан в Скопье и в 1922 году отослан в издательство в Прагу. Приложение к «Очеркам» – «Новая философия истории», по мнению М.А. Бирмана, было подготовлено позднее – в 1924 году (возможно, на стадии корректуры текста). В это время Петр Михайлович уже был в Софии и имел возможность пользоваться новейшими материалами библиотечных фондов. Одновременно М.А. Бирман допускает «эвентуальные поездки» П.М. Бицилли в 1922-1923 годах в Белград с посещением библиотеки и книжных магазинов. Таким образом, в соответствии с этой гипотезой, заключает М.А. Бирман, подготовка и издание «Очерков теории исторической науки» П.М. Бицилли растянулись на семь – восемь лет и включили три этапа³.

И М.Н. Велева, и М.А. Бирман обращают внимание на существенный факт, свидетельствующий в пользу того, что основная работа над «Очерками» проходила не позднее 1922 года: П.М. Бицилли одновременно с написанием своего теоретического труда изучал сербский язык⁴.

Стоит согласиться с мнением М.Н. Велевой о том, что П.М. Бицилли все же удалось вывезти свой научный архив (или часть его) – «старый Запас» – из Одессы. Вероятно, в Одессе в каких-то

¹ М.Н. Велева скептически относилась к воспоминаниям родственников о том, что семья уезжала в эмиграцию, не взяв, практически, никаких вещей. См.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 105.

² См.: *Велева М.* П.М. Бицилли и историческата наука // Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 105-106.

³ *Бирман М.А.* П.М. Бицилли в югославский период эмиграции (1920-1923 годы) // Славяноведение. 2005. № 4. С. 88.

⁴ См.: *Бицилли П.* Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 228.

вариантах и существовали фрагменты текста будущей книги. Можно допустить (поскольку рукописи не сохранились), что одним из вариантов был текст лекций по курсу «Истории историографии», который П.М. Бицилли разработал уже к 1917 году и материалы к нему. Учитывая, что этот курс читался П.М. Бицилли и в университете в Скопье, бесспорно, следует предположить то, что ученый продолжал осмысливать и дополнять лекционный материал.

Наиболее значимым аргументом является сравнительный анализ содержания «Очерков» и всех трудов П.М. Бицилли в «одесский период». Совершенно очевидно, что «Очерки» по своему наполнению вобрали в себя (в том или ином плане) практически все сюжеты, проблемы и историографические источники, которые разрабатывались П.М. Бицилли в период его работы в Новороссийском университете. Не исключено, что именно в этом ключе П.М. Бицилли собирался подготавливать обязательную по университетским нормативам докторскую диссертацию.

Ремарка-сомнение. Конечно, я не исключаю того, что, будучи еще в Одессе, П.М. Бицилли хотел писать докторскую диссертацию по медиевистической тематике, продолжая свое успешно начатое направление, однако «независящие обстоятельства» – революции, гражданская война, а затем эмиграция – нарушили его планы, отрезав фактически от архивов и библиотек и, таким образом, от необходимых для работы первоисточников. Возможно, именно в 1920 году, оценивая ситуацию и перебирая свой архив, П.М. Бицилли взял курс на «историю об историях». Так родилась идея «Очерков теории исторической науки», работа над которой имела основу его курса «История историографии» и фрагменты теоретического характера в его публикациях «одесской поры», а эпифеноменом этой главной – стержневой – книги / диссертации стал учебник по всеобщей истории.

Замысел книги, судя по письму к А.В. Флоровскому от 5 февраля 1923 года («Не имея возможности “писать истории”, я написал “об историях” – теоретическую работу...»)¹, у П.М. Бицилли созрел все-таки в эмиграции и книга была написана в основном на протя-

¹ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 9.

жении 1920-1922 годов. Глагол *написал* свидетельствует о том, что книга к началу 1923 г. была *уже написана* [курсив мой. – Т.П.].

В течение трех лет, по выражению самого Петра Михайловича, он «держался старым Запасом». Это, прежде всего, материалы, «наработанные» в одесский период его жизни. В первые годы эмиграции, в условиях отсутствия доступа к источникам по своей исследовательской медиевистической проблематике, П.М. Бицилли использовал архив своего лекционного и научного багажа одесского периода и одновременно старался найти любую возможность для ознакомления с новыми научными изданиями.

Ремарка-экскурс. В 2006/2007 гг. (в процессе работы над книгой «Историография в лицах...»), рассматривая вопрос о создании и публикации «Очерков», я использовала выписки из писем П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому, датированные 1922-1925 годами, которые, как я считала, позволяли добавить новые штрихи к этой истории¹. Тем не менее, меня смущали некоторые «несостыковки» в фактах и я попыталась логически решить этот детективный сюжет. Однако отсутствие всего комплекса писем и недоступность оригиналов² заставило сделать вывод: «Вместе с тем, общая картина не представляется достаточно ясной, и факты из писем П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому нуждаются в уточнении». Далее, чисто логическими приемами я решилась реконструировать картину (привожу текст 2007 г. без ссылок на Архив, но с указанием дат):

«Первый момент: идет ли речь в письме от 2 ноября 1922 года действительно об “Очерках” или Петр Михайлович беспокоится о своей первой книге – учебнике по всеобщей истории? Дело в том, что первое письмо к А.В. Флоровскому написано П.М. Бицилли 28 сентября 1922 года. В нем Петр Михайлович сообщает о том, что “...только что узнал от Г.В. (Г.В.

¹ Все ссылки на АРАН были основаны на работе автора с архивными документами до появления материалов архива А.В. Флоровского в Интернете.

² Я имела дело с выписками, которые привезла мне из Москвы моя аспирантка В. Волченюк, работавшая в то время над темой «А.В. Флоровский», поэтому я не могла видеть «карандашные пометки», сделанные А.П. Мещерским и обозначающие год написания писем (1922), и проанализировать всю эпистолярию. Все это привело к неверному заключению, о чем деликатно написала Т.Н. Галчева. См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 132.

Флоровского. – Т.П.) о Вашем ‘исходе’. Обрадовался ужасно, но и очень волнуясь, т.к. хотелось бы знать поскорее, что Вы так или иначе обеспечены”. Письмо отправлено в Софию, где в это время находились К.В. Флоровская вместе с Г.В. Флоровским, который и сообщил Петру Михайловичу о приезде (принудительной депортации из Украины) старшего брата. В письме от 2 ноября 1922 года П.М. Бицилли уже беспокоится о судьбе рукописи – но какой? Рукопись курса лекций по всеобщей истории на сербском языке была отправлена в Белград в феврале-марте 1922 года (7 марта 1922 года П.М. Бицилли сообщает об отправке книги в письме к К.В. Флоровской). Поскольку книга была издана в 1923 году, можно предположить, что П.М. Бицилли волнуется именно об этой книге. Но о каких дополнениях к тексту идет речь? “Мне надо прислать некоторые дополнения к тексту”, – пишет Петр Михайлович А.В. Флоровскому все в том же письме от 2 ноября 1922 года. И почему такое игнорирование материальных интересов при крайней нужде: для Петра Михайловича важно, в первую очередь, чтобы книга “была напечатана как можно скорее”, что же касается гонорара, – он выражает крайнее безразличие. Как же тогда расценивать его, полное юмора, самобичевание в письме к К.В. Флоровской, в котором он объясняет причину написания этой книги: “...единственно из любостяжания... и в целях приобрести себе брюки...”. Возможно, этими пассажами П.М. Бицилли пытался сохранить “лицо” безупречного донныне старшего друга?.. На самом же деле его больше волнует его научный авторитет, его статус в научном сообществе в эмиграции; а без известности – по опубликованным крупным работам – достойного положения обрести было невозможно. Поэтому он “спешит” с изданием первой книги и уже завершает вторую – “Очерки”. В то же время в письме к К.В. Флоровской от 29 июля 1922 года Петр Михайлович сообщает (с неизменным юмором) о том, что благодаря произведению с громким названием “Введение во всемирную историю”, “... мы могли кое-как прожить это лето”: следовательно, гонорар за первый учебник все-таки был получен.

Второй момент: в письме от 5 февраля 1923 года Петр Михайлович сообщает о том, что текст теоретической работы “...

сейчас Окунев переписывает на случайно добытой машинке”. И далее: “Я хочу ее передать Вашей коллегии...”. А.В. Флоровский в это время из Белграда уже переехал в Прагу и вошел в состав Русской ученой коллегии, возглавив ее историко-филологическое отделение (1922-1930). Этот фрагмент по содержанию противоречит факту из письма от 2 ноября 1922 года о том, что рукопись уже у А.В. Флоровского; П.М. Бицилли только завершает машинописный вариант рукописи и собирается передавать ее (вероятно, с Н.Л. Окуневым) в Прагу.

Возможно, конечно, что существовал еще один машинописный вариант рукописи, который был передан ранее А.В. Флоровскому еще в Белград. И свидетельство об этом факте есть в самих “Очерках”: на странице 228 (Прага, 1925) Петр Михайлович, останавливаясь на проблеме “опечаток”, приводит пример из собственного опыта: он обратил внимание на специфику ошибок, “приготовляя для печати эту работу на пишущей машинке”. Таким образом, сам П.М. Бицилли свидетельствует о том, что он собственноручно готовил на пишущей машинке экземпляр “Очерков”.

Таким образом, возможна и вторая версия: в письме к А.В. Флоровскому от 2 ноября 1922 года речь все-таки идет об “Очерках”, машинописную рукопись которых, подготовленную собственноручно, он до ноября месяца уже передал другу; именно в издании этой книги настолько заинтересован П.М. Бицилли, что готов пожертвовать гонораром. В тексте же письма от 5 февраля 1923 года (этом, самом просторном за 1922-1925 годы своем письме к другу) П.М. Бицилли просто более подробно излагает уже известные для А.В. Флоровского сюжеты. К сожалению, отсутствие полного комплекта всех писем П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому за 1922-1925 годы (в архиве автора. – Т.П.) не позволяет сделать более определенные выводы»¹.

Изыскания Т.Н. Галчевой, анализ, который проделала исследовательница, сравнивая автографы писем с известными фактами (пертурбациями А.Ф. Флоровского, выходом работ Л.П. Карсавина,

¹ См.: *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С.381-384.

сведениями из переписки К.В. и Г.В. Флоровских и т.п.), позволили ей высказать мнение о том, что некоторые письма П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому за 1922 г. надо датировать годом позже – **1923**.

Отсутствие полного комплекта всех писем П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому за 1922-1925 годы, и писем А.В. Флоровского к П.М. Бицилли, небрежность, которую позволял себе Петр Михайлович – датировка года отправки писем была исключительно редким явлением в эпистолирии ученого, – привели к тому, что А.П. Мещерский, первым анализировавший письма при подготовке «Био-библиографии» П.М. Бицилли, проставил (карандашные пометки) неверные, по мнению, Т.Н. Галчевой, даты, что в свою очередь повлияло на выводы исследователей, выдвигавших свои гипотезы на основании тех данных, которые предложил А.П. Мещерский¹.

Эта же схема хронологического размещения писем была осуществлена при фондировании материалов в Архиве Российской Академии наук и, соответственно, позже, будучи оцифрованной, стала доступной для широкого круга ученых, порождая очередные ошибочные выводы.

Ремарка-штрих. В свое время мной были проанализированы данные из «Автобиографий» П.М. Бицилли², в результате чего был сделан вывод об ошибочности ряда сведений, приведенных самим ученым, а также поставлен вопрос о «дове-рии» к фактам эго-материалов и завораживающем влиянии Авторитета – Личности автора на исследователей, которые не «посмели» усомниться в истинности этих фактов. Ситуация с П.М. Бицилли повторилась и в случае с А.П. Мещерским.

Достаточно убедительная гипотеза Т.Н. Галчевой в отношении датировки писем кардинально меняет всю картину в первую очередь в отношении подготовки и публикации «Очерков». Если следовать хронологии писем, предложенной Т.Н. Галчевой, то картина выстраивается следующим образом.

¹ См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 40, 63-64, 131-132, 144 и др.

² См.: Попова Т.Н. «Несколько фактов из персональной истории П.М. Бицилли...» (2013).

Эпистолярная хроника

3 января 1922 г. – П.М. Бицилли пишет К.В. Флоровской: «...я в настоящее время пишу не более и не менее как...всемирную историю (!!??) на сербском яз. ...»¹ [подчеркнуто П.М. Бицилли. – Т.П.].

7 марта 1922 г. – П.М. Бицилли к К.В. Флоровской: «... Я свою знаменитую книгу на сербском языке кончил и послал в Белград для печатания»².

Ремарка-штрих. С начала января по начало марта переписки между П.М. Бицилли и К.В. Флоровской не было³. Вероятно, в это время Петр Михайлович работал над рукописью учебника и одновременно над рукописью диссертации.

8 апреля 1922 г. – письмо П.М. Бицилли к К.В. Флоровской: «У нас мало хорошего. Сильно прижали в материальном отношении <...> Так что мои мечты пожить летом в Праге и там, как следует, поработать, – рассеились»⁴.

Ремарка-штрих. Учебник уже закончен. Но П.М. Бицилли стремится в Прагу – «как следует поработать»: ему, безусловно, нужны дополнительные материалы для диссертации («Очерков»).

29 июля 1922 г. – Петр Михайлович в письме к К.В. Флоровской сообщает о том, что благодаря изданию учебника семья смогла «прожить это лето»⁵.

¹ Из письма П.М. Бицилли к К.В. Флоровской от 3 января 1922 г. См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 57.

² *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 66.

³ См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 67.

⁴ Из письма П.М. Бицилли к К.В. Флоровской от 8 апреля 1922 г. См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 74.

⁵ См.: *Галчева Т.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С.24. Учебник вышел в 1923 г., следовательно, речь идет о гонораре, скорее – авансе – за работу.

28 сентября 1922 года – первое письмо П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому: «...только что узнал... о Вашем “исходе”»¹.

Ремарка-экскурс. Представителей научной интеллигенции высылали из СССР, в частности из Украины, в соответствии со специальными «списками». К 3 августу 1922 г. был подготовлен т.н. «украинский список», в котором было семьдесят семь фамилий. Списки составлялись во многом на основании доносов разветвленной сети агентов ГПУ (Государственное политическое управление при НКВД РСФСР, февраль 1922 г.). Невежество и неприкрытая ненависть к интеллигенции были свойственны этим «подробным характеристикам», которые в срочном порядке требовали власти. Характеристика на А.В. Флоровского гласила: «Фроловский [частая ошибка в написании фамилии даже у таких авторов, как, например, Н.П. Анциферов. – Т.П.]. Профессор ИНО. Кадет и клерикал [вероятно, сыграл роль факт избрания А.В. Флоровского делегатом на Поместный Собор Всероссийской Церкви в августе 1917 г. – Т.П.], активный противник Соввласти и реформы Высшей школы. Активнейшая фигура, нагло выступающая еще против более либеральных профессоров, возбуждал работников мединститута к забастовке. В свое время поплатился за это арестом. При белых организовывал вечера-балы. Сын попа, брат бежал с белыми. Ездил как делегат Одессы на выборы патриарха. Член правления указанной секции»². Этот текст свидетельствует о полном незнании личности А.В. Флоровского и его реальной деятельности; к тому же его фигуру совмещают с фигурой его старшего брата – В.В. Флоровского, врача.

В ночь с 17 на 18 августа одновременно по всем городам Украины согласно спискам были произведены аресты. «Сокамерниками» А.В. Флоровского оказались коллеги по Новороссийскому университету – Е.П. Трифильев (профессор кафедры русской истории), Ф.Г. Александров (приват-доцент кафедры сравнительного языкознания, ученик А.И. Томсона), Е.Л. Буницкий (приват-доцент по кафедре чистой математики) и др.

¹ АРАН. Ф. 1609. Оп.1. Д.171. Л. 2.

² См.: «Изъятие» интеллигенции [Подготовил Александр Данилов]. URL: <http://www.prospect.zp.ua>.

Пребывание в заключении оказалось сравнительно «мягким»: разрешалась переписка, передачи с продовольствием, книгами и прочими вещами, прогулки в тюремном двореке, «перекуры» в специальном помещении, расположенном рядом с «камерой» и проч. В письмах к жене А.В. Флоровский советовал не обращаться ни к кому с просьбами, успокаивал¹.

Заключение окончилось приговором о насильственной депортации. С.Я. Боровой вспоминал, что А.В. Флоровский был «очень удручен» этим решением и уезжать не хотел². И даже в первые годы эмиграции в Праге А.В. Флоровский³ рассматривал свое пребывание за границей как вынужденную командировку с научными целями⁴.

19 сентября 1922 г. на пароходе из Одессы в Константинополь была отправлена первая группа в составе: А.В. Флоровский, Б.П. Бабкин и Г.А. Секачев (с семьями)⁵.

Ремарка-итрих. Первое письмо П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому – от 28 сентября 1922 г. было направлено в Софию, где пребывали остальные члены семьи Флоровских – родители, К.В. и Г.В.⁶, но П.М. Бицилли еще не знал точно,

¹ АРАН. Ф.1609. Оп.1. Д.171. Л.1-12. Флоровская Валентина Афанасьевна (урожд. Белоусова) – дочь видного одесского адвоката А.С. Белоусова. В.А. Флоровская пережила своего мужа и завещала свои средства на учреждение в Институте истории АН СССР специальной стипендии для «подготовки творчески одаренного специалиста по истории русско-чехословацких связей». URL: http://aran.ru/?q=ru/exposition13_1

² Боровой С. Воспоминания / Вступ. ст. М. Соколянского; Примеч. и библиогр. коммент. В. Кельнера. М.; Иерусалим, 1993. С. 98.

³ Теме «А.В. Флоровский» в Одесском (Новороссийском) университете имени И.И. Мечникова «не повезло»: трижды эту тему начинали разрабатывать наши выпускники – аспиранты Т.Н. Поповой, В.М. Хмарского, О.Б. Демина (в хронологическом порядке) и трижды работа по разным причинам прекращалась.

⁴ См.: Пауто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе / Отв. ред. Б.В. Левшин; [Вступ. статьи Е.А. Мельниковой, М.К. Шацилло] Рос. акад. наук. Арх. АН СССР. М.: Наука, 1992. С. 241.

⁵ См.: Савина Г.А. "Пусть барахтаются...": (К истории "одесской высылки" за рубежом) // Диаспора: Новые материалы. Выпуск 3. СПб., 2002. С. 293-410. Наиболее полно вопрос о депортации одесских ученых исследован В.В.Левченко. См.: Левченко В. Одесские ученые – пассажиры «Философского парохода»: к истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Юго-Запад. Одессика. Историко-краеведческий научный альманах. Выпуск 5. Одесса, 2008. С. 162-181.

⁶ К.В. Флоровская в своей автобиографии, сохраненной А.П. Мещерским, пишет о том, что «в конце января 1920 г. уехала с семьей в Болгарию». В то же время в письме к брату Георгию К.В. сообщает, что получила от него письмо «...как раз в 3-ю годовщину на-

где находятся Флоровские.

5 декабря 1922 г. – П.М. Бицилли в письме к К.В. Флоровской просит сообщить «...как технически Г.В. осуществил размножение своей диссертации...и во сколько это ему обошлось»¹.

Ремарка-штрих. Не исключено, что Петр Михайлович уже думал о защите своей докторской диссертации и изыскивал варианты ее представления: в рукописи, как это сделал Г.В. Флоровский. Защита магистерской диссертации Г.В. Флоровского – осенью 1922 г. – не состоялась «по процедурным основаниям», и Петр Михайлович, вероятно, допускал, что дело все в отсутствии опубликованной монографии. Защита Г.В. Флоровского прошла в Праге 3 июня 1923 г., но диссертация все равно не была опубликована в виде монографии в соответствии с академическими правилами, а в виде исключения подавалась в форме гектографированных экземпляров рукописи².

1 февраля 1923 г. – Г.В. Флоровский в письме к Н.С. Трубецкому от 1 февраля 1923 г. писал о своем проекте издания «толстого журнала», в котором планировал поместить в виде статьи «часть» из докторской диссертации П.М. Бицилли, «только что конченной»³.

5 февраля 1923 года – П.М. Бицилли пишет А.В. Флоровскому: «До сих пор я держался старым Запасом, а также теми книгами, которые мы добыли три года тому назад [где? – в Салониках, Вранье, в результате поездок в Белград? – Т.П.], и Запас которых скоро для меня иссякнет. Не имея возможности ”писать истории”, я написал “об историях” – теоретическую работу, которую сейчас

шего выезда из Одессы): письмо датировано – 11 февраля 1923 г. Неизвестно, когда точно уехали Флоровские – в конце января или в начале февраля 1920 г. и каким путем добиралась семья Флоровских до Болгарии. Детали пребывания А.В. Флоровского в Константинополе, Софии и особенно в Белграде [П.М. Бицилли ссылается на Н.Л. Окунева] (сентябрь-декабрь 1922) до его переезда в Прагу практически неизвестны. Архивные материалы, уже введенные в научный оборот на сегодняшний день, не дают достаточно полной картины.

¹ Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 104.

² См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 89, 101.

³ См.: Соболев А. К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // Россия XXI. 2002. № 5. С. 166-196.

Окунев переписывает на случайно добытой машинке, а один приятель размножает на шапирографе. Я хочу ее передать вашей коллегии, и по этому поводу повел переписку с вашим недостойным братом, отвечающим на письма возмутительно неаккуратно»¹.

Ремарка-штрих. А.В. Флоровский в это время из Белграда (согласно информации Н.Л. Окунева) уже переехал в Прагу и вошел в состав Русской ученой коллегии, возглавив ее историко-филологическое отделение (1922-1930), и П.М. Бицилли об этом уже знает от Н.Л. Окунева².

23 февраля 1923 г. /1922/³ – П.М. Бицилли к К.В. Флоровской: «Я занят исключительно редактированием моей «отдактилографированной» (хорошее слово!) рукописи. Сижу над этим до одури и уже давно ничего не читаю» [подчеркнуто П.М. Бицилли. – Т.П.]⁴.

Ремарка-мнение. Т.Н. Галчева, вопреки А.П. Мещерскому, который полагал, что речь идет о рукописи учебника, считает, что П.М. Бицилли имеет в виду «Очерки»⁵ [т.е. рукопись докторской диссертации. – Т. П.].

12 марта 1923 г. /1922/ – К.В. Флоровская в письме к брату Георгию сообщает: Бицилли «...корректирует свою перемашиненную диссертацию...»⁶.

Ремарка-штрих. К началу марта 1923 г. рукопись диссертации / книги уже была отпечатана на машинке, о чем писал сам П.М. Бицилли в «Очерках»: «Приготовляя для печати эту работу на пишущей машинке, я несколько раз ловил себя на одной и той же ошибке: вместе «все» я печатал «све». Сначала я думал, что здесь

¹ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 9.

² См.: АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 8.

³ В косых скобках указан год, которым письма датировал А.П. Мещерский (карандашные пометки), и которые в таком виде представлены в оцифрованном виде на сайте АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д. 140.

⁴ Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 107.

⁵ См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 107-108.

⁶ Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 110-111.

сказалось влияние изучавшагося мной сербского языка...»¹.

Ремарка-мнение. Этот факт свидетельствует о том, что П.М. Бицилли одновременно с написанием своего теоретического труда продолжал осваивать сербский язык.

Апрель 1923 г. – К.В. Флоровская брату Георгию: «Бицилли что-то совсем перестал писать, не знаю, почему»².

Ремарка-штрих. Возможно, П.М. Бицилли был занят подготовкой рукописи?

1 мая 1923 г. – Г.В. Флоровский сообщал Н.С. Трубецкому, что докторская диссертация Бицилли только что закончена³.

Ремарка-штрих. Следовательно, «Очерки» – это монография, публикация которой должна была по правилам предшествовать защите докторской диссертации.

12 мая 1923 г. – К.В. Флоровская к Г.В. Флоровскому: «Бицилли очевидно думает защищать свою диссертацию тоже в Праге?»⁴.

Ремарка-штрих. Защита Г.В. Флоровского состоялась в Праге 3 июня 1923г.

27 июля 1923 г. /1922/ – П.М. Бицилли в письме к А.Ф. Флоровскому⁵: благодарит друга «за хлопоты», о которых узнал от Н.Л. Окунева, и об условиях печатания книги, в соответствии с чем, как он пишет, «принял нужные меры»: приготовил экземпляр для типографии, который должен быть выслан «назад... на имя Окунева». Дело в том, что П.М. Бицилли хотел, чтобы рецензент дал отзыв именно на основании данного экземпляра, в котором «...всему предан более литературный и приемлемый для публикации вид; все то, что в силу условий, в каких работа писалась, явилось в ней в качестве “приложений”...», поэтому «лучше подождать, когда

¹ Бицилли П. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 228.

² Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 115.

³ Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С.130.

⁴ Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 116.

⁵ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д. 140. Л. 6.

она выйдет в свет», и затем отправлять на рецензию.

П.М. Бицилли сообщал, что сам он приехать в Прагу не сможет и в следующем году, и переживал в отношении работы с текстом, которая требовала дополнительных уточнений и дополнений, в частности, это касалось «приложений», в которых, по сути, шла дискуссия с Л. Карсавиным¹.

В этом же письме П.М. Бицилли пишет: «Кстати – о моем “переселении”: я предчувствую, что из перехода на “вакансию” ничего не выйдет² <...> но неужели нет никакой другой возможности: [далее по тексту должен идти второй лист, а не первый! – Т.П.] например, место учителя в русской гимназии или корректора в к-ниб. русском издательстве? Я говорю это вполне серьезно и отнюдь не под влиянием преходящего настроения. Во-перв. здесь я получаю до смешного мало: во-втор. мне положительно невыносимо жить в среде людей, к к-рым чувствуешь только презрение; в-третьих, работать здесь сколько-ниб. толково я не могу, – хотя бы уж потому, что нельзя работать, когда главное внимание приходится употреблять на самооборону от ежедневных мелких пакостей; книг же я добывать не могу потому, что нет денег. Все таки я – особенно сейчас – усиленно занимаюсь одной в высшей степени филологического свойства работой над Пушкиным, – но не знаю, *смогу* [не ясно. – Т.П.] ли довести ее до естественного конца, т.е. – до “Книги”».³)

Ремарка-итрих. Надежда на Прагу еще не оставляла П.М. Бицилли.

29 июля 1923 г. /1922/ – П.М. Бицилли в письме к К.В. Флоровской: «Вы еще можете мечтать о Фрейбурге или Париже, но для меня, после трех лет, проведенных в Скопле, и София рисуется чем-то вроде Парижа»⁴.

Ремарка-итрих. П.М. Бицилли хотел покинуть Скопье и решался даже на Сараево⁵.

¹ См.: АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 6-7.

² А.В. Флоровский пытался помочь П.М. Бицилли получить «вакансию» в Праге / Чехословакии.

³ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 6-7. Текст приведен по оригиналу.

⁴ Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 113.

⁵ См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим

30 октября 1923 г. /1922/: П.М. Бицилли к К.В. Флоровской: «Из Праги ни слуху, ни духу. Так и не знаю, будет ли печататься моя книга, или не будет»¹.

Ремарка-штрих. П.М. Бицилли опять в отчаянии – из Праги нет известий о книге.

2 ноября 1923 г. /1922/ Петр Михайлович пишет А.В. Флоровскому: «Меня очень волнует судьба моей рукописи. Я пытался получить сведения от Н. Л-ча [Николая Львовича Окунева. – Т.П.], но ему ничего неизвестно, и он сообщил мне, что все находится в Ваших руках. Мне очень важно, чтобы она – если вообще будет печататься, была напечатана как можно скорее [подчеркнуто П.М. Бицилли. – Т.П.], за гонорар или без – безразлично. Убедительно прошу Вас сообщить мне, будет ли она печататься или нет, а также – где. Если будет, – мне надо прислать *некоторое дополнение к тексту* [курсив мой. – Т.Н.]. Очень бы просил Вас ответить мне без задержки»².

Ремарка-штрих. П.М. Бицилли опасается, что отсутствие напечатанной монографии (диссертации) может «повредить» его защите.

Ремарка-вопрос. Выход книги Л.П. Карсавина «Философия истории» (Берлин: Обелиск, 1923. 364 с.) побудил П.М. Бицилли добавить к своей, уже находящейся в типографии книги, «Приложение» – «Новая философия истории»³. В письме от 2 ноября 1923 г. П.М. Бицилли опять пишет о «некотором дополнении к тексту» – что это за «дополнение»? – «Приложение», вроде бы, уже написано?

16 декабря 1923 г. – П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому: «Что касается диссертации, я нисколько не спешу с ее проведением: все

обстоятельствам»». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С.116, 117.

¹ Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 128.

² АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 4. П.М. Бицилли торопится с изданием книги, которая необходима для защиты диссертации. Возможно, он считал, что перенос защиты Г.В. Флоровского, у которого не было опубликованной диссертации / монографии, связан именно с этими «формальностями», при этом чтение рецензентов должно было по правилам проходить не ранее шести месяцев

³ См.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 351-380. [Приложение. Новая философия истории].

равно у меня нет денег для диспута и долго еще не будет. Но, раз уж она [книга – «Очерки». – Т.П.] будет печататься, я хотел бы, чтобы это было поскорее: напечатанная, она перестанет угнетать меня и освободит от себя мою голову»¹.

P.S. Из текста ясно: «Очерки» – монография *под* диссертацию, но для П.М. Бицилли теперь, когда вопрос с Софией практически решен, а книга – в процессе печатания, он уже не торопится с защитой. Книга и волнения, связанные с ее публикацией, тяжело дались Петру Михайловичу, и он с нетерпением ждет выхода «Очерков», но уже не для защиты диссертации, а для завершения этой гонки – интеллектуального, душевного и физического напряжения. Опубликованная, Книга «перестанет угнетать» и «освободит» его для нового этапа в жизни и для новой работы.

* * *

Конец 1922 – начало 1923 года для П.М. Бицилли, вероятно, один из самых сложных в первые годы эмиграции периодов. Жизнь в Скопье не ладилась... Казалось бы, только что обретенная, неустойчивая, но все-таки относительная стабильность опять была нарушена. Н.Л. Окунев в феврале 1923 года собирался окончательно переезжать в Прагу (переезд состоялся 1 марта). Николай Львович Окунев (1886-1946) был ближайшим другом П.М. Бицилли в Скопье. Ученик Н.П. Кондакова, он специализировался по древнерусскому и византийскому искусству; с 1913 года был секретарем Русского археологического института в Константинополе, а с 1917 года – профессором Новороссийского университета. Эмигрировав в Югославию, работал вместе с П.М. Бицилли в университете в Скопье. Третим напарником по эмиграции был С.М. Кульбакин, бывший профессор Харьковского университета, филолог-славист, который осенью 1923 года также собирался покинуть университет в Скопье. П.М. Бицилли оставался один в чужой для него обстановке: «...в Скопле оставаться для меня теперь очень тяжело <...> наше содружество, тянувшееся три года, распадается»².

¹ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 5.

² АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 8.

Еще в апреле 1922 года П.М. Бицилли писал К.В. Флоровской: «У нас мало хорошего. Сильно прижали в материальном отношении, хотя и без того трудно было жить; а между тем теперь придется делать регулярные отчисления на посылки в Одессу, где положение отчаянное»¹. П.М. Бицилли беспокоится о матери – Екатерина Адольфовна оставаясь в еще худших условиях в Одессе, стремилась к сыну: «...я ломаю себе голову над тем, как это устроить», – жалуется он Клавдии Васильевне².

Екатерина Адольфовна приехала летом 1925 г. уже в Софию вместе с матерью Александрова. Подробности не рассказывала – «больше все о той волоките, которую пришлось им вынести при хлопотах о паспорте и т.п.»³.

Ремарка-info. Елисавета Петровна Иванова-Аначкова, внучка П.М. Бицилли по линии Анны – его приемной дочери, сообщила мне в своих прелестных «Мартиничках» о том, что Петру Михайловичу пришлось «выкупать» свою мать, т.е. дать «соответствующим инстанциям» довольно внушительную сумму за ее переезд в Софию. Подобная практика была достаточно распространенной в те годы, когда эмигранты, пытались организовать приезд своих родственников из СССР. Возможно, общая ситуация – отъезд друзей, беспокойство о матери, удручающая обстановка, нужда, невозможность в полной мере реализовать свой творческий потенциал ученого лишают Петра Михайловича душевного равновесия: «...в перспективе такое одиночество, тоска и полная бессмысленность и бесполезность существования», – напишет он в феврале 1923 года⁴. Летом 1923

¹ Из письма П.М. Бицилли к К.В. Флоровской от 8 апреля 1922 г. См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 74.

² Из письма П.М. Бицилли к К.В. Флоровской от 5 декабря 1922 г. См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 104.

³ *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 105. В более ранней статье Т.Н. Галчева указывала даву **1926 год**. См.: *Галчева Т.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 29. Эта дата была растиражирована в публикациях.

⁴ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л.9.

года когда, казалось бы, «Очерки» уже были в типографии, но невозможность поехать в Прагу для работы и неясность ситуации со службой рождали пессимистический мотив: «Мне просто не везет и это – судьба, в к-рую я верю»¹. Даже когда вопрос о переезде в Софию был уже решен, в декабре этого же года П.М. Бицилли пишет А.В. Флоровскому: «Не знаю еще что-то будет со мною. Я было ухватился за переселение, а теперь раздумье берет»². Он безмерно устал, нервы его на пределе...

Все меняется к рубежу 1924 / 1925 гг.: совсем иная тональность письма к А.В. Флоровскому от первого января 1925 года. П.М. Бицилли пишет уже из Софии, поздравляет Антония Васильевича и его жену – Валентину Афанасьевну – с Новым годом и сообщает о том, что высылает им два экземпляра своей книги. При этом один экземпляр просит передать А.А. Кизеветтеру. Письмо – бодрое, деловое, полностью посвящено текущим научным делам³. «Очерки», наконец, вышли в свет, и П.М. Бицилли, уже профессор Софийского университета, с удовлетворением презентует книгу друзьям и уважаемым коллегам: «Мне следует послать им [Спекторскому и Карсавину] по экз. моей книги»⁴. В скором времени появляется положительная рецензия А.А. Кизеветтера на «Очерки истории исторической науки» П.М. Бицилли⁵. И защита как таковая уже для него не так и важна: «С моей книгой, я думаю, торопиться особенно нечего»⁶.

Ремарки-post: бегло.

1. Т.Н. Галчева считает, что в начале 1923 г. «Очерки» без «приложения» были готовы, в июле новый вариант рукописи уже с «приложением» был отправлен в Прагу; к осени 1923 года «Очерки», включая Приложение – о книге Л.П. Карса-

¹ Из письма П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому от 27 июля 1923 г. См.: АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 6.

² Из письма П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому от 16 декабря 1923 г. См.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д.140. Л. 5.

³ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 10.

⁴ Из письма П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому от 5 января 1925 г. См.: АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л.11.

⁵ См.: *Кизеветтер А.* Об «Очерках теории исторической науки» П.М. Бицилли. Прага, 1925 // Руль. 1925. 25 февраля.

⁶ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л.10.

вина, – были закончены¹. Когда же точно – летом или осенью 1923 г. «Очерки» были готовы полностью? И о каком «дополнении» беспокоится П.М. Бицилли в письме к А.В. Флоровскому от 2 ноября 1923 г.: «...мне надо прислать некоторое дополнение к тексту?»

2. Стоит ли радикально разъединять две первые в период эмиграции книги – Учебник и «Очерки»? Они создавались П.М. Бицилли практически одновременно, на протяжении 1920-1922 годов. Учебник по всеобщей истории, возможно, был «пробным», упрощенным вариантом (и по вынужденной форме, и по функциональному предназначению как дидактическое издание) осмысления в общем-то тех сюжетов, которые уже в другой форме, иначе структурированной и содержательно насыщенной, с добавлением новых историографических источников, нашли свое иное воплощение в синтетической монографии. Объединяет их и то, что обе эти книги, в определенной мере, – подведение итогов предшествующего «одесского периода» и одновременно – заявка зрелого мастера, утверждающего свой высокий научный профессионализм о следующей ступени своего творчества. Последующий детальный анализ содержания обеих книг позволит окончательно ответить на этот вопрос...

3. «Сербско-македонский» период в жизни П.М. Бицилли – это период испытаний, мучительного приспособления к радикально иному жизненному пространству, к суровым условиям «культурного одиночества». Петр Михайлович сумел проявить стойкость перед «вызовом» судьбы: он не только избежал «разрыва» в творческой деятельности, сохранил личностную историографическую традицию, сформированную в годы профессионального становления в Одессе, в Новороссийском университете, но и совершил новый интеллектуальный прорыв.

¹ См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независимым обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 130-131.

Из болгарского периода¹

В Софийском университете

10 марта 1924 г. П.М. Бицилли официально вступил в должность ординарного профессора как заведующий кафедрой новой и новейшей истории Историко-филологического факультета Софийского университета. В течение двадцати пяти лет своей болгарской академической карьеры П.М. Бицилли, согласно бюрократическим нормативам, имел административный статус «ординарного профессора-иностранца по контракту». За период с 1 января 1924 г. по 1 июля 1948 г. с ним было заключено десять контрактов. Возобновление контрактов не всегда проходило гладко, но руководство факультета и университета стремилось сохранить П.М. Бицилли в штате, считая его «отличным специалистом» и признавая его значение как ученого, который «может оказать честь...любому университету». Однако новая эпоха (с 1945 г.) изменила научную этику «болгарского университетского поля»: П.М. Бицилли был уволен без предоставления пенсии; пенсию он стал получать только с начала 1950-х годов, когда приобрел болгарское гражданство².

Петр Михайлович в Софийском университете зарекомендовал себя высокопрофессиональным преподавателем, каким был в Новороссийском университете: его любили и ценили слушатели. О методике чтения лекций и проведения семинариев П.М. Бицилли вспоминали его ученики: Христо Гандев обращал внимание на

¹ Этот период в жизни П.М. Бицилли в исследованиях ученых из Болгарии и болгароведов из других стран освещен достаточно обстоятельно (хотя еще многие сюжеты сохраняют свою интригу), в связи с этим я ограничилась несколькими зарисовками с большими комментариями по поводу того, что уже сказано.

² См.: Из письма П.М. Бицилли к И.А. Бунину от 11 мая 1951 г.: «...кажется скоро начну получать пенсию». См.: Переписка И.А. Бунина и П.М. Бицилли (1931-1951). Вступительная статья Татьяны Двинятиной. Публикация Татьяны Двинятиной и Ричарда Дэвиса. // *Бунин Иван*. Новые материалы. Выпуск 2. М.: Русский путь, 2010. С. 178; *Петкова Г.* Договоры, письма и доклады от «Личного дело на проф. П. Бицилли». Публикация, подготовка на текста, редакция и бележки Галина Петкова // *Класика и канон в руската литература*. Чуждият поглед. Сборник текстове и документи. София: Факел, 2013. С. 268-318; *Она же*. Профессор Петр Бицилли в Софийском университете: археологические фрагменты // *Opuscula Slavica Siedlcensis*. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 61-71. Вопрос об увольнении П.М. Бицилли из Софийского университета требует дальнейших уточнений.

то, что на занятиях «царила великолепная атмосфера, предрасполагавшая к свободе мнений...»¹.

К одесским ученым, которые стали профессорами Софийского университета, отношение студентов было неодинаково. Так, М.Г. Попруженко (1866–1944), известный уже историк и филолог-славист, бывший профессор Новороссийского университета, читал на болгарском языке, однако «скучно и монотонно», повторяя одни и те же курсы, которые он диктовал по своим записям. Студенты его лекции посещали плохо, и приходилось назначать дежурных, чтобы аудитория не пустовала. Но его научные достижения были оценены высоко: почетный доктор Софийского университета (1939 г.), член-корреспондент (1923 г.), академик (1941 г.) Болгарской академии наук. М.Г. Попруженко был хорошо знаком болгарскому научно-общественному сообществу еще с предреволюционного периода, поэтому сразу же – в 1920 г. – получил место в Софийском университете.

Совсем иное впечатление своими лекциями по новой и новейшей истории оставлял П.М. Бицилли: он, в отличие от М.Г. Попруженко, практически никогда не повторялся. Среди слушателей его курсов были не только историки, но и философы, богословы, юристы, филологи и даже агрономы. Лекции П.М. Бицилли читал обычно на русском языке, но иногда – по-болгарски (с «убийственным акцентом»). Он входил в ту небольшую группу профессоров, которым после лекций аплодировали, хотя это было не по правилам университета².

За все годы своей преподавательской деятельности П.М. Бицилли прочитал 95 курсов³. Эти курсы преимущественно были по

¹ См.: *Гандев Х.* Петър Михайлович Бицилли (по случай 100 години от рождението му) // «Векове», София, 1980. № 2. С. 62.

² См.: *Любенова Л.* Моите разговори // Доайенът. Юбилеен сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Николай Михайлович Дилевски. София, 2004. С. 518, 523, 526; *Косик В.И.* Наброски к «портрету» русской эмиграции в Болгарии в 1920-1950-х гг. // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: Индрик, 2009. С. 86.

³ См.: *Петкова Г.* «Да се даде ръководеща нишка...»: История на руската литература от проф. П. Бицилли в три книги (България, 1931-1934). София: Факел, 2017. С. 154-163; *Она же.* Курсове, четени от проф. П. Бицилли в Историко-филологическия факултет (според Разписа на лекциите на Софийския университет) // Класика и канон в руската литература. Чуждият поглед. Сборник текстове и документи. София, 2013. С. 319-335; *Она же.* Профессор Петр Бицилли в Софийском университете: археологические фрагменты // *Opuscula Slavica Siedlcensia*. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 80-88; *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 325-329.

разным проблемам всеобщей истории. Одновременно именно в Болгарии П.М. Бицилли сделал «попытку институционализировать свои интересы в области русской культуры и литературы»: в течение 1924-1925 учебного года он читал лекционный курс «История русской культуры первой половины XIX века», но возвратился к этой тематике только в 1944 г.

Г. Петкова выдвигает три причины этого «молчания».

Во-первых, «нежелание заходить на территорию официально лектора по русской литературе в рамках специальности “Славянская филология”» – заслуженного профессора Новороссийского университета М.Г. Попруженко, бывшего преподавателя, родственника ближайших друзей Петра Михайловича – семьи Флоровских; только после смерти М.Г. Попруженко (1944) П.М. Бицилли возвращается к филологической тематике в учебной работе.

Ремарка-уточнение. Помимо М.Г. Попруженко в Софийском университете преподавал В.А. Мякотин (1967-1937), уже известный историк и политический деятель, депортированный в 1922 г. на одном из «философских пароходов». В Университете он проработал с 1928 по 1937 год и читал лекции по русской и украинской истории: «Россия от Петра Великого до Николая I», «Русская держава и русское общество накануне Мировой войны», «Общественные и умственные движения в России с конца XVIII до начала XX в.», «История Украины в XVII-XVIII вв.» и др. Книга «История Руси от IX до XVII в.» была переведена на болгарский язык и издана в 1937 г. в качестве «руководства для студентов»¹

Во-вторых, тревога за родных, оставшихся в Одессе, заставляла ученого обрекать себя на «автоцензурирование» в 1920-1930-е гг.; отсюда и ориентация в большей мере на лингвистические проблемы в научной деятельности.

В-третьих, политические изменения в Болгарии в послевоенный период актуализировали российскую проблематику: в 1945-1946 учебном году П.М. Бицилли читал курс «Общественные движения в России с эпохи великих реформ до 1914 г.», а в 1947 г. по решению Академического совета (принятого в начале 1946-1947 учебного года) на болгарском языке была издана работа П.М. Би-

¹ См.: Велева М. Професор Венедикт А. Мякотин в България // Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С.129 -148.

цилли «История России с начала XIX-го века до Второй революции (1917 год). Внутренняя политика и общественные движения»¹.

Жизнь в Болгарии, конечно, в значительной мере отличалась от скопийского периода, но и здесь не все было гладко. В письмах к А.В. Флоровскому Петр Михайлович жалуется: «Мое дело плохо: царство Болгарское сидит без денег, а потому сидит без денег и университет, – и потому и без книг. Приходится всячески изворачиваться и развлекать себя видимостью настоящей работы» <...> «Царство Болгарское, а значит и университет – сидит на мели, книг не покупаем, работать потому нельзя»².

Состояние и настроение П.М. Бицилли – пессимистично-глобальны, он оценивает ситуацию как новую эпоху, в которой «жизнеощущение» – «общее», не только у эмигрантов, но и у всех людей, переживших «смерть Европы»: «мир вступил в какой-то... отвратительный – “эон”, в котором человеку, как он понимался со времен Христа и Марка Аврелия, нет места»³.

Отсутствие должного по уровню научного круга также удручало П.М. Бицилли: «Приезд А.В. Мякотина очень меня оживил – хоть поговорить есть с кем об исторических материях»⁴.

Будучи профессором Софийского университета, П.М. Бицилли девять раз выезжал в командировки: 2 – в Белград (1928, 1940), 1 – в Париж (1931); 1 – в Ригу, Ревель (Таллин), Берлин и Прагу (1930); остальные – в Прагу (сентябрь 1924, рубеж 1926/1927, июль 1928, июнь 1930). Все командировки были непродолжительны (для серьезной научной работы в библиотеках времени практически не было), и только две из них частично были оплачены университетом⁵.

Ремарка-info. Для поездки в Прагу в июне 1930 г. П.М. Бицилли выдали на командировочные расходы 2 тысячи левов

¹ См.: Петкова Г. Жизнь в «эмигрантской провинции»: болгарское местояние П.М. Бицилли. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/62/Petkova62.pdf>

² АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 30-31.

³ Бицилли П. Георгий Иванов. Отплытие на остров Цитеру. Избранные стихи. 1916-1936. Петрополис, 1937 // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 451.

⁴ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 31.

⁵ См.: Колева И. Документални свидетелства за проф. Пьотр Бицили, съхранявани в Архива на Софийския университет // Классика и канон в руската литература. Чуждият поглед. Сборник текстове и документи. София, 2013. С.250; Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчества. М.: Водолей, 2018. С.125. Сведения еще об одной поездке – не уточнены. Эти данные требуют новых подтверждений.

(от «фонда на научные цели») и в Белград весной 1940 г. (командировка на 18 дней) – 3 тысячи левов¹.

За 1924 по 1954 гг. в университетских изданиях «Годишник на Софийския университет “Св. Климент Охридски”. Исторически факултет» и «Университетска библиотека» вышло 13 публикаций П.М. Бицилли (разных жанров и объема) и 3 книги (учебные пособия). Представляют интерес язык этих публикаций: в 1929 г. в «Годишнике» (Т. 24) вышла статья на французском языке – «J.J. Rousseau et la democratie» («Жан Жак Руссо и демократия»); там же в 1933 г. (Т. 29, ч. 1) – «Место Ренессанса в истории культуры» на русском языке. Учебники – «Увод в изучаването на новата и най-новата история (Опит за периодизация)» (1927) и «Основни насоки в историческото развитие на Европа: (От началото на християнската ера до наше време)» (1940) – были написаны на русском языке и переведены на болгарский: первый учебник перевел профессор Иван Раев, лектор по русскому и латинскому языкам, второй – будущий профессор Христо Гандев; третий учебник «История на Русия. От началото на XIX в. до втората революция 1917 г. Вътрешна политика и обществени движения» (1947) был написан на болгарском языке (с некоторыми русизмами)².

Результаты научной деятельности П.М. Бицилли за «софийский период» впечатляют: по подсчетам М.А. Бирмана П.М. Бицилли опубликовал на русском языке 6 монографий и 12 статей и сообщений; на болгарском языке – 3 книги и 47 статей и других видов работ³.

За свою плодотворную университетскую службу П.М. Бицилли был награжден двумя орденами: «Свети Александър» IV степени (1938) и «За граждански заслуги» III степени (1943)⁴.

* * *

10 марта 1924 г. П.М. Бицилли в соответствии с университетскими правилами прочитал вступительную лекцию «Проблемы

¹ См.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С.81-82.

² См.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С.83-88.

³ См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчества. М.: Водолей, 2018. С.123.

⁴ См.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С.89.

современной истории», в которой лапидарно изложил многие из положений, уже осмысленных в «Очерках теории исторической науки». Начало лекции звучит весьма примечательно: «В ответ на доверие, оказанное мне высокочтимой коллегией вашего Университета, считаю долгом дать отчет в том, как я понимаю возложенные на меня обязанности; а это определяется тем, как я понимаю сущность и значение представляемой мною дисциплины»¹. В этом заявлении – убежденность позиций, выстраданных и отрефлексированных ученым и человеком.

Вступительная лекция включила ряд проблем, которые П.М. Бицилли считал первостепенными в условиях «ренессанса истории», ставшего результатом «эпохи великих потрясений».

П.М. Бицилли полностью согласен с Бенедетто Кроче, считавшим, что всякая подлинная история есть история современная – «*storia moderna*». В истории, утверждал ученый, ссылаясь на великих предшественников – Мишле, Гизо, Токвилля, Моммзена – прошлое неотделимо от настоящего. История – это «... жизнь духа, который и есть истинный **субъект** истории и, значит, прямой **объект** исторического познания» [выделено в тексте П.М. Бицилли. – Т.П.]. Поскольку «жизнь духа» является «непрерывным процессом», «вечным становлением», в котором «старое» постоянно преобразуется в «новое», разграничение «прошлого» и «настоящего» с теоретической точки зрения неправомерно. Исследователь (познающий субъект) всегда является «вольно или невольно» – соучастником этого процесса и не может «изъять себя» из-под действия «закона всеобщего и **непрерывного** обновления» [выделено в тексте П.М. Бицилли. – Т.П.].

Проблема «современности» истории для П.М. Бицилли неразрывно связана с проблемой исторического познания – проблемой соотношения реальности исторических событий и их «изображения» в результате познавательной деятельности. Ученый, познавая «прошлое», в действительности пытается осмыслить его «путем рефлексии» и в результате «искусственно» выделяет это «прошлое» из «настоящего», что в реальности неразделимо. Поэтому историки разных эпох, работая над одними и теми же источниками, трактуют

¹ *Бицилли П.М.* Проблемы современной истории. Вступительная лекция, читанная 10 марта 1924 г. // *Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет.* 1924. Т. XX. С. 1.

их с позиций своего «настоящего», отражая свой уровень понимания этого «прошлого». «Изображение истории», в конечном итоге, считает П.М. Бицилли – это конструирование. Сам процесс конструирования связан с проблемой понятий. В процессе изучения истории, подчеркивал П.М. Бицилли, ученые – «условно и удобства ради» – разделяют единое знание на отдельные дисциплины и пытаются обозначить те или иные явления «вечно меняющихся форм объективации духа» конкретными понятиями. В действительной жизни этим «конструкциям» – понятиям часто «приписывается реальное существование». Вероятно, рассуждает П.М. Бицилли, для человечества «...**практически важно** [выделено в тексте П.М. Бицилли. – Т.П.] подставлять на место реальностей <...> соответствующие им понятия <...> и эти понятия гипостазировать, мыслить их на подобие неких вещей, обладающих пространственным бытием...»¹.

Но наука – «система понятий», имеющих эвристическое значение, и ее развитие требует предусматривать опасность материализации исторических понятий и «усилием ума» преодолевать «расхождения реальности и рефлексии», перманентно (и особенно в критические периоды развития общества и культуры) пересматривая и переоценивая привычные, уже вошедшие в «научный и житейский обиход», исторические понятия.

Данная специфика исторического познания детерминирует и задачи исторического профессионального образования, которое, по мнению П.М. Бицилли, предназначено в первую очередь для обучения *метода*, а не для потребления набора готовых истин и должно способствовать выработке «умения за абстрактными понятиями видеть жизнь, какова она есть, во всей ее необозримой сложности, во всей ее безостановочной текучести, способности переживать ее, как вечный **творческий процесс...**»² [выделено в тексте П.М. Бицилли. – Т.П.].

История для П.М. Бицилли – «не есть архив документов» и «справочник готовых рецептов на всякий жизненный случай». Ее обязанность – «**наставницы**» (выделено в тексте П.М. Бицилли. –

¹ Бицилли П.М. Проблемы современной истории. Вступительная лекция, читанная 10 марта 1924 г. // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. 1924. Т. XX. С.2-3.

² Бицилли П.М. Проблемы современной истории. Вступительная лекция, читанная 10 марта 1924 г. // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. 1924. Т. XX. С. 15.

Т.П.), но в ином смысле, чем это понималось в старину, когда от наставника требовалось, чтобы он снабжал своих воспитанников «готовым знанием». Прimitивный утилитаризм прагматической историографии давно изжил себя. «Наши воззрения на школу иные, – говорит П.М. Бицилли. – От школы мы ждем не столько готовых истин, которые можно раз навсегда заучить, сколько метода (выделено в тексте П.М. Бицилли. – Т.П.). Если историческое образование способствует развитию исторического понимания <...> то Клио может считать, что ее дело сделано. Таковы убеждения, с которыми я приступаю к несению возложенных на меня обязанностей»¹.

Ремарка-дополнение. В текст Лекции вошли многие мысли, уже «озвученные» в предыдущих работах П.М. Бицилли («Очерках» – преимущественно; в статье «Демократия и школа» и др.). Одновременно значительная часть Лекции посвящена проблеме «пересмотра» одного из «устоявшихся» понятий – *нация*, игравшего, по мнению П.М. Бицилли, «и в науке и в жизни исключительную по своему значению роль»².

Ученый рассматривает проблему нациопроцесса в Европе и России в контексте изменения европейской политической карты; проблему взаимосвязи новых государственных объединений с национальными традициями; делает акцент на отрицательных последствиях, с его точки зрения, Версальского договора («Мира»): «История не знает справедливых миров, и международные отношения следует рассматривать и расценивать с точки зрения целесообразности, а не морали, ибо это более соответствует их природе»³.

П.М. Бицилли беспокоит будущее не только в России / СССР, где идет негативный, по его мнению, процесс «национального самоопределения» (т.е. распада единой российской нации), но всей Европы, в которой происходит девальвация «Европейской нации» как «единства в многообразии»; и вме-

¹ Бицилли П.М. Проблемы современной истории. Вступительная лекция, читанная 10 марта 1924 г. // Годешник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. 1924. Т. XX. С. 15.

² Бицилли П.М. Проблемы современной истории. Вступительная лекция, читанная 10 марта 1924 г. // Годешник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. 1924. Т. XX. С. 4-15.

³ Бицилли П.М. Проблемы современной истории. Вступительная лекция, читанная 10 марта 1924 г. // Годешник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. 1924. Т. XX. С. 14.

сто национального единства, в основе которого должно быть «единство культурной традиции, преемственность идеалов и воспоминаний...», в европейских реалиях возникают явления, характерные для религиозных войн прошлого: в результате – «массовый психоз национальной исключительности, возвращенный войной».

Эти мысли получают свое дальнейшее развитие в блоке работ П.М. Бицилли о евразийстве, нации и национальном вопросе¹.

Еще раз о Евразийстве²

Статья П.М. Бицилли «Два лика евразийства» (1927), которая появилась уже в болгарский период, фактически – программный ответ на программный манифест евразийцев «Евразийство (опыт систематического изложения)» (1926)³.

Для П.М. Бицилли «Опыт» – «категорическое заявление» евразийцев – свидетельствовал о том, что евразийство, «”становившееся” – с момента великого русского Исхода, наконец, “стало”», что и потребовало с его стороны столь же «категорического заявления».

В историографии сложился определенный штамп по поводу интерпретации т.н. «ликов»: чаще всего лики противопоставляют друг другу как «светлый» и «темный». Но таких эпитетов у П.М. Бицилли нет. «Лики» – это «стороны» евразийства – интересные, поскольку – «жизненные», как писал ученый, которые могли бы существовать «и отдельно».

«Первый лик» для П.М. Бицилли заключен в самом названии «Евразийство», что подчеркивает «величайшее своеобразие русского исторического развития»: формирование нации и образование империи в российской истории представляют «один процесс». В Евразии в отличие от «англо-американской истории» (появление национального имени «американец» было необходимо, т.к. до образования Штатов, «англичане уже несколько столетий составляли нацию»)

¹ Этот текст в меньшей степени был включен в историографический и политологический анализ в современной литературе, между тем мысли, высказанные в этой Лекции, имели принципиальное – базовое – значение для последующих работ П.М. Бицилли.

² В кавычках – преимущественно выдержки из текста статьи.

³ Через год вышло продолжение: «”Евразийство” (формулировка 1927 года)» в евразийском издательстве, действующим с 1923 г.

наций не было, а «русская нация» образовалась в «процессе расселения и скрещения издревле обитавших в Евразии народов». Но поскольку нациобразование осуществлялось «под руководством одной народности» – *русской*, именно эта народность придала «“евразийской” нации свою индивидуальность», обогатившуюся в «процессе ассимиляции подчиненных элементов». Этот этнографический факт, отражающий специфику и сложность «русской национально-имперской проблемы», и одновременно политический факт – империя органически росла вместе с Нацией, «а не сколачивалась механически, путем захватов и удачных браков», в чем принципиальное отличие «российского империализма» от «западноевропейского», – прекрасно, по мнению П.М. Бицилли, изложили авторы «Опыта».

Вытекающая из этого посылка концепция «единой евразийской партии» (в едином демократическом пространстве) по аналогии с американскими партиями, предполагает ориентацию на «создание и сохранение Союза» (в данном случае – Евразийского), и в этом – «чистая идея евразийства» [курсив мой. – Т.П.], которая находит у П.М. Бицилли полное понимание.

Но – далее идет интересный пассаж: «Однако, высказывая это, я уже не столько излагаю воззрения евразийцев в их настоящем виде, сколько *намечаю пути возможного развития чистой идеи евразийства*» [курсив мой. – Т.П.].

П.М. Бицилли – сторонник демократических порядков (многопартийности в том числе), несмотря на всю сложность момента, которую переживала в эти годы идея демократии в целом (что он прекрасно понимал и четко обозначил в статье). Задумываясь о будущем своей Родины, П.М. Бицилли поддерживает позиции евразийцев: против «нежизненных идей “единой неделимой России”», против «самоопределения народов», в противовес которым евразийцы выдвигают «идею единства русской нации» (для П.М. Бицилли – в широком значении слова) и «идею федерации евразийских земель и евразийских народностей». Именно «эта сторона [«клик». – Т.П.] евразийства заслуживает величайшего внимания», заключает ученый.

А далее П.М. Бицилли переходит к трактовки «чистой идеи» евразийцев самими евразийцами: «Сами евразийцы развивают свою идею совсем на другой лад, и в том, как они это делают, обнаруживается второй лик евразийства – лик соблазнительный, но и отвратный».

Иначе говоря, «чистая идея евразийства» это – не идея евразийцев, а выкристаллизация из суммы их взглядов того ценного, что понял, принял и четко сформулировал сам П.М. Бицилли.

У самих же евразийцев их «чистая идея» искажена, утрирована и сконцентрирована в утверждении о необходимости единственной партии («Все дело портит их проект “единственной правящей партии”»), носительницы «абсолютно истинной, православно-догматической идеологии».

«Опыт», подчеркивает П.М. Бицилли, «заключает в себе первую евразийскую программу для будущего», и в этом опасность. Для него евразийцы не просто «антибольшевики», но по своей сути – «большевики наоборот»: «антитеза оказывается прямым продолжением “тезы”» – большевистская диктатура по их программе будет просто заменена евразийской.

Для П.М. Бицилли, вероятно, тот факт, что Л.П. Карсавин (к которому у ученого отнюдь не однозначное отношение: «сухарь и нигилист»¹) на время становится официальным «философом движения», также вызывает неприятие. По Карсавину, «индивидуальность» (эмпирический индивид) противопоставляется «соборному» («ключевой камень славянофильства») – «симфоническому субъекту» и фактически поглощает его, хотя и декларируется идея «всеединства».

Евразийское учение о соборности («абсолютная “симфоничность”...гармонически целостная “культуро-личность”»), принимая во внимание их программу («единственная партия плюс “политически воспитанная” армия»), фактически приводит к полному поглощению «человеческой личности “культуро-личностью”», что совершенно неприемлемо для П.М. Бицилли.

Ремарка-штрих. В триаде основных факторов исторического развития – личность / народ / государство – П.М. Бицилли отдавал приоритет Личности: «Какую бы отрасль истории мы не изучали, – в конечном анализе исторических явлений мы всегда приходим к отдельной личности. Личность есть в конце концов единственный реальный фактор исторического процесса»².

¹ См.: Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С. 196.

² - Бицилли П.М. Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века) // Бицилли П.М.

П.М. Бицилли чутко уловил своеобразие массового восприятия евразийской манифестации – он обыгрывает термин «соблазн» как наиболее точно выражающий состояние эйфории, охватившее очень многие эмигрантские слои, для которых евразийская программа предстала как панацея, найденный, наконец, верный способ все повернуть «на круги своя».

Эмигрантская масса, не вполне понимая сущности программных положений евразийства, как губка впитала привлекательные – соблазнительные – агитационные призывы (Н.С. Трубецкой никогда не скрывал «агитационных целей» нового направления: «Полемика нежелательна», т.к. разрушает «единый евразийский фронт»¹).

Ремарка-заметка. Для эмигрантов «обитание» в чужой земле обычно происходит по трем моделям: 1) ностальгической; 2) космополитической; 3) аккультурационной². Бытие послереволюционной «русской эмиграции» преимущественно представляло собой первую модель, для которой, говоря словами Г.В. Флоровского, было характерно «катастрофическое мироощущение» и «видение исторического трагизма»³.

«Соблазнительность» евразийства заключалась в том, что евразийцы первыми после сокрушительного разгрома «белого движения», определенной девальвации идеи «европеизма» с ее претензией на «общечеловеческую» перспективу, в условиях разочарования, «потери дома» – потери координат, нищеты и униженности большинства эмигрантов⁴, представили свое новое движение с идеей «соборности», с более-менее конкретной картинкой возмож-

Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 235.

¹ Из письма Н.С. Трубецкого к Г.В. Флоровскому от 15 мая 1923 г. См.: *Климов А., Байсвенгер М.* Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким (1921-1924). Публикация А.Е. Климова и М. Байсвенгера // Записки русской академической группы в США. Том XXXVII. 2012. 2012. С. 114; *Аверинцев С.* Несколько мыслей о «евразийстве» Н. С. Трубецкого. Опыт беспристрастного взгляда // *Новый мир.* 2003. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2003/2/neskolko-myslej-o-evrazijstve-n-s-trubeczkogo.html

² См.: *Борев Ю.* Эмигрантология // Феномен Юрия Дружникова. Варшава; Москва: Slavica Orientale, 2000. С. 166.

³ См.: *Флоровский Г.В.* Из прошлого русской мысли. Москва: Аграф, 1998. С. 250..

⁴ М.И. Раев, использовал название романа Ф.М. Достоевского для определения эмигрантских кругов – «униженные и оскорбленные». См.: *Раев М.И.* Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919-1939 / пер. с англ. А. Ратобильской; предисл. О. Казниной. Москва: Прогресс-Академия, 1994. С. 29.

ного развития «потерянного мира», воплощавшей общую надежду на возвращение, четко обозначили историческое предназначение России-Евразии.

Р. С. Трансформация «чистой идеи» евразийцев в ее, по сути, антипод – таков «отвратный лик» евразийства, разоблачить который П.М. Бицилли считал себя призванным.

Ремарка-мнение. Согласно с выводом И.В. Анненковой: «Порой трудно выделить какую-то одну проблему в той или иной статье. Взгляд Петра Михайловича Бицилли охватывал одновременно два-три вопроса, подчас они слиты у него воедино, и каждый вытекает один из другого»¹.

Эту особенность «почерка» П.М. Бицилли отметил еще Г.В. Адамович: «В ста или полутора ста строках Бицилли иногда успевает коснуться стольких тем и вопросов, что разработка их потребовала бы большого исследования...»².

Статья «Два лика...» – образцовый пример, подтверждающий эту мысль, но я бы сказала, что многопластовая проблематика этой статьи, которую невозможно проанализировать в один «прием» и в одном ракурсе, все-таки четко подчинена одной сквозной – стержневой – теме³, и это «развертывание» главной мысли / темы – «кружевное плетение» – особенность стиля П.М. Бицилли.

О «повороте» к филологии

Современных бициллиеведов поражает масштабность литературоведческих и лингвистических исследований П.М. Бицилли. Бицилли-литературовед более известен (и ранее известен) в научном сообществе, нежели Бицилли-историк.

«Поворот» П.М. Бицилли к филологической проблематике в современной литературе оценивают по-разному, но в целом основ-

¹ Анненкова И. В. Неизгнанная мысль: Филология П.М. Бицилли / Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. С. 12.

² Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1934. 29 августа. № 4900. С. 3. Цит. по: Васильева М. Путь интуиции // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 18.

³ Тема / тематика и проблема / проблематика – понятия, чаще всего употребляемые как синонимы, в научном исследовании суть разные концепты.

ным аргументом выступает ситуативный фактор – фактор обстоятельств: вынужденных условий научной работы без необходимых для профессионального медиевиста архивных и библиотечных фондов; именно этот фактор «обстоятельств» не позволил П.М. Бицилли реализовываться как специалисту-историку в эмигрантский период.

Помимо этой ведущей аргументационной линии ряд авторов формулирует интересные соображения, расширяющие общую картину так называемого «поворота», при этом многие из высказанных идей пересекаются.

Позволю себе обозначить некое «пространство имен» в контексте проблемы.

«В Болгарии, – пишет Г. Петкова, – началась бифуркация научных интересов Бицилли... Болгария не только стабилизировала отход Бицилли от медиевистики, но и привела его к еще одному повороту. Получив место преподавателя новой и новейшей истории, Бицилли постепенно обратился к филологии»¹.

Ремарка-итрих. Положим, к филологии Петр Михайлович все-таки обратился еще в Скопье, но то, что София с ее возможностями по сравнению с «македонской столичностью» действительно «стабилизировала» филологические изыскания ученого – бесспорно.

И.В. Анненкова связывает интерес П.М. Бицилли к «языковым проблемам», который наиболее явно определился в годы эмиграции, с двумя факторами:

во-первых, с его осознанием значимости «языка как основного носителя культурных ценностей народа»;

во-вторых, с тоской по русской речи и «русской языковой среде»².

М.А. Бирман утверждал, что «потребность в филологических изысканиях» для П.М. Бицилли была «глубоко органична»³. Эта

¹ См.: Петкова Г. Жизнь в «эмигрантской провинции»: болгарское местостояние П.М. Бицилли. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/62/Petkova62.pdf>

² См.: Анненкова И. В. Неизгнанная мысль: Филология П.М. Бицилли / Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. С. 9. Здесь же очень верно наблюдение: в ранних исторических работах («К вопросу об источниках...», 1912; «Западное влияние на Руси...», 1914) уже обозначился интерес молодого ученого к вопросу о «языковом воплощении культуры» в конкретные исторические эпохи.

³ Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчества. М.: Водолей, 2018.

потребность, если суммировать доводы автора, обусловлена рядом факторов:

во-первых, «эстетическими увлечениями» ученого;

во-вторых, «логикой развития» его творческой натуры;

в-третьих, интерес к литературному творчеству как к сфере, отражающей «дух времени», закрепился у П.М. Бицилли еще в одесский период¹;

в-четвертых, художественные тексты как явления духовной жизни представляли для П.М. Бицилли «истинный предмет исторической науки»²;

в-пятых, в эмиграции этот интерес к литературе «усилился», т.к. он отражал общее умонастроение российской эмиграции: литература превратилась в единственную основу культурного и национально-исторического единства³.

Действительно, к филологической проблематике обратились и другие видные историки – А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков и проч.

Все это привело к расширению «диапазона его исследовательского поля»⁴.

М.А. Бирман категорически против трактовки «перемен» в творчестве П.М. Бицилли, который превалирует в современной литературе: «уход» от истории к филологии. Для него «глубинный смысл» перемен – в «формировании гуманитария-универсала необычайно широкого профиля, стремившегося к созданию комплексных поли- и междисциплинарных работ с особым научным почерком»⁵.

Ремарка-штрих. Соглашаясь в целом с доводами М.А. Бирмана, хотелось бы кое-что уточнить. «Формирование гумани-

С.107-108.

¹ Для меня особо важны третья и четвертая позиции, если сформулировать их суть, то – это: продолжение традиции предшествующих лет и источниковедческая концепция П.М. Бицилли.

² Дочев Д. Пётр Михайлович Бицилли // Бицилли П. Европейската култура и Ренесансът: Избрани студии. София: Анубис, 1994. С. 21-22.

³ См.: Раев М.И. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919-1939 / пер. с англ. А. Ратобыльской; предисл. О. Казниной. Москва: Прогресс-Академия, 1994. С. 214.

⁴ Последние две позиции, приведенные М.А. Бирманом, подтверждают его согласие с высказанными Д. Дочевым и М.И. Раевым мыслями.

⁵ Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчества. М.: Водолей, 2018. С. 109.

тария-универсала» – это, скорее, результат *постоянной* [курсив мой. Т.П.] творческой деятельности ученого – от молодых лет до завершающих минут. Вспомним, что читал Петр Михайлович перед «уходом» – «Сказки 1001 ночи», Андре Жида, А.С. Пушкина. Его мысль не переставала работать. Его «мироощущение» и «мировосприятие» не угасало...

Кроме того, П.М. Бицилли вряд ли ставил перед собой задачу создания «комплексных поли- и междисциплинарных работ с особым научным почерком». Полимодисциплинарность и многожанровость творчества ученого, его неповторимый «почерк» – органичное и естественное выражение его индивидуальности, понятия, которое так много для него значило и фактически определяло его творческий канон.

Оценивая специфику творчества П. М. Бицилли, М.А. Бирман пишет: «В природе его таланта не было стремления терпеливо и медленно корпеть над одной большой темой, создавая постепенно, годами, многотомник. Обладая живым и гибким умом, широкими и разносторонними знаниями и интересами, Бицилли был наделен горячим, легковозбудимым и на многое откликающимся темпераментом»¹.

С этим выводом не согласен один из первых рецензентов книги (2018) М.А. Бирмана – А.А. Тесля, предлагающий свое видение проблемы: «... в одесский период Бицилли демонстрирует способность упорно и тщательно работать если не над одной темой, то во всяком случае не захватывать почти одновременно и филологию, и философию истории, и историю нового и новейшего времени Европы, Америки и России, и историю культуры Нам представляется, что специфическое “многотемье”, разумеется, связанное с характером и с исследовательской оптикой – все-таки во многом производно от ситуации»².

Автор усматривает главную причину появления «многотемья» в условиях «софийской эмиграции», в которых следование привычной модели «большой науки» было невозможно из-за отсутствия в

¹ См.: Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С.279-280.

² См.: Тесля А.А. [Рец. на: Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018.]. URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2548571.html> Анализ одесского периода в творчестве П.М. Бицилли свидетельствует о формировании «многотемья» в «многожанровости».

первую очередь необходимой для ученого инфраструктуры, отсюда – поиск новых форм научной деятельности, предполагающей «широкую коммуникацию» (и научное сообщество, и «публика»), сохраняя и развивая при этом свой научный потенциал.

Доводы обоих логичны (у М.А. Бирмана акцент сделан на «внутренние факторы» – интеллектуально-личностные параметры, А.А. Тесля педалирует «внешние факторы» – «условия науки / научной работы») и одновременно односторонни.

Дисциплинарная принадлежность П.М. Бицилли – вопрос, который поныне остается в дискуссионной плоскости. М.А. Бирман выделяет отличительную особенность работ П.М. Бицилли – комплексность и интердисциплинарность: его публикациям «присуща своеобразная магия универсализма». Однако, «будучи по образованию историком и по роду профессиональной деятельности университетским профессором всеобщей истории (история – по свидетельству дочери – М.П. Бицилли – была для него “царицей наук”), П. М. Бицилли подходил к исследованию общественных и культурных явлений и процессов как гуманитарий-универсал. Но прежде всего, - как историк и как филолог»¹.

Б.С. Каганович совершенно справедливо отмечает базовое единство методологических принципов и подходов П.М. Бицилли как в исторических трудах, так и в литературоведении, истоком которых было историческое и философское мировоззрение П.М. Бицилли: он в первую очередь – историк².

В.Н. Петров (1912-1978), писатель, искусствовед (недооцененный и поныне), обратившийся одним из немногих в советский период к творчеству П.М. Бицилли, писал: «Как филолог, П.М. Бицилли обогащает историческим видением литературоведческую и лингвистическую проблематику своих трудов. И это соединение истории и филологии в творчестве ученого органично»³.

Н.А. Селунская считает, что «творческую и научную работу

¹ Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 285-286.

² См.: Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С.197-199. Очерк о П.М. Бицилли в этой монографии содержит наиболее глубокий анализ в современной историографии исторических и филологических исследований ученого в их единстве.

³ Петров В.Н. Мир искусства // История русского искусства: В 10 т. М.: Наука, 1968. Т. 10 (13). Книга 1. С. 474.

Бицилли нельзя совершенно строго делить на период до-эмигрантский, когда ученый формируется и выступает как медиевист, и на время эмиграции, когда Бицилли развивает штудии в области славистики и с успехом работает как литератор». Кругозор А.М. Бицилли – широк: он «способен рецензировать и научную работу по истории сеньориальных институтов во Франции, и диссертацию по византистике»¹.

Для М.А. Васильевой «смена ориентиров» происходит у П.М. Бицилли в конце 1920-х гг.: он постепенно «уходит от исторической науки, медиевистики к филологии, к трудам по культуре». Уход в филологию объясняется:

во-первых, «чисто внешними обстоятельствами» («отсутствие научной традиции медиевистики на Балканах»);

во-вторых, «причина смены интересов крылась в самом “художественном” методе, в желании преодоления антиномии “эволюции” и “творчества”, “индивидуального” и “целого” ...»².

Таким образом, причину «ухода Бицилли в филологию», считает М.А. Васильева, следует искать не только во «внешних» фактах биографии («профессиональная неустроенность, необеспеченность в новых условиях»), но прежде всего - «изнутри», исходя из системы взглядов и научного метода ученого³.

«Перераспределение исследовательских интересов в пользу филологии», по Васильевой, это – «рывок», который обусловлен поиском «пути к “интуитивному охвату всеединства”». Именно в этом – «причина постепенного ухода историка от исторической науки, которая, по мнению мыслителя, такого интуитивного всеохвата дать не могла»⁴. М.А. Васильева подтверждает свой второй тезис словами самого П.М. Бицилли: «...анализ произведений

¹ Селунская Н.А. Интеллектуальная биография П.М. Бицилли в интерпретации М.А. Бирмана // Славянский альманах / Ин-т славяноведения РАН. Глав. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2010. № 1-2. С. 478.

² Васильева М. Путь интуиции // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 14.

³ См.: Васильева М.А. «Проблематика индивидуальности» в трудах П.М. Бицилли: Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. М., 2009. С. 9.

⁴ См.: Васильева М. Петр Бицилли как диалогический мыслитель // Opuscula Slavica Sedlcensia. T. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 48, 57.

словесного искусства, т.е. творчества, требует вместе и большей осторожности и большей свободы. Главное же, чем он методологически отличается – по крайней мере, должен отличаться – от анализа документов, сводится к следующему: историк-палеограф изучает – как общее правило – единственно части, а не целое, которого – с точки зрения эстетической – в “документе” нет. Эстетическая критика не только должна исходить от целого: целое является ее объектом. Здесь различие принципиального свойства»¹.

«Очерки теории исторической науки» (1925) М.А. Васильева определяет как «пограничное» произведение в период смены исследовательских интересов: через эту работу историк выходит к филологическим трудам как закономерному продолжению его видения философии культуры².

Ремарка-мнение. П.М. Бицилли в «Этюдах...» действительно точно определил отличие в работе филолога и историка. Но недаром он в качестве примера упомянул два важных понятия: «историк-палеограф» и «документ». В данном случае ученый говорит о специфике палеографических – «точечных» / «мозаичных» – изысканий, с одной стороны, с другой – о фактологической / фактографической работе с документами – важнейшим, но одним из промежуточных этапов в научном историческом исследовании. Да, историк собирает факты, анализирует их и затем переходит к синтезу – созданию концептуальной картины – целостности.

Обратимся к «Очеркам теории исторической науки» (1925)³. П.М. Бицилли четко разделяет специфику деятельности художника, который создает «символы» (ибо он – «творец символов»), и критика / историка, который раскрывает смысл этих символов. Однако стремление к проникновению в смысл индивидуально-неповторимого, к историческому пониманию во всей его полноте объединяют историка и художника: исто-

¹ Бицилли П. Этюды о русской поэзии. Прага, 1926. Цит. по: Васильева М. Путь интуиции // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 14.

² Васильева М.А. «Проблематика индивидуальности» в трудах П.М. Бицилли: Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. М., 2009. С.9-10, 12.

³ Работа над этими двумя произведениями – «Очерками» и «Этюдами» - шла практически параллельно. Я «опускаю» сноски, т.к. в дальнейшем эти вопросы еще будут рассматриваться. Слова и фразы в кавычках - из текста П.М. Бицилли.

рия – это «творческое воспроизведение преображенной сознанием действительность». Но специфика «творчества» историка – в «разложении данных», полученных из источников, на элементы, в анализе этих элементов и, наконец – «во вторичном воссоздании убитого анализом объекта». Исторический процесс – непрерывный и слитный – разбивается на бесчисленное количество отдельных моментов, каждый из которых – «нечто качественно единственное, специфическое, неповторимое», со своей индивидуальностью. Постигая отдельный момент, историк «переживает» всю историю, поэтому исторический синтез для П.М. Бицилли, – это, по сути, «*синтез момента*»¹. Обращая внимание на эту специфику исторического познания, он все-таки признается, что в рамках научной историографии «передать жизнь» как некое «единство», т.е. выразить в понятиях «тайну» исторической жизни – целостной и бесконечно изменчивой, невозможно. Только «в акте художественного творчества с творцом-индивидуумом» может быть раскрыта «непостижимая целостная Истина», т.е. воспроизведение жизни «как абсолютное единство». И тем не менее П.М. Бицилли не умаляет роли науки в ее стремлении к целостному изображению исторической жизни: задачей современной историографии должен быть эстетико-индивидуализирующий анализ символики исторических фактов, т.е. выделение из объекта исследования «исторического объекта» – «духа» эпохи». Эстетическое воссоздание прошедшего – главное в научном творчестве историка, и в этом – определенная общность научного и поэтического / художественного способов познания.

П.М. Бицилли, открывая свою «филологическую эпопею», должен был заявить о своей методологии – четко обозначить свой «эстетико-индивидуализирующий метод». Не рассчитывая на то, что широкая аудитория «потребителей» поэзии знакома с его «Очерками» и теми идеями, которые он уже высказал более сложным (научным) языком, П.М. Бицилли упрощает объяснение и тем самым акцентирует *свой подход*, который в конечном счете – един и для исторических и для филологических исследований.

¹ Бицилли П. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 168, 303.

П.М. Бицилли считает возможным отождествлять деятельность ученого-историка только с деятельностью «художественного критика», по сути – тоже ученого¹ [выделено П.М. Бицилли. – Т.П.]. Но стремление понять смысл индивидуально-неповторимого – авторской мысли / концепции, т.е. *целого* – задача общая и для литературоведа («критика»), и для ученого-историка – историка исторической науки / историографа. Поэтому «переход к филологии» – это не переход в область художественного творчества, в котором постигается *целое – всеединство-Истина*, но переход к литературной / литературоведческой критике, т.е. к *научной интерпретации художественных текстов* [курсив мой. – Т.П.], которая подчинена тем же нормативам, что и интерпретация исторических текстов – историографический анализ – критика исторического нарратива в любом его жанре. Однако научный анализ, согласно Бицилли, не должен опровергать стремления критика-ученого к творческому постижению целостной сути «критикуемого» произведения («эстетическая критика»).

P.S. В современной «широкой» литературе творческое «движение» П.М. Бицилли, действительно, чаще всего определяется в координатах: от медиевистики к культурологии, от истории к филологии, от «минимума» в одесский период к «максимуму» в период эмиграции. Однако хочу уточнить: многогранное творчество П.М. Бицилли – полидисциплинарное по своему диапазону и интердисциплинарное в подходах к постижению исторической реальности, его «мировоззрение» и «мироощущение» (терминология П.М. Бицилли) в своих основных чертах сложились уже в одесский период. «Культурологическая направленность его трудов совершенно отчетливо была заявлена (и объективно-содержательно, и в самооценке автора) в исследованиях 1914-1919 годов.

Дисциплинарный диапазон также наметился в эти годы: П.М. Бицилли заявил о себе как серьезный антиковед и медиевист; его публикации по древнерусской истории² – «Западное влияние на Руси и Начальная летопись» (1914), «Новгородское сказание о IV

¹ Бицилли П. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 224-225.

² Речь идет, скорее, об источниковедческом синтезе, ломающим границы между «русской историей» и «западноевропейской», - наследии, полученном от Е.Н. Щепкина, вышедшего из «школы Герье».

крестовом походе» (1916), его рецензии на труды по философии истории (Герье В. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915) и др., его работа «Основы социализма» (1917), глубокая статья о высшей школе, обучении и воспитании «Демократия и школа» (1918) и многие другие публикации свидетельствуют о широте интересов молодого ученого, рождая действительно «специфическое “многообразие”».

«Профессиональный багаж» одесского периода, включающий культурологический и междисциплинарный фокус его интересов, рецензирование как интеллектуальное средство творческого самообогащения; широкий диапазон историографических традиций, индивидуальный «почерк» и т.п., стал фундаментальным основанием для расширения исследовательской проблематики и нового уровня теоретических построений в годы «Исхода».

Определяя творческую траекторию Петра Михайловича, стоит учитывать ряд моментов:

во-первых, ограничиваясь статистическим методом – подсчетами публикаций с целью выявления проблемно-дисциплинарной направленности работ по формальным признакам, – мы уходим от специфики мышления П. М. Бицилли – междисциплинарного по своей сущности, которое сформировалось уже в одесский период и детерминировало структуру его исследований в целом;

во-вторых, бесспорно, что историзм – как стержневая характеристика его профессионального исследовательского подхода – пронизывает практически все работы ученого, вне зависимости от их дисциплинарного фокуса;

в-третьих, обращение к филологической проблематике вряд ли можно объяснить исключительно ситуационным фактором – «вынужденной» переориентацией исследовательской деятельности (от истории к филологии) в силу особых условий научной работы П.М. Бицилли в годы эмиграции.

Глубинные причины следует искать опять же в самой личности Бицилли-исследователя, в условиях его профессионального становления:

1) еще в юности учителя отмечали «исключительные способности» молодого Бицилли к «филологическим наукам»;

2) историко-филологический факультет Новороссийского университета славился крупнейшими именами специалистов в об-

ласти филологии и философии и давал своим выпускникам-историкам фундаментальное гуманитарное образование;

3) в своих методологических поисках П.М. Бицилли пришел к выводу о том, что главной задачей историографии должно быть выявление «духа эпохи», для чего необходимо определение оптимальных объектов анализа (установление «шкалы категорий» подобных явлений «по степени их важности с точки зрения проявления в них «духа эпохи»), наиболее «прозрачно» отражающих и выражающих «культурное творчество» конкретного исторического периода. Это – задача новая и современная историография находится еще «в стадии исканий» для ее решения, замечает П.М. Бицилли.

В отличие от Я. Буркхардта, который первостепенное значение придавал искусству, П.М. Бицилли избрал «филологический метод (т.е. подход)», суть которого – в анализе языка, «самого гибкого из орудий, служащих духу, и самого общего», т.к. практически все области, в которых «дух» проявляет себя, так или иначе, по мнению ученого, связаны именно с языком. П.М. Бицилли признавал гениальность Дж. Вико именно за то, что тот первым понял историю как науку о духе и определил значение языка как «исторического источника». С этой точки зрения П.М. Бицилли особо выделял и труды одного из современных ему исследователей – филолога-романиста Карла Фосслера, который рассматривал язык как «зеркало», отражающее культуру, и был близок к эстетической концепции Бенедетто Кроче. Произведения литературы П.М. Бицилли рассматривал в качестве «культурных фактов» и одновременно важнейших источников «по истории культуры».

Последующий «переход» в область лингвистики и истории литературы (как оценивают многие современные ученые эволюцию творчества ученого) – это закономерное развитие Петром Михайловичем в сфере исследовательской практики его теоретических идей, четко сформулированных им в «Очерках теории исторической науки» и уже получивших «практику» в одесский период.

Свободно перемещаясь в полидисциплинарном пространстве, П.М. Бицилли, убеждена, оставался в первую очередь Историком, что и подтверждает его определение исторической науки как «царицы наук».

Ремарка-заметка. В поисках специфики научного мышления П.М. Бицилли стоит обратить внимание на новые идеи

в современной литературе – о соотношении «дисциплинарности / междисциплинарности» с «особой техникой мышления» (– онтологического явления), с присущей ей структурированностью (по аналогии с научной дисциплиной), функциональностью и источниками, среди которых – социокультурная реальность, наука как система дисциплин и личность ученого. Одновременно эти категории связывают с научным мировоззрением, которое может варьироваться в диапазоне от дисциплинарного до трансдисциплинарного. В этом случае дисциплинарное сообщество следует воспринимать не как однородный монолит: его представители могут обладать разными типами мышления (дисциплинарно-догматическим / дисциплинарно-креативным / интердисциплинарно-догматическим / интердисциплинарно-креативным), и наличие их разнообразия – обязательное условие функционирования и развития дисциплины с ее парадигмальностью и способностью к самообновлению. Каждый из уровней интердисциплинарности (как и дисциплинарности) имеет свой формат стандартизации и эпитет «креативный» означает способность ученого не только виртуозно владеть нормативно-стандартным аппаратом (что определяет его профессионализм), но и «выходить» за его пределы¹.

П.М. Бицилли, будучи профессиональным историком – он окончил историческое отделение историко-филологического факультета Новороссийского университета и всю жизнь преподавал преимущественно исторические дисциплины, – обладал, несомненно, «особой техникой мышления» и специфическим научным мировоззрением – «мироощущением», «мировосприятием», по определению самого ученого, – которые укладываются в понятие интер-поли-дисциплинарности, но не нивелируют дисциплинарного остова – *исторического*.

П.М. Бицилли и Г.В. Адамович

Петр Михайлович и Георгий Викторович – троюродные братья. Дед Г.В. Адамовича (1892 /Москва/ – 1972 /Ницца/) – Семен Исае-

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: М.А. Бондаренко, 2019. С. 154-213.

вич Вейнберг (1835-1903 /?/) – родной брат бабушки П.М. Бицилли – Марии Исаевны Вейнберг.

У Семена Исаевича, купца 3-й гильдии, были дочери – *Елисавета Семеновна* (1867 /Одесса/ – 1933 /Ницца/), которая вышла замуж за Виктора Михайловича Адамовича (1839-1903), поляка по происхождению, бывшего начальником Московского военного госпиталя в чине генерал-майора, и *Вера Семеновна*, вышедшая замуж за английского миллионера и ставшая «мадам Белэй».

Георгий Адамович родился в Москве, затем семья переехала в Петербург, в «окружение родных... матери», как вспоминал поэт. Здесь уже давно обосновались дядя Елисаветы Семеновны – Петр Исаевич и Павел Исаевич Вейнберги, оба литераторы, а также сестра матери – Вера Семеновна Вейнберг (Белэй).

С 1921 г. Г.В. Адамович и Г.В. Иванов (1894-1958 /Франция/) с женой Ириной Владимировной Одоевцевой (Ираида Густавовна Гейнике; 1895 /Рига/-1990 /Петербург/) – все трое уже известные поэты – проживали в петроградской / петербургской роскошной квартире Веры Семеновны, которая уже уехала во Францию.

В начале 1920-х Г.В. Иванов, И.В. Одоевцева и Г.А. Адамович (1923) эмигрировали (Париж, Ницца, Биарриц и др.), и в среде эмигрантской литературной элиты были признаны как «первый поэт эмиграции» (Г.В. Иванов) и «первый критик эмиграции» (Г.В. Адамович), активно сотрудничая как авторы и редакторы с журналами «Звено», «Современные записки», «Числа», «Встречи», с газетой «Последние новости» и др.; И.В. Одоевцева также была признана (И.А. Буниным и др.) состоявшимся писателем.

В эмиграции, вспоминала И.В. Одоевцева, мать Г.В. Адамовича и его незамужняя сестра Ольга Викторовна постоянно жили в Ницце у тети Адамовича – Веры Семеновны («мадам Белэй»), «чопорной и властной вдовы английского миллионера. К ней на все каникулы ездил и Адамович»¹.

Литературный дар и П.М. Бицилли и Г.В. Адамович, возможно, унаследовали от своих прадедов – Павла и особенно Петра Вейнбергов.

Ремарка-info. К сожалению, о личных контактах между троюродными братьями известно немного. Евгений Белодубровский, литературовед, библиограф, автор и ведущий петер-

¹ См.: *Одоевцева И.В.* На берегах Сены. М.: Захаров, 2005. 448 с.

бургских литературных вечеров «Былое и думы» приводит сведения (на 05.05.2019) о том, что в Архиве Русской Культуры в Калифорнии (Сан-Франциско) были обнаружены письма – «небольшая подзабытая переписка Бицилли с Адамовичем»¹. Судьба этих писем пока неизвестна...

П.М. Бицилли и Г.В. Адамович, ставшие профессиональными критиками, были в курсе публикаций друг друга и «обменивались» рецензиями.

«Этюды о русской поэзии» (1926) – первая серьезная заявка П.М. Бицилли как литературоведа, и, конечно, эта книга не могла не привлечь внимание Г.В. Адамовича – поэта и критика. Первоначальное его впечатление – настороженное: боязнь увидеть «верхоглядство». Но книга Бицилли, приходит к выводу критик, – не «дилетантская работа», хотя «некоторые черты» и похожи на «дилетантизм», но «украшая и оправдывая его»: это – «острота и свежесть одушевления, задор, способность связать настоящее с прошлым». При «сохранении этих качеств» и одновременно «при углублении подлинной научности», появляются книги, несравнимые с «кропотливыми» трудами «почтенных, добросовестных ученых», (при этом Г.В. Адамович ссылается на мысль Ницше), но «мы к таким книгам не приучены». Общий вывод впечатляет высокой оценкой: «Проф. Бицилли очень чутко воспринимает стихи и разбирается в них почти безошибочно. Мало кого из современных критиков можно с ним в этом отношении сравнить»².

В 1934 г. вышло, как определял сам П.М. Бицилли свою работу, – «руководство» по истории русской литературы (80 с.). Для него эта была «самая трудная работа, какую когда-либо доводилось делать». Сложность заключалась в том, что «каждое слово должно быть взвешено, и трудно сказать все, что считаешь нужным, но так, чтобы было понятно юношам...»³.

¹ См.: *Рачев Казански Никола*. Набоков и Бицилли в эмигрантском Зазеркалье. URL: <https://pushkin-book.ru/id=624.html>

² См.: *Адамович Г.В.* [О кн.: «Этюды о русской поэзии» (1926)]. Звено. Париж, 1926. 3. II. № 153. С. 1-2. URL: <https://lit.wikireading.ru/29341>

³ Из письма П.М. Бицилли к В.В. Рудневу от 13 апреля 1934 г. См.: *Бицилли П.М.* «Современные записки» все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них”: П. М. Бицилли / Публикация и примечания М.А. Бирмана и М. Шрубы; вступительная статья М.А. Бирмана. // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под редакцией Олега Корестелева и Манфреда Шрубы. М: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 540.

П.М. Бицилли и здесь отходит от трафаретов учебной литературы: для него цель учебника – не «свод» краткой информации о поэтах и писателях, но стремление дать общее представление о литературном процессе и помочь молодежи овладеть «навыками» работы с литературным текстом, т.е. – не просто узнать о литературе, но полюбить ее.

П.М. Бицилли переживал – как воспримут его работу – и просил В.В. Руднева о рецензировании. «Восприятие» действительно оказалось неоднозначным. В.Ф. Ходасевич определил книгу как «ляпсус», не приняв в первую очередь ее «метод».

Ремарка-отзыв. Мнение В.Ф. Ходасевича о «Краткой истории русской литературы» было просто уничижительным: он отказывается писать отзыв, т.к. Бицилли – «почтенный человек» и «постоянный сотрудник» «Современных записок», но его книга – lapsus, и «...уже несколько лет я подозреваю, что Б. – не вполне нормален психически. Это сказывается то в построении его работ, то в отдельных частностях (Тэффи – Сервантес чего стоят!). Его история – нечто совершенно взбалмошное, не по суждениям, а по методу, каким книга написана <...> лучшие мысли стали гримасами мыслей, добрые намерения превратились в непозволительное легкомыслие. Все это – без всякой вины Бицилли, ибо шарлатанства в нем нет ни на грош, а книга – едва ли не шарлатанская»¹.

Тем не менее, в «рецензентском дискурсе» других авторов – Г. Адамовича, К. Мочульского, П. Пильского, болгарского историка Кр. Крачунова, Гл. Волошина и поэта М. Горлина «Краткая история» была оценена как некий «элитный литературоведческий проект», «не-коммунитарный», единичный и в итоге – не востребуемый ни в эмигрантском, ни в болгарском пространстве².

Слишком неординарным оказался подход автора...

Г.В. Адамович в своей рецензии более говорил о самом П.М. Бицилли, подчеркивая его незаурядность. Петр Михайлович для него – «историк по специальности», но «ученость» его – «твор-

¹ Цит. по: См.: «Журнальная работа и впроголодь не кормит»: Н.Н. Берберова и В.Ф. Ходасевич / Публ., вступ. ст. и примеч. Дж. Малмстада // «Современные записки» (Париж, 1920-1940). Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. О. Коростылева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. Т.2. С. 354.

² См.: Петкова Г.Т. «Краткая история русской литературы» П. Бицилли – учебное пособие, Lapsus, авторский канон? // Филологический класс. 2014. № 1 (35). С. 69-77.

ческая»: при всей колоссальной эрудиции П.М. Бицилли, «он не «подавился книгами»», потому что «в знании он ищет и находит смысл». Бицилли – из тех, кто имеет право на «традиционное выражение будить мысль», его можно отнести «не к очень большому числу наших современников», поэтому в «эмигрантской литературе имя П. Бицилли дорого всем, кто ценит мысль»¹.

Что касается самого пособия, то, отмечает критик, это – «полюемический труд», читатели которого «погибнут над интеллектуальной тяжестью» и скрытой «запальчивостью» этой «скромной на вид брошюрки». Г.В. Адамович подчеркивает, что автор независим от «средних» общепризнанных мнений, и его учебник – «нетрадиционен»².

Ремарка-итрих. П.М. Бицилли соглашался с О. Тьерри, считая, что учебники, компендиумы, всякого рода «руководства» – «кривое зеркало науки, отражающее в карикатурном виде ее слабые стороны в данном в известный момент ее состоянии»³. Возможно, поэтому он стремился преодолеть стереотипы создания учебной литературы.

Ремарка-info. Многолетняя полемика между Г.В. Адамовичем и В.Ф. Ходасевичем воспринималась как одно из центральных событий литературной жизни эмиграции. Суть расхождений между ними Глеб Струве сформулировал следующим образом: «С одной стороны, требование „человечности“ (Адамович), а с другой – настаивание на мастерстве и поэтической дисциплине (Ходасевич)»⁴. Полемика закончилась тем, что В.Ф. Ходасевич признал свое поражение⁵.

¹ [О кн.: *Бицилли П.М.* Краткая история русской литературы. Часть II-ая. От Пушкина до нашего времени. София: [без издательства], 1934]; *Адамович Г.В.* Литературные заметки. Последние новости. Париж, 1934. 29.VIII. № 4900. С.3; *То же. Адамович Г.В.* Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996. С.306-308. См.: *Каганович Б.С.* Русские медиависты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С. 200.

² См.: *Петкова Г.Т.* «Школьный канон» П.М. Бицилли: взгляд рецензентов // Детские чтения. 2014. С.72-94. URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/106>

³ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxiома, 2012. С. 247.

⁴ Цит. по: *Безелянский Ю.* 99 имен серебряного века. М.: Эксмо, 2007. URL: <https://lit.wikireading.ru/22791>

⁵ См.: *Коростелев О.А.* От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать русского зарубежья. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова: Галина скрип сит, 2013; *Хэгланд Р.* Полемика Адамовича и Ходасевича // Митин журнал: [сайт]. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj0910/hagglanland.shtml>

Возможно, зная об отзыве В.Ф. Ходасевича, Г.В. Адамович решил поддержать П.М. Бицилли, уделив больше внимания личности автора, нежели критическим замечаниям на его работу. Г.В. Адамович выступал в роли непререкаемого мэтра: к его мнению прислушивались практически все.

Ремарка-акцент. Г.В. Адамович, несмотря на благожелательное отношение к публикациям П.М. Бицилли, не смог все-таки принять некоторых его идей, например, сравнения Набокова-Сирина с «новейшими композиторами, а Тэффи с Сервантесом: «Что, к чему, зачем и куда – не совсем понятно <...> Сирин, например, будто бы соответствует в литературе Дебюсси и Прокофьеву в музыке»¹.

Между тем для П.М. Бицилли музыка² – «образ интеллектуальной сферы жизни духа» [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.]. Он видит свой «смысл» в произведениях Баха, Моцарта, Шопена, Шумана, Шуберта и др., выделяя «собственную идею» музыкального творчества каждого из них. Для ученого музыка – особое искусство, в котором «возможно и осуществимо полное тождество “смысла” и его выражения»³.

Ремарка-мнение. Думаю, что статья «Похвала музыке» (1931) – из «малых форм» – еще послужит объектом больших исследований философов, музыковедов и других гуманитариев.

П.М. Бицилли также писал рецензии на работы Г.В. Адамовича⁴. Одна из них – на «Антологию зарубежной поэзии» (1936)⁵.

¹ Адамович Г.В. Собрание сочинений. Литературные заметки: В 5-х кн. Кн.2 («Последние новости» 1932-1933) / Подгот. текста, сост. и примеч. О.А. Коростылева. СПб.: Алетейя, 2007. С.213. См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 292-293.

² Музыка соединила Петра Михайловича с его избранницей: Мария Тимофеевна была блистательной пианисткой; музыка постоянно звучала в доме Бицилли, и он прекрасно знал музыку и исключительно тонко в ней разбирался.

³ См.: Бицилли П.М. Похвала музыке // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 496-504.

⁴ Не уверена, что приведенными примерами ограничивается взаимное рецензирование обоих критиков / братьев.

⁵ Бицилли П.М. [Рец.:] Якорь. Антология зарубежной поэзии. Сост. Г.В. Адамович и М.Л. Кантор. Париж, 1936 // Современные записки. 1936. № 60. С. 463-465. См.: П.М. Бицилли Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 453-455.

Петр Михайлович сразу отмечает особенность рецензируемой работы: «антология» обычно предназначена дать наиболее полное состояние литературы в конкретный период в ее «наилучших образцах». Однако составители преследовали иную цель: «Антология» должна была «послужить “памятником эпохи”» (из предисловия, написанного Г.В. Адамовичем), поэтому с точки зрения «эстетической» и «культурно-философской» авторы собрали поэтический материал «в художественном отношении» разного уровня, включая т.н. «бледные» стихи, поскольку и в них звучит «“голос” времени».

П.М. Бицилли рассматривает «Антологию» как «культурно-исторический источник», и в этом плане для него важно выявить «культурную тенденцию», поскольку «история всякого искусства есть история “влияний”», поэтому для того, чтобы понять, «о чем говорит поэзия данного момента», надо, по его мнению, определить («вслушаться»), какие «знакомые “голоса” звучат в ней».

В связи с этим ценность «Антологии» П.М. Бицилли видит в том, что она, «давая возможность сопоставить» представителей современной поэзии, показывает, что, несмотря на различия между ними «по свойствам и размерам дарования», «внутреннее сродство» поэзии современников с поэзией гениев является «доминирующей».

Для П.М. Бицилли «Антология» Г.В. Адамовича и М.А. Кантора служит доказательством того, что, несмотря на констатацию «кризиса» современного искусства, «поэзия не умерла»¹.

В статье «Несколько замечаний о современной зарубежной литературе» П.М. Бицилли опять возвращается к «Антологии»: «на каждом шагу мне встречались здесь знакомые облики: Тютчева, Анненского, Блока, Ахматовой, даже Баратынского. У одних поэтов это – подделка, у других – подлинное творческое усвоение», поэтому об «отрыве современной русской литературы от ее родных *литературных* истоков говорить не приходится»².

Вторая рецензия П.М. Бицилли – на сборник Г.В. Адамовича «На Западе» (1939), в котором, отмечает рецензент, «подчеркнутый полифонизм» связан у поэта с его декларацией «ясности и просто-

¹ Рукописный вариант, отличающийся от текста, опубликованного в «Современных записках», находится в Гуверовском институте (Архив Глеба Струве. Вох 94-5), США. Этот текст более пространственный и представляет интерес в первую очередь для специалистов.

² Бицилли П. Несколько замечаний о современной зарубежной литературе // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 461.

ты». Этот сборник стихов оценивают как свидетельство об изменении творческой манеры автора: «цитатность» его поэтики сохраняется, но углубляется ее философское осмысление, поэтому П.М. Бицилли назвал эту книгу «философским диалогом». Своеобразие поэта, по его мнению, проявилось в «особой диалогичности разнообразных ладов»: цитаты из Пушкина и Лермонтова – «прямые» и «отрывочные», – вкрапление «чужих образов, звучаний, речевого строя» – все это, совмещаясь подчас в одном стихотворении, выражает «согласие двух или нескольких “голосов”»¹.

Для П.М. Бицилли идея «диалога», «переключки» – важная для понимания творчества в целом: «... друг от друга не зависящие, друг на друга не сводимые и вместе с тем друг без друга немислимые голоса»². И в этом он видит достоинства стихов Г.В. Адамовича.

Ремарка-заметка. «Многоголосие» в поэзии сопоставимо у П.М. Бицилли с понимаем «голосов» в музыке. Говоря о Бахе, он отмечает появление новых «смыслов» в его фугах благодаря «множеству повторов» одной «примитивной мелодии»: в результате того, как «проводится» первоначальная мелодия через множество «голосов», усложняется и обогащается первоначальный «смысл», – достигается совершенство³. Таковы «переключка», «диалог», «многоголосие» и в поэзии, и в искусстве в целом.

P.S. В рецензиях П.М. Бицилли – повторяются, варьируются его стрелные мысли: памятник литературы – «культурно-исторический источник»; «голос времени» – аналог «духа эпохи»; «история всякого искусства есть история “влияний”» (как и вся история – история «влияний»), что и порождает «диалогичность разнообразных ладов» и «философский диалог» в целом и т.п.

¹ Бицилли П.М. [Рец. на: Адамович Г. На Западе. Париж, 1939]. Современные записки. Париж, 1939. Кн. 69. С.383-384. См.: Русские поэты «Серебряного века». Ленинград. Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. Том второй. Акмеисты; Адамович Георгий Викторович. URL: <https://www.kostyor.ru/biography/?n=53>

² Бицилли П. Трагедия русской культуры // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 370.

³ Бицилли П.М. Похвала музыке // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 498.

Комментарии-post

П.М. Бицилли по праву вошел в болгарскую историографию. Многие крупные историки Болгарии учились у П.М. Бицилли и сохранили о нем добрую память. По их воспоминаниям, Петра Михайловича отличала «широкая историческая культура», он был «отличным преподавателем», «демократом со студентами», «ученым огромной научной эрудиции, исследователем с очень широкими интересами», антифашистом по своим убеждениям¹.

Непосредственный ученик П.М. Бицилли профессор Христо Гандев считал, что Петр Михайлович внес «ценный вклад в болгарскую историческую науку»².

По мнению М.Н. Велевой, П.М. Бицилли, *во-первых*, является основоположником нового подхода к изучению исторического процесса – культурологического;

во-вторых, именно он обратил внимание на необходимость разработки теоретико-методологических проблем исторической науки, на формирование собственного теоретического уровня исторического знания;

в-третьих, его заслуга – в воспитании новой генерации болгарских историков. П.М. Бицилли не создал собственно исторической школы (исходя из наличия организационных параметров этой структуры), но его влияние на стиль мышления и исследовательские подходы целой плеяды болгарских ученых – бесспорно³.

Особый интерес болгарской гуманитаристики к П.М. Бицилли с рубежа 1980-1990-х гг. в литературе расценивают не только как закономерное стремление воздать должное крупному ученому, но и как симптом восстановления целостного культурного мировоззрения современного интеллектуала, который избавлялся от «провинциальных» комплексов как на категориальном уровне («Универсалий»), так и на уровне эмпирического («повседневного»); как в парадигме собственной идентичности, «своей истории», так и в

¹ Проф. Петър Михайлович Бицилли. Некролог от Института за българска история при БАН и от редакцията колегия на сп. «Исторически преглед» // Исторически преглед. Година 9. София, 1953. Книга пета (5). С. 560-561.

² Гандев Хр. Петр Михайлович Бицилли (по случай 100 години от рождението му) // Векове. София, 1980. № 2. С. 61.

³ См.: Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 155-156.

горизонтах восприятия «чужого»¹.

Исключительная личность, уникальная компетентность, редкостный преподавательский дар, скромность – таким рисуют образ П.М. Бицилли его болгарские современники. Главные идеи, на которые опирался П.М. Бицилли, (априорные для современного гуманитария), – понимание внутреннего единства каждой культуры и поступательное органическое ее вращение в «ткань» иных культурных организмов – к началу XX века имели длительную интеллектуальную историю, восходящую к личности Джамбаттиста Вико. Однако П.М. Бицилли сумел осмыслить эти «общие» положения по-новому.

В то же время стремление Петра Михайловича создать целостное представление о культуре не нашло при жизни ученого должного понимания и оценки. Интеллектуальная атмосфера того времени в регионе, который расценивали как «провинцию», «культурное предместье», не способствовала адекватному восприятию новаторских идей П.М. Бицилли. Его окружение, в том числе и его студенты, не могли не чувствовать незаурядности этой личности, хотя и не были готовы к культурному диалогу со своим учителем².

Профессор А. Пантев называл П.М. Бицилли одним из лучших и успешнейших историков, совместивших исторические и интердисциплинарные исследования: он одновременно был историком, литературоведом, искусствоведом, теоретиком исторического процесса и сравнительного культурно-исторического анализа. П.М. Бицилли привнес в болгарскую историографию космополитический дух и редко встречаемое сочетание исторического, литературоведческого и языковедческого анализа; он писал статьи и книги по болгарской, русской и европейской истории с одинаковой компетентностью, обладая исключительной эрудицией; для него история – прежде всего повод для размышления, поиска смысловых связей и обновленных интерпретаций, которыми насыщена историческая литература³.

¹ Казаков Г. Петро Біцилі // Київська старовина. 1995. № 1. С. 81.

² См.: Гандев Христо. Петър Михайлович Бицили (по случай 100 години от рождението му) // Векове. София, 1980. Кн. 2. С. 65-71; Казаков Г. Петро Біцилі // Київська старовина. 1995. № 1. С. 79-80.

³ См.: Пантев А. Предговор към второто издание // Петър Бицилли. Основни насоки в историческото развитие на Европа. От началото на християнската ера до наше време. София: Изд-во БАН, 1993. С. VI-VII; Он же. Завръщането на професор Бицилли // Петър

М.Н. Велева, внесшая огромный вклад в развитие бициллиеведения в Болгарии, определила «Очерки теории исторической науки» как «най-интересните» явление «в развитии европейской исторической мысли между двумя мировыми войнами», истинную школу «научного мастерства» и «торжества исследовательского и человеческого духа»¹.

В последних по времени болгарских изданиях П.М. Бицилли представлен как «ученый – эпоха»².

* * *

В письме к В.В. Рудневу (/1879-1940/, известному политическому деятелю, в эмиграции – одному из редакторов журнала «Современные записки»), в январе 1936 г. П.М. Бицилли определил Болгарию как «эмигрантскую “провинцию”»³.

Слово *провинция* взято в кавычки, видимо, не случайно: у П.М. Бицилли вообще никакие графические приемы (кавычки, курсив и т.п.) случайными не бывают. Не стоит забывать, что это письмо из Софии – в Париж, интеллектуальную столицу не только для российских эмигрантов, но для эмигрантов особенно: все ведущие издания и «цвет» эмигрантской элиты находился в Париже. П.М. Бицилли, будучи вдалеке от «столицы», подчеркивал свою периферию – географическую и интеллектуальную.

Еще ранее, в письме к М.Л. Кантору, секретарю парижского «Звена», позже – издателю журнала «Встречи», соавтора Г.В. Аддамовича в составлении антологии поэзии русского зарубежья «Якорь», П.М. Бицилли писал: «Вы, “парижане”, находящиеся в

Бицилли. Увод в изучаването на новата и най-новата история (Опит за периодизация). София: БАН, 1993. С. VI-VII.

¹ Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 127-128.

² См.: Куманова А., Куманов М. Записка в олтара. Уникален първи обобщаващ монографичен труд за уникалния Бицилли – дело на уникалния Бирман // Библиотека. София: Печатница на НБКМ, 2019. Година XXVI (LXV). № 5. С. 100.

³ Из письма П.М. Бицилли к В.В. Рудневу от 3 января 1936 г.: «Так, по крайней мере, обстоит дело в нашей эмигрантской “провинции”». См.: Бицилли Петр. «Современные записки» все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них»: П.М. Бицилли / Публикация и примечания М.А. Бирмана и М.Шрубы; вступительная статья М.А. Бирмана // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Под редакцией Олега Корестелева и Манфреда Шрубы. Том 2. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. С. 569.

постоянном общении друг с другом, да еще в такой атмосфере, какова парижская, не можете даже себе представить опасностей “колониального” существования без “возбудителей” и “коррективов”, каковыми для меня являются единственно те, которые исходят от тех немногих людей моего уровня, с которыми мне приходится переписываться¹.

Ремарка-мнение. Г. Петкова высказывает интересную мысль: «Учитывая научную специализацию профессора, я склоняюсь к тому, чтобы видеть в этом графическом выделении [«эмигрантская “провинция”»]. – Т.П.], кроме возможной иронии, значение, отсылающее к реалиям Римской церкви. Как медиевист Бицилли часто использовал в своих письмах и работах концепты, характерные для изучаемого им в молодости латинского культурного мира („spiritus rector“, „конституция“, „провинция“). В этом контексте означаящее „провинция“ балансирует на грани различных смыслов и весьма далеко от однозначного расположения на оси „эмигрантская столица – эмигрантская провинция“»².

Трудно сказать, как сложилась бы судьба Петра Михайловича, будь у него возможность обрести местообитание в европейской столице...

Но исходим из реалий: никаких материальных средств и богатых родственников (как, например, у его троюродного брата Г.В. Адамовича³) у семьи Бицилли не было. Этот факт накладывал отпечаток на выбор П.М. Бицилли: спектр его возможностей был невелик. Недаром в письме к К.В. Флоровской Петр Михайлович с горечью шутил: «для меня, после трех лет, проведенных в Скопле, и София рисуется чем-то вроде Парижа»⁴.

¹ Из письма П.М. Бицилли к М.Л. Кантору от 19 сентября 1927 г. Цит. по: *Васильева М.* Петр Бицилли как диалогический мыслитель // *Opuscula Slavica Sedlcensia*. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 43-44.

² *Петкова Г.* Жизнь в «эмигрантской провинции»: болгарское местостояние П.М. Бицилли. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/62/Petkova62.pdf>

³ Вера Семеновна была не только тетей Г.В. Адамовича, но и двоюродной сестрой Екатерины Адольфовны, однако родственные связи между ними, похоже, не поддерживались.

⁴ Из письма П.М. Бицилли к К.В. Флоровской от 29 июля 1923 г. Цит. по: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспособляюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 113.

Мне импонирует мысль, сформулированная Г. Петковой: «В провинции Болгария Бицилли приобрел парадоксальную свободу общаться издалека, но одинаково успешно с различными эмигрантскими столицами и центрами, порой враждующими между собой, а также получил возможность видеть на расстоянии, но достаточно пронизательно то, что происходит не только в советской, но и в „другой России“. И самое главное – строить свое собственное бытие в единственном числе»¹.

Учитывая личностные качества Петра Михайловича – интровертность, «отстраненность», самодостаточность, стремление к общению, но, скорее, виртуальному (как мы сейчас говорим), погруженность в свой собственный мир, но в окружении самых близких и т.п., – можно допустить, что неизбежное тесное общение в эмигрантских кругах Парижа, например, было бы для него, действительно, обременительным. И если в Софии он мог себе позволить «отстраненность» от политических и различных эмигрантских общественных кругов, то в Париже, это было бы проблематичнее. Поэтому та «парадоксальная свобода», которая позволила ему построить «свое собственное бытие в единственном числе», вероятно, в значительной мере соответствовало его качествам как человека и ученого, что и дало возможность П.М. Бицилли целиком погрузиться в науку, и в этом смысле Болгария и София стали для него большим благом, чем это можно было ожидать от эмигрантской судьбы.

Не стоит забывать и того, что Петр Михайлович – «Человек Университета»; смысл его жизни – научно-педагогическая деятельность. В Париже он в лучшем случае мог бы работать в редакциях эмигрантских изданий, но получить должность профессора в высшей школе Франции ему вряд ли бы удалось.

Гадать и предполагать смысла нет – все случилось как случилось. И в Болгарии П.М. Бицилли смог состояться как ученый с широчайшим диапазоном исследовательской проблематики, внеся свой огромный вклад не только в болгарскую историческую науку и болгарское историческое образование, но и обогатить своим наследием мировую культуру.

«Исходом» Петр Михайлович назвал вынужденную эми-

¹ Петкова Г. Жизнь в «эмигрантской провинции»: болгарское местояние П.М. Бицилли. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/62/Petkova62.pdf>

грацию. «Исход» – в традиционном восприятии – спасение, путь к свободе, к реализации своей миссии – народа, личности. Стала ли эмиграция для П.М. Бицилли, как и для других его соратников, вольно или невольно оказавшихся за рубежом, вдали от родины, – действительно «исходом»? Затруднительно однозначно ответить на этот вопрос...

Во всяком случае, «чужая земля» позволила этой незаурядной личности совершить свой «творческий акт»...

У. Наследие: грани

*...поворотные моменты в истории производят
на переживающих их людей впечатление,
очень благоприятное для успехов историографии.*
В.О. Ключевский¹

Наследие Петра Михайловича Бицилли значительно. По данным А.П. Мещерского за 48 лет своей научно-преподавательской деятельности ученый создал: 27 отдельных исследований, 144 статьи, 118 заметок и рецензий. Всего – 289 публикаций². М.А. Бирман приводит другие цифры: 25 крупных публикаций (10 книг, 2 брошюры, 2 тома хрестоматии и 11 монографий); 201 статью (включая сообщения и заметки); 143 рецензии; 12 публикаций прочих жанров (предисловия, некрологи, письма в редакцию); всего 381 публикация. Кроме того – 210 откомментированных публикаций писем ученого³. Эпистолярия П.М. Бицилли составляет самостоятельный пласт его творчества и представляет важнейшую из форм эго-материалов.

Осознавая невозможность проанализировать все, вышедшее из-под пера ученого, остановлюсь на отдельных работах, темах и проблемах *наследия* в целом.

1. «OPUS MAGNUM»⁴

Для В.О. Ключевского «поворотный момент в истории» связан с «общественными потрясениями», во время которых проис-

¹ Ключевский В.О. Обзор историографии с царствования Иоанна Грозного. Историография смутного времени // Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение) / Под ред. В.Л. Янина; Послесл. и коммент. Составили Р.А. Киреева, В.А. Александров и В.Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. С. 154.

² Этот «цифровой перечень» сам А.П. Мещерский считал неполным. См.: Мещерский А.П. Петр Михайлович Бицилли // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья, коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 574.

³ См.: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 278-279. Различные подходы к определению жанров публикаций дают и разную систематику. Думаю, что далеко не все опубликованное и неопубликованное ученым вошло в научный обиход, поэтому статистика его наследия неизбежно будет корректироваться.

⁴ Я позаимствовала очень удачное определение «Очерков...» у Бориса Соломоновича Кагановича. См.: Каганович Б.С. «OPUS MAGNUM» П.М. Бицилли // Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Axioma, 2012. С. 406-411.

ходит «пробуждение исторической мысли»: оглядываясь на пережитые бедствия, люди задают себе вопрос – как и почему это произошло? – «такими вопросами и начинается историческое мышление»¹. Суть этих рассуждений в том, что кризисные ситуации порождают всплеск исторического самосознания – исторической рефлексии = историографического анализа, в конечном итоге рождается *наука историография*.

«Поворотный момент в истории» стал «поворотом» и в судьбе П.М. Бицилли, оказавшегося не по своей воле вдали от Родины. Прекрасно осознавая «текущий момент истории» – «эпоху великих потрясений», принесшую катастрофические и радикальные перемены «во всех сферах жизни и в нас самих», – П.М. Бицилли в созвучии с В.О. Ключевским, своим великим предшественником на историческом поприще, воспринимает «*ренессанс истории*» как следствие этих потрясений. Для него суть «ренессанса» – в пересмотре, проверке и переоценке «привычных» исторических понятий, поскольку «наука есть нечто иное, как система понятий»².

«Вызов» времени и обстоятельств был принят, и П.М. Бицилли предложил свой ответ. Если выделить главный историографический источник, в котором сфокусирован «синтез “момента”» как проявление «духа» индивидуальной неповторимости Петра Михайловича, то это, бесспорно, «Очерки теории исторической науки» (1925). Именно в этом труде – важнейшем для понимания категориального профиля ученого, П.М. Бицилли наиболее полно и четко выразил свое «мировоззрение» и «мироощущение», именно текст «Очерков» позволяет высветить личностные грани их автора как ученого и человека.

«Очерки теории исторической науки» П.М. Бицилли не только аккумулировали профессиональный опыт ученого, но стали своеобразным «источником» идей и положений, которые получили свое дальнейшее развитие в его последующих работах.

¹ Ключевский В.О. Обзор историографии с царствования Иоанна Грозного. Историография смутного времени // Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение) / Под ред. В.Л. Янина; Послесл. и коммент. Составили Р.А. Киреева, В.А. Александров и В.Г. Зимица. М.: Мысль, 1989. С. 155.

² См.: Бицилли П.М. Проблемы современной истории. Вступительная лекция, читанная 10 марта 1924 г. // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. 1924. Т. XX. С. 3-4.

К истории создания «Очерков»

Работу П.М. Бицилли над «Очерками теории исторической науки» можно разделить на три периода.

Первый, «одесский период», охватывает, приблизительно, 1917-1919 годы. Петр Михайлович, защитив магистерскую диссертацию (1917), издает свои курсы лекций, пишет новые статьи и книги, разрабатывает новые специальные курсы («Общественные движения в изображении средневековых историков», 1917. 21 с.; «Основы социализма», 1917. 45 с.; «Падение Римской империи», 1919. 104 с.; «Элементы средневековой культуры», 1919. – 157 с.; «История историографии», 1917-1919 и др.), в которых развивает и обобщает уже сложившиеся концептуальные идеи, теоретические построения и методологические подходы.

В это время идет интенсивная творческая работа уже вполне зрелого, профессионального мастера, которая осложняется в первую очередь внешними факторами, связанными с революционными потрясениями (однако и эти – «вне-научные» – факторы оказывают благотворное влияние на движение его мысли, заставляя обращаться к анализу социалистических идей, к проблеме «революции» [тоже – «общественное движение»! – Т.П.], к определению типов сознания и проч.

Были ли сделаны в эти годы какие-то специальные «наброски» (не говоря уже о тексте синтетического исследования), которые можно расценивать как первоначальный вариант «Очерков», сказать со всей очевидностью сложно. Не исключено, что в личном архиве ученого находились фрагменты тех или иных сюжетов, вошедших позже в текст «Очерков» (творческая лаборатория конкретного ученого всегда индивидуальна), но вряд ли можно принять без новых данных предположение о том, что этот труд как самостоятельное произведение был (даже в черновом варианте) в основном завершен в одесский период.

Второй, «югославский период» (1920-1923) – основной – в процессе работы над «Очерками». Можно выделить ряд факторов, определивших конфигурацию творчества П.М. Бицилли в это время:

- лично-профессиональный фактор - потребность в саморефлексии ученого и самоидентификации личности;
- общенаучные факторы – опосредованное влияние ведущих

тенденций интеллектуального процесса: парадигмальные сдвиги в науке в целом; поиски новых теоретических ориентиров в гуманитаристике; кризис исторической науки и выдвижение на первый план проблем «исторического синтеза», интердисциплинарности, иных методологически подходов к осмыслению прошлого и проч.;

- социокультурные факторы – революционный процесс в европейском масштабе, трансформация геополитической картины, радикальное изменение макро- и микросоциума, привычной «среды обитания», условий работы и проч.
- ситуационный фактор: «вхождение» в эмигрантское научное сообщество, стремление утвердить свой профессиональный статус (что было связано и с обретением стабильного положения в качестве университетского ученого) с необходимостью выдвигали задачу публикации солидных авторских исследований и защиты докторской диссертации.

В 1920-1922 годы, опираясь в первую очередь на старый «Запас» – исследовательские и дидактические материалы новороссийского этапа, а также приобретенные новые книги – Петр Михайлович пишет основной текст «Очерков»¹.

Ремарка-штрих. Понятие «Запас» у П.М. Бицилли, конечно, – метафора, включающая в себя «материальный» аспект – книги и архив ученого, а также «интеллектуальный» аспект – профессиональный багаж, накопленный к этому времени; недаром слово это – с прописной буквы. Убеждена также в том, что у П.М. Бицилли уже были текстовые фрагменты по тематике будущих «Очерков», кроме того, ученый несколько лукавил, когда говорил, что пишет «от ума» [хотя эти слова относились к учебнику, но, допускаю, что работа над «Всемирной историей», «Очерками» и «Этюдами...» шла практически параллельно. – Т.Н.] – сноски в Книге на литературу 1920-1923 гг., а также большие по объему цитаты (иногда более двух страниц) опровергают факт полного отсутствия необходимых материалов.

Катализатором в рождении идеи «Очерков», бесспорно, был

¹ Не стоит исключать 1920-й год из общей картины; этот год – мобилизации интеллектуальных сил и принятия решений; когда точно П.М. Бицилли приступил к написанию текста «Очерков», как родились название и структура, сказать со всей определенностью сложно.

ситуативный момент: П.М. Бицилли, определявший себя в качестве профессионала-медиевиста («всеобщника»), в силу обстоятельств был «отлучен» от своей специфической источниковой базы. Он не мог «писать историю», т.е. работать по средневековой проблематике¹, но его «Запас» включал, вероятно, и историографические источники – сами книги (можно допустить, что П.М. Бицилли все-таки вывез из Одессы часть своей библиотеки), в том числе, разумеется, собственные опубликованные труды (об этом совершенно четко сказано в письме к Н.П. Кондакову от 28 марта 1920 года и в письме-заявлении на имя декана Историко-филологического факультета Софийского университета В. Златарского от 14 мая 1920 г.)².

Именно это обстоятельство заставило его сфокусироваться отнюдь не на новом для него направлении – проблемах эпистемологии истории, эволюции историзма и др. – в форме уже для него привычной по предыдущим годам: историографический анализ теоретических вопросов истории. Осень 1922 года и 1923 год – завершение работы над рукописью (доработка текста и создание «Приложения»), настойчивые попытки опубликовать книгу и, наконец, передача окончательного варианта книги А.В. Флоровскому, в издательство.

Исходя из переписки П.М. Бицилли и Флоровских, можно сделать вывод о том, что Петр Михайлович собирался защищать докторскую диссертацию, и собственно его первоначальная работа над рукописью была работой над текстом диссертации; «Очерки» – превратились в монографию *под* диссертацию в соответствии с академическими нормативами. Однако до начала ноября 1923 г. П.М. Бицилли не был уверен в том, что книга будет напечатана; он волновался и торопил А.В. Флоровского, был даже готов публиковать книгу «без гонорара», но как можно быстрее, и искал иные формы ее «печатания».

К середине декабря того же года П.М. Бицилли получил, наконец, вполне определенный ответ: книга будет опубликована. Но что произошло за этой время? «Что касается диссертации, – пишет П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому 16 декабря 1923 г. – я несколько

¹ Собственно, «историй» как сюжетно событийного опуса, основанного на документальных источниках, у П.М. Бицилли никогда и не было.

² См.: Велева М. Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 44-45, 48. Весьма важным в этом плане представляется анализ фондов личной библиотеки П.М. Бицилли. См.: Бицилли П.М. Статьи: История. Культура. Литература (Вступительная статья В.А. Туниманова) // Русская литература. 1990. № 2. С. 138.

не спешу с ее проведением: все равно у меня нет денег для диспута и долго еще не будет». Вопрос о защите диссертации откладывается. Только ли все упиралось в финансовый вопрос?

Третий – «болгарский период» (1924), завершающий. Рукопись уже в работе издательства «Пламя». П.М. Бицилли становится профессором Софийского университета, получив доступ к библиотечным фондам; изменяется материальное положение семьи. Вероятно, к этому периоду можно отнести сотрудничество с издательством, работу над гранками книги и проч. Во всяком случае книга реально вышла в конце 1924 года, т.к. 1 января 1925 года Петр Михайлович уже отправляет два экземпляра «Очерков» – для А.В. Флоровского и А.А. Кизеветтера. Вопрос о защите уступает место заботам о текущих научных делах: «С моей книгой, я думаю, торопиться особенно нечего»¹. Выход первой положительной рецензии² вдохновляет его – тяжелый груз с созданием «Очерков», наконец, снят. И причина для отсрочки защиты уже не «финансовая», а «формально-протокольная», что удивляет своей неубедительностью.

Безусловно, только новые факты помогут скорректировать этот макет, приблизив его по возможности к историческим реалиям.

«Очерки»: Образ историографии

Начало 1920-х гг. – переломный период в судьбе П.М. Бицилли, вошедшего в это время в когорту научной российской эмиграции. Кардинальное изменение био-траектории детерминировало личностную и профессиональную самоидентификацию. Сформулированная П.М. Бицилли в эти годы эпистемологическая платформа историографии в качестве ответа на поставленные им же стержневые вопросы исторического познания и историописания –

- *как подойти к «исторической данности» и не «умертвить живую ткань истории»?*
- *как овладеть «пестротой эмпирической данности»?*
- *как преодолеть антиномию историзма – противоречие между «реальной» и «письменной» историей, между объективным историческим процессом и его «изображением» в*

¹ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л.10.

² См.: Кизеветтер А. Об «Очерках теории исторической науки» П.М. Бицилли. Прага, 1925 // Руль. 1925. 25 февраля.

историографии – его «историографическим образом»?

– приобретает особую актуальность на современном этапе гносеологической революции.

П.М. Бицилли, несмотря на полидисциплинарность своих интересов, всегда оставался прежде всего *Историком*.

«Образ» исторической науки, сконструированный П.М. Бицилли сквозь призму его диалога с мыслителями и учеными прошлого и современной ему историографической действительностью, сложен, неоднозначен и, безусловно, еще неоднократно станет предметом специального анализа. Представленный ниже «абрис» следует рассматривать как лапидарный вариант одной из возможных интерпретаций. Без претензий на полноту освещения, выделим квадру граней образа: *имя, ниша, специфика, методы*.

Ремарка-тезис. Одной из закономерностей интеллектуального обновления является «пересмотр» интеллектуального наследства. Этот «пересмотр» обретает целенаправленное действие обычно в условиях «перелома» – кризисных периодов в социуме и интеллектуальной сфере в целом, включая историографию. Однако «пересмотр» (как сфера реализации критической функции историографии – истории истории),

во-первых, всегда имеет избирательный характер, т.е. осуществляется не «сплошным» методом, а по схеме «выборочных» методик («социальный заказ» / без вульгаризации этой формулы / играет не последнюю роль в этом процессе);

во-вторых, чаще всего его исходным концептом является идея «линейности» и «прогрессизма» (даже если этот факт не осознается или опровергается): прошлое – всегда «устаревшее» по сравнению с настоящим и «ниже» по своему интеллектуальному потенциалу.

Этот концепт порождает изначальную «заданность» критического анализа: акцентуализация нового, «революционного» шага вперед обычно сопровождается определенной редуциацией, подчас искажением прошлого интеллектуального опыта. И именно этот редуцированный образ «прошлого опыта» (и одновременно – образ «опыта прошлого») становится объектом критики, ибо только на таком фоне можно говорить о «радикальной новизне» инноваций очередной стадильности. Постараемся этого избежать...

Грань первая: «Имя»

Одним из ведущих маркеров завершения институционального процесса исторической науки явилась дисциплинаризация ее рефлексивных составляющих – *истории истории* и *теории истории*. Дидактический лик новых рефлексивных дисциплин получил широкое распространение в учебной практике российских университетов второй половины XIX и особенно – начала XX вв. Среди наименований курсов по *истории истории* превалировал термин *историография*, дублирующий самоназвание родовой дисциплины истории, одновременно практиковалась формула *история историографии*¹.

В одесский период своей деятельности, в Новороссийском университете, П.М. Бицилли подготовил специальный курс «История историографии» (1917). Позже, в эмиграции, он читал этот курс в университете в Скопье. Не исключено, что разработка этого курса была связана с началом подготовки докторской диссертации, материалы к которой П.М. Бицилли, возможно, вывез из Одессы и в дальнейшем использовал для создания «Очерков теории исторической науки» (Прага, 1925).

Анализ нарративных источников и вопросы исторического познания, происхождение исторической науки и «изображение» истории в сочинениях историков разных эпох и направлений, факторы, детерминирующие историческое творчество, и проблема историографических трафаретов – вот главные линии, сплетающие узор научных размышлений П.М. Бицилли в эти годы.

В югославский период своей жизни (1920-1923) Петр Михайлович, по его словам, «держался старым Запасом» – книгами, материалами и собственным интеллектуальным банком профессионального историка. Не имея возможности «писать истории», он пишет «“об историях” – теоретическую работу...»², избрав отнюдь не новое для себя направление – проблемы эпистемологии исто-

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Метаморфозы историографии, или история с историей истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX-XXI вв. / Отв.ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С.198-215; *Она же.* К вопросу о дисциплинарной истории историографии (на материалах Новороссийского университета) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2010. Выпуск 12. С. 174-187; *Кисельова Ю.А.* Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. 252 с.

² Слова и фразы в кавычках – текст П.М. Бицилли.

рии, эволюции историзма в форме уже привычной по предыдущим годам – историографический анализ теоретических вопросов истории.

Ремарка-штрих. К сожалению, нет данных, подтверждающих, какую тему для докторской диссертации избрал П.М. Бицилли в Одессе и каким образом он пришел к идее «Очерков» в том виде, в каком мы получили эту Книгу. Во всяком случае, фактор самоидентификации в условиях меняющихся научных парадигм в новом для него геополитическом и социальном поле сыграл свою роль.

Проблема исторического синтеза, поставленная еще Карлом Лампрехтом, главой школы культурно-исторического синтеза в Лейпцигском университете (1890-е г.), а на рубеже XIX-XX веков в иной модификации остро выдвинутая Анри Берром, основателем «Международного центра синтеза» (1900 г.), вышла как одна из ведущих в историографии нарождающегося нового столетия и составила, по определению самого автора, «главное содержание» книги.

Решение проблемы исторического синтеза П.М. Бицилли осуществляет в контексте анализа основных направлений исторической мысли в Европе, эволюции исторического понимания и «воспроизведения» прошлого. «Очерки теории исторической науки» П.М. Бицилли рассматривал в ключе *истории историографии*.

Термин «историография» П.М. Бицилли в соответствии с общеевропейской традицией, истоки которой в XVIII веке, употребляет как синоним исторической науки. «История историографии» для него – это история исторической науки, процесс исторического познания, который неразрывно связан с теоретическим осмыслением истории, с совершенствованием методологии исторических исследований. В фокусе его интересов – вопросы становления исторической науки, ее статуса, границ ее познавательных возможностей, развития ее рефлексивных составляющих, взаимодействия с иными формами постижения истории, типология исторического понимания и «воспроизведения» исторической действительности и др.

Доминантной линией в творчестве П.М. Бицилли была история идей, в комплексе которой история исторических идей выступала для него в качестве ведущей: анализ «разнообразных модификаций исторической мысли» – это главная задача «историка

историографии». Историческая наука = историография в восприятии П.М. Бицилли (в соответствии с преобладанием когнитивного образа науки в этот период развития «научно-исследовательских» исследований) представляла как процесс исторического мышления, запечатленный в научных трудах.

Анализ текста «Очерков» и других работ автора позволяет говорить о значительном влиянии творчества Бенедетто Кроче на историческое мировоззрение П.М. Бицилли. Вполне вероятно, что П.М. Бицилли был знаком уже с первым, немецкоязычным изданием «Теории и истории историографии» (1915), когда приступал к разработке собственного курса по истории истории¹.

Избрав для обозначения этой сферы исторического знания формулу «история историографии» П.М. Бицилли в большей степени акцентировал сциентистские основания истории как историографической науки.

Грань вторая: «ниша»

Новый «образ» науки и новая классификация наук, предложенные неокантовцами, отвечали бициллиевскому «образу» историографии.

Суть исторического процесса, по Бицилли, – «вечное», «непрестанное», «непрерывное» становление самой человеческой деятельности: человеческие идеи, воззрения, влечения, вкусы, навыки работы, – все, в чем личность проявляет себя, «варируется до бесконечности», поэтому «всякая история» – это в конечном счете «история культуры», предмет ее анализа – «продукты человеческой деятельности». Историческая наука возможна и необходима потому, что «каждое единичное явление обладает своим собственным содержанием», поэтому задачей историографии является «индивидуализирующее изображение человеческой жизни как жизни куль-

¹ *Историография* – термин полисемантический. Для Б. Кроче *история историографии* – это история исторического мышления в неразрывном единстве теоретических и исторических аспектов исторической мысли. См.: *Бенедетто Кроче. Теория и история историографии* / Пер. с итал. И.М. Заславской. Послесл. Т.В. Павловой. Науч. редактирование М.Л. Андреева. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с.. Для А.Г. Брикнера, профессора Новороссийского университета, *история историографии* – это «история исторической литературы», часть *истории истории*, широкого понятия, означающего специальную область знания. См. подробнее: *Попова Т.Н. «Жизнеописание ученого-историка...»* (2017) [Раздел: «Александр Густавович Брикнер: у истоков дисциплинарности»].

туры». В этом подходе П.М. Бицилли опирался на идеи Э. Трельча, которые считал созвучными мыслям Дж. Вико.

«По содержанию» и «формально» историческая наука - «самостоятельная наука в ряду других идиографических дисциплин», т.е. «наук о культуре», «наук о духе». Исторические факты – это в первую очередь «факты духовной жизни»; исторический объект – это то, что в любом явлении выступает как неповторимое, специфичное, индивидуальное; цель историографии – изучение «исторических элементов духовной жизни». История – «результат свободного творчества духа», а историография – «творческое воспроизведение преображенной сознанием действительности».

Научный статус истории, подчеркивал П.М. Бицилли, определяется наличием ее собственной теории, т.к. «эмпирическая история» как таковая не может представлять интерес для исследователя. В то же время он отмечал, что вряд ли можно найти область, в которой было бы столько разногласий по самым существенным вопросам, как в дисциплинах, объединяемых «общим именем теории истории». Причину этого он усматривал в «хаотическом» характере самой науки.

К рубежу XIX-XX веков, на этапе завершения процесса когнитивной и социальной институционализации исторической науки, в интеллектуальном сообществе складывался неоднозначный и поливариантный образ ее рефлексивного поля: философия истории, теория истории, методология истории, теория исторического процесса, теория исторического познания, социология, история исторической науки, история историографии и проч.

П.М. Бицилли в теории истории выделял две области: теорию исторического процесса и собственно теорию исторической науки. Первая, по его мнению, была представлена социологией, самостоятельной дисциплиной, задача которой – изучение природы исторического процесса, вопросов структуры мира человеческого бытия, социальной и политической дифференциации, происхождения и развития отдельных сфер человеческой деятельности и т.п. Вторая - должна быть «строго отделена» от первой; цель ее – «выяснение природы своих собственных задач».

В то же время П.М. Бицилли был убежден в том, что наблюдения и выводы теории исторического процесса (социологии) могут иметь эвристическое значение и служить в качестве корректив при

исследовании частных исторических проблем. Историк не должен относиться к ним безразлично: прежде чем приступить к обработке своего собственного материала, он обязан иметь представление о теоретических проблемах исторического процесса в целом; в ходе же исследований его взгляды на природу исторического процесса могут развиваться, совершенствоваться, усложняться, и это будет доказательством его профессионализма.

Особо значим для нас сегодня вывод П.М. Бицилли о том, что не может быть «единой и неизменной теории истории», поскольку теория истории должна видоизменяться с изменением познавательной практики. «Самосознание» исторической науки не ограничивается появлением теоретико-познавательной области, но этот процесс идет параллельно с развитием самой науки и является «показателем этого развития». Никакая стройность, завершенность и логическая безупречность теории «не являются достаточной гарантией ее истинности», поэтому теория науки обязана искать в научных достижениях, в реальной историографической практике данные «для самопроверки»¹.

Не соглашаясь с К. Лампрехтом, сторонником законотворчества, П.М. Бицилли настаивал на том, что задачей теории истории является не предписывание науке законов, но анализ историографической практики для выявления наиболее «плодотворных» и «жизнеспособных» тенденций в самой науке, которые и будут определять ее последующее развитие. Для того чтобы понять историю возникновения, развития и взаимоотношений этих тенденций П.М. Бицилли избирает историко-историографический метод, хотя этой терминологии в его лексиконе нет. Он пишет: «...лучшим способом приблизиться <...> к пониманию самой природы исторического мышления и жизневосприятия является изучение разнообразных модификаций исторической мысли в процессе ее развития»². Тезис о неразрывности ведущих ветвей рефлексивного поля исторической науки – истории и теории – для П.М. Бицилли аксиоматичен, и в этом он – последователь Б. Кроче.

П.М. Бицилли, чутко улавливая тенденции «историографической эпохи» – переход к «гносеологизму», акцент на исследование

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 301.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С.33.

проблем познания, становления форм исторической рефлексии (теории, методологии и истории исторической науки), сам активно включается в процесс осмысления познавательного процесса.

Грань третья: специфика

П.М. Бицилли признавал наличие различных видов познавательной деятельности, каждая из которых – самодостаточна и законна «в своих пределах»¹. Обращаясь к истоками постижения прошлого, ученый выделял «художественное» познание и элементы «научного» познания истории, которые развивались одновременно в форме «исторического повествования», стремясь к реалистическому отображению (воспроизведению) реальности. Эталоном такого повествования, по мнению П.М. Бицилли, была «История» Геродота в классической древности и «Семейная история» С.Т. Аксакова («Семейная Хроника», 1856) в недалеком прошлом. Однако в дальнейшем пути этих двух видов творчества разошлись: исторический нарратив «деградировал» в «исторический роман», а «историография» приблизилась к «науке» как «к системе понятий»².

Для П.М. Бицилли разница между художником и ученым-историком вполне ясна. Объект для художника – «художественная идея», и само художественное творчество состоит в «стилизации объектов». Объект для историка – реальность, «дух эпохи». Источники для художника (предметы или события) – «сырой материал», из которого он создает собственные объекты – символы; для историка предметы и события – «факты», «символы», в которых другие воплотили себя, свой дух. Творчество художника – бессознательно, работа историка – «осознанна». Цель художника – создавать символы (он – «творец символов»); цель историка – раскрывать их смысл.

Творческую основу научной деятельности П.М. Бицилли видел в стремлении ученого-историка проникнуть в смысл индивидуально-неповторимого, историография для него – «творческое воспроизведение преображенной сознанием действительности»³. Однако в противовес Б. Кроче он не отождествлял науку и искус-

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 296.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 291.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 37.

ство, а деятельность ученого-историка считал возможным сравнивать только с деятельностью художественного критика, по сути - тоже ученого.

Задача историка – отделять «вымысел» от «истины», а специфика его «творчества» – в «разложении данных», полученных из источников, на элементы, в анализе этих элементов и наконец – во вторичном воссоздании «убитого анализом объекта». П.М. Бицилли видел сущность науки в том, что «разум “осиливает”, “убивая”», однако наука – закономерно возникшая форма познания наряду с иными, поэтому «в своих пределах» следует признать ее «законность». Историография как наука отвечает общенаучным критериям, но, будучи идиографической наукой, она обладает своей спецификой в сфере познания: «...сверх дискурсивного мышления, – пишет П.М. Бицилли, – мы обладаем другим способом постижения мира “интуицией”»¹.

«Глубинное», «коренное» отличие исторической науки от природоведения заключается в особенностях «исторического познания» как понимания жизни культуры. Исторический метод «основывается на интуиции», поскольку только «интуитивно» человеческий дух способен проникнуть в то, что является «продуктом» духовного творчества людей. Но научная интуиция не может быть отделена от рационально-дискурсивных методов исследования.

Противопоставляя два вида исторического понимания – старое, основанное на «исторической метафизике», идее детерминизма, исключающего случайность и свободу творчества, и «новое», основанное на «критическом реализме», П.М. Бицилли, сторонник второго, видит его основы не в философских абстракциях или мировоззренческих платформах, но выводит его из анализа духовного мира реальных личностей, у которых «мировоззрение» неотделимо от «мироощущения».

Стремясь освободиться от «гипостазирования» исторических понятий, но признавая необходимость их применения для определения всего «бесконечного разнообразия конкретной реальности», П.М. Бицилли выдвигает одновременно «идею личного творчества как единственного реального двигателя исторического процесса». «Новое историческое мышление», убежден ученый, связано с «пе-

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 296.

реживанием» и «восприятием» исторического: «мы имеем здесь дело скорее с не всегда отчетливо сознаваемыми тенденциями, нежели с теориями, являющимися плодом рефлексии»¹.

П.М. Бицилли признавал, что и рационально-дискурсивная практика, и «историческая интуиция» имеют свои познавательные ограничения. С одной стороны, рационализировать исторический процесс полностью невозможно, т.к. истории сама по себе – иррациональна, с другой – интуиция также дает «дробное, неполное представление об историческом бытии», поскольку само это бытие дисгармонично и хаотично. Именно иррациональность фактической (реальной) истории в какой-то мере оправдывает «научную» историю, несмотря на «несовершенство» ее «символов» и «грубость» языка, оперирующего понятиями, адекватно не соответствующими исторической действительности в ее постоянной «текучести»².

«Научная позиция» – это деятельность «познающего субъекта в мире и на мир», следовательно, эта позиция «устанавливается самой жизнью», поэтому, признавая границы исторического научного познания, историк не должен умалять роль научной историографии.

Грань четвертая: методы

Развитие научной историографии определяется поиском новых подходов, способов постижения прошлого, эволюцией ее методов, что по сути направлено на решение проблемы исторического синтеза – центральной проблемы теории исторической науки, по мнению П.М. Бицилли.

В системе исторических дисциплин ученый, отталкиваясь от неокантианских основ классификации наук, выделяет два дисциплинарных блока: социально-политическую историю и историю культуры. Для первого блока характерен «генетический подход» к изучению истории – «историческая динамика» (диахронический анализ). Для второго – «эстетико-индивидуализирующий подход», который ориентирован на «историческую статику» (синхрониче-

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 30.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 292.

ский анализ). Это разделение, считает П.М. Бицилли, «оправдывается фактическим состоянием исторической науки»: «генетизм» и «динамизм» в большей мере преобладают в произведениях из области социальной и политической истории, тогда как второй подход можно найти в «образцовых произведениях», посвященных истории культуры¹.

«Синхронический подход» (по П.М. Бицилли – «историческая статика») имеет достаточно длительную традицию: Т. Моммзен, Я. Буркхардт, Фюстель де Куланж – их имена постоянно встречаются на страницах «Очерков». Но, пожалуй, только с П.М. Бицилли можно говорить о постановке самой проблемы соотношения диахронического и синхронического анализов в исторических исследованиях.

Оба подхода, по мнению Петра Михайловича, присущи современному историческому мышлению, взаимно обусловлены и одновременно – полярны: их можно рассматривать как «пределы», границы. В этих рамках «обречена» двигаться историческая мысль, которая в своем развитии (в зависимости от множества «привходящих», «посторонних условий») «задерживается» то на одном полюсе, то на другом².

Признавая значение новейшей истории историографии, ее колоссальных достижений, осуществленных под влиянием применения «эволюционной точки зрения на историческое развитие», историко-генетического подхода и «исторической динамики», П.М. Бицилли одновременно считает, что этот путь несколько не приблизил историков к реальному пониманию исторического процесса и к созданию исторического синтеза. Для него новым и более перспективным в контексте главной теоретической проблемы историографии – проблемы исторического синтеза – представляется переход к «исторической статике» как способу «синтезирующего описания известных, в известный момент обнаруживающихся “качеств”, взятых как граница личного творчества»³. В такой синтез должны входить и явления, относящиеся к самому процессу

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 247.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 169.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 302.

творчеству, поскольку «ограничить» для П.М. Бицилли значит «определить»¹.

Акцент на синхронический (не исключая полностью диахронического) анализ исторического материала соответствует по Бицилли ведущей тенденции современной ему историографии, и он сам смело использует этот прием в своих конкретных исследованиях («Элементы средневековой культуры» /1919/ и др.).

История, в понимании П.М. Бицилли, – непрерывный поток психической жизни, в котором каждый миг – момент – «есть нечто качественно единственное, специфическое, неповторимое», обладающее своей собственной индивидуальностью. Отдельные моменты истории переходят из одного в другой, и провести четкие грани между ними невозможно.

В то же время в силу специфичности и неповторимости каждого момента общий процесс, непрерывный и слитный, разбивается на бесчисленное количество отдельных звеньев. Историк может «перемещаться» лишь поочередно в отдельные моменты прошлого, но психически, интуитивно постигая отдельный момент, он «переживает всю историю». Поэтому исторический синтез для П.М. Бицилли – это «*синтез “момента”*»².

Следуя этой логике, среди разновидностей систематизации фактуальной базы исторического исследования (диахронический ряд, классификация, типологизация и проч.) П.М. Бицилли выделял *периодизацию*. Проблему периодизации он непосредственно соединял с проблемой синтеза («проблема исторического синтеза или – что то же проблема периодизации») и определял как – основную, «центральную», «единственную» проблему теории исторической науки (оговаривая, правда, – «при данном состоянии» историографии)³.

Ремарка-штрих. Последняя мысль очень важна: П.М. Бицилли прекрано осознает, что приоритетность проблематики в историографии изменяется с развитием самой науки.

Периодизация, по Бицилли, – «окончательная цель» и одно-

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 302-303.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 168, 303.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 29, 31, 154.

временно – отправная точка, определенная схема, соответствующая уровню научных знаний в данный момент развития историографии, которая необходима ученому для того, чтобы не «погибнуть в необъятной массе материала», т.к. именно периодизация способствует приведению «в порядок хаоса данности». В процессе работы исследователь может «усовершенствовать, видоизменить и даже отбросить» первоначальную схему периодизации¹.

Анализируя работы, посвященные проблеме периодизации, П.М. Бицилли, замечает, что в поисках критериев периодизации, авторы диаметрально расходятся во мнениях: то, что для одних представляется «объективным», для других – выражает «субъективность» периодизационных схем. Сам П.М. Бицилли – сторонник иного подхода. Он считает, что целесообразнее отказаться от искания «"единого объективного" принципа периодизации», т.к. при всем стремлении к объективности историк никогда не сможет устранить «свой собственный личный коэффициент, и поэтому всякая историческая концепция обязательно будет более или менее субъективна»² [выделено в тексте П.М. Бицилли. – Т.П.].

В реальной истории нет «длительных мгновений», поэтому такие понятия как «период», «эпоха» и проч., на которые исследователь «рассекает» непрерывный поток исторической данности, не могут адекватно соответствовать действительности. Историк реконструирует отдельные моменты прошлого – «синтетически в их многообразии», но любая его реконструкция неизбежно будет искусственным построением. И чем обширнее в пространственно-временных рамках будет синтезируемый «кусочек» истории, тем более ограниченным и «скудным» будет сам синтез³.

«Новое историческое понимание», сторонником которого выступал П.М. Бицилли, требовало, по его мнению, перестройки *методологии истории*, которая сложилась как дисциплина «чисто практического характера» в качестве «собрании правил» источниковедческого анализа. В современной научной историогра-

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 150; Петър Бицилли. Увод в изучаването на новата и най-новата история (Опит за периодизация). Второ фототипно издание. София: Изд-во «Наука и изкуство», 1993. С. 47.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 160.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 303.

фии предметом этой дисциплины должна стать «систематизация и обобщение эмпирических данных для выработки общих основ установления зависимости между тем, что принято именовать историческими фактами, т.е. внешними явлениями, и подлинными фактами истории, т.е. явлениями жизни духа»¹.

Среди задач новой методологии истории П.М. Бицилли выделял следующие.

Во-первых, поскольку «историческая наука всегда была в своих величайших образцах наукой, основанной на интуиции», постольку методологической задачей должно быть «проведение черты между опирающейся на точные данные интуицией и беспочвенным фантазированием»: интуиция в работе историка – «особый способ» постижения истории и одновременно метод, который необходимо использовать наряду с другими методами познания.

Во-вторых, историку необходимо определить приоритетные явления, в которых наиболее «прозрачно» проявляется «дух эпохи» (главный объект познания), т.е. установить «шкалу категорий» подобных явлений «по степени их важности». Для Петра Михайловича плодотворным представлялся «*филологический метод (т.е. подход)*»: поскольку история – это наука о «духе», а «дух» проявляет себя в первую очередь в языке².

В-третьих, П.М. Бицилли одним из первых поставил проблему *антропологически ориентированного культурологического подхода* к изучению науки. Анализируя современную ему науковедческую практику, П.М. Бицилли отмечал, что науку принято воспринимать как достаточно «замкнутый», развивающийся «сам из себя» мир. Эволюционный подход к истории науки способствовал рассмотрению каждой научной системы в качестве «звена» в общей «цепи» развития «культурного человечества», или закономерно обусловленной «ступени» в прогрессе «науки вообще». Для историка культуры этот подход абсолютно «непригоден», ибо при подобном изучении научных систем, теорий, концепций «скрываются лики их творцов»³.

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 234-235.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 235-237.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 243.

Комментарии-post

1. Противник теорий «прогресса» (в любой модификации), П.М. Бицилли «свободно» общается с творцами и их идеями вне временных рамок ступенчатой пирамиды, не нарушая и не игнорируя при этом специфику эпох, «духа» и «стиля» конкретных периодов.

Своеобразием индивидуального почерка Бицилли-ученого, представителя научной историографии, является его обращение к разным видам познавательной деятельности – научному и «не-научному», к различным формам, в которых воплощалось постижение истории: исследовательским работам, произведениям искусства, литературным шедеврам. Источниками для «Очерков» стали как классические произведения, начиная от Геродота и Фукидида, так и новейшие (начало XX века) труды европейских исследователей (включая и Россию) по истории, философии, социологии, истории искусства, литературы, науки и проч. Около пятисот имен – знаменитых писателей, ученых и мыслителей, художников и композиторов, а также малоизвестных авторов, привлечших внимание П.М. Бицилли, «вошли» в страницы Книги.

Имена Гомера, Вергилия, Данте, Джотто, Палестрина, Петрарки, Микеланджело, Боккаччо, Вазари, Шекспира, Расина, Моцарта, Бетховена, Гете, Делакруа, Шатобриана, Муне-Сюлли, В. Скотта, Вагнера, Золя, Киплинга, А.Франса, Пушкина, С. Аксакова, Д. Ходовецкого, Л. Толстого, Блока, А. Белого, Бальмонта, Чехова и др. звучат не менее часто, нежели имена Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона, Августина, Иоахима Флорского, Лютера, Лейбница, Вольфа, Вико, Монтескье, Тюрго, Вольтера, Руссо, Кондорсе, Гердера, Канта, Гегеля, Шеллинга, Фихте, Юма, О. Конта, Ницше, Маркса, Паскаля, Шпенглера, Бергсона и проч., или имена Плутарха, Ливия, Тацита, Бодена, Салутати, Гвиччардини, Ибн-Халдуна, Макиавелли, Тьерри, Гизо, Ранке, Мишле, Тэна, Моммзена, Риккерта, Дильтея, Я. Буркхардта, Лампрехта, Макса Вебера, Кроче, Миллюкова, Ростовцева, Павлова-Сильванского, Карсавина и т.п. и т.п.

Ремарка-заметка. Вместе с тем, вызывает недоумение отсутствие в этом «параде имен» таких крупнейших специалистов в области европейской медиевистики и новистики, как представители «русской исторической школы» – Н.И. Каре-

ев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский; российских «первопроходцев» в области исторической эпистемологии – Р.Ю. Виппера, А.С. Лаппо-Данилевского и др. Вопрос «избирательности» историографических источников автором – еще ждет своего внимания.

Особенностью подхода Петра Михайловича к анализу идей своих предшественников и современников является научная корректность и одновременно творческая независимость от пиетета перед историографической репутацией. Для него исключено «слепое» следование за признанными традициями. П.М. Бицилли не «цитирует», но досконально разбирает концепцию любого автора, выделяя, со своей точки зрения, важное, значительное, созвучное его убеждениям, и, вместе с тем, жестко критикуя те позиции, в которых видит противоречия, алогичность, недоказательность. «Критики» не избежали даже такие, почитаемые П.М. Бицилли, личности, как Г.В.Ф. Гегель, Э. Трельч, В. Дильтей, М. Вебер, Б. Кроче, А. Бергсон. Для П.М. Бицилли не существует «магии» авторитета. Эта черта была присуща Петру Михайловичу еще в период его академической «молодости». Приват-доцент провинциального университета начинает свою публикаторскую деятельность с достаточно резких рецензий на книги известных ученых в западной и российской историографии – В.И. Герье, основоположника школы «новистов» в Московском университете, Л.П. Карсавина, представителя столичной школы культурологов Санкт-Петербургского университета и др.¹

2. Поражает не только галерея ученых, мыслителей и художников, с которыми П.М. Бицилли ведет диалог, но его стиль изложения мысли, «манера письма». Т.Н. Галчева, отталкиваясь от ценнейших наблюдений А.А. Кизеветтера, сформулированных им в рецензии на «Очерки теории исторической науки», указала на особенность стиля мышления П.М. Бицилли, определив его как «парадоксальный» и «антиномичный», а также на его «специфическую манеру изложения авторского мнения». Петр Михайлович,

¹ См.: Бицилли П. Трельс-Лунд. Небо и мировоззрение в круговороте времен // Известия Одесского библиографического общества (ИОБО). Одесса. 1913. Т.П. Выпуск 1. С. 11-14; *Он же*. Герье В.И. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915 // ИОБО. 1915. Т. 1У. Выпуск 3. С. 206-208; *Он же*. Л. Карсавин. Монашество в Средние века. СПб., 1912. Л. Карсавин. Очерки религиозной жизни в Италии XII-XIII веков. СПб., 1912 // ИОБО. Одесса. 1913. Т.П. Выпуск 4. С. 162-170; *Он же*. Новое историко-литературное направление // ИОБО. 1914. Т. III. Выпуск 2. С. 93-102.

замечает Т.Н. Галчева, часто соединяет противоречивые понятия, но в его системе взглядов такое расположение оппозиционных понятий предстает «структурообразующей моделью», которую не всегда можно безоговорочно принять, но с позиций логики внутреннего развития ее, безусловно, следует признать функциональной¹.

А.А. Кизеветтер первым обратил внимание на литературные приемы П.М. Бицилли, его стиль изложения мысли, его текст – достаточно сложный, который, если и превращает процесс чтения в удовольствие, то это удовольствие «рождается» в результате значительных усилий, предпринимаемых читателем для того, чтобы понять генезис взглядов и исторических аналогий автора. П.М. Бицилли «...не стремится к упрощению поставленной проблемы, – пишет А.А. Кизеветтер, – а напротив, старается охватить ее во всей ее сложности и сам же тщательно отмечает многообразные трудности, встающие на пути ее разрешения»².

Этот «стиль» («вызывающая манера» по Галчевой), затрудняющий непосредственно воспринять и основную тему книги, и круг проблем, сквозь призму которых она предстает, и метод их логического построения, и систему аргументации автора, вызывает определенное «неприятие», которое позволило другому рецензенту – Д.И. Чижевскому, известному философу-эмигранту, выделить, с его точки зрения, основной недостаток работы: стиль Бицилли – «вулканический», а книга – написана «неизвестно для кого». Правда, здесь же, перечисляя возможные типы «аудитории», на которые может быть сориентировано конкретное произведение, Д.И. Чижевский обозначил один из них – книга, написанная для самого автора³.

Ремарка-мнение. «Очерки» действительно создавались Петром Михайловичем и для самого себя. Текст больше напоминает поток мышления – стенографию мыслей, переплетение

¹ Галчева Т. П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С.32-33.

² Кизеветтер А. Об «Очерках теории исторической науки» П.М. Бицилли. Прага, 1925 // Руль. 1925. 25 февраля. Берлин. У1. № 1286.

³ Чижевский Д.И. [Рец.:] // Современные записки. 1929. № 39. С. 542-547.

которых подчас предстает пульсирующим нарастанием все новых и новых идей, рождающихся в процессе мучительных раздумий над вопросами: *как изучать историю и как писать историю?* – вот главная линия книги.

В этой работе и по ее структуре с оригинальными «экскурсами», и по литературному «почерку» нет привычной строгости монографического изложения. Линии одной темы, разветвляясь, создают дополнительные узоры, возникающие от развертывания мысли; жестко, казалось бы, сформулированное положение подвергается вдруг критике и взрывается изнутри новыми пассажами, рождающими сомнение в уже логически завершенном дискурсе.

Это – не монолог автора, он лишь «ведет» означенную им тему в многоголосом хорале, подхватывая нужные ему – близкие ему по «духу» – мелодии и, восприняв их (не без коррекции, не прямо, а «пропустив» через свое критическое «я»), получив от них новый творческий импульс, предлагает очередную аранжировку главной темы.

3. Текст «Очерков» специфичен и по ориентации автора на четко очерченную аудиторию: это сообщество единомышленников, профессионалов, со значительным удельным весом рефлексивной компоненты, которым нет необходимости «объяснять» очевидно хрестоматийные истины, которые владеют широким диапазоном специально-научных знаний и обладают глубоким пониманием общекультурного наследия.

С ранних лет своей творческой деятельности П.М. Бицилли игнорировал различного рода трафареты и общепринятые шаблоны, форма построения его работ настораживала даже неординарно мыслящих ученых (например, И.М. Гревса). Поставив самому себе «широкую проблему», Петр Михайлович решал ее не отвлеченными рассуждениями, но обращаясь «вглубь первоисточников», на широком источниковом материале¹, свободно дискутируя с современниками и давно ушедшими: ведь в бесконечно длительно длящемся потоке исторической жизни нет конкретного времени, этой очередной конструкции человеческого разума.

П.М. Бицилли, «человек очень тонкой душевной структуры»,

¹ Речь идет в первую очередь об *историографических источниках* – полижанровом нарративе.

(по воспоминаниям его зятя – князя А.П. Мещерского), рассчитывал на тот тип «нового исторического понимания», с которым он связывал самую перспективную, по его убеждению, тенденцию современного ему этапа историографического развития, и которое должно было объединить новое поколение историков: к ним были обращены его слова и мысли.

4. «Антиномичность» и «парадоксальность» мышления П.М. Бицилли, отмечаемые наряду с Т.Н. Галчевой и другими исследователями, – вопрос, требующий предметного анализа. На мой взгляд, индивидуальный почерк П.М. Бицилли имеет свою специфику.

Во-первых, для него характерна методика многократного подхода к одной и той же проблеме, которая не только варьировалась им в разнообразных ракурсах своего восприятия, но и в обозначениях – «терминологической оболочке». Этот подход к «сотворению» текста обуславливает поиск нитей, связывающих одну мысль, разбросанную в многочисленных смысловых блоках, «выкристаллизацию» этой мысли из параллельных потоков ее многообразного воплощения.

Текст П.М. Бицилли нельзя просто «прочитать»: в нем нет привычной логики «последовательности». Его последовательность действительно парадоксальна: ее нужно понять, найти эти связующие нити, неоднократно перечитывая прочитанное и возвращаясь к пройденному. Кажущаяся «доступность» своей четкой конфигурацией «Введения» и заключительной части – обманчива, хронологический стержень глав – относителен, «экскурсы» – как «потусторонние» эссе...

Текст «Очерков», его архитектоника и графическое построение – все это настолько непривычно для канонов научного письма начала XX века, что не удивительно негативно-настораживающее в определенной степени восприятие Книги...

Во-вторых, П.М. Бицилли свойственна определенная «биполярная установка» мировосприятия, которая накладывала отпечаток на его теоретические построения (по крайней мере, при написании «Очерков теории исторической науки»).

Ремарка-info. Понятие «биполярность» было введено учеником З. Фрейда (с которым он позже разошелся) – В. Штекелем для обозначения особенностей психической деятельности, в основе которой – соединение противоположных – полярных –

понятий (ненависть – любовь, страх – влечение и т.п.). Это – некая двойственность противоположных чувств, для обозначения которой в т.н. «ортодоксальной школе» З. Фрейда утвердился иной термин – «амбивалентность», получивший более широкое распространение благодаря авторитету основоположника «школы» (позже это понятие было заимствовано Р. Мертоном при подготовке его второй версии работы об этосе науки «Амбивалентность ученого», 1965) и стало довольно широко использоваться в гуманитаристике.

Однако второе понятие, «родом» из химии, лишь акцентирует внимание на свойстве «двойственности», но не заостряет сущность «двойных чувств» – они всегда «полярны» и представляют собой «пару противоположностей». Сам З. Фрейд впоследствии предполагал, что, по-видимому, благодаря биполярности «из равномерной монотонности безжизненного возникла жизнь»¹.

П.М. Бицилли, определяя сегменты исторического знания, «строит» своеобразный биполярный мир понятий. Он выделяет: два «типа» историков – тех, кто выявляет каузальность истории, и «прогрессистов»; два «подхода» к изучению исторического материала – «генетический» и «эстетико-индивидуализирующий»; два «вида» анализа – «историческая динамика» и «историческая статика»; два «образа» истории и, соответственно, две «формы» ее постижения – «царство необходимости» и «царство свободы», «механическая эволюция» и «творческая эволюция»; два «метода» исторического познания – рационально-дискурсивное и историческая интуиция; два «типа» исторического понимания и две «стадии» в его развитии – «старое» и «новое», «первая» и «вторая»; две «тенденции» в истории историографии и проч.

Даже в тех случаях, когда речь идет о более чем двух понятиях (три формы постижения мира: философское, научное, художественное; три этапа в развитии исторического понимания и т.п.), П.М. Бицилли отбрасывает одно, для него – не существенное, и строит свои рассуждения на компоновке двух понятий, выводя третье за рамки анализа.

Для П.М. Бицилли «два понятия» всегда – полярные, диаме-

¹ См.: *Виттельс Ф.* Фрейд. Его личность, учение и школа / Пер. с немецкого М. Рейснера. Л., 1925. Ленинград: «Эго», 1991 [Репринтное издание]. С. 187-188.

трально-противоположные, исключаящие друг друга точки зрения, подходы, исследовательские приемы и т.д., но эти «полярности» одновременно неразрывны, они сосуществуют «в одном сознании», находясь в «неустанной» и чаще всего «бессознательной борьбе», и представляют собой «пределы», границы «коридора» реальной исследовательской практики, в рамках которого «обречена» развиваться («биться») историческая мысль, переходя (в зависимости от множества «привходящих», «посторонних условий») от одного полюса к другому. «Биполярность» П.М. Бицилли, вероятно, имеет своим истоком *диалектику* как основу его мировоззрения, неразрывно связанную с *творчеством*, и принцип *coincidentia oppositorum*.

Ремарка-цитата. «Геометрия развивается из своих аксиом прямолинейно, не диалектически, следовательно, не творчески»¹ [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.].

Одновременно для бытия рефлексии историко-культурного и историографического процессов, согласно П.М. Бицилли, характерен «механизм маятника».

5. Великолепный знаток классического наследия мировой философской и исторической мысли, стремящийся уловить все новейшие тенденции интеллектуального движения, П.М. Бицилли, тем не менее, не соотносил себя с каким-либо определенным течением или конкретной научной школой. Он с большим пиететом писал в «Очерках» о Дж. Вико, Г.В.Ф. Гегеле и Э. Трельче, выказывал явное предпочтение идеям Г. Риккерта, В. Дильтея, Б. Кроче и Дж. Джентиле, А. Бергсона и М. Вебера, не принимал в целом марксизм и различного рода социалистические учения. Однако вне зависимости от личного отношения к той или иной философской системе и исторической концепции, он считал, что любые идеи требуют анализа и изучения, и в различных теоретико-методологических построениях можно выявить перспективные для науки тенденции. Известны факты помощи, которую оказывал П.М. Бицилли студентам, интересующимся проблемами социализма в период оккупации Болгарии фашистской Германией. В своих лекционных курсах он всегда старался рассматривать все направления мысли, многообразие философских и социальных учений, не разделяя их

¹ Бицилли П.М. Похвала музыке // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.500.

по партийно-политическому принципу, ибо считал, что профессиональный историк обязан знать все интеллектуальное достояние культурного процесса¹.

Теоретико-методологический синтез П.М. Бицилли – сложно структурирован. Для него основополагающим типом исторического мышления был *романтизм*, который П.М. Бицилли понимал опять же не «хрестоматийно». В его восприятии это – объемное понятие, внутренне неоднородное, которое он «выводил» за привычные рамки: истоки романтизма он видел в просветительстве XVIII века и даже ранее – в Возрождении² и продлевал его до современного ему времени. Главная ценность романтизма как типа мышления для историографии, по мнению П.М. Бицилли, в его устремленности к индивидуальности, к выявлению неповторимого «духа» эпохи, личности и проч., однако без мистического оттенка, столь распространенного среди многих сторонников романтического историописания. «Романтизм», или «индивидуализм», для П.М. Бицилли – ключ к пониманию «историзма вообще»³.

Противник номологического образа истории как науки, он четко придерживался ее идиографического статуса, подчеркивая необходимость и закономерность ее рационалистического, сциентистского фундамента. Испытывая неудовлетворенность результатами классической историографии XIX века (в первую очередь, в ее позитивистском варианте), постоянно анализируя историографическую практику и выявляя, с его точки зрения, перспективные тенденции в ее развитии, П.М. Бицилли воспринял комплекс новых идей, выдвинутых философской мыслью к началу XX века.

Следуя принципу «реалистичности» в историографии, мировоззрению и мироощущению, П.М. Бицилли заимствовал у У. Джеймса идею хаотичности мира, в котором постоянно возникает новое и царствует случай, который невозможно охватить целиком и выразить в рамках какой-либо одной логической системы, одним рационально-дискурсивным методом. Для П.М. Бицилли были привлекательны постулаты «философия жизни» и учение од-

¹ См.: Исторически преглед. Година 9. София, 1953. Книга пета (5). С. 560-561; *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гуттенберг», 2004. С. 153-154.

² *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. 62.

³ См.: *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 112.

ного из самых ярких ее представителей – В. Дильтея, вобравшее в себя идеи о неразрывной связи исторического бытия и исторического познание, об обусловленности специфики исторического познания структурой исторического мира; об «историческом понимании» в контексте поисков новых методов постижения истории как духовной целостности; о восприятии культуры прошлого как результатов проявления «объективного духа» – тезисом, в какой-то мере предвосхитившим неогегельянцев; о «понимании» как методе интерпретации отдельных моментов целостной душевно-духовной жизни реконструируемой эпохи и проч.

Изучая труды Б. Кроче, П.М. Бицилли утвердился в идее главной формулы неогегельянцев («жизнь» – «движение духа»); воспринял его мысли о примате практики над теорией (в области истории – примат историографической, исследовательской практики над теоретическими построениями), о сочетании эстетики (интуиции) и логики (понятия) в теории, об эстетической компоненте историографии; тезис о том, что историческое знание организовано системой ценностей историка, а «мертвая хроника» событий – только подготовительный материал, а не сама наука, об извечной «современности» истории и проч.

Значительное влияние на взгляды П.М. Бицилли оказал А. Бергсон; истоки его учения – в философии Платона, Шеллинга, Шопенгауэра, на труды которых часто ссылался и П.М. Бицилли. Для Петра Михайловича привлекательны были идеи А. Бергсона о категории «длительности», формы которой – материя, время, движения – выступали как ее проявления в человеческом представлении и в рациональных научных схемах; об интуиции как методе непосредственного постижения «длительности», в результате чего познание совпадает с действительностью, а субъект сливается с объектом. У него же П.М. Бицилли заимствовал понятие «творческой эволюции». Особую роль в теоретико-методологических построениях П.М. Бицилли играла категория «интуиции». Странник индивидуалистического подхода к истории, П.М. Бицилли воспринял интуитивизм как методологический принцип, в основе которого – признание единства реальной жизни и сознания и утверждение возможности внерациональной рефлексии, созерцания общего в конкретном – единичном, в индивидуальном акте творческого установления «живой» взаимосвязи сознания и мировой целостности.

П.М. Бицилли акцентировал внимание на мысли о том, что в своих лучших образцах историография была основана на интуитивном постижении мира, опираясь на факты наличия различных форм интуитивного познания в разнообразных философских системах: у Сократа – интуитивное, целостное «познание себя»), у Платона – интуиция как одна из ступеней восхождения к знанию абсолютного блага и др. Интуитивизм не был чужд и классической метафизике: универсальные построения Гегеля, Фихте, Шеллинга основывались на фундаментальных интуициях, которые затем проецировались в рациональных систематизациях, приобретающих форму научно-теоретического дискурса, и получали свое категориальное оформление.

На рубеже XIX – XX веков, в эпоху методологической критики классического рационализма со стороны новых модификаций иррационалистических направлений (в частности «философии жизни»), интуиция была противопоставлена так называемому «одностороннему», «узкому» рационализму, аналогично тому, как индивидуально-личностное «чувствование» самой жизни противопоставлялось объективированному, абстрактно-категориальному знанию.

Наиболее ярко интуитивизм как основополагающий гносеологический принцип получил свое выражение у А. Бергсона, для которого интуитивное познание выступало логическим результатом эволюции жизненных форм. В этом смысле интуиция рассматривалась в качестве методологического инструмента культурного познания – синтез инстинктивно-бессознательного познания (как основы жизнедеятельности животных форм) с рационально-научным, последовательно-дискурсивным, аналитическим знанием (характерным для «человеческой ветви эволюции»). В такой трактовке интуитивизм оказывался не только важнейшим компонентом сферы культуры и теории, но и определяющим фактором дальнейшей эволюции жизни в ее наиболее развитых и лабильных формах. Сохранение же господствующих естественнонаучных, т.е. – сугубо аналитических форм мышления, «узкого рационализма» культуры представлялось тупиковой формой эволюции.

Став органической частью новой рационалистической традиции в философии Э. Гуссерля, основателя феноменологической школы, интуитивизм трансформировался в учение об «идеации», т.е. о «сущностном видении» феноменального в его собственных

пределах, получив свое дифференцированное выражение в т.н. «интеллектуальном типе» интуиции. Пожалуй, развитие «образа» интуиции в размышлениях П.М. Бицилли в большей мере было устремлено по этому пути¹.

Все эти, намеченные пунктирно, идеи не были восприняты П.М. Бицилли как нечто непреложное и полностью тождественное авторским протографам, напротив, практически все положения получали его собственную интерпретацию, приобретая индивидуальное видение и творчески самобытную форму.

В попытке малопродуктивного поиска «ниши» для П.М. Бицилли его теоретико-методологическое кредо можно очертить подвижно относительно границами: идиографизм, интуитивизм, неогегельянство², «культурно-историческая монадология» (и вряд ли в этом «перечне» следует ставить точку)³...

P.S. «Очерки теории исторической науки» – книга стержневая в наследии П.М. Бицилли. Эта Книга вобрала опыт «одесской поры» профессионального становления, который получил творческое развитие в годы эмиграции: идеи, мысли, терминология, фразы, формулировки, сноски, цитаты и целые куски текста, вошедшие в страницы «Очерков», «перекочевали» затем в последующие работы ученого, обогащая новые темы своим содержанием и формой.

Несмотря на то, что «Очерки», бесспорно, – книга «ключевая»⁴ для понимания исторического мировоззрения П.М. Бицилли, пер-

¹ Хотя, как ни странно, Э. Гуссерль фактически «выпал» из пантеона имен. М.А. Васильева также увидела сходство П.М. Бицилли с философом: ученый «сближается с пониманием феноменологического единства в “Логических исследованиях” Э. Гуссерля». См.: *Васильева М.* Петр Бицилли как диалогический мыслитель // *Opuscula Slavica Sedlcensia*. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С.40.

² Влияние Гегеля отчетливо обнаруживается в эстетике итальянского (Б. Кроче) и английского неогегельянства (Р. Коллингвуд), в «эстетической» школе романского языкознания (К. Фосслер, Лео Шпитцер и др.). См.: *Басин Е.Я.* Семантическая философия искусства / Российская акад. наук, Ин-т философии, Акад. гуманитар. исслед. 4-е изд., доп. М.: Гуманитарий, 2012. С.94. Не менее значимы для понимания «влияния» Гегеля на П.М. Бицилли и рассуждения философа о *диалоге*: «Любое произведение искусства представляет собой диалог с каждым стоящим перед ним человеком». Эта мысль была во многом исходной для *теории диалогизма* М.М. Бахтина.

³ Обвинения в эклектизме в наше время по меньшей мере некорректны.

⁴ См.: *Каганович Б. С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С. 178.

спективой дальнейшего исследования творческого наследия ученого и эволюции его парадигмальных оснований должна быть ориентация на рассмотрение отдельных «текстов», конкретных работ ученого, в контексте всего «большого текста» – всех его трудов, ибо только в общем контексте всего наследия приобретет свои завершённые (насколько это возможно для конкретного периода постижения) очертания оценка данного текста-произведения.

Ремарка: Дежа вю. Изучение истории науки, так же как и самой истории, имеет далеко не однозначную конфигурацию. Закономерное «забвение» приводит на новой стадии интеллектуального процесса к «возрождению» прежних идей, которые предстают чаще всего как «инновации», порождаемые проблемой идентичности и ностальгическим восприятием прошлого. Разве не похожа сегодняшняя ситуация «пост-пост-постмодерна» /?/ на ситуацию «модерна» столетней давности? Может быть, мы лишь тешим себя своими «открытиями», которые в реалии – вечные идеи, существующие в бесконечной смене многообразия форм своего выражения?..

2. ИСТОРИОПИСАНИЕ: НАУКА VS ИСКУССТВО¹

*Идеи можно понять
лишь в контексте своего времени <...>
идеи, основываясь прежде всего одна на другой,
приобретают смысл только в совокупности.*
Иммануил Валлерстайн²

Многочисленные «вызовы» (пользуясь растиражированной метафорой А. Дж. Тойнби), или эпистемологические акцентуализации, определяют стержневое направление переднего края науки в поисках ответа на вопрос: как изучать историю и как «писать» историю? – проблема, четко сформулированная П.М. Бицилли и сохраняющая свою тайну поныне.

Среди многочисленных «вызовов» и «поворотов»³ – *эстетический*. Проблема чувственного восприятия как средства постижения исторической действительности (наряду с многообразными аспектами значения эстетики) оказалась в центре внимания гуманитариев. «Эстетический вызов / поворот» – это один из шагов в процессе «критической саморефлексии», который обычно соотносят с 70-90-ми годами XX в. и связывают с реформационным наступлением постмодернизма. «Новые интеллектуалы», предложив для анализа в качестве ключевой метафору «Sensation» (наследие Й. Хейзинги⁴), актуализировали «образно-художественное индивидуальное восприятие мира как способ постижения исторической реальности»⁵.

¹ Материалы этого сюжета вошли в статью: *Попова Т.Н.* Дисциплинарное сообщество историографов на исходе Постмодерна (фрагменты размышлений) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 4. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С. 210-235.

² *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С.49.

³ См. подробнее: *Попова Т.Н.* «Дисциплинарный образ науки...» (2019). [Разделы: «О “поворотах” и дисциплинах»; «Концепт “поворот” и другие понятия»]

⁴ Й. Хейзинга заимствовал это понятие для создания своей концепции «исторического ощущения» у теоретика литературы Л. Ван Дейсселя (1864-1952), представителя сензитивизма, который считал, что задача литературы – дать «ощущение» мира.

⁵ См.: *Зверева Г.И.* (РГГУ) Понятие «Исторический опыт» в «новой философии

Соотношение сциентистских и художественно-творческих компонентов в историописании с целью понимания и приближения к исторической реальности – вопрос в историографии отнюдь не новый, имеющий необозримый специально-литературный ландшафт. Ответ на него во многом связан со спецификой историографической и шире – культурной ситуации. Взгляд на эту проблему трех значительных фигур мирового интеллектуального сообщества позволяет сфокусировать внимание на вопросах профессиональной автономии истории, ее возможностях в воспроизведении реальности как творческо-эстетической составляющей научного историописания.

Переключка эпох и поколений

П.М. Бицилли (1920-е годы)

Главная проблема, которую выдвигает П.М. Бицилли, – как «путем исторической рефлексии» овладеть «пестротой эмпирической данности», учитывая ее «абсолютную текучесть»? как постичь реальный исторический процесс – «иррациональный и хаотичный», его элементы – в их неразрывности, единстве и неповторимости своеобразного воплощения; каким образом передать это в повествовательной форме научного исторического произведения?

Эту проблему П.М. Бицилли связывает с *антиномией историзма*, которая, по его мнению, может быть представлена как антиномия «реальной» и «письменной» истории¹, суть которой в противоречии между объективным историческим процессом и его «историографическим образом». Размышления П.М. Бицилли по сути сфокусированы на том, какими средствами обладает современная ему научная историография, учитывая весь предшествующий опыт ее развития, в достижении «разрешения» этого противоречия.

Проблема «постижения истории», поставленная П.М. Бицилли самому себе, решалась им в широком контексте осмысления различных форм познавательной деятельности. Размышляя о

истории» // Теоретические проблемы исторических исследований. Выпуск 2. Москва, 1999. С. 104-117.

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 263.

возможностях познания истории, П.М. Бицилли выделял такие его формы, как научное познание, художественное, философское. Каждая из этих форм познавательной деятельности для П.М. Бицилли – самодостаточна и «законна в своих пределах».

Отрицая значимость для современной историографии философии истории, считая ее «умершей дисциплиной», он признавал, тем не менее, важность философского постижения действительности, философской точки зрения «на жизнь космическую». В отличие от философской «научная точка зрения <...> устанавливается самой жизнью, т.е. деятельностью познающего субъекта в мире и на мир»¹. Особо важным вопросом для П.М. Бицилли был вопрос о соотношении «художественного» и «научного» познания прошлого, их специфике и общности. Для истории и искусства, считал он, долгое время существовала одна задача – воспроизведение действительной жизни «во всей ее конкретной полноте», с «максимальной степенью выразительности»: искусство должно было «подражать природе», а история – «воскрешать прошлое».

«Художественное» и «научное» познание прошлого для П.М. Бицилли – два вида творчества, развитие которых осуществлялось одновременно «по пути “реалистического” воспроизведения конкретной действительности» в форме «повествовательной истории». Однако «повелительные» практические и теоретические потребности способствовали тому, что «*histoire narrative*» деградировала в «исторический роман», и в конце концов «безраздельно восторжествовала» «научная», «рефлектирующая», «объясняющая» история – историография приблизилась к «науке» как «к системе понятий», с помощью которых разум пытался постичь «умерщвленную» им в процессе анализа действительность.

П.М. Бицилли четко определяет разницу между художником и историком по четырем параметрам: объекту, материалу (источникам), методам постижения, задачам:

I. Художественный объект – это воплощенная в красках, звуках, словах и проч. «художественная идея», форма выражения «духа» художника; художественное творчество состоит собственно в «стилизации объектов». В историографическом произведении в качестве объекта выступает реальный объект – «дух эпохи».

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 296.

2. Для художника предметы или события являются «сырым материалом», которым он пользуется для того, чтобы создать собственные объекты – символы. Историк же «связан фактами», для него эти предметы и события – «сами символы», в которых уже другие воплотили самих себя, свои переживания, свой дух.

3. Художник постигает закономерные связи мира бессознательно («или он – не художник»), в то время как «единственной задачей» историка является «осознание» причин создания в конкретной среде определенных ценностей – символов, «истолкование» психологической культуры, выявление в ней единичного, неповторяемого, специфического.

4. Деятельность художника – создавать символы, ибо он – «творец символов»; деятельность историка – раскрывать смысл этих символов.

Не отрицая «творческой» основы историографической деятельности, которая заключается в стремлении к проникновению в смысл индивидуально-неповторимого, к историческому пониманию во всей его полноте («история есть творческое воспроизведение преображенной сознанием действительности»), П.М. Бицилли тем не менее в отличие от Б. Кроче и Дж. Джентиле не считал возможным отождествлять науку и искусство.

«Историк» должен отдавать себе отчет в границах, отделяющих «вымысел» от «истины»: для него «реально данная действительность» является не только «отправным пунктом», но и «пределом его творчества», специфика которого заключается:

во-первых, в «разложении данных» (реконструируемых явлений на основании источников – продуктов культурной деятельности) на элементы;

во-вторых, в изучении этих элементов с их формальной стороны;

в-третьих, во вторичном воссоздании «убитого анализом объекта» (явлений: личности, «культурной среды», «эпохи» и т.д.).

Сущность всякой науки, констатирует П.М. Бицилли (вторя Б. Спинозе) в том, что «разум осиливает, убивая». Несмотря на этот пессимистический вывод, П.М. Бицилли уверен в том, что научная «точка зрения» утверждается «самой жизнью, т.е. деятельностью познающего субъекта в мире и на мир», а потому «законна в своих пределах», как и любая иная форма познания.

Историческая наука подчинена основным параметрам научного знания, но, входя в класс идиографических наук, имеет свою специфику: «Теоретическое своеобразие» исторического понимания (мышления) обусловлено «специальным содержанием» самой человеческой истории как истории культуры. «Историческое понимание» как понимания жизни культуры в конечном счете «основывается на интуиции», которая не может быть отделена от рационально-дискурсивных методов исследования.

Задолго до Р. Коллингвуда, назвавшего позитивистскую историографию историей «ножниц и клея», П.М. Бицилли скептически отнесся к приему «мозаического склеивания источников» (хотя и не отрицал возможности применения этого «метода»): нельзя работу исследователя «сводить» только к проверке отдельных утверждений, к исправлению «ошибок памяти» или «тенденциозного вранья». Главное в научном творчестве историка – это выделение «из объекта исследования исторического объекта», т.е. – «духа» эпохи (культурной среды и т.п.), ее «стиля», иначе говоря, – *эстетико-индивидуализирующий анализ* символики исторических фактов. «Современная историография, – замечает П.М. Бицилли, – никогда не отказывалась от своей задачи эстетического воссоздания прошедшего...»¹.

П.М. Бицилли противопоставляет два вида исторического понимания: первое основано на «исторической метафизике» (идее детерминизма, исключая случайность и свободу творчества) и выдвигает в качестве самой важной теоретической проблемы – проблему объяснения «долженствования», т.е. закономерной необходимости случившегося, используя «исторические понятия»; второе, «новое», основанное на «*критическом реализме*», стремится освободиться от «гипостазирования» исторических понятий, однако, применяя эти понятия (необходимые науке для определения всего «бесконечного разнообразия конкретной реальности»), выдвигает одновременно «идею личного творчества как единственного реального двигателя исторического процесса». Сторонник «нового исторического понимания», П.М. Бицилли видит его основы не в философских абстракциях, мировоззренческих платформах, а выводит его из анализа духовного мира реальных личностей, у которых мировоззрение неотделимо от мироощущения: «...было

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 154.

бы правильнее, – пишет он, – говорить не об историческом мышлении, но о переживании или восприятии исторического: мы имеем здесь дело скорее с не всегда отчетливо сознаваемыми тенденциями, нежели с теориями, являющимися плодом рефлексии»¹. Это «новое понимание» – «ведущую тенденцию» в современной ему историографии – П.М. Бицилли связывает с наследием «романтики и германской философии духа» начала XIX века, а также с именами В. Дильтея, Б. Кроче, К. Фосслера, У. Джеймса, А. Бергсона.

Утверждая тезис о специфике исторического познания, П.М. Бицилли признавал, что оба способа исторического познания – и научное (рационально-дискурсивное), и «историческая интуиция» – ограничены в своих возможностях. В области духа реально лишь то, что «переживается», поэтому интуиция дает до известной степени «дробное, неполное представление об историческом бытии», т.к. само это бытие дисгармонично, нецелостно, хаотично. Иррациональность истории порождает то, что мысль историка все время обречена перебегать от одного полюса к другому (от «личности» к «среде» и т.п.), поэтому рационализировать полностью исторический процесс также невозможно.

Историк должен осознавать границы своей науки и «мириться» с «неполнотой» воссоздания прошлого: он не должен впадать в фактографизм, с одной стороны, а с другой – не должен переходить границы науки в область художественного творчества – становиться «выше», а значит, «вне» истории, хотя именно там возможна вся полнота ее постижения (в этом смысле П.М. Бицилли ставит «роман» выше «монографии»).

Иррациональность реальности «оправдывает» «научную историю» с «грубостью» ее языка, оперирующего понятиями, адекватно не соответствующими исторической действительности в ее постоянной «текучести», поэтому гносеологический анализ понятий должен устанавливать их «научную ценность» и одновременно очерчивать «границы их применения».

«Неадекватность» научного «образа мира» его «подлинному лику», настаивает П.М. Бицилли, не умаляет роли научной историографии.

Для П.М. Бицилли каждый человек, в том числе исследователь, с эстетико-индивидуализирующей точки зрения представляет собой

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 30.

«совершенно исключительное явление». В эту «исключительность» входит и его индивидуальный «стиль», поэтому каждый творческий акт также «единый» и «абсолютно неповторимый». Непосредственно воспринимаемый исследователем мир «исторического» бытия – «хаотичен и бессвязен»; для преодоления этой «хаотичности» ученому непосредственно дано только одно – отношения «людей и вещей» между собой в пространстве и времени.

Одним из первых П.М. Бицилли поставил методологическую задачу установление «шкалы категорий» культурных явлений, наиболее «прозрачно» отражающих «дух эпохи», и пришел к выводу о перспективности «филологического метода», нацеленного на анализ языка – «самого гибкого из орудий, служащих духу». П.М. Бицилли признавал гениальность Дж. Вико именно за то, что тот первым определил историю как науку о духе и подчеркнул значение языка как «исторического источника».

Артур М. Шлезингер-младший (1960-е годы)

Arthur M. Schlesinger-jr. (1917—2007), крупнейший американский историк, входивший в ближний круг президента Д. Кеннеди, в своем программном докладе, прочитанном 23 апреля 1963 г. в Колумбийском университете, представил, в сущности, стратегию развития исторической науки на переломе эпох. Его исходная мотивация – обеспокоенность современным ему кризисным состоянием исторической науки, важнейшим показателем которого стала утрата историей своего престижа и влияния в интеллектуальном сообществе.

Развитие истории в качестве знания рассматривается А.М. Шлезингером как длительный путь, с приобретениями и потерями: от «иронической истории», своеобразной «маргинальной формы литературного выражения» в XVIII веке, в следующем столетии она становится «центральной» формой, в которой «люди пытались воплотить свой опыт»¹. Именно XIX век создал «романтическую историю» с ее восприятием исторического процесса как живого, органического, с ее «видением» прошлого как драмы, которую надо «воссоздать». «Риторическое оформление», изобразительный

¹ Шлезингер-мл. А.М. Историк как художник // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С. 135

и театральный эффект от изображаемых событий, «яростная пристрастность» способствовали тому, что «видение господствовало над фактами», но при этом исторические сюжеты не фальсифицировались. «*Видение истории*», акцентирует А.М. Шлезингер, определяло организацию и интерпретацию исторического материала.

На смену этому поколению «классиков» (Т.Б. Маколей, Т. Карлейль, Ф. Паркмэн, У.Х. Прескотт и др.), историков-непрофессионалов, пришло новое поколение – университетской профессуры. Профессионализация исторического знания, распространение культа позитивизма в науке «породило новую впечатляющую модель истории» – «техническую» (technical history – термин Герберта Баттерфилда), или «*фактологическую историю*». Ее центральная задача – переход от повествования к анализу, от стремления показать, *как* происходило, к задаче ответить на вопрос – *почему*.

«Ироническая отстраненность» интеллектуалов XVIII в., затем «яростная пристрастность» романтиков сменилась позицией «нейтрального наблюдателя»: «скрупулезный и спокойный анализ фактов», тезис: «история – не отрасль литературы», с последующим отказом от эмоционального изображения, пробуждающего воображение читателя, стали нормативами профессионального историописания.

«Трудно переоценить вклад» фактологической истории с ее аналитическим подходом, расширением диапазона исследований, специализацией, с перенесением акцента «с описания на объяснение», на выявление причинно-следственных связей, с созданием академической традиции «использования приемов формальной критики источника», заключает А.М. Шлезингер.

Однако за этот рывок вперед была заплачена своя цена. По сути было утрачено «искусство создания исторических сочинений»:

- «упадок нарратива» привел к утрате умения поникнуть в «дух времени», что было свойственно романтической истории;
- «с усилением специализации и ростом профессионализма история стала сухой и безжизненной»;
- в результате историческая наука практически потеряла свое влияние на интеллектуальную общественность.

Автономизация истории – ее отделение «как от искусства, так и от опыта» – способствовала попытке замещения ее «*профетической историей*» (сеющей, по убеждению А.М. Шлезингера, «зло,

неразбериху и фанатизм»), появлению историков-пророков Маркса, Шпенглера, Тойнби, Троцкого и др.), которые использовали возможности искусства для эсхатологических построений¹.

Этот факт особенно тревожил А.М. Шлезингера: 1960-е гг. характеризовались новым мощным всплеском интереса к марксизму [во многих странах Европы и Америки – к его троцкистской модификации. – Т.П.]. Бесспорный талант историков-пророков использовать «воображение» и «интригу», создавать картину доступного и яркого видения прошлого способствовал привлекательности этого вида истории для разных слоев общества.

Будущее профессиональной истории, по мнению А.М. Шлезингера, это – превращение ее в «рациональную историю» (наименование было заимствовано у голландского историка П. Гейла), в которой должны органично соединиться искусство историописания (литературное творчество) с нормативами профессионального исторического исследования. Подчиняясь собственным правилам и преследуя собственные цели, история неразрывно связана с «миром письменной словесности» и представляет собой «младшую ветвь» литературного искусства.

Любое «...историческое сочинение, существующее в письменном виде, – убежден А.М. Шлезингер, – есть приложение эстетического видения к хаосу фактов; при этом от качества видения зависят как весомость, та и живость данного труда»². В связи с этим все исторические тексты – это прежде всего «произведения искусства», в которых прежние поколения воплотили свои «версии прошлого».

Подчеркивая специфику работы историка, связанную с источником («свидетельствами»), А.М. Шлезингер обращает внимание на то, что понятие «свидетельства» уже включает в себя «критерий относительности». Поэтому действие, совершаемое историком, – это всегда «выбор» [для А.М. Шлезингера – синоним слова «интерпретация». – Т.П.]; а «интерпретация означает ощущение», играющее существенную роль в определении значимости вещей. В этих действиях историк-ученый ничем не отличается от романи-

¹ Шлезингер-мл. А.М. Историк как художник // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С. 140-141.

² Шлезингер-мл. А.М. Историк как художник // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С. 134.

ста или поэта: он также «продвигается вперед сквозь хаос», отбирая необходимые ему факты.

Таким образом, выход из кризиса исторической науки, обретение ею престижного социального статуса, А.М. Шлезингер связывает с созданием новой – «рациональной истории», которая должна опереться на «сильные стороны романтического видения», с одной стороны, и достижения фактологической истории – с другой: соединить нарратив и анализ для обеспечения «эмоциям и духу времени» законного места «в историческом повествовании». При этом «формальный и аналитический материал» должен соответствовать уровню современного исторического знания, а внимание историка необходимо сфокусировать на проблемах «структуры текста»¹.

Франклин Рудольф Анкерсмит (2000-е годы)

На исходе XX столетия П. Бурдьё категорически заявил, что «...”постмодернистский” бред является последним аргументом, способным подорвать доверие к науке, и особенно, социальной»².

Ф.Р. Анкерсмит, профессор Гронингенского университета (Голландия), напротив, убежден в том, что новый вариант истории историописания, предложенный лингвистической философией истории (в частности «плодотворная работа Хейдена Уайта в области тропологии исторического текста»), представляет собой по образному выражению Фукидида – «достояние навеки». Однако за этот эпистемологический прорыв была заплачена большая цена – в итоге появилась история, для которой нет ничего вне текста.

Модернистскому мышлению было свойственно стремление к постижению реальности – в этом заключался смысл исторического познания. Постмодернистская практика привела к неутешительному выводу – профессиональная историография (история как наука) есть коллекционирование тропов, сюжетов, повествований без надежды узнать, о чем (или о ком?) они повествуют. Но «реальность как *таковая*», убежден Ф.Р. Анкерсмит, всегда опережает и превосходит мир, данный нам в языке и через язык. Тем не ме-

¹ Шлезингер-мл. А.М. Историк как художник // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С. 141.

² Бурдьё П. Наука о науке и рефлексивность // «Социологическое пространство Пьера Бурдьё». URL: <http://bourdieu.name/content/nauka-o-nauke-i-refleksivnost>

нее следствием «лингвистического поворота» была постановка новых вопросов: способен ли историк совершить побег из «тюрьмы языка» (метафора Ф. Ницше), вступить в реальные, подлинные и «опытные» («experiential») отношения с прошлым – «в отношения, которые не замутнены историографической традицией, дисциплинарными допущениями или лингвистическими структурами...»¹.

До сих пор не «прошлое», а «теория» была тем зеркалом, в котором историки узнавали себя и друг друга. В современной историографической ситуации быстрое «умножение теорий» привело к тому, что каждый ученый стал располагать собственной эпистемологической моделью понимания прошлого, а это означает, по мнению Ф.Р. Анкерсмита, «конец эры "теории"». Перспективу развития науки он видит в отказе от «теоретического универсализма» и в выдвигании на первый план «личного опыта прошлого»².

Ф.Р. Анкерсмит, один из классиков постмодернизма, внесший свою лепту в «лингвистический вызов», именно под влиянием «ответа» на этот «вызов» (передний край европейской и американской науки 70-90-х гг. XX в.) делает новый решительный «поворот»: он переключает фокус исследовательского поиска от «языка» к «опыту», считая (вторя Б. Спинозе), что это «переключение внимания» отражает «широкие изменения в современной культуре, которые можно было описать как движение от всеобъемлющих систем значения к значению, ограниченному конкретными ситуациями и событиями»³.

«Опыт» - новая, ключевая, категория философа; с ее помощью можно «взорвать матрицу, в которую теория поместила значение»⁴. «Теория», по Ф.Р. Анкерсмицу, это – метафора⁵, олицетворяющая

¹ См.: Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А.А., Борисовой И.В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 23.

² Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А.А., Борисовой И.В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 430.

³ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А.А., Борисовой И.В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 19; Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке / Пер. с лат. Н.А. Иваноцова // Спиноза Б. Избранные сочинения. Минск, 1999. С. 399.

⁴ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. / Пер. Олейникова А.А., Борисовой И.В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 20.

⁵ Наиболее фундаментальные работы по теме «Метафора» в современной историографии принадлежат польскому историку и методологу, заведующему кафедрой методологии истории и истории историографии Института истории Познанского университета имени Адама Мицкевича Войцеху Вжосеку. См., например: Вжосек В. Об историческом

в широком смысле дисциплинарные предписания и ограничения, в том числе – в области языка, т.е. категориального аппарата – системы значений [«теория» в данной интерпретации напоминает «дисциплинарную матрицу» Т. Куна. – Т.П.], в узком – конкретно «лингводетерминизм».

В борьбе между «теорией» и «опытом» решающую роль Ф.Р. Анкерсмит отводит «субъекту»: современный «постструктуралистский мир», в котором «язык говорит человеком», а «субъект» – «Автор» – лишь «атрибут языка», должен уступить место новому миру, в котором произойдет взаимообразное «повторное открытие» – «опыта» и «субъекта»¹.

Ф.Р. Анкерсмит замечает, что в историографической практике (начиная с 1970-х гг.) уже было предпринято обращение к «опыту» и его истории: такие «разновидности историописания», как – история ментальности, история повседневности и в значительной мере – культурная история, а также новейшие тенденции современного историописания – история памяти, проблема Холокоста и его репрезентаций и т.п. отразили перенос исследовательских акцентов на вопросы *восприятия* [курсив мой. – Т.П.] людьми прошлого своего мира и проблему отличия их опыта от опыта современников.

В последней по времени философской литературе, по его мнению, также произошла переориентация акцентов – с философии языка на философию сознания. Стремление проникнуть сквозь вуаль языковых форм в мир как *таковой* приводит Ф.Р. Анкерсмита к выводу о том, что, учитывая взаимосвязь трех базовых понятий – опыта, сознания и языка (по схеме: опыт знакомит с миром; сознание предлагает репрезентации мира, с которым мы знакомимся благодаря опыту; эти репрезентации выражаются с помощью языка), – следует констатировать: «сознание и его репрезентации мира не могут существовать без опыта», и именно опыт побуждает ставить вопросы о природе и истоках исторического сознания².

Проблему «опыта» Ф.Р. Анкерсмит рассматривает в широком

мышлении. (Wrzosek, W. O myśleniu historycznym. Bydgoszcz: Epigram, 2009. 144 s.; *Он же*. Історія - Культура - Метафора. Постановня некласичної історіографії. Про історичне мислення. Київ: Ніка-Центр, 2011. 296 с. (Серія «Ідеї та Історії»; Вип. 7).

¹ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А.А., Борисовой И.В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 20-21.

² Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А.А., Борисовой И.В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 26, 37-38.

контексте: его интересуют вопросы соотношения историописания («творец» со своим сознанием /мышлением/ и его «творения» /труды/) и прошлого; он хочет реабилитировать смысл историописания, вернуть значимость его субъекту – историку, увидеть вместо метафоры «Автор» – живую, чувствующую личность исследователя. Поскольку познание включает три главных составляющих – субъекта, его восприятие мира, объекты мира, которые даны субъекту в опыте и посредством опыта, постольку траекторию между субъектом и объектом Ф.Р. Анкерсмит отождествляет с историческим опытом: траектория между историком и прошлым «есть место, где рождается историческое сознание и историописание <...> это территория исторического опыта»¹.

Сравнивая науку и искусство (которому современная наука, замечает философ, уступила «значительную часть своих владений»), Ф.Р. Анкерсмит именно в произведениях искусства видит «выраженное художником аутентичное восприятие (experience) мира», именно искусство он в первую очередь роднит с «опытом».

Однако, стремясь «реанимировать» понятие «опыта» для расширения познавательных возможностей научной деятельности, Ф.Р. Анкерсмит обращает внимание на то, что наш разум, обитая «в мире возможных предметов интеллектуального опыта», может не хуже, нежели органы чувств, «работать как вместилище опыта»². Поскольку процесс познания включает в себя «переживание прошлого», которое происходит аналогично тому, как «переживаются» произведения искусства, постольку в процессе познания прошлого следует «реабилитировать» романтический мир «чувств и настроений», определяющих наше отношение к прошлому (ибо, если вспомнить Ж.-Ж. Руссо, «чувствовать – значит думать»).

«Интеллектуальную бюрократию» теории, считает Ф.Р. Анкерсмит, должен сменить «романтизм» такого подхода к прошлому, «который полностью захватывает личность историка, а не только (и даже не в первую очередь) формальную сторону его или ее познавательных способностей»³. При этом он против альтернативности,

¹ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А.А., Борисовой И.В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 361-362.

² Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А.А., Борисовой И.В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 27.

³ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А.А., Борисовой И. В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 427, 31-32.

противопоставления «исторического опыта» и «научного историописания»: прийти к романтизму можно только через «рационализм» и «теорию», а само понятие исторического опыта «имеет смысл лишь при наличии профессионального историописания»¹.

Для Ф.Р. Анкерсмита наиболее яркими фигурами, представляющими новое понимание истории выступают Я. Буркхардт и Й. Хейзинга. Оба историка не стремились отказаться от классического дисциплинарного историописания, сложившегося в XIX в., но пытались обратить внимание на то, что при написании истории ученый должен «использовать всю свою личность».

История делается не только документами, «но *еще* [курсив Ф.Р. Анкерсмита. – Т.П.] и историками»: отношение исследователя к собственному времени, его внутренние чувства и переживания, решающие факты его биографии и т.п. – все это должно оцениваться как «важнейшее снаряжение историка, пытающегося проникнуть в тайны прошлого». Историк неизбежно ощущает себя частью того, что описывает, но, решая различные исторические проблемы, он неизбежно вкладывает в это решение (повествование, нарратизацию) собственное переживание прошлого, свой исторический опыт, который выражает «слияние объективного и субъективного опыта прошлого».

Ф.Р. Анкерсмит убежден в том, что любое повествование представляет собой историю самого историка, историю его жизни, поэтому «личные переживания» необходимы для того, чтобы он был «открыт опыту прошлого»².

Поворот от «языка» к «опыту» совсем не означает для Ф.Р. Анкерсмита изъятие «языка» из сферы познавательного интереса. Напротив, поскольку у опыта нет «собственного голоса» и он зависит от языка – «системы социализированных значений», постольку теоретик истории должен выяснить, «что представляет собой опыт прошлого, скрывающийся под языком, которым пользуется историк?». Если «повествование представляет язык, а опыт – реальность», то для повествования о прошлом, «необходим *язык*, а опыт по своей сути есть опыт *реальности*» [курсив Ф.Р. Анкерсмита. – Т.П.]. Собственно Ф.Р. Анкерсмит выстраивает новую теорию – теорию

¹ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А.А., Боровой И. В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 245.

² Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А.А., Боровой И. В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 267-268, 369.

«соотношения языка и реальности в рамках историописания»¹.

Непрозрачность отношений между языком и реальностью означает «возвышенную неопределенность» в отношениях между ними: именно в этот момент «прошлое входит в наше сознание» и «создается в этой неопределенности», облекаясь позже в понятия (язык), поэтому историописание предстает как «бесконечный эксперимент в области связывания языка и мира».

Ф.Р. Анкерсмит сравнивает язык с краской для написания картины: «...как краска, которой пользуется художник, – язык используется для выражения или материализации (эстетического) опыта историка», следовательно, «*история историописания – это, по большому счету, глава из книги по истории эстетики*» [курсив мой. – Т.П.]. «"Красота" истории историописания» для него – решение эстетической проблемы: «как верно соотнести язык с реальностью, как облечь в слова тот способ, с помощью которого мы восприняли реальность...»².

Поэтому «неожиданное выдвижение эстетики» (превращение эстетической проблематики в приоритетную сферу современной философии и гуманитаристики в целом) для него не случайно – это все тот же поворот к «опыту»³, к новым граням эпистемологического многогранника.

Комментарии-post

Размышления П.М. Бицилли относятся к эпохе завершения дисциплинаризации исторической науки, оформления ее как автономной области знания и социального института – социокогнитивной системы. Процесс «размежевания» научных сфер для П.М. Бицилли – закономерен: каждому виду познавательной деятельности он придает статус самостоятельности и самодостаточности «в своих пределах». Отделение историописания-историографии от историописания-искусства для него – явление естественное, связанное с расширением многообразия форм «реалистического»

¹ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А.А., Борисовой И.В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 26, 36; 248-249.

² Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А.А., Борисовой И.В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 202-204.

³ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. Олейникова А.А., Борисовой И.В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С.26-27.

воспроизведения прошлого, в границах которых устанавливаются собственные «правила» в поиске реалистической картины мира.

Признавая приоритет искусства в постижении исторической реальности и неизбежную ограниченность научного познания, он, тем не менее, принимает «законность» «научной» истории, оправдывает «грубость» ее «языка» иррациональностью самой реальной истории («хаос», «текучесть», «пестрота» данности).

Стратегия поиска П.М. Бицилли нацелена на анализ специфики «исторического понимания» (сознания, мышления) и в связи с этим – на расширение исследовательских подходов историка-ученого как специалиста в *своей* научной области [курсив мой. – Т.П.]. Приняв концепт «критического реализма» как «нового исторического понимания» в русле новейших для его времени тенденций гуманитаристики, не забывая, одновременно «классиков» – Г.В. Лейбница, Дж. Вико, Г.В.Ф. Гегеля, акцентуализируя «романтизм», – он ищет новые возможности познания той, безусловной для него, исторической реальности, которая предстает перед ним в образе «Хаоса».

«Упорядочение» этого хаоса с помощью рационально-дискурсивных методов познания и его «восприятие» на основе интуиции, эстетико-индивидуализирующего анализа – в этом методологическая устремленность ученого.

«Эстетическое воссоздание прошлого» для П.М. Бицилли – важнейшая задача историографии, которую должен решать историк в результате «личного творчества», тем более что с позиций эстетико-индивидуализирующего подхода (непременного для истории как идиографической науки) историк сам представляет собой «исключительное явление» со своим «индивидуальным стилем», поэтому и его «творческий акт» – неповторимый результат «истинной природы исторических individual».

Для ученого бесспорным является факт «несовершенства» выразительных средств научной истории, условности понятий, которыми она оперирует. Выход из этой данности он видит в постоянном гносеологическом анализе понятий, в пересмотре их «научной ценности», в понимании «границ» их использования. Признание значимости языка как культурного явления, наиболее «прозрачно» отражающего историческую реальность, и в то же время осознание относительности этой «прозрачности» во многом детерминировали обращение ученого к филологической и лингвистической

проблематике. Внесенный им в эту сферу науки вклад позволяет бициллиеведам констатировать приоритет Петра Михайловича во многих вопросах социолингвистики, разработки стилистического анализа текста и проч.

А.М. Шлезингер выстраивает свою стратегическую линию развития исторической науки в эпоху, когда историография в качестве самостоятельной дисциплины прошла уже более чем полувекковой путь, проявив на этом пути бесспорные профессиональные достоинства и выявив «потери», среди которых в первую очередь – утрата «видения» истории, способности пробуждать у читателя не только разум, но и чувства; «келейность» субдисциплинарных сообществ, говорящих на собственном языке.

Но А.М. Шлезингер не считает необходимостью крушение дисциплинарных границ: история остается для него автономной профессией, которая подчиняется собственным правилам и преследует собственные цели, хотя ее связь с «миром письменной словесности» – бесспорна. «Оздоровление» профессиональной исторической науки А.М. Шлезингер, так же как и П.М. Бицилли, усматривает в расширении приемов историописания, в изучении средств передачи результатов научного анализа в тексте.

В то же время, в отличие от своего предшественника, четко разделявшего «монографию» и «роман», А.М. Шлезингер квалифицирует историописание как «младшую ветвь» литературного творчества. Для него создание новой – «рациональной истории» связано с включением «эмоций» в историографические тексты, представляющие собой произведения искусства, автор которых обязан органично соединить в себе историка и художника. Придавая особую значимость языку исторического текста, А.М. Шлезингер четко обозначает проблему изучения «структуры текста» как новый фокус научной рефлексии.

В «эпоху» Ф.Р. Анкерсмита Храм Науки исчерпал устремленность к «размежеванию»¹, и в неразрывном единстве центробежных и центростремительных сил все более стала заявлять о своей привлекательности вторая составляющая: дисциплинарно очерченные границы, как и виды познавательной деятельности, стано-

¹ Весьма спорный тезис многих современных авторов, т.к. процесс дифференциации / интеграции все время рождает новые исследовательские поля, стремящиеся обрести дисциплинарный статус. См. об этом подробнее: *Попова Т.Н.* «Дисциплинарный образ науки...» (2019). С. 90-153.

вились все более зыбкими и подвижными, уступая место, с одной стороны, единому рефлексивному пространству, с другой – неограниченной территории интеллектуально-рационального дискурса и эмоционально-эстетического восприятия.

Ф.Р. Анкерсмит в отличие от своих предшественников – «объективистов», признающих реальность исторической действительности, занимает двойственную позицию: он против крайностей «лингводетерминизма», приведшего историописание к очередному витку агностицизма, но для него уже не существует реальность как *таковая* (хотя он употребляет это понятие и готов признать наличие реальности а priori). Пользуясь метафорой Р. Барта, он предпочитает говорить об «эффекте реальности», ее «конвенциональности», о «подражании» (обыгрывание тойнбианского «мимезиса») реальному как в искусстве, так и в историографии.

Кризис историописания («тупик») он связывает с «дисциплинарными предписаниями», с «закреплением субъекта», наконец с засильем «теории». «Закрепление субъекта» происходит в результате «строгой регламентации исторического субъекта, его языка, используемых им теорий, академических институтов, в которых он работает, и т.д.»¹. По сути – это «образ» дисциплины.

Выступая против «теории», Ф.Р. Анкерсмит понимает под ней, прежде всего «лингводетерминизм» (шире – нарратологию): «на протяжении более тридцати лет теория оставалась наиболее эффективным средством закрепления субъекта». Он даже упрекает наиболее «честолюбивых из современных историков», которые «в надежде сказать что-нибудь новое стали приверженцами теории». Это напоминает бунт против вчерашних единомышленников. Но острие критики философа направлено на те «крайности» постмодернизма, которые изъяли из сферы своих интересов, по мнению Ф.Р. Анкерсмита, более широкую – насущную для историографии – проблему взаимосвязи «исторической реальности» и «текста, написанного историком».

Филигранно выполнив задачу, по сути, сформулированную А.М. Шлезингером, постструктуралисты «препарировали» текст и гипертрофировали его самодостаточность. Но этот «прорыв» (в большей мере – «шаг конем»), предложив блистательные мето-

¹ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. / Пер. Олейникова А.А., Боровой И.В., Ляминой Е.Э. М.: Европа, 2007. С. 429.

дики познания исторического текста, не приблизил ученых к решению главной проблемы – какова реальность, скрытая за «текстом», и как ее можно выразить. «Навязав» «лингводетерминизм» в качестве оптимальной исторической теории, постмодернисты, выступая против «дисциплинаризации» (а по сути – против предшествующих модернистских теорий), сами оказались приверженцами «жесткого» «прикрепления» познающего субъекта.

Заслуга Ф.Р. Анкерсмита в том, что он одним из первых, преодолев «синдром корпоративности» («закрепление» членов научного сообщества), указал на явное противоречие в логике своих единомышленников-оппонентов.

Однако, что предпринимает сам Ф.Р. Анкерсмит? – вместо «старой», он предлагает «новую теорию»: «соотношения языка и реальности в рамках историописания». Выступая против закрепления субъекта теориями, Ф.Р. Анкерсмит ориентирует на создание новой дисциплинарной практики исторического познания, в качестве основы которой он рассматривает своего рода симбиоз герменевтики Гадамера и аристотелизма. Философ не упраздняет профессиональную науку – само понятие исторического опыта для него «имеет смысл лишь при наличии профессионального историописания». Его стратегическая линия – в предоставлении полной свободы познающему субъекту, который, будучи «профессионалом», должен ориентироваться на выработку собственного эпистемологического кредо.

Ф.Р. Анкерсмит в еще большей степени проблематизирует эстетическую составляющую историописания: его метафоры – «картинность», «живописание» и т.п. – развивают идею «видения» истории в историческом тексте, актуализированную А.М. Шлезингером. Как и его предшественники, профессиональные историки, философ не просто обращает свой взгляд на эпоху романтизма, но ностальгирует по этой эпохе. «Опыт» Ф.Р. Анкерсмита напоминает «мироощущение» П.М. Бицилли: эти понятия «неуловимы», трудно поддаются определению и связаны с неким особым состоянием эмоционального напряжения интеллектуально-чувственного характера, которое присуще процессу индивидуального творчества.

Так же, как П.М. Бицилли, следуя за К. Фосслером, называет язык – «зеркалом», отражающим культуру, Ф.Р. Анкерсмит, заимствуя метафору Р. Рорти (к идеям которого он чувствует особую

интеллектуальную симпатию), сравнивает язык историка с зеркалом прошлого, считая, что именно от языка зависит, насколько точно зеркало отразит прошлую реальность¹. Его исследовательские ориентиры в конечном счете нацелены на поиск средств достижения адекватности «языка», которым историк должен выразить свое глубинное – на основе *возвышенного исторического опыта* – проникновение в прошлое самой «реальности».

Как здесь не вспомнить Ф.И. Тютчева?..

У П.М. Бицилли и Ф.Р. Анкерсмита еще одна² идея, пребывающая в одной плоскости интерпретации: идея соотношения «старого» и «нового» понимания у первого, «модерна» / «постмодерна», или «историзма» / «постмодернизма» у второго. П.М. Бицилли достаточно четко осознает, что выражения «старое» и «новое» историческое понимание – весьма относительны. Это – различные подходы к истории, и в то же время «неразрывно» связанные два «полюса исторического восприятия», две тенденции, в равной мере присущие «нашему сознанию», которые рождаются одновременно, в эпоху романтизма, и в течение последующего времени сосуществуют, находясь в «неустанной» борьбе.

К аналогичному выводу приходит Ф.Р. Анкерсмит, пожалуй, первым предпринявший попытку осмыслить проблему «модерн» / «постмодерн» в контексте истории историописания через призму оппозиции-дихотомии «историзм» / «постмодернизм». Анализ сходства и различий этих интеллектуальных систем привел его к выводу о том, что «постмодернизм есть радикализация историзма», поскольку в значительной степени (Ф.Р. Анкерсмит опять использует выражение Р. Рорти) «теории постмодернизма зависят и даже кормятся от их модернистских двойников»; следовательно, заключает философ, «модернист» и «постмодернист» могут существовать на одной «интеллектуальной территории».

¹ См.: *Бицилли П.М.* К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в новое время // *Годишник на Софийския университет: Историко-филологически факултет.* София. Т. 32. Година 1935/1936. Ч.4. С.3; *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. URL: <http://achronicle.narod.ru/ank2.html>

² Картина «пересекающихся» воззрений значительно шире, автор уверен в том, что Читатель-Коллега сам увидит бросающиеся в глаза параллели.

3. ИЗ БИЦИЛЛИЕВЫХ РАССУЖДЕНИЙ: *пастель*

*Индивидуальность большого ученого
нельзя понять вне условий его «момента».*

П.М. Бицилли¹

Это – наброски размышлений о подходах П.М. Бицилли к решению своей стержневой тематики, которая проходит во многих (практически – всех) его произведениях – исторических, литературоведческих, философских и проч., «больших» и «малых». В разных контекстах и вариациях он обыгрывает одни и те же – важнейшие для его мироощущения и мировосприятия – идеи. Попробую выделить несколько тем...

О Биографии

Периодически угасая и возрождаясь вновь, *история Личности* на каждом новом ренессансном витке приобретает и свои новые модуляции, не переставая, однако, сохранять главную стержневую черту – собственно интерес к *истории* конкретного человека.

Несмотря на длительную традицию жизнеописания, первой биографией в истории традиционно считают «Житие Франциска Ассизского, составленное в XIII веке францисканцем Бонавентурой, поскольку именно в этом био-творении впервые была предпринята попытка «воспроизвести динамическую историю индивидуального духа, прошедшего через последовательные стадии становления» – так пишет Э.Ю. Соловьев, ссылаясь при этом на работу П.М. Бицилли «Элементы средневековой культуры» (Одесса, 1919. С. 127-131)².

П.М. Бицилли не создавал специальных биографических, историко-биографических и теоретико-биографических работ, но во многих своих трудах – «большого формата» и т.н. «малой фор-

¹ *Бицилли П.М.* Культура и жизнь. Павел Гаврилович Виноградов как историк // Современные записки. 1926. Кн. 27. С. 530.

² *Соловьев Э.Ю.* Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. С. 19.

мы» – рассыпь глубочайших идей и соображений преимущественно методологического характера.

Главный принцип П.М. Бицилли в изучении и изображении Личности / Человека выражен в тезисе: «Человеческая личность – монада»; «индивидуальность» как «метафизическая величина» – «единственна, неповторима», но как «эмпирическая величина» она может быть отнесена к определенной категории: социальной, психологической, исторической и т.д.¹

Конец XIX – начало XX в. в наукознании преобладала кумулятивистская модель развития науки, ориентирующая на «эволюционный подход» к истории науки. Эта модель способствовала, по мнению П.М. Бицилли, утверждению прогрессистской схемы развития науки с последовательно стадийными «достижениями». Этот подход полностью соответствует целям, которые современная история науки себе ставит, соглашается П.М. Бицилли: ученые, исследующие науку по сути изучают «философемы», рассуждают о методе, о том, что каждый последующий ученый «взял» от своих предшественников, в какой мере он находился под их «влиянием», насколько его система послужила «выходом из противоречий, скрытых в предшествующей» системе и проч.; отдельные идеи рассматриваются только с точки зрения их принадлежности к той или иной научной системе.

П.М. Бицилли очень точно определил сущность научной традиции, которая утверждалась в современный ему период историографии науки и которая в значительной мере повлияла на формирование «истории идей»: исследование внутренней логики науки, ее «объективно-мыслительных образований», – идей, теорий, принципов, методов, концепций, проблем и др. В ее основе – введение всеобщего гомогенного опыта, который проявляется в «трансперсональном мировидении»², а знание с его «сегментами» выступает как «деперсонифицированное образование» – «надвременные монограммы мыслителей» (Э.Ю. Соловьев). При таком подходе акцент делался на осмысление логико-теоретических норм взаимосвязи этих «объективно-мыслительных, когнитивных структур» («сегментов» знания) при элиминации общего культурного фона и

¹ См.: *Бицилли П.* Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 341; *Он же.* Образ совершенства // Там же. С. 375.

² См.: *Барз М.А.* Эпохи и идеи. М.: «Мысль», 1987. С. 14.

личностных особенностей «творца». П.М. Бицилли не удовлетворял и метод, которым пользовался при изучении истории философии В. Виндельбанд: трактовка отдельных областей научной мысли, как «сторон» общего «умственного движения».

Подобный подход к изучению Личности, считал П.М. Бицилли, неприемлем для историка культуры, поскольку за открытиями – новыми идеями и т.п. – исчезают «лики их творцов»¹.

Можно выделить несколько позиций, сформулированных П.М. Бицилли, которые, согласно идеям ученого, суммируют условия постижения Личности.

Во-первых: главной целью исследования должно быть выяснение того, «как менялась на протяжении веков концепция Человека, как она постепенно обогащалась и усложнялась», как эволюционировали «те категории, под какие подводилась каждая человеческая личность». «Смена концепций человека служит главным показателем смены культурных периодов», поэтому «в изучении этих изменений состоит вся история культуры»².

Во-вторых: историк культуры, считал П.М. Бицилли, не вправе разделять «сознательную сферу духа» и «бессознательную», отделять «мировоззрение» от «мироощущения»: для него и философ, и естествоиспытатель, и историк – это прежде всего *личности*, которые творчески раскрывают себя в области «своей науки» [курсив мой. – Т.П.].

В-третьих: ученых нельзя рассматривать как «очередных исполнителей» тех заданий, которые выдвигаются «общим ходом научной мысли». *Научная деятельность* творческой личности является для историка культуры «его биографией» [курсив мой. – Т.П.]. Конкретное же «учение», т.е. научная система, им созданная (то, что в первую очередь интересует историков науки), это не просто систематизированный комплекс идей как «нечто неизбежное и вполне естественное». Это – то «невыразимое», чем является «психея» его создателя, это – «он сам»³.

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 243-244.

² Бицилли П. Жизнь и литература // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 476.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С. 244.

В-четвертых: для П.М. Бицилли «...творчество есть единый процесс», но «в каждом продукте его заложены... все его элементы, и только путем сопоставления *всех* этих продуктов... наиболее показательных для каждой стадии творческого пути данного художника – возможно усмотреть как следует структуру каждого из них в отдельности. Строгое соблюдение этого методологического правила... необходимо...»¹. Суть этой мысли в том, что анализ и оценка *всего* наследия творческой личности (писателя, историка и т.п.) предполагает учет специфики отдельных этапов творческой деятельности в их конкретно-исторической и ситуационной обусловленности при сопоставлении с итоговим результатом всего творчества.

В-пятых: на примере анализа пушкинской лирики последней поры его творчества, П.М. Бицилли обращает внимание на то, что современниками поэта (и даже ближайшими друзьями – Вяземским) это время оценивалось как «закат», «упадок»: бывшие почитатели были разочарованы. Но для последующих поколений (П.М. Бицилли имел в виду свое время) именно в эти годы «Пушкин достиг апогея своего творчества»². Репутация «прижизненная» – оценка современников и т.н. «историографическая репутация» – оценка *во времени*, при этом с учетом разных эпох – вещи далеко не всегда совместимые. Поэтому анализ наследия – важнейшая составляющая биографического корпуса – требует ситуационного и конкретно-исторического подходов, не говоря уже о мировоззренческих и профессиональных позициях «критика» / биографа.

В-шестых: П.М. Бицилли считает, что «“объективная критика” – внутренне противоречивое понятие, вернее – пустое слово», т.к. «в конце концов всякая критика сводится к анализу собственного нашего *восприятия* данного автора»: говорить о писателе, значит, «говорить о себе, о своем *впечатлении* от писателя»³. Эта мысль относится не только к собственно *критике*, т.е. к оценке автора и его произведения, но шире – к сотворению образа творче-

¹ Бицилли П. Пушкин и проблема чистой поэзии // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 81.

² Бицилли П. Пушкин и проблема чистой поэзии // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 81-82.

³ Бицилли П. Чехов // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 416.

ской личности – его биографического портрета; одновременно – это проблема писателя / автора и читателя / критика.

В-седьмых: Для П.М. Бицилли изучение отдельной, конкретной Личности – не самоцель. В одном из своих трудов – «Св. Франциск Ассизский и проблема Ренессанса» (1927) – он усматривает задачу ученого / биографа в том, чтобы «движение» исследовательской мысли осуществлялось по траектории: «от “отдельной личности” и ее творчества к пониманию эпохи». Эта же мысль звучит в его первой большой работе – «Салимбене»: изучение отдельной личности имеет целью характеристику «ее эпохи»¹.

Ремарка-позиция. Из Л.П. Репиной: Среди «трендов» последнего времени – «глобальная микроистория». Это понятие возникло в контексте теоретических поисков в области «новой глобальной истории» – в попытках именно в истории индивидов отыскать «путеводную нить между микро- и макромиром в их историческом измерении, “очеловечить” глобальную историю». *Микроисторический подход*, по сути – *биографическая история*, «история, показанная через личность», которая предполагает акцент на частное индивидуальное, уникальное в конкретных человеческих судьбах и одновременно – «на выявление полного спектра и пределов тех возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного культурно-исторического контекста»². Процедура реконструкции личной жизни выступает в качестве цели исследования и одновременно – в качестве одной из предпосылок познания исторического социума: «личностная история» превращается в «историю через личность», при этом речь не идет об экстраполяции биографических характеристик личности на микрогруппу или социум, но – о раскрытии всего разнообразия возможностей их взаимодействия³.

¹ См.: *Бицилли П.М.* Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 239.

² См. подробнее: *Репина Л.П.* Биография в контексте «глобальной микроистории» // «Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева)»: материалы Всерос. науч. конф. с межд. участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С.12-18. См. также: *Слава и забвение: парадоксы биографики: Сборник научных статей / отв. ред. Л.П. Репина.* СПб.: Алетейя, 2014 и др.

³ См.: *Репина Л.П.* Личность и общество, или история в биографиях (Вместо Предисловия) // *История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Ре-*

В-восьмых: «Судьба человека – ключ к тайне его характера»¹. Поскольку «конкретный человек действует в конкретном времени», его развитие происходит в определенной, конкретной обстановке, и на протяжении жизни происходит взаимодействие, взаимопроникновение и взаимовлияние его с его окружением. Поэтому понять Человека можно лишь «проследив его жизненный путь от колыбели до гроба»².

Ремарка-цитата. Э.Ю. Соловьев: «Непосредственным объектом биографии является жизнь отдельного человека от момента рождения до момента смерти. Однако предметом, на который направлено основное исследовательское усилие биографа, каждый раз оказывается социальная и культурная ситуация. Только по отношению к последней описываемая жизнь приобретает значение истории, особой смысло-временной целостности, к которой применимы понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления»³.

В-девятых: «...судить о художнике следует по его удачам...»⁴: критика не должна сводиться к перечислению недостатков, ошибок, недоделок, недосмотров; ее предназначение – выявить новое, что внес автор, что составляет его индивидуальность и смысл его произведения.

Ремарка-мысль. Из Э.Ю. Соловьева: Становление мировоззренческой / творческой идеи нельзя сводить к ее «изобретению» или «изготовлению»: биограф обязан показать, что идея – «...не просто “выделана”, но еще и выстрадана своим субъективным носителем, в той или иной форме претерпевающим крушение иллюзий, разочарование, раскаяние и другие страдательно-творческие акты <...> первооткрыватель

пиной. М.: Круть, 2005. С. 12-14, 16.

¹ Бицилли П. Бор. Зайцев. Жизнь Тургенева. Париж, 1932. // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 434.

² Бицилли П. Жизнь и литература // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 478.

³ Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. С. 46.

⁴ Бицилли П. Давид Кнут. Насущная любовь. Париж, 1938 // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 458.

идеи сразу оказывается ее популяризатором, полемическим защитником и первоиспытателем...»¹.

В-десятых: «...на всех современниках лежит общий отпечаток; не будь этого, невозможна была бы история литературы и ее периодизация...»². Специфика эпохи и специфика живущих в этой эпохе – взаимосвязаны, поэтому периодизация нацелена на выявления «духа» конкретного периода, и через характеристику отдельной личности и совокупной эпохальной личности определяются особенности конкретной эпохи / периода / стадии, а сравнение периодов отражает процесс развития.

В-одиннадцатых: «Автобиография предшествовала новой историографии» – этот вывод П.М. Бицилли сделал, исходя из анализа современной ему историографии. «История коллективов» в отличие от «истории индивидуумов» не может достигнуть такой же степени «законченности», поскольку коллективный индивидуум – это не реальная величина; только в реальном индивидууме «принципом его единства является абсолютная непрерывность сознания», поэтому в «высших образцах автобиографии» (Ж.Ж. Руссо, Й.В. Гете) задача «единого синтеза», который совмещал бы в себе «и генетическую, и эстетико-индивидуализирующую точки зрения, была разрешена»³.

В-двенадцатых: П.М. Бицилли против того, чтобы рассматривать «приоритет истории больших коллективов над историей коллективов малых или *единиц*» [курсив мой. – Т.Н.]. Кроме того, «Личность» и «Общество» для него понятия «соотносительные». Именно в сочетании «тысяч и тысяч» «индивидуальных волений, совпадающих и сталкивающихся, согласующихся и противоборствующих, слагается живая, вечно меняющаяся, вечно обновляющаяся ткань истории». Каждый из «атомов исторического целого» ограничен: «изнутри, как индивидуальность» и внешне – «извне», среди последних – фактор психологический и темпоральный⁴.

¹ Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. С. 46.

² Бицилли П. Несколько замечаний о современной зарубежной литературе // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 461.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 220.

⁴ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Ка-

В-тринадцатых: П.М. Бицилли считал, что «Бэкон дал замечательную формулировку задачи биографа»: понимая «историю как науку об отдельных людях, определяемых координатами места и времени», он ставил биографию «выше истории народов и государств»¹.

В-четырнадцатых: На «исходе Ренессанса и в начале нового времени» автобиографы поставили новую задачу: «самоисследование... своей природы... постижение своей конкретной, неповторяемой индивидуальности»².

Этим мыслям³, сформулированным уже зрелым П.М. Бицилли эмигрантской поры его жизни, предшествовала его «биоисториографическая практика»: еще в своем диссертационном сочинении об итальянском хронисте Салимбене, представителе далеко не «первого плана» итальянской историографии, П.М. Бицилли сумел воспроизвести «внутреннюю форму» жизни и текста своего «негероического героя», приблизившись к той высоте творчества, которая Ф. Шлейермахером и В. Дильтеем была обозначена как «триумф воспроизводящей конструкции». Эффект идей Бицилли, высказанных в эпоху модерна, удивительно созвучен современному биографическому повороту и воспринимается сегодня отнюдь не «догоняющим», но «обгоняющим» свое и наше время⁴.

И.В. Голубович (философ, Одесса), анализируя творчество П.М. Бицилли, «вычленяет» идеи, методологические подходы и исследовательские приемы, которые соотносятся с проблематикой и методологическим инструментарием современного этапа биографического поворота:

- внимание к двум модусам автобиографического опыта – герою автобиографии и автору автобиографии: анализ трансформа-

гановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 366, 298.

¹ *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С.149.

² *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С.150.

³ Предложенные позиции отнюдь не исчерпывают всех биографоведческих наблюдений и размышлений ученого.

⁴ См.: *Бицилли П.* Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века). Одесса, 1916. 369 с.; *Голубович И.В.* П.М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.-сост. Ю.П. Зарецкий, В.П. Лихачев, А.Ю. Зарецкая; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд-во «ВШЭ», 2013. С. 75-76.

ции «фигуры повествователя автобиографического нарратива» на протяжении жизни позволяет говорить о различных версиях автобиографической фиксации одних и тех же событий в связи с ситуативной сменой повествовательного начала;

- взаимодополнительное соотношение между двумя измерениями историко-культурной реальности: личностью и историческим процессом; реконструкция «мировоззрения и мироощущения» – то, что с подачи школы «Анналов» будет названо «метальностью» – для решения задачи «эпоха через личность»;
- герой – «средний», «типический», «ординарный», «дюжинный», при этом в отличие от Л.П. Карсавина, сторонника «квантитативного» похода к «среднему человеку», – «квалитативно» различимый, представляющий свой мир по-иному, создающий собственную неповторимую конфигурацию из «общего культурного фонда эпохи» даже в актах типизации;
- выход из «заколдованного круга» – при реконструкции общих черт духовной жизни европейского средневековья (целое) через реконструкцию культурного строя одного из ее представителей (часть) – П.М. Бицилли видит в аксиоме: не приписывать своим предварительным концепциям окончательного значения;
- специфика предмета исследования диктует способы его описания: в отличие от канонов классической науки – систематизации, генерализации и упорядочивания, стройности изложения и соразмерности частей текста, П.М. Бицилли избирает, исходя из специфики источника (как он объясняет сам), неравномерность разделов, отступления в тексте, пространственные примечания, дополнения к главной теме (пять экскурсов) и т.п., что нарушает линейность текста и становится образцом нелинейного письма [Т.П.].

P.S. Таким образом, современный *биографический поворот* – явление значительной длительности, стадияльно различимое спецификой биографического подхода, который в свою очередь меняет свою теоретическую и методологическую нагруженность, не прерывая, однако, с разнообразными традициями и вбирая в себя различные элементы междисциплинарного «общего рынка» (Ф. Бродель), и в этом длящемся процессе познания Личности П.М. Бицилли отнюдь не в прошлой, но в настоящей полифонической партитуре занимает свое почетное место.

О Музыкае

Музыка играла важную роль в творческой жизни П.М. Бицилли; свидетельство этому – многочисленные, рассыпанные по разным его работам, мысли о музыке, ее месте в плеяде искусств, о ее соотношении с литературой / поэзией и даже – с личностью и историей. «Если бы нам было дано лишь то знание, которое зиждется на дискурсивном мышлении, то это было бы прочным и достоверным залогом нашей обреченности... Но есть иное знание, несравненно более надежное... Оно дано нам в искусстве – и прежде всего в музыке»¹.

Музыка – «язык сердца», «искусство гармонии и контрапункта», «образ интеллектуальной сферы жизни духа» [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.]. П.М. Бицилли ищет *смысл* музыки у Моцарта («радость самопознания», «божественная легкость», «творческое самораскрытие личности», «полнота Добра» и т.п.); у Бетховена («моральный энтузиазм», «пафос долга», «радость страдания», «религия Свободы, Равенства и Братства» и т.п.) – «истина руссоистской доктрины о том, что “сама по себе” всякая страсть “добродетельна”, составляют смысл этой музыки, обладающей большей доказательной силой, нежели проза Фихте и Руссо или гекзаметры Шиллера...»²

Для П.М. Бицилли «...все искусства сродны между собою...»³. Поэзия – это не музыка, замечает он, но между музыкой и поэзией есть аналогия, т.к. «ритмика смыслового движения совпадает с ритмикой движения чисто музыкального и подчеркивает последнюю»⁴.

П.М. Бицилли особо выделяет категорию *ритм*. «Поскольку всякая жизнь подчиняется ритму и поскольку диалектика есть за-

¹ Бицилли П.М. Похвала музыке // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 500.

² Бицилли П.М. Похвала музыке // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 500-501.

³ Бицилли П. Образ совершенства // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 379.

⁴ Бицилли П. Пушкин и Вяземский. К вопросу об источниках пушкинского творчества // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 51.

кон жизни, ритм есть диалектика», – пишет он, ссылаясь на Андрея Белого. П.М. Бицилли согласен с поэтом и том, что ритм – ключ к пониманию «скрытого смысла поэтического произведения»¹. Чередование переживаний, «ускорения и замедления жизненного потока и его художественного отображения» – все эти *ритмочередования* подчинены «какому-то закону, создающему единство в многообразии» и представляют собой как основу жизни, так и основу всякого искусства: «без ритма нет искусства, как нет и жизни», любое произведение искусства – это система, в которой все элементы выполняют «ритмообразующую функцию», находясь между собой «в отношении взаимодействия»².

Утверждая родство музыки и поэзии / литературы, он сравнивает «Войну и мир» Л.Н. Толстого с бетховенскими симфониями, а «Балладу» Иннокентия Анненского – со второй сонатой Шопена³. Подчеркивая различия между классической музыкой, в которой «гармония определялась мелодией», и современной, в которой «сама мелодия определяется гармонией», он позволил себе сравнить (что не понял и не принял Г.В. Адамович) творчество В.В. Набокова (Сирина) с музыкой Дебюсси, Стравинского и Прокофьева⁴. Это – новая литература и новая музыка, отразившие и выразившие новую эпоху.

«Закону ритмичности подчинены не только истории отдельных государств, но и вся история человечества», – убежден П.М. Бицилли⁵. «Закон ритма» для него – закон «самой жизни»⁶. И че-

¹ Бицилли П. Андрей Белый. Ритм как диалектика. Москва, 1929 // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 436.

² Бицилли П. Пушкин и проблема чистой поэзии // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 95.

³ Бицилли П. Образ совершенства // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 379.

⁴ Бицилли П. Жизнь и литература // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 480.

⁵ Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. 113.

⁶ Бицилли П.М. Возрождение аллегории // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 447.

ловец для П.М. Бицилли мыслится как «музыкальный тон или как мелодия», «голос». Отношения между людьми он видит в аллегорическом романе, в «Божественной комедии», в «мистерии» Средневековья, в комедии и трагедии Ренессанса – все это соответствует отношениям «между отдельными голосами полифонического музыкального произведения той же поры»¹.

Но музыка для П.М. Бицилли все же выше литературы, т.к., по его мнению, любое литературное произведение «большой формы» никогда не будет «безусловно целостным и неделимым» в отличие от «совершеннейших музыкальных произведений той же формы»: «только в музыке возможно полное тождество “смысла” и его выражения, “внутренней” и “внешней” формы»².

Ремарка-предположение. Возможно и поэтому (причин, вероятно, было значительно больше) П.М. Бицилли предпочитал «малые формы» литературного творчества: для него эталон – рассказы А.П. Чехова, в которых цельность мысли и полнота ее выражения имели более заверченный характер.

Об Истории и Исторической науке

В лексиконе П.М. Бицилли несколько понятий-наименований для исторической науки: «история», «историография», «историческое ведение» (последняя формула в его текстах более соответствует историческому познанию); «история истории», или «история историографии» – термины, покрывающие рефлексивную составляющую собственно истории.

Статья «Кризис истории» (1935) – произведение историографическое и философское одновременно (как и практически все, выходящее из-под пера ученого), посвященное осмыслению развития научного исторического знания³.

П.М. Бицилли выделяет XIX век как век Истории, т.к. в это вре-

¹ *Бицилли П.* Жизнь и литература // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 477.

² *Бицилли П.* Пушкин и проблема чистой поэзии // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.81; *Он же.* Похвала музыке // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 501-502.

³ *Бицилли П.* Кризис истории // Современные записки. 1935. Кн. 58. С. 328-335.

мя историческое знание сложилось как особая область «ведения», заняв в Европе особое, «почетное место в ряду наук». «История – царица наук»¹, но изучение этой науки и ее истории, т.е. – «история истории» отстает от «истории романа», шире – литературы².

Ремарка-заметка. П.М. Бицилли совершенно справедливо отметил факт «отставания» институционализации историографии (*истории истории*) от историографии / истории литературы, курсы по которой были широко представлены в университетской практике с рубежа XIX-XX вв. Об этом ранее писал и А.Г. Брикнер.

П.М. Бицилли сравнивает историю (науку) с музыкой и романом (литературой). История – «наука времени», музыка – «искусство времени»; у истории и романа – «общие корни». И музыку, и роман, и историю объединяет одна проблема: «сцеплений» (по выражению, уточняет Петр Михайлович, – Л.Н. Толстого). В музыке – сцепление отдельных голосов, в романе – сцепление отдельных «индивидуальных жизней»; и там и там «сцепления происходят с какой-то необъяснимой, но бесспорной необходимостью». Но в жизни, т.е. в реальной истории – «не так»: П.М. Бицилли против идеи детерминизма («есть историки, которые силятся доказать, что и в жизни ничто не случайно»), для него «сцепления между собой, из которых слагается история, настолько случайны, что историк то и дело рискует упустить эти сцепления из виду». Поэтому он видит главной обязанностью историка – «строжайший, внимательнейший расчет времени, учет совпадений событий». В противном случае вместо «настоящей истории», которая излагает события «как они происходили на самом деле (требование Ранке), восстанавливающей конкретный исторический процесс», окажется «философия истории», в которой «глубокий смысл самой жизни» будет подменен смыслом вымышленным. Для П.М. Бицилли «идея смысла истории» (вне зависимости от «авторов»: Отцов Церкви, Спенсера, Маркса и проч.), которая заключается в «неуклонном», внутренне «закономерном» движении вперед – «прогессе», – неприемлема.

¹ Определение П.М. Бицилли (по воспоминаниям близких).

² *Бицилли П.* Кризис истории // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 487, 489.

Для своего времени П.М. Бицилли констатирует и кризис романа, и кризис истории – «История вступила в состояние кризиса»: *во-первых*, историки уже не пишут «всеобщих историй», историческая наука вырождается в микрографию;

во-вторых, история перестала быть «залогом веры в “лучшее будущее”»;

в-третьих, средний человек / читатель уже не может назвать ни одного имени из современных ему историков и романистов – история, как и роман, теряют популярность;

в-четвертых, для всех стало ясно, что «никакой собственной цели» *процесс истории* не имеет;

в-пятых, историческая наука перестала быть «верховой наукой».

Но все это не означает, считает П.М. Бицилли, что история «пришла в упадок», «выродилась». Напротив, по его мнению, историческая наука стала «строже, трезвее, глубже, тоньше, свободнее», нежели она была в XIX веке. Для «способного размышлять» историка его наука – «только путь, подводящий к метаистории».

В понятии «метаистория» П.М. Бицилли видит «двойной смысл».

Во-первых, это по-прежнему – «область исторического ведения», и задача исследователя: «выделять в смене событий, направлений, вкусов и навыков постоянно действующие в своем *чередовании духовные тенденции*» [курсив мой. – Т.П.]¹.

Ремарка-штрих. В этой статье П.М. Бицилли ссылается на ряд работ о кризисе истории «замечательного испанского мыслителя» [определение П.М. Бицилли. – Т.П.] Эухенио д'Орса (1881-1954), каталонского философа, писателя, журналиста, литературного и художественного критика, Первое значение «метаистории», уточняет П.М. Бицилли, принадлежит д'Орсу и «другим теоретикам культуры»².

Во-вторых, это не только область «ведения», но и «особый

¹ П.М. Бицилли говорит о «ритме истории»; тема «ритма» проходит у него в разных контекстах: музыка, поэзия, человек, жизнь, мышление / познание и т.п.

² См.: Дёмин Р.Н. Философ как «метафизик обыденного»: традиция философствования в античности и концепция «внесения метафизики» в «хронику жизни» испанского мыслителя д'Орса. // IX Вишняковские чтения. Вузовская наука - образованию и промышленности: материалы междунар. науч. конф. Т.1. СПб: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2006. С.101-103. Д'Орсе был крупнейшим интеллектуалом франкистского режима, формировал и проводил его культурную политику.

план бытия, в котором живут воплощенные в их сознаниях и тем для нас бессмертные души тех людей, которых мы, быть может, никогда не видели, которые могут быть отделены от нас тысячами, но без которых мы самих себя, раз соприкоснувшись с ними, представить уже не в силах; которые в этом смысле для нас реальнее иных из наших современников и сограждан, может быть, – нас самих».

Ремарка-допуск. Это ли не созвучно в определенной степени идее ноосферы, получившей свое обоснование в работах В.И. Вернадского, Э. Леруа, Тейяра де Шардена, наконец, в концепции «творческой эволюции» Анри Бергсона, особо почитаемом П.М. Бицилли.

Приверженец диалектического воззрения на мир, П.М. Бицилли утверждал, что «...история движется диалектически, через ряд вечно возникающих противоречий: новое возникает в результате распада старого – и с этой точки зрения столько же применимо к нашей эпохе название “осень средневековья”, как зовет один историк [П.М. Бицилли ссылается на Й Хейзенгу. – Т.П.] полосу, прожитую Европой в XIV-XV веках»¹.

Историческая жизнь исключительно сложна, что «затрудняет возможность обобщений». Историк должен учитывать «факт постоянного перерождения всех сторон исторической ткани»²

В изучении истории П.М. Бицилли на первый план выдвигал «общий дух Культуры», анализ которой в «конкретных проявлениях – в вещах и в людях» – и есть смысл исторического познания. Никаких иных «причинно-следственных отношений в реальной истории», кроме отношений между вещами и людьми (при этом: люди – «причины», вещи – «следствия») для П.М. Бицилли «не существует», поэтому «увидеть живых людей, усмотреть их отношение к великим историческим достижениям» – должно составлять главную цель историка, если он стремится понять Культуру в «ее жизни» и в «ее развитии»³.

¹ Бицилли П. Возрождение аллегории // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.450.

² Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С.121.

³ Бицилли П.М. Франциск Ассизский и проблема Ренессанса (1226–1926)// Современные записки. 1927. № 30. С. 530. См.: Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культу-

Позиция ученого со времен «Салимбене» (1916) не менялась: «Какую бы отрасль истории мы ни изучали, – в конечном анализе исторических явлений мы всегда приходим к отдельной личности. Личность есть в конце концов единственный реальный фактор исторического процесса»¹.

О Шаблонах

Проблема «шаблонов» у П.М. Бицилли предстает в двух плоскостях / аспектах.

1. В первом случае речь идет о специфике познавательной деятельности как таковой – эпистемологический аспект. Понятие «шаблон» связано с проблемой редукции. Построение любой системы знания неизбежно связано с «упрощением» необъятного множества данных, с которыми имеет дело исследователь. Сам процесс познания возможен лишь тогда, когда удастся «ограничить область исследования, упростить предмет рассмотрения, пренебрегая множеством несущественных подробностей, всегда присутствующих в неисчерпаемом реальном предмете исследования»². В области естественнонаучного знания «простота» теории, ее аргументации, минимум эмпирики при построении теоретических конструкций являются нормативами научного поиска. Однако философы науки утверждают, что «простота не проста»: стремление к простоте теории порождает множество самых различных трактовок простоты и, следовательно, усложняет саму ситуацию упрощения³.

В области исторического познания и «изображения» истории, так же как и в естественных науках, без «упрощения» невозможно. Полное описание конкретного индивидуального события потребовало бы констатации «всех свойств» сложного исторического объекта,

ры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. 188-189.

¹ Бицилли П.М. Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века) // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 235.

² См.: Методологические принципы физики. История и современность / Под редакцией Б.М. Кедрова и Н.Ф. Овчинникова М.: Наука, 1975. С.79; *Визгин Вл.П.* Методологические принципы физики: 20 лет спустя // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1997. Часть 2. М.: «Янус-К», 1997. С. 8-10.

³ См.: Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Уемов А.И. Принцип простоты и меры сложности. Отв. ред. Б.М. Кедров. М.: Наука, 1989. С.137-148; Овчинников Н.Ф. Методологические принципы в истории научной мысли. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 252.

что практически нереально¹, хотя объяснение «случившегося» в определенном месте и времени может постепенно становиться все более точным и полным. И история, и естественные науки могут описать свою проблему «только в терминах общих понятий»; в таком случае история в состоянии «схватить уникальную индивидуальность» своих объектов «не больше и не меньше, чем физика или химия»².

«Содержательное мышление, – замечал С.О. Шмидт, – выраженное в естественном языке, всегда будет богаче его *формальной модели* в логическом исчислении»³.

Задавая себе самому вопрос – как, «не искажая» реальное историческое бытие, «изобразить» историю, в какой форме, в каком «понятийном пространстве» сотворить текст – «изложить» свое видение (понимание) уже несуществующей реальности? – П.М. Бицилли приходил к выводу о неизбежности редукции.

Раскрывая суть познания в области истории, П.М. Бицилли замечал: единое знание ученые «условно и удобства ради» разделяют на отдельные дисциплины и пытаются обозначить «формы объективации творческого духа» конкретными понятиями. В этом – специфика науки, которая «есть ничто иное, как система понятий». Но в этом же и ограниченность ее возможностей, ибо «определить» что-либо, означает – «ограничить» вечно меняющуюся и бесконечную в своем многообразии историческую жизнь.

Выступая против «гипостазирования» понятий, П.М. Бицилли своей позицией ориентировал профессионалов не забывать «границы» своих познавательных возможностей, помнить об «условности слов», с помощью которых ученый пытается «выразить» знания, но в этом предостережении – лишь глубокое понимание сложности постижения истории и профессиональной исследовательской деятельности историков.

«Не только социальная жизнь, – писал П.М. Бицилли, – наука о человеке, искусство художественного воспроизведения человека

¹ Стремление к описанию множества фактов / деталей исторического события / явления – фактографизм – один из постулатов позитивистской историографии.

² См.: *Гемпель Карл*. Функция общих законов в истории // *Время мира: Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций* / Под ред. Н.С. Розов. Выпуск 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 1998. С. 15.

³ *Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГУ, 1997. С. 56-57.

были бы немислимы, если бы люди не упрощали в своем сознании других людей»¹.

Таким образом, проблема искажений в силу различного рода «упрощений» приобретает сложноструктурированное выражение: «упрощение» в историческом исследовании начинается на уровне исторического источника (а в реалии – еще раньше) – его прочтения, критики, интерпретации, границ использования и систематизации источниковой базы исследования в целом; продолжается на уровне синтезирования научных фактов, их описания, понимания, обобщения в процессе категориального синтеза – сотворения понятий; завершается в рамках процесса создания научного текста: «упрощение» мысли в ее лексическом выражении, конструирование «фабулы» или «сценария» и их литературного воплощения и проч. Если далее продолжить ряд «упрощений», то новый этап приходится на «освоение» текста читателем и изложение им (его интерпретацией) «прочитанного». Это многоуровневое «упрощение» имеет многообразие причин и форм.

«Упрощенная» / редуцированная форма чего-либо (в том числе идеи) превращается в шаблон, штамп, образец, который тиражируется и гипостазируется.

2. Во втором случае речь идет об «упрощении», опосредованном культурно-исторической традицией: общепризнанными литературными приемами, каноном, «модой», видением и способами изображения, «авторитетно-специфичными» для конкретного периода / эпохи.

П.М. Бицилли одним из первых поставил проблему «шаблонов», или «общих схем» («штампов» / трафаретов / «общих мест» / «готовых формул» и т.п.), – в историческом тексте, анализируя «изображение» средневековыми авторами общественных движений и проч.

«Общие схемы» у П.М. Бицилли – это «упрощение», использование определенных стандартных приемов «изображения» конкретных сюжетов, это – «нормативность» создания текста в конкретной культурно-исторической ситуации, которая неизбежно приводит к искажению изображаемых событий.

¹ Бицилли П. Жизнь и литература // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 476.

Бициллиевские «готовые формулы» и т.п. близки к понятию, введенному Д.С. Лихачевым – «литературный этикет», согласно которому писали древнерусские летописцы, «изображая» положительных и отрицательных героев – русских князей и др.

«Литературный этикет» сохраняет свою нормативную роль во все эпохи. Анализируя литературные памятники, сравнивая творчество Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, П.М. Бицилли приходит к выводу о том, что «подобно Чехову» Толстой всегда «боролся с шаблонами и сознательно и дерзко нарушал литературные традиции»¹.

П.М. Бицилли вводит еще одно понятие в контексте данной темы – «стилизация прошлого», которая имеет три источника / вида:

первый: отталкиваясь от тезиса Б. Кроче – «всякая истинная история есть история современная», – П.М. Бицилли, согласный в целом с такой постановкой вопроса, тем не менее видит в этой мысли опасность *стилизации*: поскольку «душа» современности связана генетически с «душами» прошлых периодов, современники склонны искать в прошлом то, что роднит его с настоящим; так авторы стилизуют XVI век под XX и т.п. [в литературе уже давно в этом плане утвердился термин «модернизация прошлого». – Т.Н.];

второй: когда какой-либо авторитетный ученый, вводит определения, оценки, термины, соответствующие его пониманию проблемы, тогда *его* фразы становятся «общими местами», переходящими из книги в книгу его почитателями; это явление можно обозначить как *синдром авторитета*;

третий: источником стилизации может быть «зависимость» исследователя от мнений / позиции современников той эпохи, о которой он пишет².

Будучи сам противником шаблонирования – в любых жанрах, научных и литературных, в любом его проявлении, – П.М. Бицилли с первых лет своей научной деятельности шел «против течения» и сохранил эту позицию на протяжении всей своей творческой жизни.

Ремарка-мнение. Возможно, идти «против течения» – это в определенной степени влияние его университетского наставника – Е.Н. Щепкина, которым молодой Бицилли восхищался.

¹ Бицилли П. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 302.

² Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. 5.

ся, что нашло свое отражение в отнюдь не «пиететной», хотя и юбилейной статье (1916). Для исследовательского почерка Е.Н. Щепкина, писал П.М. Бицилли, характерны самостоятельность и нестандартность мышления вне зависимости от общепринятых нормативов. Специфика щепкинского подхода заключалась в том, что и сама тематика, и ее решение всегда были направлены «против течения». Глубокий знаток историографических традиций, Е.Н. Щепкин выступал за пересмотр устоявшихся мнений, предлагая всегда собственное оригинальное видение проблемы и не следуя «методологической моде». Новый ракурс, новый подбор источников, новая трактовка фактов и в итоге новое качество решения вопроса – в этом была особенность исследовательского почерка Е.Н. Щепкина, которая органично была присуща и П.М. Бицилли.

Поэтому и И.М. Гревс, и значительно позже В.Ф. Ходасевич и Г.В. Адамович не могли признать и принять новаторство мысли и формы Петра Михайловича.

О Влияниях и Созвучиях

В статье «Заметки о Толстом» («Современные записки». 1936. Кн. 60. /«Бунин и Толстой»/) П.М. Бицилли сформулировал совершенно возмутительный с точки зрения канонических правил пассаж: «Вся история литературы, как и прочих искусств, может быть разрабатываема как история бесконечных и непрерывных “плагиатов”, – хотя термин этот в подавляющем большинстве случаев совершенно неуместен и дает ложное понятие о положении дела»¹.

Вопрос о «плагиате» у П.М. Бицилли выходит на проблему так называемых «влияний» – одну из ключевых в методологии ученого: «...конкретные люди не просто взаимодействуют, но и взаимопроникаются, подвергаются взаимным *влияниям* в буквальном смысле этого слова»².

Для решения этой проблемы П.М. Бицилли вводит понятия:

¹ *Бицилли П.* Бунин и Толстой // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 397.

² *Бицилли П.* Жизнь и литература // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 478.

«родимые пятна», «повторы» и «созвучия» как аналогично близкие, составляющие один категориальный «круг».

Анализируя творчество разных писателей – великих и «не очень», – П.М. Бицилли приходит к выводу: «...общность “родимых пятен” не всегда является признаком прямой зависимости одного художника от другого», поэтому «метод исследования “родимых пятен”» необходим, т.к. этот метод способствует выяснению «источников того или другого художественного произведения» и «приближает нас к пониманию творческого замысла художника»¹.

«Чужое» произведение может стать *темой*, из которой, творчески преображенным будет создано собственное произведение *другого*. Однако «родимые пятнышки» могут сохраниться, и этот факт позволит критикам говорить о «плагиате».

П.М. Бицилли выделяет три основные причины «повторов» / «созвучий»:

во-первых, это прямое или опосредованное заимствование;

во-вторых, общность источников;

в-третьих, специфика культурной эпохи, литературных традиций, канонов и стандартов в формах литературного творчества.

«История всякого искусства есть история “влияний”, и чтобы понять, о чем говорит поэзия данного момента, надо вслушаться прежде всего, какие уже знакомые “голоса” звучат в ней», – пишет П.М. Бицилли².

Сколько «заимствования чужих словосочетаний, оборотов, образов, мотивов» есть у Пушкина, констатирует П.М. Бицилли: например, пушкинские «заимствования» у Г.Р. Державина³. Считать это «плагиатом», «значит игнорировать условия тогдашней творческой деятельности». Первая половина XIX века (как и традиция предыдущего века) характеризовалась тем, что литературное творчество было «домашним делом» – не профессией: писали *все* – в письмах, альбомах, разного рода посвящениях и т.п. И пуш-

¹ Бицилли П. Возрождение аллегории // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 438.

² Бицилли П.М. *Якорь*. Антология зарубежной поэзии. Сост. Г.В. Адамович и М.Л. Кантор. Париж, 1936 // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 453.

³ Бицилли П.М. Пушкин и проблема читой поэзии // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 142.

кинские плагиаты – это «цитации» – форма «учтивости» в условиях «замкнутого “кружкового” существования» высшего света¹.

П.М. Бицилли приводит ряд примеров «из великих», которых можно было бы объявить «плагиаторами»: есть совпадение с Пушкиным у И. Анненского²; «Ватиканские подземелья» Андре Жида «вышли» из «Преступления и наказания»; из «Фальшивомонетчиков» самого А. Жида – «Контрапункт» Олдоса Хаксли [в тексте О. Хексли. – Т.П.]; тема «Мадам Бовари» «развилась» в «Анну Каренину» и т.п.

В статье «Проблема человека у Гоголя»³ П.М. Бицилли писал о «влиянии гоголевской стилистики и символики на чеховскую, а описания у Л.Н. Толстого – на аналогичные описания у А.П. Чехова, отмечая не только близость стилистики, но даже «перефразировки». Указывая на «заимствования» А.П. Чехова у И.С. Тургенева, П.М. Бицилли объясняет: «Здесь не подражание, а творческое усвоение, результат влияния в подлинном, строгом смысле этого слова»⁴.

В статье «Несколько замечаний о современной зарубежной литературе»⁵ П.М. Бицилли опять возвращается к «Антологии» Г.В. Адамовича: «на каждом шагу мне встречались здесь знакомые облики: Тютчева, Анненского, Блока, Ахматовой, даже Баратынского. У одних поэтов это – подделка, у других – подлинное творческое усвоение»⁶.

Тэффи (Надежду Александровну Лохвицкую) П.М. Бицилли сравнивает с Сервантесом: «В органической сочетанности юмо-

¹ Бицилли П. Пушкин и Вяземский. К вопросу об источниках пушкинского творчества // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.31-32.

² Бицилли П.М. Пушкин и проблема читой поэзии // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 142.

³ См.: Годишник на Софийския университет: Историко-филологически факултет. Т. XLIV. 1847-1948. Кн.4. С.1-31. Цит. по: *Мецкерский А.* Неизвестные письма И. Бунина // Русская литература. 1961. № 4. С. 157.

⁴ Бицилли П.М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.222.

⁵ Бицилли П. Несколько замечаний о современной зарубежной литературе // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 459-463.

⁶ Бицилли П. Несколько замечаний о современной зарубежной литературе // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 461.

ра и иронии, в полной оправданности двойственного отношения к одному и тому же объекту состоит глубина Сервантеса... И в этом отношении Тэффи сближается с автором «Дон Кихота»¹. Тэффи «близка» со своей иронией к В. Сирину (В.В. Набокову), а оба они – «созвучны» с их «общим учителем», учителем «всех сколько-нибудь значительных новых писателей» – Андре Жидом, у которого «есть... Идеал полной, целостной жизни»².

П.М. Бицилли позволяет себе сравнить Бэкона с Шекспиром (по «внутреннему родству») и Макиавелли (по философским «корням») ³.

Итак, «родимые пятна», «повторы» и «созвучия» могут иметь два основных следствия:

- либо это творческое освоение предшествующей (или даже современной автору) традиции, эталонных образцов,
- либо заимствования, близкие к плагиату.

В первом случае «созвучия» выражают авторскую творческую индивидуальность, сохраняя определенную литературную / культурную традицию, во втором – это «подделка», «шаблон» – слепое подражание лучшим образцам.

Влияния, по мнению П.М. Бицилли, проявляют себя не в «цитации» и «плагиате» (они только позволяют «предположить» влияние), но – «в общности стиля, тона, видения жизни»⁴.

«Влияние / созвучие» соотносимы с понятием «диалогичность». В историю гуманитаристики П.М. Бицилли вошел как «диалогический мыслитель», для которого был характерен «многоуровневый диалог», «ментальное “созвучие”», выход «за пределы предустановленного понимания человека и культуры», активный участник «дискуссий», не калькирующий чужие голоса, но вос-

¹ Бицилли П. Жизнь и литература // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 485-486.

² Бицилли П. Жизнь и литература // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.486; *Он же*. Венок на гроб романа // Там же. С.474. André Paul Guillaume Gide (1869-1951). Возможно, перед смертью П.М. Бицилли читал Дневники (1950) А. Жида (?).

³ Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. 157.

⁴ Бицилли П.М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 209.

принимающий их творчески, критически, проверяя «самими вещами». «Сотрудничество» П.М. Бицилли – с кем бы то ни было – это «перекличка», история «отношений с притяжением и отталкиванием», из которых и сформировался «независимый путь исследователя»¹. Для П.М. Бицилли исключительную ценность представляли «...друг от друга не зависящие, друг на друга не сводимые и вместе с тем друг без друга невысказанные голоса»².

«Диалог» – важнейший концепт в построениях М.М. Бахтина, который развил теорию интерпретации текста, сосредоточив внимание на его диалогизме. Вероятно, это «созвучие» сближало двух незаурядных мыслителей³.

Ремарка-штрих. П.М. Бицилли – сторонник идеи «влияний» во всех сферах искусства. В споре с евразийцами он выступил против утверждений об оригинальности и самобытности средневекового романо-германского готического искусства, подчеркивая и доказывая на примерах влияние Востока: «нельзя отделять Запад от Ближнего Востока, христианский мир – от мира ислама». Анализируя историческую мысль Запада и Востока средиземноморского ареала, П.М. Бицилли приходит к выводу о том, что для исторической мысли в культурах обоих пространств характерны «одинаковые проблемы», которые аналогично ставятся и решаются при помощи одних и тех же «методов исследования и способов рассуждения»: Ибн Халдун (1332-1406), арабский историк и философ, «блестящий предшественник Макиавелли и Гвиччардини»⁴.

P.S. Главный вывод, к которому приходит Петр Михайлович: «Всякая культура есть *совокупность* индивидуальных творческих усилий»⁵ [курсив мой. – Т.П.].

¹ См.: Васильева М. Петр Бицилли как диалогический мыслитель // Opuscula Slavica Sedlcensia. T. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 44-47, 60.

² Бицилли П. Трагедия русской культуры // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 370.

³ См.: Бицилли П.М. [Рец.:] Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929 // Михаил Бахтин. Pro et contra. СПб., 2001. Т. 1. С. 188-190 и др.

⁴ См.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 340-345.

⁵ Бицилли П. Трагедия русской культуры // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.:

О Рецензиях

Рецензии П.М. Бицилли – особый пласт его творчества. Вопрос о жанровых приоритетах П.М. Бицилли остается в дискуссионной плоскости, хотя оценка его рецензионной деятельности практически однозначна.

М.А. Бирман считает, что широкий тематический подход в исследованиях и педагогической работе, постоянный интерес к проблемам гуманитарных наук сказались на его «рецензентской деятельности»: «проблемно-тематические рамки “репертуара” рецензий» постоянно расширялись. По подсчетам М.А. Бирмана только за софийский период П.М. Бицилли опубликовал 140 рецензий и отзывов, которые содержат «большой исследовательский заряд». Причину специфики «жанровой структуры» наследия П.М. Бицилли [преобладание т.н. «малых форм». – Т.П.] М.А. Бирман усматривает в первую очередь в личностных качествах ученого: «обладая живым и гибким умом», разносторонними знаниями и интересами, П.М. Бицилли был увлекающейся натурой, «в природе его таланта не было стремления терпеливо и медленно корпеть над одной большой темой... создавая многотомник»¹.

Ремарка-заметка. Значительная часть творческого наследия П.М. Бицилли действительно «отливалась» в так называемых «малых формах» – это небольшие статьи, заметки, рецензии, библиографические обзоры и проч. Данный факт, безусловно, был связан в первую очередь со сложностью издания книг за рубежом для политического эмигранта; не последнюю роль, на мой взгляд, имел и материальный фактор: многочисленные «mini-жанровые» публикации способствовали финансовой стабильности. Однако этот – «облегченный вариант», – который вынужден был выбрать П.М. Бицилли для печатания своих работ в разных периодических изданиях, создавал на первый взгляд иллюзию публицистичности текста, что связано с определенным «временным эффектом» печатных трудов. Возможно, горькие размышления о своей собственной творческой судьбе нашли отражения в обобщениях, сделан-

Русский путь, 2000. С. 368.

¹ Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 196-200; 279-280.

ных П.М. Бицилли в статье об И.С. Аксакове: «Сама форма, в которой публицист вынужден отливать мысли, способствует тому, чтобы через время его статьи, собранные и изданные вместе были неудобными для чтения: публицист имеет перед глазами массу и массового читателя, которого надо оживить, на которого он должен воздействовать не столько убеждениями, сколько своеобразным внушением. Кроме того, публицист ограничен и местом, которое обычно уделяется одной “нормальной газетной” или журнальной статье. Он вынужден развивать мысли наспех. Оба эти условия ведут к неизбежным повторениям, наряду с недосказанными мыслями»¹.

П.М. Бицилли всегда был очень требователен к себе и своему творчеству. Но оценка его произведений «малого формата» сегодня приобретает иное звучание.

Ремарка-мнение. Б.С. Каганович особо выделял относительно небольшие статьи П.М. Бицилли – «Кризис истории», «Параллели», «Оазис», «Проблемы современности», «Трагедия русской культуры» и др., которые он объединил в жанр «культурфилософской эссеистики». В этих работах, затрагивающих широкий круг проблем, П.М. Бицилли выступает «одновременно как историк-мыслитель и как теоретик или философ культуры». «Эти тексты Бицилли, – подчеркивал Б.С. Каганович, – еще предстоит внимательно проанализировать...»².

Ремарка-мнение. Согласно Н.А. Селунской, эссеистика для П.М. Бицилли стала важной сферой интеллектуальной деятельности, обусловленной «условиями выживания», «сохранением себя в профессии в отрыве от западных архивов», «скромным источником заработка», но и «осознанным общественным долгом, по крайней мере, перед русскоговорящей общиной эмигрантов»³.

¹ *Бицилли П.М.* Иван Сергеевич Аксаков и неговата философия на нацията // Българска мисъл. Ш. 1928. № 1. С.108-109. Цит. по: *Галчева Т.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 9. Первой обратила внимание на этот факт и привела данную цитату Т.Н. Галчева.

² *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. С. 192.

³ См.: *Селунская Н.А.* «Своя» и «чужая» история: историки-медиевисты между мировы-

Среди «малых форм» рецензии превалируют. М.А. Васильева приводит слова Г. Струве: «Хотя он ни идейно, ни географически ... не был близок к редакции, им было напечатано с 1925 по 1940 год 30 статей и 75 рецензий (в отношении рецензий это был, кажется, рекорд для “Современных записок”...)»¹. Этот факт свидетельствует об удивительной начитанности П.М. Бицилли и о заинтересованности журнала в его публикациях. Рецензии П.М. Бицилли лишены «научообразности», обладают «ярким литературным стилем» и являются результатом «интенсивности научного поиска»².

Бицилли-рецензенту не был присущ «комплиментарный стиль», его оценки бывали резки, но никогда не переходили в «памфлет»³

Об особенностях рецензирования П.М. Бицилли очень точно написал С.Р. Федякин. П.М. Бицилли «мыслил целыми культурами», легко усваивая философскую и культурологическую терминологию: его мышление «по-настоящему “полифонично”». В рецензиях П.М. Бицилли происходит «наслоение» множества идей, избранное им «идейное ядро» может дать неожиданное «эхо» - «отозваться какими-то новыми смыслами». Рецензия П.М. Бицилли превращается в исследование, предлагая оригинальные мысли: о «способах чтения» научных книг, о разнице между «содержанием» и «формой» книги (из книги можно получить «сведения» – «содержание», но можно узнать «метод» – глубинную философию, т.е. «вычитать автора»), об «идеологии» книги как одной из сторон ее «формы» и т.п. Все эти мысли ученого приходят в «столкновение», создавая «котел идей» и рождая в сознании читателя все «новые и новые вопросы». «Столь невероятная плотность мысли, заключает С.Р. Федякин, – одна из наиболее “типичных” черт Бицилли-рецензента»⁴.

ми войнами и социальными потрясениями // Диалог со временем. 55. М.: ИВИ, 2016. С. 78.

¹ Цит. по: *Васильева М.* Путь интуиции // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 17.

² *Васильева М.* Путь интуиции // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 17.

³ См.: [Туниманов В.А. Вступительная статья к публикации: Бицилли П.М. Статьи: История, культура, литература] // Русская литература. Л., 1990. № 2. С. 137.

⁴ См.: *Федякин С.Р.* Искусство рецензии в «Числах» и «Опытах» // Литературный журнал. М. (ИНИОН РАН). 2003. № 17. С. 69-71.

Т.Н. Галчева считает, что рецензия, «один из наиболее употребляемых жанров» П.М. Бицилли, предстает с точки зрения жанровой нормативности – «вызывающей формой». Рецензируемое произведение для П.М. Бицилли – только повод для изложения собственных мыслей. «В результате, – констатирует Т.Н. Галчева, – наблюдается перемещение, которое вносит дополнительные коннотации по отношению к представленному тексту»¹.

«Рецензентское увлечение» П.М. Бицилли исследовательница объясняет следующим образом.

Во-первых, зависимость от условий: «информационный вакуум» препятствовал «созданию науки, соизмеримой с европейскими масштабами». В этой обстановке проявляет себя «логика противодействия», которая способствует «компенсаторному удвоению усилий» для сбора и обработки недостающих сведений о развитии науки в других странах. Создавая наряду с рецензиями и «обзоры», П.М. Бицилли берет на себя «функции медиатора»: он становится «проводником “культуры центра” в провинциальное пространство» и одновременно «посредником в духовном приобщении Востока к Западу».

Во-вторых, коммуникационные проблемы способствуют «построению» самих рецензий: «Каждая рецензия – своеобразный опыт осуществить диалог, разломать стереотипы монологического слова, утверждающего свою ведущую роль в разъяснении собственной точки зрения. Отсюда эта демонстративно преодолеваемая – перед читателем и во имя его – неудержимость представить только чужое произведение»².

П.М. Бицилли, обращаясь к творчеству А.П. Чехова, замечал, что «традиционная “иерархия” произведений художественной прозы», так же как и «их расценка», происходит в соответствии не с качественным, но с критерием количественным: на первом ме-

¹ См.: Галчева Т. П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 36.

² Галчева Т. П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С.37-38. Вторая позиция Т.Н. Галчевой имеет спорный характер.

сте – роман, («произведение “большой прозы”»), затем повесть, после – рассказ¹. Творчество Чехова, убежден ученый, опровергает этот оценочный шаблон: рассказ в его наследии занимает главное место, и, благодаря в первую очередь рассказу, писатель поднимается на вершину мастерства.

Думаю, что этот посыл П.М. Бицилли имеет прямое отношение к нему самому: не наличие многотомных «всеобщих историй» (которые, кстати, по мысли П.М. Бицилли, исчерпали себя к началу XX века) и крупных монографических исследований определяют вклад ученого в науку, но глубина и новаторство его Мысли, которая выражена в любом жанре его работ, в том числе (и во многом) в «малых формах», среди которых – рецензии.

Ремарка-мнение. Роман Мних (Польша) называет эти публикации П.М. Бицилли – заметки, рецензии, частично публицистика – «маргинальными». Эти тексты, с одной стороны отражают «масштабность таланта» ученого, с другой – оставляют впечатление «непонятности и непрочитанности до конца», хотя «внимательное чтение этих маргинальных текстов показывает, насколько глубоко и ясно в них отразился стиль мышления Петра Бицилли и его историософские и культурологические концепции»².

Рецензии для П.М. Бицилли – форма соучастия, собеседования, приобщения к новым мыслям, идеям, к европейской культуре в целом. Структура рецензий, вне зависимости от автора и особенностей рецензируемой работы, имеет общие черты. Но эта общность – содержательная. По форме же каждая из рецензий – законченное произведение со своей спецификой изображения.

Ремарка-уточнение. Я употребляю понятия «содержание» и «форма» в традиционном значении, вопреки позиции П.М. Бицилли. Содержание – смысловая нагрузка – идеи автора рецензии и автора-критика, форма – структура и архитектоника построения текста.

К общим чертам можно отнести главное – мотивацию, целе-

¹ Бицилли П. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 205.

² Мних Роман. Перекрестки культур в творчестве Петра Бицилли // Opuscula Slavica Sedlcensia. T. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 7.

вую установку рецензента. Рецензирование книг – научных и литературных произведений – для П.М. Бицилли – самовыражение, возможность, оттолкнувшись от исходных мыслей автора рецензируемой работы (вне зависимости – прозы / поэзии или научного труда) или от каких-либо, не всегда ясных для читателя, но понятных рецензенту, нюансов материала, развить *свою* мысль, связать ее с *собственными* базовыми идеями, и в этом диалогически обрामленном созвучии предложить фейерверк новых идей, одновременно выкристаллизовывая суть авторского замысла рецензируемого опуса в соответствии с Principium individuationis.

Ремарка-цитата. «Принципиальная особенность рецензий П. Бицилли, – считает Р. Мних, – состоит в том, что вместе с оценкой прочитанной книги он делится своими мыслями и идеями по поводу или в связи с прочитанным текстом»¹.

Подход к рецензированию у П.М. Бицилли практически не меняется: и в одесский период, и позже – в эмигрантские годы, он видит в рецензируемой книге / статье и т.п. в первую очередь то ценное (даже с учетом неприятия некоторых позиций), что удалось ее автору выразить.

Ремарка-заметка. Анализ рецензий, написанных П.М. Бицилли в Одессе, позволяет говорить о направленности его интересов, которые четко обозначены переплетением нескольких составляющих: античность, медиевистика, культурология, философия истории. Труды В.И. Герье, Л.П. Карсавина, Р. Трелье-Лунда, Ф. Польсена, В. Берара, И. Бердые, И.-Р. Лихтенберга, А. Флиша по сути – интердисциплинарны. Именно это влечет П.М. Бицилли (в период его становления как профессионального историка), тонко чувствующего новую эпоху в историческом познании и стремящегося к идее научного синтеза через рефлексию исторического понимания.

Практически во всех рецензиях на литературные произведения – прозу и поэзию, – П.М. Бицилли «ищет» *влияния, созвучие* с классиками / гениями; для него важно увидеть культурную традицию, ее продолжение, поэтому полифония / «многоголосие» для него – норма.

¹ *Мних Роман*. Перекрестки культур в творчестве Петра Бицилли // Opuscula Slavica Sedlcensia. T. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 11.

Ремарка-мнение. Еще в 1917 году¹ П.М. Бицилли формулирует очень важную мысль, в которой молодой ученый «выводит интерпретацию на новый уровень путем сравнения исторического нарратива и произведения искусства»: «Художественная критика знает примеры произведений искусства, например живописи, относительно которых возникают сомнения: принадлежат ли они кисти мастера или его “школе”. Ученик зачастую так точно воспроизводит “манеру” мастера, что по внешним признакам (колорит, рисунок, способ накладывать краски, мотив, типы и проч.) ни о чем судить нельзя. Остается только один критерий: органичности художественного произведения. Подражатель непременно выдаст себя наличием “белых” мест, отсутствием внутренней согласованности, что, как следствие, влечет за собою утрировку приемов того, кому он подражает; ибо этим подражатель как бы инстинктивно стремится сделать для чужих глаз незаметным свое бессилие возвыситься до усвоения художественной идеи своего образца»².

Этим пассажем П.М. Бицилли предвосхищает свои будущие известные труды в качестве художественного литературного критика.

Подход к рецензии как жанру до сих пор неоднозначен. В конце 1920-х гг. в среде литературной российской эмиграции прошла довольно бурная дискуссия по поводу статуса *рецензии*. Полемика сводилась к тому, можно ли относить литературную критику к сфере искусства. Сторонники неприятия рецензии как искусства сочли возможным объявить ее «служанкой литературы», отнести в лучшем случае к публицистике. Однако соперники на звание «лучшего критика эмиграции» – Г.В. Адамович и В.Ф. Ходасевич – заняли в данном случае одну позицию: первый видел в критике «собственное творчество», «построения и “узоры” вокруг творчества чужого»; второй был убежден в том, что «критика есть

¹ Бицилли П.М. Общественные движения в изображении средневековых историков // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 69. № 5. 1917. С. 67-88.

² Бицилли П.М. Общественные движения в изображении средневековых историков // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С.91. См.: Селунская Н.А. Новое Средневековье – русская идея? Медиевистика Бицилли, средневековые общественные движения и актуализация истории // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 187-188.

творчество», хотя критик и имеет дело со «вторичным», но это не умаляет ее «достоинства», т.к. критик по-новому раскрывая художественное произведение, «высказывает себя», предстает и сам как «художник»¹.

С этим полностью согласен и П.М. Бицилли: «Говорить о писателе значит, в силу необходимости, говорить о себе, о своем *впечатлении* от писателя <...> в конце концов всякая критика сводится к анализу собственного нашего *восприятия* данного автора»², а значит – выражает творческое начало критика.

Но есть вторая сторона вопроса: В.Ф. Ходасевич был прав, когда говорил о том, что природа критики – «вторичность». Критика по канонам жанра не предполагает создания некоего художественного произведения. Именно по отношению к этому произведению искусства критика имеет «вторичный» характер. П.М. Бицилли совершенно отчетливо определил сходство между ученым-историком и критиком художественного произведения: оба они *ученые*³.

Стремление понять смысл индивидуально-неповторимого – авторской мысли / концепции, т.е. *целого* – задача общая и для литературоведа («критика»), и для ученого-историка – историка исторической науки / историографа, и это, безусловно, является *индивидуальным творческим актом*.

Экскурс: Историография и Литературоведение

Термин *историография* имеет универсальный характер и, несмотря на понятийную многозначность, применяется во многих дисциплинарных сферах, но со своей спецификой.

Критический анализ в исторической науке как форма исторической рефлексии имеет своей вариацией – *историографический анализ*, т.е. «критику» любого научного исторического труда. Историографическая работа, если она посвящена анализу конкретно-

¹ *Адамович Г.* О критике и дружбе // Дни. 1928. 27 мая. С.3; *Ходасевич В.* Еще о критике // Возрождение. 1928. 31 мая. С.3. См.: *Федякин С.Р.* Искусство рецензии в «Числах» и «Опытах» // Литературный журнал. М. (ИНИОН РАН). 2003. № 17. С. 65.

² *Бицилли П.* Чехов // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 416.

³ *Бицилли П.* Очерки теории исторической науки. Прага: Изд-во «Пламя», 1925. С.224.

исторического исследования, всегда «вторична» по отношению к своему объекту – работе историка по определенной проблеме. Эта разновидность историографических исследований входит в раздел «проблемной историографии», которая в свою очередь может определяться как направление, относительно автономный пласт историографических исследований, т.е. исследований по *истории истории*.

Критик-литературовед, так же, как и ученый-историограф, осуществляет анализ «первичного объекта» – конкретного литературного / художественного произведения и создает «вторичный» объект, который соответствует рефлексивному уровню в познавательной деятельности.

В обоих случаях мы имеем дело с *историей* истории и с *историей* литературы.

Общеизвестно, что история литературы имеет две составляющие: собственно литературу и представление о ней¹. Последнее понятие со временем сложилось в самостоятельную знающую ветвь – историю литературы. В литературоведческих работах *история литературы* определяется как филологическая наука, входящая в состав литературоведения и изучающая историю всемирной литературы, отдельных национальных литератур, это – наиболее динамично развивающаяся часть литературоведения. К началу XXI в. *история литературы* обладает основными признаками науки:

- определен предмет изучения – мировой литературный процесс;
- сформировались научные методы исследования (сравнительно-исторический, типологический, системно-структурный, мифологический, психоаналитический, историко-функциональный, историко-теоретический, тезаурусный и др.);
- выработаны ключевые категории анализа литературного процесса².

Ремарка-штрих. Я бы добавила: сформировалось сообщество профессиональных историков литературы и сложилась инфраструктура этой области знания (кафедры и т.п.).

¹ См.: Конрад Н.И. Избранные труды. Литература и театр. М.: Наука, 1978. С.6.

² См.: Луков В.А. История литературы // Знание. Понимание. Умение. М.: МГУ, 2009. № 4. С. 243-245. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2009/4/Lukov_VIA/39_2009_4.pdf

Историография литературоведения / литературоведческая историография – это история литературоведения и его основных разделов:

- история теории литературы,
- история истории литературы,
- история литературной критики,
- наука о путях развития литературы и литературоведения.

Это – не история литературы, не история литературного творчества, но история исследовательской мысли, посвященной литературе; в поле зрения историографа литературы – труды ученых / литературоведов. По сложившейся традиции статус историографии литературоведения – вспомогательная дисциплина наряду с библиографией и текстологией.

В контексте проблемы представляют большой интерес рассуждения Д.С. Лихачева¹. Для него литературоведение – комплекс различных дисциплин, специальных и общих, «целый куст» различных наук, сочетание «жестких» и «нежестких» дисциплин, объединяемых единым материалом, единым объектом изучения – литературой. Поскольку в целом к литературе возможны различные подходы: биографический, историко-текстуальный, источниковедческий, библиографический, археографический, историографический и многие иные, постольку «жесткие» литературоведческие дисциплины – специальные – требуют от специалиста большой подготовки.

Литературная наука, занимающаяся осмыслением литературных произведений, творчества, целых эпох в истории литературы, как бы окружена своеобразной жесткой скорлупой – *зоной точности*. Эта «зона точности» оформляет и удерживает центральную, менее точную, сферу общих суждений. Все специальные литературоведческие дисциплины связаны между собой, и эта связь усиливает точность выводов каждой из них: например, текстология – изучение истории текста произведения – связана с изучением биографических данных, с палеографией, с историей эстетических представлений, с изучением исторических фактов и т.д., поэтому текстология не может обойтись без языковедения, без истории, без искусствоведения, без языкознания и др.

¹ См.: Лихачев Д. С. Еще раз о точности литературоведения (заметки и соображения) // Русская литература. 1981. № 1. С. 84-88. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/LIKHACHEV.HTM>

Степень точности в литературоведческих дисциплинах возрастает по мере отдаления их от центральных тем, оценок и осмысления, по мере углубления в историю, или этнографию, или текстологию и т.д. Именно эти специальные дисциплины служат соединению литературоведения с другими науками и восстанавливают первоначальную цельность филологического изучения – то, от чего литературоведение отделилось после эпохи Ренессанса (филология), оно возвращается через специальные дисциплины. Изучая и применяя специальные дисциплины в своей работе, литературовед с гордостью может сказать: «я филолог».

Несмотря на достаточно длительную традицию разработки *историографии литературоведения*, в современной литературе в большинстве работ под историографией литературоведения понимают не столько науку о развитии литературоведческого процесса, сколько историю изучения литературы – «историю вопроса»¹.

Ремарка-позиция. В этом значении историография литературоведения – аналог проблемной историографии, одной из составляющих **истории истории** (= *историографии, специальной исторической дисциплины, изучающей процесс исторического познания, историю исторической науки, историографический процесс в целом*²).

Одновременно, как и философы, литературоведы отмечают, что историография литературоведения пока недостаточно разработана, хотя в любой диссертации есть обязательный раздел, посвященный критическому анализу литературы по теме³.

Ремарка-info. Историографические курсы – философские и литературоведческие – заняли прочное место в системы университетского образования в XIX – начале XX вв. Например, в Новороссийском (Одесском) и Харьковском университетах чтение лекций по историографии русской / украинской / всемирной литературы, историографии философских идей

¹ См.: Николаев А.И. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Иваново: ЛИСТОС, 2011 и др.

² См. подробнее: Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: М.А. Бондаренко, 2019. С.266-321.[Раздел: «Вариации на тему. Историография»]. В связи с тезисом о том, что «история вошла в “историографический возраст”», место проблемной историографии стоит определять как «промежуточное», т.е. входящее в поле историографии и в поле собственно исторических исследований.

³ Луков Вл. А. История литературы // Знание. Понимание. Умение. М.: МГУ, 2009. № 4. С. 245. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2009/4/Lukov_VIA/39_2009_4.pdf

и течений и т.п. стало нормой и подчас опережало появление историографических курсов именно исторического профиля. Развитие историко-научного знания как области естественных наук, так и в первую очередь области гуманитаристики, во многом способствовало становлению истории истории и первым шагам в осмыслении этого процесса¹.

Ремарка-мнение. А.Г. Брикнер, профессор Новороссийского университета, рассуждая о состоянии историко-научной ветви исторического знания, пришел к выводу о том, что к середине XIX в. «история многих других наук гораздо более разработана, чем история исторической науки», ибо историки еще не пришли к осознанию важности знания истории собственной науки как условия ее дальнейшего развития. История отдельных наук, по мнению А.Г. Брикнера, представляет собой различные области собственно истории, предмет которой имеет широчайшее пространство. История наук, в которую должна входить и история исторической науки, «составляет важную часть истории умственного развития... историю идей в вековом развитии человечества вообще...»².

Ремарка-мнение. Фернан Бродель определил изменения в рамках гражданской истории, которые назвал революционными: «Эта революция в исторической науке» вызвана «вторжением в открытое пространство истории многочисленных наук о человеке»: географии, политической экономии, демографии, политологии, социологии и исследований культуры – «все они бросают на историю свой отблеск, все задают прошлому новые вопросы»³. Революция, вызванная вторжением в сферу гражданской истории других научных дисциплин, способствовала резкому расширению проблематики, а методологической основой происходящей революции был «взрыв исторического

¹ См.: Кісельова Ю.А. Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2014. С. 38-55; Одеський національний університет імені І. І. Мечникова (1865–2015): історія та сучасність / гол. ред. І. М. Коваль; Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. Одеса: ОНУ, 2015. С. 107-162 і др.

² См.: Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. Одесса, 1868. С. 15.

³ Бродель Ф. Что такое Франция? М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. Кн. 1 / Пер. С.Н. Зенкина, В.А. Мильчиной. URL: http://yakov.works/libr_min/02_b/ro/del_02.htm

самосознания», «вспышка критической рефлексии по поводу целей и методов исторического следования». Эта «критическая рефлексия» получила одну из своих («внешних») форм в виде историографических составляющих всех наук¹.

Комментарии-post.

1. Несмотря на значительную длительность в развитии историко-научных составляющих различных областей знания, на сегодняшний день нет четкости:

- ни в определении наименований;
- ни в понимании диапазона предметных полей;
- ни в структурировании рефлексивного поля и соотношении рефлексивных ветвей².

2. Статус историографического проблемного поля (как историко-научного уровня, так и истории историко-научных знаний) определяется по-разному. Вместе с тем в разных областях гуманитаристики процесс историзации / историографизации, во-первых, идет достаточно интенсивно, во-вторых, многие специалисты (в области литературоведения – в частности) не только признают приоритет историков в разработке рефлексивного пространства своей науки, его конституирования, т.е. дисциплинарного определения, но и во многом заимствуют разработки историографов – специалистов по истории истории и истории историографии.

Собственно историографическое пространство можно рассмотреть вариативно:

(1) в общем историографическом поле можно выделить два уровня:

первый (низший) сопоставим с историко-научной составляющей каждой конкретной дисциплины со своим таксономическим эквивалентом (от проблемного поля / направления до дисциплины – вспомогательной / специальной / самостоятельной науки) с соответствующим самоназванием;

¹ Кузнецова Н. И. Возможна ли дисциплинарная история науки? // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 103.

² См. подробнее: Попова Т.Н. Образ истории истории в современном историографическом пространстве // Человек в истории и культуре. Мемориальный сборник научных работ в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко / Отв. ред. А.А. Пригарин. Одесса: Ирбис, 2017. С. 375-402.

второй (верхний уровень) – *историографический подход* как фокусная ориентация, историзация / историографизация конкретной научной / историко-научной области, пронизывающая дисциплинарные поля наук, изменяющая свои эпистемологические контуры в зависимости от инновационных «поворотов» в науке в целом, от конкретной модели историографического анализа, пространственно-временной и социокультурной специфики своего проявления, ситуационных запросов, багажа традиций и конкретно-дисциплинарных особенностей рефлексивного уровня;

(2) как аналог собственно рефлексивного пространства, в котором все ветви, формы, типы рефлексивного знания переплетены (взаимосвязаны и взаимообусловлены) на когнитивном уровне и одновременно имеют собственное институциональное «выражение», демаркационно оформленное и ментально разъединенное¹.

Ремарка-дополнение. *Критика* как литературоведческая форма связана с *интерпретацией*. Сущность интерпретации определяют в различных аспектах:

- как процесс мышления;
- как метод научного познания;
- как универсальный способ познания мира;
- как экзистенциальный модус присутствия человека в бытии;
- как метод конструирования социальной реальности².

Для П. Рикёра интерпретация – особая форма мыслительной деятельности, «работа мышления», суть которой «в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении <...> интерпретация там... где многосложный смысл и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов»³. Понятия интерпретация, критика и рефлексия – взаимосвязаны: «рефлексия есть критика», «второй этап» познавательной деятельности / герменевтической операции, благодаря которой происходит «расшифровка» объектов познания, представленных на первом – се-

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: М.А. Бондаренко, 2019. С. 266-321. [Раздел: «Вариации на тему. Историография. Эссекурс: К истории истории знаний: имена и смыслы»].

² См.: *Аганов О.Д.* Интерпретация как личностная форма творения бытия: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Казань, 2011. С.4.

³ *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. (Серия 'Канон философии'). С. 18.

мантическом этапе, – на котором объект выражен в языковой / лексической форме, несводимой «к однозначным значениям»¹. В итоге «благодаря интерпретации Cogito открывает позади себя нечто такое», что П. Рикёр называет «археологией субъекта»² [онтологический уровень. – Т.П.].

Эта, довольно «редуцированная» схема триады *критика-рефлексия-интерпретация*, позволяет рассматривать *литературно-критическую интерпретацию* по аналогии с историографической интерпретацией – критикой текста в историко-научном исследовании. И в том и в другом случае критика предлагает конкретную интерпретацию текста как рефлексивный акт, обусловленный личностью критика в ситуационном модуле и в социокультурном контексте эпохи. В качестве рефлексивного акта литературная критика предстает как самосознание художественной литературы.

Рецензия как разновидность литературно-критической интерпретации предоставляет двойную «археологию субъекта» - автора рецензируемой работы и ее критика.

Ремарка-post. Вклад П.М. Бицилли в рецензионное творчество огромен. Как справедливо сказал в свое время Г.В. Адамович – «...некоторые из этих рецензий трудно забыть...»³.

¹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. (Серия 'Канон философии'). С. 27-28.

² Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. (Серия 'Канон философии'). С.33.

³ Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1934. 29 авг. № 4900. С. 3.

4. ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО: *силуэт*

ЛИЧНОСТЬ

*...каждый человек есть
совершенно исключительное явление...*

П.М. Бицилли¹

Судьба человека – ключ к тайне его характера.

П.М. Бицилли²

Биографию П.М. Бицилли «всегда писали с излишним подчеркиванием точности и академизма, что сказалось на деперсонализации ученого – из живого человека он превратился в своего рода сухаря или в подобие памятника»³. Это справедливое замечание, однако, требует уточнения.

Создание биографии ученого, особенно такого масштаба, как Петр Михайлович Бицилли, – это не одноактное действие, но – процесс, в который должны быть вовлечены (и уже вовлечены – sic!) представители различных гуманитарных сфер и разной государственной принадлежности.

Реконструкция / конструирование биографии – это стадийное освоение биографического материала: созданная в результате источниковедческих операций (поиска, выявления, идентификации, прочтения / интерпретации, анализа, синтеза и систематизации – синхронической, диахронической, периодизационной, классификационной, типологизационной и др. – источников) фактуальная база – *биограмма* как комплекс достоверных (на данном этапе освоения темы) биографических фактов, –

во-первых, будет поэтапно вводиться в научный обиход;

¹ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 338.

² *Бицилли П.М.* Бор. Зайцев. Жизнь Тургенева. Париж, 1932 // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 434.

³ *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 92.

во-вторых, неизбежно будет корректироваться и уточняться в связи с «поступлением» новых данных – новых фактов, пополняющих биограмму.

Поэтому первые варианты биографии всегда «усеченные», академически «сухие», более фактографически насыщенные (при этом – с неизбежными фактологическими ошибками), нежели осмысленными и представленными в эмоционально-стилевых форматах, позволяющих «персонифицировать» / индивидуализировать «героя» биографии.

Вводя и осваивая источники, биограф постепенно постигает главный объект анализа – «героя», при этом, работая над одними и теми же источниками, разные исследователи создадут *свои* образы «объекта», и эти *образы* могут частично (иногда – во многом) совпадать, но вряд ли обретут тождественность, тем более что личность «героя» – неисчерпаема и иррациональна, как отметил сам Петр Михайлович, и «проникновение» в ее сущность / «дух» станет процессом перманентным, приобретая новые штрихи, новые интерпретации с каждым поколением исследователей-биографов и на каждой новой стадии в развитии науки.

Первый цельный биографический опус принадлежит М.А. Бирману (2018) и, конечно, при всех безусловных достоинствах этой дерзновенной попытки систематизировать имеющийся материал и показать Бицилли-личность и Бицилли-ученого с его человеческими и исследовательскими характеристиками, эта работа вызвала определенное неодобрение в отсутствие должного «академизма», что преимущественно связано с ограниченностью источниковой базы, «игнорированием» нового фактажа, «недопрочитанностью» многих новейших исследований и проч.

Отдадим должное «патриарху» бициллиеведения и будем оценивать его труд не по тому, что он «не сделал», но по тому, что он внес нового по сравнению со своими предшественникам. Полностью согласна с выводом одного из рецензентов книги – философа И.В. Голубович (Одесса): «лучшая биография – та, которую можно назвать *материалами к биографиям* (принципиально важно во множественном числе). Именно так бы я охарактеризовала жанр книги, считая такую характеристику важнейшим достоинством и преимуществом»¹ [курсив мой. – Т.П.].

¹ См.: Голубович И.В. «Открытая биография». М.А. Бирман о жизни и творчестве

Да и сам Михаил Абрамович полагал, что его книга не «закрывает» тему создания полноценной биографии Бицилли, но, напротив, открывает ее. В своем *Заключении* (я бы сказала – *Завещании*) он писал: «Желательно скорейшее создание (на основе целенаправленного и концентрированного исследования отдельных крупных пластов творчества и циклов публикаций ученого) сводных и обзорных монографических трудов о наследии П.М. Бицилли»¹.

«Человек не равен своей биографии»: непосредственно воспринимаемый исследователем мир исторического бытия, как сказал когда-то Петр Михайлович, – «хаотичен и бессвязен», и жизнь человека наполнена мелкими событиями – «хаосом бытия», который в конечном счете определяет судьбоносные «силовые линии», детерминирующие и пронизывающие творческий процесс. Преодоление этой «хаотичности» – в проникновении в многообразие взаимоотношений ученого с окружающим его миром людей, миром вещей и миром идей.

Ремарка-экскурс: О био-исследовании

Любая биография – это в конечном счете биография историческая: «герой» – Актор истории (вне зависимости от его масштаба), а его жизнедеятельность происходит в совокупности исторических ситуаций, следовательно, в качестве биографических фактов предстают факты исторические. Среди них – и сам «герой», и его поступки и деяния, и конкретно-историческая обстановка, в которой он действовал, и его эго-документы, и его труды (творческое / научное наследие), созданные в определенном временном / историческом режиме, и все многообразие свидетельств о «герое», возникших также в темпоральной специфике.

Пьер Бурдьё в дискуссиях 1980-х годов о проблемах биографического жанра сформулировав понятие «биографическая иллюзия», отразившее осознание сложности (практически, невозможности) описать жизнь индивида, тем не менее полагал, что рекон-

П.М. Бицилли // Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Випуск 2 (34). Одеса, 2020. С.275-285.

¹ Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 293.

струкция контекста, социальной плоскости, на которой действует личность – «герой» биографического исследования, состоящей в каждый отрезок времени из множества *полей*, – обязательное условие перспективности научного анализа¹.

За видимой простотой биографии зияет бездна индивидуальных судеб, неисчерпаемость личностных мотиваций «героя», которые для нас представлены лишь в ограниченных (и деятельностью, и еще более – источниками) поступках. Что собой представляет *биография* – действительный социальный феномен, социальный артефакт, или систему культурных символов, подлежащих реконструкции и декодировке², это – поле для дискуссий между представителями разных ветвей социогуманитаристики, которое вряд ли зарастет травой забвения в ближайшем будущем.

В биоисториографии «герой» – это ученый-историк, субъект истории исторической науки – историографии. Заимствуя у М.В. Нечкиной ее понимание историографического факта как факта исторического, имеющего отношение к истории исторической науки, используем эту мысль для понимания факта биографического. Соответственно, *биографический факт* – это любой исторический факт, в том или ином плане имеющий отношение к биографии личности. Для биографии ученого-историка любой историографический / исторический факт, соотносимый с его личностью и творческой жизнедеятельностью, превращается в *факт биоисториографический*.

Фокусная / предметная направленность фактов, включающих в свой арсенал и источники, позволяет по аналогии рассматривать *историографический источник* как «...всякий источник познания историографических явлений (фактов)»³. В этом ключе *биоисториографический источник* – источник историографический (который в свою очередь является разновидностью исторического), несущий информацию о биографии историка, или – шире, следуя за

¹ Бурдые П. Биографическая иллюзия. Пер. с франц. Е.Ю. Мещеркиной // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С.75-81.

² См.: Фукс-Хайнриц В. Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновой. М.: Ин-т социологии РАН, 1994. С. 11-41.

³ Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М.: Изд-во: РГГУ, 1997. С. 185.

мыслью С.О. Шмидта: *биоисториографический источник* – «всякий источник познания» биографии историка¹.

Для биоисториографии (как, впрочем, для любого научно-биографического и шире – научно-исторического исследования) принципиальным является вопрос о структуре источниковой и фактуальной баз. Представляется целесообразным разделять эти понятия. *Источниковая база* – комплекс выявленных (собранных) биографом разнообразных по виду-типовой характеристике источников. *Фактуальная база* – банк научных фактов (третья ипостась в триаде «факт-событие / факт-источник / факт-знание»), полученных в результате источниковедческих операций, достоверность которых зависит от квалификации исследователя, его интерпретации фактов-источников. Фактуальная база является основой для создания *биограммы*, которая, в свою очередь, выступает и как весь фактологический массив конкретного биографического / биоисториографического исследования, и как структурированная композиция этого массива научных фактов в зависимости от авторской исследовательской стратегии, полноты и репрезентативности самой фактуальной базы.

Иерархия биоисториографических источников композиционно неисчерпаема. В связи с этим структура источниковой базы биоисториографического исследования может быть представлена вариативным разнообразием (в зависимости от авторской стратегии, нацеленной на конкретный тип биоисториографического исследования – «внешняя / официальная» биография, персональная история и интеллектуальная биография и проч.), что ориентирует на определенный набор биоисториографических фактов и их выявление из соответствующих источников, на определенный вариант источниковой базы, конкретную иерархию биоисториографических источников.

Вариант первый.

I блок – *персональные тексты*, в массив которых входят:

1) *научные труды* ученого-историка²; их видовая форма раз-

¹ Не отвергая целесообразности многочисленных попыток конкретизировать смысловое насыщение категорий *факт-источник*, считаю, что предложенные выше традиционные дефиниции высвечивают принципиальную самость этих явлений.

² Данная модель сфокусирована на историке-ученом как объекте изучения, что не исключает создание моделей источниковой базы биоисториографического исследования, ориентированного на историка-аматора; в этом случае структура источников будет иметь свою специфику.

нообразна: от монографий, статей, тезисов, заметок, рецензий, дидактической литературы, опубликованных интервью, био / библиографических работ и т.п. до материалов личного архива – подготовительных материалов, вариантов статей, фрагментов монографий, конспектов лекций и т.п., цитат, выписок, заметок / замечаний в том числе в книгах – на полях¹ и проч.);

2) *труды / произведения в иных жанрах* – стихи, проза, публицистика, посвящения, эссеистика и проч.;

II блок – *источники личного происхождения (эго-документы)*: дневники, письма, автобиографии, исповеди, воспоминания и т.п.;

III блок – *семейный архив*, в том числе – «домашняя письменность» [термин П.М. Бицилли. – Т.П.] – блокноты, записи на память, стихотворные посвящения, поздравления, семейные книжки, девизы, шутки на случай и т.п.

IV блок – *конспекты лекций ученого*, сделанные студентами, литографированные лекции и т.п.;

V блок – *документальные*: законодательные памятники, актовый материал, материалы делопроизводства – в широком диапазоне, имеющие прямое или косвенное отношение к «герою» и т.п.;

VI блок – *мемуаристика и эпистолярная* (авторы – современники «героя»);

VII блок – *прижизненные юбилейные материалы* о «герое», а также *-некрологи*;

VIII блок – *интервью, анкеты* (для современников);

X блок – *периодическая печать*;

IX блок – *статистические материалы*;

XI блок – *судебно-следственные материалы* (для биографии историков, подвергшихся каким-либо санкциям);

XII блок – *био / библиографии, наукометрические сведения* (источники т.н. «второго порядка»);

XIII блок – материалы *иных источниковедческих типов*: вещественные, этнографические, устные, фольклорные (включая студенческий фольклор и т.п.), изобразительные, аудиовизуальные (иконография, записи лекций и проч.) и проч.

¹ С.О. Шмидт придавал особое значение «пометкам» и «записям» на книгах, считая их «ценнейшими свидетельствами», раскрывающими личность ученого и его творческий процесс. См.: *Шмидт С.О.* Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблема истории общественной мысли и историографии: к 75-летию академика М.В. Нечкиной: сборник статей. М.: Наука, 1976. С. 268.

Ремарка: 1) интервью, анкеты, фольклор, устные источники нарративно оформленные; 2) материалы архивных, библиотечных и музейных фондов содержат и печатную продукцию; 3) разумеется, эта схема не включает всех возможных видов, типов и групп источников. Ряд материалов из этих блоков неизбежно будут дублировать друг друга, блоки могут иметь другую «порядковость» – задача и право автора-биографа / биоисториографа распределять эти материалы по своему *целесообразанию*, т.е. создавать *особую* иерархию источников. Все эти источники могут выступать в опубликованной (печатной) форме, в виде неопубликованных, в том числе – архивных материалов (рукописных, машинописных), а также на электронных носителях (для современного этапа биоисториографии).

Вариант второй.

I блок – опубликованные персональные тексты (во всех видах публикаций – монографии, статьи, учебники, рецензии, мемуары, публицистика, эссе, стихи и т.п., а также во всех жанрах – научном, научно-популярном, научно-художественном, романизированном / художественном, с элементами беллетристики и т.п.);

II блок – материалы творческой лаборатории ученого (архив ученого);

III блок – опубликованные документальные материалы (все разновидности);

IV блок – неопубликованные архивные материалы (во всех видовых вариациях);

V блок – артефакты, имеющие прямое или косвенное отношение к «герою»: созданные им произведения искусства (рисунки, живопись, скульптура, различного рода поделки и проч.); любимые вещи «героя» (сувениры, талисманы и т.п.); подарки, сделанные «героем» другим людям или полученные от других людей, и проч.;

VI блок – личная библиотека ученого (каталог, данные о ней);

VII блок – места памяти / пребывания «героя» (географически-пространственные источники).

Вариант третий.

К биоисториографической источниковой базе, включающей творческое наследие ученых, эпистолярию и т.п. - любой нарративный текст, возможно применение «*принципа триады*»:

- «конкретный текст» историка («опорная группа» источников

по В.П. Корзун¹) – конкретный объект анализа – персональные тексты: письмо, научный труд и т.п. – «часть / единичное»;

- «большой текст» – все творческое наследие историка, в том числе вся эпистолярная и другие эго-материалы и т.п. – «целое», в контексте которого рассматриваются труды первого уровня;
- «контекст» – совокупность материалов, характеризующих эпоху, – историко-культурный контекст: условия научной деятельности историка, его микро- и макромир; специфика обстановки создания конкретного текста, при этом – эволюция условий / стадийность обстоятельств, факторы детерминации и т.п.

Ремарка-post. Предложенные варианты источниковой базы биоисториографического / био-исследования, могут корректироваться, блоки материалов из трех вариантов создавать основу для иных типов моделирования и т.д. Одновременно биограмма, постоянно пополняемая новыми фактами, заставляет уточнять и первоначальные планы автора-биографа вплоть до изменения типа био-исследования и переструктуризации биоисториографической работы. Разумеется, все процедуры источниковедческого анализа не исключают теоретической нагруженности фактов. Творческий компонент играет здесь не последнюю роль.

* * *

Главная проблема биоисториографического исследования (как и любого исторического) – наличие источников.

Ремарка-цитата: В.В. Янцен: «Каждый незначительный исторический факт или источник может совершенно неожиданно приобрести центральное биографическое и историко-философское значение при сопоставлении с другими источниками, фактами и более широкими смысловыми контекстами»².

¹ У В.П. Корзун, например, «опорную группу» составили в первую очередь рефлексивно-ориентированные труды историков. См.: Корзун В.П. Образ исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): Монография. Омск; Екатеринбург: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. С. 22.

² Янцен В. Другая философия: переписка Д.И. Чижевского и Г.В. Флоровского (1926-1932, 1948-1973) как источник по истории русской мысли // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2008-2009 год / Под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М.: Регнум, 2012. С. 471.

Ремарка-штрих. Как говорила в свое время З.Н. Гиппиус: «Если нужно объяснять, то не нужно объяснять».

Конструирование персональной истории Петра Михайловича Бицилли, к сожалению, упирается именно в источники, в первую очередь – эго-документы. Среди них на сегодняшний день лучше всего представлена эпистолярная. Ценные публикации переписки П.М. Бицилли с отдельными корреспондентами, с редакциями газет и журналов и т.п., оцифровка комплекса писем ученого в Архиве РАН, письма его друзей и его окружения позволяют увидеть его личностные качества, многогранность его характера, что, условно, проецировалось и в его творчество.

«Югославский период» – наиболее сложный в бытовом и морально-психологическом плане – представлен фактами из писем, которые рисуют Петра Михайловича с разных сторон.¹

П.М. Бицилли – эстет, человек утонченный и исключительно порядочный, и его, конечно, коробило окружение на работе, которое по своим «душевному качествам» и «по одаренности» оставляло желать лучшего; ему «невыносимо» было жить «в среде людей», к которым он испытывал «только презрение», а главное внимание приходилось «употреблять на самооборону от ежедневных мелких пакостей».

Он переживал, что не может обеспечить семью: «я получаю до смешного мало», жалование – «не настоящее», а «служительское»; «живем более, чем скудно», «жена и старшая дочь работают целый день, – а ходят без белья».

Работа для П.М. Бицилли – смысл жизни, но без книг («ни единой книги»), «добывать не могу потому, что нет денег»), работать невозможно, а положение «абсолютного безделья» для него – «равносильно отбыванию каторги».

Вся эта обстановка угнетала и рождала крайне пессимистические мотивы: «Мне просто не везет и это – судьба, в к[ото]рую я верю» – «в перспективе такое одиночество, тоска и полная бессмысленность и бесполезность существования»².

Для деятельного Г.В. Флоровского пессимизм П.М. Бицилли был непонятен: «...Бицилли впал в ничтожество и ноет», – писал

¹ В данном фрагменте я в ряде случаев опускаю ссылки на источник и указание на дату письма, т.к. практически все эти выдержки в более полном объеме уже присутствуют в тексте.

² АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 6, 9.

он к Г.В. Сувчинскому и Н.С. Трубецкому весной 1923 г. в связи с отказом Петра Михайловича от сотрудничества в евразийском сборнике. Этот отказ был воспринят Жоржем как «хандра» и «падение»¹. О склонности П.М. Бицилли к «хандре» пишет и К.В. Флоровская: Бицилли «...корректирует свою перемашиненную диссертацию и хандрит»².

Однако и другие современники, в частности – В.В. Руднев, отмечали, что П.М. Бицилли – «...человек неврастенический, меняющихся настроений»³. Г.В. Флоровский в письме к Н.С. Трубецкому (от 16 марта 1922 г.) также пишет о «меняющихся настроениях» Бицилли, который сначала «...отвечает отпором, потом уступками и оговорками, а потом – вдруг загорается...»⁴.

Даже когда вопрос о переезде в Софию был решен («для меня, после трех лет, проведенных в Скопле, и София рисуется чем-то вроде Парижа»⁵), П.М. Бицилли опять сомневается: «Не знаю еще что-то будет со мною. Я было ухватился за переселение, а теперь раздумье берет»⁶.

И диссертация для него под вопросом. П.М. Бицилли так спешил с публикацией «Очерков», боялся, что отсутствие опублико-

¹ См.: *Климов А., Байсвенгер М.* Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким (1921-1924). Публикация А.Е. Климова и М. Байсвенгера // Записки русской академической группы в США. Том XXXVII. 2012. С.109; *Ермишин О.Т.* Письма Г.В. Флоровского П.П. Сувчинскому (1922-1923). Предисловие, подготовка текста и комментарии О.Т. Ермишина. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 560; *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 122.

² Из письма К.В. Флоровской к Г.В. Флоровскому от 12 марта 1923 г. Цит. по: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 110-111.

³ Из письма В.В. Руднева к Г.В. Флоровскому от 15 марта 1937 г. Цит. по: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 175.

⁴ См.: *Климов А., Байсвенгер М.* Переписка Г.В. Флоровского с Н.С. Трубецким (1921-1924). Публикация А.Е. Климова и М. Байсвенгера // Записки русской академической группы в США. Том XXXVII. 2012. С.76. Речь в письме о подготовке очередного издания по «Евразийству».

⁵ Из письма к К.В. Флоровской от 29 июля 1923 г. Цит. по: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С.113.

⁶ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д.140. Л. 5. Из письма П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому от 16 декабря 1923 г.

ванной диссертации может повлиять на защиту (как, он считал, это было с Г.В. Флоровским), а теперь, когда ситуация стала складываться к лучшему, его опять одолевают сомнения: «С моей книгой, я думаю, торопиться особенно нечего. Ведь по нашим правилам диспут устраивается на съездах, – а когда-то будет следующий съезд: и будет ли вообще?»¹.

И в Софии, где жизнь была несравненно лучше, нежели в Скопье, П.М. Бицилли опять «ноет»: «Мое дело плохо: царство Болгарское сидит без денег, а потому сидит без денег и университет, – и потому и без книг»... «Царство Болгарское, а значит и университет – сидит на мели, книг не покупаем, работать потому нельзя»... «Приходится всячески изворачиваться и развлекать себя видимостью настоящей работы»².

И все-таки П.М. Бицилли умел себя преодолевать. В трудной ситуации, на которую он жаловался А.В. Флоровскому, перечисляя все негативные факторы, осложняющие его жизнь, Петр Михайлович вдруг сообщает: «Все таки я – *особенно сейчас* – усиленно занимаюсь одной в высшей степени филологического свойства работой над Пушкиным...»; и тут же – опять неверие в то, что получится «довести ее до естественного конца, т.е. – до «Книги»³ [курсив мой. – Т.П.]».

Из писем, особенно скопьенского периода, может создаться впечатление о П.М. Бицилли как человеке легко впадающим в депрессию, с пессимистическим взглядом на мир. Конечно, эти письма написаны в связи с разными обстоятельствами, но «циклотимность» (колебания настроения и в жизни и в работе), возможно, черта характера П.М. Бицилли⁴, человека в принципе открытого и добросердечного. По воспоминаниям родственников, П.М. Бицилли обладал прекрасным чувством юмора, часто рассказывал забавные истории и сам посмеивался, когда над ним подшучивали⁵.

¹ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л.10.

² АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 30-31.

³ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 6-7. Из письма П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому от 27 июля 1923 г.

⁴ Вызову нареkania «академистов», но все-таки обращу внимание на астрологический фактор: П.М. Бицилли – под знаком «Весы», и очень многие характеристики этого знака (если основываться на достаточно серьезных астрологических публикациях) созвучны личностным качествам ученого.

⁵ См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспособляюсь к “независящим

Петр Михайлович – «человек очень тонкой душевной структуры», «исключительно скромный и взыскательный к себе», «по складу своего характера он был очень добр, мягок, отзывчив к человеческому горю, но был насмешлив и нелюдим», а в последние годы стал «угрюм», – так определял ученого А.П. Мещерский, зять П.М. Бицилли¹.

Будучи сам в довольно сложных условиях, Петр Михайлович заботится о своих коллегах-эмигрантах, стремится найти им возможности работы и «сносного» существования; подробно пишет А.В. Флоровскому о санаториях в Далмации, зная о болезни его жены – Валентины Афанасьевны.

П.М. Бицилли очень интересуется жизнью в Одессе – и не только потому, что там осталась его мать, но его волнует положение родного Новороссийского университета, коллег-историков, его огорчает ситуация с бывшими учителями: «Старикам приходится туго»²; он опечален тем, что разрушается сам Университет: «Одесский университетский музей уничтожен»³.

П.М. Бицилли скучает за Родиной, той, которой уже не было, но все равно неоднократно думает о возвращении. Получив письмо от своего ученика – О.Л. Вайнштейна, он пишет К.В. Флоровской: «...видимо действительно жизнь там начинает чуть-чуть поправляться», и все-таки он еще не решается на возврат: «...я думаю, что надо еще выждать»⁴.

Его беспокоят И.М. Гревс, Л.П. Карсавин и Н.О. Лосский, которые «читают проповеди по церквам». Несмотря на то, что Л.П.

обстоятельствам»». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 92.

¹ См.: *Бицилли П.М.* Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья, коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 574, 587.

² Из письма к К.В. Флоровской от 31 января 1922 г. См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С.58.

³ Из письма к К.В. Флоровской от 5 декабря 1923 г. См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С.138. Об университетском музее см.: *Левченко В.В., Левченко Г.С.* Музей изящных искусств Императорского Новороссийского университета: фонды, персоналии, судьбы // Вопросы музеологии. 2012. № 2 (6), С. 105-113.

⁴ См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 58.

Карсавина П.М. Бицилли недолюбливал («он человек мнительный и подозрительный», «мелко самолюбивый»¹), он признавал его (с оговорками) как ученого и беспокоился о нем как о коллеге. При всем по сути нищенском существовании в Скопье, П.М. Бицилли заботится об оставшихся в Одессе: «мы пробуем организовать здесь сбор для отправки Хуверовских посылок коллегам»².

Он рад приезду в Софию знакомых коллег, в частности А.В. Мякотина³, с которым можно поговорить «об исторических материях»⁴.

Известие о кончине В.Э. Крусмана, коллеги по Новороссийскому университету, друга и во многом наставника очень П.М. Бицилли огорчила: «...на днях получил от Вайнштейна известие о кончине Крусмана. Он умер от тифа – в августе – в Москве по пути в Харьков, куда поехал на выручку библиотеки <...> Посылаю Вам набросок некролога... в котором я усиливаюсь выразить все то, что я о Крусмани знаю, – так, чтобы это было более или менее ясно тем, кто его не знал <...> Я с мыслью об этой смерти никак не могу примириться»⁵.

О жене Петра Михайловича – Марии Тимофеевне – еще очень мало известно⁶, но из воспоминаний, знавших ее, вырисовывается образ женщины красивой, открытой, доброй, веселой, энергичной, оптимистичной, сумевшей превратить свой «эмигрантский дом» в теплый очаг, привлекавший всех обездоленных.

Доброжелательность, стремление помочь всем, кому можно и чем можно – черта, объединявшая супругов Бицилли. Мария Тимофеевна, вероятно, своим оптимизмом нивелировала склонность

¹ См.: АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л.7, 30.

² См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 58. В 1921-1923 гг. – деятельность АРА (Американская администрация помощи голодающим под руководством генерального директора Г.К. Гувера (1874-1960), 31-го президента США.

³ См. о нем: *Велева М.* Професор Венедикт А. Мякотин в България // *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С.129-148.

⁴ АРАН. Ф. 1609. Оп.2. Д.140. Л. 31.

⁵ Из письма П.М. Бицилли к К.В. Флоровской от 23 февраля 1923 г. Цит.по: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 107.

⁶ Первая попытка обобщить немногочисленные факты ее биографии была мной предпринята в статье в сборник «Проблемы славяноведения» (Брянск, 2018).

к депрессии своего мужа, поддерживала его в трудные годы, вдохновляла...

Удивительна тональность писем к А.В. Флоровскому: Петр Михайлович, старше Антония Васильевича (1884-1968) на пять лет – это весьма существенная разница, и, тем не менее, его письма к другу – теплые и доброжелательные – все-таки отдают некой «приниженностью»: впечатление, что пишет младший к старшему – и по возрасту, и по положению. Возможно, необходимость «просить» и «благодарить» (путь – искренне и от души) накладывала отпечаток на эту переписку.

Иная тональность в письмах к Клавдии Васильевне – «жалобы» окутаны шутливым флером, «сетования» подаются с юмором и чувством (конечно, показным, но все-таки с победоносным оттенком) превосходства над обстоятельствами...

П.М. Бицилли с заботой относился к своим родным – организовывал посылки и др., постоянно стремился найти способ переправить мать, Екатерину Адольфовну, из Одессы к себе, в Болгарию. Можно согласиться и с аргументацией Г. Петковой: П.М. Бицилли в 1920–1930-е гг. «весьма сдержанно относился к истории России как научной и преподавательской проблеме». Эта «сдержанность» объяснялась в том числе своеобразным «автоцензурованием»: по семейному преданию брат Бицилли, М.М. Бицилли, оставшийся с семьей в Одессе, просил профессора не заниматься политикой и историей России во избежание неприятностей, которые деятельность родственника-эмигранта могла доставить его родным в Одессе.

Письма П.М. Бицилли очень ярко характеризуют его как личность: скромный, добросердечный, отзывчивый, с тонким юмором и одновременно, пессимистичный, легко впадающий в уныние, недооценивающий себя, неуверенный в себе, принижающий свои достоинства.

Но наряду с этим – знающий себе цену, умеющий отстоять свои взгляды, сохранить, несмотря на непонимание и критику коллег, свою позицию.

В то же время небрежность по отношению к личным документам: игнорирование акрибии в фактах биографии (отсюда «разнобой» в датах); для него не важно, проставлена ли дата / год написания того или иного письма); он не заботится о будущих исследователях своей жизни – не стремится сохранить свой личный

архив, т.к. не видит особых достоинств своих трудов и не собирается «войти в историю», и т.п. – это не просто несущественные штрихи. Эти факты, казалось бы личностного порядка, в определенной мере проецировались в его позицию ученого.

П.М. Бицилли не очень интересуется «исторический быт», «детали» – все это не главное:

- для него не важны точные факты биографии В.Э. Крусмана при написании некролога в память друга («Дело в том, что мне почти неизвестна вся та сторона, которая относится к “*curriculum vitae*”. Впрочем, это, быть может, не так уж нужно» [курсив мой. – Т.П.]);
- он игнорирует Curriculum Vitae в этюдах о П.Г. Виноградове и П.А. Бакунине;
- он, критикуя Т. Моммзена, считает неважным знание того, какого цвета были глаза у Суллы («для понимания эпохи» такие сведения, что «у Суллы были голубые глаза и светлые волосы», не нужны);
- детали, которые приводит Э. Ренан о жизни Христа, «ни на йоту», по мнению ученого, не приближают «к пониманию “исторического Христа”, т.е. Христа как единственного в истории явления»¹ и т.п.

Это уже позиция, возможно, опосредованно связанная с личностной спецификой...

По своему мировоззрению П.М. Бицилли – не монархист, он, как и большинство интеллигенции – университетской профессуры, – настроен либерально-демократически, как он сам писал в своих автобиографиях. П.М. Бицилли – поклонник европейского образа жизни, сторонник многопартийности по образцу Соединенных Штатов, приверженец свободы творчества и системы образования, которая должна воспитывать «культурного человека» – личности, поэтому и «школа Делянова», и «школа Луначарского» для него одинаково неприемлемы. «Большевизм» со «зловещей маской Ленина»² для него категорически чужд. П.М. Бицилли – православный, но конфессионально независим / толерантен; Бог для него – во Всеединстве мира и человека, сугубо личностная сфера

¹ См.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 260-263.

² См.: Бицилли П. Два лика евразийства. // Современные записки, 1927. № 31. С.421-434.

индивидуального «мироощущения». Для П.М. Бицилли «история индивидуума» – приоритетна по сравнению с «коллективистской историей», актуализированной в позитивистской и марксистской историографии. Он не терпит насилия и «ограничений» в любом виде, хотя и вынужден признать, что ограничения неизбежны: вторя Б.Спинозе, он часто повторяет – «ограничить, значит определить»¹. Любимый лозунг П.М. Бицилли – «единство в многообразии», а его личностный поиск – это поиск «гармонии в разномосице жизни»².

ТВОРЧЕСТВО

*Творчество, делание есть акт приобщения
человека-микрокосма к макрокосму.*

П.М. Бицилли³

Текст – это его автор. Данное аксиоматическое утверждение признается сегодня практически всеми.

Ремарка-предложение. «В каких видовых группах источников можно обнаружить голос историка-ученого и выражение своего эго как способа научной самоидентификации?» – задает вопрос известный российский историограф Н.Н. Алеврас. В литературе уже сложилась традиция относить сугубо личные материалы к эго-документам, среди которых в первую очередь дневники, эпистолярная и т.п. Н.Н. Алеврас предлагает расширить понятия *эго-документ*: «в любом из результатов интеллектуальной деятельности, избранных историком для фиксации своих идей», можно увидеть его личность: «в неявной форме» самоидентификация ученого предстает в научных трудах, среди которых – рецензии и проч. Всю эту совокупность эго-материалов (эго-центричных в своей основе)

¹ Много позже Булат Окуджава, который также не любил ограничений, сформулировал: «Весь мир устроен из ограничений...».

² *Бицилли П.М.* П.А. Бакунин // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 318.

³ *Бицилли П.М.* Жизнь и литература // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 481.

как форму «выражения критической (историографической и методологической по природе) рефлексии», как способ «самопознания» и одновременно «презентации себя и Другого в научном пространстве», Н.Н. Алеврас предлагает, используя известное понятие, введенное в историографию Э.Л. Ладюри и А.Я. Гуревичем, назвать «территория историка»¹.

Рассуждения Н.Н. Алеврас продуктивны и подтверждают мой анализ произведений П.М. Бицилли (и во многом – его рецензий и других работ «малой формы»): вся его «территория историка» – это он сам, его «психея»...

Попробую (не претендуя на полноту и признавая субъективность интерпретаций) выделить несколько позиций – важнейших в теории и методологии истории П.М. Бицилли, выражающих его «дух», его научное кредо и его личность ученого и человека².

1. Об историческом синтезе. Это понятие – главное в историографической концепции П.М. Бицилли – «центральная», даже «единственная» проблема теории исторической науки, – ведущая задача «Очерков истории исторической науки», «мучительный» объект раздумий и историографического анализа, который потребовал от ученого «перелопатить» сотни великих (и не очень) исследований для того, чтобы найти «основы для того неопределенного, что называется “историческим синтезом”»³.

Несмотря на то, что П.М. Бицилли отдавал должное романтической историографии, которая утвердила *Principium individuationis* – основополагающий в научных исторических исследованиях, по мнению ученого, – он не обошел своим критическим пером ее «мастеров». Сравнивая роман и историческую науку, П.М. Бицилли замечает: «исторические романисты» «поддаются иллюзии», считая, что для воссоздания «духа времени» главное – «выдержанность стиля», т.е. точная передача «“исторических” бытовых черт» (Ф.-Р. Шатобриан, А. Франс, А. де Ренье, даже Г. Фло-

¹ См.: *Алеврас Н.Н.* Историографический текст как эго-документ: к постановке и обсуждению подхода // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. С. 41-51.

² Этими позициями, разумеется, не ограничивается система теоретических и методологических построений П.М. Бицилли, но содержательно и даже по форме они проходят через все творчество ученого, поэтому в ряде случаев придется повторяться – и в мыслях, и в цитатах.

³ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Когановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 18, 40.

бер). Эти «художественные приемы» оказались «поучительными» для О. Тьерри, Ж. Мишле и других историков-романтиков¹.

В отличие от позиции «классиков» для П.М. Бицилли историческая правда не в *деталях истории – фактах исторического быта / событий* [курсив мой. – Т.П.]. Он критикует представителей романтической историографии О. Тьерри, Т. Моммзена, Э. Ренана и даже Л. фон Ранке (хотя последний, по его мнению, с «непревзойденным мастерством» мог «достигнуть той художественной цельности», которая делает «его произведения недостижимыми образцами исторического творчества»; впрочем и он, вынужден констатировать ученый, «*полного синтеза не дал*»²) за стремление «к фотографическому воспроизведению прошлого», за желание «воссоздать «историческую личность» во всей ее конкретной полноте», за чрезмерное увлечение «пластичностью» и бессодержательным «психологизированием» (у Т. Моммзена)³ и др. [курсив мой. – Т.П.].

Высоко оценивая труды Якоба Буркхардта по истории Возрождения, П.М. Бицилли тем не менее считает, что Я. Буркхардту не удалось выявить «стиль» эпохи: проанализировать психологически многообразные культурные явления изучаемого им времени. На примере исследований Я. Буркхардта, можно, по мнению П.М. Бицилли, сделать вывод о том, что «исторический синтез быть *не может*», и одновременно понять, каким все-таки путем следует идти для того, чтобы «достигнуть *возможного синтеза*»⁴ [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.].

«Искатели» исторического синтеза, замечает П.М. Бицилли, обычно стремятся обнаружить «объективную ценность», к которой можно было бы свести «все многообразие данности» и которая служила бы «центром кристаллизации распыленных феноменов исторического бытия»⁵.

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 254-255.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 264-265.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 264-265, 259.

⁴ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 273.

⁵ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 328.

Анализируя литературу, П.М. Бицилли приходит к выводу – в историографии синтез представлен в трех видах:

- с точки зрения «достигнутых в итоге *всего* исторического развития той величины, которая есть для нас «человечество», или культурных *результатов*»;
- с точки зрения «индивидуальных, самодовлеющих особенностей отдельных эпох и отдельных культур» [везде курсив П.М. Бицилли. – Т.П].
- третий вид синтеза: «сравнительное исследование отдельных культур в их неповторяемом своеобразии» (например, у Вико, Конта или Шпенглера) может привести «к констатированию *стадий*, проходимых каждой отдельной культурой»; хотя, уточняет П.М. Бицилли, этот вид синтеза вряд ли можно назвать нечто новым, т.к. в нем «социологический прием» выступает «подсобным средством» для построения синтеза второго типа¹.

Однако «жизнь бесконечно сложнее наших построений и схем» и «охватить» историческую жизнь «во всем многообразии ее проявлений, и в ее основных тенденциях – дело невозможное», убежден П.М. Бицилли². Условием для «преодоления основной антиномии историзма» – антиномии «реальной» и «писанной» истории – является «сознательный отказ от идеи *единого* синтеза», убежден ученый.

Какой же вид *синтеза* все-таки *возможен* по Бицилли?

Вывод ученого неутешителен с точки зрения искателей широких исторических полотен, «отражающих» реальную историю: в действительности, считает он, «длительных моментов» в истории нет, «поэтому возможен только «синтез “момента”», при этом, чем обширнее охватываемый синтетически «кусочек» истории, тем «скуднее и синтез»³.

Аргументация П.М. Бицилли связана со второй ключевой проблемой.

2. О специфике исторической науки и стадиях исторического понимания. Согласно Бицилли, *историческое понимание* в своем развитии прошло три стадии: «наивный реализм», «истори-

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 333.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 35.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 380.

ческая метафизика» и, наконец, современный этап – «критический реализм». Третий вид исторического понимания – «лучшее наследие романтики и германской философии духа начала прошлого века [XIX в.] – получил свое самое блестящее теоретическое выражение в трудах Дильтея, Кроче и Фосслера <...> Оно стоит в несомненной духовной связи с такими общественно-политическими течениями, каковы философия Джеймса и Бергсона». Именно «новое» историческое понимание выдвинуло *новую* проблему – «идею творческой самобытности каждого реального агента исторического процесса, т.е. единичной личности»¹.

Историк имеет дело с «явлениями сложными и в своей сложности единственными и неповторимыми, т.е. символическими»: в «историографическом произведении объектом является *дух эпохи*»². Если под культурой понимать «жизнь духа», то понятия «истории» и «истории культуры» совпадают³. «Подлинный» предмет исторической науки – «индивидуализирующее изображение человеческой жизни как жизни культуры», а исторические факты, т.е. «подлинные факты истории» – не «внешние явления», а явления «жизни духа»⁴.

Задача историка – из «объекта исследования» выделить «исторический объект», а именно: в результате *анализа* «умерщвленного им материала» выделить то, «что *для него ценно*»⁵. «Хаотичность» исторического материала действительно требует от историка определить «масштаб ценностей» – критериев построения синтетической картины. Но, опираясь на какой-либо один критерий, построить единую синтетическую картину истории невозможно: история не может быть одновременно «индивидуалистической» и «коллективистской», позитивистской» и «религиозной». Но возможно построение «нескольких *параллельных* исторических синтезов»

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 38-40.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 297, 289.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 14.

⁴ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 300-301.

⁵ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 263.

в соответствии с определенным критерием / «ценностью», и все эти образы истории «*формально* – логически и методологически» будут «безупречны»¹. Поиски «единого, единственно “научного” критерия» – это непонимание «истинной природы исторических *individua*»². Любой творческий акт – «*единый*, абсолютно неповторяемый», поэтому все созданные образы истории правильны со своей точки зрения – в зависимости от избранной «дистанции»³.

Если «динамическая точка зрения» преобладает в построении всемирно-исторической истории, сохраняя свои позиции в историографии, то «статическая точка зрения» проявляет себя в новейших «образцовых произведениях», посвященных истории культуры. Именно это направление П.М. Бицилли определял как «методологически» верное и считал, что современная ему историческая наука приближается именно к такому пониманию своего предмета, и задача теории истории как науки – в «выявлении и обосновании этой научной тенденции»⁴.

Однако, несмотря на то, что для П.М. Бицилли в большей степени близка идея исторической статики и эстетико-индивидуализирующего анализа, он, как глубокий исследователь исторической мысли, вынужден был признать: эти научные точки зрения, взаимно исключают одна другую, эти *полярные* подходы к истории одинаково законны, и представляют собой «пределы», между которыми «обречена – взад и вперед – двигаться историческая мысль», задерживаясь то на одном полюсе, то на другом в зависимости «от множества привходящих, посторонних условий»⁵.

Ремарка-уточнение. Эту мысль можно экстраполировать на более широкий контекст познания – неизбежная закономерность своеобразного «метания» между полюсами подходов,

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 27-28.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 347.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 335. Методологический и концептуальный плюрализм – знаковая черта ученого.

⁴ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 300-301, 315.

⁵ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 221-222, 315, 348.

идей, методов и т.п. Фокусные ориентиры исследовательских интересов постоянно смещаются или просто меняются местами (на новом витке познания) в зависимости от колебания маятника «открытий», что связано с суммой имманентных и «привходящих» условий, интериоризационных процессов и т.п. Увлеченность «гранд-нарративами» сменяется «микроисторией», «глобальная история» – «глобальной микроисторией», «коллективистская история» – историей личностной / биографической; классификационный или периодизационный подходы – коммуникационным и проч. Не стоит исключать и фактор «историографической моды» – определенную зависимость от приоритетных «трендов» и «брендов», вносимых в одну ареальную историографию другой.

Для П.М. Бицилли «старое» и «новое» историческое понимание – это два полюса исторического восприятия, две «в одинаковой мере» присущие сознанию тенденции, связанные между собой, существовавшие всегда, как только появилась «историческая рефлексия», но «с особенной силой» вскрывшиеся / проявившиеся «в наш “исторический век”». Именно в этот «исторический век» – современный П.М. Бицилли – история стала самостоятельной дисциплиной в системе идиографических дисциплин, и ее рефлексивная составляющая – *история историографии* нацелена на осознание природы исторического мышления через анализ «разнообразных модификаций исторической мысли в процессе ее развития» на основе анализа исторических трудов¹.

Переход к новому историческому пониманию обозрим на примере эволюции исторической тематики в границах от начала XIX века до начала XX века: «всемирная история», «история человечества» вытесняются монографиями и произведениями, посвященными отдельным культурам, народам, событиям и моментам, и уже не составляют «славу и гордость современной исторической науки». Опасения, что историческая наука «погибнет от микрографии», П.М. Бицилли не смущает (хотя он и различает понятия «детализация» и «микрография»: первое – обязательное условие исторического исследования, если «мы отправляемся от общего к частному»; второе – «в смысле занятия пустяками»). Причина – не

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 41-42.

«в дифференциации науки», напротив. Он приветствует появление социологии и считает, что на смену всемирным историям пришли социологические обобщения, среди которых – «наиболее выдающийся памятник новейшей исторической мысли», считает П.М. Бицилли, принадлежит Макс Веберу. Но он против «порабощенности исторической мысли социологическими предрассудками».

П.М. Бицилли признает принцип историзма и считает, что нельзя рассматривать современный кризис исторической мысли как отказ от историзма «по типу романтизма»¹. Идея «историзма» в новом историческом понимании не угасла, уточняет он, но приобрела дополнительные оттенки: историзм не «только понимание исторической жизни как движения и как развития», историзм «прежде всего понимание исторической жизни как *свободного* развития», что соответствует пониманию исторической жизни «как жизни духа»².

Идея «свободного развития духа» предполагает в истории «иррациональное начало», или *случай*³. Это понятие важно для ученого как оппозиционное идее провиденциалистской догмы и разного рода закономерно прогрессивным моделям исторического развития.

П.М. Бицилли оценивает новый уровень в развитии исторической науки [уровень институционализации, на котором происходит ее дисциплинаризация. – Т.Н.]: «*современная историография*» начала «сознавать самое себя *как науку*» [курсив П.М. Бицилли. – Т.Н.]. Значение этого «самосознания» не только в формировании теоретико-методологической области, но это «самосознание» исторической науки развивается «параллельно» с самой наукой и, таким образом, «служит хорошим показателем этого развития»⁴. Речь – о появлении и стабилизации рефлексивного уровня исторической науки – теории и истории, что является критерием завершения дисциплинарного процесса.

История для П.М. Бицилли – наука, и историк-ученый должен следовать определенным нормативам исследовательской ра-

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 173-175, 379.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 155, 158, 319.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 354.

⁴ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С.282-283.

боты, иметь четкое представление об инструментарии своей науки и границах ее научных возможностей. Поскольку «творческий акт», убежден П.М. Бицилли, – «единый» и «абсолютно неповторяемый», то разные *образы* истории, различные исторические концепции будут «правильны» с позиций определенной «дистанции», учитывая конкретную точку зрения. История как наука стремится «охватить действительность понятиями», поэтому «историк не в состоянии» раскрыть целостную Истину, что дано только величайшим произведениям искусства: сущность всякой науки в том, что «разум “осиливает”, “убивая”»¹. В этом плане для П.М. Бицилли тезис – «искусство опережает науку»² – был аксиоматичен.

Тем не менее, историческая наука как определенная форма познания – самодостаточна, обладая *своим* языком – категориальным аппаратом. Выступая против «абстрактного», «общезначимого» языка науки (нельзя «сковать мечту непрерывной цепью общих понятий...свести всю совокупность сведений к системе определений»), П.М. Бицилли считал, что историк имеет право использовать любые понятия, которые позволили бы ему достигнуть цели – «максимальной степени индивидуализации». Однако слово / понятие «может быть понято двояко», поэтому необходимо «уговориться, в каком значении оно будет употребляться»³.

Ремарка-заметка. Задолго до П.М. Бицилли И.Г. Дройзен утверждал: «Долгом и правом нашей науки, как и любой другой, должно быть исследование и определение понятий, с которыми она имеет дело»⁴. И.Г. Дройзен с 1857 г. по 1883 г. в Берлинском университете читал курс лекций «Энциклопедия и методология истории» [аналогичный курс лекций под образцу дройзеновского читал в Новороссийском университете А.Г. Брикнер. – Т.П.]. В 1858 г. ученый опубликовал

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С.348-350.

² Бицилли П. Жизнь и литература // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.476.

³ Бицилли П.М. Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века) // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С.236; *Он же*. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 339, 341.

⁴ Дройзен Г.И. Историка / Перевод с немецкого Г.И. Федоровой под редакцией Складнева Д.В. Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2004. С. 549.

тезисный конспект этого курса «Очерк историки», который переиздавался позже (1862, 1875, 1882, 1925 гг.). Полностью лекции были изданы в Германии в 1936 г.; значительная роль в издании лекций принадлежала немецкому историку, академику Прусской академии Фридриху Майнеке (1862-1954). Эти издания были известны и цитировались в работах Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, Э. Бернгейма и др.¹. Был ли знаком П.М. Бицилли с работой И.Г. Дройзена? Во всяком случае, в «Очерках» имени Дройзена нет, хотя на Ф. Майнеке [в тексте: Мейнеке. – Т.П.] П.М. Бицилли ссылался.

П.М. Бицилли, пользуясь множеством понятий – «стадия», «тип», «стиль», «ценность», «прогресс», «человечество», «нация», «раса», «культура», «цивилизация», «среда», «эпоха», «культурный момент» и проч. и проч. – всегда подчеркивал полисемантическую их употребленность в разных дисциплинах, что создает «двусмысленности» и относительность этих «эвристически-вспомогательных» средств; при этом, замечал он, следует учитывать и «историчность этих понятий»: «одни и те же термины нередко покрывают различные содержания»².

Признавая «поразительное ясновидение» Ж.-Ж. Руссо, он, тем не менее, критикует философа за «смешение» некоторых терминов – «намеренно или по невежеству»³. Соглашаясь в целом с фосслеровской идеей о языке – «зеркале культуры», П.М. Бицилли, отмечал, что К. Фосслер слишком «буквально» воспринимает понятие «зеркало»⁴.

П.М. Бицилли убежден в том, что необходимо периодически «подвергать пересмотру» исторические понятия, т.к. историк может «впадать в заблуждение», поскольку со временем понятиям начинают приписывать «абсолютное значение»; кроме того, «правильность» или «ложность» научных понятий зависит «от избран-

¹ См.: *Савельева И.М.* Обретение метода // Дройзен И.Г. *Историка*. / Пер. с немецкого Г.И. Федоровой; под ред. Д.В. Складнева. СПб.: «Владимир Даль», 2004. С. 5-23; *Хюбнер Рудольф*. Предисловие издателя [1936 г.] // Там же. С. 24-38.

² *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. 11.

³ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 126, 135, 318.

⁴ *Бицилли П.М.* К вопросу о характере языкового и литературного развития в новое время // *Годишник на Софийския университет: Историко-филологически факултет*. 1936. Т. 32. Кн. 5. С. 3.

ной точки зрения», от степени соответствия этих понятий действительности и, наконец, содержание понятий постоянно меняется¹.

П.М. Бицилли не считает «ложным» прием «мозаическо-го склеивания источников», поскольку историк, по его мнению, «имеет право комбинировать» данные из «надежных» источников для того, чтобы «получить нечто целое». Но поскольку работа историка напоминает работу следователя (ученый-историк лишен возможности «выяснить что-либо наверняка: возможности экспериментирования»), то при всех своих усилиях историк никогда не сможет «устранить свой собственный личный коэффициент, и потому всякая историческая концепция обязательно будет более или менее субъективна», ибо нельзя утверждать, что получившаяся при конкретном угле зрения «историческая перспектива является “единственно правильной”». В этом плане ученый-историк «никогда не стоит» на «почве объективности»: нельзя «приписывать своим предварительным концепциям окончательное значение»² [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.]. Поскольку «к величайшим заблуждениям можно прийти от самых ценных мыслей», постольку любая мысль должна быть проверена в своих «основаниях»³.

Историческая наука в своем развитии расширяет сферу объектов познания, поэтому в ее «пространстве» происходит дифференциация познавательных сфер, начинают институционализироваться новые направления-дисциплины. П.М. Бицилли не вполне согласен с Э. Трельчем, который считал, что истории культуры как самостоятельной дисциплины не существует. «Науки о духе» (науки о культуре), констатирует ученый, сегодня стремятся «выделиться из “всеобщей истории”, отмежевать себе свою собственную область и тот материал», который хоть и является общим материалом, должен трактоваться в историко-культурных исследова-

¹ Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 232.

² Бицилли П.М. Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века) // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С.239.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Когановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 212, 217, 362.

ниях особым образом – «по-своему»¹.

Рассматривая проблему исторического синтеза, которая остро встала именно на современном для П.М. Бицилли этапе в развитии исторической науки, он рассуждает: даже если отказаться от идеи прогресса – наиболее привлекательной для сторонников всемирно-исторического синтеза и наиболее неприемлемой для ученого – и построить все-таки «всемирно-исторический синтез», возможно, в ином ключе, то вряд ли «такой синтез *важен и нужен*» [курсив мой. – Т.Н.], поскольку такой синтез не помогает «уяснению природы культурных явлений в изучаемой среде», он «не богат содержанием» и будет фактически сведен «к слишком широким формулам»².

Для П.М. Бицилли «прямой объект» истории – *личность*, в которой необходимо выявить то, что «в ней специфично и характерно для эпохи». Так возникает, по мнению П.М. Бицилли, проблема «*исторического типа*, тесно связанная с проблемой периодизации истории»³. «Культурно-исторический синтез то же, что «культурно-историческая периодизация», которая необходима тогда, когда осмысливая «конкретную историю», историк пытается «индивидуализировать каждый момент в этой истории, меряя его собственным масштабом», т.е. в соответствии с определенной «абсолютной или релятивной» (что «безразлично» – sic!) ценностью⁴. При этом, изучая исторические типы, не следует их «подгонять» под заранее «изготовленные» рубрики «эпох» и периодов», но рассматривать личность как «неделимое», исходя «из анализа душевного мира живых людей, у которых “мировоззрение” не существует отдельно от “мироощущения”»: «мировоззрение» неотделимо от «мироощущения», в противном случае надо отказаться от изучения «духовной стороны исторической жизни, ограничиваясь “внешними фактами”». Именно этот подход позволит определить «духовное содержание *отдельных исторических моментов*» [курсив мой. – Т.Н.]⁵.

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 315.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 346.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 267, 15, 40.

⁴ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С/37/

⁵ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Ка-

Таким образом, в историческом исследовании возможен только *стадиальный синтез* – «синтез “момента”». Решение этой проблемы у П.М. Бицилли связано с теми подходами, которые составляют его методологическую платформу.

3. О подходах к изучению истории. П.М. Бицилли – приверженец *культурологического подхода*, поскольку культура – это «жизнь духа», объекта историографического исследования, следовательно, понятия «истории» и «истории культуры» для него совпадают.

Деление истории на социально-политическую и историю культуры – то же для П.М. Бицилли, что и разделение подходов в ее познании на *генетический* и *эстетико-индивидуализирующий*, или *историческую динамику* и *историческую статику*¹.

Историк стремится понять историю и «в смысле ее жизненно важных для него *итогов*, и в смысле самодовлеющей значимости *отдельных ее моментов*» [курсив мой. – Т.Н.]. Но даже если принять в качестве исходного тезис о том, что история – наука идиографическая и предмет ее индивидуальное, то в первом случае происходит «построение» (т.е. создание модели исторического процесса), во втором – индивидуальное «вскрывается». В связи с этим и вид анализа будет разным, хотя предметом анализа будут выступать в обоих случаях «продукты человеческой деятельности». В первом случае анализируются сами продукты, отсекая от них «составные части», и в итоге происходит «построение» – «дипломатической инструкции», «стрельчатой арки», «веротерпимости» и т.п.; во втором случае происходит углубление анализа – «Principium individuationis лежит дальше и глубже»: от анализа *вещей* происходит переход к анализу *человека*, разумеется, через анализ вещей, которые выступают «формами объективации творческого духа»².

Историческая статика – это «способ синтезирующего описания известных, в известных момент обнаруживающихся «качеств», взятых как граница личного творчества. В такой синтез входят сам человек как «совершенно исключительное явление»,

гановича. СПб.: Аxioma, 2012. С.163, 268.

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кановича. СПб.: Аxioma, 2012. С.314.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 334.

а кроме того – все явления, относящиеся к этому творчеству, поскольку «ограничить» значит «определить»¹.

Ремарка-штрих. Можно, пожалуй, соотнести историко-статичный подход с *ситуационным подходом* различного уровня масштабности.

История «генетическая» (историческая динамика) рассматривает отдельные феномены как «звенья» единого исторического процесса; для истории эстетико-индивидуализирующей (исторической статики) феномены – «показатели *потенции*». В первом случае история предстает как «необходимость», во втором – историк «старается представить историю так, как она рисуется в действительности, т.е. царством случая и свободы»².

Эстетико-индивидуализирующий подход к истории возможен также и потому, что историк выполняет по отношению к «реальной действительности» задачу, аналогичную которой выполняет художественный критик по отношению к «продуктам художественной деятельности»: историк подходит к жизни как к «художественному произведению»³.

Специфика исторического мышления, отмечает П.М. Бицилли, в том, что «мысль историка все время обречена перебегать от одного полюса к другому»: от «личности» к «среде», от «личности» к «обществу» и т.п. Эти величины «соотносительны», но не сводимы «без остатка на нечто третье и высшее». В этом заключается иррациональность истории, и, следовательно, «рационализировать нацело исторический процесс невозможно»⁴.

Поэтому помимо сугубо *рационального подхода* в научных исторических исследованиях необходим *интуитивный подход*: «всякая историческая метода основывается на интуиции», поскольку только интуитивно человеческий дух в состоянии проникнуть в то, что является продуктом человеческого духовного творчества⁵.

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 338, 380.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 315, 347-348.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 290.

⁴ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 366, 368.

⁵ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Ка-

В «своих величайших образцах» историческая наука всегда была основана «на интуиции», но интуиции не романтической мистики, а – научно допустимой¹.

Делая акцент на стадиальный синтез – «синтез “момента”», П.М. Бицилли актуализирует *сравнительно-исторический метод / подход* в гуманитаристике в целом. Следуя тезису Николая Кузанского – «всякое исследование основано на сравнении и пользуется средством сопоставлений» – П.М. Бицилли рассматривает сравнение / сопоставление как важнейший методологический принцип, который он использует во всех работах, вне зависимости от дисциплинарной принадлежности и контекстуальной специфики.

Благодаря этому принципу / подходу / методу возможен анализ конкретного явления, его различных сторон / аспектов с позиций их трактовки в разных гуманитарных сферах (истории права, религии, литературы, искусства и т.п.), что позволяет выявить их «принадлежность к определенному эволюционному моменту» и благодаря этому «становится возможным эстетико-индивидуализирующий синтез», т.к. историк, работающий над ним, уже имеет в своем распоряжении готовый материал и не обязан сам проделывать ту работу над «сырым материалом», которую за него уже «выполнили другие». «Техника исторической работы», замечает П.М. Бицилли, методы исследования и само развитие исторического понимания «не стоят изолированно».

Сравнивая различные эпохи, историк может «выделить специфические черты каждой, реальной, конкретной, в определенном месте и времени осуществившейся “стадии” – ее *собственный стиль*», к которому будут относиться все, присущие этой стадии признаки². «Современная наука, – пишет П.М. Бицилли о своем времени, – остановилась перед явлением исключительной важности: синхронизмом в религиозно-философском развитии великих культурных миров»³.

гановича. СПб.: Аxioma, 2012. С.296.

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Казановича. СПб.: Аxioma, 2012. С.301.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Казановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 317.

³ Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том пер-

Сравнительно-исторический подход позволяет историку, во-первых, использовать «наработки» других исследователей-гуманитариев (а это уже заявка на *междисциплинарный подход* – sic!), во-вторых, работать с источниками т.н. «второго порядка», т.е. по сути – историографическими.

Особо важен для П.М. Бицилли «*филологический метод (т.е. подход)*»¹: все области «самообнаружения духа» связаны с языком, поэтому литературное творчество – в художественных или научных формах – «источники по истории культуры» и одновременно «*культурные факты*»². П.М. Бицилли отмечал роль Данте в том, что именно он сконцентрировал свою мысль на *проблемах языка*; позитивно оценивал метод, примененный Конрадом Бурдахом, – «от истории слов» он шел «к явлениям духа»³.

Одновременно П.М. Бицилли обращает внимание на значимость *конкретно-исторического подхода*: история – результат «свободного творчества духа», однако «дух» не создает мир «из себя»: материал дан «извне» – этим материалом дух «ограничивается, определяется и направляется», поэтому историк, анализируя исторический момент, должен учитывать не только его специфику, но и то восприятие этого «момента» в глазах современников и потомков⁴. Современный историк должен «осознать» / выяснить: «почему в известное время и в известной среде» создаются именно те, а не иные «символы»; выявить «общий источник» творческой деятельности «единиц и масс»; объяснить «психологическую культуру», т.е. в конечном счете – воссоздать единичное, неповторимое, специфическое в конкретной исторической обстановке⁵: «Индивидуальность

вый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 240. Эта мысль созвучна современному компаративизму.

¹ Поскольку у П.М. Бицилли понятия «метод» / «подход» / «принцип» не дифференцированы, я позволю себе употреблять их как синонимы. О современных трактовках понятий см.: *Попова Т.Н.* Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. С. 338-368. [Раздел V: «Глоссарий»].

² *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 304, 307.

³ *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. 11, 15.

⁴ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 313, 307.

⁵ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 290.

большого ученого нельзя понять вне условий его “момента”»¹.

Антропологический подход, вернее – *антропологически ориентированный культурологический подход* к изучению исторической науки (и науки в целом – sic!) – пронизывает все творчество П.М. Бицилли. Личность (как и сама история) для ученого нечто иррациональное, т.к. «не “определяется” исчерпывающе», но «ограничивается»: ученый-историк не может разложить личность «без остатка» на ее компоненты. Но изучение личности возможно, поскольку личность «сотрудничает со средой», «творчески раскрывая свою психею», и тем самым «осуществляет заложенные не только в ней, но и в самой среде возможности». Личность «дышит» духовной атмосферой среды и потому «пространство», частью которого является личность, образует то, что можно назвать «духом или стилем культуры»².

Периодизационный подход – позволяет синтезировать в истории «момент», период, стадию, с характерным для каждой – «стилем» и «духом». Поскольку в истории нет «длительных мгновений», периодизация всегда будет субъективна, поэтому возможны разные периодизационные схемы в зависимости от критерия периодизации. В связи с этим «было бы осторожнее совсем отказаться от искания *единого объективного* принципа периодизации»: историк вправе строить любую периодизацию, «без риска сойти с почвы “объективности”», ибо на ней он все равно *никогда не стоит*»³ [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.].

Историографический подход – ведущий в работах П.М. Бицилли. Специфика творчества ученого – интерес к истории идей, анализ интеллектуального наследия: его в первую очередь интересует историческая мысль, поэтому источниковую базу его работ составляют преимущественно нарративные источники в различных жанрах – научных и прочих; в его работах практически отсутствует документальный материал. Сам П.М. Бицилли позитивно оценивал тот факт, что развитие современной ему историографии и гуманитаристики в целом позволяло «использовать» исследования других ученых, не прибегая к тому, чтобы заново обращаться

¹ Бицилли П.М. Культура и жизнь. Павел Гаврилович Виноградов как историк // Современные записки. 1926. Кн. 27. С.530.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 299-300.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 212, 217.

к эмпирически-сырому материалу.

Историографическая направленность и приемы у П.М. Бицилли разнообразны:

- это – *история* науки, исторической мысли, форм исторического понимания и т.п. – по сути, *история историографии* («история новой историографии»¹);
- это – *проблемная историография*, т.е. анализ литературы по какой-либо проблеме или история изучения конкретной проблемы;
- это – историографические вставки, экскурсы, примечания и т.п.
- это – *историографический анализ* источников – конкретных «исторических трудов», с которыми «историк историографии единственно и должен считаться»² [курсив П.М. Бицилли. – Т.П.].
- это *биоисториография* – этюды об историках.

Историографический анализ П.М. Бицилли строит по аналогичной схеме с критическим анализом художественного произведения. Для того чтобы понять произведение («выяснить тайну совершенства художника»), необходимо: во-первых, «вскрыть его творческую индивидуальность», что, во-вторых, можно сделать с позиций сравнительного метода; в-третьих, надо «локализовать» художника, т.е. рассмотреть его в «историческом контексте» для того, чтобы понять, что в его творчестве принадлежит «общему фонду» [достоинствам культурной эпохи. – Т.Н.], и как данный художник «распоряжается этим общим добром». «Индивидуализировать писателя» – дело критики – можно только путем «сопоставления литературных произведений»³. Таким образом можно выявить параллели⁴.

Ремарка-уточнение. Критикуя Карла Лампрехта, убежденного номологиста, который назвал «индивидуализирующую историю делом художника, а не ученого», П.М. Бицилли поясняет:

¹ См.: Бицилли П. Происхождение исторической науки и аббат Дюбо // Исторические известия. М.: Историческое общество при Московском ун-те, 1917. № 1. С. 79.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Когановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 330.

³ Бицилли П.М. Чехов // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 412.

⁴ Бицилли П.М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 206.

Лампрехт «смешал два различных вида деятельности» – художника, «творца символов» и критика, который раскрывает смысл символов. Критик, анализируя художественное произведение [в любом его жанре и виде. – Т.П.], стремится выявить художественную идею автора – «стиль», то, что «художник» (в широком значении слова) *привносит от себя* в свой предмет. В этом смысле П.М. Бицилли сравнивает музыку Вольфганга Моцарта с рисунками Даниеля Ходовецкого и с философией Г.В. Лейбница и Х. Вольфа именно по присущему им *стилю* – не в техническом, но в психологическом смысле.

Таким образом, *критик* совершает работу, «обратную» той, которую выполняет художник, и в этом сходство между «художественным критиком» и историком, который с позиций эстетико-индивидуализирующей трактовки истории подходит к исторической реальности как к «художественному произведению», пытаясь выявить *ее стиль*¹. Если рассматривать произведение исторической мысли как «продукт» индивидуального творчества, то историограф / историк исторической науки так же, как и художественный критик пытается выявить *стиль* анализируемого исторического труда – историографического источника, – то, что автор-историк *привнес от себя* в свой предмет, т.е. авторскую мысль – *концепцию*.

4. О методологических приемах / методах.

1. «*Малые факты*» имеют для П.М. Бицилли особое значение: для тех, «кто восходит к источникам» (что было характерно для работы еще молодого Бицилли), значимы «малые факты», т.е. специфические «оттенки», а не «общие схемы и обезличивание истории». П.М. Бицилли отмечает достоинства «романтиков» в том, что они серьезно занялись историей, погрузившись в источники – грамоты и хроники, открыли *couleur locale* («местный / локальный колорит»); значение «малых фактов» в том, подчеркивает ученый, что они позволяют изучить историческую «обстановку», поскольку именно в конкретной обстановке «запечатлена “душа прошлого”»². Он отдает в этом смысле должное аббату Дюбо: «...

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 274, 286-287, 290.

² Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 156, 341, 361.

какая масса *мелких фактов* установлена этим старым историком совершенно правильно, насколько он близок к нам по своим научным запросам и по своему методу»¹ [курсив мой. – Т.П.].

2. «*Метод сближения единичных специфических черт*» [подчеркнуто в тексте П.М. Бицилли. – Т.П.] – так П.М. Бицилли позитивно охарактеризовал метод, который использовали и О.Л. Вайнштейн, и Л.П. Карсавин².

3. *Метод исследования «родимых пятен»*. «Родимые пятна» – глубокий смысловой концепт, предложенный П.М. Бицилли. Это понятия ученый использовал тогда, когда говорил о «созвучиях» / «влияниях»: «родимые пятна» – своеобразные показатели определенных влияний одного мастера на другого, их выявление способствует выяснению «источников того или другого художественного произведения» и «приближает» к пониманию «творческого замысла художника»³; это – взгляд на неизбежную преемственность / восприимчивость – созвучия / влияния предшественников и современников, которая пролегает отнюдь не по прямой линии, но в сложной конфигурации сетевых переплетений, обогащая каждое новое поколение со своим «эпохальным» мировосприятием и мироощущением и создавая новые интерпретации.

4. «*Микроскопия*». В университетском издании «Годишник на Софийския университет “Св. Климент Охридски”. Исторически факултет» в 1929 г. была опубликована статья П.М. Бицилли на французском языке – «J.J. Rousseau et la democratie» («Жан Жак Руссо и демократия»), в которой П.М. Бицилли предпринял подробный анализ произведений мыслителя, названный им самим – «*микроскопический анализ*»⁴.

Ремарка-уточнение. Этот факт, зафиксированный впервые М.Н. Велевой, способствовал, возможно, возникновению формулы «*историческая микроскопия*», которая не имеет од-

¹ Бицилли П. Происхождение исторической науки и аббат Дюбо // Исторические известия. М.: Историческое общество при Московском ун-те, 1917. № 1. С. 82.

² См.: Вольфун Л.Б., Галчева Т. Учитель и ученик: Отзыв П.М. Бицилли на сочинение О.Л. Вайнштейна // Средние века. 2016. Выпуск 77 (3-4). С. 171. Собственно этот прием основан на сравнительно-историческом подходе.

³ Бицилли П. Возрождение аллегии // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 438.

⁴ См.: Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 83.

нозначной трактовки в современных публикациях. Одна из них: «Мы не знаем, если бы у П.М. Бицилли снова появилась возможность работать в библиотеках Италии, стал бы он заниматься “исторической микроскопией”, к которой у него было пристрастие, или нет». Эта мысль идет в контексте письма П.М. Бицилли к Ивану Дуйчеву, в котором ученый жаловался на отсутствие необходимых ему материалов для работы над тематикой по истории францисканства¹. Содержание этой формулы в данном контексте соотносимо с понятием «малая форма», т.е. жанровое разнообразие литературных и научных произведений небольшого объема: рецензии, заметки, краткие статьи, обзоры и т.п. Эта группа трудов действительно занимает значительную часть творческого наследия П.М. Бицилли. Но понятия *микроскопический анализ* и *историческая микроскопия* – нетождественны. Кстати, у Т.Н. Галчевой есть выражение «“короткая” научная форма» для произведений П.М. Бицилли «жанровой неустановленности»². Сам П.М. Бицилли был против традиционной «иерархии» произведений художественной прозы, согласно которой на первом месте был «роман», а затем – повесть и рассказ. Он считал, что важны более не количественные, но качественные критерии³. Интересны в отношении понятия «микроскопический анализ» соображения М.А. Васильевой. С ее точки зрения «метод мелких наблюдений», практикуемый А.Л. Бемом, как и «микроскопический анализ» П.М. Бицилли, – это предметный анализ текста, свободный «от заданных теоретических конструкций и вольных интерпретаций», это – «постоянное обращение к тексту самого произведения». Этот метод становится для П.М. Бицилли «прин-

¹ См.: Галчева Т., Петкова Г. Писма на проф. П.М. Бицилли до акад. Ив. Дуйчев // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски», Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». Том 97 (16). С.340; Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспособяюся к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 91.

² См.: Галчева Т. П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С.36.

³ Бицилли П.М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 205.

ципиальной альтернативой как аморфным околонучным рассуждениям... так и агрессивной “структурирующей” мысли». Техника текстуального анализа ученого нацелена на выявление «индивидуальности художественного произведения», особого, собственного стиля автора, в котором нет ничего случайного, «лишнего», «усеченного», в котором каждая «незначительная лексема» подчинена «единому центру» и не может быть заменена «без разрушения целого». Отталкиваясь от «“мелких” стилевых наблюдений», П.М. Бицилли совершал «головокружительные траектории», выходя «за пределы стилевого анализа текста».

М.А. Васильева допускает, что можно говорить о целом оригинальном направлении в среде эмигрантской научной элиты, к которому примыкали филологи А.Л. Бем, Р.В. Плетнев, Д.И. Чижевский, Н.М. Бахтин, литературный критик Г.В. Адамович, философы В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, психиатр Н.Е. Осипов и др. Ведущая черта, объединяющая этих ученых и писателей – «*метафизика конкретного*», которая проявлялась в индивидуальном творчестве по-разному: через «метод мелких наблюдений» у А.Л. Бема; через критику этического формализма у Д.И. Чижевского; через «микроскопический анализ» у П.М. Бицилли, ярчайшего представителя этого направления в литературоведении¹.

«Микроскопический анализ» – понятие, примененное самим П.М. Бицилли к конкретной работе, конечно, может быть расширено и экстраполировано на все его творчество. Еще в одесский период В.Э. Крусман определял специфику научного почерка молодого ученого: «...восхождение автора от широкой проблемы, им себе поставленной, в самую глубь первоисточников, и решение проблем там, на историческом материале, а не отвлеченным рассуждением»².

Ремарка-мнение. Не исключаю того, что П.М. Бицилли употребил эту формулу как *метафору*, подчеркнув тщательность и скрупулезность своей работы с текстами Руссо. Работа с источниками – профессиональный канон историка, другой вопрос, что методика работы с источниковым материалом всег-

¹ См.: Васильева М.А. «Проблематика индивидуальности» в трудах П.М. Бицилли: Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. М., 2009. С.14; *Она же.* Петр Бицилли как диалогический мыслитель // Opuscula Slavica Sedlcensia. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 49-51.

² ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1119. Л.21-21 а.

да индивидуальна, несмотря на единые параметры. Допускаю, что эту методику исследовательской специфики П.М. Бицилли можно определить формулой «исследовательская акрибия»¹.

5. «*Стилистический анализ*». В письме к Ивану Дуйчеву (от 23 августа 1933 г.) П.М. Бицилли объяснял возможность «“идентификации” анонимных произведений путем стилистического анализа»: критерий идентификации – «словарь», суть анализа – в выявлении специфических повторений «незначительных... “нейтральных” слов»: у Л.Н. Толстого – «ежели» вместо «если», у Ф.М. Достоевского – «постпозитивное» и т.п.². Этот метод атрибуции текста, связанный с «методом языкового ядра» (выявление «повторов» любых грамматических классов и т.п.), с терминологическим анализом и др.³, у самого П.М. Бицилли проецируется в проблему «влияний» и «плагиата».

6. *Метод «перемещение себя внутрь»*: В письме к Г.В. Флоровскому (от 17.11.1922 г.) П.М. Бицилли пишет: «Я, может быть, ... воспользуюсь случаем не для “дискуссии”, а для прославления Вашего (NB и моего собств[енного]) метода интерпретации “текстов” при помощи “перемещения себя внутрь” их автора, и поговорю о том, насколько это правильно и удобно не только для “философа”, но и для историка»⁴. Т.Н. Галчева и И.В. Голубович назвали этот метод П.М. Бицилли его же словами – «*перемещение себя внутрь*» и обратили внимание на развитие этой мысли в «Очерках...»⁵.

¹ Впервые понятие «принцип акрибии» прозвучало в тексте О.А. Довгополовой, автора предварающего слова к изданию переписки ученого с семьей Флоровских. Данное понятие – столь значимое для самого П.М. Бицилли, по определению О.А. Довгополовой, – было адресовано авторам этого ценного издания – Т.Н. Галчевой и И.В. Голубович, подчеркивая исключительную тщательность и скрупулезность в создании и оформлении текста книги. См.: Довгополова О.А. «...Мое слишком уж затянувшееся сидение на луне, по ту сторону культуры...» // Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 24.

² Цит. по: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 291.

³ См.: Гребцова І.С. Новітні підходи та методи аналізу історичних джерел. Одеса: ОНУ, 2020. [Розділ: «Новітні методи атрибуції нарративних джерел»].

⁴ Цит. по: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 172.

⁵ См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим

Для П.М. Бицилли эта идея была особо важна: в том же письме он объясняет: «Ведь в сущности вся моя книга [речь идет об «Очерках...». – Т.Н.] посвящена именно проблеме возможности или невозможности *Sich in Geist der Zeiten zu versetzen* [«переселиться в дух времен»] и доказательству того, что романтизм это и есть историзм, *historischer Sinn* [«исторический смысл», «историческая интуиция»], и что формально имеется только одно историческое мышление, то есть “романтическое”»¹ [подчеркнуто П.М. Бицилли. – Т.П.].

Историк-ученый, обязанный использовать рациональные методы постижения истории, в отличие от художника, который «сливается» со своими героями, воплощает в них себя», напротив – «отдаляет» своих героев (изучаемых исторических персонажей) от себя² для анализа – «умерщвления» материала, а затем для его синтеза. Но кроме рациональных методов историк обладает интуицией, поэтому познание исследуемого объекта=субъекта истории требует от историка, «одаренного исторической интуицией», «“переместиться” в чужую психею»: в этом заключается его задача, поскольку «душа есть творческое начало»³, а понимание исторической жизни есть понимание «жизни духа»⁴. Оценивая творчество П.Н. Милюкова, Петр Михайлович считал, что блестящие характеристики направлений и их представителей в развитии исторической мысли явились результатом «исключительного дара *сочувственного понимания*» материала, с которым работал ученый [курсив мой. – Т.П.]⁵.

Ремарка-уточнение. У П.М. Бицилли *Historischer Sinn* – «историческое понимание»: «Из всех этих направлений в сово-

обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 184.

¹ Цит. по: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независимым обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 172-173.

² См.: *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 350.

³ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 302.

⁴ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 158.

⁵ *Бицилли П.* Историография Милюкова // Числа. 1931. № 5. С. 180.

купности и возникло историческое понимание (*der historischer Sinn*)»¹: обе эти фразы П.М. Бицилли дает в *своем* переводе².

Ремарка-info. В современных биографических исследованиях *субъект-объектный подход* (исследователь-«герой») сменяется на *субъект-субъектный подход*, предполагающий «проникновение» личности автора в личность «героя» (концепт «сопричастности» – эмпатии). Атрибуция в качестве когнитивного средства понимания и объяснения других людей играет не последнюю роль в процессе психологической реконструкции / конструирования личности и ее творчества.

5. О принципе *Coincidentia oppositorum*. От исторической науки требуют, пишет П.М. Бицилли, чтобы она «все объясняла»³. Но антиномия реальной истории и ее научного образа остается перманентной проблемой и связана с принципом *Coincidentia oppositorum*.

Ремарка-пояснение. Диалектический постулат «единство в многообразии / разнообразии» имеет давнюю философскую традицию и на Востоке и на Западе. Проекция этого тезиса на разные уровни обобщения – от Бога – Космоса до Бытия-Человека и проч. выражена сегодня в многочисленных интерпретациях. Это понятие используют для обоснования идеи федерализации, многонациональных государств (как основы «национальной идеи»), глобальной истории, поликонфессиональности и т.п. С 2000 года «единство в разнообразии» – девиз Европейского Союза.

Для П.М. Бицилли понятие «единство в многообразии» как форма-следствие принципа *coincidentia oppositorum* («совпадение противоположностей») связано в первую очередь с именем Николая Кребса (из Кузы) – Николая Кузанского (1401-1464), кардинала, крупнейшего немецкого мыслителя XV века, который, опираясь на античную традицию, создал собственную концепцию *coincidentia oppositorum*, суть которой [в лапидарном выражении. – Т.П.]: Бог есть Единое, в Боге происходит совпадение противоположных на-

¹ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Казановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 147.

² См.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 184-185.

³ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Казановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 325.

чал: «Кто может подняться настолько высоко, чтобы постигнуть многообразие в единстве и единство в многообразии? Это сочетание свыше всякого разумения». Джордано Бруно, один из первых, придавал принципу *coincidentia oppositorum* универсальный характер.

Принцип *coincidentia oppositorum* стал не только ключевым в учении Николая из Кузы но и базовым в европейской диалектической мысли, особо – в трудах Ф. Шеллинга, Гегеля, в марксизме. Для Г.В.Ф. Гегеля этот принцип – свидетельство диалектического характера познания, т.к. противоречие – это неотъемлемая объективная характеристика развивающегося духа, исторического бытия и мышления. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» четко сформулировал закон единства и борьбы противоположностей как один из универсальных законов диалектики, изъяс из него «гегелевский “дух”». Последующие интерпретации этого принципа нашли свое выражение в теории «Всеединства» В.С. Соловьева и С.Л. Франка, что было близко П.М. Бицилли.

Проблема антиномии в историческом познании – антиномия между исторической реальностью и ее историографическим образом, – остро поставленная П.М. Бицилли, связывает *антиномизм* с принципом *coincidentia oppositorum*: историк признает вслед за Николаем Кузанским широчайшие возможности человеческого разума (научной мысли) и одновременно констатирует его пределы, стремясь, тем не менее, к поиску преодоления этой формы парадокса, что находит своеобразное решение в его концепции «синтеза “момента”».

Понятие «единство в многообразии» П.М. Бицилли применяет в разных контекстах:

- о понимании *идеи* художественного произведения как центра кристаллизации всевозможных элементов данности (аспекта «космического Всеединства»), характер которой может выявить только художник «в полной наглядности» – как «единство в многообразии»¹;
- о перспективах Европы: для П.М. Бицилли «исторический процесс есть процесс образования – и разложения – различного рода коллективов, наций, империй, религиозных, хозяйственных и иных соединений». Будущее Европы, писал он в

¹ Бицилли П.М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 259.

1930 г., – «Соединенные Штаты Европы», поэтому «единство в многообразии, дифференциации без деинтеграции – такова формула той цели, к которой следует стремиться...»¹;

- о значении «ритма» как основы «художественности произведений искусства»²: ритм есть диалектика жизненного и любого творческого процесса, *coincidentia oppositorum* во Всеединном; любое произведение искусства – это система, в которой все элементы выполняют «ритмообразующую функцию», находясь, между собой «в отношении взаимодействия»: чередование переживаний, «ускорения и замедления жизненного потока и его художественного отображения» – все эти ритмочередования подчинены «какому-то закону, создающему *единство в многообразии*» и представляют собой как основу жизни, так и основу всякого искусства³;
- об оценке П.А. Бакунина⁴: «равнодушная терпимость» была чужда Бакунину и воспринималась им как «грубость», но «эстетическая интуиция, восприятие *единства в многообразии* качеств, гармонии в разноголосице жизни, наполняли его душу чувством доверия к Богу и к миру»⁵;
- о культурном синтезе: «Культурную работу нашего времени следует представлять себе, как взаимное оплодотворение, нахождение путей к культурному синтезу, который бы однако проявлялся всюду по-своему, будучи *единством в многообразии*»⁶ и т.п. [курсив мой. – Т.П.].

¹ См.: Бицилли П.М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага: Изд-во «Единство», 1930. 38 с.

² Бицилли П.М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 259.

³ Бицилли П. Пушкин и проблема чистой поэзии // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 95.

⁴ Павел Александрович Бакунин (1820-1900), писатель-философ и общественный деятель, брат Михаила Бакунина, теоретика анархизма.

⁵ Бицилли П.М. П.А. Бакунин // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 318.

⁶ Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том пер-

Ремарка-цитата. П.М. Бицилли: «Чем значительнее творческая личность, тем резче выступает имманентность ее *fatum*¹; чем ярче ее единственность, “монадность”, тем глубже ее связь с ее временем, с его духом. Ибо в том-то и состоит ценность индивидуальности, что она переживает себя в своей связи с целым. Творческий гений поэтому столько же творит историю, сколько творится ею. “Средний” человек рабски подчиняется всяким условностям своего времени и своей обстановки, модам, “идеологиям”, партийным программам и прочему. Человек же, стоящий в этом отношении выше своей эпохи и, так сказать, “вне” ее, проникнут тем, что кроется за всеми этими ее внешними проявлениями, являющимися нередко всего лишь грубыми искажениями ее духа – и его борьба с современностью – а в этом корень всякого творчества – в сущности, не что иное, как стремление найти наиболее совершенное выражение тому, что составляет сущность ее духовных тяготений, тому, к чему сводится ее *pathos*»¹.

P.S. Эти слова Петра Михайловича об А.П. Чехове всецело могут быть адресованы ему самому. «Научное кредо» П.М. Бицилли – многогранно и требует исследовательской акрибии – глубокого, всестороннего и тщательного анализа.

вий. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 243.

¹ Бицилли П. Творчество Чехова: Опыт стилистического анализа // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 344-345.

5. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПУТАЦИЯ: *абрис*

...судить о художнике следует по его удачам...

П.М. Бицилли¹

Петр Михайлович Бицилли – ученый-мыслитель, имя которого уже хорошо известно в современной литературе. Публикаторский бум 1990-х (в большей степени квантитативный и весьма неоднородный) сменился в 2000-е появлением серьезных биографических и проблемно ориентированных изданий. Интерес к фигуре и творчеству ученого не только не угасает, но, напротив, набирает темпы, поскольку П.М. Бицилли принадлежит к плеяде тех мыслителей, масштабность наследия которых возрастает по мере приближения к ним...

1. Репутация прижизненная

Вопрос об оценке творческой деятельности П.М. Бицилли при его жизни еще не стал предметом специальных исследований – в основном в современных публикациях приводятся выдержки из известных рецензий на работы ученого. Систематизация этого материала позволила бы представить в статике и динамике взгляд современников на личность и труды П.М. Бицилли, восприятие его как человека и педагога-исследователя коллегами, друзьями и «недрузьями» – ситуационно и в контексте эпох (до 1920 г. – 1920-1930-х гг.; 1940-х и начала 1950-х гг.).

Не претендуя – отнюдь – на решение этого вопроса, привожу лишь отдельные отзывы.

Н.П. Кондаков – среди первых рецензентов на книгу П.М. Бицилли «Элементы средневековой культуры» (1919)². Эта книга, пишет академик, уже самим названием «вызывает симпатии образованного человека». Автор, известный своими работами «по истории духовных движений средневековой Италии», «умело»

¹ *Бицилли П.* Давид Кнут. Насущная любовь. Париж, 1938 // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 458.

² См.: *Академик Н.П. Кондаков.* Бицилли П. Элементы средневековой культуры. Книгоиздательство «Гносис», 1919. IV и 167 стр. // Одесский листок. 1919. 2 марта.

построил свою «прекрасную» книгу, представил «богатый материал», который не только дал «изложение средневековых мыслей», но позволил читателю услышать «слова тех людей, которые так мыслили». Н.П. Кондаков признает, что в книге остается много «невыясненного», что связано со спецификой источников; не согласен он и с бициллиевской трактовкой творчества Джотто; по его мнению, не стоило ограничиваться изложением средневекового мышления в схоластической интерпретации, но следовало бы привлечь материалы о правовых земельных отношениях. Самого автора Н.П. Кондаков относит к «школе» Л.П. Карсавина и положительно отзывается о «науке философии истории». Но главное, что увидел рецензент в работе молодого ученого – это желание понять «сущность» и открыть «руководящую силу» художественных произведений. Этот исследовательский подход, четко обозначенный в данной книге одесского периода, остался для П.М. Бицилли ведущим в его творчестве.

С большим уважением к П.М. Бицилли относился один из самых известных русских историков А.А. Кизеветтер (1866-1933). Из-под его пера вышла первая благожелательная рецензия на «Очерки теории исторической науки» (1925)¹. В 1930 г. в парижском журнале «Revue historique», ведущем научном историческом журнале, выходящем во Франции с 1875 г., А.А. Кизеветтер в своих обзорах трудов историков-эмигрантов опять пишет об «Очерках» (первый обзор), характеризуя эту книгу как выдающуюся работу в области истории; одновременно он обращает внимание на первый учебник П.М. Бицилли, написанный ученым на сербском языке (второй обзор) – «Увод у светску историју» (Белград, 1923); в аннотации к этому изданию подчеркивалось: «Профессор Бицилли (Одесса-София) опубликовал весьма интересный обзор под названием “Введение во всеобщую историю”, в котором он наметил в общих чертах схему развития политических форм и основ цивилизации и, согласно этой схеме, последовательно охарактеризовал этапы исторической эволюции»².

В письме к В.А. Мякотину (от 11 июля 1931 г.) А.А. Кизе-

¹ Кизеветтер А. Об «Очерках теории исторической науки» П.М. Бицилли. Прага, 1925 // Руль. 1925. 25 февраля.

² Цит. по: Сыченкова Л.А. Преодолеть барьер «эмигрантской периферии»: П.М. Бицилли в европейской медиевистике // Ученые Записки Казанского ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2016. Т.158. Кн 3. Казань. Изд-во Казан. ун-та. С. 833.

веттер передавал привет П.М. Бицилли («Передайте мой привет Бицилли»)¹.

В рецензии на «Очерки» Д.И. Чижевского (1894-1977), крупного филолога и философа, наиболее «жесткой» из всех («основной недостаток книги... неуловимость ее основной темы», при этом рецензент довольно точно сформулировал триаду тем: «невозможность философии истории», «историческое чувство» [«историческое понимание»], «исторический синтез»), тем не менее, была отмечена методологическая и философская «плодотворность» книги. Рецензент согласился и с позицией автора в том, что историческое бытие не может быть представлено какой-либо одной формулой².

Н.М. Бахтин³ (старший брат М.М. Бахтина) дал блистательный отзыв на «Очерки»: к достоинствам книги он относил широкую постановку проблем, эрудицию автора, пронизательность анализа, блеск и остроту изложения; общий итог – это едва ли не значительнейшее явление «нашей философской литературы последних лет»⁴.

Высоко оценивал творчество П.М. Бицилли в «малых формах» Г.В. Адамович – сравнивая его тексты с текстами других авторов, он делал вывод: «в ста или полтора строках... [П.М. Бицилли] иногда успевает коснуться столько тем и вопросов, что разработка их потребовала бы большого исследования»⁵.

В софийском университете П.М. Бицилли достаточно быстро был признан как ученый и преподаватель: профессор П.М. Бицилли – «отличный лектор», «товарищ и руководитель молодых», «отличный специалист» с «глубокой и всесторонней эрудицией»,

¹ ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 113. Л. 28. См.: «Испытал удивительное чувство: точно я волшебством перенесен в Россию». Письма историка А.А. Кизеветтера. 1923--1932 гг. // Исторический архив. № 6. 1993. Публикацию подготовила доктор исторических наук М.Г. Вандалковская. URL: http://az.lib.ru/k/kizewetter_a_a/text_1932_iz_pisem.shtml

² См.: *Чижевский Дм.* [Рец.:] // Современные записки. 1929. № 39. С. 542-547. [Рец. на кн.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Пламя, 1925. 338 с.]

³ Н.М. Бахтин был студентом историко-филологического факультета Новороссийского университета (август 1912 – август 1913); в июле 1917 года был в Петрограде; в 1920 г. эмигрировал на Балканы; с лета 1924 г. сотрудник журнала «Звено»; друг Г.В. Адамовича. Возможно, в период 1912-1913 гг. был знаком с П.М. Бицилли-преподавателем.

⁴ *Бахтин Н.* [Рец.:] // Звено. 1925. 16 марта. С. 4. [Рец. на кн.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Пламя, 1925. 339 с.]

⁵ *Адамович Г.* Литературные заметки // Последние новости. 1934. 29 авг. № 4900. С. 3.

который «может оказать честь не только нашему, но и любому университету»; «его самое горячее желание оставить здесь своих учеников, которые достойно продолжили бы его дело»; «известен среди русских профессоров-историков как добросовестный и трудолюбивый работник в области своей специальности и с большой преданностью служит исторической науке»; «относился благосклонно к прогрессивному студенчеству, способствуя его научному развитию... все болгарские историки более молодых поколений являются воспитанниками проф. Бицилли» [Из характеристик руководства Историко-филологического факультета Софийского университета 1920-1930-х гг.]¹.

II. Репутация по историографической традиции ²

Петр Михайлович Бицилли – «из людей, “брошенных спешащим человечеством, не услышанный всецело, а потому не исчерпанный”»³.

* * *

В российской историографии П.М. Бицилли называют одним «из самых интеллигентных и образованных медиевистов-эмигрантов»⁴.

В историю русской науки XX века П.М. Бицилли, по убеждению Б.С. Кагановича, которого по праву можно назвать «первым бициллиеведом» в России, вошел как один из наиболее ярких и талантливых культурологов, сформировавшись как «строгий

¹ См.: *Петкова Г.* Договоры, письма и доклады от «Личного дело на проф. П. Бицилли». Публикация, подготовка на текста, редакция и бележки Галина Петкова // *Класика и канон в руската литература. Чуждият поглед. Сборник текстове и документи.* София: Факел, 2013. С.290, 311; *Она же.* Жизнь в «эмигрантской провинции»: болгарское местостояние П.М. Бицилли. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/62/Petkova62.pdf>

² В мою задачу не входит историографический анализ современного бициллиеведения, это – лишь попытка бегло очертить некоторые направления в оценках П.М. Бицилли и его наследия.

³ См.: *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли и культура Ренессанса // Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича СПб.: Мифрил, 1996. С.VII.

⁴ См.: *Пауцто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе / Отв. ред. Б.В. Левшин; [Вступ. статьи Е.А. Мельниковой, М.К. Шацилло] Рос. акад. наук. Арх. АН СССР. М.: Наука, 1992. С. 86.

историк», основывавший свои культурологические исследования на «научных предпосылках, а не на спекулятивной историософии или произвольной эссеистике», далекий от различного толка метафизических построений¹.

Петр Михайлович, пишет Б.С. Каганович, которому, по сути, принадлежит «возвращение Бицилли» в российскую науку, был человеком «блестящего таланта и огромной эрудиции». Он создал работы, вошедшие в свод ярких памятников русской культуры и сохраняющие свое значение для современной гуманитаристики². Ученый исключительно широкого кругозора и невероятной продуктивности П.М. Бицилли состоялся как настоящий историк европейской культуры, охватив своим творчеством крупнейший период (от античной эпохи до XX века) и масштаб (западные и восточные регионы Европы).

По мнению Б.С. Кагановича, П.М. Бицилли примыкал к кругу «идей и интересов» петербургской культурологической школы медиевистики, основателем которой был И.М. Гревс (1860-1941), а наиболее выдающимися представителями – О.А. Добиаш-Рождественская, Л.П. Карсавин, Г.П. Федотов, Н.П. Оттокар, А.И. Хоментовская. Среди характеристик этой школы – «целостный анализ средневековой культуры, выявление общих тенденций в самых разных сферах жизни, особый интерес к духовной и религиозной культуре средневековья, тонкое чувство исторического и художественного стиля эпохи, яркость историко-психологического анализа»³.

П.М. Бицилли «чутко» воспринимал передовые тенденции в науке и многими своими идеями и построениями сумел предвосхитить ряд выводов современной медиевистики. Петра Михайловича, убежден Б.С. Каганович, можно рассматривать в качестве предшественника работ Ж. Ле Гоффа и А.Я. Гуревича, а русскую медиевистическую культурологию первых десятилетий XX века (Бицилли, Карсавин, Добиаш-Рождественская, Хоментовская) сле-

¹ См.: Каганович Б.С. П.М. Бицилли и культура Ренессанса // Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича СПб.: Мифрил, 1996. С. VIII-IX.

² См.: Каганович Б.С. П.М. Бицилли и культура Ренессанса // Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича СПб.: Мифрил, 1996. С. XIII.

³ Каганович Б.С. П.М. Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры» // Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. С. VII-VIII.

дует включить в «глобальный контекст “Анналов”»¹.

П.М. Бицилли – один из «пионеров» историко-психологических и культурологических методов в русской науке, его исследования по исторической и социальной психологии (в то время, когда конституирование этих дисциплин было делом далеко будущего) во многом опередили свое время². Обладая особым даром слова, способностью в совершенстве выражать свою мысль, П.М. Бицилли выработал свой, собственный стиль – современный и одновременно индивидуальный. Его тексты, отмечает Б.С. Каганович, написаны точным, богатым, выразительным языком, тонко описывающим любое явление во всех его оттенках, не усложняя и исключая претенциозность и риторику; его работы доставляют эстетическое наслаждение «от точности, красоты и изящества в развертывании мысли»³.

П.М. Бицилли, бесспорно, можно называть крупным ученым, выдающимся мыслителем, исследователем-энциклопедистом, оставившим заметный след во многих областях гуманитарного знания: философии, истории, социологии, политологии, теоретической лингвистике и проч.⁴

М.А. Бирман (Израиль) также относит П.М. Бицилли к гуманитариям-энциклопедистам, продолжателям лучших традиций русской гуманитаристики «дореволюционной поры», явившейся «порождением Серебряного века русской культуры». П.М. Бицилли – талантливый педагог и исследователь, для творчества которого характерны: масштабность изысканий, широчайший диапазон проблематики, оригинальная трактовка, обилие парадоксальных мыслей, концепций и гипотез; высочайшая научная культура (исследовательский синтетизм, виртуозный анализ текстов и многогранная эрудиция, интердисциплинарный подход). Труды П.М. Бицилли написанные прекрасным языком (для которого свойственны прозрачность и богатство красок), обладающие новизной и свеже-

¹ См.: Каганович Б.С. П.М. Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры» // Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. С. XV-XVII; Burke P. The French Historical Revolution. The Annales School 1929-1989. Stanford, 1990.

² См.: Каганович Б.С. П.М. Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры» // Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. С. XXVII; *Он же*. Бицилли Петр Михайлович // Культурология. XX век: Энциклопедия. Т. 1. СПб., 1998. С. 76-77.

³ Каганович Б.С. П.М. Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры» // Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. С. XXVII

⁴ См.: *Нерознак В.П.* Петр Бицилли – еще одно возвращение на Родину // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 6. С. 525.

стью современного восприятия, вошли в золотой фонд гуманитарных знаний¹.

Исследователи творчества П.М. Бицилли справедливо замечают, что он «остаётся в сознании современников и последователей за границей, больше как литературовед, чем как историк: «Имя Бицилли-филолога сразу привлекло к себе внимание как самостоятельная величина»². Вклад П.М. Бицилли в исследование различных сфер филологии огромен; его работы во многом способствовали оформлению социолингвистики как самостоятельного раздела современного языкознания³.

Но, если литературоведческие работы П.М. Бицилли, в основном, – «болгарской поры» – получили достаточную известность и давно стали предметом специальных исследований, то его исторических сочинений в значительно меньшей мере коснулась «широкая популярность». Среди причин – сложности периода (1916-1919), когда вышли наиболее крупные работы в Одессе, болгарский язык, на котором были написаны основные труды в Софии и проч. Попытки «синтезировать два образа П.М. Бицилли – как филолога и как историка – в единый, целостный образ ученого, отмечены робостью и единичностью...»⁴.

Ремарка-штрих. Среди первых исследований 2000-х гг., в которых был предпринят целостный анализ творчества П.М. Бицилли как историка и как филолога, – монография историка Б.С. Кагановича («Русские медиевисты...», 2007) и диссертация филолога М.А. Васильевой («Впервые литературоведение Бицилли рассматривается не как автономная часть его наследия, а как гармоничная составляющая единого целого стройной системы понимания мира и творчества,

¹ См.: *Бирман М.А.* Н.Л. Гурфинкель – переводчик и издатель трудов П.М. Бицилли // Русское еврейство в зарубежье. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Том 5 (10) / Составитель, главный редактор и издатель М. Пархомовский. Иерусалим, 2003. С. 33-34.

² *Васильева М.* Путь интуиции // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 16.

³ См.: *Анненкова И.В.* Эссеистика П.М. Бицилли // Русская речь. 1994. № 1; *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953) // Славяноведение. 1997. № 4. С.61, 62 и др.

⁴ *Галчева Т.Н.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 13.

всеединства и индивидуальности»¹.

Все исследователи отмечают значительный вклад П.М. Бицилли в различные сферы гуманитаристики. Вместе с тем в его творчестве нет ни грана эклектичности, считает М.А. Бирман, – «его публикациям присуща своеобразная магия органичного универсализма»².

М.А. Васильева особо обращает внимание на методы ученого: «интуитивный охват всеединства», «эстетико-индивидуализирующий», исключение движения «по проторенному пути». Ученый-энциклопедист, «он был открыт ко всем новейшим исканиям своего времени, нередко и предугадывал их»: можно говорить о том, что П.М. Бицилли был среди тех «кто предвосхитил постструктурализм и теорию интетекстуальности», хотя эти параллели следует проводить «крайне осторожно», т.к. в отличие от постструктурализма, в котором «автор исчезает», П.М. Бицилли применял сравнительный анализ для выявления того, «в чем художник совершил открытие»; цель ученого – найти *principium individuationis* – *собственную идею* автора³.

* * *

Справедливо замечено: «...говоря (в любом контексте) о необходимости исследования наследия П. М. Бицилли, сейчас уже невозможно использовать клише, которые еще совсем недавно были оправданны («нераскрытая страница истории», «обойденное вниманием по идеологическим мотивам в советское время имя представителя эмиграции»)» и т.п.⁴

Восторженность «открытия» и изумления от знакомства для большинства «первооткрывателей Бицилли» и первых исследователей его творчества постепенно, особенно со второго десятилетия

¹ Васильева М.А. «Проблематика индивидуальности» в трудах П.М. Бицилли: Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2009. С. 6-7.

² Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953) // Славяноведение. 1997. № 4. С. 61.

³ Бицилли П. Очерки теории исторической науки. Прага: Пламя, 1925. С.173. См.: Васильева М.А. Путь интуиции // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 5-27.

⁴ Селунская Н.А. Интеллектуальная биография П.М. Бицилли в интерпретации М.А. Бирмана // Славянский альманах / Ин-т славяноведения РАН. Глав. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2010. № 1-2. С. 472-481.

2000-х годов, переходит в стадию внимательного прочтения, эйфория сменяется стремлением вникнуть в довольно сложные тексты ученого, разобраться с его «тематическим кружением», погрузиться в неисчерпаемость его идей и мыслей.

Републикация «Очерков теории исторической науки» (1925), осуществленная Б.С. Кагановичем (Санкт-Петербург)¹, позволила ученому еще раз вернуться к оценке этой книги. «Очерки», считает Б.С. Каганович, занимают «центральное место» в творчестве П.М. Бицилли, являясь «ключевой для понимания всей его деятельности», это – «ценный трактат о проблемах и дилеммах истории»². Будучи в «духовном контакте» с крупнейшими мыслителями и учеными, П.М. Бицилли сохраняет самостоятельный характер своей мысли; его концепции «глубоко продуманы и внутренне пережиты» и не являются следствием «механических “влияний”»³.

М.А. Бирман (Израиль) в своей итоговой монографии о жизни и творчестве П.М. Бицилли характеризует Петра Михайловича как «великого труженика» (отнюдь – «не баловня судьбы» и «сибарита»), как человека «глубоких и разносторонних знаний и высокой культуры», который не укладывается «в стандартные для ученого мира рамки»⁴.

М.А. Бирман подчеркивает «феноменальность всего наследия», широчайший диапазон «неизменно глубоких и тонких комплексных исследований», высокую научную культуру, многостороннюю энциклопедическую образованность и эрудицию П.М. Бицилли, который «оперирует целыми эпохами и культурами», его работам «присущ своеобразный шарм вселенского универсализма». Для М.А. Бирмана достоинства П.М. Бицилли – в «разносторонней одаренности», в «склонном к синтезу» уме, в неиссякаемом творческом потенциале и одновременно исключительной работоспособности; он – «мастер виртуозного анализа текстов». М.А. Бирман выделяет характерные черты, свойственные для «научно-

¹ *Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. 427 с.*

² *Каганович Б.С. «OPUS MAGNUM» П.М. Бицилли // Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 406-407.*

³ *Каганович Б.С. «OPUS MAGNUM» П.М. Бицилли // Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 409.*

⁴ *См.: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 277-279.*

го почерка» и стиля П.М. Бицилли: «емкость и многослойность мысли; своеобразная полифоничность»; «обилие парадоксальных мыслей»; «язык Бицилли отличается богатством красок, тонов и полутонов, прозрачной ясностью, четкостью»; его публикации «не лишены органичного юмора». «Продолжая лучшие традиции русских гуманитарных наук дореволюционной поры, – заключает А.М. Бирман, – явившихся в определенной мере порождением “Серебряного века” русской культуры, обогатив и оплодотворив их достижениями мировой науки и общественной мысли, Бицилли создал произведения, нередко опередившие время»: П.М. Бицилли стал «одним из зачинателей историко-психологических и культурологических методов в русской историографии и гуманитаристике в целом», одним из первых в эмигрантской прессе поднял «вопрос о культуре русской речи», сформулировал свою «концепцию речевых ошибок», «раскрыл новаторские достижения» М.М. Бахтина и В.В. Набокова¹; его работы «содействовали оформлению социолингвистики как самостоятельного раздела современного языкознания»; идеи П.М. Бицилли «легли в основу» теории текстологии Д.С. Лихачева и способствовали культурологическому пониманию литературы².

М.А. Васильева (Москва) в ряде своих работ делает акцент на проблему «диалога»: П.М. Бицилли – «диалогический мыслитель». Все «сотрудничество» П.М. Бицилли с гуманитаристикой его времени – это «переключка» – история «отношений с притяжением и отталкиванием, из которых рождается независимый путь исследователя с оригинальной концепцией», П.М. Бицилли вошел в историю гуманитарной мысли «как живой, диалогический мыслитель»; особенность его диалога – не «калькирование» чужих идей, но их творческое восприятие и постоянная критическая перепроверка «самими вещами»³.

¹ Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 286-289.

² Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 290. М.А. Бирман приводит запись выступления Д.С. Лихачева 17 мая 1991 г. по парижскому телевидению, сделанную В.Ю. Макаровым: Д.С. Лихачев подчеркнул влияние концепций П.М. Бицилли для создания своей теории текстологии и роль ученого в том, что «...литературу стали изучать как часть культуры».

³ Васильева М. Петр Бицилли как диалогический мыслитель // Opuscula Slavica Sedlcensia. T. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 44, 47.

Т.Н. Галчева (София) и И.В. Голубович (Одесса) рассматривают фигуру Бицилли в контексте Идеи Университета. «Вечный Университет» предстает метафорой – олицетворением символа «непрерывной традиции», соединяющей через столетие всех причастных к этому метафорическому Университету – от эпохи Петра Михайловича Бицилли, университетского подвижника, до современной эпохи – эпохи восприемников его наследия¹. В текстах П.М. Бицилли обозначены «контуры той жизненной позиции», которая является «экзистенциальным жестом», утверждающим «идеал Университета в истории человеческой цивилизации». Пройдя через «цивилизационную катастрофу», П.М. Бицилли сумел сохранить себя как «человека Университета» и передать своим преемникам «Идею Университета» как смыслообразующую идею, творящую мир, в котором он сам стремился жить².

Для Н.А. Селунской (Москва) Бицилли – «многогранная личность», его «феномен» удивителен: эта фигура «знаковая для интеллектуальной жизни русского зарубежья, точка соприкосновения, пересечения интересов “русского мира” и “мира европейского” в космополитическом пространстве эмиграции, университетской культуры, странствования идей». П.М. Бицилли «был и оставался посредником диалога культур», демонстрируя «своим жизненным примером опыт творчества, обогащенный традициями дореволюционной академической культуры, но открытый и новым поискам теоретических основ гуманитарной науки XX века»³.

Роман Мних (Польша) определяет П.М. Бицилли как ученого, который поражает масштабностью таланта, как одного из самых видных русских семиотиков, для которого человек выступал в качестве носителя «определённого исторического и культурного горизонта». Этот исходный тезис позволил П.М. Бицилли «по-но-

¹ Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 7-11.

² Довгополова О.А. «...Мое слишком уж затянувшееся сидение на луне, по ту сторону культуры...» // Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 12-24.

³ См.: Селунская Н.А. Интеллектуальная биография П.М. Бицилли в интерпретации М.А. Бирмана // Славянский альманах / Ин-т славяноведения РАН. Глав. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2010. № 1-2. С.479; Она же. «Своя» и «чужая» история: историки-медиевисты между мировыми войнами и социальными потрясениями // Диалог со временем. 55. М.: ИВИ, 2016. С. 78.

вому описать отдельные исторические парадигмы, выявляя новые символические и семантические смыслы культуры». Конечно, отмечает, Р. Мних, с высоты нашего времени можно спорить со многими выводами П.М. Бицилли, но трудно не согласиться с весьма современными мыслями учёного о «политизации культурного наследия», используемого в борьбе за власть в условиях обострения международного соперничества¹.

Для И.В. Голубович (Одесса) П.М. Бицилли – из тех ученых, которые совершили «методологический переворот» в гуманитарном знании, приближая его «к уникальной индивидуальности, конкретной и целостной жизни». Для таких ученых «индивидуализирующая стратегия» не являлась «шаблоном», но, напротив, была «напряженным внутренним заданием» в противостоянии диктату господствующей тогда «позитивистской моды»: они «отвечали» за каждое сказанное в науке слово и ответственно, «и в этом смысле нравственно», обосновывали свои позиции. Именно таким был П.М. Бицилли. И в этом смысле новое обращение к концепциям учёного, считает философ, будет плодотворным².

Если в 1989 г. А.Я. Гуревич³ назвал П.М. Бицилли (наряду с Л.П. Карсавиным) *зачинателем* «историко-психологических исследований в дореволюционной России», то сегодня, вслед за Людмилой Мних (Польша), можно с уверенностью сказать, что «очень многие идеи учёного» заложили основы для серьезных исследований в области истории и психологии исторической личности, и большинство из этих идей «не устарели до сегодняшнего дня», открывая «новые горизонты понимания истории как процесса и человека как участника этого процесса»⁴.

¹ См.: *Мних Роман*. Перекрестки культур в творчестве Петра Бицилли // *Opuscula Slavica Sedlcensia*. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 7-38.

² См.: *Голубович И.В., Попова Т.Н.* Размышления на два голоса. Читаем книгу: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество // *Культура украинских философских сообществ: ситуация трансформации*: [коллективная монография] / ред. кол. Л.Н. Богатая, И.В. Голубович, К.В. Райхерт; отв. ред Л.Н. Богатая. Одесса: Печатный дом, 2019. С. 143-158.

³ В известной монографии А.Я. Гуревича («Категории средневековой культуры», 1984) автор сделал 13 ссылок на две работы П.М. Бицилли («Салимбене», 1916; «Элементы...», 1919); «статистика», думаю, не совсем точная; интереснее другое, как в средневековой литературе осуществлен содержательный анализ «влияний» П.М. Бицилли на исследования А.Я. Гуревича.

⁴ См.: *Гуревич А.Я.* К читателю // *Одиссей. Человек в истории*. Исследования по со-

Ремарка-post. С конца второго десятилетия нового века появляются осторожные, но все-таки достаточно весомо высказанные сомнения – так ли уж гениальны труды ученого для нашего времени в определенных областях науки, так ли уж правильны его выводы в отношении узловых проблем российской истории («Россия и Европа», «Россия и «Запад», идея «Демократии», «европейский образец» и т.п.), так ли уж прав ученый в неприятии тезиса «самоопределения наций», перспектив государственной независимости народов, входивших в российский национальный конгломерат и т.п.?

«Суждения и оценки относительно места Бицилли в науке как теоретика и методолога, историка Средневековья и филолога могут быть разными, – пишет Н.А. Селунская, – но вызывает сомнение само стремление подчеркивать утраченную актуальность сочинений столетней давности». Как профессиональный медиевист, Н.А. Селунская разделяет два плана в этом вопросе: первый – «насколько сильным ученым», например, в области медиевистики можно назвать П.М. Бицилли сегодня, учитывая современный уровень медиевистических исследований, и второй – более значимый – «насколько его идеи как историка и теоретика науки сохраняют вес в современном академическом мире». В любом случае, заключает Н.А. Селунская, «важнее отметить, что стиль и модус построений Бицилли – всегда будут любопытны для истории науки как особые примеры переходной эпохи, эпохи кризисов, когда менялись и парадигмы научного мышления, и способы общения ученых с читателями, преподавателей с учащимися etc.»¹.

циальной истории и истории культуры. 1989. Москва, 1989. С.9; *Мних Л.* Концепция Средних веков как историко-культурной эпохи в творчестве Петра Бицилли // *Opuscula Slavica Sedlcensia*. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 112.

¹ *Селунская Н.А.* Интеллектуальная биография П.М. Бицилли в интерпретации М.А. Бирмана // *Славянский альманах / Ин-т славяноведения РАН.* Глав. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2010. № 1-2. С. 476.

6. КОММЕНТАРИИ-POST: пунктиром

Это – не выводы, это – некоторые наблюдения и размышления «по теме».

О стилистическом профиле

Современные исследователи отмечают «незавершенность» построений П.М. Бицилли¹. «Незавершенность» – содержательная и «по форме» действительно характерна для многих публикаций П.М. Бицилли, особенно в т.н. «малых формах». Не все работы ученого его, видимо, удовлетворяли, и он пытался объяснить причины этой «незавершенности», возможно, и самому себя тоже. В статье об А.С. Аксакове П.М. Бицилли рассуждает о специфике т.н. «публицистических» изданий. Эти мысли ученого можно вполне спроецировать в его творчество. Публицист, во-первых, обязан ориентироваться на «массового читателя» и потому должен «воздействовать не столько убеждениями, сколько своеобразным внушением»; во-вторых, учитывая ограниченный объем статьи в периодике, публицист «вынужден развивать мысли наспех». Эти два условия публицистичности текстов «ведут к неизбежным повторениям наряду с недосказанными мыслями»².

Т.Н. Галчева и И.В. Голубович, авторы исключительно ценного издания об эпистолярной П.М. Бицилли и членов семьи Флоровских (и не только – *sic!*) очень точно охарактеризовали стилистические особенности ученого. Для П.М. Бицилли характерны «устойчивые обороты и стилистические особенности речи»: «из текста в текст у него переходят одинаковые утверждения, иногда даже выраженные одними и теми же словами <...> у него складывается набор устоявшихся истин, любимых высказываний, которые он включает в различные свои тексты, и так у него возникает

¹ Васильева М.А. П.М. Бицилли и Д.И. Чижевский: К истории одного «заочного» диалога // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 1. С. 21.

² Бицилли П.М. Иван Сергеевич Аксаков и неговата философия на нацията // Българска мисъл. Ш. 1928. № 1. С.108-109. Цит. по: Галчева Т. П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолалева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 9.

привычка самоцитирования»; среди характерных черт его стиля – обилие риторических вопросов, ораторские приемы устной речи (близость между письменной и устной речью), «автокоррекция», и «автоцитаты», «неожиданные сопоставления», «легкость фразы», и одновременно – неточность / небрежность в описании источников и т.п.¹

Ремарка: о «небрежности». П.М. Бицилли в Предисловии к работе «Место Ренессанса...» пишет: «Вообще же библиографических указаний я не даю, так как настоящая работа не преследует целей обзора событий или справочника. В некоторых случаях я не имел под руками подлинников, существующих в редких малодоступных изданиях, и мне приходилось делать ссылки, пользуясь переводами <...> Впрочем, я не думаю, чтобы это отразилось на моей работе неблагоприятно». Позже в Примечаниях он уточняет: «Указания на литературу даны лишь в исключительных случаях: главным образом, там, где имело место прямое заимствование, или когда дело идет о *нашей* работах»². П.М. Бицилли «оговаривает» специфику своей работы с источниками – и это важно, т.к. автор имеет право «отойти» от строгого академизма в силу разных причин, поэтому «небрежность» его вполне объяснима и понятна.

Ремарка: о повторах. Анализируя творчество Леонардо да Винчи, П.М. Бицилли обращает внимание на то, что «Для Леонардо вообще характерно повторение одних и тех же мотивов, жестов, образов, повторение художественного эксперимента»³. Возможно, ученый считал для себя вполне приемлемым использование манеры Мастера?.. Есть еще одна мысль, которая касается музыки: «...одна черта музыки, одна ее могучая “возможность” – *возвращение* темы»: fuga Баха, множество раз повторяя одну мелодию, обогащается, приоб-

¹ См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С.274-279, 289. Здесь ссылка на отзыв И.М. Гревса о «Салимбене...»: «...указатель источников и использованных научных книг часто неточен и небрежно составлен»

² *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С.6, 173.

³ *Бицилли П.М.* Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. 78.

рета новые «смыслы», и достигает совершенства¹ [курсив мой. – Т.Н.].

Согласно Н.А. Селунской, «язык Бицилли – разнообразный, не четкий», с системой «аллюзий», «параллелей» («ключевое слово для интеллектуального мира Бицилли») – соответствует по интонационному и тематическому сходству построений с авторами иных эпох и регионов, «чуждых ему по духу». Речь не идет о прямом цитировании и аналогичном ссылочном аппарате, но – о «переключках»². При этом «манера изложения» П.М. Бицилли – современна и отвечает уровню междисциплинарных исторических исследований сегодняшнего дня; ему свойственно т.н. ««плотное» описание» с ««плотным» цитированием»: значительный объем цитат «введен в само тело» статей; их выбор так же «примечателен, как и формулировки комментариев»³.

Все тексты П.М. Бицилли (и особенно – «Очерки...») изобилуют различными графическими элементами: кавычки, курсив, прописные буквы и т.п., которые определяют важные для автора смысловые нюансы. Он не приемлет ограничения не только концептуального характера, но и стилового: архитектура его работ отличается от привычных канонов «академизма» – П.М. Бицилли против «дробления» текста книги на разделы, главы, параграфы и т.п.⁴. Его стиль, заимствуя определение Д.И. Чижевского, – «вулканический», не подлежащий «тиражированию», исключительно самобытный.

Еще раз о «малых формах»

«Малая форма» множества публикаций П.М. Бицилли – оценивается большинством авторов как некая особенность творчества ученого. Но – распространение т.н. «малых форм» было специфично для публикаторской деятельности историков-эмигрантов в це-

¹ *Бицилли П.М.* Похвала музыке // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 503, 498.

² *Селунская Н.А.* «Своя» и «чужая» история: историки-медиевисты между мировыми войнами и социальными потрясениями // Диалог со временем. 55. М.: ИВИ, 2016. С.78.

³ *Селунская Н.А.* Новое Средневековье – русская идея? Медиевистика Бицилли, средневековые общественные движения и актуализация истории // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 184.

⁴ *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Когановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 341.

лом. Это было связано в первую очередь с «издательскими трудностями». Ученые печатали свои работы в литературно-художественных журналах и даже газетах, что требовало соблюдения определенных норм, которые не были рассчитаны на «большой формат» серьезных исследований (вспомним, что писал Петр Михайлович об особенностях публицистики!). Среди публикаций историков-эмигрантов преобладали историографические обзоры по периодам и персонам, рецензии на новые труды, юбилейные и некрологические речи и выступления. А.А. Кизеветтер, которому не удалось вывезти свой личный архив во время насильственной депортации, преимущественно публиковал аналитические обзоры литературы, писал рецензии, биоисториографические статьи и воспоминания¹. Подобная практика характеризовала публикаторскую деятельность и других крупных ученых-эмигрантов: Г.В. Вернадского, А.В. Флоровского, Е.Ф. Максимовича, Е.Ф. Шмурло и др.

Акцент на историографию и историографические публикации в «малых формах» был обусловлен рядом причин.

Во-первых: это – отсутствие необходимых архивных материалов, специальной литературы, институциональная разобщенность или, напротив, интересы национальных исследовательских центров, с которыми сотрудничали некоторые историки-эмигранты, сыграло благоприятную роль для развития историографических штудий.

Во-вторых: обращение к историографическому анализу стимулировал теоретико-методологический кризис, приобретающий перманентный характер; появление новых исторических школ и направлений, знаковых публикаций, провоцировавших дискуссионность, а значит – «историографическую напряженность» (О. Шпенглер, евразийский «пласт», новейшие евроатлантические работы и т.п.).

В-третьих: острая необходимость в осмыслении наследия российской историографии дореволюционного периода и осознание собственного статуса эмигрантской науки заставляла ученых

¹ См.: Кизеветтер А.А. Опричнина Ивана Грозного в русской историографии // Сборник Русского института в Праге. Вып. 2. Прага, 1931. С. 7-28; Он же. Общие построения русской истории в современной литературе // Труды IX съезда Русских академических организаций за границей в Белграде, 16-23 сентября 1928 года. 4.1. Белград, 1929. С. 139-140; Он же. История русская и всеобщая // Русская зарубежная книга. Ч. 1. Библиографические обзоры. Прага, 1924. С. 60-95 и др.

(среди которых были историки «первой величины») фокусировать свое внимание на творческом наследии прежних эпох и настоящего для них времени.

А.В. Флоровский, бывший профессор Новороссийского университета, одним из первых представил глубокий анализ состояния российской науки за рубежом. Он выделил несколько показателей специфики, основная причина которой – в общей неблагоприятной обстановке эмигрантского существования: «географический фактор», обусловивший тематику и характер научной работы; замедление темпов научной деятельности; влияние местной научной среды; сосредоточение научной работы в центрах эмиграции, среди которых наиболее благоприятные условия для научной работы сложились в Праге и Белграде; издание работ «малых форм» и публикация на многих языках; отсутствие работ источникового характера; преобладание в массиве публикаций мемуарного характера, документов о событиях последнего времени, которые с его точки зрения, не являлись научными трудами, но представляли важность для истории науки; «уход» ряда историков в область философии и литературы; приоритет получили исследования по истории славянских народов, истории права, искусства и т.п.; «неравномерность» и «разнообразие» в изучении российской истории, связанное с составом исследователей и условиями организации научной работы в конкретных научных центрах; вынужденная ориентация историков-эмигрантов на «местные» научные потребности и интересы, а также возможности стран их пребывания.

В итоге А.В. Флоровский видел перспективу исторической науки российского зарубежья в развитии следующих тематических линий:

- история народов стран-реципиентов;
- связи России и стран пребывания, особенно европейских [тематика русско-чешских отношений и т.п. составила значительный пласт в творчестве самого А.В. Флоровского. – Т.Н.];
- архивная и археографическая практика: исследование архивов стран расселения ученых; поиски материалов по истории России;
- изучение результатов научной работы историков-эмигрантов, учитывая большую свободу для творчества в европейских

странах¹.

Кроме того, ученые эмигранты не оставляли своим вниманием советскую науку: постоянный анализ советской историографии стал практически нормой в деятельности многих историков-эмигрантов.

Этот контекст позволяет говорить о том, что «малые формы» в творчестве П.М. Бицилли не являются чем-то исключительным. Он работал в русле общей обстановки, в которой находилась «эмигрантская наука». Рецензии, литературно-критические опусы, историографические работы (отзывы, обзоры, заметки и проч.) и другие небольшие («малки творби») публикации, возможно, в значительно большем количестве, нежели у коллег, стали обыденной практикой научно-публикаторской деятельности ученого.

Ремарка-P.S. И все-таки не стоит забывать о его теоретической позиции – ключевой идее «синтеза “момента”», которая, возможно, направляла его творческую индивидуальность не на монографический синтез («большая форма»), а на «малую форму», в которой он пытался выразить «дух» – автора, произведения, эпохи, наконец, самого себя.

О российской истории

Тематика российской / русской истории вошла в сферу интересов П.М. Бицилли и была предстала в работах «малой формы» – рецензиях и отдельных статьях, а также в работе «большой формы» – «У истоков русской общественной мысли».

1. О рецензиях на книги по русской истории. В.И. Цепилова, анализируя отзыв П.М. Бицилли² о трудах П.Н. Милюкова, отмечает «нетрадиционность» подхода рецензента – с точки зрения теории синтеза; второй вывод – «даже в “парадных” изданиях истории не избегали ставить острые вопросы, отстаивая свой взгляд на проблемы развития исторической науки»³.

¹ Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920-1930) // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. Ч. 1. София, 1932. С. 467-484. См.: Цепилова В.И. Историографическое наследие русского зарубежья 20-30-х гг. XX в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Выпуск 4. С. 213-226.

² См.: Бицилли П. Философия русской истории в трудах П.Н. Милюкова [Докл. на засед. Союза софийск. журналистов, посвящ. 70-летию Милюкова] // П.Н. Милюков: Сб. материалов по чествованию его семидесятилетию, 1859-1929. Париж, 1929 С. 81-91.

³ См.: Цепилова В.И. Историографическое наследие русского зарубежья 20-30-х гг.

Для П.М. Бицилли такая позиция – норма. Он отмечает заслугу П.Н. Милюкова, к которому относился с большим почтением, в том, что ученый, во-первых, всесторонне отразил народную жизнь; во-вторых, ему удалось стать преемником научных традиций в русской историографии: преодолев две оппозиционные теории русского исторического процесса – западничества с его идеей «элементарности» русской истории и славянофильства с его идеей самобытности, – П.Н. Милюков сумел объединить их в едином синтезе. Вместе с тем П.М. Бицилли считал, что выводы П.Н. Милюкова «односторонни», в частности – вопрос об интеллигенции. По Бицилли, интеллигенция в реалии, вопреки мнению П.Н. Милюкова, – разнородна, и «разрыв» существовал не только между интеллигенцией и народом, но и между «вождями» и представителями разных слоев «русской культуры». П.М. Бицилли также против гипертрофии социологического метода в исторических исследованиях, т.к. для историка ценность исторической концепции – в ее согласованности со всеми фактами, а не социологическими схемами.

В рецензии на третий том «Очерков по истории русской культуры»¹ П.М. Бицилли отмечает, что рецензируемый труд – «единственная история русской культуры» – стал своевременен и актуален именно в конце второго десятилетия XX в., т.к. он представляет собой новое направление – «идеал-реализм», направление «неудобное» и «неприятное» для читателей, которые читают для «самообразования», т.к. от читателя требуется участие «в творчестве читаемого автора»². Эта книга не только «для самообразования», но и «с направлением»: «в ней заключена целая философия нации», философия, определившая собой всю «политику Милюкова». Для «правых» и для многих «левых» нация – «готовый предмет» с готовыми идеалами и структурой. П.Н. Милюков показал, что «Нация есть неустанный творческий процесс», в ней есть «прогресс», но не в смысле движения к «светлому будущему», а в смысле «наиболее полной реализации». С позиций «идеал-реализма» любая «кол-

XX в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 222-223.

¹ Бицилли П. [Рец.:] П. Милюков. Очерки по истории культуры. Том 3-й. Национализм и европеизм. Париж, 1930 // Числа. 1930. № 1. С.220-221.

² П.М. Бицилли в сущности ставит проблему «автор текста / читатель текста».

лективная величина» реальна не как «вещь», а как *переживание*: «Добровольное, свободное, совместное участие всех в становлении Нации – это и есть характерная черта европейской истории, поэтому “европеизм”» – слово, не случайно употребленное П.Н. Милюковым. Именно так, по мнению П.М. Бицилли, у автора рецензируемой книги «снимается» противоположность западников и славянофилов, именно так «“Европеизация” России – *формальный* признак ее прогресса как *Нации*». Понять философию «Русской Нации» – не означает «свести» Пушкина к Достоевскому, «примирить» Толстого с Вл. Соловьевым, но – «*pretворить их всех в собственном сознании*». Эту позицию П.М. Бицилли называет «*творческий консерватизм*», «*действенное* оберегание национальной традиции».

В рецензии на второй том «Очерков по истории русской культуры»¹ П.М. Бицилли рассматривает книгу П.Н. Милюкова как опыт культурно-исторического синтеза, опыт пока – единственный. «*Жизненность*» книги ученого и политика, считает рецензент, «сказалась на целом ряде замечательных по тонкости, глубине и точности (результат исключительного дара сочувственного понимания) *характеристик* отдельных направлений и их представителей». Здесь же П.М. Бицилли по сути демонстрирует собственную схему историографического анализа, который аналогичен его мыслям об исследовательской работе историка в целом: «*Партийная* точка зрения, Фукидида и Ливия, Тэна и Маколея принадлежит изжитому, “отработанному” жизнью прошлому, и в их книгах сама является подлежащим обработке “сырым”, т.е. *мертвым*, историческим *материалом*, *материей*, которую историк историографии должен *оформить*, т.е. вновь *оживить*»².

Ремарка-штрих. Для П.М. Бицилли «обработка» и затем «оформление» исторического – в данном случае историографического – материала заключается в анализе творческой деятельности историков (личности и наследия), в результате которого историограф (историк исторической науки) предлагает свои характеристики направлений развития исторической мысли и их представителей.

Обстоятельства, заключает П.М. Бицилли, помешали Милю-

¹ Бицилли П. Историография Милюкова // Числа. 1931. № 5. С.179-182.

² Бицилли П. Историография Милюкова // Числа. 1931. № 5. С.180-181.

кову «досказать *свое* слово» – и «Очерки», и «Главные течения русской исторической мысли» остались незавершенными, поэтому долг П.Н. Милюкова «перед русской культурой – дописать ее историю» [курсив везде П.М. Бицилли. – Т.П.].

Ремарка-мнение. По сути – это не рецензия в соответствии с канонами жанра, это – воодушевление от мыслей, которые П.М. Бицилли нашел у П.Н. Милюкова, и которые были ему близки и «созвучны». Но в этом совсем маленьком двухстраничном опусе, в котором так много *курсива*, ученый сумел в концентрированном изложении выразить свою боль, *свое переживание* за будущее своей Родины, ее культуры и всего европейского мира и свое понимание возможных перспектив. Вторая рецензия, привлекающая мое внимание – отзыв на работу Г.П. Федотова¹ об эпохе Ивана Грозного².

Ремарка-info. В 1931-1939 годах, будучи в Париже, Г.П. Федотов редактировал эмигрантский общественно-философский журнал «Новый град». В этом журнале в данный период П.М. Бицилли опубликовал 13 работ³: пять статей («К вопросу о природе русской государственности в дореволюционный период», 1932; «Проблема свободы в наше время», 1934; «На путях к новому Граду», 1935; «Несколько замечаний о современной зарубежной литературе», 1936); «Уроки истории», 1939) и восемь рецензий на работы П.Н. Савицкого (1933), Н.А. Бердяева (1932), Г.Д. Гурвича (1935), на два евразийских издания - альманах «Утверждение» (1931) и книгу «Тридцатые годы: Утверждение евразийцев» (1932) и др.

П.М. Бицилли высоко оценил книгу Г.П. Федотова, т.к. автор, по мнению рецензента, подверг «пересмотру» вопрос о содержании всего царствования Грозного. В историографии ко времени рецензирования этой работы П.М. Бицилли уже сложились оппозиционные направления в оценке личности Ивана IV и его правления. П.М. Бицилли воспринял книгу Г.П. Федотова как «реакцию» на т.н. «“научную” трактовку истории», смысл которой для него –

¹ Г.П. Федотов (1886 /Саратов/ – 1951 /США/), русский историк, философ, литературовед, религиозный мыслитель и публицист. Глубокие исследования о Г.П. Федотове принадлежат А.В. Антощенко.

² См.: *Бицилли П.* [Рец.: Федотов Г.П. Святой Филипп, митрополит московский. Париж, 1927.] // Современные записки. 1928. Кн. 36. С. 539-542.

³ Допускаю, что цифра может быть иной.

в подведении «исторической реальности под отвлеченные категории формальных наук» – теории права, социологии, политической экономии. Он против определяющих понятий: «государственная необходимость», «боярская реакция», «государственное начало» и т.п. По его мнению, «живые» люди превращались в «носителей» т.н. «мнимых величин» и просто исчезали из поля зрения читателей. Нельзя, согласно Бицилли, сводить «подвижничество» митрополита Филиппа к «феодальной реакции»: историческая реальность таким образом превращалась в «небольшое число *формул*». Г.П. Федотов, принадлежащий к петербургской школе историков, для которых целью было – «вернуть истории ее самостоятельное значение», *индивидуализирует*¹ и самого Грозного, и Филиппа, и их время. П.М. Бицилли против «социологических» и «публично-правовых» обобщений, но – за *исторические обобщения*.

Далее П.М. Бицилли замечает, что анализировать книгу не собирается, т.к. такую чрезвычайно увлекательную и волнующую работу «должен прочесть каждый». В его фокусе – расхождение с автором.

Во-первых: Г.П. Федотов не увидел в Грозном прямого предшественника Петра Великого, о чем написал Р.Ю. Виппер². П.М. Бицилли считает, что Г.П. Федотов «чересчур “снижает”» Ивана Грозного, между которым и Петром «напрашивается... параллель». Именно в том, что «два самых замечательных государственных человека старой Руси были великими грешниками и великими преступниками, приобретает значение тревожного и зловещего символа», П.М. Бицилли усматривает некую «закономерность» *русской государственной власти*.

Во-вторых: Опричнину П.М. Бицилли оценивает как установление «режима “чрезвычайной охраны”» – «гражданскую войну», поднятую правительством против своих подданных. Аналогии с западно-европейской историей – нуместны, считает он, поскольку то, что там было исключением, «у нас было *правилом*».

Тема, поднятая Г.П. Федотовым для П.М. Бицилли была слишком болезненной – он не переставал думать о крушении страны, ис-

¹ Курсив, слова и фразы в кавычках везде – П.М. Бицилли (иногда с некоторыми изменениями в падежах).

² П.М. Бицилли, вероятно, имел в виду книгу: *Bunper P.Ю.* Иван Грозный. [М.]: Дельфин, 1922. 116 с.

кать в прошлом истоки того, что произошло. И снова возникает понятие *ритм*: «Ритм русской истории слагается из чередования глубочайших нравственных падений и моментов раскаяния, просветления и подъема, длительного угасания идеи нации – когда “власть” и “народ” перестают быть “органами” *одного* организма, становятся внеположными, духовно глубоко чуждыми одна другой величинами, – внезапного возрождения идеи “всей земли”; – и эти смены столь резки, контрасты света и тени столь разительны, что невольно спрашиваешь себя, тот ли это самый народ сегодня, что был вчера, и ощущаешь с глубокой внутренней достоверностью незримое участие в его жизни каких-то сверхличных, противоборствующих в течение веков на попрание его истории злых и добрах сил»¹. В связи с этими мыслями, которые наваяла книга Г.П. Федотова, Петр Михайлович обращается к Ф.М. Достоевскому, считая его творения «самой проникновенной философией русской истории».

Итоговая оценка рецензируемой работы положительна в первую очередь благодаря своей близости к источникам: для рецензента этот факт служит доказательством того, «что сущность и историко-философский смысл рассказанной автором трагедии угаданы им верно».

Ремарка-post. Эта рецензия – еще одно доказательство того, что:

во-первых, П.М. Бицилли никогда не писал «по шаблонам», даже собственным – каждая из его рецензий представляет собой самостоятельное, завершенное произведение и по форме, и по содержанию;

во-вторых, рецензия превращалась в средство интеллектуального заряда для внутреннего диалога и дискуссии, для открытия новых концептуально-методологических горизонтов собственного творчества;

в-третьих, рецензия становилась формой освоения крупнейшего массива разнообразных историографических и литературоведческих традиций;

в-четвертых, в рецензиях сохранялись «повторы» – наиболее важные для ученого мысли, которые приобретали

¹ *Бицилли П.М.* Г.П. Федотов. Святой Филипп, Митрополит Московский. УМСА-Press. Париж, 1927 // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 432-433.

новое звучание в каждом конкретном контексте;

в-пятых, в рецензии родился и шлифовался «индивидуальный почерк» историка – «стиль изложения мысли» и «манера письма».

Ремарка-мнение. Мысли, высказанные П.М. Бицилли по поводу российской истории и методологии подходов к ее изучению, безусловно, интересны и заслуживают пристального внимания своими острыми наблюдениями и яркими оценками. Однако не стоит забывать:

- о субъективности любой научной позиции, как утверждал сам ученый,
- о морально-эмоциональной окраске текста – личностном восприятии Петром Михайловичем всей исторической картины,
- о том, что любой источник – «достоверен» лишь как интерпретативный материал,
- о законе маятника в колебаниях историографических полюсов, признаваемом самим П.М. Бицилли.

2. О миссии России. Миссия России, замечает ученый, обычно воспринималась как «щит», который оберегал Европу от кочевников – «монгольской дикой орды». Вопреки этому «символу»-штампу П.М. Бицилли предлагает иной символ – «символ “пути”», или же – сочетание обоих символов: в России «творчески осуществляется синтез восточных и западных культур» - с этнографической точки зрения в России «господство принадлежит индоевропейскому и туранскому элементам». Осуществить свою ««евразийскую» миссию», т.е. реализовать собственную сущность «нового европейского культурного мира», Россия сможет, верит П.М. Бицилли, на пути политическом: «из средней Азии и через Среднюю Азию – в приморские области Старого Света». Культуру, считает он, нельзя соединять только с одним центром – центры культуры «перемещаются» и сама культура «вечно меняется». К истории «старого света», таким образом, не может быть приложим «обычный хронологический ряд», или «закон о прогрессе». История «старого света» за две с половиной тысячи лет - это «одно огромное необыкновенно мощное и напряженное движение из нескольких центров сразу, но центров отнюдь не изолированных: за это время все проблемы были поставлены, все мысли передуманы,

все великие и вечные слова сказаны». «Новейшие судьбы России, начиная с 16 века», заключает ученый, можно рассматривать как «грандиозную попытку восстановления центра и тем самым, воссоздания “Евразии”». Именно от исхода этой попытки «зависит будущее»¹.

Эти мысли, спровоцированные во многом диалогом с евразийцами, были высказаны П.М. Бицилли в 1922 году.

3. Об истории российской интеллигенции. Именно так можно обозначить главную тематическую линию фактически последнего крупного бициллиевского труда «У истоков русской общественной мысли», завершение которого относится ко времени, вероятнее всего, не ранее 1948 года². В многоплановом произведении П.М. Бицилли можно выделить два блока вопросов.

Первый блок – его теоретико-методологическое кредо, в данном случае это – ряд позиций, которые пронизывают практически все творчество ученого.

В самом начале работы – любимая П.М. Бицилли мысль Б. Кроче: всякая подлинная история есть *современная* история. Этот исходный тезис связан со вторым постулатом П.М. Бицилли: историк, желающий истолковать прошлое объективно и беспристрастно, «все же видит это прошлое под своим углом зрения». Это в какой-то степени (метафорически) – «презумция невиновности»: желание подчеркнуть, что все сказанное – субъективно и обусловлено *моментом*.

Кроме этого, добавим перманентно повторяющиеся идеи:

- «Исторический процесс – результат действия комплекса разнородных, иной раз случайно совпадающих факторов»;
- «Всякая периодизация по необходимости условна <...> но

¹ См.: Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях. М.; Берлин, 1922. Кн. 2. Утверждение евразийцев. С.317-340; то же: Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 232-247.

² Бицилли П.М. У истоков русской общественной мысли. Публикация, редакция и комментарий Галины Петковой. Электронно издательство LiterNet. Варна, 2005. URL: <http://www.liternet.bg/publish6/pbicilli/istokov/> См. подробнее: Петкова Г. О неизданном труде П.М. Бицилли (Комментарий). URL: <https://liternet.bg/publish6/pbicilli/istokov/content.htm> См. об этом также: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С.270. Это произведение требует специального предметного анализа, который в мою задачу не входит, – я хотела бы обратить внимание на несколько позиций в контексте общей направленности моей книги.

обойтись без периодизации невозможно: есть в истории моменты “мутаций”, когда то, что таилось, может быть, издавна где-то на дне вдруг всплывает наружу, становится очевидным, неоспоримым фактом»;

- «...нельзя не считаться с законом “полярности”, обуславливающим известную общность <...> различных тенденций...»;
- «Исторический процесс подчинен закону ритма. Он представляет собой чередование моментов подъема и спуска, одержимости верой в осуществимость известных идеалов и отрезвления, охлаждения, прилива энергии и усталости, отказа от напряженной деятельности»;
- «История культуры – это история борьбы “elite”, “избранных” людей с “массовым человеком”, реакция против общепринятого, становящегося в силу этого рутиной, ведущей к опошлению; а вместе с тем “избранный человек” является до известной степени сам продуктом своей среды, его творчество отражает исходящие от нее влияния не только, так сказать, негативно, но и позитивно»;
- «История есть наука о том, что в человеческой жизни *происходило* – и *происходит*, – и о том, что крылось и кроется – в человеческом сознании за происходившим и происходящим, наука о *событиях* и об обуславливающих их *тенденциях*. В своем первом аспекте историческая наука, к сожалению, должна быть признана весьма неудовлетворительной. Историк не может заставить себя ограничиваться регистрацией событий, он добивается ответа на вопрос, *почему* что-либо происходило. Но для ответа на этот вопрос он не в силах воспользоваться единственным необходимым для этого методом – экспериментации. Всякое историческое событие – результат ряда причин, и мы не знаем, состоялось ли бы оно или нет, если бы хотя бы одной из этих причин не было <...> В более благоприятном положении находится историк тенденций. Ибо тенденция есть результат действия не случайных “событий”, а более или менее длительных, а то и постоянных факторов; они сказываются во множестве проявлений самого различного свойства, между которыми, однако, вглядываясь в них внимательно, историк может уловить известную общность, а тем самым и открыть саму тенденцию».

Второй блок – квинтэссенция его концепции *интеллигенции*.

«Интеллигенция» – ключевая категория в этом труде, недаром П.М. Бицилли, относящийся очень осторожно к употребляемым понятиям, начинает с экспликации. Как известно, *интеллигенция* – слово русское, которое не имеет эквивалентов в европейских языках; его смысл П.М. Бицилли определяет так: интеллигент – «“прогрессивно мыслящий” человек, относящийся отрицательно к существующему общественно-политическому строю». При этом интеллигенция в значительной степени настроена «*максималистически*», ее общий идеал – строй без какой-либо «внешней принудительности», это – мечта о «новом эоне», о «перерождении человечества», о «переходе от “царства необходимости” в “царство свободы”». Этот идеал объединял практически всех представителей интеллигенции, вне зависимости от темпоральной специфики; «расхождения» между отдельными ее стратами [во временном и «внутри-структурированном» режиме. – Т.П.] касались методов достижения этого идеала / цели: «как это будет, – или должно быть, могло бы быть, – достигнуто».

Весь последующий анализ в сущности сводится к анализу формирования и эволюции интеллигенции – от декабристов (и даже ранее – от XVIII века) до Октября в контексте специфики исторических периодов российской истории и в сравнении с западноевропейской традицией.

Для П.М. Бицилли главное в понимании человека, явления, произведения и т.п. это – выявление его индивидуальности – «духа». «Целью моей работы, – пишет он, – было постараться выяснить, как создавался этот специфический “русский дух”, – и я пришел к убеждению, что условиями его возникновения были, во-первых, парадоксальный, внутренне противоречивый процесс развития России как единого национально-государственного целого, во-вторых, ее отрыв от “латинского” Запада – следствие разделения Церковей и усвоения “церковно-славянского” как общего “ученого” языка, в результате чего “буржуазный” дух не мог стать “русским духом”, так как буржуазия не была тем социальным слоем, из среды которого вербовалась русская интеллигенция». Отсюда – дворянские истоки русской интеллигенции.

П.М. Бицилли согласен с выводами ряда мыслителей о том, что «максимализм», «идейная напряженность» – характерная черта русской интеллигенции. Но этот максимализм П.М. Бицилли

в отличие от Ф.А. Степуна не считает «убожеством», оторванностью от реальной действительности.

«Русская революция была действительно в известном смысле пролетарской революцией», заключает ученый, т.к. пролетариат – городской и сельский – был значительным по численности социальным слоем, и ему (в первую очередь – городскому) «уже было присуще классовое сознание», а поскольку русский пролетариат не имел в отличие от западноевропейского легальных форм борьбы, он «охотнее поддавался революционной пропаганде, чем их товарищи на Западе». В связи с этим П.М. Бицилли признает, что «“материалистическое” понимание проблемы русской революции реалистичнее, ближе к действительности», поскольку оно исходит из признания «индивидуальных особенностей социальной структуры России в предреволюционный период». Именно такова была концепция Ленина, который развил идеи, уже высказанные Марксом и Энгельсом, обратившими «свои взоры к России».

Тем не менее, эта «концепция не может быть принята безоговорочно», замечает ученый: ее «погрешность» – в односторонности, «в игнорировании всех факторов исторического развития, кроме экономического».

Но – если русскую революцию и можно назвать «пролетарской», допускает П.М. Бицилли это определение, то все же «инициатива» революции исходила не от пролетариата, а *от интеллигенции*, которая «была охвачена максималистическими, так сказать, апокалиптическими, хилястическими настроениями, чаяниями» [курсив мой. – Т.П.]. Эти настроения и чаяния «продолжали быть присущими “русской душе” и тогда, когда Россия, с точки зрения ее социально-экономического развития, уже в значительной мере “европеизировалась”, когда буржуазия стала уже многочисленной и влиятельной общественной категорией». И хотя интеллигенция постоянно пополнялась «разночинским» элементом, «общий идеал» / «новый эон» и «максималистический» настрой не просто сохраняли свое значение, но и усиливались.

В СССР «новый эон» потребовал создание «нового человека» (пример А.С. Макаренко, с публикациями которого Петр Михайлович был знаком), который бы не представлял себя «в отрыве от... коллектива» в обществе, «где нет ни богатых, ни бедных», и таким

образом «воля всех» уже не противопоставлялась «общей воле», а отождествлялась с ней.

Проанализировав историю русской интеллигенции, П.М. Бицилли пришел к выводу: «...авторы последней русской революции являются...преемниками Радищева, декабристов левого лагеря, славянофилов и западников, “шестидесятников”, “народников”»; все это «позволяет установить “constante” русского исторического процесса со времени формирования интеллигенции, индивидуализировать этот процесс, как результат действия своеобразных факторов русского социально-политического и духовного развития».

Ремарка-мнение. Этот труд, чрезвычайно интересный в первую очередь для понимания эволюции мировоззрения П.М. Бицилли, при всем обилии глубоких мыслей, наблюдений и точных характеристик тем не менее содержит ряд спорных положений, даже ошибок (возможно, при перепечатке) и требует содержательного анализа¹.

Об украинской истории

Тема «Украины» присутствует в наследии П.М. Бицилли. В современных украинских публикациях отношение к Бицилли двоякое: бициллиеведы (преимущественно – в Одессе) идут в общем русле освоения его трудов; в украинской публицистике оценка Бицилли в большей мере критическая в связи с его позицией по вопросу самоопределения наций. Попробую без превзятости (но, конечно, – «субъективно») выделить некоторые рассуждения ученого.

П.М. Бицилли признавал достижения украинской культуры и общественного движения. Анализируя декабристские организации и сравнивая состав декабристских «Обществ», ученый писал: «Самым демократическим по составу было возникшее в Западной Украине отдельно от этих обществ “Общество соединенных славян”, в котором членами были по преимуществу “разночинцы”»². Т.Г. Шевченко он называл «великим украинским поэтом» и посвятил ему юбилейную статью – к 120-летию со дня рождения Коб-

¹ Русисты-историки, вероятно, до сих пор считают П.М. Бицилли исключительно медиевистом и филологом, и не обращаются к существенному пласту его творчества по российской истории.

² *Бицилли П.М.* У истоков русской общественной мысли. Публикация, редакция и комментарий Галины Петковой. URL: <https://liternet.bg/publish6/pbicilli/istokov/content.htm>

заря¹. П.М. Бицилли был знаком с работами М.С. Грушевского и внимательно следил за событиями в СССР в целом.

Наибольшую остроту вызывает статья о русско-украинских отношениях². Однако стоит сравнить преамбулу от Редакционной коллегии издательства с текстом – «От автора». В преамбуле издательства статья П.М. Бицилли трактуется целенаправленно – это по сути «призыв» к «единству всего русского народа» и обличение «украинозаторов», которые наносят вред «малороссам».

В тексте автора:

во-первых, четко определена главная проблема статьи – проблема *нации*;

во-вторых, задача статьи – «обращение» и к русским, и к украинцам (а не «малороссам» – sic!) в надежде на то, что оба народа смогут «сговориться друг с другом»;

в-третьих, свои статьи – П.М. Бицилли имеет в виду все публикации, в которых так или иначе затронута эта проблема – ученый адресует к тем украинцам, которые воспринимают русско-украинские отношения как «культурно-историческую проблему», а не как «вопрос “реальной” политики».

Лапидарно излагая «споры» с их бескомпромиссной аргументацией между русскими и украинцами, П.М. Бицилли формулирует методологию своего видения проблемы: «Нельзя отрицать большой плодотворности этих споров для исторической науки. Однако, тот, кто считает, что подобная аргументация имеет прямое отношение к основному предмету спора, тем самым выдает свое непонимание сущности исторического процесса вообще, и в частности – украинско-русской проблемы как проблемы исторической: ведь настоящий момент есть тоже “история”, часть исторического процесса. Именно потому, что история есть постоянное обновление, вечное становление, движение вперед – все равно, к “лучшему” или к “худшему”, – что она необратима, так называемые

¹ Бицилли П. Поезизята на Шевченко // Литературен глас. 10.У1. № 238. София, 1934. С.1-2. Galina Petkova: Неопубликованная рукопись Петра Михайловича Бицилли «Заметки о лексических и тематических совпадениях и заимствованиях у русских авторов классиков. См.: *Мних Роман*. Перекрестки культур в творчестве Петра Бицилли // *Opuscula Slavica Sedlcensia*. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С.33.

² Бицилли П.М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага: Издательское общество «Единство», 1930. 38 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/bicil_prob1.php

исторические аргументы, т. е. аргументы от данных исторического прошлого, сами по себе не имеют, не могут иметь решительно никакой силы и никакого значения в применении к историческому настоящему или историческому будущему».

«Исторический процесс, – разъясняет П.М. Бицилли, – есть процесс образования – и разложения – различного рода коллективов, наций, империй, религиозных, хозяйственных и иных соединений». История свидетельствует, что «разложение» этих «соединений» происходит по-разному. В качестве примеров он приводит Австро-Венгерскую монархию – конгломерат национальностей, сознававших свою особенность, добивавшихся самоопределения, поэтому распад империи произошел «весьма легко и просто». Однако в экономическом плане Австро-Венгрия представляла собой сложный и сплоченный организм: отдельные регионы в экономическом отношении не совпадали по своим границам с национальными, поэтому «разложение» монархии явилось «экономической катастрофой, смертью того хозяйственного *individuum*'а, каким это государство было.», и новым «государствам, возникшим на развалинах Дунайской империи, пришлось перестраивать свою экономическую структуру, создавать – каждому в отдельности – собственное народное хозяйство». Пример Польши показывает иной вариант: «живучесть национальных организмов», поскольку Польша, несмотря на «разделы», уже была «историческим индивидуумом» и «организмом».

Украину П.М. Бицилли в этом отношении с Польшей сопоставить не может. Он приемлет возражения в том плане, что «“украинская национальность” никогда не переставала быть», что «украинская нация существует “виртуально”, существует в “потенции”, в “возможности”», и «надо пробудить народ от его спячки», «освободить» дремлющие в народе силы. В этом утверждении, соглашается ученый, «много правды»: проблема украинского возрождения – не «вымысел политиканов и праздномыслящих романтиков», от нее нельзя «отмахнуться» и «отказать в жизненности». Но эту проблему следует «правильно поставить»: «как вообще возникают национальные *individua*, в чем состоит сложнейший и таинственный процесс формирования национальной “души”, национальной личности». Существуют нации «многоязычные» и «одноязычные». «Единство языка», безусловно, заставляет разобщенные – политически и пространственно – народы «тяготеть друг к другу»: «сорок

миллионов людей, говорящих на одном языке, – это несомненно надежный базис для создания в будущем великой нации. И экономически, и политически, и культурно Украина может развиваться и вне рамок Российской Империи и общерусской культуры. Эта перспектива настолько прекрасна, эта идея настолько заманчива, что не попытаться осуществить ее было бы преступлением».

Но «единство языка», замечает П.М. Бицилли, еще не предполагает «единство национальное», это «далеко не единственный фактор образования нации». Наряду с языком, а подчас и «против него действуют многочисленные факторы самого разнообразного порядка: географические условия, экономические связи, вера, международные отношения».

Исторически так сложилось, что «Украина свою роль в истории человечества сыграла как часть России»: русская культура и государственность – «в значительной степени дело украинцев» и, конечно, «украинский народ может гордиться всеми теми ценностями, которыми блещет общерусская культура». Однако «расовое, культурное, языковое, историческое сродство» это – «условия близости», но не ее доказательство, т.к. «близость одного народа к другому – факт психологический», близость или «переживается», или ее нет.

«Украинскую нацию, – утверждает П.М. Бицилли, – создать можно»: «обработка народа» в течение ряда поколений «путем пропаганды и школы» плюс «политическая и экономическая изоляция» в конечном итоге могут «перевоспитать народы». Однако «украинская проблема» для П.М. Бицилли «лишь часть главной проблемы истории нашего времени», которая проходит «под знаком «самоопределения народов»», и этот факт приобрел мировое значение: в Китае, Индии, Палестине, Южной Африке, в Египте, Турции и в Афганистане протекает один и тот же процесс – «вслед за эрой раскрепощения личности наступила эра эмансипации народов». Однако в этом общем процессе обнаруживается «специфическая природа» и «собственный смысл» отдельных явлений.

Для П.М. Бицилли «нация есть культура, т.е. творчество, создание ценностей», в котором народ «выражает», «раскрывает» себя, свою душу, свою «индивидуальность»: в учреждениях, в памятниках культа, литературы, живописи и т.д. Подлинная нация обладает всеми атрибутами: национальным языком, национальным искусством, национальной наукой и т.д. «Национальная традиция» как

историческая величина, это – процесс, «непрекращающееся становление, рост и перерождение национальных ценностей в национальной душе», это сама «национальная душа, вечно обнаруживающая себя и вечно обновляющаяся национальная энергия». Но национальная традиция – это «не славянофильские бороды и мурمولки, не петербургские дачи в стиле “де рюс с петушками”, не полотенца над портретом Шевченка с вышитыми на них девчиной и парубком, танцующими гопака», напротив, это – «лжетрадиционализм, фетишизм, суррогат религии национальной традиции». Настоящая национальная традиция оберегает народ от обезличения и содержит в себе «импульсы для дальнейшего роста».

Украину первой трети XX века П.М. Бицилли относит к «“новым” народам», перспектива которых – не в «ассимиляции с историческими нациями» (*«кто мне припишет такой вывод <...> покажет, тем самым, что он не усвоил себе основной мысли всех моих рассуждений, мысли о текучести истории»*) [курсив мой. – Т.П.].

Для современного ему этапа европейского развития П.М. Бицилли выделяет характерную черту – «регионализм», или «областничество», которое часто, по его мнению, ассоциируют с «национализмом»: так, согласно его взглядам, «украинозаторы» оценивают козачество – областническое движение – как «национальное».

Перспективу Европы П.М. Бицилли видит в ее превращении в Соединенные Штаты, однако европейские теоретики Россию / СССР «в свой план не включают». Россия, считает П.М. Бицилли, действительно «особый мир», но «нынешняя Россия» в восприятии ученого – это «соединение ряда неизмеримых по размеру и по значению “национальных” республик, из которых многие являются “национальными” только по имени».

Россия будущего, по Бицилли, не «“единая-неделимая” Россия прошлого, не псевдо-федерация псевдо-национальных республик настоящего, а союз областей». Именно в таких условиях открывается широкий простор для развития местных культурных особенностей, поэтому украинцы смогут свободно, «не подчиняя своей деятельности политическим по существу соображениям, творить “украинскую” культуру». Заглядывая в будущее, П.М. Бицилли предполагал: «если, после падения большевицкой власти, народы и области России согласятся устроиться на демократическо-федеральных началах», в Украине в этом объединении «разо-

вается свободно своя, местная, украинская культура». Конечно, трезво мысля, ученый допускал разного рода «осложнения» при двух вариантах развития событий: первый – Украина в «общерусском единстве», второй – Украина «самоопределившаяся».

Для П.М. Бицилли формула той цели, к которой следует стремиться сообща и русским и украинцам – «единство в многообразии, дифференциации без дезинтеграции».

Ремарка-post. Эта статья настолько многопланова, глубока, информационно насыщена и фактами, и идеями, что «прочитать» ее можно «многообразно». Не стоит забывать, что она была написана на рубеже 1920-1930-х гг. П.М. Бицилли, не так давно совершивший «исход», видел только то, что видел – в первую очередь крушение общероссийского единства и «большевистские реформы», и «мироощущение» его было обострено под властью горечи от утраты отечества. Тем не менее, его прозорливость по многим вопросам поражает...

Как бы не оценивал П.М. Бицилли современную ему ситуацию «русско-украинских отношений», он как историк-профессионал:

во-первых, верил в то, что существует *ритм* истории – «исторический процесс есть процесс образования — и разложения» наций, империй и т.п.;

во-вторых, был убежден в возможности украинцев и русских «сговориться друг с другом»;

в-третьих, не исключал, но допускал, что «экономически, и политически, и культурно Украина может развиваться и вне рамок Российской Империи и общерусской культуры», и «эта перспектива настолько прекрасна, эта идея настолько заманчива, что не попытаться осуществить ее было бы преступлением».

Ремарка-мнения. Тема русско-украинских отношений вплетена в «многосложный дискурс», в чем М.А. Васильева (Москва) видит одну «из весомых заслуг Бицилли в его рецепции одной из самых животрепещущих проблем славянского мира»; его исследования – составная «часть масштабной дискуссии русской эмиграции первой волны вокруг “украинского вопроса”»¹.

¹ См.: Васильева М.А. Русско-украинские отношения в исторической концепции П.М. Бицилли // Научный электронный журнал. Философические письма. Русско-европейский диалог. Том (3) № 4. 2020. С. 133-145.

В.Ю. Даренский (Луганск) видит заслугу П.М. Бицилли в принципиальных положениях его работы:

- об ошибочности самого принципа искусственного «построения» наций на основе одной лишь политической целесообразности;
- о деструктивности построения политических наций для культуры и языка, нарушающих их естественное развитие и создающих лишь иллюзию, а не подлинную культуру и язык;
- о решающей роли универсальных, а не партикулярных ценностей в естественном формировании наций;
- о корыстном характере искусственного «построения» наций, всегда имеющем целью выдвигание посредственностей и подавление более высокой культурной традиции путем искусственной «самостийности»¹.

Роман Мних (Польша) считает, что мысли П.М. Бицилли, высказанные в статье «Проблема...», «интересны в контексте исторического понимания самого вопроса, безотносительно к его сегодняшнему пониманию». Конечно, с высоты нашего времени, «с высоты наших знаний и истории сегодняшнего дня» можно оспаривать многие рассуждения П.М. Бицилли, «но трудно не согласиться с выводами учёного о политизации культурного наследия» в условиях обострения международного соперничества, о том, что культура народов, вынужденных «догонять “старые нации”», «“сплошь политизирована”, и политики используют культурное наследие в своих целях борьбы за власть»².

О категориальном профиле

«Вулканичность» стиля, вероятно, следствие «вулканичности» мышления. Эмоциональность, острая восприимчивость, тонкая наблюдательность с фокусной критичностью, невероятный диапазон интересов и даже некая восторженность при созвучии /

¹ См.: Даренский В.Ю. Анализ парадоксов украинской национальной идентичности в концепции П.М. Бицилли // Гуманитарный вектор. 2018. Т.13. № 4. С. 34-42.

² Мних Роман. Перекрестки культур в творчестве Петра Бицилли // Opuscula Slavica Sedlcensia. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 30, 34.

выявлении сходных идей и мыслей у «гениев» – все эти черты, переплетаясь, воплощаются в одной творческой ипостаси.

Тем не менее вопрос о категориальном профиле П.М. Бицилли – сложен. М.А. Васильева считает, что следствием «микроскопичности анализа» как общей направленности исследований П.М. Бицилли (а не «априорных суждений»¹) является то, что его наследие «не получило развернутой теоретической модели». Для ученого характерна «теоретическая осторожность», «“незавершенность” построений», что составляет «неотъемлемую часть мировоззрения Бицилли-историка». В связи с этим, ставя вопрос об историческом синтезе, ученый «не разрешает его и не дает ответа»².

Вряд ли «микроскопический анализ» – причина отсутствия «развернутой теоретической модели» у П.М. Бицилли, хотя тезис о том, что «осторожность» и «незавершенность» построений ученого – его черта как исследователя, совершенно справедлив. Но эти позиции требуют уточнения.

Во-первых, «осторожность» П.М. Бицилли – не от «неуверенности» как ученого-мыслителя, не от «интеллектуальной трусости» (Марк Блок): его определения, формулировки, высказанные идеи и мысли достаточно четкие (и они повторяются в разных темах и в разных жанрах, в том числе и вопрос об историческом синтезе, который для него возможен только как «синтез “момента”»). Но он – «теоретический плюралист» (каким и должен быть историограф / историк науки), допускающий параллельные построения одного объекта (каждое из которых верно в своих координатах) и не признающий категоричной однозначности выводов.

Во-вторых, из всего наследия ученого, бесспорно, можно «вычленил» сумму идей, составляющих его научное кредо (что со временем и будет осуществлено, но, думаю, – вариативно) и синтезировать эту «сумму» в единое построение. П.М. Бицилли не оставил нам законченного по форме и по содержанию текста, в котором бы получила свое выражение стройная, действительно

¹ Мне представляется, что П.М. Бицилли все-таки включал «априорные суждения» в тексты своих больших и малых произведений, что закономерно и неизбежно...

² *Васильева М.* Петр Бицилли как диалогический мыслитель // *Opuscula Slavica Sedlcensia*. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С.48; *Она же.* П.М. Бицилли и Д.И. Чижевский: К истории одного «заочного» диалога // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Филология. Журналистика. 2008. №. 1. С. 21. С последним выводом также нельзя согласиться...

завершенная, система его взглядов на глобальные вопросы «мировоззрения» и «мироощущения»: даже в «Очерках» нет суммирующих выводов (как и ни в одном из его «малых» по форме произведений практически нет «концовки»). Но, возможно, причина в том, что П.М. Бицилли видел «завершенность» в «незавершенности» и по примеру Леонардо, который, как известно, *не завершал* своих картин, не стремился к каноническому оформлению своих работ (введение / основная часть / заключение-выводы). Он «кружил» вокруг глобальных проблем *исторического ведения* (термин историка), повторяя вновь и вновь основную мелодию и насыщая ее новыми смыслами в поисках совершенства, которого, по его убеждению, в науке достичь было невозможно, а художественные творения в его наследии пока не обнаружены...

* * *

В 1917 г. вышла небольшая статья П.М. Бицилли «Происхождение исторической науки и аббат Дюбо»¹, в которой молодой ученый рассматривает вопрос о роли мыслителей конца XVII-XVIII вв. в становлении «идеи истории». Отталкиваясь от фундаментальной работы Е.В. Спекторского², П.М. Бицилли обращается к проблеме *генезиса теорий прогресса*, которой сам Е.В. Спекторский придавал большое значение, считая, что в XVII в. эта теория явилась «новым словом» по сравнению с господствующей предшествующей теорией регресса. П.М. Бицилли, соглашаясь с этим тезисом, тем не менее оговаривает: *идея прогресса* «была провозглашена уже итальянскими гуманистами классической поры», поэтому о «совершенно новом слове» говорить не приходится. Он принимает утверждение Е.В. Спекторского о том, что «новаторы» ХУП в. придерживались *теории прямолинейного прогресса* (Жан Антуан де Кондорсе) и в этом отношении уступали стоящему поодаль – Дж. Вико, который выдвигал «теорию циклов» (к сожалению, замечает

¹ Бицилли П. Происхождение исторической науки и аббат Дюбо // Исторические известия. М.: Историческое общество при Московском ун-те, 1917. № 1. С. 79-84. Жан-Батист Дюбо (1670-1742), французский эстетик, историк и дипломат, член Французской академии (1720). К сожалению, эта статья еще не привлекла внимание специалистов.

² См.: Спекторский Е. Проблема социальной физики в XVII столетии. Том II. Киев, 1917. См. также: Спекторский Е. Проблема социальной физики в XVII столетии. В двух томах. СПб.: Наука, 2006. П.М. Бицилли пользовался киевским изданием 1917 г., а не первым варшавским 1910 г.

П.М. Бицилли, этому мыслителю отведено «мало места в замечательном труде пр. Спекторского»).

Помимо Е.В. Спекторского ученый уделил внимание Александру Ломбару (1810-1887), швейцарскому историку. Работы последнего, посвященные аббату Дюбо (1913), свидетельствуют о том, что Дж. Вико со своей теорией прогресса был не одинок, удовлетворенно констатирует П.М. Бицилли. «Идея “возвратов”» - от Ж. Бодена через Б. Паскаля и Н. Буало была «развита и обоснована» именно аббатом Дюбо. П.М. Бицилли, высоко оценил труд аббата Дюбо, считая, что он имеет большое значение «для истории генезиса исторической науки».

Причину того, почему историки оставляют обычно труд Дюбо «в стороне», П.М. Бицилли усматривает в том, что эта работа Ж.-Б. Дюбо – трактат «Критические размышления о поэзии и живописи» («Réflexions critiques sur la poésie et la peinture». Париж, 1719)¹ – не соответствует рубрике «историография». Между тем, убежден П.М. Бицилли, работы А. Ломбара, посвященные аббату Дюбо, дают историку ряд «откровений»:

во-первых, Ж.-Б. Дюбо «настаивал на необходимости изучать художественные произведения в связи с условиями времени их возникновения»;

во-вторых, он поставил вопрос о цикличности в развитии искусства – периодах «процветания» и «упадка»;

в-третьих, предпринял попытку дать периодизацию истории искусства.

Кроме того, П.М. Бицилли видит «влияние» аббата Дюбо на Вольтера (интерес к культурной истории), Монтескье («теория климата»); этот «великий эрудит» предвосхитил выводы Ф.К. Савиньи и Фюстель де Куланжа («теория персонального права», ранняя история франков и т.д.). Особую заслугу Ж.-Б. Дюбо П.М. Бицилли видит в том, что он поставил вопрос *о происхождении французской нации*. Для Дюбо нация – «исторический продукт», результат длительного процесса – «долгого взаимодействия племен и культур».

Все это, считает П.М. Бицилли, свидетельствует «о настоящей революции исторического понимания» и о том, что Дюбо-историк одержал «победу» над Дюбо-публицистом.

¹ Дюбо Жан-Батист. Критические размышления о Поэзии и Живописи / Пер. с франц.; авт. предисл. Л. Я. Рейнгардт. Москва: Искусство, 1975. 767 с.

Ремарка-комментарий. Эта небольшая статья 1917 позволяет сделать два основных вывода:

во-первых, в ней четко обозначены черты индивидуального почерка молодого историка, его идеи, которые получают развитие в эмигрантский период:

- корректная, но – критика *авторитетных* ученых;
- проблема «влияния» и «созвучий»;
- междисциплинарный подход;
- идея развития Нации;
- отличие профессионала-историка от публициста и др.;

во-вторых, стоит отметить, что явного «отторжения» *идеи исторического прогресса* в этой статье нет, возможно, П.М. Бицилли пришел к «неприятию» *прогрессистской истории* несколько позже (в скопьевский период) под влиянием:

- революции «Октября 1917» и геополитической катастрофы в целом;
- вынужденного «исхода» и эмигрантского бытия;
- девальвации идеи прогресса в европейском обществе после Мировой войны и революционных «волн» в разных регионах Запада и Востока;
- кризиса исторической науки;
- дидактичности позиций Л.П. Карсавина с его теорией философии истории (при этом работу Л.П. Карсавина «Основы средневековой религиозности» П.М. Бицилли называет выдающимся произведением новейшей исторической науки).

П.М. Бицилли включил в «Очерки теории исторической науки» упоминание об аббате Дюбо, отметив еще раз его роль в постановке вопроса о французской нации как «исторической величине», результате «долговременного взаимодействия народов и цивилизаций», а также указав влияние, которое оказали Ж.-Б. Дюбо и Вольтер на Г.Т.Ф. Рейналя (1713-1796), французского историка, предложившего четырехэтапную периодизацию истории культуры¹.

Ремарка-заметка. В сноске указана работа Ж.-Б. Дюбо (Париж, 1734. III. 246), следовательно, П.М. Бицилли был знаком с первоисточником, но, к сожалению, не ясно, оказал ли Дюбо «влияние» на историка своей *концепцией влияний*. У Ж.-Б. Дюбо чита-

¹ См.: Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. С. 138-139, 245.

ем: «Достоинства Вергилия вовсе не тускнеют оттого, что мы замечаем в его стихах множество заимствований из Гомера» <...> украшая свои произведения отрывками из античных Авторов, мы придаем им особую прелесть»; «Разве скудость воображения принуждала Корнелия и Лафонтена к стольким заимствованиям у Древних? Разве Мольер не прибегал к этому приему, хотя его собственное воображение было куда как богато? Вспомним второй акт его «Мизантропа», в который он включил целых десять строк из Овидия! Позволительно обращаться и к произведениям тех Поэтов, которые пишут на живых языках, однако я полагаю, что, когда используешь произведения современного Поэта, следует указать, кому принадлежит заимствованное место»; «Живописцев, использовавших антики так же умело, как это делали Рафаэль, Микеланджело и некоторые другие, можно сравнить с Вергилием, Расином и Дебрео, черпавшими из источника античной Поэзии». Дюбо различает «плагиатора» и «живописца» – талантливое человека, который «постигает приемы» гениев [ср. с П.М. Бицилли: *выявить* «дух» автора и произведения. – Т.П.], но не ремесленнически копирует их¹. Сходство между Дюбо и Бицилли есть и в понимании «движения» искусства (у первого) и науки (у второго): и наука и искусство проходят стадии расцвета и упадка; «в развитии каждой науки есть свой ритм ... периоды развития – “органические” и “критические” ...»².

В этом же 1917 году вышла другая, достаточно объемная работа П.М. Бицилли «Основы социализма»³. Мне бы хотелось из проблемного массива этой книги зафиксировать только те теоретико-методологические мысли молодого ученого, которые будут повторяться и развиваться в последующий период:

1) «... историческая жизнь бесконечно сложнее, богаче и извилистее “гипотетических” историй, построенных на допущении единого фактора. Историческая равнодействующая слагается из необозримо-

¹ См.: Дюбо Жан-Батист. Критические размышления о Поэзии и Живописи / Пер. с франц.; авт. предисл. Л. Я. Рейнгардт. Москва: Искусство, 1975. С.313-316. О Ж.-Б. Дюбо см.: Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2004. С.79-81 и др.

² Бицилли П.М. Культура и жизнь. Павел Гаврилович Виноградов как историк // Современные записки. 1926. Кн. 27. С. 530-531.

³ См.: Бицилли П.М. Основы социализма / Издание Комитета Объедин. Социал. Студ. г.Одессы. Одесса: Центральная типография, 1917. 45 с. Эта работа (как и тема «Бицилли и марксизм») требует специального предметного анализа.

го множества сил, едва поддающихся хотя бы грубо приблизительному учету, и поэтому не может быть с абсолютной тонкостью вычерчена наперед. Из этих сил огромная роль принадлежит идейным воздействиям и личным влияниям, что лишает исторический процесс характера абсолютной детерминированности и “автоматизма”»;

2) историк, который признает бесконечную сложность исторической жизни, обязан учитывать «постоянное вмешательство “случая”», «героическое начало» и «личный почин», а также – «иррациональное нечто», которое может оказаться «очень крупным “возмущающим” фактором»¹.

Историографичность мышления П.М. Бицилли сказалась в отзыве на «медальную» работу О.Л. Вайнштейна (тогда /1917-1918/ – студента III курса)²:

во-первых, тема, которую именно Петр Михайлович предложил своему подопечному (хотя официальным руководителем был Е.Н. Щепкин), – по *проблемной историографии*: «Начало раскола во Францисканском ордене в освещении новейшей литературы»;

во-вторых, замечания и достоинства работы, которые отметил П.М. Бицилли, указывают на его теоретическую, историко-научную / историографическую и источниковедческую фокусную направленность:

- «...автор ограничивается кратким пересказом результатов чужих исследований, не вникая в их методологическую ценность и не показывая, на чем собственно основываются их те или иные отдельные выводы»³;
- автор «очень хорошо умеет разбираться в деталях вопросах критики источников»; свою позицию «доказывает при помощи детального анализа источников» [подчеркнуто П.М. Бицилли. – Т.П.];
- автор, характеризуя конкретные источники в отдельных «главках-этюдах», «не дал общей формулировки состояния вопроса о францисканской литературной традиции и не показал, как эволюционировали приемы исследования этих своеобразных источников»;

¹ Бицилли П.М. Основы социализма / Издание Комитета Объедин. Социал. Студ. г. Одессы. Одесса: Центральная типография, 1917. С. 44-45.

² См.: Вольфун Л.Б., Галчева Т. Учитель и ученик: Отзыв П.М. Бицилли на сочинение О.Л. Вайнштейна // Средние века. 2016. Выпуск 77 (3-4). С. 162-175.

³ Цит. по: Вольфун Л.Б., Галчева Т. Учитель и ученик: Отзыв П.М. Бицилли на сочинение О.Л. Вайнштейна // Средние века. 2016. Выпуск 77 (3-4). С. 169.

- автору свойственно «прекрасное знакомство с литературой во-проса и с источниками, а также хорошее умение... пользоваться приемами исторической критики».

Одновременно среди замечаний: ляпсусы, «погрешности речи, неясности в выражении мысли, недоговоренности», а главное – «жаль, что...*историческое чутье* в одном месте как будто изменило автору» [курсив мой. – Т.П.]. Таким образом, помимо рационально-профессиональных качеств историка-исследователя, П.М. Бицилли делает акцент на «историческое чутье» – интуитивное постижение предмета.

Вопросы «крамольные», или – дискуссионные

1. Можно ли утверждать, что у П.М. Бицилли была стройная, логически завершенная теоретико-методологическая система взглядов? В какой сфере его исследовательской практики можно говорить о «завершенности» теории / концепции?

2. В чем суть «диалектики Бицилли»? Почему «закономерность / закон» и «случайность» не являются для него антиномичными категориями? Почему отвергая номологизм в целом, П.М. Бицилли все-таки прибегает к понятиям «закон» / «закономерность»? (*ритмочередования* подчинены «какому-то закону, создающему единство в многообразии» и представляют собой как основу жизни, так и основу всякого искусства¹ и др.).

3. В чем дифференциация составляющих триады – историческая динамика / генетический подход / эволюционный подход в понимании П.М. Бицилли?

4. «Синтез “момента”» – это окончательный вывод ученого о возможности исторического синтеза? Почему, отвергая «синтез» в построениях Ранке, Гегеля, Я. Буркхардта и др., он признает, что Миллюков достиг «синтеза» в своих «Очерках...»?

5. Можно ли допустить, что вывод о невозможности синтеза в «больших полотнах» исторических исследований не позволил ему обратиться к сочинениям «большого формата»?

6. Верен ли тезис П.М. Бицилли о тождестве «проблемы перио-

¹ *Бицилли П.* Пушкин и проблема чистой поэзии // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 95.

дизации» с «проблемой исторического синтеза»? Проблемы периодизации и классификации были актуальными в эпоху П.М. Бицилли и приблизительно до последней трети XX века. Конечно, эти проблемы не «ушли» из историографии, но во многом потеряли свою остроту в наше время. Разумеется, в контексте его идеи об «историческом синтезе» как «синтезе “момента”» этот подход вполне аргументирован.

7. Можно ли считать, что мировоззрение и научные позиции П.М. Бицилли эволюционировали на протяжении его творческой деятельности (1911-1953)?

Список этих вопросов можно продолжить...

Ремарка-post-позиция. Все это «непонимание» (возможно, – *мое*¹) несколько не умаляет значения Петра Михайловича Бицилли как крупнейшего ученого-гуманитария и глубокого мыслителя.

Еще раз о параллелях и созвучиях

Философ и коллекционер-библиофил В.В. Янцен предложил «метод персональных или персонифицированных параллелей», который стал методологическим ориентиром для Т.Н. Галчевой: этот метод, считает исследовательница, имеет «эвристическую ценность» «для реконструкции биографии мыслителя и для изучения “духовной истории”», предлагая:

- рассматривать факты личного знакомства ученых,
- совпадения их научных и духовных интересов, творческие влияния,
- параллельное и часто независимое изучение одних и тех же источников, знаковых для конкретной эпохи фундаментальных трудов,
- размышление над одними и теми же проблемами.

Но: установление таких «персональных параллелей» не носит характер категорического утверждения, это – «скорее гипотеза, аналогия, вопрос, которые должны быть подтверждены источниками»².

Концепция параллелей / влияний / созвучий П.М. Бицилли,

¹ В конце концов, как сказал *Акутагава Рюноске*: «Мои сегодняшние глаза – это всего лишь сегодняшние глаза, отнюдь не мои завтрашние».

² См.: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независимым обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С.237.

сетевая теория Р. Коллинза, «метод персональных или персонифицированных параллелей» В.В. Янцена и проч. – все это вариации подходов практически к одному фокусному восприятию, которое Петр Михайлович выразил четко: «Всякая культура есть *совокупность* индивидуальных творческих усилий»¹ [курсив мой. – Т.П.].

Н.А. Селунская увидела «параллели» творчеству П.М. Бицилли в широкой перспективе: «в гораздо более ярких и сильных, самодостаточных, на первый взгляд чуждых эмигрантскому миру Бицилли в работах Л.М. Баткина»².

Ремарка-цитата. *Л.М. Баткин:* «...каждый виток обсуждения “вечных” эпистемологических проблем исторического знания не повторяет предыдущих, а продолжает усложнять картину и раскручивать спираль. Я низко кланяюсь позитивизму, марксизму, веберизму, неокантианству, структурализму, школе “Анналов”, кризису школы “Анналов”, постмодернизму... (Себя же я сам считаю постбахтинцем). Это не всеядность и не какой-то пошлый релятивизм (по М.М. Бахтину, не каждый прав по-своему, но все правы вместе) <...> В наших головах все эти методологии, эти культурные голоса (смыслы), не “снимаются”, никуда не исчезают. Пространство исторической рефлексии расширяется и становится все более артикулированным. Надо думать, это, собственно, и есть исторический синтез? – он предстает не в виде результата и данности, а как путь к нему»³.

¹ *Бицилли П.* Трагедия русской культуры // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С.368.

² *Селунская Н.А.* «Своя» и «чужая» история: историки-медиевисты между мировыми войнами и социальными потрясениями // Диалог со временем. 55. М.: ИВИ, 2016. С.78. Мне было отродно прочитать эти строки, т.к. фигура Л.М. Баткина (1932, Харьков – 2016, Москва) имеет для меня особое значение.

³ *Баткин Л.М.* Poleмические заметки: [Из выступления на редколлегии «Одиссея» 26 января 1994 г.] // Одиссей–1995. Человек в истории: Представления о власти / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: Наука, 1995. С. 208. Эта мысль стала откровением – созвучием моему восприятию эпистемологического процесса; см., например: *Попова Т.Н.* Читаем «постмод»: с позиций неискренности (ремарки историографические и прочие) // Харківський історіографічний збірник. Випуск 8. Харків, 2006. С. 57-72 и др.

Вместе с тем вызывает недоумение тот факт, что в трудах Л.М. Баткина нет упоминаний о П.М. Бицилли (возможно, я ошибаюсь? – поправьте!), хотя их тематические интересы пересекались, и ссылки на ученого Л.М. Баткин, конечно, видел в книгах А.Я. Гуревича. В одной из последних по времени публикаций В.А. Токмаковой «Пространство и время ренессанса в трудах П. М. Бицилли» (Омск, 2020), автор упоминает об обоих историках, но не анализирует их возможную взаимосвязь, хотя у Л.М. Баткина и П.М. Бицилли много созвучий (о «типах» культуры, о «диалогичности», о принципе «разнообразия»; литературная критика и проч.) при всей индивидуальной трактовке основной проблематики Ренессанса.

А.М. Бицилли признается, что прочитав книгу Ф. Визера¹ *Das Gesetz der Macht* («Закон власти», 1926), нашел в ней «...целый ряд своих собственных мыслей и наблюдений, подчас почти буквальных совпадений. Так и должно быть, когда люди отваживаются подойти к жизни непосредственно, “наивно”. Ведь есть же нечто, объективно нам данное, без чего невозможна была бы и наука, и – при всем разнообразии научных индивидуальностей, – есть нечто, так или иначе роднящее между собой все самые разнообразные по своей логической природе, по “направлению”, по тенденциям, “подходы” к той или иной проблеме, к той или иной объективной данности»².

Речь идет об «интерсубъективности» - из глобальных смысловых категорий, имеющих длительную философскую традицию (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Х.Г. Гадамер, Х. Ортега-и-Гассет, Ж. П. Сартр, П. Рикёр и др. и др.).

Ремарка-заметка. Безусловно, проблема сложной взаимосвязи триады «мысль – слово – текст» давно осознавалась учеными. «Постмодерн» выдвинул проблему «социокультурной занормированности» текстов на первый план, поскольку социальная и профессионально-научная практика к последней трети XX века «накопила» достаточно данных для четкой рефлексии – осознании сложности «фиксации» реальных фактов в письменных источниках, и «вытолкнула» проблему Автора и Текста на поверхность эпистемологического океана. Текст – это «социальное пространство», утверждал Р. Барт (вызвавший собственной «занормированностью» собственного текста шквал обвинений в «убийстве» Автора), в котором «ни один говорящий субъект не остается в роли судьи, хозяина, аналитика, исповедника, дешифровщика...»³. Постмодернистская парадигма «интертекстуальности»⁴ нивелиро-

¹ Фридрих фон Визер (1851 – 1926), «знаменитый», как пишет П.М. Бицилли, австрийский экономист.

² Бицилли П.М. Историсофские идеи Фридриха Визера // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993.С. 138.

³ Барт Р. От произведения к тексту // Барт Ролан. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1994. С. 423.

⁴ Термин, предложенный Ю. Кристевой (1967), дословно – «вплетенное внутрь»; в современной литературе используют аналоги: «чужое слово», «межтекстовые связи» и др. См.: Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа.

вала авторское начало и авторскую самобытность текстов, по сути – «открытий» / «авторского начала».

Не снимая проблем интертекстуальности / созвучий / влияний / шаблонов / плагиатов и проч., будем признательны тому факту, что «Возвращение к Бицилли» акцентирует наше внимание (помимо идеи неизбежной преемственности «родимых пятен») на известный в истории науки факт специфики / закономерности познавательного процесса, фиксирующий *параллельность творческой мысли*: ученые приходят к одним и тем же идеям и открытиям независимо друг от друга, вне каких-либо коммуникационных форм, вне временных и пространственных границ, вне «общих» источников (тем более – используя их), «единых» научных школ и традиций.

Ремарка-тезис. Научная мысль – интерсубъективна в своей логической ипостаси и сугубо индивидуальна в своем изображении.

7. P.S.

1. П.М. Бицилли, как и любая творческая Личность такого масштаба, во многом опередил свое время перспективными идеями, подчас перманентного характера, одновременно он был «заложником» своей эпохи – мировоззренчески и профессионально – и той ситуационной атмосферы, в которой находился, поэтому его творчество, органично вписываясь в свой исторический интерьер, простирает собственную траекторию в наше время.

2. «Родимые пятна» – глубокий смысловой концепт, предложенный П.М. Бицилли, это – взгляд на закономерную преемственность (восприимчивость / созвучия / влияния) идей предшественников и современников, которая пролегает отнюдь не линейно, но в сложной конфигурации сетевых переплетений, обогащая каждое новое поколение новым «открытием Бицилли» и новым прочтением его текстов. Возможно, сегодня что-то ускользает от нашего взора, обремененного собственными рамками эпохального мировосприятия и мироощущения, возможно и то, что нам, «сегодняш-

ним», представляются несколько «устаревшими» (с позиций нашего времени и уровня развития науки) некоторые мысли и идеи П.М. Бицилли, но завтра, быть может, наши преемники увидят в них нечто для себя понятное по созвучию мысли.

3. Не исключаю, что кто-то обвинит меня в том, что я «вырываю» мысли П.М. Бицилли из контекста. Но мне кажется (при всем уважении к контекстуальному подходу), что мы, говоря о наследии П.М. Бицилли, имеет дело с так называемым «сквозным контекстом», в котором одна и та же мысль ученого пролегает в разных сочетаниях, не утрачивая своего стержневого значения. У П.М. Бицилли есть некая сумма понятий и фраз, образов и цитат¹, которая составляет его научное кредо, поэтому в постоянстве «повторов» одних и тех же слов и фраз – можно увидеть стремление П.М. Бицилли донести, закрепить в восприятии и памяти читателя его самые сокровенные и выстраданные идеи.

4. Сегодня «освоение Бицилли» идет преимущественно «догматически»², т.е. «позитивное», «предметное» изложение материала – идей и концепций ученого. Следующий этап – «критический»: осмысление выводов П.М. Бицилли с позиций современного уровня в решении тех проблем и той тематики, которые были предметом его исследований. И «догматическое» и «критическое» постижение Бицилли включает главный постулат: его роль в науке и оценка его творческого наследия должны быть сопоставимы с достижениями его времени и его современников с целью выявления его творческой индивидуальности, прозрений его «духа», определения того вклада, который внес Петр Михайлович Бицилли в современную ему науку, и одновременно – с позиций сегодняшнего дня: что ценного, верного для нашей науки мы получили от подвижничества этого Ученого, от тех мыслей, которые изумляют нас и вдохновляют на воплощение «нашего духа» в нашем творчестве.

5. Перспективой биоисториографического подхода к дальней-

¹ Цитации П.М. Бицилли – это не просто цитата-аргумент / пример / авторитетное подтверждение и т.п., но это в первую очередь *поле* для рождения его самобытных суждений – утверждений / опровержений / новаций, его авторской самобытности, его «духа» и его «стиля».

² В XIX веке, когда в недрах исторической науки формировался рефлексивный знамиевый массив, академической нормой – во многом наследие И. Канта – было разделять исследовательские блоки на «догматический» (конструктивное изложение предмета) и «критический» (история предмета с критическим анализом различных теорий, концепций, взглядов). Оформившиеся в науке (практически во всех дисциплинах) нормативные блоки – «История» и «Теория», фактически отражали сложившийся стереотип, сохранившийся во многом до наших дней, хотя сегодня рефлексивное пространство характеризуется «стиранием» демаркационных границ.

шему исследованию персональной истории Петра Михайловича (личностной и профессиональной), эволюции его парадигмальных оснований может быть применен принцип триады: ориентация на анализ отдельных «текстов» – конкретных работ ученого – в контексте двух уровней: в структуре «большого текста» – всего научного наследия, а также в социокультурном и научном контексте различных историографических ситуаций.

Одновременно изучение «феномена Бицилли» возможно с использованием междисциплинарной палитры.

Тезаурусный подход предполагает построение личностного / авторского тезауруса, во-первых, для изучения истории научной эмиграции, биографической реконструкции ее представителей, оказавшихся в чуждой для них национально-культурной среде и проч.; с помощью этого подхода можно проанализировать исследования П.М. Бицилли в период эмиграции, выявить сложившиеся у «героя» устойчивые национально-культурные ориентиры; во-вторых, для определения лексического блока, отражающего персональную картину мира «героя», которая складывается не по общей / универсальной модели, а исключительно по индивидуальному раскладу предпочтений – из собственных представлений и цитат (в духе постмодернистского интертекста); этот подход позволяет сконструировать «тезаурусную карту» П.М. Бицилли, которая даст возможность решить целый комплекс задач¹.

*Когнитивно-исторический анализ*² предполагает изучение деятельности ученых, характерных для них когнитивных процессов – «когнитивного измерения» исторического сознания; способов формирования исторических представлений, образов и стереотипов, построения и анализа когнитивных «схем», моделей «ментальных» и «дедуктивно / индуктивных рассуждений»; в центре внимания вопросы: как ученые судят и понимают, посредством каких мыслительных практик создают, изменяют и передают свои представления о мире в определенных исторических контекстах; данный анализ, нацеленный на использование методик общего поля когнитивистики, – продуктивный подход к «постижению Би-

¹ См. подробнее: *Попова Т.Н.* «Жизнеописание ученого-историка...» (2017). С.110-114. [Раздел «О тезаурусном подходе»].

² См. подробнее: *Когнитивные науки и историческое познание. Коллективная монография / Под общ. ред. О.В. Воробьевой, Г.И. Зверевой.* М.: Аквилон, 2020. 372 с. (Серия «Профессия – историк» / отв. ред. О.В. Воробьева. Вып. II)

цилли», к созданию его персональной «когнитивной карты».

*Концепция Автора Мишеля Фуко*¹. Для М. Фуко имя автора произведения и имя собственное – индивида, создавшего произведение, – не одно и то же. Первое – функционально насыщено: оно выступает неким критерием, позволяющим классифицировать конкретные тексты-произведения, атрибутировать их «по автору», устанавливать «способ бытия дискурса». М. Фуко выделяет два типа авторов: 1) авторы теории, традиции, дисциплины, «основоположники наук» (Гомер, Аристотель, Отцы Церкви, Галилей, Ньютон, Кювье, Соссюр и др.), находящиеся в т.н. «транс-дискурсивной позиции», создавшие такой «порядок дискурса», внутри которого могут разместиться (и размещаются) другие авторы со своими произведениями; 2) авторы-«основатели дискурсивности» (учредители, фундатеры), открывшие своим дискурсом «пространство для чего-то отличного от себя и тем не менее принадлежащего тому, что они основали» (К. Маркс, З. Фрейд). Принципиальное различие этих типов авторов в том, что произведения первых «располагаются по отношению к науке и в пространстве, которое она очерчивает», во втором случае – наука и дискурсивность располагаются по отношению к работам «основателей дискурсивности» как к неким первичным координатам. Подобная ситуация детерминирует требование т.н. «возвращения к истоку»; типология этой процедуры, по Фуко, включает:

- «переоткрытие»;
- «реактуализацию»;
- собственно «возвращение к истоку».

В биоисториографических работах под «переоткрытием» можно понимать переписывание (в контексте современного видения) истории науки / биографии с включением в нее ранее исключенных сюжетов, «забытых» научных фактов / историков или переосмысление считавшихся «устаревшими» идей и концепций, что в любом случае приводит к усложнению структуры историографических традиций, к расширению поля историографического дискурса.

Феномен «реактуализации» детерминирует кардинальное изменение историографических схем, принципиально новую интерпретацию проблем, формирование нового взгляда на складывание направлений и школ в науке, новых «онтологий», появление инно-

¹ См.: Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С. 19-38.

вационных течений, субдисциплин и проч.

Феномен «возвращения к истоку» по Фуко более сложная процедура: чтобы «вернуться», надо «забыть», при этом «замок забвения» представляет собой сущностное, не случайное, но целенаправленное действие. Возвращение к оригинальному тексту автора – фундатора дискурсивности – должно сопровождаться анализом причин и характера «забвения», того, что в тексте маркировано т.н. «пустотами» – «пробелами», о которых «забвение» либо умолчало, либо, напротив, наполнило ложной полнотой [в форме «искаженной» интерпретации – «вульгаризации-редукции», «виртуальной» истории, фольк-истори, бриколажных вариаций и т.п. – Т.П.]. «Возвращение к истоку» происходит в контексте современной ситуации и предстает как работа по преобразованию дискурсивности, что приводит подчас к перемещению акцентов в теории и т.п. Эти мысли нацеливают на дифференцированный подход к освоению историографических / интеллектуальных традиций, исходя из их типологической специфики.

В биоисториографии проблема «возвращения к истоку» означает пересмотр – по трем означенным моделям – традиционно сложившихся биоисториографических образов. Эти мысли философа могут стать базовой моделью для анализа персональной истории П.М. Бицилли.

Ремарка-щтрих (закрывающий). В свое время Мишель Фуко в ответ на критику в свой адрес завершил свои объяснения (не рассчитывая на то, что его поймут) примечательной фразой: «Сдержим же слезы»!¹. Позволю себе повторить эту фразу, поскольку не рассчитываю на то, что все в этой книге будет воспринято с одобрением. – *Сдержим же слезы!*

¹ См.: Фуко Мишель. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С. 43.

VI. Слово завершающее

*Чем значительнее творческая личность,
тем... ярче ее единственность, «монадность»...*

П.М. Бицилли¹

Петр Михайлович Бицилли – выдающийся ученый «со скромной невыдающейся судьбой», человек «блестящего таланта и огромной эрудиции»², которым как незаурядной творческой Личностью должны гордиться Одесса и весь мир Культуры.

«Мировоззрение» и «мироощущение» П.М. Бицилли в своих основных чертах сложились в одесский период. Все, что было наработано в Одессе – состоявшаяся культурологическая и интердисциплинарная направленность исследований, рецензирование как средство интеллектуального заряда для внутреннего диалога и дискуссии, для открытия новых концептуально-методологических горизонтов собственного творчества, освоение огромнейшего массива разнообразных историографических традиций, «индивидуальный почерк» – стиль изложения мысли и «манера письма», – все это получило свое дальнейшее развитие в систематизации теоретических построений и в расширении исследовательской проблематики в период «Исхода».

К началу 1920-х годов профессиональная зрелость П.М. Бицилли и его научная индивидуальность были отчетливо выражены в осознанной рефлексивной позиции, проецируемой через взаимосвязь теоретических и историографических аспектов его исследовательского подхода. История Метода (в широком значении этого понятия) стала главным объектом познавательной деятельности ученого-историка. И все последующее многогранное творчество П.М. Бицилли, в какой бы области он не работал, было пронизано чувством историзма и стремлением понять интеллектуальный процесс через проникнове-

¹ *Бицилли П.* Творчество Чехова: Опыт стилистического анализа // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 344.

² См.: *Васильева М.* Путь интуиции // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 6; *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли и культура Ренессанса // Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. С. XIII.

ние в механизм производства и изображения Мысли.

Последующий анализ многогранного творчества П.М. Бицилли – полидисциплинарного по своему диапазону и интердисциплинарного в подходе к постижению исторической реальности – представителями разных областей гуманитаристики позволит со временем выйти на рубежи его синтетического восприятия.

Стефан Цвейг, создавая цикл «Строители мира», разделил своих героев на «эпиков», тех, кто созидал в своих романах как бы «вторую действительность» наряду с существующей; демонических «мятежников и бунтовщиков» и, наконец, тех, в творчестве которых господствовал дух самовыражения. Именно к последним, на мой взгляд, может быть причислен Петр Михайлович Бицилли, чья жизнь не была насыщена бурными событиями, «источником» которых был бы сам ученый. Напротив, все свидетельствует о его склонности к камерной обстановке: любимое занятие и любимые люди рядом. И только в его книгах, статьях, эссе и проч. – кипит, бушует, ломает традиции, создает его внутренняя, глубоко запрятанная пассионарность...

П.М. Бицилли – блистательный мыслитель – был решительно против «единственно возможного мерила» в исторических конструкциях и настаивал на разных подходах, на самоценности каждого из них, но «центром кристаллизации распыленных феноменов исторического бытия», с помощью которого можно соотнести все «многообразие данности», для него был *Человек, Личность, Творец*. Среди всех форм анализа исторической жизни он выбирал «анализ человека» – творчески раскрывающегося в области своей деятельности, «своей науки». Антропологически ориентированная направленность его взгляда – это модус «человеческого измерения», единственного основания многообразной полифундаментальности в координатах исторического макрокосма.

Характеризуя А.П. Чехова как человека, П.М. Бицилли выделил главную черту писателя: он «дорожил прежде всего духовной свободой личности и... был против всего, что навязывалось ей извне»¹. Эти слова можно с полным правом отнести к самому ученому.

Болгарская исследовательница Таня Галчева заметила, что «творчество П.М. Бицилли искушает новым прочтением...»².

¹ *Бицилли П.М.* У истоков русской общественной мысли. Публикация, редакция и комментарий Галины Петковой. URL: <https://liternet.bg/publish6/pbicilli/istokov/content.htm>

² *Галчева Т.Н.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // Бицилли П.М. Избранное. Истори-

Не могу не привести и слова Лизбет Любеновой, которая выразила надежду на то, что «Мир Бицилли» («Светът на Бицилли») станет «нашим миром»¹. Это, безусловно, зависит от каждого, кто захочет приобщиться к бесценному наследию Мастера.

Творчество *Петра Михайловича Бицилли* раздвигает национальные границы: оно принадлежит всему интеллектуальному обществу и мировой культуре.

* * *

Многое осталось за пределами данной текстуры: «Достаточно задуматься над одним словом, уже нанесенным на бумагу, – писал в свое время Ян Парандовский, – и это слово, такое ясное, такое бесспорное, вдруг начинает заволакиваться туманом, теряет четкие очертания, вызывает неуверенность, тревожит, обманывает»² и настоятельно требует все нового и нового «возвращения»...

У Рэндалла Коллинза есть ключевой термин – «глубокие затруднения» – это проблемы, решения которых приводят не только к многообещающим результатам, но провоцируют новый «слой» проблем.

Таким мыслителем, порождающим «глубокие затруднения» для современной науки, предстает *Петр Михайлович Бицилли*.

* * *

В Исторической Науке могут быть только два знака препинания: вопрос и многоточие. После всего, что я написала – ставлю многоточие...

Проверяйте, уточняйте, поправляйте, исправляйте, дополняйте

—

п р о д о л ж а й т е !

ко-культурологические работы. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 15. В данном контексте удачная, на мой взгляд, фраза Т.Н. Галчевой имеет несколько иную коннотацию, нежели в ее статье.

¹ Любенова Лизбет. Светът на Бицилли // Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 9.

² Парандовский Я. Алхимия слова. Петрарка. Король жизни: Пер. с польского / Сост. и вступ. ст. С. Бэлзы; Ил. П. Сацкого. М.: Правда, 1990. С. 217.

VII. Приложения

Генеалогия Бицилли

I-е поколение:

1. *Пано Спиро Бичила* – представитель албанской знати химариотов, подполковник российской армии (? – не ранее конца 1798 г.).
2. *Джика (Гика ?) Бичила* – брат Пано Бичила / Бицилли (? – не ранее января 1796 г.).

II-е поколение:

1. *Константин Гика сын Бицилли / Гикин сын* (1752 – 24 декабря / 5 января / 1813), надворный советник, подполковник, дворянин
2. *Николай, сын Джики (Гики) (?) Бицилли (?-?)*.

III-е поколение:

1. *Иван Константинович (?-?)*, военный переводчик, в 1830-е гг. – российский консул в Испании (Малага, Андалусия).
2. *Савва Константинович (? – 26 августа 1812)* – «Майор и Кавалер», погиб в Бородинском сражении.
3. *Павел Константинович (1786 - ?)*: был на военной службе, губернский секретарь (с 1810 г.), чиновник в Одесском коммерческом суде (с 30 декабря 1807 г. по 8 февраля 1812 г.); депутат Дворянского депутатского собрания Херсонской губернии от Одесского уезда (с 1830 г.); крупный землевладелец (свыше 3 000 десятин земли и более 100 крепостных крестьян); жена – дочь помещика Одесского уезда Михаила Гилескула – Анна (1807-?); детей (к 1831 г.) не имел.
4. *Михаил Константинович (?-?)*, коллежский секретарь, проживал в Одесском уезде в имении отца; жена – Христина Иванова (1793 - ?).
5. *Гика Николаевич (?)*, сын Николая Бицилли.
6. *Дмитрий Николаевич (?)*, сын Николая Бицилли.

IV-е поколение:

1. *Андрей Дмитриевич* (?-?), сын Дмитрия Николаевича, внук Николая Константиновича.
2. *Три сестры* Андрея Дмитриевича, дочери Дмитрия Николаевича (?).
3. *Фома Михайлович* (1808 ? - 1861 ?), сын Михаила Константиновича, внук Константина Бицилли; дворянин, коллежский секретарь, проживал в поместье возле села Бицилова (Бицилловка), которое принадлежало ему с 1851 г. (?), имел 60 душ крепостных; жена первая (?-?); жена вторая – Сусана Спиридоновна Замария (?-?), дочь купца Спиридона Павловича Замария.
4. *Анна Михайловна* (1817 - ?), дочь Михаила Константиновича.

V-е поколение:

1. *Михаил Фомич* (22 декабря 1845 – 1914 ?), сын Фомы Михайловича от первой жены (?), правнук Константина Бицилли; дворянин, секретарь Одесского Городского Кредитного Общества; жена – Екатерина Адольфовна (Михайловна) Штейнгардт.
2. *Спиридон Фомич* (1 февраля 1849 - ?), сын Михаила Фомича от второй жены (?) Сусаны Спиридоновны Замария, дочери Спиридона Павловича Замария; брандмейстер Александровской пожарной части Одесской городской пожарной команды.
3. *Олимпиада Фоминична* (5 июля 1839 - ?), дочь Фомы Михайловича от первой жены (?), родная сестра Михаила Фомича.
4. *Христина Фоминична* (1 ноября 1847 -?), дочь Фомы Михайловича и Сусаны Спиридоновны Замария, второй жены Ф.М. Бицилли.
5. *Екатерина Фоминична* (14 октября 1851 - ?), дочь Фомы Михайловича и Сусаны Спиридоновны Замария, второй жены Ф.М. Бицилли.
6. *Александра Фоминична* (21 апреля 1854 - ?), дочь Фомы Михайловича и Сусаны Спиридоновны Замария, второй жены Ф.М. Бицилли.

VI-е поколение:

1. *Петр Михайлович* (1 октября / 13 октября 1879 – 25 августа

- 1953), дворянин, надворный советник (1913), и.о. экстраординарного профессора (Новороссийский университет), профессор по контракту (Софийский университет); жена – Мария Тадеушевна (Тимофеевна) Полянкевич (31 декабря 1879 – 17 сентября 1959)
2. *Михаил Михайлович* (17 марта 1881 – 17 сентября 1951), родной брат П.М. Бицилли; жена – Татьяна Владимировна Пашенко (7 июля 1880 – 30 октября 1960).
 3. *Сусан Спиридонович (?-?)*, сын Спиридона Фомича, последний владелец Бицилловки (?).
 4. Ксения (?-?), двоюродная сестра П.М. Бицилли¹.

VII-е поколение:

1. *Мария Петровна* Бицилли-Мещерская (26 апреля 1917 – 10 июля 1996), дочь П.М. Бицилли и М.Т. Полянкевич (Бицилли); муж – князь А.П. Мещерский (22 мая 1915 – 29 сентября 1992).
2. *Анна Петровна* Иванова-Аначкова /?/ (1902 - 1982), родная дочь М.Т. Полянкевич от первого мужа П.Д. Орехова (1847 /?/ – 1901²); приемная дочь П.М. Бицилли.
3. *Владимир Михайлович* (11 мая 1909 – 17 августа 1959), кандидат географических наук, проректор Одесского гидрометеорологического института, сын М.М. Бицилли, племянник П.М. Бицилли.

¹ В семейном архиве П.М. Бицилли сохранилось письмо двоюродной сестры профессора – *Ксени* – от 28 июля 1943 г. См.: *Галчева Т.Н.* Об итоге 20-летних эмигрантоведческих училий: рецензия без макияжа [Рец. На кн.: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей. 2018. 44 с.] // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 1. С. 227.

² М.А. Бирман приводит дату смерти П.Д. Орехова – 1918 год (по семейным преданиям). См.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. С. 294.

Сама Мирия Тимофеевна пишет в своей автобиографии (19 января 1948 г.): в 1898 г. «я вышла замуж за Петра Дм. Орехова, служившего чиновником по Министерству Юстиции. Но скорая смерть мужа, оставившего меня с дочерью Анной без всяких средств к существованию, заставила меня обратиться к старому занятию – урокам музыки <...> Через несколько лет после смерти моего мужа я вторично вышла замуж за профессора по истории Одесского Университета Петра Михайловича Бицилли». См.: ГАРФ (г. Москва). Ф. Р7523. Оп. 59. Д.4330. Л.10-11. См. также: П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // *Левченко В.В., Попова Т.Н.* Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Выпуск 16. С.156. Когда точно был заключен брак Петра Михайловича и Марии Тимофеевны, как он был оформлен (было ли венчание?) – эти вопросы требуют документального подтверждения.

VIII-е поколение:

1. *Наталья Андреевна Мещерская-Галь*, дочь М.П. Бицилли и А.П. Мещерского, внучка П.М. Бицилли.
2. *Елисавета Петровна Иванова-Аначкова* (1936–2016), дочь Анны Петровны Ивановой-Аначковой; внучка П.М. Бицилли от приемной дочери Анны; муж – Арсен Аначков.
3. *Сергей Владимирович Бицилли*, внук Михаила Михайловича Бицилли, брата П.М. Бицилли

IX и X поколения¹:

1. Дети и внуки Сергея Владимировича Бицилли.
2. Дочь Н.А. Галь.

Генеалогия Вейнбергов

I-е поколение:

1. *Вольф (Войф) Вейнберг (Вайнберг, 17??–18??)* – купец 3-й гильдии, жена – Майта (Нейта, Неита) Вейнберг (17??-18??)

II-е поколение:

1. *Шая Вольфович Вейнберг* (1794-1865) – купец 3-й гильдии, после крещения (2 июня 1830, г. Николаев) – *Исай Семенович*, публичный нотариус (Одесса); женат: первая жена (1808) – дочь барского мещанина Кофии Гуди (17?? – 1817); вторая (1823) – дочь уманского купца Абрама Вайнберга – Руаль (18??-18??).

III-е поколение:

1. *Яков Исаевич Вейнберг* (1824–1899), коллежский секретарь, гласный Одесской городской Думы, присяжный стряпчий и

¹ Представленная «схема» весьма гипотетична и требует уточнений и дополнений.

- биржевой нотариус Одесского коммерческого суда, адвокат Одесской главной конторы Русского общества пароходства и торговли; жена – *Любовь Григорьевна* (1833-1903) происходила из знаменитой музыкальной семьи *Рубинштейнов*.
2. *Сусана Исаевна Вейнберг* (Мулен) (1813-?), дочь от первой жены; муж – херсонский купец Мулен (?); вдова (1873).
 3. *Иосиф Исаевич* (1828 – ?).
 4. *Петр Исаевич* (1831-1908) – поэт, переводчик, общественный деятель.
 5. *Мария Исаевна Вейнберг* (Штейнгадт) (18?? – ?); бабушка П.М. Бицилли; муж – Адольф Васильевич Штейнгадт (18??–18??), купец 2-й гильдии, лютеранского вероисповедания (купец-аукционист при Аукционной камере Одесского городского общественного управления Одесского градоначальства);
 6. *Андриан Исаевич* (1835-19??) – вольный штурман (1861), бухгалтер Одесской городской управы.
 7. *Семен Исаевич* (1835-19??), купец 3-й гильдии.
 8. *Анна Исаевна Вейнберг* (Левенсон) (1837-?); муж – одесский городской врач Дмитрий Михайлович Левенсон.
 9. *Павел Исаевич* (1846-1904) – писатель, актер.
 10. *Вольф Исаевич* (18?? – ?), купец¹.

IV-е поколение:

1. *Яков Яковлевич Вейнберг* (10 ноября 1872-19??), сын Якова Исаевича.
2. *Григорий Яковлевич Вейнберг* (1864-1942), сын Якова Исаевича.
3. *Надежда Яковлевна Вейнберг* (1852-1892), дочь Якова Исаевича и Любови Григорьевны Рубинштейн.
4. *Борис Петрович Вейнберг* (1871-1942), ученый-физик; сын Петра Исаевича, писателя.
5. *Павел Павлович Вейнберг* (1874-1910) – актер, драматург, беллетрист; сын Павла Исаевича, писателя и актера.
6. *Елисавета Семеновна Вейнберг* (Адамович) (1867-1933), дочь Семена Исаевича; мать Георгия Викторовича Адамо-

¹ Все дети, кроме Сусаны, – от второй жены, дочери уманского купца Абрама Вайнберга – Руаль (1823).

вича (1892-1972); муж – Виктор Михайлович Адамович (1839-1903), поляк по происхождению, начальник Московского военного госпиталя в чине генерал-майора.

7. *Вера Семеновна* (? – ?), дочь Семена Исаевича, родная тетья Г.В. Адамовича; муж – английский миллионер Белэй (?).
8. *Яков Вольфович (Владимирович) Вейнберг* (1879-1956), сын Вольфа Исаевича, композитор, преподаватель Одесской консерватории (1916-1921); эмигрировал в Палестину (1921), затем в США (1926).
9. *Петр Адольфович Штейнгардт* (18??-19??), инженер, титулярный советник (1879 – ?), родной дядя П.М. Бицилли.
10. *Екатерина Адольфовна (Михайловна) Вейнберг* (Штейнгардт) (7 ноября 1852 – 1937), мать Петра Михайловича Бицилли ¹.

V-е поколение:

1. *Всеволод Борисович Вейнберг* (1907-1978).
2. *Алексей Борисович Вейнберг* (1901-1919).
3. *Кирилл Борисович Вейнберг* 1904-1941)².

VI-е поколение: ³

1. *Галина Всеволодовна Вейнберг* (Островская), дочь Всеволода Борисовича Вейнберга⁴.

¹ Петр Адольфович и Екатерина Адольфовна – дети Марии Исаевны Вейнберг и Адольфа Васильевича Штейнгардта; *Вейнберги* – по материнской линии.

² V-е поколение – сыновья Бориса Петровича Вейнберга.

³ Данная «схема» требует новых документальных подтверждений, уточнений и дополнений.

⁴ О Б.П. Вейнберге см.: *Кузнецова С.И.* Трудная судьба профессора ТТИ Б.П. Вейнберга // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 315. № 2. С.198-202; *Постникова Е.И.* Роль профессора Б. П. Вейнберга в развитии физики и техники в Сибири // История науки и техники. 2010. № 8; Вейнберг Борис Петрович // Профессора Томского университета: биографический словарь. 1996. Т. 1: 1888-1917; *Кравец Т.П.* Борис Петрович Вейнберг. (некролог) // «Успехи физических наук». 1945. Т. 27. Выпуск 1; Памяти Б. П. Вейнберга // «Метеорология и гидрология». 1947. № 6; *Иорданшвили Е.К.* Вместе со страной. Евреи Ленинграда-Петербурга в отечественной и мировой науке и технике. СПб.: Изд-во КАРО, 2003. 480 с. и др.

Избранная библиография

Признавая значение многих ценных публикаций, включающих разделы бициллиеведческой библиографии¹, я попыталась в данной – *избранной библиографии* – выделить три блока работ:

- основные труды ведущих бициллиеведов;
- работы, уже вошедшие в историографию бициллиеведения и отражающие географию бициллиеведческих исследований и дисциплинарную принадлежность авторов;
- новые, в меньшей степени известные публикации, в том числе – украинских ученых².

* * *

1. *Александров А.В., Паньков А.И.* Об изучении средневековой культуры в Новороссийском (Одесском) университете // Вісник Одеського державного університету (гуманітарні науки). 1997. № 1.
2. *Александров А. П.М.* Бицилли – культуролог // Аркадія: культурологічний та мистецтвознавчий журнал. 2004. № 1 (3). С. 2-5.
3. *Александров А. П.М.* Біцилли – історик та теоретик середньовічної культури // Історико-літературний журнал. Одеса, 2004. № 10. С.170-177.
4. *Александров О.В.* Література Київської Русі: Між міфопоетикою і християнським символізмом: [Статті. Монографія]. Одеса: Астропринт, 2010. 471 с. [О П.М. Бицилли и его книге «Элементы средневековой культуры»].
5. *Алексеев П.В.* Бицилли // Философы России XIX-XX столетий: биогра-

¹ См.: *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. [Библиография. Трудове за П.М. Бицилли. С. 159-162];

Горяинов А.Н., Бирман М.А. Литература о П.М. Бицилли // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 767-777;

Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспособляюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. 1-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. [Литература. С. 150-155, 193-195, 294-299];

Opuscula Slavica Sedlcensia. T. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. [Избранная библиография. С.145-157];

Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. [Литература о П.М. Бицилли. С.386-419] и др.

² Публикации расположены в алфавитном порядке; в границах конкретных авторов – по годам издания. Этот подход позволяет обозначить наиболее ранние издания и временной диапазон бициллиеведческих исследований ученых. В основе данной библиографии – некоторые заимствование из вышеперечисленных библиографий (подчас – с уточнениями) и результат авторских поисков. Библиографическое описание соответствует классическим нормативам исследовательской работы.

- фии, идеи, труды. М.: Академический Проект, 1999. С. 105-106.
6. *Анненкова И.В.* Вступ. ст. к публ.: Бицилли П.М. *Нация и язык* // Известия Российской АН. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1992. Т. 51. С. 68-70.
 7. *Анненкова И.В.* Эссеистика П.М. Бицилли // *Русская речь*. 1994. № 2. С. 35-44.
 8. *Анненкова И.В.* М.М. Бахтин и П.М. Бицилли: Два взгляда на роман Ф.М. Достоевского. Бахтинские чтения. Орел, 1997. Выпуск 2. С. 172-174.
 9. *Анненкова И.В.* «Чистая критика» Петра Бицилли // *Русская речь*. 2003. № 1. С. 34-37.
 10. *Анненкова И. В.* Неизгнанная мысль: Филология П.М. Бицилли / Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 148 с.
 11. *Анохина Ю.Ю.* Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли. Международная конференция в ИМЛИ РАН // *Новый филологический вестник*. 2020. № 2 (53). С.380-387.
 12. *Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2003. 391с.
 13. *Апатов С.И., Демин О.Б., Першина З.В.* Историческая наука в Одессе за 200 лет // *Очерки развития науки в Одессе*. Одесса: Титул, 1995. С. 450-490.
 14. *Ашурова Н.И.* Культурно-историческая концепция П.М. Бицилли: Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 214 с.
 15. *Ашурова Н.И.* Петр Михайлович Бицилли. Томск: «Печатная мануфактура», 2004. 146 с.
 16. *Батурин А.П.* Проблемы менталитета человека Средневековья в исследованиях Л. П. Карсавина и П. М. Бицилли // *Медиевистика XXI в.: проблемы методологии и преподавания*. Выпуск 1. Кемерово, 2004.
 17. *Бахтеева Р.Р.* Мир русского зарубежья в рецензиях Петра Бицилли // : *Terra Linguae Et Reliquiae*. Сборник. Институт международных отношений, истории и востоковедения. Казань, 2014. С. 41-44.
 18. *Бахчиванжи А.П.* Выставка «Феномен научной традиции в контексте научного наследия П.М. Бицилли. Параллельные традиции, восстановление связей». Из фондов ОНУ им. И.И. Мечникова // *Curriculum vitae*. Выпуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одеса: ФОР «Фрідман О.С.», 2010. С.44-56.
 19. *Бахчиванжи А.П.* Книги с автографами П.М. Бицилли в университетской библиотеке // *Вісник ОНУ / Одеський національний ун-т*. Одеса, 2010. Т.15. Випуск 21. С.89-97.
 20. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953) // *Славяноведение*. 1997. № 4. С. 49-63.
 21. *Бирман М.А.* А.П. Мещерский (1915 – 1992). Несколько страниц к биографии первого «бициллиеведа» // *Полутропов*. К 70-летию Владимира

- Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 800-805.
22. *Бирман М.А* Бицилли-пушкинист: (Заметки к библиографии ученого) // После юбилея. Jerusalem, 2000. С. 227-254.
 23. *Бирман М.А* Русская эмиграция в Болгарии (в науке, культуре и просвещении) // Новый журнал. 2000. № 218.
 24. *Бирман М.А* Нина Гурфинкель – театровед (1898-1984) // Русское еврейство в зарубежье. Т.3 (8). Иерусалим, 2000. С.388-396.
 25. *Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Российские интеллектуалы – эмигранты в Болгарии 1920-1930-х годов // Новая и новейшая история. М., 2003. № 1. С.173-193.
 26. *Бирман М.А.* Н.Л. Гурфинкель – переводчик и издатель трудов П.М. Бицилли // Русское еврейство в зарубежье. Т.5 (10). 2003. С. 33-40.
 27. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли в югославский период эмиграции (1920-1923) // Славяноведение. 2005. № 4. С.84-95.
 28. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 633-718.
 29. *Бирман М.А.* Этапы, вехи и парадоксы бициллиеведения (К постановке вопроса) // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С. 279-290.
 30. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли и евразийцы в 1922-1927 гг. (Очерки и фрагменты) // Вокруг редакционного архива «Современных записок»: Сб. статей и материалов / Под ред. Олега Коростылева и Манфреда Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С.241-253.
 31. *Бирман М.А.* Две статьи П.М. Бицилли о евразийстве (фрагменты исследования) // Curriculum vitae. Выпуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одеса: ФОП «Фрідман О.С.», 2010. С. 27-33.
 32. *Бирман М.А.* Проф. П.М. Бицилли и «Современные записки» // «Современные записки» (Париж, 1920-1940): Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 481-500.
 33. *Бирман М.* Псевдонимы и криптонимы П.М. Бицилли (К поиску невыявленных публикаций ученого) // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под редакцией М. Шрубы и О. Коростылева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 126-136.
 34. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
 35. Біциллі П.М. // Випускники Одеського (Новоросійського) університету: енцикл. слов. Випуск 1 / ОНУ ім. І.І. Мечникова. Наук. б-ка. Одеса: Астропринт, 2005. С. 31-32.

36. Бицилли Петър Михайлович // Български историци. Биографично-библиографски справочник. София, 1981. С.48-49.
37. Бицилли П.М. // Алманах на Софийския университет «Св. Климент Охридски», Фототипно. Т. 1. А-3. 1988. С. 212-213.
38. Бичурина Н.И. Категория культуры в общеисторической концепции П.М. Бицилли // III сибирская школа молодого ученого. Томск, 2001. Т. 4. С. 188-193.
39. Бойченко І.В. Філософія історії: Підручник. Київ: Знання, 2000. 723 с.
40. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста, комментарии и биографический словарь-указатель И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2008. 832 с.
41. Буковский В.Я. Горькая правда. Исторический очерк села Бицилово и района. Раздельная, 1998. 221 с.
42. Вайнштейн О.Л. Развитие историографии средних веков в царской России // Историк-марксист. 1940. № 9. С. 99-114.
43. Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней: Учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. М.; Л.: Соцэкгиз, 1940. 375 с.
44. Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1964. 484 с.
45. Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики: 1917–1966. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. 424 с.
46. Васильева М.А. П.М. Бицилли // Писатели русского зарубежья (1918–1940). Справочник. М.: ИНИОН РАН, 1993. Ч. I. С. 86–90.
47. Васильева М. Бицилли Петр Михайлович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. С. 90-92.
48. Васильева М. Путь интуиции // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 5-28.
49. Васильева М.А. П.М. Бицилли: уход от медиевистики // Зарубежная Россия. 1917–1945. Сб. статей. Кн. 3. СПб.: Изд-во «Лики России», 2004. С. 197–204.
50. Васильева М.А. П.М. Бицилли и Д.И. Чижевский: К истории одного «заочного» диалога // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2008. №. 1. С. 18-24.
51. Васильева М.А. А.Л. Бем, П.М. Бицилли, Д.И. Чижевский: метод «мелких наблюдений» // А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья / Сост. и науч. ред. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2008. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования: Выпуск 9). С. 113-135.
52. Васильева М.А. «Проблематика индивидуальности» в трудах П. М. Би-

- цилли: Автореф. дисс... канд. филолог. наук. Москва: Изд-во Литературного института, 2009. 24 с.
53. *Васильева М.А.* «Эстетическая проблема» в литературоведении П.М. Бицилли: К постановке вопроса // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1. С. 109–117.
 54. *Васильева М.* [Рец.:] Анненкова И. В. Неизгнанная мысль: Филология П.М. Бицилли / Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 148 с. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012 / [отв. ред. Н. Ф. Гриценко]. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. С. 591-594.
 55. *Васильева М.А.* Средневековая Италия и спор о «среднем человеке»: полемика П.М. Бицилли с Л.П. Карсавиным // Россия – Запад – Восток. Литературные и культурные связи, 2014. № 2. С. 50-64.
 56. *Васильева М.А.* Проблема человека в трудах Петра Бицилли о Гоголе // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2015. № 4 (22). С. 10-15.
 57. *Васильева М.А.* Сопричастность как форма мысли. [Рец.:] Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с. // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2016. Москва, 2016. С. 773-780.
 58. *Васильева М.* Петр Бицилли как диалогический мыслитель // *Opuscula Slavica Sedlcensia*. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przygodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 39-60.
 59. *Васильева М.А.* Летопись жизни и творчества П.М. Бицилли // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Москва, 2019. С. 471-476.
 60. *Васильева М.А.* Русско-украинские отношения в исторической концепции П.М. Бицилли // Научный электронный журнал. Философические письма. Русско-европейский диалог. Том (3) № 4. 2020. С. 133-145.
 61. *Велева М.* П.М. Бицилли и историческата наука // Бицилли П. Очерци върху теорията на историческата наука. София: Изд. БАН, 1994. С. 5-22.
 62. *Велева М.* П.М. Бицилли в Софийския университет // Минало. 1995. № 1. С. 81-92.
 63. *Велева М.* Из архивното наследство на П.М. Бицилли // Български ежегодник. Т. 2. Харьков-София, 1996. С. 201-221.
 64. *Велева М.* Руската университетска емиграция и България // Дарителите Евлогий и Христо Георгиеви. София, 1998. С. 235-253.
 65. *Велева М. П.* Бицилли – основоположник на культурологичната мисъл в България [Интервю на Виолина Атанасова с проф. Мария Велева]// Историческо бъдеше. София, 2003. № 1-2. С. 295-300.
 66. *Велева М.* Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. 162 с.

67. *Виноградов В.В.* Проблемы стилистики російської мови в працях Ломоносова // Ломоносовський філологічний збірник. Київ: Держ. вид-во худ. літ., 1963. С.5—34 (о П.М. Бицилли – с. 11-12).
68. *Вольфун Л., Галчева Т.* Учитель и ученик: Отзыв П.М. Бицилли на сочинение О.Л. Вайнштейна // Средние века. 2016. Выпуск 77 (3-4). С. 162-175.
69. *Вомперский В.П.* Взгляды П.М. Бицилли на историю русского литературного языка // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения В. В. Виноградова / Отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1995. С. 99-106.
70. *Вомперский В.П.* Петр Михайлович Бицилли. Жизненный и творческий путь // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии / Отв. ред. и автор предисл. В.Н. Ярцева; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Вомперского и И.В. Анненковой; вступ. ст. В.П. Вомперского. М.: Наследие, 1996. С. 6-21.
71. *Галчева Т.* Проф. П.М. Бицилли (Не)забравеният. Век 21. 1991. 10-16 април.
72. *Галчева Т., Манолакев Хр., Петкова Г.* Непубликувани писма на И.А. Бунин до проф. П.М. Бицилли // Век 21. 1991. № 18, 1-7 май.
73. *Галчева Т.* Один из немногих: Памяти проф. П.М. Бицилли // Русский рубеж: Спец. выпуск Еженедельника «Литературная Россия». М., 1992. № 2 (14). С. 22.
74. *Галчева Т.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное: историко-культурологические работы. / Сост., подг. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр. П. Манолакева. Вступ. ст. Т.Н. Галчевой. Том первый. София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. С. 7-40.
75. *Галчева Т., Петкова Г.* Писма на проф. П. М. Бицилли до акад. Ив. Дуйчев // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». Том 97 (16). София, 2011. С. 337-354.
76. *Галчева Т.* Судьба свидетеля: «Собрать все, что возможно, воедино» (неизвестное об А.П. Мещерском) // Свидетельство: традиции, формы, имена. Успенские чтения / Сост. К.Б. Сигов. Київ: Дух і Літера, 2013. С. 583-603.
77. *Галчева Т.* Новый текст профессора П.М. Бицилли // Средние века, 2013. № 74 (1-2). С. 86-92.
78. *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* Письма П.М. Бицилли к Н.А. Астрову о В.А. Мякотине // Славяноведение. 2014. № 4. С. 48-56.
79. *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспособляюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. 320 с.
80. *Галчева Т.Н.* К вопросу о рецензентской практике В.Ф. Ходасевича (на

- примере «диалога» с П.М. Бицилли // Русистика без границы. Международный научный журнал. София. 2017. № 1. С. 54-63.
81. *Галчева Т., Голубович И.* «Он был таким проникновенным, тонким историком». Письма Н.Л. Гурфинкель о П.М. Бицилли // Докса. 2018. Випуск 1 (29). С. 195-214
 82. *Галчева Т.Н.* Об итоге 20-летних эмигрантоведческих усилий: рецензия без макияжа [Рец. На кн.: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей. 2018. 44 с.] // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 1. С. 223-235.
 83. *Гандев Хр.* Историкът и историята (Разговор с учения по случай 70-годишнината му). Разговорът води М. Велева // Векове. София, 1978. № 2. С.77-83.
 84. *Гандев Хр.* Проф. Петър Михайлович Бицилли: (По случай 100 години от рождението му) // Векове. София, 1980. № 2. С. 61-71.
 85. *Гандев Хр.* Смомени, записани от М. Велева. Машинопис, 1978 // Сб. в чест на проф. д-р Христо Гандев. Изследвания по случай 75-годишнината от рождението му. София, 1985.
 86. *Герасименко А.А.* Проблемы исторического синтеза в понимании теории исторической науки П.М. Бицилли // Гуманитарное знание: Ежегодник. Омск, 1998. Выпуск 2. Кн.1. Исторические исследования. С. 13-16.
 87. *Герашко Л.В., Кудрявцев Б.В.* Фонд профессора Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005-2006 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 57-222.
 88. *Голубович И.В., Галчева Т.Н.* Забота о себе в опыте русской эмиграции (по материалам эпистолярного наследия П.М. Бицилли) // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9-11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Часть 1: Постоянство пребывания с собою. М.: Канон+, 2015. С. 83-98.
 89. *Голубович И.В.* П.М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Автор и биография, письмо и чтение. Сборник докладов / Ред.-сост. Ю.П. Зарецкий, В.П. Лихачев, А.Ю. Зарецкая; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 62-81.
 90. *Голубович И.В.* «Открытая биография». М.А. Бирман о жизни и творчестве П.М. Бицилли // Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Випуск 2 (34). Одеса, 2020. С. 275-285.
 91. *Горяинов А.Н., Бирман М.А.* Библиография опубликованных работ П.М. Бицилли и литература о нем, 1912-2003. // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. 733-778.
 92. *Горяинов А.Н.* Из забытых «мелочей» журнала «Славянски глас» (1919-1933) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 56-67.

93. *Горяинов А.Н.* [Рец.:] М. Велева. Болгарская судьба профессора П.М. Бицилли // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 171-174.
94. *Грановская Л.М.* Русская эмиграция о русском языке. Аннотированный библиографический указатель (1918-1992). М.: «АЗЪ», 1993. 98 с. [№№ 38-54 – работы П.М. Бицилли. С. 12-18].
95. *Гревс И.М.* Отзыв о книге П. М. Бицилли Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века). Одесса, 1913 г. / Вступ. ст., публ. и коммент. *Клюев А.И., Свешников А.В.* // Средние века. 2014. Выпуск 75 (3-4). С. 387-405.
96. *Григорова Д.* Петр Бицилли и евразийство // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С. 303-308.
97. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 320 с.; 2-е изд.: М.: Искусство. 1984. 350 с.
98. *Даренский В.Ю.* Украина как культурно-исторический феномен в концепции П.М. Бицилли // CURRICULUM VITAE. Выпуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одеса: ФОП «Фрідман О.С.», 2010. С. 130-139.
99. *Даренский В.Ю.* Анализ парадоксов украинской национальной идентичности в концепции П.М. Бицилли // Гуманитарный вектор. 2018. Т.13. № 4. С. 34-42.
100. Дарители Одесского (Новороссийского) университета (1865-1920): материалы к истории Одесского (Новороссийского) университета им. И.И. Мечникова. Одесса: Астропринт, 2005. С. 26 [список книг, подаренных П.М. Бицилли Университетской библиотеке].
101. *Делчев Кр.* Мирогледът на Бицилли // Петър Бицилли. Малки творби. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2003. С. 7-38.
102. *Дьомін О.* Вивчення та викладання всесвітньої історії в Одесі в XIX-XX ст. // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Випуск 15. Серія: Історичні науки. Номер 1. Чернігів, 2002.
103. *Демин О.Б.* Поиски историографических корней: П.М. Бицилли и А.М. Клитин // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С. 309-316.
104. *Демин О.Б.* П.М. Бицилли и одесская медиевистика // CURRICULUM VITAE. Выпуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одеса: ФОП «Фрідман О.С.», 2010. С. 58-65.
105. *Дмитриев С.С.* К истории советской исторической науки: Историк Н.Л. Рубинштейн (1897-1963) // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. Горький, 1964. Выпуск 72. Серия историко-филологическая. Т. 1. С. 415-478.
106. *Добролюбский К.П.* В Новороссийском университете / Публ. А.О. Добролюбского // Одесский вестник. 1994. 12 февраля. № 22; 19 февраля. № 26.
107. *Добролюбский К.П., Добролюбский А.О., Добролюбская Ю.О.* Семейный архив. Очерки. Одесса: Optimum, 2004. 228 с.
108. *Довгополова О.А.* Вступительное слово // CURRICULUM VITAE. Вы-

- пуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одеса: ФОП «Фрідман О.С.», 2010. С. 3-13.
109. *Довгополова О.А.* Индивидуальность «среднего человека» в концепции П.М. Бицилли: особенности методологии исследования // CURRICULUM VITAE. Выпуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одеса: ФОП «Фрідман О.С.», 2010. С. 166-182.
 110. *Довгополова О.А.* «Casus Бицилли»: Феномен интеллектуальной контрабанды и судьбы научных традиций // Эсхатос II: философия истории в контексте идеи «предела»: Сборник статей памяти Петра Михайловича Бицилли (1879-1953). Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. С. 203-226.
 111. *Довгополова О.А.* (2014 г.) Екзистенційний жест історика в світі, що руйнується (міркування про долі П.М. Біцилли та Л.П. Карсавіна). // *Libra*: збірка наукових праць кафедри історії стародавнього світу та середніх віків. Випуск III. Одеса, 2014. С. 106-114.
 112. *Довгополова О.А.* «...Мое слишком уж затянувшееся сидение на луне, по ту сторону культуры...» // Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 12-24.
 113. *Додонов Р.А.* Критика П.М. Бицилли философии истории евразийства // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. 2013. № 52. С. 218-226.
 114. *Дочев Д.* Пётр Михайлович Бицилли // Бицилли П.М. Европейската култура и Ренесансът: Избрани студии. София: Анубис, 1994. С. 9-46.
 115. *Дочев Д.* Приложение (П.М. Бицилли и «русские формалисты») // Бицилли П.М. Класическото изкуство. Стилизовани изследвания. София: Анубис, 1995. С. 311-316.
 116. *Дусинский И.* [Рец.:] Бицилли П.М. Тацит и Римский империализм. Одесса, 1912 // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). Отдел классической филологии. Новая серия. 1913. № 5. С. 237-239.
 117. *Зленко Г.* Начало одной биографии. К 120-летию со времени рождения профессора П.М. Бицилли // Вечерняя Одесса. 1999. 2 ноября.
 118. *Зленко Г.* Историографические чтения // Вечерняя Одесса. 1999. 25 декабря.
 119. История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М.: Наука, 1965. С. 513.
 120. Історія Одеського університету за 100 років / Відп. ред. проф. О.І. Юрженко. Київ: Вид-во Київського ун-ту, 1968. С. 332.
 121. История на Софийския Университет «Климент Охридски» / Под ред. Г. Наумов. София, 1988. С. 88, 90-91, 94, 117, 162.
 122. История Балкан: Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов; Ин-т славяноведения. М.: Наука, 2004. 546 с.
 123. *Каганович Б.С.* Петербургская школа медиевистики в конце XIX – на-

- чале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
124. *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли как литературовед: (К постановке вопроса) // *Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae*. Budapest. 1988. Т. 34. P. 205-222.
 125. *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли как историк средневековой и ренессансной культуры // *Культура Возрождения и средние века*. М.: Наука, 1993. С. 186-197.
 126. *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли как историк культуры // *Одиссей. Человек в истории*. 1993. М.: Наука, 1994. С. 256-271.
 127. *Каганович Б.С.* Русские историки западного средневековья и нового времени (конец XIX – первая половина XX в.): Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1995.
 128. *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры» // *Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры / Предисл. Б.С. Кагановича, коммент. А.Г. Федорова, Ю.Ю. Гудыменко*. СПб.: Мифрил, 1995. С. VII-XXVII.
 129. *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли и культура Ренессанса // *Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / Сост., предисловие и комментарии Б.С. Кагановича*. СПб.: Мифрил, 1996. С. VII-XIII.
 130. *Каганович Б.С.* К теме: П.М. Бицилли и евразийцы // *Диаспора. Новые материалы*. СПб.: Феникс, 2001. Выпуск 2. С. 291-299.
 131. *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 244 с.
 132. *Каганович Б.С.* «OPUS MAGNUM» П.М. Бицилли // *Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича*. СПб.: Аxioma, 2012. С. 406-411.
 133. *Казаков Г.* За поредицата «Исторически етюди» // *Бицилли П. М. Европейската култура и Ренесансът: Избрани студии*. София: Анубис, 1994. С. 3-7.
 134. *Казаков Г.* Петро Біцилли // *Київська старовина*. 1995. № 1. С. 79-81.
 135. *Коновалов И.Н.* «П.М. Бицилли и евразийство»: концептуальные подходы к решению проблемы в современной историографии // *CURRICULUM VITAE*. Выпуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одеса: ФОП «Фрідман О.С.», 2010. С. 34-38.
 136. *Коростылев О.А., Черкасов П.П.* Бицилли Петр Михайлович // *Большая российская энциклопедия*. Том 3. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. С. 567-568.
 137. *Класика и канон в руската литература. Чуждият поглед*. Сборник текстове и документи. София: Факел, 2013. 335 с.
 138. *Клюев А.И., Свешников А.В.* П.М. Бицилли и петербургская школа медиевистики (вместо предисловия) // *Средние века*, 2014. №75(4). С. 387-394.
 139. *Ковалев М. В.* Научно-исследовательская деятельность П.М. Бицилли в Болгарии (1924–1953 гг.). Санкт-Петербург: Нестор, 2004. 209 с.

140. *Коев М., Делев Д.* Corpus epistolarum. Писма на П. Мутафчиев, П.М. Бицилли, В. Златарски до Ив. Дуйчев // Свободна книга. Специален брой за 10-год. На Център «Акад. Ив. Дуйчев». Бр. 1-4, год. VII. София, 1996. С. 10-11.
141. *Косик В.И.* [Рец.:] М.А. Бирман. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество // Славяноведение. 2019. № 2. С. 111-114.
142. *Косик В.И.* Софии русский уголок. М.: Пробел-2000, 2008. 236 с.
143. *Косик В.И.* Русские изгнанники в Болгарии в 1920-1950 -х годах // Вестник православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Выпуск 1 (22). С. 21-39.
144. *Кьосева Цветана.* България и руската емиграция 20-те – 50-те години на XX в. София: Междунар. център по проблемите на малцинствата и културните взаимодействия, 2002. 591 с.
145. *Кравчик М.А.* Типология как способ конституирования смысловой структуры действительности в работе П.М. Бицилли «Элементы средневековой культуры» // CURRICULUM VITAE. Выпуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одеса: ФОП «Фридман О.С.», 2010. С. 116-124.
146. *Куманова А., Куманов М.* Записка в олтара. Уникален първи обобщаващ монографичен труд за уникалния Бицилли – дело на уникалния Бирман // Библиотека. София: Национална библиотека «Св. Св. Кирил и Мефодий», 2019. № 5. С. 99-113.
147. CURRICULUM VITAE. Выпуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одеса: ФОП «Фридман О.С.», 2010. 226 с.
148. *Левченко В.А.* Методологическая рефлексия в философии культуры П.М. Бицилли. Отечественная философия: русская, российская, всемирная. Материалы У рос. симпозиума историков рус. философии. Н. Новгород, 1998. С. 169-171.
149. *Левченко В.А.* Культура как духовный контекст эпохи в работах П.М. Бицилли // Труды семинара по герменевтики. Одесса, 1999. Выпуск 1. С. 209-220.
150. *Левченко В.В.* Концепция реформы высшей школы П.М. Бицилли (На основе статьи «Демократия и школа») // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С. 331-336.
151. *Левченко В.* Михайло Грушевський як особистість і науковець: особливості рецепції у наукових колах Одеси наприкінці XIX – першої половини XX століття // Краєзнавство. Науковий журнал. 2016. № 1/ 2 (94 / 95). С. 13-23.[О П.М. Бицилли – с. 17, 19].
152. *Левченко В.В.* «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь родословной П.М. Бицилли // Евреи России, Европы и

- Ближнего Востока: история, культура и словесность: материалы международной научной конференции 14 апреля 2019 г. / Отв. ред. В.Г. Вовина, М.О. Мельцин. Санкт-Петербург, 2019. С. 176–189.
153. *Лесневска Д.С.* К истории становления болгарской русистики (1846-1946) // Болгарская русистика. 2017. № 2. С.14-31 (о П.М. Бицилли – с. 26-27).
 154. *Луцевич Людмила.* Петр Бицилли о Месте Лермонтова в истории русской поэзии // Opuscula Slavica Sedlcensia. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 113-132.
 155. *Любенова Л.* С името на проф. Бицилли // Исторически преглед. София: Изд-во БАН, 1989. № 11. С. 195.
 156. *Любенова Л.* Руски ученици-гуманистарици в България в периода между двете световни войни // Славянска филология. София. 1993. Т. 21 (о П.М. Бицилли – с. 354-356).
 157. *Любенова Лизбет.* [Вступ. статья] // Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23-24 септември 1999 г. София: Гутенберг, 2001. 456 с.
 158. *Любенова Лизбет.* Светът на Бицилли // Велева М. Българската съдба на проф. П.М. Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. С. 7-9.
 159. *Манолакев Хр.* Из историята на руската емиграция в България (Проф. Петър М. Бицилли и Чудомир) // Летописи. София. 1994. № 11 / 12. С. 45-51.
 160. *Мещерский А.* Неизвестные письма И. Бунина // Русская литература. Л., 1961. № 4. С.152-158.
 161. *Мещерский А.П.* Заметки и материалы по биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии, 1920-1944 // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 562-569.
 162. *Мещерский А.П.* Петр Михайлович Бицилли // П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / Сост., вступит. статья и коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 570-588.
 163. *Мних Роман.* Перекрестки культур в творчестве Петра Бицилли // Opuscula Slavica Sedlcensia. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 7-36.
 164. *Мних Людмила.* Концепция Средних веков как историко-культурной эпохи в творчестве Петра Бицилли // Opuscula Slavica Sedlcensia. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С.89-112.
 165. *Морозов А.А.* Русская медиевистика в эмиграции: Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли, Н.П. Оттокар: Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2001.
 166. *Мягков Г.П., Сыченкова Л.А.* Русская медиевистическая культурология: опыт актуализации непризнанного наследия // Мир историка: историо-

- графический сборник. Выпуск 12. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2018. С. 177-205.
167. *Найдорф М.И.* К постижению логики Ренессансного кризиса // Сб. научных трудов кафедры культурологии и искусствоведения Одесского национального политехнического университета. Выпуск 5. Одесса, 2002.
168. *Найдорф М.И.* Наблюдения над одной статьей П.М. Бицилли // CURRICULUM VITAE. Выпуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одеса: ФОП «Фрідман О.С.», 2010. С.125-129.
169. *Недков Здр.* Бахтин и неговата българска история // Литературен фронт. 1979, 7 юни.
170. *Немченко І.В.* Проблеми середньовічної культури в дослідженнях науковців Новоросійського університету // Записки історичного факультету / Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. Випуск 16. Одеса, 2005. С. 336-342.
171. *Немченко І.В.* Преодолевая стереотипы: П.М. Бицилли и В.Э. Крусман в одесский период творчества // CURRICULUM VITAE. Сб. научных трудов. Выпуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одесса, 2010. С. 66-70.
172. Одеський національний університет імені І.І. Мечникова (1865-2015): історія та сучасність / гол. ред. І.М. Коваль; Одеський нац. ун-т ім. І.І. Мечникова. Одеса: ОНУ, 2015. С. 125-126, 146 [Раздел: «Еволюція історичної науки» (автор: *О.Б. Дьомін*)].
173. О Евразии и евразийцах (библиографический указатель) / сост. А. В. Антощенко и др.; науч. ред. А. В. Антощенко, А. А. Кожанов. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2000. 117 с.
174. Очерки истории исторической науки в СССР. Т.1У. М.: Наука, 1966 (о П.М. Бицилли – с. 594, 598).
175. *Пантев А.* Завръщането на професор Бицилли // Увод в изучаването на новата и най-новата история (Опит за периодизация). София: Изд-во на БАН, 1993. С. V – VIII.
176. *Пантев А.* Предговор // Бицилли Петър. Основни насоки в историческото развитие на Европа. От началото на християнската ера до наше време. София: Изд-во на БАН, 1993. С. VI – VII.
177. *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе / Отв. ред. Б.В. Левшин; [Вступ. статьи Е.А. Мельниковой, М.К. Шацилло] Рос. акад. наук. Арх. АН СССР. М.: Наука, 1992. 398 с.
178. *Петкова Г.* Металитературный проект П.М. Бицилли: Между Салимбене и Пушкиным (Опыт реконструкции) // Rossica. Науч. исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Praha, 2007. С. 115-122.
179. *Петкова Г.* Болгарская судьба русского ученого Петра Бицилли // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. Автор идеи и сост. С.А. Рожков / Русский Академический Союз в Болгарии. София: Изд-во Софийского ун-та им. Св. Климента Охридского, 2009. С. 56-57.

180. *Петкова Г.* Договори, писма и доклади от «Лично дело на проф. П. Бицилли // Классика и канон в руската литература. Чуждият поглед. Сборник текстове и документи. София: Факел, 2013. С. 268-318.
181. *Петкова Г.* «Школьный канон» П.М. Бицилли: взгляд рецензентов. Детские чтения, Санкт-Петербург, 2014. № 1 (5). С. 72-94.
182. *Петкова Г.* «Краткая история русской литературы» П. Бицилли – учебное пособие, lapsus, авторский канон? // Филологический класс, 2014. № 1 (35). С. 69-77.
183. *Петкова Г.* Авторский канон в «школьной форме»: «Краткая история русской литературы» П. Бицилли. // Короб культурных кодов. Сборник в чест на 65-годишнината на проф. д.ф.н. Дечка Чавдарова. Велико Търново: Изд-во «Фабер», 2016. С. 205-215.
184. *Петкова Г.* «Да се даде ръководеща нишка...»: история на руската литература от проф. П. Бицилли в три книги (България, 1931-1934 г.). София: Изд-во «Факел», 2017. 655 с.
185. *Петкова Г.* Профессор Петр Бицилли в Софийсуом университете: археологические фрагменты // Opuscula Slavica Sedlcensia. Т. XIV. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур [Монография под редакцией Романа Мниха]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. С. 61-88.
186. Петр Бицилли: диалог на перекрестке культур. Монография под редакцией Романа Мниха. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2017. Opuscula Slavica Sedlcensia. Т. XIV. 161 с.
187. *Петров В.Н.* «Мир искусства». М.: Изобразительное искусство, 1975. 246 с.
188. *Пивоваров Ю.С.* «Голоса не из хора» (Пётр Михайлович Бицилли) // Рубежи. 1996. № 8. С. 74-79.
189. *Повилайтис В.И.* Философия истории и культуры П.М. Бицилли // Культурный слой. Выпуск 6. Проблемы русской философии и культуры. Калининград, 2003. С. 43-51.
190. *Почепцов Г.Г.* История русской семиотики до и после 1917 года. Учебно-справочное издание. М.: «Лабиринт», 1998. 336 с. (о П.М. Бицилли – с.147-157).
191. Проф. Петър Михайлович Бицилли. Некролог от Института за българска история при БАН и от редакцията колегия на сп. «Исторически преглед» // Исторически преглед. Година 9. София, 1953. Кн. пета (5). С. 560-561.
192. *Раев М.И.* Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919-1939 / пер. с англ. А. Ратобыльской; предисл. О. Казниной. Москва: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
193. *Рачковский Д.В.* Петр Михайлович Бицилли и его «Очерки теории исторической науки» // Культурный слой. Выпуск 4. Философия русского зарубежья (исследования и материалы). Калининград, 2004. С. 31-37.
194. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология /

- Ред., сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. 368 с.
195. *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 6. С. 88-114.
 196. *Рудман М.Н.* Концепция исторического синтеза в творчестве Л.П. Карсавина и П.М. Бицилли: Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2002.
 197. Руска емиграция в България. 1878-2006. Библиографски указател / Съставители: Елха Денева, ст.н.с. д-р Сергей Рожков. София: 2006. 113 с.
 198. *Сапожников И.В., Белоусова Л.Г.* Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Одесса-Ильичевск: «Элтан-2» – «Гратек», 1999. 264 с.
 199. *Сапожников И., Аргатюк С.* Андрей Буга и другие греки Хаджибея – Одессы // Південний захід. Одесика. Історико-красназничий науковий альманах. Випуск 21. Одеса: Друкарський дім, 2016. С. 191-206.
 200. *Свентила В.* Неговата атмосфера // Бицили П. Малки творби. София: Унив. Изд-во «Св. Климент Охридски», 2003. С. 463-470.
 201. *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Омский гос. ун-т, 2010. 406 с.
 202. *Свешников А.В.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с.
 203. *Селунская Н.А.* «Своя» и «чужая» история: историки-медиевисты между мировыми войнами и социальными потрясениями // Диалог со временем. 55. М.: ИВИ, 2016. С. 62-90.
 204. *Селунская Н.А.* «Новое средневековье» – русская идея? Медиевистика Бицилли, средневековые общественные движения и актуализация истории // Диалог со временем 64. М.: ИВИ, 2018. С.179-195.
 205. *Селунская Н.А.* Интеллектуальная биография П. М. Бицилли в интерпретации М.А. Бирмана // Славянский Альманах / Институт всеобщей истории РАН, Россия; глав. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2020. № 1-2. С. 472-481.
 206. *Соловьев Э.Ю.* Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политизда, 1991. С. 19-52.
 207. *Степанов Б.Е.* «Всех поименно назвать...» (Слово в дискуссии) // Казус, 2000. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000. Выпуск 3. С. 97-107.
 208. *Степанов Б.Е.* Образ средневековья в работах П. М. Бицилли // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы междунар. конф. (2-5 февр. 2000 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. С. 36-44.
 209. *Сыченкова Л.А.* Культура Западной Европы в российском гуманитарном знании. Казань: Изд-во Казанского гос. технического университета. 2000. 248 с.

210. *Сыченкова Л.А.* Культура Западной Европы: российский опыт историографического осмысления (вторая половина XIX – 30-е гг. XX вв.): Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2001.
211. *Сыченкова Л.А.* Преодолеть барьер «эмигрантской периферии»: П.М. Бицилли в европейской медиевистике // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2016, Т. 158. Кн. 3. Казань. Изд-во Казан. ун-та. С. 829-839.
212. *Сыченкова Л.А.* Джордано Бруно и проблема «заката» Ренессанса: А. Веселовский, Л. Карсавин, П. Бицилли // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2. С. 31-34.
213. *Сыченкова Л.А.* «Я пишу не более не менее, как всемирную историю»: просветительская миссия Петра Бицилли // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, О.В. Синицын. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 50-56.
214. *Сыченкова Л.А.* Проблемы биографистики в болгарском бициллиеведении // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн 1. Казань. Изд-во Казан. ун-та. С. 216-222.
215. *Тахо-Годи Е.А.* Ю.И. Айхенвальд и П.М. Бицилли: Реконструкция философско-эстетического диалога // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 322-335.
216. *Теохаріді Т.Ю.* Грецька військова колонізація на півдні України наприкінці XVIII та на початку XIX ст. (Поселення під м. Одесою) // Вісник Одеської комісії краєзнавства при ВУАН. Ч. 4-5. Секція для вивчення грецької нацменшости. Випуск 1. Одеса: Видання ОКК при УАН, 1930. С. 9-44.
217. *Тончев Ал.* Петр Михайлович Бицилли и понятие «исторический синтез» // Бялата емиграция в България. София: Изд-во «Гутенберг», 2001. С. 180-185.
218. *Туниманов В.А.* [Вступительная статья к публикации: Бицилли П.М. Статьи: История, культура, литература] // Русская литература. Л., 1990. № 2. С. 134-138.
219. *Федотова П.И.* «Закат Античности» в работе П.М. Бицилли «Падение Римской империи» // Экономический вектор. СПб., 2016. №1 (4). С. 109-115.
220. *Федякин С.Р.* Искусство рецензии в «Числах» и «Опытах» // Литературный журнал. М., 2003. № 17. С. 65-96.
221. *Федякин С.Р.* Кризис художественного сознания и его отражение в критике русского зарубежья // Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20 –30-х годов // Сб. науч. тр. ИНИОН РАН. Центр гуманист. Науч.- информ. Исслед. Отдел литературоведения; Редкол.: Т.Г. Петрова (отв. ред.) и др. М. 2005. С. 8-32.
222. *Цепилова В.И.* Историческая наука русского зарубежья: Проблемы историографии (1920-2004 гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 294 с.

223. *Цепилова В.И.* П.М. Бицилли о специфике Российской цивилизации // Русский вопрос: История и современность: Мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф., Омск, 1-2 ноября 2007 г. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. С. 198-200.
224. *Цепилова В.И.* Историческая наука Русского зарубежья 1920-1930-х годов: Автореф. дисс...докт. ист. наук. Екатеринбург, 2010. 48 с.
225. *Чолов П.* Български историци. Биографично – библиографски справочник. Изд. 3-е. София: Изд. БАН, 2010 (о П.М. Бицилли – с. 33-34).
226. *Чопт И.* Наш земляк – профессор П.М. Бицилли (К 45-летию со дня смерти) // Юг. 1998. 29 сентября.
227. *Шруба М.* Внутриредакционная переписка // «Современные записки» (Париж, 1920-1940). Из архива редакции / Под редакцией Олега Коростылева и Манфреда Шрубы. Т.І. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 135-917.
228. *Шувалов В.И.* Особенности средневекового восприятия мира в работах П.М. Бицилли // От современности к постмодерну. Сб. статей. Пенза, 2000. С. 77-83.
229. *Шумейко Д.А.* Болгарський період життя та творчості П.М. Біцилли // Записки історичного факультету / Одеській національний університет ім. І.І. Мечникова. Випуск 11. Одеса, 2000. С. 347-355.
230. *Шумейко Д.А.* Публикации П.М. Бицилли на страницах «Известий Одесского библиографического общества» // Записки історичного факультету / Одеській національний університет ім. І.І. Мечникова. Випуск 10. Одеса, 2000. С. 51-59.
231. *Шумейко Д.А.* Проблемы нациогенеза глазами историка: П.М. Бицилли об украино-российских отношениях // Проблемы славяноведения: Сборник научных статей и материалов. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2001. Выпуск 3. С. 245-252.
232. *Шумейко Д.А.* Материалы к биографии П.М. Бицилли в фондах Государственного архива Одесской области // Архів. Документ. Історія. Сучасність: Праці Державного архіву Одеської області. Т.ІV. Одеса, 2001. С. 326-328.
233. *Шумейко Д.А.* Культурологический поход к изучению истории в творчестве П.М. Бицилли // Музей. Історія. Одеса: зб. тез. доп. та повідомл. 2-1 наук.-практ. конференції, присв. 45-річчю Одес. іст.-краєзн. музею. Одеса, 2001. С. 134-136.
234. *Шумейко Д.А.* Проблемы периодизации новой и новейшей истории в творчестве П.М. Бицилли // Российские университеты в XVIII-XX веках. Сб. научных статей. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2002. Выпуск 6. С. 133-140.
235. *Шумейко Д.А.* Рецензії як жанр наукової творчості П.М. Біцилли // Записки історичного факультету / Одеській національний університет ім. І.І. Мечникова. Випуск 12. Одеса, 2002. С. 447-456.
236. *Шумейко Д.А.* П.М. Бицилли в болгарской историографии // Пробле-

- мы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2002. Выпуск 5. С. 58-65.
237. *Шумейко Д.А.* Е.Н. Щепкин о П.М. Бицилли // Каразінські читання (історичні науки): Матеріали міжнародної наукової конференції 25 квітня 2008 р. Харків, 2008. С. 320-322.
238. *Шумейко Д.А.* Творческое наследие П.М. Бицилли: одесский период // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса – Велико Търново, 2009. С. 317-330.
239. *Шумейко Д.А.* Исследования П.М. Бицилли по проблемам всемирной истории в период эмиграции // CURRICULUM VITAE. Выпуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одеса: ФОП «Фридман О.С.», 2010. С.38-43.
240. *Юсим М.А.* П.М. Бицилли о духе средневековой культуры // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 721-731.
241. *Янцен В.В.* Другая философия: переписка Д.И. Чижевского и Г.В. Флоровского (1926-1932, 1948-1973) как источник по истории русской мысли // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2008-2009 год / Под ред. М.А. Колерова и Н.С. Плотникова. М.: Регнум, 2012. С. 465-905.

Авторская Бициллиана ¹

1. Историография в системе исторического образования в Новороссийском университете (2-я пол. XIX - нач. XX вв.) // Тезисы Второй областной историко-краеведческой научно-практической конференции, посвященной 200-летию основания Одессы и 25-летию создания Украинского общества охраны памятников истории и культуры. Одесса: ОГУ, 1991. С. 168-170.
2. О преподавании историографии всеобщей истории в Новороссийском университете в начале XX века // Актуальные проблемы исследования и преподавания новой истории стран Западной Европы и Америки. Одесса: ОГУ, 1992. С. 37-42.
3. О преподавании историографии в Новороссийском университете в начале XX века // Отечественная и всеобщая история: методология, источниковедение, историография: Материалы научной конференции. Брянск: Мин-во образов. РФ. Брянск. пед. ин-т, 1993. С. 131-133.
4. Из истории Новороссийского университета: П.М. Бицилли // Одесі – 200. Матеріали Міжнародної науково-теоретичної конференції, присвяченої 200-річчю міста. Частина П. Одеса: ОДУ, 1994. С. 118-120.
5. Из истории историографии: П.М. Бицилли // Історія науки і техніки: проблеми дослідження, викладання, гуманізації освіти. Тези доповідей Всеукраїнської науково-методичної конференції. Дніпропетровськ: ДДУ, 1994. С. 71-72.
6. Исторические исследования в Одесском университете: традиции и современность // Вестник Одесского государственного университета. Выпуск 1. Одесса: ОГУ, 1995. С. 37-52 (в соавт: В. Н. Станко).
7. Биоисториографические этюды. Евгений Николаевич Щепкин. Забытое имя: В.Э. Крусман. Петр Михайлович Бицилли (1879-1953) // Одеський університет. 1995. № № 6-9, 12 травня; № № 14-17, 28 червня. (в соавт.: И.В. Максименко).
8. Становление историографии как специальной исторической дисциплины: некоторые аспекты проблемы // Российские университеты в XIX - начале XX века. Сборник научных статей. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. С. 44-55.
9. Историография в учебном процессе на Одесских высших женских курсах // Записки історичного факультету. Випуск 4. Одеса, 1997. С. 141-144 (в соавт.: О.В. Мельник).
10. Институт приват-доцентства в университетах Российской империи (2-я пол. XIX - нач. XX вв.) // Записки історичного факультету. Випуск 7. Одеса: ОДУ, 1998. С. 122-130.
11. Профессор Новороссийского университета П.М. Бицилли в украинской и болгарской историографии // Україна і Болгарія: віхи історичної

¹ Работы *Т.Н. Поповой*, посвященные П.М. Бицилли, а также публикации, в которых в том или ином контексте есть упоминания о П.М. Бицилли.

- дружби. Міжнародна конференція, присвячена 120-річчю визволення Болгарії від османського іга. 30-31 жовтня 1998 р. Одеса, 1998 (в соавт.: И.В. Максименко).
12. Судьбы ученых: из истории Новороссийского университета (биоисториографические этюды) // Российские университеты в XVIII-XX веках. Сборник научных статей. Выпуск 4. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999. С. 155-173 (в соавт.: И В. Максименко).
 13. К биографии П.М. Бицилли: из истории греческой диаспоры в Одессе // Україна - Греція: історична спадщина і перспективи співробітництва (м. Маріуполь, 27-29 травня 1999 року). Збірник наукових праць міжнародної науково-практичної конференції. 1 том (частина 1). Маріуполь: Маріупольський гуманітарний інститут Донецького державного університету, 1999. С. 201-204.
 14. Возвращение Бицилли // Вестник региона. 1999. 10, 17 дек., №№ 48-49.
 15. Історія Одеського університету (1865-2000): Наукове видання / Головний редактор В.А. Сминтина. Одеса: Астропринт, 2000. С.29-38 (в соавт.).
 16. К биографии П.М. Бицилли: Из истории одесского периода жизни ученого // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Выпуск 5. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. С. 34-45.
 17. Из истории историографии: П.М. Бицилли. К 120-летию со дня рождения // Российские университеты в XVIII-XX веках. Сборник научных статей. Выпуск 5. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. С. 200-216.
 18. Проблемы медиевистики в творчестве П.М. Бицилли одесского периода // Середньовічна Європа: погляд з кінця XX ст.: Матеріали Міжнародної наукової конференції. Збірник наукових статей / Чернівецький державний університет ім.Ю. Федьковича; Інститут українознавства ім. І.Крип'якевича. Чернівці: Золоті литаври, 2000. 180-185 (в соавт.: Д. Шумейко).
 19. Біцилли Петро Михайлович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Том 2. А-І. Одеса: Астропринт, 2000. С. 112-115.
 20. Историография в Новороссийском университете: к истории формирования научного сообщества историков исторической науки // Проблемы славяноведения, Сборник научных статей и материалов. Выпуск 3. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2001. С. 95-106.
 21. К биографии П.М. Бицилли: из истории греческой диаспоры в Одессе // Спеціальні історичні дисципліни: Питання теорії та методики: Збірка наукових праць та спогадів пам'яті відомого вченого-історика, доктора історичних наук, професора Володимира Олександровича Замлинського. Число 6 (7). У двох частинах / Відп. ред. М.Ф. Дмитрієнко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2001. Ч. 1. С. 93-96.
 22. Историография в Новороссийском университете (к вопросу о становлении истории исторической науки как учебной дисциплины) // Музей. Історія. Одеса. Збірник тез доповідей та повідомлень. Одеса: Принт-Майстер, 2001. С. 113-115.

23. П.М. Бицилли: из истории жизни и творчества // Специальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць. Число 10. У двох частинах. Частина 2. Памяти видатного вченого-історика доктора історичних наук, професора Михайла Брайчевського з нагоди 80-річчя від дня народження. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. С. 196-218.
24. Проблемно-дисциплінарная структура исторических исследований в Новороссийском университете // Российские университеты в XVIII-XX веках: Сб. науч. статей. Выпуск 7. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. С. 30-49.
25. К анализу научного наследия П.М. Бицилли // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Выпуск 6. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2004. С. 213-224.
26. Образ университетского профессора: П.М. Бицилли // Харківський історіографічний збірник. Випуск 7. Харків: НМЦ-«СД», 2004. С. 15-30.
27. П.М. Бицилли: К характеристике научного творчества (одесский период и первые годы эмиграции) // Древнее Причерноморье. У1 Чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского: Материалы международной конференции. Одесса, 12-14 марта 2004 года. Одесса: Астропринт, 2005. С. 134-142.
28. Историография и интеллектуальная история: симбиоз, оппозиция, ассимиляция..? (поговорим о наболевшем, или утоли мои печали!) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 1. Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. С. 138-163.
29. К проблеме формирования научного сообщества историков исторической науки: размышления на заданную тему // Специальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць. Число 12. У двох частинах. Частина 2. На пошану академіка НАН України, Героя України, доктора історичних наук, професора Петра Тимофійовича Тронька з нагоди 90-річчя від дня народження / Національна академія наук України. Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. С. 94-117.
30. П.М. Бицилли: размышления о творчестве // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 2. Київ: Інститут історії України НАН України. 2006. Частина 1. С. 98-124.
31. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с. [Раздел 6. «Судьбы ученых. Петр Михайлович Бицилли: «Исход» и возвращение». С. 327-452].
32. Бициллиеведение: информационно-аналитические комментарии (Круглый стол «Бициллиеведение в международном интеллектуально пространство: состояние и перспективы». X международна научна конференция «Българите в Северното Причерноморие», 15-16 септември 2007 г.) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки / Головний

- редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск. 3. Київ: Інститут історії України НАН України. 2008. С. 389-423.
33. В.Э. Крусман: новое прочтение // Древнее Причерноморье. Випуск УШ / Под ред. И.В. Немченко и др. Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2008. С. 294-299.
 34. Фундаторы бициллиеведения: М.Н. Велева, М.А. Бирман // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2008. Випуск 10. С. 159-172.
 35. Приближение к П.М. Бицилли: заметки и ремарки (К 130-летию со дня рождения) // Одесская болгаристика. Научный ежегодник. Одесса, 2007-2008. № 5-6. С. 57-73.
 36. Заметки об изучении интеллектуальной истории А.В. Флоровского // Причерноморський регіон у контексті європейської політики. Одеса-Ополе-Вроцлав, 2008. С. 319-128.
 37. Проблемы изучения интеллектуальной биографии А.В. Флоровского: К 125-летию со дня рождения // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. Випуск 11. Брянск: РИО БГУ, 2009. С. 147-164.
 38. Біцилли Петро Михайлович. 1879-1953 // Одеські історики. Том.1. Енциклопедичне видання. Одеса: «Друкарський дім», 2009. С. 49-53.
 39. Бициллиеведение: историографический контур // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Втора част. Бициллизнамето в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса: Велико Търново, 2009. С. 291-301.
 40. П.М. Бицилли: проблема наставников и школы (К 130-летию со дня рождения) // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Випуск 5. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 52-71.
 41. Дисциплинарное сообщество историографов на исходе Постмодерна (фрагменты размышлений) // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 4. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С. 210-235.
 42. П.М. Бицилли в исследовательском пространстве России, Украины и Болгарии (К 130-летию со дня рождения ученого) // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Брянск: РИО БГУ, 2009. С.122-126.
 43. История исторической науки: проблемы самоназвания // Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы 1У Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: Изд-во Московского университета, 2009. С. 227-236
 44. Бициллиеведение: состояние, проблемы, перспективы // «Погасло дневное светило...»: Руската литературна емиграция в България 1919-1944 / Българска Академия на науките. Институт за литература. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2010. С. 334-348¹.

¹ **Рецензия:** Косик В.И. «Погасло дневное светило...». Руската литературна емиграция в България 1919-1944. София, 2010. 461 с. // Славяноведение. 2011. № 4. С. 94.

45. Бициллиеведение – новый исследовательский ландшафт в историографии Украины (К 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли // Історіографічні дослідження в Україні / Голова редколегії В.А. Смолій; відп. ред. О.А. Удод. Випуск 20. Київ.: Інститут історії України НАН України., 2010. С. 155-169.
46. Бициллиеведение: проблемы институционализации // Curriculum Vitae. Випуск 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета. Одеса: ФОР «Фридман О.С.», 2010. С. 15-26.
47. К вопросу о дисциплинарной истории историографии (на материалах Новороссийского университета) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2010. Випуск 12. С. 174-187.
48. Украинский ландшафт бициллиеведения: историографический контекст // Эсхатос: философия истории в предчувствии конца истории. Одесса: ФОР «Фридман А.С.», 2011. С. 16-30.
49. Новороссийский университет как научная школа: К постановке проблемы // Университеты Юга России: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 15 февраля 2011 г.). Ростов н/Д.: Foundation, 2011. С. 252-257.
50. П.М. Бицилли в контексте схоларной истории // Древнее Причерноморье. Випуск IX / Глав. ред. И.В. Немченко. Одесса: ФОР «Фридман А.С.», 2011. С. 404-410.
51. П.М. Бицилли: личность и творчество на переломе пути // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-начала XXI века. Материалы конференции. Челябинск, 17-19 ноября 2011 г. М.: ИВИ РАН, 2011. 289 с.
52. Несколько фактов из персональной истории П.М. Бицилли: К вопросу о достоверности его-документов // Древнее Причерноморье. Випуск X / Глав. ред. И.В. Немченко. Одесса: ФОР «А.С.Фридман», 2013. С. 514-520.
53. Приближение к Бицилли // «Saved Archives. Документи. Спомени. Публикації. Фото. Контакти». URL: <http://www.savedarchives.net/>
54. К истории бициллиеведения: общий абрис // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Т. 12. Одесса: Симекс-принт. 2013. С. 27-76.
55. В.Э. Крусман в Одессе (К 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Випуск 16. С. 133-147.
56. П.М. Бицилли: новые архивные материалы (к 135-летию со дня рождения) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: ООО «Ладомир», 2014. Випуск 16. С. 148-157 (в соавт.: В.В. Левченко).
57. П.М. Бицилли. Фрагмент биографии // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2015. Випуск 17. С. 136-145.
58. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций: теория, методология, практика // Ейдос. Альманах те-

- орії та історії історичної науки. / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Київ: Інститут історії України НАН України, 2014/2015. Випуск 8. С. 15-40.
59. Биоисториописание в контексте научных традиций: концепты и модели // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Выход 53. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 30-53.
 60. Образ историографии в творчестве П.М. Бицилли (К 135-летию со дня рождения ученого) // Российское научное зарубежье: люди, труды, институты, архивы: сб. науч. тр. / отв. ред. П.А. Трибунский; Институт российской истории Российской академии наук. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 234-247.
 61. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М. А., 2017. 456 с. [Раздел: "Приближение к Бицилли". С. 276-409]¹.
 62. Владимир Эдуардович Крушман: фрагменты персональной истории // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2017. Выход 19. С. 69-91.
 63. П.М. Бицилли: фрагменты семейной истории // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2018. Выход 20. С. 126-147 (в соавт.: В.В. Левченко).
 64. Размышления на два голоса. Читаем книгу: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с. // ПЕРЕ-ПОСТ. Философский журнал. 2019 № 5. URL: <http://philosophy-multidimensionality.com/index.php/component/content/article?id=325> (в соавт.: И. В. Голубович).
 65. Размышления на два голоса. Читаем книгу: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество // Культура украинских философских сообществ: ситуация трансформации: [коллективная монография] / ред. кол. Л.Н. Богатая, И.В. Голубович, К.В. Райхерт; отв. ред Л.Н. Богатая. Одесса: Печатный дом, 2019. С.143-158 [в соавт.: И.В. Голубович.]
 66. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М. А., 2019. 392 с. [Раздел: «Бициллиеведение». С.322-337].².

¹ **Рецензії:** *Киселева Ю. А.* Методологічний і етичний потенціал біоісторіографії: враження від книги: Рец. на кн.: Попова Т. Н. *Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика.* Одесса, 2017. 456 с. // Харківський історіографічний збірник. Харків.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2017. Випуск 16. С.291-295; *Гребцова І.С.* Біоісторіографія: традиції і новачки в вивченні вищого історичного освіти в Україні: Рец. на кн.: Попова Т. Н. *Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика.* / Т.Н. Попова. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. 455 с. // Вісник ОНУ. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2018. Т.23, Випуск 1. С.201-204; *Ясь Олексій.* [Рец.] Попова Т. *Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика.* Одесса: Бондаренко М. А., 2017. – 456 с. // Український історичний журнал. 2018. № 4. С. 220-225 и др.

² **Рецензії:** *Олексій Ясь* [Рецензія на кн.:] Попова Т. *Дисциплинарный образ науки:*

67. К биографии Н.Я. Шведовой: Из семейной истории П.М. Бицилли (К 140-летию со дня рождения) // Воронцовский сборник. Выпуск 9. Сборник научных статей. Одесса: ООО «Удача», 2019. С.65-75.
68. Авто-био-историографические заметки. Одесса: Бондаренко М.А., 2020. 296 с. [о П.М. Бицилли: с. 53, 57, 69, 271].
69. Бициллиеведение: имена и смыслы // Стародавнє Причорномор'я. Випуск XIII / Голов. ред. І.В. Немченко. Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2021. С. 337-345.
70. О понятии «микроскопический анализ» в творчестве П.М. Бицилли // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания : материалы Междунар. науч. конф. (Чебоксары, 23 апр. 2021 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2021.
71. П.М. Бицилли: ближний круг (из семейной истории) // Материалы международной конференции «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли» (Москва 18-19 ноября 2019 г.) (в соавт.: В.В. Левченко) /в печати/.
72. Бициллиеведение: к вопросу о научном статусе // Материалы международной конференции «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли» (Москва 18-19 ноября 2019 г.) /в печати/.

Литература об авторе ¹

1. **Бирман М.** П.М. Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, **2006**. С. 636, 637, 638, 644, 645, 646, 647, 650, 653, 655, 656, 657, 658, 659, 661, 769.
С. 636: «Материалами одесских архивов обогатила наши представления об одесском периоде жизни ученого доцент университета в Одессе Т.Н. Попова. Она же выступила одним из организаторов в 1999 г. в Одессе научной историографической конференции, посвященной 120-летию рождения Бицилли».
2. **Бирман М.** Этапы, вехи и парадоксы бициллиеведения (К постановке вопроса) // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса Велико Търново, **2009**. С. 287, 288, 289.
С. 288: «О ПМБ – историке опубликовали большое число разнообразных работ проф. Т.Н. Попова и ее ученик, молодой одесский историк Д.А. Шумейко...»
С. 289: «... в СПб., а затем в Одессе, почти одновременно вышли две книги [Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 244 с.; Т.Н. Попова «Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета». Одесса: Астроприн, 2007. 536 с.], принадлежащие авторам, бициллиеведам со стажем. Обе книги подводят итоги бициллиеведческих исследований разных пластов творчества ученого. <...> В большом очерке в многопрофильной книге [Т.Н. Поповой] (Бицилли отведено в ней около 120 страниц) автор освещает творческую судьбу ученого в одесский период его жизни и первый этап его пребывания в эмиграции. Обе книги, богатые идеями, наблюдениями и информацией в избранном исследовательском поле, являются бесспорными удачами опытных авторов-исследователей».
3. **Шумейко Д.** Творческое наследие П.М. Бицилли: одесский период // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Втора част. Бицилизнанието в международното интелектуално пространство: състояние и перспективи. Том десети. Одеса Велико Търново, **2009**. С. 317-318, 328-329:
С. 317-318: «...на сегодняшний день жизнь и творчество П.М. Бицилли изучены весьма неравномерно, ряд сюжетов остаются на пе-

¹ Указанные страницы – ссылки на автора и его работы.

риферии исследовательского внимания. Наиболее полно рассматриваемая проблематика [одесский период] представлена в работах Т.Н. Поповой, опубликованных на протяжении двух последних десятилетий. На основании неизвестных ранее архивных материалов, исследователь впервые воссоздала основные события первого сорокалетия жизни П.М. Бицилли, показала его становление как ученого и преподавателя Новороссийского университета. Т.Н. Попова исследовала своеобразие научного мышления ученого, характерные для него приемы и методы работы, определила “главные линии сплетающие узор научных размышлений Бицилли” в одесские годы. Т.Н. Попова высоко оценивает значение одесского периода в творческой эволюции ученого, поскольку труды, созданные П.М. Бицилли, в эмиграции – это, по ее мнению, не “начало новых тем”, а “завершение, с одной стороны, той работы, которую он уже вел в Одессе, и продолжение, с другой – тех исследовательских направлений, которые он разрабатывал...”. Свообразным итогом многолетних изысканий исследователя стала монография “Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета”, один из наиболее объемных разделов которой посвящен П.М. Бицилли. Монография продемонстрировала качественно новый уровень биоисториографического анализа жизни и творчества ученого. Базируясь на материале одесского и сербского периодов творческой биографии профессора, Т.Н. Попова уделяет первоочередное внимание реконструкции его “научного кредо”, анализирует истоки и сущность теоретико-методологических воззрений П.М. Бицилли, характерное для него понимание сущности исторической науки и “постижения истории”».

4. **Косик В.И.** [Рец.:] «Погасло дневное светило...». Руската литературна емиграция в България 1919-1944. София, 2010. 461 с. // Славяноведение. 2011. № 4. 91-95.

С. 94: «Ее [Т.Н. Поповой] стиль характеризуют четкость, определенная тезисность, ясность мыслей без обволакивания “умным туманом”. Впечатление... самые отрадные». [Рецензия на статью Т.Н. Поповой «Бициллиеведение – состояние, проблемы, перспективы», опубликованную в сборнике: «Погасло дневное светило...». Руската литературна емиграция в България 1919-1944. / Българска Академия на науките. Институт за литература. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2010. С. 334-348.].

5. **Довгополова О.А., Каменских А.А.** Вводное слово // Эсхатос: философия истории в предчувствии конца истории. Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. С. 5-14.

С. 11: «П.М. Бицилли – мыслитель удивительно современный <...> он...умел в “возвышенном историческом опыте” (пользуясь определением Ф.Р. Анкерсмита) пережить тот момент прикосновения к

прошлому, который делает более ясным наше пребывание в собственном времени/ <...> Направление взгляда в эту сторону определяла уже Т.Н. Попова, к исследованиям которой мы отсылаем интересующихся» [См.: *Попова Т.Н.* Дисциплинарное сообщество историографов на исходе Постмодерна (фрагменты размышлений) // *Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки.* / Головний редактор В. Смолій; відповідальний редактор І. Колесник. Випуск 4. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. С. 210-235].

6. **Дьомін О.Б.** Відданість науці та історичному факультету // *Записки історичного факультету.* Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2013. Випуск 24. С. 194-187.

С. 196-197: [Т.М. Попова] «...виступила відкривачем конкретно-історичних пошуків відносно долі більшості одеських істориків Імператорського Новоросійського університету <...> Конкретно-історичний матеріал у поєднанні із теоретичними узагальненнями дав той сплав, який визначає авторське фундаментальне вирішення проблеми. Для одеських істориків вона знаменна тим, що авторка вперше подала такий глибокий процес інституціалізації окремих дисциплін історичної науки в рамках Новоросійського університету. Але зважаючи на те, що подібну роботу все ще не зробили науковці інших університетів пострадянського простору, її книга [“Істориографія в лицах, проблемах, дисциплінах: Из истории Новороссийского университета”. Одесса, 2007] представляє певний взірєць і для істориків європейського загалу <...> безсумнівний її доробок, крім вже вищесказаного, в сфері історичної біографістики та персональної історії, теоретичному осмисленні історіографічного процесу, створенні біцїллізнавства як окремого напрямку історичних досліджень тощо».

7. **Галчева Т.** Неизвестные свидетельства об А.П. Мещерском. URL: <http://www.savedarchives.net/>

С. 1: «За последние годы М.А. Бирман и Т.Н. Попова – исследователи, проявившие наиболее живой и продолжительный интерес к различным проблемам, связанным с изучением биографии и творчества П.М.Бицилли (1879-1953), опубликовали тексты, которые не только являются ретроспективным обзором того, что было сделано, но и поднимают ряд вопросов по отношению к предстоящим усилиям и нереализованным до сих пор возможностям, касающимся изучения наследия этого замечательного историка».

С. 10: «Вопросы о том, как составлялась “Библиография трудов...”, как в ней появился биографический очерк, как потом был обнаружен болгарский ее вариант поставила на обсуждение во время нашей встречи в Одессе и в последующих разговорах Т.Н. Попова – многолетний исследователь “одесского” периода в жизни ПМБ. Она подтолкнула нас к изъяснению истории рукописи АПМ, оказала огромную помощь

своими соображениями и предоставлением материалов из своего архива. Пользуемся случаем выразить ей свою благодарность».

8. **Одеський національний університет імені І.І. Мечникова (1865–2015): історія та сучасність** / гол. ред. І.М. Коваль ; Одеський нац. ун-т ім. І.І. Мечникова. Одеса: ОНУ, 2015. – С.122-123, 125-127, 136, 138, 140-143, 146, 249, 456, 781-785.

С. 784: «Т.М. Попова заклала новий напрям в українській історичній науці – дисциплінарна історія історіографії та інституалізація історії історичної науки, розробила теоретико-методологічні та конкретно-історіографічні аспекти проблеми дисциплінації історіографії. Однією з складових проблеми є дослідження наукової спільноти історіографів в системі університетської науки. Особистісний вимір цього рішення виявлений через діяльність професорів ІНУ О. Г. Брікнера, О. М. Маркевича, Є. М. Щепкіна, В. Е. Крусмана, П. М. Біцилли, Є. П. Трифільєва та інших, які репрезентували процес становлення та розвитку співтовариства історіографів на регіональному рівні. Це дозволило автору вийти на теоретичне обґрунтування ще одного наукового напрямку – біцилієзнавства і вперше дати реконструкцію одеського періоду життя П.М. Біцилли».

9. **Галчева Т.Н., Голубович И.В.** «Понемногу приспособляюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. I-е изд. София: Изд-во Солнце, 2015. С. 11, 13, 41, 46, 60-61, 69, 89-90, 103, 130, 132, 144, 152, 154, 160, 195, 238, 285, 292, 297.

С. 144: «Вопрос о том, насколько важны письма П.М. Бицилли, сохраняющиеся в архиве РАН, для понимания биографии ученого и особенно для изучения этапов его творческой деятельности в процессе создания фундаментальной работы “Очерки теории исторической науки”, поставила Т.Н. Попова (Попова 2007; 380-388). У нее была возможность рассмотреть лишь несколько писем из этого фонда, однако несмотря на это исследовательница высказала предположения, которые актуальны и сегодня, но требуют дополнительного анализа».

С. 285: «Т.Н. Попова (Попова 2007; 384), вводя в научный оборот часть широко известных сегодня благодаря интернету писем П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому, впервые поставила вопрос о том, печатал ли сам П.М. Бицилли свои рукописи».

С. 132: «Данный источник был введен в научный оборот Т.Н. Поповой (Попова 2007; 381-384)». [Речь идет о письме П.М. Бицилли к А.В. Флоровскому от 2 ноября 1923 г. (АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 140. Л.4)].

С. 292: «...мы рассматриваем...аспект привлечения “чужого”, включения его в собственную исследовательскую систему. Но, кроме того, возникает еще вопрос о выборе авторов историографических обзоров. Т.Н. Попова специально акцентирует на этом внимание исследователей насле-

- дия П.М. Бицилли: “Вопрос ‘избирательности’ автором историографических источников – еще ждет своего внимания” (Попова 2007; 396)»¹.
10. **Галчева Т.Н., Голубович И.В.** Забота о себе в опыте русской эмиграции (по материалам эпистолярного наследия П.М.Бицилли // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Часть 1: Постоянство пребывания с собой. М.: Канон+, 2015. С.83: «Т.Н. Попова впервые поставила вопрос о формировании бициллиеведения как нового междисциплинарного исследовательского направления».
11. **Бирман М.А.** П.М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. – М.: Водолей, 2018. – С.13-14, 17-18, 27-32, 34-36, 40, 44, 49, 53, 393-394, 398, 400-408 и др.
С.12-13: «...наиболее крупные по значимости, на мой взгляд, труды... фактически итоговые работы давно занимающихся изучением творчества Бицилли исследователей: книга М. Велевой [Българската съдба на проф. П.М.Бицилли. София: Изд-во «Гутенберг», 2004. 162 с.]... и два больших исследовательских сводных очерка о ПМБ, имеющих характер самостоятельных монографий: они напечатаны в составе двух почти одновременно вышедших многопрофильных книг [Б.С. Каганович, 2007; Т.Н. Попова, 2007]».
С.14: «...назрела потребность в больших сводных критико-библиографических и историографических... обзорах накопившейся бициллиеведческой литературы. Назовем значительный труд в этой сфере: Попова Т.Н. “Приближение к Бицилли” (этюд из книги “Жизнеописание ученого...”», Одесса, 2017. С. 276-409)».
12. **Гентшке В.Л.** Исследователи Русского зарубежья: биобиблиографический словарь = The Researchers of Russian Diaspora: Biobibliographical Reference Book. Выпуск 2 / В.Л. Гентшке, И.В. Сабенникова, А.С. Ловцов. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С.295-296. [Попова Татьяна Николаевна, Украина].
13. **Голубович И.** Калейдоскоп образов на фоне эпох [Рец.: Попова Т.Н. Авто-био-историографические заметки Одесса, Бондаренко, 2020] // «Дерибасовская – Ришельевская». Альманах. Одесса, 2021. № 1 (84). С.372-375. [Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека». Издается с 2000 г.]
С.375: [В книге] «...штрихи к “портрету” той междисциплинарной гуманитарной области, объединившей ученых многих стран и не состоявшейся бы без активного майевтического “родовспоможения” Татьяны Николаевны. Речь идет о “бициллиеведении”, многогранном

¹ Речь в данном случае идет о специфике исследовательской работы П.М. Бицилли, которую тщательно анализируют Т.Н. Галчева и И.В. Голубович. С. 277-278. (Раздел: «Чья эта рукопись?». С. 235-293.).

коллективном исследовании жизни, творчества, научного наследия в современных контекстах одного из самых выдающихся представителей символической корпорации одесского истфака, не знающей временных границ, Петра Михайловича Бицилли (1879 (Одесса) – 1953 (София). В данном случае, как во многих других “интеллектуальных маршрутах” Т.Н. Поповой, это не беспристрастное исследование, а “возвращение имени”, возвращение из-под запрета советских времен и постоянное напоминание о своем герое в наше страдающее мгновенной амнезией и катастрофической утратой исторического сознания время».

Наукове видання

Попова Тетяна Миколаївна

**ПЕТРО МИХАЙЛОВИЧ БІЦІЛІ
ПОРТРЕТ В МАНЕРІ
«Сфумато»**

(російською мовою)

Худ. оформлення:

Ідея – *Т.М. Попова*

Дизайн та комп'ютерне верстання – *О.В. Бевзюк*

Здано у виробництво 28.03.2021 р. Підписано до друку 04.05.2021 р.
Формат 70×100/16. Папір офсетний. Гарнітура TimesNewRoman.
Друк офсетний. Ум. друк. арк. 45,5. Наклад 300 прим.
Зам. № 1207/3.

Надруковано у друкарні «Апрель»
ФОП Бондаренко М. О.
65045, м. Одеса, вул. В. Арнаутська, 60
тел.: +38 048 700 11 55
www.aprel.od.ua

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців ДК № 4684 від 13.02.2014 р.

